

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

1 (51)

Январь – Февраль – Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2016

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),
член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. НАНА *И.А. Бабаев* (Баку),
член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва), проф. *П. Каллиере* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), член-корр. НАНУ *С.Д. Крыжицкий* (Киев),
проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем), проф. *К. Липполи* (Турин),
акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва), д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва),
д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь), проф. *М. Ольбрихт* (Жешув),
акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент), проф. *А.Ф. Строев* (Париж),
д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин), д.и.н. *Э.Д. Фролов* (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),
д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаилов* (ответственный секретарь, Москва), д.и.н. *Е.Г. Дэвлет* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
д.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@masu.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

1 (51)

January – February – March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2016

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Yl'yas Babaev* (Baku),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Eduard Frolov* (Saint-Petersburg),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Sergey Kryzhitsky* (Kiev), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuri Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Alexander Stroeve* (Paris), Prof. *M. Yu. Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *Ekaterina Devlet* (Moscow), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Prof. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexander Vlaskin* (Magnitogorsk)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@masu.ru

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древний Восток

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 5–21
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 5–21
©Автор(ы) 2016

ДЕСПОТИЗМ В ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМОЙ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

С.А. Давыдов

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург,
licurg@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема деспотизма в практике управления хозяйственной системой Древнего Египта. На основе анализа нарративных источников автор выдвигает предположение о том, что древнеегипетские дисциплинарные санкции в целом не отличались чрезмерной жестокостью, а деятельность чиновников ограничивалась системой культурных и институциональных рамок, находилась под социальным контролем.

Безусловно, при управлении хозяйственным комплексом масштабов, подобных египетскому, руководители не могли обойтись без применения негативных санкций. И оттого нет ничего странного в том, что наказания составляли важную часть системы управления мотивацией и важным средством формирования конформизма работников. Но египетские правители неустанно заботились о выработке норм, ограничивавших спонтанность процесса принятия решения о наказании и определявших долгий путь согласования меры дисциплинарного взыскания на разных уровнях бюрократической пирамиды. Кроме того, нормотворцы нильского государства отнюдь не перегружали ее смертной казнью – мерой, широко распространенной в других странах Древнего мира. На основе имеющихся данных можно судить, что острие этого пугающего инструмента редко было направлено на предотвращение даже самых тяжких хозяйственных преступлений, например, таких как «нецелевое» использование имущества дома Бога.

Не обнаруживает древнеегипетская система управления хозяйством и явных проявлений другого признака, тесно связанного с понятием деспотизма – самоуправства, чинимо-

Давыдов Сергей Анатольевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Санкт-Петербургского государственного экономического университета.
E-mail: licurg@inbox.ru

го правителями и сановниками. Сегодня не вызывает сомнений, что лица, включенные во властную вертикаль Древнего Египта, вынуждены были осуществлять свою деятельность в рамках тесных социальных и культурных ограничений.

Ключевые слова: Древний Египет, управление, дисциплинарные санкции, деспотизм, хозяйственная система

В современном научном сообществе до сих пор циркулирует мнение о том, что древнеегипетская система управления хозяйством была порождена произволом жестоких правителей и покоилась на страхе и несправии социальных низов, в силу чего не представляет значительного интереса для современной практики¹. В немые свидетели деспотичности древнеегипетских практик управления хозяйством обычно призываются дошедшие до нас циклопические сооружения, которые при достигнутом египтянами уровне развития средств производства едва ли удалось бы создать без принуждения к труду огромных и хорошо организованных масс людей. Кроме того, в пользу процветания деспотизма в нильском государстве могла бы свидетельствовать блистающая своей завершенностью иерархическая структура древнеегипетского общества, которая, согласно распространенному мнению, могла возникнуть только в ходе длительного развития. Ну а то, что Египет за явным преимуществом выиграл цивилизационную гонку у Междуречья и первым на Ближнем Востоке построил централизованное государство, могло бы говорить о том, что и вступил он в эту гонку прежде других, и, следовательно, оказался наиболее удаленным от добродетелей современного общества – легитимности рациональной бюрократии, развитой системы правовой защиты и независимости личности².

Восприятию Древнего Египта как первой восточной деспотии немало способствовало и то обстоятельство, что в отличие от, например, жителей Месопотамии, позаботившихся о том, чтобы оставить современному исследователю сведения о характере управления хозяйственной жизнью на десятках тысяч прекрасно сохранившихся глиняных табличках, египтяне оказались куда менее предусмотрительными. Папирус и кожа, которые в большинстве случаев использовались ими как носитель информации, были материалом недолговечным и легко подвергаемым порче. И потому не кажется странным, что до нас дошло ограниченное число древних свитков, равно как и то, что записанные на них тексты оказываются сильно поврежденными, а содержащаяся в них информация носит отрывочный характер. В условиях дефицита информации даже добросовестный исследователь во многих случаях попросту вынужден строить анализ системы управления хозяйственной жизнью Древнего Египта на основе широкого привлечения метода исторической реконструкции.

В ходе реализации этого метода при интерпретации известных нам социальных фактов сложно удержаться от искушения использовать современные ценностные и научные критерии, а следовательно, избежать этноцентризма при оценке культурно-хозяйственных практик «гидравлических» обществ, приписывая им антигуманизм и неспособность к прогрессу³. Однако если исследователю все же

¹ Струве 1950.

² Маркс 1958, 710.

³ Wittfogel 1957.

удается остаться на позициях культурного релятивизма, то у него появляется возможность сформировать более адекватную модель восприятия системы управления хозяйственным комплексом Древнего Египта.

Прежде всего, можно поставить под сомнение справедливость распространённого и по сей день в науке мнения о том, что в управлении хозяйством представители правящей верхушки Древнего Египта проявляли безудержную жестокость по отношению к своим подчинённым. Безусловно, при управлении хозяйственным комплексом масштабов, подобных египетскому, руководители не могли обойтись без применения негативных санкций. И оттого нет ничего странного в том, что наказания составляли важную часть системы управления мотивацией и важным средством формирования конформизма работников.

Наиболее распространённой мерой взыскания и принуждения в Древнем Египте были телесные наказания, в частности палочные удары. Это наказание настолько прочно вошло в практику хозяйственной жизни египтян, что сцены палочных расправ можно нередко увидеть изображёнными на стенах гробниц высокопоставленных чиновников в качестве будничных эпизодов их жизни⁴.

«Видел я побои, видел я побои!» – восклицает Ахтой, убеждающий своего сына Пиопи не уклоняться от учения и тем самым вырваться из социальной страды, обречённой постоянно переносить телесные наказания⁵. Однако и высокий статус человека не гарантировал его физической неприкосновенности. Например, один из высокопоставленных сановников, поставленный начальником над ремесленниками, в своей посмертной надписи среди прочих своих жизненных достижений не забыл сообщить о том, что «ни разу не били (меня) пред сановником каким-либо с рождения (моего)»⁶. Известно, что палочные экзекуции применялись даже в отношении приближённых египетских царей.

О широком применении в хозяйственной практике наказания палкой говорит и дифференциация видов палочных ударов. Например, папирус Анастасии IV, относящийся к позднему периоду Нового Царства, содержит сведения о двух видах таких ударов. Документ повествует об участии воина, которого «приводят ещё маленьким, чтобы запереть в казарму. Удар-ишфи наносится по животу его, удар-перш – по бровям его. Голова его разбита в кровь. Повергают его, причем он извивается, как лист папируса. Он разбит из-за битья»⁷.

Говоря о телесных наказаниях в Древнем Египте, следует отметить одно обстоятельство, на которое специалисты прежде не обращали внимания. Похоже, что практика их применения в отношении работников, занятых в государственном хозяйстве, принципиально отличалась от той, с которой сталкивались самозанятые работники, связанные с государством лишь арендными и фискальными отношениями.

И действительно, документы Нового Царства свидетельствуют, что работающие «на себя» нарушители хозяйственных обязательств перед государством, а также перед другими хозяйственными агентами по решению судебных органов связывались и заключались под стражу (в формулировке из Берлинского папиру-

⁴ Савельева 1962, 128–129.

⁵ Helck 1955, 1299.

⁶ Перепелкин 1988, 143.

⁷ Sethe 1905–1909, 106.

са № 9775 «люди стояли за их спиной» – С.Д.). И уж совсем пугающую картину принуждения к исполнению обязательств рисует папирус Саллье I. Документ повествует о суровой участи земледельца, не сумевшего выплатить налог с урожая в связи с гибелью посевов и обессиливанием рабочей скотины. Сборщика налогов не интересуют причины недоимки. Он полон решимости получить свое сполна и призвать к ответу должника: «Писец причаливает к берегу. Он записывает урожай. Его помощники с палками, кушиты – с жилами пальмовых листьев. Они (говорят): «Дай, ты, ячмень». Нет (его). Они бьют его битьем-перш. Он связан и брошен в колодец. Он погружен в воду вниз головой, его жена связана перед ним, его дети скручены. Его соседи оставляют их, убегая, и пропал их ячмень»⁸.

Совсем иначе в ту же самую эпоху выглядит порядок применения наказаний работников, занятых в государственном секторе. Так, должностная инструкция предписывала верховному сановнику неустанно следить за регламентом применения телесных наказаний в подконтрольных ему «палатах» – территориально-производственных объединениях государственного хозяйства. «Пусть ни один сановник не присваивает себе права приговора в его палате, – говорится в инструкции. – Если возникнет жалоба на одного из сановников, присутствующих в его палате, то он велит привести его в судебное присутствие. Это верховный сановник накажет его соответственно его проступку. Пусть ни один сановник не присваивает себе права телесного наказания в его палате»⁹.

Мы не можем достоверно объяснить, почему порядок применения санкций по отношению к работникам, занятым в государственном и негосударственном секторах Древнего Египта, имел столь заметные различия. Если жестокости по отношению к свободным хозяйственным агентами не были проявлением чиновничьего произвола или чрезмерного служебного рвения мытарей, то можно предположить, что тем самым законодатели подчеркивали свое безразличие к тому, в какой сфере был занят работник. Но в любом случае у нас имеются основания воздержаться от излишне строгих оценок дисциплинарных практик, применявшихся при управлении государственным хозяйством Древнего Египта и уж тем более не считать их проявлением деспотизма правителей. Ведь последние все же заботились о выработке норм, ограничивавших спонтанность процесса принятия решения о наказании и определявших долгий путь согласования меры дисциплинарного взыскания на разных уровнях бюрократической пирамиды.

В последнее время в научной литературе все чаще находит свое отражение еще один момент, характеризующий относительную гуманность модели управления хозяйственной жизнью в Древнем Египте. Исследователи фокусируют свое внимание на том, что нормотворцы нильского государства отнюдь не перегружали ее наиболее суровой карой, широко распространенной в других странах Древнего мира – смертной казнью¹⁰.

Причины этого явления, по-видимому, кроются в императивах духовной культуры древних египтян, предписывающих человеку воздерживаться от умышленного причинения смерти другим людям. Они проистекали из представлений египтян о грехе и посмертном пути усопшего, желающего обрести прощение. Эти

⁸ Sethe 1905–1909, 105.

⁹ Sethe 1905–1909, 103.

¹⁰ Демидчик 2006, 10–14; Нежинский 2009, 157–160.

представления изложены в «Текстах Саркофагов», «Текстах Пирамид» и «Книге Мертвых».

Согласно им, после смерти каждый проделывает полный опасностей путь, по завершение которого достигает Зала Двух Истин и предстает перед судьей – богом Осирисом. На посмертном суде усопший произносит 42 отрицания в причастности к грехам, после чего его сердце взвешивается на Весах Правосудия. Полный перечень грехов приводится в 125 главе «Книги Мертвых» и вложен в уста усопшего, обращающегося к Великому Богу: «Вот я пришел в тебе. Я принес тебе правду, я отогнал ложь для тебя. Я не поступал несправедливо ни с кем; я не убивал людей. Я не творил зла вместо справедливости. Я не знаю ничего, что нечисто. Я не притеснял бедного. Я не делал того, что мерзко богам. Не оскорблял я слугу перед хозяином. Я не причинял никому страданий. Никого не заставлял плакать. Я не убивал и не заставлял убивать. Я никому не причинял боли. Я не уменьшал жертвенную еду в храмах. Я не уносил хлеба богов. Я не присваивал заупокойных даров. Я не развратничал. Я не мужеложествовал. Я не уменьшал меры зерна. Я не убавлял меры длины. Я не покушался на чужие поля. Я не утяжелял гири весов. Я не облегчал чаши весов. Я не отнимал молока от уст младенца. Я не уводил скот с его пастбищ. Я не ловил птиц богов, не удил рыбу в их водоемах. Я не задерживал воду в ее время. Я не строил запруд на текущей воде. Я не гасил огонь в его время. Я не удалял скот от имущества Бога. Я не задерживал Бога при его выходах. Я чист, я чист, я чист, я чист!»¹¹.

Мы привели текст 42 отрицаний без сокращений намеренно. И сделали это не только для того, чтобы проиллюстрировать, что убийство человека действительно входило в перечень запрещенных деяний, но и чтобы зафиксировать внимание читателя на том факте, что оно является единственным грехом, о непричастности к которому усопший заверяет бога дважды. И, вероятно, это неспроста. Можно предположить, что этим авторы «Книги Мертвых» хотели подчеркнуть особую тяжесть убийства как греха и особое значение непричастности к нему.

Имеются основания считать, что религиозный императив «не убий» оказывал на египтян весьма сильное влияние. Даже в период боевых действий, которые время от времени вспыхивали на берегах Нила и за пределами Египта, убийства не становились массовым явлением. Нам это может показаться удивительным, но в ходе столкновений многотысячных армий счет потерям велся на десятки, в худшем случае – сотни человек с обеих сторон. Например, в ходе битвы у Мегиддо во время первого похода Тутмоса III войска царя добыли ему 84 руки (в доказательство своих побед египтяне отрезали у поверженных врагов руку – *С.Д.*), а во время последнего похода царя на 42 году царствования было захвачено три города, при этом было добыто в общей сложности 29 рук. Наибольшие масштабы кровопролития в Новом Царстве рисует нам стела Аменхотепа II из Мит-Рахине. Но и здесь задекларированное количество отрубленных рук составило 372¹², и это при том, что описанные в документе заслуги и победы царя представляются явно преувеличенными (согласно тексту, ночью он, не смыкая глаз, караулит на посту,

¹¹ Чегодаев 1994, 141–151.

¹² Helck 1955, 1307.

повергает в одиночку отряд врагов и т.д.— С.Д.), а в самом тексте допускаются неточности даже при арифметических подсчетах завоеванных трофеев¹³.

Впрочем, отрицательные установки сановников и правителей на применение смертной казни проистекали не только из религиозных запретов. Они имели и светские основания. Так, в поучениях, оставленных египетскими царями своим преемникам, рефреном звучит призыв к неприменению смертной казни по отношению к подданным. Например, в Поучении пятого Гераклеопольского государя царевичу Хети, будущему царю Мерикара, говорится: «Не убивай никого из приближенных к тебе, благоволи ему ради собственной пользы, ведь он уже испытан перед богом: даже один из них — это твое процветание на земле, когда сами боги оберегают царя. Внуши любовь к себе всей стране; добрый нрав — это добрая память, когда минут годы»¹⁴. И хотя автор поучений все же оставляет за преемником право на применение смертной казни, он призывает использовать эту меру только в отношении строптивцев, покусившихся на незыблемость государственных устоев и общественный порядок. «Остерегайся карать опрометчиво, — увещевает он, — не убивай, нет тебе в этом пользы. Ты станешь наказывать побоями и заключением, и благодаря этому обустроится вся страна; исключение лишь для бунтовщика, чей замысел раскрыт. Бог достоверно знает строптивцев, но бог отвергает проливающих кровь: милосердный продлевает время своей жизни»¹⁵.

Традиция причинения смерти в качестве исключительной и вынужденной меры, как следует полагать, является инвариантой египетской системы управления хозяйством не только для Древнего Царства, которое и вовсе не оставило нам документальных следов применения смертной казни, но даже во времена Среднего и Нового Царств, когда наказание смертью перестает быть редкостью.

Кроме того, обращает на себя внимание неизменность перечня преступлений, за которые правители допускали применение смертной казни: как и прежде, она использовалась по отношению к египтянам, осуществляющим антигосударственную деятельность. Например, современник Яхмоса I говорит, что, завершив подавление восстания в Куше, царь «поплыл вниз по Нилу, имея все зарубежные страны у себя в кулаке и того подлого нубийца-кочевника висящим вниз головой на носу царского судна его величества»¹⁶. Аменхотеп III спустя некоторое время и вовсе отдал приказ убить всех восставших, которые были захвачены в плен в ходе карательной операции в том же Куше. Такой вывод мы можем сделать по прочтении сообщения о восстании на этой территории, высеченного на стеле наместника Нубии Меримеса. В нем, кроме прочего, содержится и хвалебное высказывание о владыке Египта: «Ты заставляешь говорить мятущихся против себя: «Поразило нас пламя имени наши!» Убиты для тебя противники твои все, будучи поверженными под стопами твоими»¹⁷.

Впрочем, говоря о практике применения смертной казни в Древнем Египте, следует обратить внимание и на то, что даже по отношению к изменникам она применялась далеко не всегда. Те из них, действия которых не наносили непо-

¹³ Helck 1955, 1309.

¹⁴ Демидчик 2005, 202.

¹⁵ Демидчик 2005, 195.

¹⁶ Sethe 1905–1909, 110.

¹⁷ Helck 1957, 1661.

средственного ущерба социальной стабильности или не могли причинить вреда, избегали смерти, а иногда и самого судебного преследования. Например, при взятии сирийского города Яффы египетским полководцем Тхутием, военачальником Тутмоса III, победители ограничились тем, что «овладели они городом, и малыми и великими, и связали их, и надели колодки тотчас же»¹⁸. Совсем не людоедским выглядит и пункт договора между Рамсесом II и хеттским царем Хаттушилем, касающийся выдачи египетских перебежчиков. В договоре, подписанном египетским царем и, следовательно, вполне выражающем его представления о возмездии преступникам, значится: «Если убежит из земли египетской один человек, или два, или три, чтобы пойти к великому князю страны хеттов, великий князь страны хеттов должен схватить их и повелеть отправить обратно к Рамсесу II, великому правителю Египта. Что же касается человека, которого приведут к Рамсесу II, великому правителю Египта, пусть не взыщут с него его вины, пусть не уничтожат его дом, его жен и его детей, (пусть не убьют его), пусть не повредят его глаз, его ушей, его рта и ног... все его»¹⁹.

Принимая во внимание исключительность применения смертной казни даже за тяжкие преступления, кажется понятным, почему преступления в хозяйственной сфере в основной своей массе не наказывались смертью. На основе имеющихся данных можно судить, что острие этого пугающего инструмента редко было направлено на предотвращение даже самых тяжких хозяйственных преступлений, например таких, как «нецелевое» использование имущества дома Бога – материальных ценностей, а также земельных и людских ресурсов, принадлежащих храмам. Эти нарушения были вызваны тем, что, используя свое законное право производить мобилизацию экономических и трудовых ресурсов для организации общественных работ, некоторые государственные сановники иногда проявляли излишнее служебное рвение и нарушали иммунитет храмовых имущественных комплексов. Обращает на себя внимание при этом, что в периоды, когда власть располагала достаточным символическим капиталом, вырабатываемые ею негативные санкции отличались большей мягкостью, чем в периоды, когда она утрачивала свой авторитет.

Так, декрет «А» из Коптоса, изданный в конце времени правления царя Пиопи II в эпоху Древнего Царства в промежутке от 2500 до 2400 г. до н. э., предписывает: «Что же касается начальника Верхнего Египта, который произведет их набор, или же какого-либо главы, какого-либо начальника отрядов Верхнего Египта, какого-либо начальника деклараций, какого-либо родственника царя, какого-либо начальника..., какого-либо начальника царских людей, который мобилизует их согласно документу о наборе, который будет принесен в канцелярии дома царских документов, дома настоятелей угодий, дома документов, снабженных печатью, чтобы они были отправлены на какие-либо работы дома царя, тот впал в дело враждебное»²⁰.

Можно предположить таким образом, что в период Древнего Царства, когда авторитет фараона был непререкаемым, а сам он приравнялся к богу, запреты на реквизиции храмового имущества могли и вовсе не сопровождаться негатив-

¹⁸ Gardiner 1932.

¹⁹ Muller 1905, 95.

²⁰ Weill 1912, 705–726.

ными санкциями. Для предотвращения этого, вероятно, было достаточно лишь морально-оценочных суждений и угрожающих предупреждений. Те же правовые документы эпохи Древнего Царства, которые содержали конкретные санкции за незаконные реквизиции, все же не устанавливали излишне суровых наказаний. К примеру, такие санкции значатся в указе царя Нефериркара, датируемом XXV в. до н.э. и высеченном на известняковой плите в развалинах храма Осириса в Абидосе. Указ был направлен на защиту храмового имущества от экспроприации, а также челяди храмов от призыва на обязательные царские работы и завершался перечислением мер взыскания для лиц, превысивших свои служебные полномочия и тем самым нарушивших государственное царское право. В документе, адресованном начальнику жрецов Тинитского нома Хемуру, говорится: «Что же касается всякого человека нома, который захватит каких-либо жрецов, которые на какой-либо пашне бога, за которую они жрецествуют в этом номе для дела (в) стаде вместе с работой всякого нома, да пошлешь ты его в судебную палату (причем он сам) будет посещен (в какое-либо стадо или гранитные каменоломни) или (место) пахоты ячменя. (Будет набран) всякий сановник, распорядитель царским имуществом, стражник, который сделает вопреки тому, что (я) приказал, (или) отдан в судебную палату, будет выведен дом, пашня, люди, всякое имущество под ним, (при этом) он будет помещен в какое-либо стадо»²¹. Как можно видеть, здесь законодатель устанавливает, что нарушения его указа должны рассматриваться в суде, причем в качестве санкций за должностные преступления он определяет конфискацию закрепленного за нарушителем имущества, а также понижение его в должности и направление в «стадо» – трудовые отряды, занимающиеся неквалифицированной и изнурительной работой.

В период Нового Царства, когда власть фараонов начинает терять ореол божественности, предусматривалась более суровая кара за незаконное отчуждение храмового имущества. Например, Сети I (XIX династия, 1337–1317 гг. до н. э.) в своем декрете, направленном на защиту от посягательств имущественного комплекса и челяди Дома миллионов лет Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», определяет: «Что касается всякого царского сына Куш, всякого начальника отряда, всякого князя, всякого агента, всякого человека, который уведет какого-либо человека Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» в порядке реквизиции, из округа в округ, (или) по договоренности в качестве обязанного пахать и в качестве обязанного убирать жатву, равным образом того, который уведет какую-либо женщину или какого-либо человека Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», равным образом их рабов в порядке реквизиции для производства какой-либо работы где бы то ни было во всей стране... – закон будет применен против него путем нанесения ему 200 ударов и 5 рваных ран, и будет взыскана работа человека Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» с него (виновника) за каждый день, который он (похищенный) будет работать у него (похитителя), причем он будет отдан в Дом Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе»²². Приведенный пример служит хорошей иллюстрацией того, как мог измениться характер наказаний за хозяйственные преступления в условиях утраты правящей верхушкой Древнего Египта символического капитала. Во времена

²¹ Sethe 1932, 172.

²² Griffith 1927, 198.

XIX династии, когда авторитет власти был уже не столь непререкаемым, как тысячу лет тому назад, нарушитель не ограничивался понижением в должности и конфискацией принадлежащего ему имущества. В дополнение он подвергался еще и палочной расправе, наказывался пятью рваными ранами (как иногда переводится, пятью порезами, т.е. повреждением мягких тканей лица – С.Д.) и компенсировал нанесенный своими действиями ущерб собственным трудом не где-нибудь, а непосредственно в хозяйстве потерпевшего, который, вероятно, едва ли бывал склонен проявлять сентименты в отношении своего обидчика.

Завершая разговор о санкциях, применяемых правящей верхушкой Древнего Египта при управлении хозяйственной сферой, можно резюмировать, что с точки зрения представлений сегодняшнего дня они выглядят хотя и суровыми, но все же не чрезмерными. Наше неодобрение, безусловно, могло бы вызвать широкое распространение телесных наказаний, дисциплинировавших труд исполнителя. Но едва ли использование власти имущими мер физического принуждения ясно указывает на деспотизм их правления: применение этих мер, во всяком случае в государственном секторе хозяйства, все же носило упорядоченный характер, защищавший провинившегося от произвола стоящего над ним начальника. Наибольшую суровость египетские правители проявляли в отношении должностных лиц, незаконно отчуждавших храмовое имущество для организации общественных работ. При этом по мере ослабления символической власти царей подобные хозяйственные преступления влекли за собой все более суровые наказания. Это является косвенным свидетельством того, что проявление жестокости не было имманентно свойственно правящему классу Древнего Египта, а скорее рассматривалось им как мера вынужденная. Другим аргументом в пользу данного предположения является то, что даже самые серьезные нарушения хозяйственного права обычно не приводили к применению смертной казни. Эта крайняя мера использовалась нормотворцем, по-видимому, только по завершении эпохи Древнего Царства и преимущественно в отношении воров и расхитителей, отчуждающих государственное и храмовое имущество для целей личного обогащения. Этим высшие слои Египта не только маркировали особый статус государственного имущества, но и будто бы подчеркивали свое небезразличие к мотивам, которые стояли за его незаконным отчуждением.

Не обнаруживает древнеегипетская система управления хозяйством и явных проявлений другого, пожалуй, наиболее тесно связанного с понятием деспотизма признака – самоуправства, чинимого правителями и сановниками, «властвующими не на основании законов, а по произволу». Ведь сегодня не вызывает сомнений, что лица, включенные во властную вертикаль Древнего Египта, вынуждены были осуществлять свою деятельность в рамках тесных социальных ограничений.

Своими основами они укоренялись в глубинах духовной культуры и институциональной матрицы нильского государства, которые формировали у представителей правящего класса развитое чувство любви к порученному делу и ответственности за него, а также установку на следование существующим предписаниям и нормам.

Прежде всего обратим внимание на то, что являлось предметом гордости египетских правителей, о чем они желали сохранить память в веках. В числе этих деяний мы, безусловно, встретим и военные успехи, и заслуги в подавлении смут

и мятежей. Но важно отметить, что правители почти всегда подчеркивали вынужденный характер проявляемой ими жесткости, объясняя ее необходимостью сохранения социального мира и порядка. В деятельности же, связанной с организацией хозяйственной сферы, цари и сановники усматривали высшую добродетель совсем не в том, чтобы поставить ее на службу собственным интересам, а чтобы наиболее эффективным образом организовать социальное и экономическое воспроизводство подконтрольного им общества.

Вот, например, как рисует в посмертной надписи свой образ добродетельного начальника один из номархов по имени Амени, служивший при фараоне XII династии Сенусерте I (1980–1934 гг. до н.э.). «Не было дочери бедняка, которую я бы обидел, – доносит до потомков он. – Не было вдовы, которую бы я притеснял; не было..., которого бы я отверг; не было пастуха, которому бы я отказал, не было начальника «пятерок» людей, которого захватил бы я из-за податей; не было нуждающихся около меня; не было голодающих в мое время. Когда настали годы голода, тогда возделал я все поля Антилопьего нома до границ его южных и северных. Дал я жить населению его и снабжал я его пищей. Не было голодных среди них; давал я вдове, равно как замужней. Не различал я великого от малого, во всем, что давал я, было много ячменя, полбы и всяких вещей; не отбирал я недоимки с полей»²³.

Похоже, к тем же добродетелям стремились и египетские цари. В частности, Рамзес III с нескрываемой гордостью говорит о том, как он заботился о населении в период своего правления, как бережно и уважительно он относился к подданным. «Я кормил всю страну: будь то мужчины, будь то египетский народ, мужчины и женщины. Я вызволил человека из беды его, и я дал ему дыхание. Избавил я его от сильного, более влиятельного, чем он. Дал я всем людям жить в спокойствии в их городах. Давал я пропитание иным из Дома Утра. Удвоил я снабжение страны, тогда как прежде она была нищей. Страна была сытой весьма в мое правление. Делал я благие дела как богам, так и людям. И не было у меня ничего из вещей других людей. Провел я царствование в качестве правителя Обеих Земель, причем (были) вы рабами у ног моих и не попирали вы вас»²⁴.

В этом отрывке, как в капле воды, находит свое отражение все то, что в древнеегипетской культуре удостаивалось высшей моральной оценки, и деяния, которые считались аморальными. Несложно увидеть, что предметом гордости Рамзеса III являлось то, что непосредственно выражало служебный характер деятельности правителя – обеспечение порядка и социальной стабильности, забота о бесперебойной работе хозяйственного комплекса, защита одного человека от эксплуатации «более влиятельным» другим, помощь нуждающимся, набожность. В то же время в тексте присутствует отрицание насильственного присвоения «вещей других людей» и, что имеет особое значение для нас, прямое отрицание деспотизма, права начальника «попирать» подчиненных.

Не менее определенно отрицается произвол и в поучении пятого гераклеопольского государя Ахтоя Уахкара царевичу Хети. В нем царь пытается сформировать у будущего правителя Мерикара представление о власти как о непрерывном служении, бремени, которое несет правитель, вынужденный забывать о

²³ Sethe 1932, 16.

²⁴ Erichsen 1933, 18.

собственных пристрастиях и всецело отдавать себя интересам дела. Только в этом случае он унаследует высшую ценность, которую только и может иметь правитель – добрую память и репутацию благонаправного мужа. «Царская власть – это прекрасная служба, хоть нет у нее ни сына, ни брата, – говорится в поучении. – Устанавливаются жертвоприношения для ее памятников одним царем, о котором заботится другой; достойный муж творит для своего предшественника, желая, чтобы другой, приходящий вслед за ним, заботился о том, что создал он»²⁵. Особое внимание царь Ахтой обращает на следование царевичем Хети принципу законности. Он требует, чтобы в пору своего правления он руководствовался не собственными амбициями и интересами, но прежде всего нормами права. «Разворачивай свитки, чтобы ты мог их читать и поступать сообразно знанию»²⁶, – наставляет он. Тем самым царь Ахтой со всей определенностью отрицает деспотизм правителя и утверждает высшие принципы государственной службы: ее безличный характер, компетенцию и законность.

Идея нормитивизации деятельности государственного служащего при управлении хозяйством нашла свое воплощение в должностной инструкции верховного сановника (чати-«визиря») Верхнего Египта. Она была найдена начертанной иероглифическим письмом на стенах гробниц верховных сановников Рехмира, Усера и Аменемопета, правящих в Фивах в XVI–XV вв. до н. э. Инструкция определяет широчайшую сферу компетенции верховного сановника, но при этом демонстрирует, насколько формализованы были его действия, насколько не свободен он был в принятии решений.

Каждый шаг верховного сановника был скован регламентом. К примеру, инструкция предписывала, что «он будет восседать на седалище со спинкой, на полу будет циновка, на нем плетенка, за его спиной кожаная подушка, под его ногами кожаная подушка, на нем..., рядом с ним жезл: перед ним будет разложено 40 кожаных свитков (с законами), по обе стороны перед ним будут находиться вельможи, принадлежащие к числу 10 верхнеегипетских, направо от него будет начальник приемного чертога, налево от него заведующий приемом (?), рядом с ним писцы верховного сановника»²⁷.

Подобная регламентация, очевидно, была призвана придать деятельности верховного сановника глубоко символический смысл, возвышая его до образа, олицетворяющего закон. И надо сказать, что инструкция была составлена таким образом, что ее безукоризненное исполнение оставляло чиновнику немного возможностей для принятия произвольных решений, превращая его в исполнителя норм, вершителя правосудия. Вот, например, как инструкция регламентировала решение чиновника при рассмотрении земельных споров: «Что же касается всякого, кто обратится к верховному сановнику по поводу пахотных земель, то он потребует его к себе, помимо допроса заведующего пашнями и... присутствия. Он предоставит ему отсрочку на 2 месяца для его пашен в Верхнем и Нижнем Египте. Но что касается его пашен, расположенных по соседству с Фивами и резиденцией, то он предоставит ему отсрочку на 3 дня согласно тому, что стоит в законе. Он бу-

²⁵ Демидчик 2005, 200.

²⁶ Демидчик 2005, 193.

²⁷ Sethe 1905–1909, 1103.

дет выслушивать каждого просителя согласно этому закону, что у него в руке»²⁸. Несложно увидеть, что при рассмотрении спора о пашнях верховный сановник был свободен только в действиях, связанных с установлением обстоятельств дела, приведших к конфликту. Во всем остальном он должен был руководствоваться законом, определявшим и решение по существу, и срок его рассмотрения. Добросовестный сановник не мог влиять даже на порядок приема просителей, поскольку инструкция определяла, что «будут выслушивать одного за другим, не допуская, чтобы пришедший последним был выслушан раньше пришедшего первым. Если пришедший последним скажет: «Рядом со мною нет никого, кого следовало бы выслушать (?)», то он будет схвачен доверенными верховного сановника»²⁹.

Установки чиновников на исполнение служебных обязанностей при управлении хозяйством, как следует полагать, формировались не только под влиянием стандартов духовной культуры и институциональных ограничений. Не в последнюю очередь они являлись следствием высокой меры ответственности государственных служащих за допущенное ими своеволие и хозяйственные преступления.

О том, что ответственность чиновников за проступки была высокой, свидетельствует декрет царя Сети I из Наури. Документ был направлен на защиту имущественного комплекса Дома миллионов лет Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» от несанкционированных посягательств и представляет для нас интерес еще и тем, что различает ответственность людей, обладавших различным социальным статусом, за аналогичные преступления. Вот, к примеру, что говорится об ответственности за расхищение охраняемого декретом имущества, налагаемой на человека, не облеченного властью. «Всякий, который будет застигнут в хищении головы скота Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», закон будет применен против него путем отрезания носа и ушей, причем он будет сделан земледельцем в Доме Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» (за свое преступление), и будут отданы его жена и дети в челядь начальника этого Дома»³⁰. Легко сравнить эту меру с мерой, применяемой по отношению к чиновнику, уличенному в воровстве того же самого имущества: «Что же касается всякого начальника быков, всякого начальника собак или всякого пастуха Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», который отдаст голову какого-либо скота Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» другому, равным образом того, кто пожертвует ее на другом пути, не принося ее в жертву Осирису, хозяину ее в Доме Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», – закон будет применен против него путем убиения его, причем будет он посажен на кол и будут взяты (?) его жена и дети и все его имущество в Дом Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», и будет взыскана голова скота с того, кому он ее дал, как возмещение в пользу Дома миллионов лет царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» в размере 100 за 1»³¹.

Как видно, расхитителю вне зависимости от его статуса вменялась в обязанность компенсировать нанесенный храмовому имущественному комплексу ущерб

²⁸ Sethe 1905–1909, 1103.

²⁹ Sethe 1905–1909, 1103.

³⁰ Griffith 1927, 202.

³¹ Griffith 1927, 203.

в стократном размере. Но если рядовой хозяйственный агент, будучи уличенным в расхищении храмового имущества, хотя и подвергался болезненному наказанию, но все же оставался в живых, то чиновник, поставленный надзирать за имуществом и использовавший свое должностное положение для личного обогащения, подвергался позорной и мучительной смерти.

Аналогично за отказ от помощи представителям храма и невнимательное отношение к их жалобам люди, не имеющие властных полномочий, и судьи, призванные стоять на страже исполнения законов, несли разную ответственность. Так, декретом установлено, что простолюдины в этом случае отделялись преследованием Осирисом «его жены и детей, чтобы покарать его имя, чтобы уничтожить его душу, чтобы не дать его телу упокоиться на кладбище»³². Ответственность же судьи за невнимательное отношение к жалобе человека из храма «Сердце удовлетворено в Абидосе» носила куда более осязаемый характер. Декрет устанавливает, что если «он (член суда) останется глухим к нему (жалобщику – *С.Д.*) и не поспешит на зов его, чтобы спешно рассудить его, – закон будет применен против него путем нанесения ему 100 ударов, (причем он будет отрешен) от своей должности и отдан в земледельцы (Дома) Менмаатра “Сердце удовлетворено в Абидосе”»³³.

Традиция предъявлять особые требования к чистоте помыслов и законности действий должностных лиц находит свое воплощение и в более поздние времена. Например, в египетских текстах эллинистического периода, как и в более ранних документах, мы не находим сведений о применении смертной казни за неуплату податей, занижение налогооблагаемой базы и другие хозяйственные преступления, совершенные рядовыми хозяйственными агентами. Немногочисленные упоминания о ее применении касаются случаев наказания должностных лиц, уличенных в махинациях, взяточничестве и воровстве. Один из примеров этого содержится в документе BGU 1250, содержащем жалобу на произвол чиновников, осуществляющих в корыстных целях махинации с персональными данными работников. Жалоба содержит ссылку на царский декрет, который нарушают чиновники: «Ибо было приказано всем должностным лицам никого не переименовывать, ни себя, ни родину, если же нет, делающего так смертью наказать» (стк. 13–14)³⁴.

Столь же суровое наказание грозило поставленным на хозяйство корыстолюбцам, уличенным в махинациях с мерами и весами. Так, в документе Tebt. 5, датированном 118 г. до н. э. и представляющем собой свод египетских законов в исполнении деревенского писца, говорится: «И поскольку случается, что ситологи (чиновники, ответственные за урожай – *С.Д.*) и антиграфы (сборщики налогов – *С.Д.*) пользуются большими бронзовыми мерами по сравнению с теми, которые указаны в каждом номе... мерами подмененные... взвешивают то, что приходится в казну и вследствие этого с земледельцев требуют не (верное) количество хойников (мера зерна – *С.Д.*), они приказали, чтобы и стратеги, и надзиратели за доходами, и царские писцы проверку мер наилучшим образом осуществили, причем в присутствии... и жрецов, и клеруков, и прочих, имеющих «землю в освобождении»... и больше не иметь ошибочных мер... Тех же, кто не будут по-

³² Griffith 1927, 208.

³³ Griffith 1927, 208.

³⁴ Taubenschlag 1944, 186.

ступать в соответствии с этим, наказать смертью (θανάτωι ζημιούσαι)»³⁵. Как можно убедиться, на протяжении тысячелетий представления египтян о справедливости требовали, чтобы высокий статус не защищал чиновника от ответственности за хозяйственные преступления. Напротив, применяемое к носителю высокого социального статуса наказание отличалось большей суровостью в сравнении с тем, которое ждало нарушителя, не облеченного властными полномочиями. Этим законодатель, видимо, хотел подчеркнуть уровень социальной ответственности человека, имеющего доступ к властным ресурсам и призванный обеспечивать порядок, справедливость и законность.

Нельзя сказать, конечно, что на практике представители правящего класса в принятии хозяйственных и административных решений всегда были свободны от личных пристрастий и вовсе не допускали произвола. О том, что подобное в действительности имело место, свидетельствуют многочисленные источники. Вероятно, наиболее известный из них – «Повесть о красноречивом крестьянине», иератический текст, сохранившийся в четырех папирусах эпохи Среднего Царства. В нем эмоционально изложена история о самоуправстве чиновников и вельмож, беззастенчиво грабивших население. Оставляя в стороне все хитросплетения сюжета, остановимся кратко на фабуле произведения.

Крестьянин Натронового Оазиса отправляется в Египет с ослами, гружеными растениями «наа», растениями «редемт», натром, солью, деревом из страны... тую, деревом «аунт» из «Бычьей Земли», шкурами пантер, мехом волков, растениями «неша», камнем «ану»... камнем «сенет»... голубями, птицами «пару», птицами «угес»... (и) всякими иными ценностями из Натронового Оазиса. Но по пути он оказывается жертвой произвола, учиненного смотрителем мельницы по имени Тхутинахт, который хитростью отнял у крестьянина его имущество. Начало текста определенно говорит о том, что случаи самоуправства чиновников имели место. Но дальнейшее изложение может убедить читателя в том, что простой человек отнюдь не был незащищен перед чиновничьим произволом.

Из текста следует, что с жалобой на Тхутинахта крестьянин пришел к начальнику самоуправца, стоящему во главе дома Ренси. Тот, выслушав жалобу, направил свои стопы с докладом к царю Верхнего и Нижнего Египта Неб-Кау-Ра. Фараон потребовал, чтобы начальник дома Ренси возможно более подробно изложил существо жалобы крестьянина в письменном виде, для чего задержал бы крестьянина у себя и неоднократно заслушал его по существу дела. Также царь приказал до завершения разбирательства обеспечить самого истца, а также его жену и детей ежедневным довольствием в объеме 4 хлебов и 2 кружек пива. Крестьянин произнес перед начальником Тхутинахта в совокупности 8 речей, из которых тот составил детальное письменное донесение царю. На основании этого донесения последний вынес свое решение. Конец текста поврежден, но можно понять, что обидчик понес за свое самоуправство имущественную ответственность. В перечень отчужденной от него имущественной массы вошли 6 человек (вероятно, его рабы – С.Д.), его ячмень, его полба, его ослы³⁶.

«Повесть о красноречивом крестьянине» представляет для нас интерес прежде все тем, что ее автор определенно симпатизирует крестьянину, оказавшему-

³⁵ Taubenschlag 1944, 185.

³⁶ Vogelsang 1913.

ся перед лицом произвола со стороны чиновника. Но он не противопоставляет крестьянина властной пирамиде. Напротив, он убежден в способности государственных институтов обеспечить защиту законных прав простолюдина. Конечно, описываемая в «Повести...» процедура защиты жертвой самоуправства своих интересов выглядит художественным упрощением. Едва ли следует верить и тому, что египетские цари лично участвовали в рассмотрении жалоб, поступающих от простых крестьян, не делегируя соответствующих полномочий своим подчиненным. Но эта идеализация все же подтверждает имеющиеся у нас документальные сведения о свойствах древнеегипетской системы ограничения произвола чиновников – ее многоступенчатости и восприимчивости к жалобам ущемленных в своих правах людей.

Подводя итог нашим рассмотрением, выскажем предположение, что постулат о деспотизме, царившем в системе управления экономикой Древнего Египта, является скорее результатом неудачного теоретического конструирования, нежели отражением исторической реальности. Во всяком случае, имеющиеся в нашем распоряжении нарративы говорят о том, что применяемые органами управления экономикой дисциплинарные санкции и меры принуждения в целом не отличались чрезмерной жестокостью, а чиновничий произвол был окружен системой культурных и институциональных ограничений, был помещен в рамки социального контроля, основанного на обратной связи. Это дает нам определенные основания предполагать, что древним египтянам все же удалось выработать достаточно гуманную и в то же время четко и результативно работающую систему управления экономикой. И если применявшиеся в Древнем Египте дисциплинарные практики с позиции сегодняшнего дня явно не выглядят бесспорными, то базовые принципы, на которых основывалась древнеегипетская управленческая модель, не теряют своей актуальности и поныне, а опыт организации хозяйственной жизни нильского государства вполне мог бы лечь в основу формирования образцов действия государственного служащего и управленца и в наш просвещенный век.

ЛИТЕРАТУРА

- Брокгауз, Ю.Ф., Ефрон, И.А. 1907: *Малый энциклопедический словарь*. Т. 1. Вып. 2. СПб.
- Демидчик, А.Е. 2005: *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб.
- Демидчик, А.Е. 2006: Смертная казнь в уголовном праве Египта периода Старого Царства. *Вестник НГУ. Серия: Право*. Т. 2. Вып. 2., 10–14.
- Коростовцев, М.А. 1980: *Хрестоматия по истории древнего востока*. Ч. I. М.
- Маркс, К. 1958: *Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов)*. М.
- Маркс К., Энгельс, Ф. 1956: *Сочинения*. Т. 12. М.
- Нежинский, Ю.В. 2009: Смертная казнь в эллинистическом Египте. *Вестник СПбГУ*. Сер. 2. Вып. 1, 157–160.
- Перепелкин, Ю.Я. 1988: *Хозяйство старо-египетских вельмож*. М.
- Савельева, Т.Н. 1962: *Аграрный строй Египта в период Древнего царства*. М.
- Струве, В.В. 1950: *Хрестоматия по истории древнего мира*. Т. 1. М.
- Чегодаев, М.А. 1994: Древнеегипетская Книга Мертвых – фрагменты перевода и комментарии. *Вопросы истории* 9, 141–151.

- Erichsen, W. 1933: Papyrus Harris. Hieroglyphische Transcription. *Bibliotheca Aegyptica*. Vol. V. Bruxelles.
- Gardiner, A.H. 1932: *Late-Egyptian Stories*. Bruxelles.
- Griffith, F.L. 1927: The Abidos Decree of Seti at Nauri. *Journal of Egyptian Archeology*. Vol. 13; 3/4 (Nov.), 199.
- Helck, W. 1955: *Urkunden der 18 Dynastie*. Berlin, 1299–1309.
- Helck, W. 1957: *Urkunden der 18 Dynastie*. Berlin, 1659–1661.
- Maspero, Q. 1872: *Du genre epistolaire chez les egyptiens de l'epoque pharaonique*. Paris.
- Muller, W.M. 1902: Der Bundnisvertrag-Ramses II und des Chetiterkorigs. *Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft*. Bd. V, 193–203.
- Sethe, K. 1932: *Urkunden des Alten Reichs*. Leipzig.
- Sethe, K. 1905–1909: *Urkunden der 18 Dynastie*. Leipzig.
- Sethe, K. 1933: Urkunden des mittleren Reiches. *Urkunden des agyptischen Altertums*. Leipzig.
- Taubenschlag, R. 1944: *Law of Greco-Roman Egypt in the Light of Papyri*. New York.
- Vogelsang, F. 1913: *Kommentar zu den Klagen des Bauern*. Leipzig.
- Weill, R. 1912: *Les Decrets royaux de l'ancien empire egyptien*. Paris.
- Wittfogel, K. 1957: *Oriental despotism: a comparative study of total power*. New Haven.

REFERENCES

- Chegodae, M.A. 1994: Drevneegipetskaja Kniga Mertvyh – fragmenty perevoda i komentarii. *Voprosy istorii* 9,141–151.
- Demidchik, A.E. 2005: *Bezymjannaja piramida. Gosudarstvennaja doktrina drevneegipetskoj Gerakleopol'skoj monarhii*. Saint-Petersburg.
- Demidchik, A.E. 2006: Smertnaja kazn' v ugovnom prave Egipta perioda Starogo Carstva. *Vestnik NGU. Ser.Pravo*. T. 2. Vyp. 2., 10–14.
- Erichsen, W. 1933: Papyrus Harris. Hieroglyphische Transcription. *Bibliotheca Aegyptica*. Vol. V. Bruxelles.
- Gardiner, A.H. 1932: *Late-Egyptian Stories*. Bruxelles.
- Griffith, F.L. 1927: The Abidos Decree of Seti at Nauri. *Journal of Egyptian Archeology*. Vol. 13; 3/4 (Nov.), 199.
- Helck, W. 1955: *Urkunden der 18 Dynastie*. Berlin, 1299–1309.
- Helck, W. 1957: *Urkunden der 18 Dynastie*. Berlin, 1659–1661.
- Korostovtsev, M.A. 1980: *Hrestomatija po istorii drevnego vostoka*. Moscow.
- Malyj jenciklopedicheskij slovar'. 1907: T. 1. Vyp. 2. Saint-Petersburg.
- Marks, K. 1958.: *Vvedenie (Iz jekonomicheskikh rukopisej 1857-1858 godov)*. Moscow.
- Marks, K., Jengel's, F. 1956: *Sochinenija*. T.12. Moscow.
- Maspero, Q. 1872: *Du genre epistolaire chez les egyptiens de l'epoque pharaonique*. Paris.
- Muller, W.M. 1902: Der Bundnisvertrag-Ramses II und des Chetiterkorigs. *Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft*. Bd. V, 193–203.
- Nezhinskij, Ju.V. 2009: Smertnaja kazn' v jellinisticheskom Egipte. *Vestnik SPbGU*. Ser. 2. Vyp. 1,157–160.
- Perepelkin, Ju.Ja. 1988: *Hozjajstvo staro-egipetskih vel'mozh*. Moscow.
- Savel'eva, T.N. 1962: *Agrarnyj stroj Egipta v period Drevnego carstva*. Moscow.
- Sethe, K. 1932: *Urkunden des Alten Reichs*. Leipzig, 5–19.
- Sethe, K. 1905–1909: *Urkunden der 18 Dynastie*, Leipzig.
- Sethe, K. 1933: Urkunden des mittleren Reiches. *Urkunden des agyptischen Altertums*. Leipzig.
- Struve, V.V.1950: *Hrestomatija po istorii drevnego mira*. T. 1. Moscow.

-
- Taubenschlag, R. 1944: *Law of Greco-Roman Egypt in the Light of Papyri*. New York.
Vogelsang, F. 1913: *Kommentar zu den Klagen des Bauern*. Leipzig.
Weill, R. 1912: *Les Decrets royaux de l'ancien empire egyptien*. Paris.
Wittfogel, K. 1957: *Oriental despotism: a comparative study of total power*. New Haven.

DESPOTISM IN THE MANAGEMENT PRACTICES OF ANCIENT EGYPT'S ECONOMY: MYTHS AND REALITY

Sergey A. Davydov

St. Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg,
licurg@inbox.ru

Abstract. The article considers the problem of despotism in the management practice of the Ancient Egyptian economic system. The author puts forward the suggestion that the Ancient Egyptian disciplinary sanctions in general were not excessively cruel, the activities of officials was limited by cultural and institutional systems and was under social control.

There is no doubt that the leaders of Egypt could not do without negative sanctions in the management of economic complex. Punishment took a great part in the management of motivation and formation of workers' conformism. But the Egyptian rulers constantly took care of the development of rules limiting spontaneity of condemnation and determined a long way to co-ordinate the disciplinary measures at different levels of the bureaucratic pyramid. In addition, legislators of the Nile state rarely established the need for the death penalty - a measure, widespread in other countries of the ancient world. On the basis of the available data it can be judged that this frightening instrument was rarely aimed at preventing even the most serious economic crimes, such as "improper" use of God's house property.

The Ancient Egyptian system of economic management had no clear evidence of other trait, closely associated with the concept of despotism - arbitrariness perpetrated by the rulers and dignitaries. Today there is no doubt that the authorities of ancient Egypt had to carry out their activities in framework of social and cultural constraints.

Key words: Ancient Egypt, administration, disciplinary sanctions, despotism, economic system

Древняя Греция и Рим. Эллинизм

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 22–29
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 22–29
© Автор(ы) 2016

ПАТРИОТИЗМ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АРХАИЧЕСКОЙ ИОНИИ

М. Ю. Лаптева

*Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского
государственного университета, Тобольск,
mlapteva1@ya.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются специфические черты патриотизма в истории Ионии VIII–VI вв. до н. э. Аристократический характер власти в ионийских общинах, полуварварское происхождение правящей элиты, имевшей политические, ксенические и матримониальные связи с аристократией восточных соседей – отличительная черта социальной и этно-политической идентичности ионийских греческих полисов. Это отразилось на представлениях о полисном патриотизме, допустимости сотрудничества с врагами, а также – политической практике ионийцев. В начале архаического периода патриотизм ионийцев был связан с деятельностью Панионийского военно-политического союза. К VI в. до н. э., обозначилась неравномерность политического развития ионийских полисов и их статусов в отношениях с восточными государствами. Общеионийские цели уступили место потребностям и интересам каждого государства в отдельности. Все это обусловило отсутствие единства и солидарности среди ионийских полисов во время Ионийского восстания, прагматизм в их отношениях с Лидией и державой Ахеменидов. Автор не рассматривает эти факты как предательство или коллаборационизм, а считает их особым проявлением ионийского полисного патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, предательство, коллаборационизм, Иония, Ионийское восстание

Тема древнегреческого патриотизма, его общегреческих особенностей и конкретного содержания в исторических сочинениях и ораторской прозе классическо-

Лаптева Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и методик преподавания Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета в г. Тобольск. E-mail: mlapteva1@ya.ru

го периода неоднократно рассматривалась в статьях и монографиях российских исследователей (С. Я. Лурье, Э. Д. Фролов, С. Г. Карпюк, Х. Туманс, Э. В. Рунг)¹. Источники по истории архаической Ионии позволяют поставить эту проблему в более раннем (VIII–VI вв. до н. э.) и ином локальном контексте.

Особенностью мира ионийских полисов со времени их основания в XI в. до н.э. было постоянное взаимодействие с племенами и государствами Ближнего Востока (Египет, Фригия, Лидия, держава Ахеменидов). С конца VII в. до н.э. ионийские общины находились в зависимости от Лидийского царства, а с середины VI в. до н. э. входили в состав первой сатрапии державы Ахеменидов (Hdt. I, 15–22; 141, 143; III, 90). Особенностью социально-политической организации ранних ионийских полисов был ярко выраженный аристократический характер политической власти, полуварварское происхождение части аристократической правящей элиты, её тесные политические, ксенические, матримониальные связи с аристократией восточных соседей². Это своеобразие социальной и этнополитической идентичности ионийских полисов наложило печать на представления ионийцев о полисном патриотизме и его противоположности – предательстве родного полиса, сотрудничестве с его врагами, а также на политическую практику его граждан.

Понимание патриотизма как любви к своему дому и общине, готовность защищать их от внешних врагов, тоска по родным и домашнему очагу, родине, утраченной вследствие внешних и внутренних политических катаклизмов, выразительно представлены в поэзии восточных греков – Гомера, Мимнерма, Ксенофана, Алкея, Сапфо (Od. IX, 34–36; Mimn. fr. 21, 23 Gentili–Prato; Xen. fr. 8, 22 Diels – Kranz; Alkaios, fr. 40–41 Lobel–Page; Sappho, fr. 74 Lobel–Page).

В то же время полисный патриотизм ионийцев был неразрывно связан с представлениями о всеионийском единстве, освященном культом Посейдона Геликонского, на алтаре которого, расположенном на невысоком холме, примыкающем к горной цепи северо-западной части полуострова Микале, ионийцы ежегодно приносили жертвы во время праздника Панионии (Hdt. I, 148)³. Панионийская солидарность восточных греков-мигрантов особенно проявилось в период их первоначального обоснования в XI–IX вв. до н. э. на землях Западной Анатолии и в ходе последующих войн за жизненное пространство с местным населением. В то время независимость и экономическое процветание каждой ионийской общины зависели от их сплоченных действий в военно-политическом Панионийском союзе⁴.

Однако к VI в. до н. э. обозначилась неравномерность политического развития и политических статусов ионийских полисов перед лицом могущественных восточных соседей, а общеионийские цели отступили перед проблемами и потребностями каждого полиса в отдельности.

Первые признаки ослабления общеионийского единства стали видны в период завоевания Ионии полководцем персидского царя Кира II Гарпагом. Как свидетельствуют Геродот и Диоген Лаэртский, Милет, единственный из всех ионийских

¹ Лурье 1947, 33–98; Фролов 1991, 34–36, 115–116, 148 слл.; Туманс 2012; Рунг 2013а, 2013б; Карпюк 2014.

² Лаптева 2009, 295–297.

³ О Панионийском союзе: Лаптева 2006; 2007.

⁴ Лаптева 2006; 2009, 101–119.

полисов, предусмотрительно заключил с персами сепаратный мирный договор (Hdt. I, 141, 143, 149; Diog. Laert. I, 25)⁵. Остальные ионийцы отправили послов в Спарту с просьбой о помощи, возводили стены и оборонялись от штурмующих их персов (Hdt., I, 141, 152, 161–162, 164, 169).

В это же время хиосцы из страха перед персами вытащили из храма Афины мятежного лидийца Пактия, искавшего там защиты, и, невзирая на предостерегающего от этого нечестия оракул Аполлона в Дидимах, выдали Пактия персам (Hdt. I, 153–161).

Ослабление общеионийской солидарности, измена общему делу защиты родины от внешнего врага и даже пособничество персам были обычным делом и во время Ионийского восстания. Так, самосцы, имевшие 60 кораблей, покинули морское сражение между ионийским и персидским флотом у берегов Милета и внесли этим разлад в ряды восставших (Hdt. VI, 13). Геродот объясняет этот поступок тем, что самосцы поняли безнадежность сопротивления персам и опасались за судьбу своего полиса (Hdt. VI, 13: «...βουλομένους εἶναι χρηστούς, ἐν κέρδει ἐποיעῦντο περίτοιῃσαι τὰ τε ἰσὰ τὰ σφέτερά καὶ τὰ ἴδια» – «...ведь для них было важнее всего спасти от гибели храмы богов и свое имущество»). Впрочем, он же отмечает, что не все самосские триеры взяли курс на Самос по приказу своих стратегов. Триерархи одиннадцати триер не подчинились стратегам и остались сражаться вместе с остальными ионийцами. Этот подвиг самосцев их сограждане отметили памятной стелой, запечатлевшей имена героев (Hdt., VI, 14).

Что же касается стратегов, покинувших поле сражения, то, вероятно, не последнюю роль в этом сыграли увещевания бывшего самосского тирана Эака (в начале Ионийского восстания низложенного Аристагором, одним из руководителей этого восстания). Эак, по словам Геродота, и раньше подбивал сограждан на измену общему делу (Hdt. VI, 13). Накануне же морского сражения при Ладе он, как и другие свергнутые тираны, находившиеся на кораблях персов, обещал ионийцам, выполняя поручение персидских военачальников (Артафрена и Отана – Hdt. V, 122, 123), амнистию и неприкосновенность их имущества и храмов (Hdt. VI, 9). Очевидно, что самосцы не были единодушны относительно власти Ахеменидов, и это нашло отражение в политической практике этого полиса, показывающей как примеры полисного патриотизма, так и предательства в современном понимании этих слов.

Пример нейтралитета во время завоевания Ионии персами и в дальнейшем, во время Ионийского восстания, показывает Смирна. Геродот не упоминает об участии Смирны в каких-либо кампаниях во время Ионийского восстания, не говорит о штурме или разрушении её стен персами ни в период завоевания Ионии персами, ни при подавлении Ионийского восстания. Согласно Страбону (XIV, 1, 37) после войны Смирны с Алиаттом она в течение 400 лет представляла собой сельскую местность (Λυδῶν δὲ κατασπασάντων τὴν Σμύρναν περὶ τετρακόσια ἔτη διετέλεσεν οἰκουμένη κωμηδόν). Вероятно, поэтому в зарубежной историографии до конца XX в., а в отечественной и по сей день существует мнение о том, что Смирна или была целиком разрушена, или же влачила жалкое существование после завоевания её лидийским царем Алиаттом в конце VII в. до н. э.⁶

⁵ См. подробнее: Лаптева 2009, 362, прим. 7.

⁶ Кобылина 53, прим. 8; Суриков 2014, 32; cf.: Jeffery 1978, 225.

Однако археологическая картина Смирны VI в. до н. э. не соответствует облику οἰκουμένη κομηδόν Страбона. М. Акургал, на протяжении двух последних десятилетий руководившая раскопками в Смирне, считает период с конца VII в. до н. э. до середины VI в. до н.э. самым ярким в истории архитектуры архаического города⁷. Археология свидетельствует о быстром восстановлении и даже процветании города в VI в. до н.э. Жители Смирны заново отстроили стены, используя уникальную полигональную кладку, возвели вторую линию оборонительных укреплений. В городе были водопровод и фонтан. Храм Афины реконструируется и украшается новыми статуями, появляются новые частные и общественные здания. В конце архаического периода Смирна чеканит электровую монету⁸. Погребальный инвентарь городского некрополя, расположенного на юго-востоке города, между старыми и новыми стенами, демонстрирует состоятельность горожан в первой половине VI в. до н.э.⁹ Иначе говоря, в VI в. до н.э., согласно данным археологии, город процветал и не обнаруживал (если учитывать *argumentum ex silentio* исторической традиции) недовольства властью персов.

Что же касается эфесян, то в конце Ионийского восстания они поступили откровенно предательски по отношению к соплеменникам. Согласно Геродоту, эфесяне напали на хиосцев, отступавших после поражения в морском сражении у побережья Милета, сначала через полуостров Микале, затем по прибрежным землям Эфеса (Hdt. VI, 15–16). Геродот оправдывает это предательское поведение неосведомленностью эфесян относительно морской битвы, в которой принимали участие хиосцы, а также тем, что они приняли хиосцев за разбойников, собирающихся напасть на их женщин, справляющих праздник Фесмофорий. Однако решение относительно морского сражения у берегов Милета принимали все члены Панионийского союза, в том числе – Смирна и Эфес (Hdt., VI, 7–8), поэтому прав Г. Хаксли, увидевший в этом поступке эфесцев, тесно связанных с лидийцами и персами торговыми, религиозными и личными узами, стремление угодить Ахеменидам¹⁰.

Впрочем, примеры внешне противоположные – сопротивление власти Ахеменидов – отнюдь не всегда были следствием только патриотических побуждений ионийских городов и их правящей элиты. Так, тираны Аристагор и Гистией втягивают Милет и другие ионийские города в восстание против персов в своих личных и корыстных интересах (Hdt. V, 30–38, 124; VI, 1–3). Аналогично лидийцу Пактию удается на конфискованное золото Креза и других лидийцев, отданное ему на хранение Киром Великим, нанять наемников из ионийских городов и убедить их выступить в поход против персидского сатрапа Табала (Her. I, 153–154).

Можно ли рассматривать большинство из этих постыдных в нашем понимании фактов («дело» Пактия, измену самосцев в морской битве при острове Лада, пособничество персам эфесцев, нейтралитет Смирны в период Ионийского восстания) в современных представлениях о предательстве или коллаборационизме? Как относились к этим событиям наши источники, например, Геродот и Диодор?

⁷ Akurgal 2007, 125–136.

⁸ Akurgal 2007; Graeves, Rubinstein 2004, 1099–1101; Kraay 1976, 32.

⁹ Akurgal 2009.

¹⁰ Huxley 1972, 151.

Как сами ионийцы объясняли свое персофильство, забвение общеионийских целей, слабость и трусость перед лицом врагов?

Мотивы поведения ионийцев, которые сопоставимы с современными представлениями о коллаборационизме, становятся понятны, если принять во внимание отношение к восстанию одного из его участников – милетского логографа Гекатея. Советник милетских тиранов Аристагора и Гистиея, пробул Панионийского союза Гекатей был противником восстания из-за явного превосходства сил персов и видимого всем могущества державы Ахеменидов (Hdt., V, 36). Сам же Геродот, наш главный информатор об этих событиях, считал, что ионийцы, поднявшие восстание против персов, были одержимы ἀγνωμοσύη – безрассудством, и порицал их за то, что они не пошли на предательство (προδοσίη) панионийских интересов, когда персы предложили им добровольно сложить оружие на условиях прежнего, милостивого к ним отношения (Hdt. VI, 90: Οἱ δὲ Ἴωνες, ἐς τοὺς καὶ ἀπίκοντο αὐταὶ αἱ ἀγγελίαι, ἀγνωμοσύνη τε διεχρέωντο καὶ οὐ προσίεντο τὴν προδοσίην...).

Вероятно, дело здесь не в «злокозненности» Геродота, его стремлении подчеркнуть и выставить напоказ низменные стороны человеческой природы, в чем обвинял его Плутарх (De Herod. malign. XX, XXIV), а в понимании галикарнасским историком, хорошо осведомленным в ионийских делах, ионийского патриотизма как политической мудрости и целесообразности для каждого полиса тех или иных действий в межгосударственных (как внутриионийских, так и с восточными соседями) отношениях¹¹.

Во время ионийского восстания каждый полис стоял перед выбором: быть верным общеплеменному всеионийскому единству, фактически утратившему свое первоначальное военно-политическое значение, или сохранить автономию и благополучие своего государства ценой компромисса, нейтралитета или даже измены общему делу.

Все это можно рассматривать не как предательство или коллаборационизм, а как политический прагматизм, который, вероятно, и был основой ионийского полисного патриотизма. Участие в совместных военных предприятиях ионийцев в период Ионийского восстания во имя общих целей не исключало предательство и пособничество одних из них (Самос, Эфес) или нейтралитет других (Смирна), если панэллинский патриотизм вступал в противоречие с их полисными интересами.

Следует учитывать также ориентированность экономики некоторых ионийских общин на восточные рынки (Эфес), матримониальные, ксенические, политические и религиозные связи аристократии этих полисов с восточными соседями (Милет, Эфес)¹², а также политическую самодостаточность и независимость островных полисов (Самос, Хиос) от восточных государств. Эти обстоятельства обусловили отсутствие единства и солидарности среди ионийских полисов в период завоевания Ионии персами и во время Ионийского восстания.

Если же говорить не о полисном патриотизме и предательстве, а о личных примерах этого рода, то история Ионии VI в. до н. э. дает наиболее выразительные примеры как преданности ионийцев родному полису, так и предательства обще-

¹¹ Подробнее об отношении Геродота к власти персов над азиатскими греками: Лурье 1947, 65 слл.

¹² Лаптева 2009, 295–297, 387–388.

ионийских интересов. Так часть фокейцев, покинувших родной город во время завоевания Ионии Ахеменидами, чтобы избежать порабощения персами, оказалась не в силах преодолеть охватившую их тоску по родине и вернулась в город, уже захваченный персидским полководцем Гарпагом (Hdt. I, 165). Хиосцы же и фокейцы во главе со стратегом Дионисием доблестно сражались в конце Ионийского восстания у острова Лада у побережья Милета, не поддавшись общей панике, охватившей флот ионийцев (Hdt. VI, 15, 17).

Образцом патриота Ионии и Милета предстает логограф Гекатей, советник милетских тиранов Аристагора и Гистиея. Он был противником восстания ионийцев. После того как ему не удалось убедить тирана Аристагора и его сторонников в безнадежности этого восстания, Гекатей подавал согражданам ценные советы, имевшие целью сохранить свободу и автономию ионийских полисов (Hdt. V, 36, 125, 126; VI, 137). Когда после подавления восстания Милет подвергся разграблению и разрушению, а уцелевшие жители были угнаны в рабство, Гекатей возглавил посольство ионийских городов к сатрапу Артаферну. Как это представляет Диодор Сицилийский (X, 24, 4), Гекатей убедил сатрапа быть к ионийцам милостивым, а также способствовал заключению выгодного мирного договора. Если Диодор отмечает смелость и решительность Гекатея, то Геродот подчеркивает его патриотизм, сочетающийся с благоразумием и смирением. Вместе с тем Геродот видит разницу между патриотизмом Гекатея и псевдопатриотизмом Аристагора и Гистиея (V, 124–126; VI, 1–5).

Что же касается противоположных примеров, то в глазах современников предателем был Еврибат из Эфеса, переметнувшийся вместе с золотом Креза, доверившего ему нанять наемников для защиты лидийских владений, к персидскому царю Киру Великому (Diod. IX, 32). Имя Еврибата стало нарицательным, оно встречается в философской и риторической литературе для обозначения высшей степени нравственной деградации и бесстыдного предательства (Plat. Prot. 327 b; Aischin. In Ctesiph. 137; Demosth. De corona, 24). Но кого предает Еврибат? Это не предательство родного полиса. Еврибат предает не Эфес, а доверие Креза, своего патрона и гостеприимца. Древние авторы единодушно осуждают этот поступок, характеризуя его как коварство, ложь, мошенничество (*μαγεία, γοητεία, πανούργια, ἀπάτη*), как подлость и порочность (*πονηρία, μοχθερία*), поведение недостойное гражданина и честного человека (Demosth. De corona, 24: *Εὐρυβάτου πρᾶγμα, οὐ πόλεως ἔργον οὐδὲ χρηστῶν ἀνθρώπων διεπράττεσθε*). Вместе с тем возможен и неожиданный поворот этой темы. Подлый поступок Еврибата принес Эфесу политическую выгоду: город избежал штурма и разграбления, как другие ионийские города, завоеванные персидским полководцем Гарпагом. Однако в глазах заморских ионийцев (Платона, Демосфена, Эсхина, Эфора, источника для Диодора Сицилийского) нравственное падение этого эфесца перечеркнуло, по всей видимости, прагматически-патриотические мотивы его поступка.

Таким образом, можно предположить, что ионийский патриотизм требовал от граждан и политической элиты не только прагматичности, понимания выгод текущего момента, учета конкретных и сиюминутных интересов родного полиса, но и нравственной чистотности его граждан.

- Карпюк, С.Г. 2014: Взгляды Ксенофонта на патриотизм. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 14, 347–356.
- Кобылина, М.М. 1965: *Милет*. М.
- Лаптева, М.Ю. 2006: Панионий: амфикиония, симмахия или этнический союз. *Studia Historica* VI, 3–24.
- Лаптева, М.Ю. 2007: Мелийская война в истории архаической Ионии. *Поволжский антиковедческий журнал. Antiquitas aeterna* 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Казань–Нижегород–Саратов, 9–18.
- Лаптева, М.Ю. 2009: *У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э.* СПб.
- Лурье, С.Я. 1947: *Геродот*. М. –Л.
- Рунг, Э.В. 2013а: Понятие патриотизм и его древнегреческие коннотации. *ПИФК* 2 (40), 304–314.
- Рунг, Э.В. 2013b: Панэллизм и мидизм в истории Фив классического периода. *Мнемон* 12, 81–98.
- Суриков, И.Е. 2014: Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX–VIII вв. до н. э.). *Мнемон* 14, 27–50.
- Туманс, Х. 2012: Сколько патриотизмов было в Древней Греции? *Studia historica* XII, 3–32.
- Фролов, Э.Д. 1991: *Факел Прометей*. Л.
- Akurgal, M. 2007: Hellenic Architecture in Smyrna 650–546. In: J. Cobet, V. von Graeve, W-D. Niemeier, K. Zimmerman. (hrsg.). *Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Panionion – Symposium Güzelçamlı 26 September–1 Oktober 1999*. Mainz am Rhein, 125–136.
- Akurgal, M. 2009: Bayraklı Höyüğünde, Arkaik Döneme ait Küçük Bir Mezarlık ve Bazı Buluntular. *Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi* 2, 51–71.
- Greaves, A.M., Rubinstein L. 2004: Ionia. In: M. H. Hansen and T. H. Nielsen (eds.). *An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 1053–1107.
- Greaves, A.M. 2010: *The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic Period*. Malden.
- Huxley, G.L. 1972: *The Early Ionians*. 2 nd. ed. New York.
- Jeffery, L.H. 1978: *Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C.* London.
- Kraay, C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. London.

REFERENCES

- Akurgal, M. 2007: Hellenic Architecture in Smyrna 650–546. In: J. Cobet, V. von Graeve, W-D. Niemeier, K. Zimmerman. (hrsg.). *Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Panionion – Symposium Güzelçamlı 26 September–1 Oktober 1999*. Mainz am Rhein, 125–136.
- Akurgal, M. 2009: Bayraklı Höyüğünde, Arkaik Döneme ait Küçük Bir Mezarlık ve Bazı Buluntular. *Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi* 2, 51–71.
- Frolov, E. D. 1991: *Fakel Prometheus*. Leningrad.
- Greaves, A.M. 2010: *The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic Period*. Malden.
- Greaves, A.M., Rubinstein L. 2004: Ionia. In: M. H. Hansen and T. H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 1053–1107.
- Huxley, G.L. 1972: *The Early Ionians*. 2 nd. ed. New York.

- Jeffery, L.H. 1978: *Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C.* London.
- Karpyuk, S.G. 2014: Vzgljady Ksenofonta na patriotism. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* 14, 347–356.
- Kobylyina, M.M. 1965: *Milet*. Moscow.
- Kraay, C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. London.
- Lapteva, M.Yu. 2006: Panioniy: amfiktionia, simmakhia ili etnicheskii soiuz. *Studia Historica* VI, 3–24.
- Lapteva, M.Yu. 2007: Meliiskaia voina v istorii arkhaischeskoi Ionii. *Antiquitas aeterna* 2. *Voina, armia i voennoe delo v antichnom mire*. Kazan–Nizhniy Novgorod–Saratov, 9–18.
- Lapteva, M.Yu. 2009: *U istokov drevnegrecheskoi tsivilizatsii: Ionia XI–VI vv. do n. e.* Saint-Petersburg.
- Lur'e, S.Ya. 1947: *Gerodot*. Moscow–Leningrad.
- Rung, E.V. 2013a: Ponyatie patriotizm i ego drevnegrecheskie konnotatsii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 2 (40), 304–314.
- Rung, E.V. 2013b: Panellinizm i midizm v istorii Fiv klassicheskogo perioda. *Mnemon* 12, 81–98.
- Surikov, I.E. 2014: Grecheskaya arkhaiskaia kak istoricheskaya epokha: sovremennyy vzglyad. *Pervaya polovina (IX–VIII vv. do n. e.)*. *Mnemon* 14, 27–50.
- Tumans, Kh. 2012: Skol'ko patriotizmov bylo v Drevney Gretsii? *Studia historica* XII, 3–32.

THE PATRIOTISM AND TREACHERY IN THE HISTORY OF ARCHAIC IONIA

Marina Yu. Lapteva

Tobolsk Pedagogical Institute named after D. I. Mendeleyev (branch) of the University of Tyumen in Tobolsk, Russia,
mlapteva1@ya.ru

Abstract. The article deals with the specific features of Greek patriotism in the history of Ionia of the 8th – 6th centuries BC. The aristocratic nature of power in the Ionian communities, semi-barbarian origin of the ruling elite, which had political, friend and matrimonial ties with the aristocracy of the eastern neighbors is a distinctive feature of the social and ethno-political identity of the Ionian polities. It was reflected in the concept of polis patriotism and collaboration with the enemies and in political practices of the Ionians. At the beginning of the Archaic period the Ionians' patriotism was associated with activity of Pan-Ionian military-political alliance. By the 6th century BC the political development and status of each Ionian polis in relations with the eastern states gave the individualism in needs and interests of each state separately. All this caused the lack of unity and solidarity among the Ionian states in the course of the Ionian revolt, the pragmatism in relations with Lydia and the Achaemenids. The author does not determine these facts as a betrayal or collaboration, and considers them as a special manifestation of the Ionian polis patriotism.

Key words: patriotism, treachery, collaboration, Ionia, Ionian revolt

ДРАХМЫ В ЗАКОНАХ СОЛОНА. I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ*

И. Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва,
isurikov@mail.ru*

Аннотация. В целом ряде законов Солона, изданных в 594/593 г. до н.э., упоминаются драхмы. Эти упоминания всеми античными авторами классической и последующих эпох понимались как свидетельство чеканки в Афинах монет уже при Солоне. Однако на сегодняшний день благодаря усилиям нумизматов стало совершенно несомненным, что в первой половине VI в. до н.э. монета в афинском полисе еще не выпускалась. Соответственно, предстоит ответить на вопрос о том, о каких же драхмах говорится у Солона. В данной, первой части статьи достаточно подробно рассматриваются релевантные свидетельства источников (в основном они содержатся в «Солоне» Плутарха) – с тем, чтобы в дальнейшем, в ее второй части, попытаться, опираясь на этот эмпирический материал, предложить концептуальное решение.

Ключевые слова: Солон, архаические Афины, законодательство, монетное дело, драхмы, Плутарх

В целом ряде законов, вошедших в известный свод¹, который был издан в Афинах Солоном в 594/593 г. до н.э.², фигурируют драхмы. Следует сразу огово-

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: isurikov@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 14-01-00018 «Законодательная и реформаторская деятельность Солона в контексте истории архаической Греции».

¹ По отношению к понятию «свод» («кодекс», «корпус»), подразумевающему нечто единое и целостное (реализацию хорошо продуманного и далеко идущего плана), применительно к архаическим эллинским законодательствам относительно недавно выразил определенный скептицизм К.-Й. Хёлькескамп, один из крупнейших ныне в Европе специалистов по раннему греческому праву (Hölkeskamp 1999, passim; 2005). Он настаивает на том, что не было «кодификации» как таковой (хоть в какой-нибудь мере сравнимой, скажем, с кодификацией Юстиниана), а были конкретные законы и циклы законов, принимавшиеся в связи с ситуативной необходимостью. Пожалуй, этот взгляд в чем-то коррелирует с концепцией М. Гагарина, виднейшего из американских специалистов по раннему греческому праву и автора, на наш взгляд, лучшей книги о нем из всех, что существуют в принципе (Gagarin 1986). На всем протяжении этой монографии акцентированно подчеркивается: для архаических эллинских законодателей значительно большее значение имели нормы не «субстанционального», а процессуального права. Являлся ли здесь Солон исключением (его предшественник Драконт таковым явно не был)? Ответственный ответ на вопрос можно было бы дать лишь после его *очень* скрупулезного исследования – и не такого, как у Х. Барты, который, написав о законах Солона более тысячи страниц (Barta 2011), как-то умудрился не только не сказать о них ничего нового, но даже и не ознакомиться с основной современной литературой по теме.

² Теория об издании законов Солоном не в год своего архонтата (датировку которого см.: Develin 2003, 37), а несколько позже (то ли на два-три года, то ли на целое десятилетие, а то и на два-

рить, что законы Солона известны нам только из цитат в нарративной традиции³, поскольку по понятным причинам те деревянные артефакты, на которых они были первоначально записаны – кирбы и/или аксоны⁴, – дойти до нас в любом случае не могли. Больше всего цитат из солоновских законов приводит Плутарх в своем жизнеописании интересующего нас выдающегося афинянина. К этой биографии⁵ нам, соответственно, и впредь неоднократно предстоит обращаться.

Чем актуален вопрос о драхмах в законах Солона? Он не просто актуален, а, мы бы сказали, прямо-таки пикантен в связи с тем, что: а) драхма, вообще говоря, основная древнегреческая монета (и не случайно указания солоновских законов на драхмы все античные авторы классической и последующих эпох понимали однозначно как свидетельство чеканки в Афинах монет уже при Солоне); б) на сегодняшний день совершенно несомненно, что во времена Солона (как бы широко ни брать период его деятельности, мы не выйдем за пределы первой половины VI в. до н.э.⁶) монета в Афинах еще не чеканилась.

Как ни странно, оперируя в рамках отечественной историографии, данный факт еще приходится специально подчеркивать и доказывать. Дело в том, что в нашем антиковедении и в 1990-х, и даже в 2000-х гг. нередко встречались работы, авторы которых (ссылаясь, как правило, на Ч. Селтмана⁷) ничтоже сумняшея рассуждали о солоновской и досолоновской афинской чеканке⁸.

Книга Селтмана «Афины, их история и чеканка до персидского нашествия», вышедшая почти век назад, к сожалению, и поныне остается последним по времени специальным монографическим исследованием самых ранних стадий монетного дела Афин. К сожалению – не потому, что книга сама по себе плоха (это отнюдь не так, Селтман был очень крупным нумизматом, и то, что он сделал в своей области, стало для его эпохи во многих отношениях значительным, этапным шагом вперед), а потому, что на сегодняшний день очень многие ее принци-

три) в свое время набрала было популярность (Davies 1971, 323–324; Càssola 1973; Hammond 1973, 145–170; Markianos 1974; Sealey 1979; Stockton 1991, 20; Stanton 1991, 34; Panchenko 2000, 61 ff.), но потом в буквальном смысле «сдулась» (поскольку она не опирается на данные источников) и ныне практически никем не поддерживается.

³ Свод этих цитат, составленный Э. Рушенбушем (Ruschenbusch 1966), значительно предпочтительнее того, который примерно в те же годы подготовил А. Мартина (Martina 1968): последний отличается весьма малым уровнем критичности. Именно на свод Рушенбуша мы будем в дальнейшем опираться, пусть даже отдавая себе отчет в том, что и он имеет недостатки (указания на главные из них см.: Scafuro 2006).

⁴ Вопрос о кирбах и аксонах более чем скрупулезно изучался в антиковедении (см. хотя бы: Ruschenbusch 1966, 14 ff.; Stroud 1979; Robertson 1986), но так и не сложилось однозначного мнения о том, идентичны ли эти два типа предметов или нет. Уже античные авторы недоумевали по данному поводу. Ясно, во всяком случае, одно: аксоны упоминаются как в связи с законами Драконта (IG. I³. 104. 10), так и в связи с законами Солона (Plut. Sol. 24 и др.).

⁵ Весьма ценные соображения в пользу достоверности содержащейся в ней информации см.: Piccirilli 1977; Blois 2006. На русском языке о данном жизнеописании Плутарха см.: Аверинцев 1965; Суриков 2005д.

⁶ Солон скончался в возрасте восьмидесяти с небольшим, в архонтство Гегестрата (Phan. fr. 21 Wehrli, ap. Plut. Sol. 32), которое датируется 560/559 г. до н.э. (Develin 2003, 42).

⁷ Seltman 1924.

⁸ Несколько недавних примеров: Блаватская 2003, 370; Курбатов 2006, 83; Туманс 2007, 22–23 (в последней работе – полемика с пассажирами о Солоне в исследованиях автора этих строк: Суриков 2004; 2005а; наш более развернутый ответ Х. Тумансу по данному вопросу см.: Суриков 2009а, 20 слл.).

пиальные положения следует признать вполне устаревшими. С 1950–1960-х гг. датировки ранней греческой чеканки в целом были подвергнуты серьезному, даже революционному «омоложению»⁹, которое было очень здраво аргументировано (использовались в комбинации методы анализа состава кладов¹⁰ и штемпельного анализа), и сейчас данной новой точке зрения нечего противопоставить. Важно, что недавно на страницах ВДИ появилась весьма фундированная статья С. А. Коваленко и В. П. Толстикова¹¹, которая, хотя и была посвящена, собственно говоря, боспорской проблематике, но в своей первой части расставила для российского читателя, как говорится, точки над *i* в вопросе о хронологии древнейших эллинских монет.

Бесспорно, сам Ч. Селтман до конца дней своих оставался на прежней точке зрения, не принимая новых выкладок; наряду с ним бытовали до относительно недавнего времени и несколько других «последних могикан», писавших в том же духе¹², но это уже звучало неким явным анахронизмом. Как бы то ни было, в Афинах самые ранние монеты (их традиционно называют *Warpenmünzen*), непосредственно предшествовавшие знаменитым «совам» (т.е. монетам с типами «голова Афины – сова, АΘΕ»), совершенно точно появились намного позже реформ Солона. Интересно, что ближе к их верной датировке был автор первого профессионального труда по афинской чеканке Э. Беле¹³. Однако Селтман (как, впрочем, и практически все нумизматы первой половины XX в.) находился под определяющим влиянием идей классического компендиума Б. Хеда, в первом издании которого первый выпуск «сов» был решительно связан с Солоном¹⁴, а во втором – сделаны некоторые корректировки к данному суждению, но не слишком принципиальные¹⁵.

Ныне абсолютно очевидно, что *Warpenmünzen* чеканились в афинском полисе во второй половине VI в. до н.э.¹⁶ и никак не раньше. К «совам» сказанное должно относиться *a fortiori*. Из этого со всей неизбежностью приходится исходить.

Итак, перед нами действительно проблема. Что же в солоновских законах имеется в виду под драхмами? Разумеется, никакие сколь-нибудь ответственные

⁹ В этой, первой, части статьи мы не ставим перед собой задачу приводить исчерпывающую библиографию в связи с упомянутой «революцией датировок». Пока укажем только, что наиболее значимый вклад в нее был внесен на первых порах К. Крэем (сошлемся на его обобщающий труд, вобравший в себя результаты многочисленных более ранних статей этого исследователя: Kraay 1976), а впоследствии – Дж. Кроллом (Kroll 1981; 1993; Kroll, Waggoner 1984).

¹⁰ Об этой перспективнейшей методике применительно к греческой чеканке, особенно архаической, см. важные работы: Price, Waggoner 1975; Kraay 1977; 1989; Casey 1986, 51 ff.

¹¹ Коваленко, Толстиков 2010.

¹² Например: Kagan 1982; Hemmerdinger 1984; Molina 1998 (с колебаниями).

¹³ Beulé 1858, 15 ss.

¹⁴ Head 1887, 311.

¹⁵ Head 1911, 368.

¹⁶ Более конкретная датировка их выпусков внутри указанного пятидесятилетия для нас здесь совершенно irrelevantна, и мы не касаемся ее вовсе, тем более что в прошлом уже посвятили этому вопросу ряд работ: Суриков 2006а (это, кажется, первая и единственная в отечественной историографии статья, посвященная специально и исключительно проблеме *Warpenmünzen*); 2007а, 186 слл.; 2007б; 2009б. См. также: Flament 2007, 9 ss: это, видимо, самый новый обобщающий труд по афинской чеканке в целом, и в нем, естественно, присутствует и глава о *Warpenmünzen*, содержащая, в частности, и ссылки на основную литературу о них (хотя и неполные; в частности, не учтена важная статья: Rhodes 1975; Dawson 1999).

заклучения не могут постулироваться перед тем, как будут скрупулезно рассмотрены основные свидетельства, доносящие до нас эти установления Солона. Свидетельства эти, как отмечалось, в основном почерпываются из Плутарха. Их, по большому счету, не так уж и много; есть полная возможность привести их (в оригинале и в переводе) и приведенные тексты проанализировать.

Перед тем необходима еще одна небольшая (но важная) оговорка. Аристотель (Pol. II. 1273b32 sqq.) справедливо подчеркивает, что Солон был творцом не только νόμοι (законов как таковых, «просто» законов), но и πολιτεία (того, что мы теперь назвали бы «конституционными законами»). В данном отношении Стагирит сопоставляет Солона со спартанцем Ликургом¹⁷ и, напротив, противопоставляет его же соотечественнику Драконту (Δράκωντος δὲ νόμοι μὲν εἰσὶ, πολιτεία δ' ὑπαρχούσῃ τοὺς νόμους ἔθηκεν: Arist. Pol. II. 1274b15f)¹⁸.

То, что относилось к νόμοι, на солоновских аксонах, естественно, было зафиксировано; то, что относилось к πολιτεία, – скорее всего, не было: эти меры являлись, так сказать, единоразовыми и неповторимыми. Скажем, трудно представить себе записанный на аксонах «закон» о сисахфии¹⁹; это означало бы, что сисахфия должна регулярно повторяться – вот уж чего точно ни сном ни духом ни мыслил Солон.

К категории πολιτεία, безусловно, принадлежали принятые им в качестве архонта с чрезвычайными полномочиями постановления о Совете Четырехсот²⁰, о гелиее²¹, о способе избрания архонтов²², возможно, даже и о четырех имущественных классах (пентакосиомедимны²³, всадники, зевгиты, феты), – впрочем, относительно последней меры категорически судить не возьмемся.

¹⁷ Не можем не привести занятного факта: в историографии нового времени едва ли не первым, кто занимался сравнительным анализом законодательных реформ Ликурга и Солона, был Фридрих фон Шиллер, более известный в качестве великого немецкого поэта. См.: Schiller 1946 (переиздание работы 1789 года).

¹⁸ Так – в «Политике». Иначе – в аристотелевской же (что бы там ни говорили и кто бы конкретно ни работал над текстом этого небольшого трактата, Аристотель, во всяком случае, авторизовал его) «Афинской политии». Злополучная глава о «политии Драконта», опирающаяся на фальсификат, была внесена во второе издание «Афинской политии» – и, сильно подозреваем, под влиянием достаточно субъективных и политизированных штудий Деметрия Фалерского. Последний в «Преемствах философов» числится учеником Феофраста, но это всего лишь издержки формалистического подхода, свойственного позднеантичной доксографии. Да, Феофраст был, выражаясь современным языком, «научным руководителем» Деметрия в Ликее; но ни из чего не проистекает, что только его Деметрий и слушал. Естественно, он посещал и лекции самого схоларха, вел с ним беседы, показывал ему свои труды и т.п., что не могло не оказывать обратного влияния на идеологию Аристотеля.

¹⁹ Которую мы понимаем все-таки как кассацию долгов. См. наиболее детальное изложение нашей позиции: Суриков 2007в. Есть и иные точки зрения, но приводить исчерпывающую библиографию вопроса пока опять же нет смысла.

²⁰ Суриков 2005б, со ссылками на предшествующую литературу и с доводами в пользу реальности солоновского Совета Четырехсот – тут мы солидарны с П. Родсом (см. хотя бы: Rhodes 1972; 2006), да ныне мало кто с ним и не солидарен, скептицизм Ч. Хигнетта (Hignett 1952) опять же, перестав быть модным (моды приходят и уходят), давно уже стал пройденным этапом. Ср.: Ste. Croix 2005, 83 ff.; Raaflaub, Ober, Wallace 2007, 63 ff.

²¹ Суриков 2005в; 2008а; Кудрявцева 2008, 18 слл. В перечисленных работах достаточно репрезентативно представлена и предшествующая литература.

²² Суриков 2012а, 44 сл. (с указанием на противоречие между «Политикой» Аристотеля и его же «Афинской политией» по этому вопросу; то же противоречие отмечено и в работе: Ste. Croix 2005, 89 ff.).

²³ Полагаем, только этот класс являлся действительно нововведением Солона. Подробнее см.: Суриков 2008б, 44 сл.

Как бы то ни было, свидетельством в пользу того, что о той же сисахфии на аксонах ничего написано не было, служит жесткий спор, разгоревшийся между аттидографом Андротионом²⁴ и Аристотелем. В суть этой полемики нам придется углубиться не в этой, а во второй части статьи (там же и будут приведены соответствующие ссылки), а пока можно констатировать следующее. Основатель Ликей солоновские аксоны не только лично видел и изучал, но даже написал о них трактат *Περὶ τῶν Σόλωνος ἀξόνων* в пяти книгах²⁵. Тем более трудно представить, что Андротион, афинский уроженец, будучи политиком и одновременно историком, не удосужился сделать того, что сделал стагирский пришлец, – ознакомиться с теми же аксонами.

Вышесказанное служило одной цели: обозначить, что далее нами будут цитироваться и анализироваться именно законы, νόμοι Солона. И, повторим, в основном по Плутарху (есть, правда, еще один пассаж из Диогена Лаэртция, но он может быть рассмотрен только вкупе со свидетельством на ту же тему, принадлежащим опять же Плутарху; см. ниже).

* * *

Закон об оскорблении словом и ответственности за него. *Plut. Sol. 21*²⁶: ζῶντα δὲ κακῶς λέγειν ἐκώλυσε πρὸς ἱεροῖς καὶ δικαστηρίοις καὶ ἀρχαίοις καὶ θεωρίας οὔσης ἀγώνων, ἢ τρεῖς δραχμὰς τῷ ἰδιώτῃ, δύο δ' ἄλλας ἀποτίνειν εἰς τὸ δημόσιον ἔταξε. «Бранить живого Солон запретил в храмах, судебных и правительственных зданиях, равно как и во время зрелищ; за нарушение этого закона он назначил штраф в три драхмы в пользу оскорбленного лица и еще две в пользу казны»²⁷.

Здесь, обратим внимание, упоминаются дикастерии (коллегии гелии), к резкому возрастанию значения которых в период соловонских реформ (и в связи с ними) в свое время одним из первых привлек внимание тот же Э. Рушенбуш²⁸. Видя по речам афинских судебных ораторов классической эпохи, какое место в ходе прений занимало пресловутое злословие (κακῶς λέγειν), причем именно по адресу живых (да заодно уж и умерших), даже трудно поверить, что было время, когда Солон пытался оное пресечь, даже путем назначения штрафов.

Впрочем, обратим внимание на то, что процитированный закон карает, пожалуй, не столько злословие как таковое, сколько кощунство, нечестие (каковым должно было считаться произнесение неподобающих выражений в неподобающей ситуации). Характерно, что перечисленные тут места все так или иначе обладали сакральным статусом, пусть и в разной степени²⁹; во всяком случае, к миру чисто «светского» они не относились. Еще более характерным подтверждением

²⁴ О нем теперь есть выполненное на современном уровне монографическое исследование: Harding 1994.

²⁵ В связи с дошедшими от этого трактата фрагментами см.: Ruschenbusch 1966, 40 ff.

²⁶ Ruschenbusch 1966, 79 (F32a, в рубрике “Verbalinjuri”).

²⁷ «Солон» Плутарха здесь и далее цитируется в переводе С.И. Соболевского.

²⁸ Ruschenbusch 1957; 1965.

²⁹ Об «уровнях сакрального» в греческом полисе см.: Суриков 2010а, 23 слл. В связи с рассматриваемой здесь проблематикой см. интересные наблюдения в важной, хотя и малоизвестной работе: Maffi 1982.

высказанного нами тезиса служит тот факт, что, согласно данному солоновскому установлению, провинившийся платил не один, а два штрафа – пострадавшему лицу и казне. Из этого с полной ясностью видно, что речь идет не о чисто частном деликте, а о преступлении, наказывавшемся по нормам публичного права.

Что касается цифр, фигурирующих в данном свидетельстве, можно констатировать: «две драхмы», «три драхмы» или, скажем, «сто драхм» в исчислении солоновского времени для Плутарха, автора эпохи принципата, являлись понятиями чисто умозрительными. Тут он не одинок, и мы его прекрасно поймем. Кто из нас даст себе ответственный и непоколебимый отчет в том, что представляют собой в реалиях нашего времени, скажем, «сто рублей» XIX века (серебром или ассигнациями – обе формулировки постоянно встречаются в русской классической литературе, и всегда ясно из контекста, что они не эквивалентны друг другу)? А ведь и миновало-то с тех пор всего столетие с небольшим³⁰. Легко посчитать, что от эпохи Солона до эпохи Плутарха прошло во много раз больше времени.

Известно, что уже к концу V в. до н.э. цены в Афинах выросли по сравнению с солоновским периодом, как минимум, в десять раз³¹. Бык при Солоне стоил 5 драхм (см. ниже), в 415 г. до н.э. – 50 драхм (причем на аукционе, т.е. в ситуации, когда выставяемые цены обычно бывают заниженными). За 3 драхмы 1 обол тогда же было продано, например, сломанное (!) ложе. Ясно, что цифры, в которых выражаются штрафы в только что приведенном законе, – это цифры совершенно иного порядка.

В связи с чем мы здесь заводим об этом речь? В литературе порой подвергается сомнению аутентичность цифр, встречающихся в плутарховых свидетельствах о законодательстве Солона. Как известно, в конце V в. до н.э. в Афинах имела место крупная законодательная реформа³²; в ее ходе древние драконтовские и солоновские законы, записанные изначально на кирбах и аксонах, были скопированы на каменные плиты.

В связи с реформой, о которой идет речь, надлежит отметить следующее. Она началась сразу после свержения олигархии Четырехсот³³, но растянулась на довольно длительный хронологический отрезок, – естественно, ввиду сложных внешне- и внутривосточных перипетий, с которыми тогда пришлось иметь дело афинянам (последний период Пелопоннесской войны, завершившийся поражением афинского полиса, установление режима «Тридцати тиранов», восстановление демократии...). В результате реформа была завершена лишь к рубежу V–IV вв. до н.э.

Задумывалась она, судя по всему, просто как «поновление» законов Драконта и Солона, перенесение их текстов с деревянных досок (которыми ввиду

³⁰ Впрочем, зачем оперировать масштабами столетий? Российские граждане более молодого, чем мы, возраста, уже не заставшие СССР, всерьез затруднятся разъяснить, как соотносится советский рубль даже самого последнего времени (1980-е гг.) с нынешним рублем. Проверено экспериментально.

³¹ См. некоторые цифры: Суриков 2007г, 217, прим. 37.

³² До недавнего времени, говоря об этой законодательной реформе, приходилось ссылаться на большое количество разнообразных статей (как и мы делали в предыдущих работах). Но теперь, к счастью, появилась обобщающая монография: Сагаван 2013. Из нее уже и можно почерпнуть ссылки на предшествующую литературу.

³³ Ее инициатором с наибольшей вероятностью следует признать Ферамена (Суриков 2006б).

естественной порчи уже трудно было пользоваться, ср. Cratin. fr. 274 Kock) на более долговечный материал. Начали эту процедуру с драконтовых законов об убийстве, и, как показывает сохранившаяся надпись IG. I³. 104 (409/408 г. до н.э.), являющаяся одним из продуктов предпринятой работы, тогда еще копирование древнего памятника осуществлялось весьма точно³⁴, вплоть до воспроизведения архаичной, уже вышедшей из повседневного употребления лексики.

А вот когда перешли к «поновлению» обширного свода законов Солона, тут уж не могло обойтись без их пересмотра в прямом смысле слова, без внесения в них значительного количества значительных изменений, модификаций. Прошло почти два века с тех пор, как они начали действовать. И не просто два века, а два века в условиях полиса, наиболее динамично развивавшегося из всех, какие имелись в Элладе, демократии... Изменились буквально все реалии.

Итак, фактически был создан новый свод законов, по которому Афины с тех пор и жили. Назывался этот свод по традиции «законами Солона», и именно так на него ссылаются ораторы IV в. до н.э., когда они к нему апеллируют. Но нужно понимать, что к самому Солону он теперь уже имел скорее косвенное отношение. В него входили законы, имевшие по большей части «солоновское» ядро, но впоследствии претерпевшие значительные изменения и до нас дошедшие (посредством тех же ораторов IV в. до н.э.) уже в таком «модифицированном» виде³⁵. Причем сами аттические мастера красноречия на эти изменения, по большому счету, не обращали большого внимания³⁶ и, повторим, по-прежнему цитировали законы как солоновские. В каком-то смысле правомерно неоднократно делавшееся наблюдение³⁷, что выражение «законы Солона» в какой-то момент стало обозначать фактически то же, что «законы Афин», *corpus iuris Atheniensium*.

Причем сказанное в особенной степени относится к аспекту «презренного металла» — ко всему, что связано с ценами, штрафами, наградами и т.п., обозначенными в драмах. Драхма к моменту законодательной реформы конца V в. до н.э., как мы видели, очень сильно девальвировалась (факторы этого процесса были многочисленными, и здесь не место их обсуждать) и имела ценность, весьма отличающуюся от ценности солоновской драхмы.

Таким образом, в тех солоновских законах, в которых упоминаются драхмы³⁸ с указанием их конкретного количества, в IV в. до н.э. просто не могли не подвергнуться самой серьезной корректировке. В результате неизбежен вопрос: все ли цифры в драмах изначально были в законах Солона такими, какими их видел

³⁴ Суриков 2013а, 399 слл.

³⁵ Scafuro 2006.

³⁶ Редкое исключение: Lys. X. Эта речь («Против Феомнеста») специально посвящена разбору (в казуистических целях) лексики «древних законов Солона» (νόμους τοὺς Σόλωνος τοὺς παλαιούς). Лисий, несомненно, еще отличал эти древние, аутентичные законы от «новых законов Солона», поскольку законодательная реформа проходила на его памяти. А вот ораторы, жившие несколькими десятилетиями позже (Демосфен, Эсхин, Гиперид...), в эти тонкости уже не вникали. Они цитировали узаконения, являвшиеся действующими на момент произнесения их речей, при этом называвшиеся «законами Солона», и у них не было ровно никакого мотива проводить расследование на тему, в каком отношении данные узаконения находятся к аутентичным законам самого Солона.

³⁷ Например: Ehrenberg 1968, 68–69; Murray 1993, 184.

³⁸ Kroll 1998. Эту важнейшую работу указываем пока «мимоходом», поскольку того прямо требует данная ссылка; более подробное рассмотрение ее (а также продолжающей ее работы: Kroll 2008) отложим до второй части статьи.

и знал, скажем, тот же Плутарх более полутысячелетия спустя? И можем ли мы в подобных материях полагаться на херонейского моралиста? К счастью, именно в данном конкретном случае в нашем распоряжении имеется очень хороший сравнительный материал.

Lys. X. 12³⁹: ...ἐὰν δέ τις εἴπῃ ἀποβεβληκέναι (sc. τινὰ sive τὸν ἄλλον) τὴν ἀσπίδα, πεντακοσίας δραχμὰς ὀφείλειν κελεύει (sc. νόμος). «...А закон назначает штраф в пятьсот драхм с того, кто скажет про другого, что он “отбросил щит”».

Имеется в виду клеветническое, не соответствующее действительности утверждение о подобном поступке, которое, таким образом, тоже подпадало под понятие оскорбления словом, злословия (κακῶς λέγειν). Запомним цифру: 500 драхм.

Lex. Cantabr. p. 78, 17 sqq. Houtsma⁴⁰: κακηγορίας δίκη· ἐὰν τις κακῶς εἴπῃ τινὰ τῶν κατοικομένων καὶ ὑπὸ τῶν ἐκείνου παίδων ἀκούσῃ κακῶς, πεντακοσίας (sc. δραχμὰς) καταδικασθεὶς ὥφλε, τῷ δημοσίῳ διακοσίας, τριακοσίας⁴¹ δὲ τῷ ἰδιώτῃ. Ὑπερείδης δὲ ἐν τῷ κατὰ Δωροθέου χιλίας μὲν ζημιούσθαι, ἐὰν τοὺς κατοικομένους, φησί, πεντακοσίας δε, ἐὰν τοὺς ζῶντας. «Иск об оскорблении словом⁴²: если кто-либо дурно скажет о ком-то из усопших – даже спровоцированный на то его детьми, – в случае обвинительного приговора штрафовался на пятьсот драхм: двести в казну, а триста – пострадавшему лицу. Гиперид же в речи «Против Дорофея» говорит, что тысячей драхм наказывали тех, кто злословил усопших, а пятьюстами – тех, кто злословил живых»⁴³.

Таковы-то данные для IV в. до н.э. Определенные (не принципиальные) противоречия в процитированных свидетельствах, безусловно, наличествуют. Но в любом случае, как можно видеть, речь идет уже о штрафах в *сотни* драхм! Афиняне классической эпохи ценили свое достоинство (а оскорбление словом – это именно преступление против личного достоинства гражданина) чрезвычайно высоко⁴⁴. Итак, данные цифры – явно не солоновские; а, стало быть, те, которые наличествуют в вышеприведенном свидетельстве Плутарха (напомним, это – в сумме пять драхм: три в пользу оскорбленного лица плюс две в пользу казны), по контрасту оказываются обязательно солоновскими. А какими же еще? Если,

³⁹ Ruschenbusch 1966, 79 (F32b, в рубрике “Verbalinjurien”). Речь Лисия датируется 380-ми гг. до н.э., цитируется в переводе С.И. Соболевского.

⁴⁰ Ruschenbusch 1966, 80 (F33b в рубрике “Verbalinjurien”; Рушенбуш ссылается на памятник по иному изданию). Сам этот памятник (расшифровываем ввиду его малоизвестности даже в среде специалистов) – Lexicon rhetoricum Cantabrigiense, «Кембриджский риторический словарь», хранящийся в Кембридже, не датируемый в точности (как часто бывает) памятник, позднеантичный или ранневизантийский (последнее вернее, но грань всегда провести очень сложно; см. к проблеме полезный труд: Dickey 2007).

⁴¹ Следуем правильной эмэндации, которой здесь придерживается Якоби. В рукописи τριάκοντα («тридцать»), что не вписывается в общий масштаб цифр, который фигурирует в данном свидетельстве.

⁴² Всем известно о нечеткости терминологии в греческом праве. Выражение κακῶς λέγειν (и производные от него – κακηγορία и т.п.) с равным успехом могут пониматься как «оскорбление словом», «злословие», даже просто «брань» (так часто и переводит С.И. Соболевский). «Клевета» – уже менее приемлемо, поскольку клевета подразумевает обязательно ложное злословие, а в рассматриваемых законах речь идет о любом злословии.

⁴³ В тех случаях, когда имя переводчика не указано (здесь и далее), перевод выполнен нами.

⁴⁴ См.: к проблеме: Суриков 2009в; 2010б.

конечно, не рассматривать всерьез ту версию, что Плутарх, как говорится, взял их «с потолка»: он был слишком ответственным автором, чтобы его можно было заподозрить в чем-то подобном.

* * *

Закон об ограничении экспорта. Plut. Sol. 24⁴⁵: τῶν δὲ γιγνομένων διάθεσιν πρὸς ξένους ἐλαίου μόνον ἔδωκεν, ἄλλα⁴⁶ δ' ἐξάγειν ἐκώλυσε· καὶ κατὰ τῶν ἐξαγόντων ἀρὰς τὸν ἄρχοντα ποιῆσθαι προσέταξεν, ἢ τίνειν αὐτὸν ἑκατὸν δραχμὰς εἰς τὸ δημόσιον· καὶ πρῶτος ἄξων ἐστὶν ὁ τοῦτον περιέχων τὸν νόμον. «Из продуктов, производимых в стране, Солон разрешил продавать за границу только оливковое масло, а другие вывозить не позволил. Кто вывозил их, того по закону Солона архонт должен был подвергать проклятию, под угрозой в противном случае самому платить сто драхм в казну. Этот закон записан на первой таблице».

Речь идет о том, что подчас называют (и, видимо, небезосновательно) «протекционистской» политикой Солона. Аттика, как все знают, издавна славилась своими масличными деревьями и получаемым из их плодов великолепным оливковым маслом⁴⁷. Разумеется, в солоновском законе не сказано напрямую, что экспорт этого масла *поощряется*. Однако на фоне запрета вывоза всех остальных сельхозпродуктов фактически именно так оно и выходило.

Препятствие ставилось, естественно, в первую очередь экспортной торговле аттическим зерном (ясно, что не вином: вино этого «терруара» никогда особенной славой среди эллинов не пользовалось). Процитированный закон Солона часто интерпретируют как важное сообщение о том, что Афины уже в его эпоху испытывали дефицит в зерновых и потребность в импорте оных. Собственно, это и есть традиционная точка зрения: данным фактором объясняли, например, колонизационную экспедицию афинян в Сигей на Геллеспонте в конце VII в. до н.э.⁴⁸ и др. Согласно данной теории, Аттика уже тогда-де билась в тисках стенохории⁴⁹.

Последнее никак не подтверждается фактами. Архаические Афины, обладая огромной – по греческим меркам! – хорой⁵⁰, в то время – даже несмотря на довольно крупное население – испытывали недостаток не в земле, а наоборот – в рабочих руках, необходимых для обработки этой земли⁵¹. Что же касается конкретно зерна, то имели очень большое значение наблюдения, сделанные в фундаментальном исследовании П. Гарнси: афинский полис начал зависеть от привозного хлеба отнюдь не в эпоху архаики, впервые потребность в нем начала ощущаться на протяжении V в. до н.э.⁵²

⁴⁵ Ruschenbusch 1966, 93 (F65, в рубрике “Wirtschaftliche Probleme”).

⁴⁶ У Рушенбуша явная опечатка: ἄλλα.

⁴⁷ См.: Foxhall 2007.

⁴⁸ Нашу критику этой точки зрения см.: Суриков 2010в.

⁴⁹ Manville 1990, 122, Блаватская 2003, 313, 315.

⁵⁰ Скажем, на территории Беотии – области, примерно сопоставимой по размеру с Атикой, находилось, по подсчетам Хансена, больше двух десятков полисов (Hansen 2004).

⁵¹ Hurwit 1985, 80; Rihl 1991, 111; Osborne 1996, 221. Привлекаем особенное внимание именно к ссылке на Р. Осборна: это ответственное, акцентированное суждение квалифицированнейшего специалиста; Stanley 1999, 192.

⁵² Garnsey 1989, 105, 273.

Соответственно, для солоновского закона о запрете экспорта сельхозпродуктов Гарнси предложил конкретно-историческое объяснение⁵³: по мнению ученого, это была ситуативная (*ad hoc*) мера, порожденная разразившимся по какой-то причине в Аттике временным хлебным дефицитом, который усугублялся тем, что аристократы-землевладельцы продолжали вывозить зерно на продажу за границу, невзирая на его недостаток в собственной стране и помышляя только о личных прибылях (т.е. стремясь, так сказать, еще и нажиться на кризисе, как во все времена поступает определенная часть населения).

Ф. Стенли, автор специальной монографии об экономической политике Солона⁵⁴, в основном солидаризируется с точкой зрения Гарнси, добавляя еще, что рассматриваемый закон способствовал переходу многих производителей на выращивание оливковых деревьев как основной выращиваемой культуры. Последнее, пожалуй, представляется соответствующим действительности: ясно, что люди, обобщенно говоря, предпочитают заниматься тем, что им более выгодно.

Но в таком случае, кстати говоря, неизбежна еще одна импликация, которую, правда, напрямую не делают ни Гарнси, не Стенли, а вот мы здесь попробуем сделать. Коль скоро в каком-то (и, видимо, немалом) количестве аттических хозяйств были расширены площади под маслины, то, стало быть, были урезаны площади под пашню. Закон Солона, стало быть, оказался «палкой о двух концах»: заложив, с одной стороны, основы для последующей всегреческой славы афинского оливкового масла, он, с другой стороны, привел со временем (в долгосрочной, очень долгосрочной перспективе – уже в классическую эпоху) к пресловутым проблемам с хлебом, превратившим «город Паллады» в крупнейшего его импортера.

Вернемся, однако, к нашему свидетельству в связи с упоминанием в нем драхм. Фигурирующая у Плутарха цифра, если считать ее аутентично солоновской, выглядит какой-то уж очень большой, даже огромной. Сто драхм при Солоне – это эквивалент ста овец или двадцати единиц крупного рогатого скота. Так, может, в данном случае биограф напутал и взял информацию не из оригинального свода 594 г. до н.э., а из той его редакции, которая существовала с конца V в. до н.э.?

Правда, вроде бы прибавляет достоверности сообщению Плутарха указание на номер аксона, по которому он приводит закон (*πρῶτος ἄξων*). Но нет, даже это указание может не иметь решающего значения. Когда в ходе рекодификации сводов Драконта и Солона их переносили с аксонов на каменные плиты, номера аксонов все-таки сохраняли, что со всей ясностью следует из надписи IG. I³. 104. В этой копии драконтовского закона об убийстве⁵⁵ после краткой преамбулы 409/408 г. до н.э. стоит *πρῶτος ἄξων*, ниже – *δεύτερος ἄξων* (ниже явно должны были стоять и другие номера, но от надписи, как известно, сохранилась только начальная часть).

И все-таки нам представляется, что свидетельству Плутарха можно доверять, а чрезвычайно крупная сумма штрафа для архонта, не пожелавшего предать проклятию лиц, которые занимаются незаконным вывозом сельхозпродуктов, имеет свое объяснение. Во-первых, проклятие – вещь серьезная, относящаяся к рели-

⁵³ Garnsey 1989, 74–75.

⁵⁴ Stanley 1989, 229 ff.

⁵⁵ См. важнейшие монографические исследования о памятнике: Stroud 1968 (с образцовым изданием); Gagarin 1981; Carawan 1998.

гиозной сфере. Например, за иное преступление религиозного же характера (нарушение торжественно принесенной на агоре клятвы) Солон предписал архонтам-фесмофетам ставить в Дельфах золотую статую в рост человека (ἀνδράντα χρυσοῦν ἰσομέτρητον: Plut. Sol. 25)⁵⁶. Это наказание уж точно выглядит несравненно бóльшим, нежели выплата даже ста драхм. Насколько нам представляется, для некоторых случаев законодателем намеренно назначались такие несообразно суровые кары, – как говорится, чтобы никому неповадно было нарушать.

Во-вторых, обратим внимание на то, кто именно оказывается в «группе риска»: архонты, то есть полисные магистраты высокого ранга. Упомянем заодно еще вот какую меру, приписываемую Солону (правда, не Плутархом): «Архонту, если его застанут пьяным, наказание – смерть»⁵⁷ (Diog. Laert. I. 57)⁵⁸. Опять перед нами мера, кажущаяся очень суровой, прямо-таки жестокой и, во всяком случае, несоразмерной с тяжестью проступка, особенно если учитывать, что вино в Древней Греции было наиболее употребительным напитком.

Так в чём же значимость отмеченного здесь нами нюанса (имеем в виду, конечно, нюанс, связанный не с вином, а с архонтами)? В последние десятилетия целым рядом антиковедов настойчиво проводилась идея эгалитаризма как базового принципа полисного социума, с самого начала формирования последнего⁵⁹. С отдельными нюансами построений представителей этого течения нам приходилось ранее полемизировать⁶⁰, что, тем не менее, отнюдь не мешает признать принципиальную верность идеи как таковой.

Но вот что интересно. Эгалитаризм – это, в сущности, представление, согласно которому все (в рамках данной референтной группы!) равны. Однако должностное лицо полиса – магистрат – оказывается не равным другим уже в силу своих полномочий; характерно уже то, что его пост у греков обозначался такими почетными терминами, как ἀρχή⁶¹, τιμή и т.п. И тут сограждан начинало «завидать», что называется, чувство неудовлетворенной справедливости (на простом человеческом языке иногда именуемое еще завистью)⁶².

⁵⁶ Ср. Arist. Ath. pol. 7.1 – с некоторыми разногласиями: ничего не говорится о размере статуи, зато отмечается, что данная мера относилась не только к фесмофетам, но ко всем девяти архонтам и что она сохранялась еще и до времен самого Аристотеля.

⁵⁷ Диоген Лаэртский здесь и далее цитируется в переводе М. Л. Гаспарова.

⁵⁸ В пользу достоверности этого сообщения см.: Суриков 2004, 140–141.

⁵⁹ Эта идея у большинства из нас ассоциируется с именем И. Морриса, и это в целом справедливо: он главный энтузиаст данной теории (Morris 1992, 41 ff.; 2004, 45 ff.; 2009, 73 ff.). Но см. также: Almeida 2003, 159 ff.; Raaflaub, Ober, Wallace 2007, 22 ff.; Farenga 2015.

⁶⁰ Мы уточняли, что следует вести речь скорее об «элитарном эгалитаризме» (Суриков 2013б, 39).

⁶¹ Термином ἀρχή «власть» (по метонимическому признаку) нередко обозначался и сам магистрат, носитель власти (особенно часто подобное словоупотребление во множественном числе). Да ведь и у нас сплошь и рядом говорят о «властях», имея в виду не абстрактные понятия, а конкретных лиц.

⁶² Собственно, одна из ключевых для «Политики» Аристотеля тем – об ἄρχοντες и ἀρχόμενοι, о двуединстве этих понятий, о связанной с этим двуединством необходимости ротации лиц, находящихся у власти, – в полной мере отражает этот круг понятий. Чуть ли не в еще большей мере отражает его сформировавшийся в демократических Афинах институт евтин – обязательных отчетов магистратов перед гражданами. В ходе этих (часто крайне нелицеприятно выслушивавшихся) отчетов ἄρχοντες прямо-таки трепетали перед ἀρχόμενοι (ср. Plut. Alc. 7 – сцена с Алкивиадом и Периклом, которая, хотя это мало кем замечено, напрямую опровергает знаменитую сентенцию в Thuc. II. 65. 9: ἐρίγνετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή – «по названию

Еще до того, как сформировалась система взглядов, очерченная Моррисом и его единомышленниками, появилась книга⁶³, на которую вначале даже не очень-то обратили внимание, но уж когда обратили – то не могли не признать, что это – лучший труд по архаическому эллинскому праву (он и поднесь не превзойден). Нам приятно сознавать, что фамилия ее автора, профессора Техасского университета, – Гагарин, то есть он, безусловно, имеет русские корни. В дальнейшем он написал еще целый ряд трудов, посвященных юридической проблематике в античной Греции⁶⁴, и на сегодняшний день является, безусловно, крупнейшим из американских специалистов в данной области.

В монографии М. Гагарина «Раннее греческое право» с предельной ясностью было продемонстрировано⁶⁵, что многие законы в полисах эпохи архаики были направлены на ограничение власти и полномочий магистратов. Собственно, именно таков уже самый ранний из дошедших до нас аутентичных древнегреческих законов (вторая половина VII в. до н.э.), содержащийся на эпиграфическом памятнике из критского города Дрерос⁶⁶: лицами, против которых он направлен, являются космы – высшие должностные лица. Имеются и другие примеры подобного же рода.

Установления Солона, о которых идет речь, прекрасно укладываются в обозначенную тенденцию. Магистратов старались поставить под контроль общины, подчас – с помощью достаточно жестких мер. Кстати, например, учреждение тем же Солоном гелиеи (первоначально – в качестве апелляционного суда)⁶⁷ урезало полномочия магистратов в сфере судопроизводства.

* * *

В особенной степени изобилует упоминаниями драхм 23-я глава плутархова жизнеописания Солона. На ней поэтому придется остановиться несколько более подробно.

Закон об изнасиловании и сводничестве. Plut. Sol. 23⁶⁸: ἐὰν δ' ἀρπάσῃ τις ἐλευθέραν γυναῖκα καὶ βιάσῃται, ζημίαν ἑκατὸν δραχμὰς ἔταξε. κἂν προαγῶγεύῃ, δραχμὰς εἴκοσι... «Тот, кто похитит свободную женщину и изнасиловует ее, карается штрафом в сто драхм. Если кто занимается сводничеством⁶⁹ – штраф в двадцать драхм...».

Кстати, здесь же Плутарх по контрасту отмечает: «Тому, кто застанет любовника своей жены⁷⁰ на месте преступления, он (Солон – *И.С.*) дал право его

это было правление народа, а на деле власть первого гражданина», перевод Г. А. Стратановского). Кстати, совершенно превратно интерпретировано это место труда Фукидида у Г. А. Леманна, автора одной из последних по времени биографий Перикла: Lehmann 2008, 20.

⁶³ Gagarin 1986.

⁶⁴ Важнейшие из них: Gagarin 2002; 2008.

⁶⁵ Gagarin 1986, 90–91, 125–126.

⁶⁶ Meiggs, Lewis 1989, 2 (No. 2).

⁶⁷ Суриков 2005в (со ссылками на предшествующую литературу).

⁶⁸ Ruschenbusch 1966, 77–78 (F26, F30a, в рубрике “Sittlichkeitsdelikte”).

⁶⁹ Речь идет опять же о сводничестве в отношении свободных женщин-гражданок, и тут не имеют в виду, скажем, рабыни в борделях (о которых см., например: McGinn 2011).

⁷⁰ Собственно, речь идет о μοιχός – прелюбодее, совратителе. См. к вопросу об этой категории: Cantarella 1991.

убить». Сопоставление двух законов дает херонейцу возможность, по обыкновению, поморализировать: «Солоновы законы о женщинах, вообще говоря, кажутся во многом нелепыми... Наказывать за один и тот же поступок то с неумолимой строгостью, то с благодушной шуткой, назначая какой попало денежный штраф, неразумно; впрочем, ввиду тогдашней редкости монеты в Афинах, трудность доставать деньги делала денежный штраф тяжелым».

Что интересно, последнее суждение в целом верно – если не считать той детали, что, как отмечалось выше, в солоновских Афинах монета вообще еще не чеканилась, но об этом Плутарх не мог знать, об этом не знал даже Аристотель. Следует повторить, что штраф, например, в сто драхм в те времена представлял собой огромную сумму (эквивалент стоимости двадцати быков) и, нужно полагать, мало кому под силу было его выплатить. Но в первую очередь нас должны интересовать все-таки не умозрительные соображения биографа римского времени, а тот закон, который он тут процитировал.

В законе этом, на первый взгляд, вроде бы присутствуют элементы защиты прав женщин⁷¹. Но если всмотреться пристальнее, это впечатление оказывается превратным. В действительности цель большинства вышеприведенных узаконений – защитить как раз права *мужчины*, гражданина-собственника, а женщина выступает не более чем в роли той самой собственности, вещи, право на которую охраняется здесь от посягательств.

Как бы то ни было, легко заметить, что штрафы, назначенные законодателем, и в этом случае выглядят весьма существенными. Вообще говоря, пенитенциарное право в Афинах как архаической, так еще и классической эпох отличалось суровостью. Традиция, согласно которой предшественник Солона Драконт якобы карал любое преступление, вне зависимости от степени его тяжести, смертной казнью, отражает, конечно, историографический миф, сложившийся уже в античности⁷² (очень легко доказать, что она не соответствует действительности: из надписи IG. I³. 104 известно, что, как минимум, неумышленный убийца подлежал не смерти, а изгнанию); однако какой-то реальности она косвенно соответствует. А именно: по отношению к лицам, совершившим деликты, которые, на наш современный взгляд, не являются такими уж сугубо серьезными (в ряде ситуаций – даже к банальным воришкам), нередко применялась высшая мера⁷³. На подобном штраф, даже крупный, выглядит даже определенным послаблением.

Закон о наградах победителям в панэллинских играх. Plut. Sol. 23⁷⁴: τῷ δ' Ἰσθμια νικήσαντι δραχμας ἑκατὸν ἔταξεν δίδοσθαι, τῷ δ' Ὀλυμπιονίκῃ πεντακοσίας. «Победителю на Истмийских играх он назначил в награду сто драхм, а победителю на Олимпийских – пятьсот».

Имеется параллельное свидетельство, принадлежащее Диогену Лаэртию: последний, правда, превратно понял меру, о которой идет речь. Diog. Laert. I. 55⁷⁵: συνέστειλε δὲ καὶ τὰς τιμὰς τῶν ἐν ἀγῶσιν ἀθλητῶν, Ὀλυμπιονίκη μὲν τάξας πεντακοσίας δραχμάς, Ἰσθμιονίκη δὲ ἑκατὸν καὶ ἀνὰ λόγον ἐπὶ τῶν

⁷¹ В некоторой степени подобная позиция прослеживается в работе: Lape 2002/2003.

⁷² Суриков 2005 г, 239 слл.

⁷³ Суриков 1999; 2012б, 244 слл. В связи конкретно с ворами см.: Суриков (в печати).

⁷⁴ Ruschenbusch 1966, 123 (F143a, в рубрике "Sonstiges").

⁷⁵ Ruschenbusch 1966, 123 (F143b, в той же рубрике).

ἄλλων. «Далее, Солон сократил награды за гимнастические состязания, положив 500 драхм за победу в Олимпии, 100 драхм⁷⁶ – на Истме и соответственно в других местах».

Разумеется, ни о каком сокращении не может быть и речи. Диоген⁷⁷, живший еще позже, чем Плутарх, а главное – обладавший несравненно худшим по сравнению с ним историческим чутьем, посчитал, исходя из реалий своего времени, что 100 и 500 драхм – это какие-то не очень значительные суммы. А в действительности, как мы неоднократно видели выше, для солоновской эпохи они огромны. Понимавший это Плутарх потому-то и не говорит (совершенно справедливо) ни о каких сокращениях наград, а просто констатирует их назначение и называет цифры. Эти цифры, кстати, совпадают у обоих авторов; добавку Диогена καὶ ἄνὰ λόγον ἐπὶ τῶν ἄλλων, возможно, следует счесть корректной.

Э. Рушенбуш поместил процитированные свидетельства в ту часть своей подборки, которая озаглавлена «Неподлинное, сомнительное, бесполезное». Мы, однако, не склонны разделять его скептицизм. Как прекрасно известно, победители в панэллинских состязаниях почитались своими согражданами совершенно экстраординарно – как люди, особо выделенные богами⁷⁸. Награждение их крупными денежными призами выглядит чем-то вполне естественным.

На момент солоновских реформ в Афинах уже было несколько олимпиоников. Из источников известны следующие: Пантакл (победа в беге в 696 г. до н.э., две победы в беге в 692 г. до н.э.), Еврибат (победа в беге в 672 г. до н.э.), Стомас (победа в беге в 644 г. до н.э.), Килон (победа в беге в 640 г. до н.э.), Фринос (победа в панкратии в 636 г. до н.э.)⁷⁹. Размышляя над этим списком, поневоле делаешь два небезынтересных наблюдения.

Во-первых, как легко заметить, в VII в. до н.э. ни один из афинян не победил в Олимпии в самом престижном и почетном состязании – гонках колесниц. Для сравнения, в следующую, послесолоновскую, эпоху такие победы становятся весьма частыми: 592 г. до н.э. – Алкмеон, сын Мегакла; 564 г. до н.э. – Каллий, сын Фениппа; 560 г. до н.э. – Мильтиад, сын Кипсела; 532, 528 и 524 гг. до н.э. – Кимон, сын Стесагора; 500, 496 и 492 г. до н.э. – Каллий, сын Гиппоника.

Во-вторых, хотя в целом победы афинских граждан распределяются по VII веку до н.э. достаточно равномерно, есть одно исключение: непосредственно пе-

⁷⁶ В русском издании Диогена в этом месте почему-то «700 драхм». Это не соответствует никаким вариантам рукописной традиции, да и в целом выглядит противоестественно: не могли же победителя на менее престижных Истмийских играх награждать более щедро, чем олимпионика. Не думаем, что М. Л. Гаспаров, тонкий знаток как языка, так и агональной тематики, допустил здесь какую-то ошибку. Несомненно, налицо банальная опечатка, на которую тем не менее необходимо обратить внимание читателей, поскольку у нас подчас работают с переводами, не заглядывая в оригинал, отчего порой и случаются ляпсусы. Характерный пример. Э. В. Рунг в одной из своих работ пишет, что в Платейской битве, согласно Геродоту, участвовали всего лишь 800 воинов из Афин, и из этого делает далеко идущие выводы (Рунг 2009, 93). В действительности же о 800 афинянах в союзном греческом войске при Платеях говорится только в русском переводе Геродота, принадлежащем Г. А. Стратановскому; очевидно, в издание тоже вкралась опечатка. В оригинале же говорится о 8 тысячах (ὀκτακισχίλοι). Афинский контингент в этой кампании был не каким-то незначительным, а вторым по размеру после спартанского и почти таким же, как в славном сражении при Марафоне!

⁷⁷ Автор этих строк должен покаяться, что в одной из своих более ранних работ по неопытности принял точку зрения Диогена (Суриков 2004, 133–135).

⁷⁸ См. в связи с этим интересные наблюдения: Гаспаров 2000, 39

⁷⁹ Подробнее обо всех этих лицах (а также и об упомянутых ниже) см. Surikov 2004, 186 ff.

ред архонтатом Солона более сорока лет не было одержано ни одной. Конечно, можно возразить, что имеющиеся в нашем распоряжении данные об олимпиониках неполны⁸⁰ и какие-то имена могли просто не сохраниться. Это так, но, думается, следует исходить из того, что дошедшая выборка является случайной и тем самым репрезентативной.

Иными словами, наверное, можно все-таки констатировать, что в последней трети VII – начале VI в. до н.э. олимпийская слава афинян претерпела определенный упадок. Данный факт, несомненно, следует связать с тем кризисом, который как раз тогда переживал афинский полис и попыткой выхода из которого как раз явились действия Солона в 594/593 г. до н.э. Какова бы ни была природа этого кризиса⁸¹, в самой его реальности сомневаться не приходится, равно как и в том, что он (как любой кризис в любые времена) привел в той или иной степени к ухудшению общего материального положения жителей Аттики: тут уж было не до спорта.

А в то же время олимпийские победы уже к рассматриваемому периоду стали важной частью престижа эллинских государств. Мириться с тем, что такой полис, как Афины, больше на этот поприще не блещет, было, конечно, трудно. Мы предполагаем, что солоновские меры по награждению олимпиоников (и, видимо, также победителей в остальных панэллинских играх, – во всяком случае, относительно Истмийских об этом в источниках говорится эксплицитно) имели целью именно активизацию участия сограждан в таковых играх.

Крупная награда (500 драхм, напомним вновь, – это эквивалент 100 быков) сама по себе, естественно, служила стимулом. Кроме того, может быть, даже стоит говорить не только о награждении как таковом, но и о, так сказать, спонсировании дальнейшего участия. Ведь спорт для тех, кто им занимался, был делом достаточно затратным. Атлеты придерживались специальной диеты, основанной на мясных блюдах, им необходимы были определенные условия для тренировок, наличие досуга и т.д.

Если цель анализируемого солоновского закона действительно была такой, то следует констатировать, что эта цель была достигнута. Как видно из вышеприведенных данных, после Солона афиняне впервые начали побеждать в Олимпии в колесничных бегах, а это был, помимо всего прочего, самый дорогостоящий вид спорта. Кроме того, возросло количество одержанных ими повторных и даже третьих побед. Разумеется, мы никак не хотели бы редуccionистски сводить причины изменения ситуации к изданию одного конкретного солоновского закона. Но, вероятно, и его тоже следует учитывать – в числе прочих факторов.

* * *

Переходим, наконец, к самому важному пассажи из «Солона» Плутарха, упоминающему драхмы. Строго говоря, это не один, а два пассажи⁸², но они настолько тесно взаимосвязаны, что их можно и должно рассматривать только вместе.

⁸⁰ Они тщательно собраны в известном издании: Moretti 1957.

⁸¹ На сей счет в исследовательской литературе имеется колоссальный спектр точек зрения. См. (чисто *exempli gratia*): Hopper 1966; Ellis, Stanton 1968; Lévêque 1978; Gallant 1982; French 1984; Gottesman 1998; Stanley 1999, p. 160 ff.; Ober 2006; Raaflaub, Ober, Wallace 2007, 49 ff.; Туманс 2007; Суриков 2007в; Гушин 2011.

⁸² Ruschenbusch 1966, 99 (F77), 100–101 (F81).

Plut. Sol. 23: εἰς μὲν γε τὰ τιμήματα τῶν θυσιῶν λογίζεται πρόβατον καὶ δραχμὴν ἀντὶ μεδίμνου... λύκον δὲ τῷ κομίσαντι πέντε δραχμάς, λυκιδέα δὲ μίαν, ὧν φησὶν ὁ Φαληρεὺς Δημήτριος τὸ μὲν βοὸς εἶναι, τὸ δὲ προβάτου τιμὴν. ἃς γὰρ ἐν τῷ ἑκκαίδεκάτῳ τῶν ἀξόνων ὀρίζει τιμὰς τῶν ἐκκρίτων ἱερείων, εἰκὸς μὲν εἶναι πολλαπλασίας, ἄλλως δὲ κακεῖναι πρὸς τὰς νῦν εὐτελεῖς εἶσιν. «Так, например, при оценке жертвоприношений Солон считает овцу и драхму равноценными с медимном хлеба... Кто принесет волка, тому он назначил пять драхм, а кто волчонка – тому одну; из этих сумм, по словам Деметрия Фалерского, первая есть цена вола⁸³, а вторая – овцы. Цены, установленные им на шестнадцатой таблице за отборных жертвенных животных, естественно, во много раз выше, чем за обыкновенных, но все-таки и они, по сравнению с теперешними, невелики».

Сопроводим процитированное свидетельство некоторыми необходимыми комментариями. Во-первых, как следует правильно понимать выражение λογίζεται πρόβατον καὶ δραχμὴν ἀντὶ μεδίμνου, «считает овцу и драхму равноценными с медимном хлеба»? Означает ли оно, что равноценны были медимн (ок. 52 литров) зерна, овца и драхма, или же к медимну приравнивались овца *плюс* драхма? Мы присоединяемся к практически общепринятой точке зрения, согласно которой правомерна первая из этих двух интерпретаций; иными словами, овца стоила драхму (это недвусмысленно следует из содержащегося чуть ниже утверждения – со ссылкой на Деметрия Фалерского), и драхму же стоил медимн зерна.

Во-вторых, в той же фразе τὰ τιμήματα τῶν θυσιῶν неоднократно⁸⁴ предлагалось исправить на τὰ τιμήματα τῶν οὐσιῶν. Тогда получается, что речь идет не об оценке жертвоприношений, а об оценке имуществ. Соответственно, Э. Рушенбуш заносит данное сообщение Плутарха в рубрику «Представление Ареопагу декларации о доходах с целью распределения по четырем имущественным классам».

Эмendaция, что и говорить, выглядит весьма интересной, имеющей палеографические основания (порча Ο на Θ и наоборот – вещь нередкая в любой греческой рукописной традиции), а главное – ставящей всё свидетельство в совершенно иной контекст, относящей его не к религиозной «секции» солоновского законодательства, а к постановлениям об имущественных классах⁸⁵. Кстати, если принять исправление, то становится понятным, почему у Плутарха овца и драхма приравниваются к медимну, а не овца и медимн – к драхме. Ведь, как известно, критерием распределения граждан по классам служил годовой доход каждого, выраженный именно в медимнах (Arist. Ath. pol. 3–4). В таком случае выходит, что здесь перед нами, так сказать, схема пересчета в доходы, полученные в сельскохозяйственных продуктах, доходов, полученных иным образом. И всё становится на свои места: ведь ясно же, что уже и в солоновские времена люди получали прибыль самыми разнообразными способами (ср. своеобразный «каталог профессий»: Sol. fr. 1. 43 sqq. Diehl), а не только выращиванием хлеба.

⁸³ Не знаем, почему в переводе С. И. Соболевского фигурирует вол (кастрированный бык). В оригинале – просто βοὸς (без артикля), то есть речь идет либо о быке, либо о корове, иными словами, выражаясь современным языком, о единице крупного рогатого скота.

⁸⁴ Например: Лурье 1939, 84; Ruschenbusch 1966, 99.

⁸⁵ Из новой литературы об этих классах см., например: Foxhall 1997; Wees 2006.

На вышесказанное, правда, можно возразить, что далее в рамках рассматриваемого свидетельства все-таки заходит речь о делах религиозных, а именно о ценах на отборных жертвенных животных. Причем в связи с ними упоминается конкретный аксон (16-й), а в случаях таких указаний достоверность соответствующего сообщения, ясно, возрастает.

Однако, строго говоря, нельзя категорично утверждать, что в первой части приведенного пассажа речь идет о тех же реалиях, что и во второй. Вполне возможно, что эти две части следует трактовать по отдельности друг от друга, – тем более что между ними вторгается фраза о наградах олимпийским и истмийским победителям (разбиравшаяся выше).

Как бы то ни было, большое значение информации, содержащейся в этом месте у Плутарха, налицо. Именно она позволяет говорить – пусть и с определенной степенью приблизительности – о масштабах цен в солоновских Афинах, поскольку биографом сохранены некоторые базовые соотношения, причем со ссылкой, как видим, на Деметрия Фалерского. Последний был хотя и политически ангажированным автором, но при этом скрупулезным ученым, как любой перипатетик. Он мог, допустим, создать миф о «политии Драконта»⁸⁶ (или подхватить и «растиражировать» такой миф), но трудно представить, зачем бы ему понадобилось фальсифицировать цифры, относящиеся к ценам во времена Солона. Никакими насущными политическими интересами подобная выдумка не могла бы диктоваться.

В плутарховом жизнеописании афинского реформатора есть еще одно свидетельство с упоминанием драхм (Plut. Sol. 15). Это – именно то, в котором говорится о сисахфии; оно отчасти коррелирует, отчасти же расходится с сообщением «Афинской политии» Аристотеля, который специально говорит о том, что Солон осуществил такую меру, как ἡ τοῦ νομίσματος αὔξησις (Arist. Ath. pol. 10). Оба античных автора исходят из того, что при Солоне и даже до Солона в Афинах уже чеканилась монета (что не соответствует действительности), а он осуществлял в этой сфере некие преобразования (в частности, менял соотношение стоимости драхмы по отношению к стоимости мины).

Постановление о сисахфии, как отмечалось выше, не входило в число солоновских законов в строгом смысле слова (νόμοι), записанных на аксонах. Соответственно, пассажи источников, упомянутые в предыдущем абзаце, не включены в свод Э. Рушенбуша. Для нас они, тем не менее, будут иметь ключевое значение – но не в этой, а в следующей, второй, части статьи. Там-то они и будут процитированы в оригинале и в переводе, прокомментированы, разобраны; тогда же и будет указана посвященная им литература (а она достаточно обильна).

Их анализ, полагаем, позволит внести определенный вклад в попытку решения основного вопроса – о каких драмах идет речь в законах Солона, коль скоро Афины в начале VI в. до н.э. еще не чеканили? И тот конкретный источниковый материал, который был приведен выше, также будет задействован в аналогичных целях (таким образом, первая часть статьи стала необходимым и неизбежным подготовительным этапом для написания второй). Кроме того, будут рассмотрены основные существующие в современной исследовательской литературе точ-

⁸⁶ См. выше, прим. 18.

ки зрения на солоновские драхмы и выделены наиболее перспективные из них. Одним словом, на смену описательному, чисто эмпирическому подходу, который пока у нас преобладал, придет концептуальный.

Пока, во всяком случае, можно безоговорочно констатировать: драхмы в законах Солона действительно фигурировали и сохранившиеся свидетельства об этом (содержащиеся, как мы видели, в основном у Плутарха) в большинстве своем аутентичны. Что же это были за деньги, если не монеты (методологически неверно отождествлять отсутствие чеканной монеты с отсутствием денег как таковых, до начала чеканки четко фиксируется стадия домонетных денег⁸⁷), какой они имели вид? Об этом в дальнейшем и предстоит говорить.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев, С.С. 1965: Наблюдения над композиционной техникой Плутарха в «Параллельных жизнеописаниях» («Солон»). *Вопросы классической филологии* 1, 160–180.
- Блаватская, Т.В. 2003: *Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.)*. СПб.
- Гаспаров, М.Л. 2000: *Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика*. СПб.
- Гущин, В.Р. 2011: *Цензовая реформа Солона и кризис в Аттике на рубеже VII–VI вв. до н.э.* ВДИ 3, 107–122.
- Коваленко, С.А., Толстиков, В.П. 2010: О начале монетной чеканки на Боспоре. ВДИ 3, 31–59; 4, 23–50.
- Кудрявцева, Т.В. 2008: *Народный суд в демократических Афинах*. СПб.
- Курбатов, А.А. 2006: *Аристократия в архаической Греции*. Астрахань.
- Лурье, С.Я. 1939: К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века. *Ученые записки ЛГУ* 39, 73–88.
- Рунг, Э.В. 2009: «Платейская клятва» в нарративной традиции и эпиграфике: Проблема интерпретации текста. *Вопросы эпиграфики* 9, 84–101.
- Суриков, И.Е. 1999: О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи. ДП 2 (5), 34–42.
- Суриков, И.Е. 2004: *Проблемы раннего афинского законодательства*. М.
- Суриков, И.Е. 2005а: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. М.
- Суриков, И.Е. 2005б: ΒΟΥΛΑΙ в Афинах (Эпоха архаики). *Studia historica* 5, 3–22.
- Суриков, И.Е. 2005в: Некоторые проблемы истории афинской гелии. ДП 2 (16), 8–20.
- Суриков, И.Е. 2005г: О некоторых мнимых реальностях в античной и современной историографии древних Афин. В кн.: Т.Н. Джаксон (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах*. М., 239–250.
- Суриков, И.Е. 2005д: «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы. ВДИ 3, 151–161.
- Суриков, И.Е. 2006а: Древнейшие афинские монеты (Wappenmünzen): проблемы интерпретации и датировки. АМ 12, 43–51.
- Суриков, И.Е. 2006б: Изучение древнегреческого публичного права в античной юридической науке: первые шаги. ДП 1 (17), 26–36.
- Суриков, И.Е. 2007а: *Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения*. М.

⁸⁷ Подробнее см.: Суриков 2007а, 189 слл. См. важные соображения в связи с тем, что для античной экономики начало чеканки не было такой уж радикальной инновацией, как обычно считается: Servet 1984, passim.

- Суриков, И.Е. 2007б: От Warrenmünzen к «Совам»: в поисках исторического контекста. В сб.: В.А. Калинин (ред.), *XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. СПб., 10–12.
- Суриков, И.Е. 2007в: Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах. *ВДИ* 3, 28–46.
- Суриков, И.Е. 2007г: О необходимости современных подходов к изучению архаической аристократии. *Studia historica* 7, 206–220.
- Суриков, И.Е. 2008а: Еще раз об афинской гелиее. *ДП* 2 (22), 8–24.
- Суриков, И.Е. 2008б: *Солнце Эллады: История афинской демократии*. СПб.
- Суриков, И.Е. 2009а: Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (по-лемические заметки) Часть II. *Из истории античного общества* 12, 5–37.
- Суриков, И.Е. 2009б: О так называемой монетной реформе Гиппия в Афинах. В сб.: И.В. Ширяков (ред.), *Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. М., 7–9.
- Суриков, И.Е. 2009в: Державный демос – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н.э.). В кн.: Д.М. Бондаренко, А.А. Немировский (ред.), *Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти*. М., 79–95.
- Суриков, И.Е. 2010а: Греческий полис архаической и классической эпох. В кн.: В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (ред.), *Античный полис: Курс лекций*. М., 8–54.
- Суриков, И.Е. 2010б: Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин. *Из истории античного общества* 13, 37–60.
- Суриков, И.Е. 2010в: Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин). *АМА* 14, 20–48.
- Суриков, И.Е. 2012а: Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им исторического значения. *ВДИ* 2, 29–54.
- Суриков, И.Е. 2012б: *Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры*. М.
- Суриков, И.Е. 2013а: Древнегреческие надписи классической эпохи как памятники исторической мысли. *Вопросы эпиграфики* 7, 1, 376–404.
- Суриков, И.Е. 2013б: Афины в VIII–VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта»). *ВДИ* 4, 23–43.
- Суриков, И.Е. (в печати): Кража в раннем греческом праве (на примере Афин). *ДП*.
- Туманс, Х. 2007: Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солона. *ВДИ* 2, 19–39.
- Almeida, J.A. 2003: *Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology*. Leiden.
- Barta, H. 2011: «*Graeca non leguntur*»? *Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd. II: Archaische Grundlagen*. Tl. 1–2. Wiesbaden.
- Beulé, E. 1858: *Les monnaies d'Athènes*. Paris.
- Blois, L. de. 2006: Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? In: J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 429–440.
- Cantarella, E. 1991: Moicheia. Reconsidering a Problem. In: M. Gagarin (Hg.), *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 289–296.
- Carawan, E. 1998: *Rhetoric and the Law of Draco*. Oxford.
- Carawan, E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxford.
- Casey, P.J. 1986: *Understanding Ancient Coins: An Introduction for Archaeologists and Historians*. London.
- Cassola, F. 1973: La proprietà del suolo in Attica fino a Pisistrato. *Parola del passato* 28, 75–87.

- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families, 600–300 B. C.* Oxford.
- Dawson, S. 1999: The Athenian Wappenmünzen. *Scholia* 8, 71–77.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 BC.* Cambridge.
- Dickey, E. 2007: *Ancient Greek Scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from their Beginnings to the Byzantine Period.* Oxford.
- Ehrenberg, V. 1968: *From Solon to Socrates.* London.
- Ellis, J.R., Stanton, G.R. 1968: Factional Conflict and Solon's Reforms. *Phoenix* 22, 2, 95–110.
- Farenga, V. 2015: Liberty, Equality, and Authority: A Political Discourse in Greek Participatory Communities. In: D. Hammer (ed.), *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic.* Oxford, 101–112.
- Flament, C. 2007: *Le monnayage en argent d'Athènes: De l'époque archaïque à l'époque hellénistique (c. 550 – c. 40 av. J.-C.).* Louvain-la-Neuve.
- Foxhall, L. 1997: A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes. L. G. Mitchell, P. J. Rhodes (eds), *The Development of the Polis in Archaic Greece.* L. – New York, 61–74.
- Foxhall, L. 2007: *Olive Cultivation in Ancient Greece: Seeking the Ancient Economy.* Oxford.
- French, A. 1984: Solon's Act of Mediation. *Antichthon* 18, 1–12.
- Gagarin, M. 1981: *Drakon and Early Athenian Homicide Law.* New Haven.
- Gagarin, M. 1986: *Early Greek Law.* Berkeley.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists.* Austin.
- Gagarin, M. 2008: *Writing Greek Law.* Cambridge.
- Gallant, J.W. 1982: Agricultural Systems, Land Tenure, and the Reforms of Solon. *Annual of the British School at Athens* 77, 111–124.
- Garnsey, P. 1989: *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis.* Cambridge.
- Gottesman, A. 1998: Solon's Fox: Poetry and Revolution in Archaic Athens. *Pomoerium* 3, 19–25.
- Hammond, N.G.L. 1973: *Studies in Greek History.* Oxford.
- Hansen, M.H. 2004: Boiotia. In: M. H. Hansen, T. H. Nielsen (eds), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation.* Oxford, 431–461.
- Harding, Ph. 1994: *Androton and the Atthis.* Oxford.
- Head, B.V. 1887: *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics.* Oxford.
- Head, B.V. 1911: *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics.* 2nd ed. Oxford.
- Hemmerdinger, B. 1984: Le régime des eupatrides dans Athènes (621–594). *Quaderni di storia* 10, 19, 165–170.
- Hignett, C. 1952: *A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C.* Oxford.
- Hölkeskamp, K.-J. 1999: *Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland.* Stuttgart.
- Hölkeskamp, K.-J. 2005: What's in a Code? Solon's Laws between Complexity, Compilation and Contingency. *Hermes* 133, 3, 280–293.
- Hopper, R.J. 1966: The Solonian 'Crisis'. In: E. Badian (ed.), *Ancient Society and Institutions.* Oxford, 139–146.
- Hurwit, J.M. 1985: *The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B. C.* Ithaca.
- Kagan, D. 1982: The Dates of the Earliest Coins. *AJA* 86, 343–360.

- Kraay, C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley.
- Kraay, C.M. 1977: The Asyut Hoard: Some Comments on Chronology. *NC* 17, 189–198.
- Kraay, C.M. 1989: Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen. In: M. Radnoti-Alföldi (Hg.), *Methoden der antiken Numismatik*. Darmstadt, 180–210.
- Kroll, J. H. 1981: From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls. *The American Numismatic Society. Museum Notes* 26, 1–32.
- Kroll, J.H. 1993: *The Greek Coins (The Athenian Agora. Vol. 26)*. Princeton.
- Kroll, J.H. 1998: Silver in Solon's Laws. In: R. Ashton, S. Hurter (eds), *Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price*. L., 225–232.
- Kroll, J.H. 2008: The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece. In: W. V. Harris (ed.), *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxford, 12–37.
- Kroll, J.H., Waggoner, N.M. 1984: Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina. *AJA* 88, 3, 325–340.
- Lape, S. 2002/2003: Solon and the Institution of the “Democratic” Family Form. *Classical Journal* 98, 2, 117–139.
- Lehmann, G.A. 2008: *Perikles: Staatsmann und Stratege im klassischen Athen. Eine Biographie*. München.
- Lévêque, P. 1978: Formes des contradictions et voies de développement à Athènes de Solon à Clithène. *Historia* 27, 4, 522–549.
- McGinn, T.A.J. 2011: Conclusion: Greek Brothels and More. A. Glazebrook, M. M. Henry (eds), *Greek Prostitutes in the Ancient Mediterranean, 800 BCE – 200 CE*. Madison, 256–268.
- Maffi, A. 1982: Τὰ ἱερὰ καὶ τὰ ὄσια. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca. In: J. Modrzejewski, D. Liebs (Hg.), *Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 33–53.
- Markianos, S.S. 1974: The Chronology of the Herodotean Solon. *Historia* 23, 1, 1–20.
- Manville, P.B. 1990: *The Origins of Citizenship in Ancient Athens*. Princeton.
- Martina, A. 1968: *Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera*. R.
- Meiggs, R., Lewis, D. 1989: *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C.* Revised ed. Oxford.
- Molina, L.A. 1998: Solon and the Evolution of the Athenian Agrarian Economy. *Pomeron* 3, 5–18.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma.
- Morris, I. 1992: The Early Polis as City and State. In: J. Rich, A. Wallace-Hadrill (ed.), *City and Country in the Ancient World*. L. – New York, 25–59.
- Morris, I. 2004: Equality and the Origins of Greek Democracy. In: E. W. Robinson (ed.), *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources*. Oxford, 45–74.
- Morris, I. 2009: The Eighth-Century Revolution. In: K.A. Raaflaub, H. van Wees (eds), *A Companion to Archaic Greece*. Oxford, 64–80.
- Murray, O. 1993: *Early Greece*. 2 ed. L.
- Ober, J. 2006: Solon and the *Horoi*: Facts on the Ground in Archaic Athens. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 441–456.
- Osborne, R. 1996: *Greece in the Making, 1200–479 B. C.* L. – New York.
- Panchenko, D. 2000: Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology. *Hyperboreus* 6, 1, 31–78.
- Piccirilli, L. 1977: Commento. In: M. Manfredini, L. Piccirilli (a cura di), *Plutarco. La vita di Solone*. R., 107–284.
- Price M.J., Waggoner N.M. 1975: *Archaic Silver Coinage: The Asyut Hoard*. London.
- Raaflaub, K.A., Ober, J., Wallace, R.W. 2007: *Origins of Democracy in Ancient Greece*. Berkeley.

- Rhodes, P.J. 1972: *The Athenian Boule*. Oxford.
- Rhodes, P.J. 1975: Solon and the Numismatists. *NC* 15, 1–11.
- Rhodes, P.J. 2006: The Reforms and Laws of Solon: An Optimistic View. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 248–260.
- Rihll, T.E. 1991: EKTHMOPOI: Partners in Crime? *Journal of Hellenic Studies* 111, 101–127.
- Robertson, N. 1986: Solon's Axones and Kyrbeis and the Sixth-Century Background. *Historia* 35, 2, 147–176.
- Ruschenbusch, E. 1957: ΔΙΚΑΣΤΗΡΙΟΝ ΠΑΝΤΩΝ ΚΥΡΙΟΝ. *Historia* 6, 257–274.
- Ruschenbusch, E. 1965: Ἡλιαία. Die Tradition über das solonische Volksgericht. *Historia* 14, 3, 381–384.
- Ruschenbusch, E. 1966: ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzweskes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden.
- Ste. Croix G.E.M. de 2005: *Athenian Democratic Origins and Other Essays*. Oxford.
- Scafuro, A.C. 2006: Identifying Solonian Laws. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 175–196.
- Schiller, F. von 1946: *Die Gesetzgebung des Lykurgus und Solon*. Hamburg.
- Sealey, R. 1979: Zum Datum der solonischen Gesetzgebung. *Historia* 28, 2, 238–241.
- Seltman, C.T. 1924: *Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion*. Cambridge.
- Servet, J.-M. 1984: *Nomismata: État et origines de la monnaie*. Lyon.
- Stanley, P.V. 1999: *The Economic Reforms of Solon*. St. Katharinen.
- Stanton, G.R. 1991: *Athenian Politics c. 800–500 B.C.: A Sourcebook*. L. – New York.
- Stockton, D. 1991: *The Classical Athenian Democracy*. Oxford.
- Stroud, R.S. 1968: *Drakon's Law on Homicide*. Berkeley.
- Stroud, R.S. 1979: *The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon*. Berkeley.
- Surikov, I.E. 2004: Athenian Nobles and the Olympic Games. *Mésogeios* 24, 185–208.
- Wees, H. van 2006: Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited. In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 351–389.

REFERENCES

- Almeida, J.A. 2003: *Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology*. Leiden.
- Averincev, S.S. 1965: Nabljudenija nad kompozicionnoj tehnikoj Plutarha v «Parallel'nyh zhizneopisanijah» («Solon»). *Voprosy klassicheskoy filologii* 1, 160–180.
- Barta, H. 2011: «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd. II: Archaische Grundlagen. Tl. 1–2. Wiesbaden.
- Beulé, E. 1858: *Les monnaies d'Athènes*. Paris.
- Blavatskaja, T.V. 2003: *Cherty istorii gosudarstvennosti Jellady (XII–VII vv. do n.je.)*. Saint-Petersburg.
- Blois, L. de. 2006: Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? In: J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 429–440.
- Cantarella, E. 1991: Moicheia. Reconsidering a Problem. In: M. Gagarin (Hg.), *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 289–296.
- Carawan, E. 1998: *Rhetoric and the Law of Draco*. Oxford.
- Carawan, E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxford.

- Casey, P.J. 1986: *Understanding Ancient Coins: An Introduction for Archaeologists and Historians*. L.
- Càssola, F. 1973: La proprietà del suolo in Attica fino a Pisistrato. *Parola del passato* 28, 75–87.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families, 600–300 B. C.* Oxford.
- Dawson, S. 1999: The Athenian Wappenmünzen. *Scholia* 8, 71–77.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 BC*. Cambridge.
- Dickey, E. 2007: *Ancient Greek Scholarship: A Guide to Finding, Reading, and Understanding Scholia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford.
- Ehrenberg, V. 1968: *From Solon to Socrates*. London.
- Ellis, J.R., Stanton, G.R. 1968: Factional Conflict and Solon's Reforms. *Phoenix* 22, 2, 95–110.
- Farenga, V. 2015: Liberty, Equality, and Authority: A Political Discourse in Greek Participatory Communities. In: D. Hammer (ed.), *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Oxford, 101–112.
- Flament, C. 2007: *Le monnayage en argent d'Athènes: De l'époque archaïque à l'époque hellénistique (c. 550 – c. 40 av. J.-C.)*. Louvain-la-Neuve.
- Foxhall, L. 2007: *Olive Cultivation in Ancient Greece: Seeking the Ancient Economy*. Oxford.
- Foxhall, L. 1997: A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes. L. G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds), *The Development of the Polis in Archaic Greece*. L. – New York, 61–74.
- French, A. 1984: Solon's Act of Mediation. *Antichthon* 18, 1–12.
- Gagarin, M. 1981: *Drakon and Early Athenian Homicide Law*. New Haven.
- Gagarin, M. 1986: *Early Greek Law*. Berkeley.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Gagarin, M. 2008: *Writing Greek Law*. Cambridge.
- Gallant, J.W. 1982: Agricultural Systems, Land Tenure, and the Reforms of Solon. *Annual of the British School at Athens* 77, 111–124.
- Garnsey, P. 1989: *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. Cambridge.
- Gottesman, A. 1998: Solon's Fox: Poetry and Revolution in Archaic Athens. *Pomoerium* 3, 19–25.
- Gushhin, V.R. 2011: Cenzovaja reforma Solona i krizis v Attike na rubezhe VII–VI vv. do n.je. *Vestnik drevney istorii* 3, 107–122.
- Hammond, N.G.L. 1973: *Studies in Greek History*. Oxford.
- Hansen, M.H. 2004: Boiotia. In: M. H. Hansen, T. H. Nielsen (eds), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 431–461.
- Harding, Ph. 1994: *Androtion and the Atthis*. Oxford.
- Head, B.V. 1887: *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics*. Oxford.
- Head, B.V. 1911: *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics*. 2nd ed. Oxford.
- Hemmerdinger, B. 1984: Le régime des eupatrides dans Athènes (621–594). *Quaderni di storia* 10, 19, 165–170.
- Hignett, C. 1952: *A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C.* Oxford.
- Hölkeskamp, K.-J. 1999: *Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland*. Stuttgart.

- Hölkeskamp, K.-J. 2005: What's in a Code? Solon's Laws between Complexity, Compilation and Contingency. *Hermes* 133, 3, 280–293.
- Hopper, R.J. 1966: The Solonian 'Crisis'. In: E. Badian (ed.), *Ancient Society and Institutions*. Oxford, 139–146.
- Hurwit, J.M. 1985: *The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B. C.* Ithaca.
- Kagan, D. 1982: The Dates of the Earliest Coins. *AJA* 86, 343–360.
- Kovalenko, S.A., Tolstikov, V.P. 2010: O nachale monetnoj chekanki na Bospore. *Vestnik drevney istorii* 3, 31–59; 4, 23–50.
- Kraay, C.M. 1977: The Asyut Hoard: Some Comments on Chronology. *NC* 17, 189–198.
- Kraay, C.M. 1989: Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen. In: M. Radnoti-Alföldi (Hg.), *Methoden der antiken Numismatik*. Darmstadt, 180–210.
- Kraay, C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley.
- Kroll, J.H. 1993: *The Greek Coins (The Athenian Agora. Vol. 26)*. Princeton.
- Kroll, J.H. 1998: Silver in Solon's Laws. In: R. Ashton, S. Hurter (eds), *Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price*. L., 225–232.
- Kroll, J.H. 2008: The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece. In: W. V. Harris (ed.), *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxford, 12–37.
- Kroll, J.H., Waggoner, N.M. 1984: Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina. *AJA* 88, 3, 325–340.
- Kroll, J. H. 1981: From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls. *The American Numismatic Society. Museum Notes* 26, 1–32.
- Kudrjavceva, T.V. 2008: *Narodnyj sud v demokraticeskikh Afinah*. Saint-Petersburg.
- Kurbatov, A.A. 2006: *Aristokratija v arhaicheskoi Grecii*. Astrahan'.
- Lape, S. 2002/2003: Solon and the Institution of the "Democratic" Family Form. *Classical Journal* 98, 2, 117–139.
- Lehmann, G.A. 2008: *Perikles: Staatsmann und Stratege im klassischen Athen. Eine Biographie*. München.
- Lévêque, P. 1978: Formes des contradictions et voies de développement à Athènes de Solon à Clisthène. *Historia* 27, 4, 522–549.
- Lur'e, S.Ja. 1939: K voprosu o roli Solona v revoljucionnom dvizhenii nachala VI veka. *Uchenye zapiski LGU* 39, 73–88.
- Maffi, A. 1982: Τὰ ἱερὰ καὶ τὰ ὄσια. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca. In: J. Modrzejewski, D. Liebs (Hg.), *Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 33–53.
- Manville, P.B. 1990: *The Origins of Citizenship in Ancient Athens*. Princeton.
- Markianos, S.S. 1974: The Chronology of the Herodotean Solon. *Historia* 23, 1, 1–20.
- Martina, A. 1968: *Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera*. R.
- McGinn, T.A.J. 2011: Conclusion: Greek Brothels and More. A. Glazebrook, M. M. Henry (eds), *Greek Prostitutes in the Ancient Mediterranean, 800 BCE – 200 CE*. Madison, 256–268.
- Meiggs, R., Lewis, D. 1989: *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C.* Revised ed. Oxford.
- Molina, L.A. 1998: Solon and the Evolution of the Athenian Agrarian Economy. *Pomoeium* 3, 5–18.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma.
- Morris, I. 1992: The Early Polis as City and State. In: J. Rich, A. Wallace-Hadrill (ed.), *City and Country in the Ancient World*. L. – New York, 25–59.
- Morris, I. 2004: Equality and the Origins of Greek Democracy. In: E. W. Robinson (ed.), *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources*. Oxford, 45–74.
- Morris, I. 2009: The Eighth-Century Revolution. In: K.A. Raafaub, H. van Wees (eds), *A Companion to Archaic Greece*. Oxford, 64–80.

- Murray, O. 1993: *Early Greece*. 2 ed. London.
- Ober, J. 2006: Solon and the *Horoi*: Facts on the Ground in Archaic Athens. In: J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 441–456.
- Osborne, R. 1996: *Greece in the Making, 1200–479 B. C. L.* – New York.
- Panchenko, D. 2000: Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology. *Hyperboreus* 6, 1, 31–78.
- Piccirilli, L. 1977: Commento. In: M. Manfredini, L. Piccirilli (a cura di), *Plutarco. La vita di Solone*. R., 107–284.
- Price, M. J., Waggoner, N. M. 1975: *Archaic Silver Coinage: The Asyut Hoard*. London.
- Raaflaub, K. A., Ober, J., Wallace, R. W. 2007: *Origins of Democracy in Ancient Greece*. Berkeley.
- Rhodes, P. J. 1972: *The Athenian Boule*. Oxford.
- Rhodes, P. J. 1975: Solon and the Numismatists. *NC* 15, 1–11.
- Rhodes, P. J. 2006: The Reforms and Laws of Solon: An Optimistic View. In: J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 248–260.
- Rihll, T. E. 1991: EKTHMOPOI: Partners in Crime? *Journal of Hellenic Studies* 111, 101–127.
- Robertson, N. 1986: Solon's Axones and Kyrbeis and the Sixth-Century Background. *Historia* 35, 2, 147–176.
- Rung, J. V. 2009: «Platejskaja kljatva» v narrativnoj tradicii i jepigrafike: Problema interpretacii teksta. *Voprosy jepigrafiki* 9, 84–101.
- Ruschenbusch, E. 1957: ΔΙΚΑΣΤΗΡΙΟΝ ΠΑΝΤΩΝ ΚΥΡΙΩΝ. *Historia* 6, 257–274.
- Ruschenbusch, E. 1965: Ἡλιαία. Die Tradition über das solonische Volksgericht. *Historia* 14, 3, 381–384.
- Ruschenbusch, E. 1966: ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzweskes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden.
- Scafuro, A. C. 2006: Identifying Solonian Laws. In: J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 175–196.
- Schiller, F. von 1946: *Die Gesetzgebung des Lykurgus und Solon*. Hamburg.
- Sealey, R. 1979: Zum Datum der solonischen Gesetzgebung. *Historia* 28, 2, 238–241.
- Seltman, C. T. 1924: *Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion*. Cambridge.
- Servet, J.-M. 1984: *Nomismata: État et origines de la monnaie*. Lyon.
- Stanley, P. V. 1999: *The Economic Reforms of Solon*. St. Katharinen.
- Stanton, G. R. 1991: *Athenian Politics c. 800–500 B. C.: A Sourcebook*. L. – New York.
- Ste. Croix G. E. M. de 2005: *Athenian Democratic Origins and Other Essays*. Oxford.
- Stockton, D. 1991: *The Classical Athenian Democracy*. Oxford.
- Stroud, R. S. 1968: *Drakon's Law on Homicide*. Berkeley.
- Stroud, R. S. 1979: *The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon*. Berkeley.
- Surikov, I. E. (v pečati): Krazha v rannem grecheskom prave (na primere Afin). *DP*
- Surikov, I. E. 1999: O nekotoryh osobennostjah pravosoznanija afinjan klassičeskoj jepohi. *DP* 2 (5), 34–42.
- Surikov, I. E. 2004: Athenian Nobles and the Olympic Games. *Mésogeios* 24, 185–208.
- Surikov, I. E. 2004: *Problemy rannego afinskogo zakonodatel'stva*. Moscow.
- Surikov, I. E. 2005a: *Antichnaja Grecija: politiki v kontekste jepohi. Arhaika i rannjaja klassika*. Moscow.
- Surikov, I. E. 2005b: ΒΟΥΛΑΙ v Afinah (Jepoha arhaiki). *Studia historica* 5, 3–22.

- Surikov, I.E. 2005d: «Solon» Plutarha: nekotorye istochnikovedcheskie problemy. *Vestnik drevney istorii* 3, 151–161.
- Surikov, I.E. 2005g: O nekotoryh mnimyh real'nostyah v antichnoj i sovremennoj istoriografii drevnih Afin. In: T.N. Dzhakson (red.), *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2003 god. Mnimye real'nosti v antichnyh i srednevekovykh tekstah*. M., 239–250.
- Surikov, I.E. 2005v: Nekotorye problemy istorii afinskoj geliei. *DP* 2 (16), 8–20.
- Surikov, I.E. 2006a: Drevnejshie afinskie monety (Wappenmünzen): problemy interpretacii i datirovki. *AMA* 12, 43–51.
- Surikov, I.E. 2006b: Izuchenie drevnegrecheskogo publichnogo prava v antichnoj juridicheskoy nauke: pervye shagi. *DP* 1 (17), 26–36.
- Surikov, I.E. 2007a: *Arhaicheskaja i klassicheskaja Grecija: problemy istorii i istochnikovedenija*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2007b: Ot Wappenmünzen k «Sovam»: v poiskah istoricheskogo konteksta. In: V.A. Kalinin (red.), *XIV Vserossijskaja numizmaticheskaja konferencija. Tezisy dokladov i soobshhenij*. Saint-Petersburg, 10–12.
- Surikov, I.E. 2007g: O neobходимosti sovremennyh podhodov k izucheniju arhaicheskoy aristokratii. *Studia historica* 7, 206–220.
- Surikov, I.E. 2007v: Dosolonovskie «shestidol'niki» i dolgovoju vopros v arhaicheskikh Afinah. *Vestnik drevney istorii* 3, 28–46.
- Surikov, I.E. 2008a: Eshhe raz ob afinskoj geliee. *DP* 2 (22), 8–24.
- Surikov, I.E. 2008b: *Solnce Jellady: Istorija afinskoj demokratii*. Saint-Petersburg.
- Surikov, I.E. 2009a: Eshhe raz o zakonodatel'stvah Drakonta i Solona v Afinah (po-lemicheskie zametki) Chast' II. *Iz istorii antichnogo obshhestva* 12, 5–37.
- Surikov, I.E. 2009b: O tak nazyvaemoj monetnoj reforme Gippija v Afinah. In: I.V. Shirjakov (red.), *Pjtnadcataja Vserossijskaja numizmaticheskaja konferencija. Tezisy dokladov i soobshhenij*. M., 7–9.
- Surikov, I.E. 2009v: Derzhavnyj demos – pravitel' i poddannij (vlast' i sociokul'turnaja norma v demokraticeskikh Afinah V v. do n.je.). In: D.M. Bondarenko, A.A. Nemirovskij (red.), *Pravitel' i ego poddannye: sociokul'turnaja norma i ogra-nichenija edinolichnoj vlasti*. M., 79–95.
- Surikov, I.E. 2010a: Grecheskij polis arhaicheskoi klassicheskoi jepoh. In: V.V. Dement'eva, I.E. Surikov (red.), *Antichnyj polis: Kurs lekcij*. M., 8–54.
- Surikov, I.E. 2010b: Demokratija i dostoinstvo: k karakteristike nekotoryh aspektov pravovoj i politicheskoi kul'tury grazhdan klassicheskikh Afin. *Iz istorii antichnogo obshhestva* 13, 37–60.
- Surikov, I.E. 2010v: Velikaja grecheskaja kolonizacija: jekonomicheskie i politicheskie motivy (na primere rannej kolonizacionnoj dejatel'nosti Afin). *AMA* 14, 20–48.
- Surikov, I.E. 2012a: Arhontat v Afinah: ot istokov instituta do utraty im istoricheskogo znachenija. *Vestnik drevney istorii* 2, 29–54.
- Surikov, I.E. 2012b: *Polis, logos, kosmos: mir glazami jellina. Kategorii drevnegrecheskoj kul'tury*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2013a: Drevnegrecheskie nadpisi klassicheskoi jepohi kak pamjatniki istoricheskoi mysli. *Voprosy jepigrafiki* 7, 1, 376–404.
- Surikov, I.E. 2013b: Afiny v VIII–VII vv. do n.je.: stanovlenie arhaicheskogo polisa (K voprosu o stepeni specifichnosti «atticheskogo varianta»). *Vestnik drevney istorii* 4, 23–43.
- Tumans, H. 2007: Eshhe raz ob aristokratizme i «burzhuaznosti» Solona. *Vestnik drevney istorii* 2, 19–39.
- Wees, H. van 2006: Mass and Elite in Solon's Athens: The Property Classes Revisited. In: J.H. Blok, A.P.M. H. Lardinois (eds), *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden – Boston, 351–389.

DRACHMAS IN SOLON'S LAWS. I. STATEMENT OF THE PROBLEM AND
PRELIMINARY ANALYSIS OF THE KEY EVIDENCE

Igor E. Surikov

*Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Russia,
isurikov@mail.ru*

Abstract. In a number of Solon's laws issued in 594/593 BC the drachmas were mentioned. These references were taken by all ancient authors of the Classical and subsequent periods as evidence of the existence of coinage in Athens in Solon's time. However, today, thanks to the efforts of numismatists, it has been proved beyond any doubt that in the first half of the 6th century BC. Athens produced no coins. Thus, the question to be answered is what drachmas are being spoken about in Solon's laws. This first part of the article analyzes in some detail relevant pieces of evidence in the sources (they are mostly in Plutarch's *Solon*), so further, in the second part, it would be possible to suggest a conceptual decision on the basis of these empirical data.

Key words: Solon, Archaic Athens, law-making, coinage, drachmas, Plutarch

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 56–66
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 56–66
© Автор(ы) 2016

ОПИСАНИЕ ПОЛИБИЕМ ВОЙНЫ МЕЖДУ АНТИОХОМ III И
ЕВТИДЕМОМ I:
ЦЕЛИ АВТОРА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

А.А. Попов

*Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург,
artempopovspb@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена описанию Полибием войны между селевкидским царем Антиохом III Великим и греко-бактрийским правителем Евтидемом I Богом, произошедшей около 208–206 гг. до н. э. Эти события описаны в его «Всеобщей истории», созданной во II в. до н. э. Автор этой работы рассматривает вопросы, посвященные политическим и философским целям Полибия при освещении данных событий, пытается их реконструировать.

Основываясь на описании битвы при Арии и Бактрийского похода, в целом, следует заметить явные черты восхваления Антиоха III со стороны Полибия. При этом в период столкновений на полях сражений и во время мирных переговоров с греко-бактрийским ца-

Попов Артем Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и петербурговедения Санкт-Петербургского государственного института культуры. E-mail: artempopovspb@gmail.com

рем этот представитель династии Селевкидов проявил себя как храбрый воин и рассудительный дипломат. Описание войны с Евтидемом I носит крайне важный идеологический характер для иллюстраций теоретических идей Полибия на практическом материале. Ведь в последующих частях своего сочинения этот античный автор критикует деяния этого селевкидского правителя и рисует его в виде одного из крупнейших тиранов своей эпохи, противопоставляя его Римской республиканске. В этой связи Бактрийская кампания лишь фон для описания личности Антиоха III.

Для понимания же полководческих и воинских талантов Антиоха III древний историк предлагает нам рассмотреть яркую картину пограничного сражения на реке Арий. Именно на примере этого эпизода этот царь рисуется Полибием как несомненный талант в области стратегии и тактики. Здесь на конкретных примерах, возможно частично реконструированных этим литератором, видны классические тактические приемы построения войска, оптимального применения различных родов войск в условиях молниеносного марша, форсирования водной преграды передовых отрядов и дальнейшей переправы всего остального войска с учетом одновременном противодействии крупных конных подразделений противника.

Ключевые слова: эллинистический период, Греко-Бактрия, Селевкиды, Полибий, битва на Арии, Антиох III, Евтидем I

Уже в XVIII в. Г.З. Байер использовал сведения Полибия, наряду с данными Страбона и Юстина, при описании истории правления греко-бактрийских и индо-греческих царей¹. В XX в. в классических трудах У.В. Тарна² и А.К. Нарайна³ также рассматривались вопросы, касающиеся сообщений этого выдающегося античного историка о войне Антиоха III и Евтидема I (около 208–206 гг. до н. э.). В современной научной литературе, например, в работах В.П. Никонорова⁴ или Дж. Лернера⁵, уделяется значительное внимание данным событиям. Однако в перечисленных выше трудах не был затронут отдельный сюжет, который касается идеологического контекста при описании Полибием указанного военного конфликта. Вслед за своими предшественниками автор данного исследования в своей отдельной публикации, посвященной походу Антиоха III в Бактрию, не рассматривал подобного вопроса⁶. Как он не рассматривал и в последующих работах, посвященных истории и культуре Греко-Бактрии в целом. Поэтому нижеследующий текст направлен на восполнение этого пробела.

Во «Всеобщей истории» Полибия затрагиваются сюжеты, связанные с различными странами и государствами античной эпохи. При первом же приближении к сохранившимся сведениям этого выдающегося греческого ученого и политика отчетливо заметно, что теме истории Бактрии периода эллинизма он уделяет незначительное внимание, ведь центральное место отводится Средиземноморью, Риму и эллинам. Бактрийские реалии той эпохи для него лишь побочный фон, на котором разыгрывается малая часть основного представления, режиссером которого он является.

¹ Bayer 1738.

² Tarn 1951.

³ Narain 1962.

⁴ Nikonov 1997.

⁵ Lerner 1999.

⁶ Попов 2002.

Известно, что Полибий – автор, относящийся к историческому методу весьма скрупулезно. Его источники – не плохо проверенные рассказы, способные лишь завлечь читателя, но тщательно выбранный материал: свидетельства очевидцев событий, которые он описывает, документы, собственные наблюдения. При этом его собственный политический и военный опыт позволяет квалифицировать события с грамотных позиций практика. Достаточно рассмотреть его критические замечания по поводу творчества Тимея (Polyb. XII, 4a–28).

При этом Полибия нельзя назвать автором беспристрастным, как показал в своей статье А.Я. Тыжов⁷. Его «Всеобщая история» – всем известный памятник величию Римской республики эпохи Пунических войн. В то же время оппоненты Рима на политической арене древнего Средиземноморья и Причерноморья становятся для Полибия антиподами, которые противопоставляются его кумиру – Римскому государственному зданию.

Одним из таких антигероев является Антиох III Великий, выдающийся представитель династии Селевкидов. Начало его правления (223 г. до н. э.) было ознаменовано мощными потрясениями как внутри, так и за пределами империи потомков Селевка I Никатора (Polyb. V, 40). В середине III в. до н. э. фактическую независимость на востоке государства обрели Парфия и Бактрия, отпавшие от сирийских владык. В Восточном Средиземноморье бушевали Сирийские войны с египетским государством Лагидов. Даже при вступлении на престол Антиоху пришлось столкнуться с сепаратизмом. На востоке восстали сатрап Мидии Молон и сатрап Персии Александр, его брат. На западе отложился и возложил на себя царскую диадему его дядя Ахей, который узурпировал власть над малоазийскими провинциями, расположенными за Тавром (Polyb. V. 41). Одной из важнейших целей правления Антиоха стало собирание в единое мощное государство земель, некогда принадлежавших Селевкидам, в то время разрозненных и объятых пламенем усобицы. Молодому царю, еще не искушенному властью, и не столь опытному политику предстояла достаточно сложная задача.

Рис. 1. Драхма Антиоха III⁸

В этой связи в череде его выдающихся и удачных свершений следует особо выделить его Восточный поход (212–205 гг. до н. э.). Он состоялся после разгрома сепаратистов и заключения мира с Птолемеем IV, царем Египта. По результатам восточной кампании Антиох был назван Великим. Одним из важнейших этапов этого похода была война с греко-бактрийским правителем Евтидемом I.

⁷ Тыжов 1994.

⁸ Houghton, Loeber 2002, No 1065-1.

Рис. 2. Тетрадрахма Евтидема I⁹

Сохранились два значительных отрывка из сообщений Полибия о противостоянии Антиоха и Евтидема (Polyb. X, 49; XI, 34). Примечательно, что оба эти пассажа завершают X и XI книги.

Чтобы адекватно оценивать характер и значение сведений Полибия о походе Антиоха в Бактрию стоит, во-первых, обозначить место этих пассажей в самой «Всеобщей истории», их смысловую и даже идеологическую роль.

В XV книге сочинения Полибия встречается два очень важных рассуждения о личности Антиоха. Эта часть труда историка заканчивается следующим выводом. В начале своего правления этот представитель династии Селевкидов проводил весьма позитивную политику. Антиох представляется в этот период своего царствования персоной с широкими способностями, готовым к осуществлению задуманных проектов, целеустремленным и смелым. Однако годы его изменили. Он превратился в дурного правителя. В этой связи не оправдались надежды, которые возлагались на него другими людьми (Polyb. XV, 37).

В середине этой книги Полибий раскрывает один из низменных и несправедливых, в его понимании, поступков Антиоха. Возможно, именно с него и началось моральное падение этого владыки. Это произошло после Восточного похода, который закончился в 205 г. до н. э. Так как Антиох и македонский царь Филипп подстрекали друг друга к разделу территорий малолетнего Птолемея V, они удостоились самой резкой критики со стороны Полибия. Здесь последний их сравнил с тиранами и рабами за посягательство на земли юного, еще неопытного властителя державы Лагидов (Polyb. XV, 20).

Здесь читатель «Всеобщей истории» Полибия узнает, в какой момент в Антиохе стали ярко проявляться черты развращенного самодержца, как он эволюционировал из царя в тирана.

В знаменитой VI книге Полибия, где говорится о политическом устройстве Рима и различных формах государства, встречается пассаж о царской власти и тирании (Polyb. VI, 6–7). Там излагается процесс преобразования правильной формы самодержавной власти в извращенную. При этом это делается автором с позиций теоретика без конкретных исторических примеров.

Стоит отметить, что в этом смысле у Полибия, как автора, склонного к философским рассуждениям в духе стоицизма, вряд ли не было спланированного заранее описания личности Антиоха. В противном случае следует воспринимать сведения об этом монархе как об одном из рядовых исторических персонажей. При первом же взгляде на труд Полибия бросается в глаза, сколь много места в

⁹ Bopearachchi 1991, 157, pl. 3, ser. 9/13.

нем отводится этому эллинистическому правителю. Полибий при описании событий старался соблюдать хронологию. Поэтому некоторые сведения об Антиохе разбросаны по разным частям работы этого историка. Однако, собрав все сообщения об Антиохе воедино, можно отчетливо увидеть, что этот селевкидский владыка стал для него примером и иллюстрацией одного из наиболее крупных тиранов эпохи Пунических войн. При этом Антиох здесь противопоставлен римлянам не только на полях сражений как полководец, но и с идеологической точки зрения как политическая фигура.

Интересен вопрос: когда же Антиох еще не мог быть назван такими эпитетами, как «тиран» и даже «раб», когда он, по мнению Полибия, сохранял еще достойный облик? Этот ответ находится в последних строках XI книги, в параграфе, описывающем окончание Восточного похода Антиоха (Бактрийскую и Индийскую кампании). Там великий греческий литератор пишет о том, что в результате этого похода народы не только Азии, но и Европы признали в нем личность, заслуживающую царской власти (Polyb. XI, 34). Недаром считается, что после этих событий Антиох был удостоен эпитета «Великий», которым владел великий македонский царь Александр. К тому же империя Селевкидов в тот момент достигла максимального могущества, спустя многие десятилетия после смерти Селевка Никатора.

Исходя из вышеизложенного, следует логичное заключение. Описание Полибием событий, произошедших с Антиохом в Бактрии и Индии (Polyb. X. 49; XI. 34), представляется крайне важным с идеологической точки зрения. Это важная часть «Всеобщей истории» и практическая иллюстрация идей Полибия в контексте его теоретических изысканий, описанных в VI книге указанного труда.

Война между Антиохом и Евтидемом, исходя из сохранившихся сведений Полибия, имеет два ключевых события: битва на Арии и осада Бактр. Река Арий протекала по границе Парфии и Бактрии. Бактры, располагавшиеся в долине Амударьи, являлись древней столицей Бактрии.

Полибий в своей X книге описывает события, связанные с 211–208 гг. до н. э. и происходившие во Вторую Пуническую войну. Как говорилось выше, параграф, где описываются события, связанные с началом похода Антиоха в Греко-Бактрию, является окончанием данной книги. В этой связи следует предположить, что битва на Арии и начало осады Бактр произошли самое позднее в 208 г. до н. э.

Разрыв в изложении о военных действиях между Антиохом и Евтидемом связан с последовательным хронологическим изложением во «Всеобщей истории» Полибия. Война началась около 208 г. до н. э. с битвы на реке Арий. Однако осада столицы Евтидема Бактр (Зариаспы) затянулась на долгое время. Закончилось это противостояние мирным договором 206 г. до н. э. Примечательно и символично, что это событие, как и возобновление договора с индийским царем Софагасеном, произошло столетие спустя после заключения договора Селевка I Никатора с Чандрагуптой I, основателем династии Маурьев (305 г. до н. э.). В этой связи Антиох III уподобился своим походом не только Александру Великому, как отмечалось выше, но и своему предку Селевку Никатору, основателю его империи. При этом Антиох поступил, как и Селевк I, выдавший свою дочь замуж за Чандрагупту. В конечной фазе своего Восточного похода он договаривается о династическом бра-

ке. Антиох по условиям договора с Евтидемом должен был выдать свою дочь за Деметрия, сына этого греко-бактрийского царя.

Если говорить о частностях, то мы отчетливо видим в сведениях Полибия об Антиохе в Бактрии черты восхваления этого селевкидского правителя.

Так, Полибий отмечает справедливость мирного договора с Евтидемом (206 г. до н. э.), а также разумный расчет. Ведь, лишив царской власти греко-бактрийского владыку в ходе возможной братоубийственной и кровопролитной войны за обладание владениями Евтидема, Антиох рисковал. Он мог подорвать свой авторитет царя-объединителя азиатских эллинов, проливая кровь во время осады Бактр. Также он мог соприкоснуться с варварскими кочевыми ордами, которые обрушились бы с северных границ царства Евтидема. В этом случае угроза была бы не только Бактрии, но и в том числе царству самого Антиоха. К тому же после заключения договора севевкидскому царю были переданы боевые слоны, бывшие у Евтидема, и обильные припасы для продолжения похода, а это было весьма необходимо для преодоления пути в Индию и возвращения на Ближний Восток (Polyb. XI, 34).

В начале войны, перед форсированием боевых действий, направленных против основных сил греко-бактрийского царя Евтидема, Антиох был занят осадой какого-то иранского города. Когда же до севевкидского царя дошло известие о том, что Евтидем с войсками находится в Тапурии, Антиох немедленно принимает решение об активизации наступательных операций по отношению к Бактрии.

В этой связи можно сказать, что Антиох решается застать своего противника врасплох. По-видимому, Евтидем не предполагал столь быстрой атаки своих владений в этом направлении со стороны севевкидского царя.

Однако встает вопрос о локализации войск Евтидема. Нам Полибий говорит о дислокации их в Тапурии. Это означает, что он дислоцировался в Табаристане, на юге Прикаспия. Были ли эти войска на Эльбурсе или в равнинной части – не имеет значения. Все равно: это находится весьма далеко на западе от Бактр (Зариаспы), столицы Евтидема.

Здесь видно, насколько благоразумно поступал Антиох. Действительно, приступить без разведки к переходу через полноводный Арий (Герируд) было опрометчиво. Ведь он мог встретить на противоположном берегу мощную армию, состоящую из эллинских отрядов и многочисленной местной конницы. Тогда ему пришлось бы изобретать различные способы переправы для своих войск. Скорее всего, здесь не обошлось бы без хитрости, которую применили когда-то Александр Великий при переходе через Гидасп или Ганнибал при форсировании Родана.

При этом Евтидем, по сведениям Полибия, после битвы на Арии укрылся в Бактрах. Таким образом, локализацию Евтидема в Тапурии непосредственно во время сражения на реке Арий вряд ли можно назвать реальной. Возможно, какие-то значительные контингенты и располагались в Прикаспии, так как греко-бактрийский царь мог производить какие-то военные операции на границе Парфии или же в непосредственной близости от скифских границ. Однако очевидно, что основным его форпостом, в частности в этом походе, должен был служить Мервский оазис. По сохранившимся археологическим памятникам и упоминанию о нем в античной литературе мы знаем, что Мерв был хорошо укреплен, прежде

всего от вторжений со стороны кочевников. Достаточно вспомнить сообщение Страбона о том, что селевкидский царь Антиох I Сотер основал там город Антиохию и укрепил его стеной длиной в 1500 стадий (Strab. XI, 10, 2). В этой связи можно предположить, что северные номады могли прийти в движение в связи с ослаблением Парфии и Бактрии при вторжении войск Антиоха или Евтидем решил обезопасить свои границы в Прикаспии на случай нападения на Бактрию армии могущественного Селевкида.

Если упоминание Полибия о расположении Евтидема во главе своего войска в Тапурии во время начала войны с Антиохом является верным, тогда следует предположить, что Мервский оазис находился под властью греко-бактрийского царя. Странно было бы предположить, что Евтидем не знал о происходящих в Иране событиях, о том, что Антиох покоряет своей воле парфян. В случае же нахождения в Южном Прикаспии вряд ли бы он оставил в своем тылу, между Каспийским морем и Бактрами, враждебный, хорошо укрепленный и богатый природой населенный пункт.

В любом случае разведка Антиоха, о которой говорится в этом пассаже, не могла доставить информацию об Евтидеме и его кампании в Тапурии (Табаристане) в течение быстрого времени. Когда же Евтидем узнал о возможном вторжении Антиоха и его продвижении в парфянских пределах, он смог выслать к своим западным границам лишь передовой конный отряд и тем самым хоть на какое-то время отсрочить осаду Бактр, до которых ему пришлось добираться с остальным войском ускоренными маршами. По-видимому, в момент переправы Антиоха через Арий (Герируд) он уже мог быть на полпути к Бактрам, но воспрепятствовать переправе через указанную водную преграду ему самому уже не удалось. Скорее всего, Евтидем в тот временной промежуток располагался с основными воинскими контингентами в районе Мерва. Возможно, продвижение его армии шло по течению реки Муграб, которую эллины называли Маргом. В дальнейшем, по-видимому, он планировал из долины Муграба совершить переход через Папопамиз и подойти к реке Герируд. Однако таковым замыслам не удалось сбыться, если, конечно, такие присутствовали.

Относительно того, что указанная река Арий является рекой Герируд, сомнений нет. Существует ее вполне четкое описание у Страбона (Strab. XI. 10. 1–2; 11. 5), которое указывает на данный факт.

Поход Антиоха к границам владениям Евтидема с того момента, когда он снял осаду с неуказанного Полибием иранского укрепленного населенного пункта, до долины Герируд занял три дня. При этом античный автор подчеркивает, как мудро Антиох распорядился ими. Первые два дня он прошел не торопясь, видимо, давая возможность войскам полноценно отдохнуть перед предстоящим сражением. Вечером накануне третьего дня пути и, таким образом, битвы он приказал выступать на рассвете основными силами. Сам же, взяв конницу, легковооруженных и десять тысяч пелтастов, ночью ускоренным маршем преодолел оставшееся расстояние до реки Герируд. Дорога Антиоха пролегла по равнинной местности и была удобна для конных подразделений. Он смог форсировать эту водную преграду, переправив на рассвете большую часть войска. Антиох знал, что конница бактрийцев, днем охраняющая свой берег реки, на ночь удаляется в близлежащий город, который располагался в не менее двадцати стадиях отсюда (Polyb. X, 49).

С точки зрения военного искусства диспозиция битвы при Гранике очень похожа и одновременно не похожа на битву при Арии. Схожа она в задачах, то есть основная цель бактрийцев, как и персов, состояла в том, чтобы не допустить переправы врага. И расходится она, прежде всего, тем, что, в отличие от Александра III Великого, Антиох III Великий поступил по всем правилам военного искусства, совершив тактически верную переправу на рассвете. Здесь стоит отметить разницу характеров этих двух великих полководцев. Александр при Гранике был движим стремлением ошеломить противника своей во многом дерзкой атакой, а Антиох поступил расчетливо, как поступил бы Парменион на месте Александра. Ведь умудренный опытом Парменион советовал Александру осуществить переправу через Граник на рассвете, когда берег, где стояли персы, будет пуст из-за того, что те не останутся ночевать у реки, а отойдут на ночлег в более безопасное место, так как по количеству пехоты македоняне превосходили противника и могли ночью осуществить нападение на спящего врага (Arr. Anab. I, 13, 3). Таким образом, верность тактики Пармениона оказалась подтверждена Антиохом на практике.

Бактрийские разведчики сообщили основные силы о переправе селевкидских войск, и десяти тысячный конный корпус обрушился на войска Антиоха, которые еще не успели окончательно выстроиться в правильный боевой порядок. В этот решающий момент царь смог правильно оценить обстановку и, благодаря верному расчету и личному мужеству, грамотно распорядиться бывшими в наличии у него отрядами (Polyb. X, 49).

Осознание крайней опасности привело Антиоха к мнению, что личный пример и боевая выучка лучших отрядов своего войска способны к решению задачи сдерживания огромных масс конницы противника. Под своим руководством он ввел в дело в качестве передового отряда две тысячи воинов, «которые в битвах обычно находились рядом с ним» (Polyb. X, 49).

Это означало, что селевкидский царь повел на врага свою агему. Она использовалась в качестве охраны и состояла из наиболее элитных подразделений. Своего рода гвардия в столь значительных количествах эллинам была известна многие века не только по своей собственной практике, но они знали и об аналогичных войсках у других народов. Корпус из десяти тысяч «бессмертных» со времен Дария I существовал у Ахеменидов. Широко использовались отряды «друзей» («гетайров») Александром Великим. Причем часто именно эти подразделения выполняли самые ответственные поручения на поле брани. Из их среды выходили не только офицеры младшего и среднего звена, но и полководцы, своего рода генералитет эллинистических армий. Часто наиболее выдающиеся по своим интеллектуальным и организаторским способностям представители таких войск становились управленческой элитой государства. Недаром в государстве Селевкидов понятие «друг» превратилось в титул с разветвленной иерархией, в добавлении к которому в этой державе появились еще так называемые «родственники» разных уровней. В итоге мы видим перед собой не просто царскую агему, а полк, состоящий из представителей элиты государства Селевкидов, и в продвижении по карьерной лестнице, и лично заинтересованных в победах своего монарха. В этой связи, безусловно, им выпал шанс проявить себя в деле, располагаясь в непосредственной близости от царя. Невольно вспоминается подвиг Клита Черного, спасшего Александра в битве при Гранике. Недаром впоследствии именно ему Александр

доверял самые ответственные задания, зная о его преданности и чувстве долга. Возможно, окружавшие Антиоха верные воины-гвардейцы только и мечтали показать свою верность и виртуозное владение клинком, памятуя о событиях у вод быстротекущего Граника.

Примечательно, что Полибий отмечает с долей предположения исключительную доблесть самого Антиоха, превзошедшую всех воинов передового отряда. Автор отмечает, что «более всего этой битве он обязан славой храброго воина» (Polyb. X, 49). И опять здесь Полибий, скорее всего, предполагал аналогию с битвой при Гранике и исключительной храбростью Александра, граничащей даже с безрассудством. Однако в случае с Антиохом данное проявление мужества кажется оправданным и, более того, спасительным. В некотором смысле здесь автор «Всеобщей истории» мог руководствоваться стоической моралью и в некоторой степени совершить историческую реконструкцию, нежели излагать стопроцентные факты. Поэтому как он, так и мы о личных проявлениях исключительной храбрости Антиоха в битве при Арии (Герируде) должны говорить, прибавляя «по-видимому». Однако сомнения могут развеяться частично или полностью после одной из ремарок Полибия о результатах этого сражения, в которой говорится, что Антиох был ранен в ходе битвы в рот и потерял несколько зубов, его лошадь от ран, полученных в бою, умерла (Polyb. X, 49). Подобные факты вряд ли могли быть додуманы или сфальсифицированы. Полибий не отличался таким стилем изложения материала. Ведь стоическая мораль, проповедовавшая проявление мужества в критических ситуациях на поле битвы, существовала и впоследствии. Образы Марка Аврелия, ведущего свои легионы в атаку, или Юлиана Отступника, погибшего при спасении рядовых воинов, всегда предстают перед историками, изучающими античное прошлое.

Известно, что агема выдержала натиск первого отряда конных бактрийцев, а перед нажимом остальных двух гвардейцы стали отступать. И действительно, две тысячи воинов, противостоящие в пять раз превосходящему противнику, скорее всего могли начать медленное отступление к основным силам селевкидской армии. К тому же мы знаем, что в этот момент в тылу этой части войска остальные отряды по приказу Антиоха выстраивались в правильный боевой порядок отдельными пешими и конными подразделениями. Когда же селевкидская кавалерия по большей части была приведена в боевую готовность, Панэтол, сподвижник и полководец Антиоха, отдал приказ о контрнаступлении (Polyb. X, 49).

Увлекая за собой отряд, в котором находился сам царь, Панэтол принудил бактрийцев, «нападавших нестройной толпой», отступить и покинуть место сражения посредством бегства. При этом бактрийцы потеряли значительную часть своих воинов (Polyb. X, 49).

При этом стоит вопрос, из каких родов войск состояла агема. Скорее всего, данный царский полк имел как пешие, так и конные отряды. Подобное деление на пехоту и конницу было и у «друзей» Александра Великого. Все они должны были иметь тяжелое вооружение эллинского и македонского образца. Таким образом, закованные в панцири и вооруженные длинными копьями воины Антиоха были способны сдерживать натиск превосходящего противника, наступавшего «нестройной толпой», то есть, вероятнее всего, конной лавой, разбитой на три отряда. В пользу того, что в данном полку были многочисленные всадники, указы-

вают два сообщения Полибия. Первое говорит о том, что сам Антиох сражался на коне. Второе повествует о том, что при ответной атаке селевкидской конницы под командованием Панэтола царь и окружавшие его воины присоединились к этим конным подразделениям. Вряд ли такое могло произойти, если бы солдаты, бывшие рядом с селевкидским владыкой, были бы исключительно пешими. Однако в этом передовом отряде, очевидно, могли быть и пехотинцы. В ходе подобных операций античные полководцы зачастую использовали тяжеловооруженную и опытную часть пешего войска. Так было при Гранике и при Гидаспе у Александра. Цезарь бросил смешанный строй конницы и пехоты против всадников Помпея при Фарсале. Именно правильное пешее построение часто давало возможность удержать позицию даже при наступлении превосходящих конных сил противника. В этот момент Антиох проявил себя грамотным полководцем с тактической точки зрения.

Также стоит вопрос, почему бактрийский отряд не укрылся в городе, где он располагался на ночлег. Видимо, это было обусловлено тонкостями маневров вооруженных сил обеих сторон. Со стороны Антиоха кавалерия преследовала и истребляла отступающих конных бактрийцев. При этих обстоятельствах большие массы конницы (в начале сражения десять тысяч всадников) вряд ли могли бы быстро отступить в городские пределы, за укрепления (предположим, через ворота) без потерь и без опасности впустить противника внутрь городских стен на своих плечах. К тому же присутствовала опасность попасть в западню после окружения данного поселения и осады его. Поэтому остатки разбитого конного корпуса направили своих скакунов в сторону основных сил Евтидема.

Подытоживая, стоит отметить, что описание Полибием войны Антиоха III с Евтидемом I напоминает панегирик этому селевкидскому монарху. При этом повествование великого историка о последующих деяниях этого царя выглядит как вынесение ему обвинительного приговора.

ЛИТЕРАТУРА

- Попов, А.А. 2002: Поход Антиоха III в Греко-Бактрию (208–206 гг. до н. э.). *Пара беллум (Para bellum)* 15, 95–104.
- Тыжов, А.Я. 1994: Полибий и его «Всеобщая история». В кн.: Полибий, *Всеобщая история*. Т. 1. СПб., 5–33.
- Bayer, Th.S. 1738: *Historia regni Graecorum Bactriani*. Petropoli.
- Bopearachchi, O. 1991: *Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné*. Paris.
- Houghton, A., Loeber, C. 2002: *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Part I. Vol. 1–2. New York –Lincoln–London.
- Lerner, J.D. 1999: *The impact of Seleucid decline on the Eastern Iranian Plateau: the foundations of Arsacid Parthia and Graeco-Bactria*. Stuttgart.
- Narain, A.K. 1962: *The Indo-Greeks*. Oxford.
- Nikonov, V.P. 1997: *The Armies of Bactria (700 BC – 450 AD)*. Vol. 1–2. Stockport.
- Tarn, W.W. 1951: *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge.

REFERENCES

- Popov, A.A. 2002: Pokhod Antiokha III v Greko-Bactriyu (208–206 BC). *Para bellum* 15, 95–104.
- Tyzhov, A.Ya. 1994: Polibiy i ego «Vseobshchaya istoriya». In: Polibiy, *Vseobshchaya istoriya*. Vol. 1. 5–33.
- Bayer, Th.S. 1738: *Historia regni Graecorum Bactriani*. Petropoli.
- Bopearachchi, O. 1991: *Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné*. Paris.
- Houghton, A., Loeber, C. 2002: *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Part I. Vol. 1–2. New York–Lincoln–London.
- Lerner, J.D. 1999: *The impact of Seleucid decline on the Eastern Iranian Plateau: the foundations of Arsacid Parthia and Graeco-Bactria*. Stuttgart.
- Narain, A.K. 1962: *The Indo-Greeks*. 2nd ed., Oxford.
- Nikonorov, V.P. 1997: *The Armies of Bactria (700 BC – 450 AD)*. Vol. 1–2. Stockport.
- Tarn, W.W. 1951: *The Greeks in Bactria and India*. 2nd ed. Cambridge.

POLYBIUS' STORY ABOUT THE WAR BETWEEN ANTIOCHUS III AND EUTHYDEMUS I: AUTHOR'S TARGETS IN THE CONTEXT OF HIS POLITICAL IDEAS

Artem A. Popov

St. Petersburg State University of Culture, Russia,
artempopovspb@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to Polybius' overview of the war between the Seleucid king Antiochus III the Great and the Greco-Bactrian ruler Euthydemus I the God happened circa 208–206 BC. These events are illustrated in his Histories created in the 2nd century BC. The author of this article considers issues connected with the Polybius' the political and philosophic purposes in recital of these events, makes an attempt of their reconstruction.

In the Battle of the Arius description and the Bactrian campaign by Polybius, one can see the author praises Antiochus III. This Seleucid dynasty's representative during the collusions on the battlefields and during the peace negotiations with the Greco-Bactrian king proved himself as a brave warrior and a wise diplomat. The description of the war with Euthydemus I has an extremely important ideological meaning for the illustrations of Polybius' theoretical ideas based on the practical material. After all this ancient author criticizes in next parts of his work this Seleucid ruler's deeds and depicts him as one of the greatest tyrant of that epoch, opposed him to the Roman Republic. Thereupon the Bactrian campaign is just the background of the depiction of Antiochus' III personality.

To understand Antiochus' III commander and war talents the ancient author offers us to view the bright scene of the frontier struggle on the Arius. Exactly here Polybius depicts Antiochus III as the absolute talent in strategic and tactics. Here one can see on the concrete examples, perhaps they were reconstructed by this literary man, the classical tactic positions of the forces formation, the optimal use of the different kinds of army by the flash-like march, the water barrier forcing and the following crossing of the remaining army by the enemy simultaneous resistance of the large horse regiments.

Key words: the Hellenistic period, Greco-Bactria, Seleucids, Polybius, the Battle of the Arius, Antiochus III, Euthydemus I

АРТАГН–ГЕРАКЛ–АРЕС В АНТИЧНОЙ КОММАГЕНЕ

С. В. Обухов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
kornelitta@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена культу Артагна–Геракла–Ареса, божества–покровителя царской власти, войны и победы в Коммагенском царстве в правление Антиоха I (69–34 гг. до н.э.), и его отца Митридата I Каллиника (100–70 гг. до н.э.). Основываясь на эпиграфических и археологических источниках, автор рассматривает сущность этого культа, анализируя каждый его элемент: Артагн (иранский Веретрагна), Геракла и Ареса. Все три божества имели сходные функции и, вероятно, при Антиохе I или его отце Митридате I были слиты в единый синкретический образ. Иконография на барельефах была греческая, но автор думает, что центральным элементом этого культа был Артагн, с которым, вероятно, отождествлялся царь. Таким образом, царь приобретал черты божества войны и победы. Кроме того, Артагн–Геракл–Арес был связан и с фарном – царской благодатью. Поэтому автор считает, что это божество играло очень важную роль в царском культе коммагенских царей. Отец Антиоха I, Митридат I, имел титул Каллиник, который был связан, видимо, с Гераклом–Веретрагной. Это подтверждается надписью времени Антиоха I из центра царского и династического культов в Арсамеи-на-Нимфее. О культовой практике почитания этого божества мы знаем очень мало. Автор предполагает, что с нею был связан тоннель, который был вырублен около цокольной площадки III, где, возможно, проводились какие-то церемонии, в которых царь приобретал черты Артагна–Геракла–Ареса.

Ключевые слова: эллинизм, Коммагена, Антиох I, Артагн–Геракл–Арес, культ

Коммагена – небольшая гористая область на границе юго-восточной Малой Азии и северной Сирии; ее восточная граница проходит по Евфрату. В позднееллинистический и раннеримский периоды (II в. до н. э. – I в. н. э.) на этой территории располагалось царство, где правила побочная ветвь сатрапской династии Оронтидов, главные представители которой управляли Великой Арменией до начала II в. н.э., пока ей на смену не пришла династия Арташесидов¹. Коммагена контролировала одну из важных переправ через Евфрат². Как независимое царство Коммагена появилась на политической карте эллинистического Востока примерно в 164–163 гг. до н.э., выделившись из слабеющей Селевкидской державы, когда эписат этого административного округа Птолемей объявил себя царем (Diod. 31, 19a). Царская столица находилась в Самосате – наиболее крупном городе государства (Strab. XVI, II, 3)³. Свидетельств о правлении приемника Птолемея царя

Обухов Сергей Владимирович – младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: kornelitta@rambler.ru

¹ Honigmann 1924, 978–990; Тиранян 1960, 1–8; Facella 2006.

² Rostovtzeff 1941, 849–850.

³ Weissbach 1920, 2220–2222.

Сама практически не осталось, кроме монет и упоминаний о нем в надписях его внука Антиоха I (OGIS. I. 396, 402) – одного из наиболее ярких представителей династии коммагенских Оронтидов, правившего с 69 по 34 гг. до н. э. Именно от его правления дошло наибольшее количество исторических памятников: надписей (в основном религиозного характера), статуй богов, барельефов и т.д. Самым же значительным памятником, который он оставил после себя, является грандиозное святилище – гробница Нимруд-Даг, располагающаяся на северо-востоке Коммагены. Нимруд-Даг представлял собой курган, являющийся искусственно надстроенной вершиной самой высокой горы Коммагены высотой более 2200 м, состоящей из принесенного материала. Этот курган имеет форму конуса с диаметром примерно в 150 метров, высота которого превышает 50 метров. У подножия конуса расположены три террасы: Северная, Восточная и Западная. На Восточной и Западной террасах были размещены по пять каменных статуй богов высотой до 3,5 метров: Зевса-Оромазда, Аполлона-Митры-Гелиоса- Гермеса, богини Коммагены, самого царя, Геракла-Артагна-Ареса; тут же были установлены барельефы, изображающие самого царя и главных божеств коммагенского пантеона, а также царских предков – греческих и персидских⁴.

В коммагенском пантеоне, наряду с Зевсом–Оромаздом, Аполлоном–Митрой–Гелиосом–Гермесом, богиней Коммагеной, одно из ведущих мест занимало божество Артагн–Геракл–Арес. Источники, поясняющие сущность и характер этого культа, можно разделить на две категории: эпиграфические (царские надписи) и археологические – монументальные статуи и барельефы. Наша задача заключается в том, чтобы выяснить, какие черты превалировали в культе этого божества – греческие или восточные (ирано-малоазийские). Самая информативная надпись по этому культу – посвящение царя Антиоха I Коммагенского Артагну-Гераклу-Аресу с Западной террасы Нимруд-Дага: Βασιλεὺς μέγας Ἀντίοχος ὁ θεὸς Δίκαιος Ἐπιφανής ὁ Φιλοσωμαῖος καὶ Φιλέλλην, ὁ ἐγὼ βασιλεύς Μιθραδάτου ὁ Καλλινίκου καὶ βασιλίσσης ὁ Λαοδίκης θεᾶς Φιλαδέλφου, ὁ Ἀρτάγνην Ἡρακλέα Ἄρην (OGIS.I.386). Перевод: «Царь Великий Антиох, бог справедливый славный, друг римлян и друг греков, происходящий от царя Митридата Каллиника и царицы Лаодики, богини Братолюбивой, (статую поставил) Артагна-Геракла-Ареса». Надпись была установлена под статуей этого божества. Артагн-Геракл-Арес упомянут и самосатской надписи Антиоха I, где было сооружено царское святилище, подобное нимруд-дагскому: ...παρὰ...Ἀρτάγνου Ἡρακλέους Ἄρεως... (OGIS. I. 404). Перевод: «От... Артагна–Геракла–Ареса». Во фрагментарной надписи из Арсамеи на реке Нимфей читается имя Артагна-Геракла, а Арес в ней отсутствует⁵.

Для определения сущности этого культа необходимо сделать несколько замечаний о теониме «Артагн». Как предположил Ф. Кюмон, которого поддержал Э. Бенвенист, форма «Артагн» является искажением авестийского Vərəθraγnō⁶. Это означает, что Артагн-Геракл-Арес является синкретическим греко-восточным божеством. Чтобы выяснить, какая составляющая этого культа преобладала, следует

⁴ Goell, Doerner 1956, 38–44.

⁵ Hoepfner 1975, 47.

⁶ Cumont 1896, 143; Benveniste, Renou 1934, 81.

рассмотреть все три божества по отдельности с целью попытаться понять, почему они были отождествлены друг с другом.

Начнем с Веретрагны, или Артагна. Это древнеиранское божество войны, победитель врагов праведной веры, т.е. маздеизма⁷, имя которого переводится в «Авесте» как «убивающий Вритру». В мифологии «Вед» Вритра – чудовищный змей, часто представляемый как воздушное облако, держащее взаперти дождь⁸. Индра, одно из главных божеств индо-ариев, убивая Вритру, приносит на землю живительную влагу⁹. В древнем Хорезме каждый год во время весеннего равноденствия проводился праздник в честь победы Веретрагны над страшным змеем Вритрой¹⁰. Одним из эпитетов Индры был *vrtrahán* – «убийца Вритры». В более позднюю эпоху в религии древних иранцев появилось божество Веретрагна, одушевленная абстракция язата победы¹¹. В зороастрийском календаре Веретрагне соответствовал 12 месяц¹². В «Авесте» Веретрагна тесным образом связан с иранским богом солнечного света и клятвенного договора Митрой, уничтожая вместе с ним врагов маздеисткой веры и клятвопреступников (*Yāšt.* 10, XVIII; 70, XXXI, 127). Вместе с тем Митра связан и царским фарном. Оба божества представлены на центральном фризе дворца в Халчаяне, символически покровительствуя его владельцу¹³. Под именем Вахагн Веретрагна активно почитался в Древней Армении, являясь и там царским божеством¹⁴.

Вторым элементом, составляющим образ коммагенского божества, является Геракл – в мифологии греков герой, происходящий от самого Зевса и смертной женщины. Он совершил 12 подвигов и за это был взят на Олимп своим отцом. Правда, мы не знаем, в какой степени подобные представления характерны для Коммагены. С другой стороны, хорошо известно, что культ Геракла часто сочетался с родственными восточными культами и имел широкое распространение на эллинистическом Востоке. В той же Армении Вахагн с течением времени приобрел некоторые черты греческого Геракла и почитался как убийца злых демонов – драконов, так называемых вишапов.¹⁵ Моисей Хоренский свидетельствует, что Вахагну приписывались некоторые подвиги, похожие на геракловы, например, убийство драконов (вишапов) (I. 31). Ведь и Геракл сражался и победил Лернейскую гидру, порождение Тифона и Ехидны.

В позднеэллинистическое время культ Геракла был зафиксирован в Мидии Атропатене (современный Южный Азербайджан). В горах Керейто, на границе между современным Ираном, провинцией Западного Азербайджана и Курдистана, расположен скальный комплекс, имеющий, скорее всего, культовое назначение, с надписью в честь Геракла. Комплекс состоит из 2 этажей, вырубленных в скальной породе и сообщающихся между собой. Перед одним из них – открытый подиум, являющийся алтарем. Вероятнее всего, весь комплекс представляет со-

⁷ Lommel 1939, 45–47; Mole 1965, 58.

⁸ Macdonnel 1897, 158–159.

⁹ Леманн 1992, 24–26.

¹⁰ Боголюбов 2012, 406–416.

¹¹ Дюмезиль 1986, 87.

¹² Дрезден 1977, 354.

¹³ Пугаченкова 1971, 25–26, 42–43, рис.45.

¹⁴ Штакельберг 1901, 13–14.

¹⁵ Капанцян 1940, 63–68.

бой святилище, где приносились жертвы Гераклу-Веретрагне¹⁶. Скальный храм Геракла-Веретрагны существовал в Древней Армении в местечке Аштитат.¹⁷ В семитоязычной Хатре, царстве на границе Месопотамии и Ирана, Геракл отождествлялся с Нергалом¹⁸, месопотамским божеством подземного мира, имеющим также хтонические функции¹⁹. Более или менее эллинизированный культ Геракла, сливающийся с местными аналогами, судя по находкам скульптуры и барельефов, существовал в месопотамском Ашшуре и полуиранском-полусирийском Дура-Эвропосе²⁰. Чрезвычайной популярностью пользовался культ Геракла в Бактрии в кушанское время (I в. до н. э. – начало IV в. н. э.), где он отождествлялся с Веретрагной, Шивой, речным богом Окшо и обоготворенным воином-предком²¹.

В религии скифов, кочевых иранцев, Геракл отождествлялся с каким-то местным божественным аналогом. Он предстает в качестве божества, тесно связанного с функцией защиты, физической мощи и доблести, и как победитель чудовищ²². Это подтверждается находками в скифских царских курганах (например, в Куль-Обе) золотых бляшек, представляющих сцену борьбы мифического героя со львом Б. Н. Граков считает, что они передают местную переработку известного мифа о победе Геракла над Немейским львом. В мифологии скифов Геракл был их мифическим прародителем, поэтому его сопоставляли с Таргитаем – мифическим скифским первопредком²³. В итоге сложился синкретический образ полубога-полугероя Геракла-Таргитая, которого сравнивали с Веретрагной.

В древнеиранском эпосе, древнейшие пласты которого содержатся в «Авесте», представлен ряд героев, являющихся персонификациями Веретрагны и на глубинном уровне близких Гераклу, как истребителей мирового зла, темных и необузданных сил, враждебных светлому началу. В так называемом «Хом-Яште» (Yasna IX) Хаома – божество священного напитка древних иранцев – перечисляет Заратуштре тех героев и родоначальников иранцев, которые первыми выжимали и приготавливали напиток из священного сока Хаомы. Среди них выделяется Феридун, который стал третьим человеком, употребляющим сок Хаомы в священнодействиях (т.е. он был маздеистом)²⁴. Этот Феридун убил чудовищного змея: *janaŋ azīm dahākəm θrizafanəm, θrikaməgəδəm...āšaojanhəm daēvīm druĵim...* – «убил змея Дахаку с тремя пастями, тремя головами..., наисильнейшую нечисть дэвов» (Yasna IX, 9) В. Н. Топоров полагает, что в мифе о Тразтоне отражены некоторые архаичные мотивы, позволяющие поставить вопрос о связи поединка с драконом с праздником иранского Нового года – Ноуруза, ядро которого составляет инсценировка убийства чудовища²⁵ (ср. убийство Индрой Вритры, а также новогоднее празднество в Древнем Хорезме в честь Веретрагны, фактического аналога Тразтоны и греческого Геракла).

¹⁶ Гаибов 1984, 14–15; Алиев 1989, 109–111.

¹⁷ Тревер 1953, 160 сл.

¹⁸ Шлюмберже 1985, 123, рис. 114.

¹⁹ Никольский 1959, 28.

²⁰ Mathiesen 1992, 193–194, cat. no. 165, fig. 46; 195, cat. no. 168, fig. 48, cat. no. 169, fig. 49.

²¹ Пугаченкова 1977, 77–92.

²² Бессонова 1983, 44–45.

²³ Граков 1950, 12–14, рис. 1; 1971, 85.

²⁴ Топоров 2014, 382–384.

²⁵ Топоров 2014, 38–3384.

Еще один иранский герой Кэ-рэсаспа убил рогатого чудовищного змея, порождение Ахримана: *janaŋ azīm srvaŋəm...aspōgarəm, nərəgarəm* – «он убил змея рогатого..., людей пожирающего...» (Yasna. IX, 11). В этом смысле оба героя также имеют сходство со скифским Гераклом – Таргитаем, побеждающим различные творения зла²⁶. Это, по нашему мнению, еще одна немаловажная причина, по которой образ Геракла так прижился в иранском мире, и в силу некой общности функций на глубинном уровне индоевропейских религиозных представлений его иконография стала одной из основ иконографии Веретрагны. Можно не соглашаться с основными выводами концепции Ж. Дюмезиля, однако нельзя не принять его доводов в пользу того, что Геракл для части индоевропейцев олицетворял военную функцию²⁷, т.е. фактически от имени верховного бога он боролся с темными силами. Все это вполне применимо и к Веретрагне.

Неудивительно поэтому, что в Коммагене иконография синкретического божества Артагна-Геракла-Ареса на барельефах восходит к изобразительному типу греческого Геракла. На Западной террасе нимруд-дагского святилища в ходе раскопок был обнаружен барельеф, на котором представлена сцена рукопожатия царя (Антиоха I) и обозначенного божества (рис. 1). Высота барельефа 3,5 м. Как и положено Гераклу, божество обнажено, держит в левой руке суковатую палицу, а за спиной у него висит львиная шкура²⁸. Это обычные атрибуты эллинского Геракла. Аналогичную иконографию героя-бога можно наблюдать на барельефе из царского святилища в Арсамее на реке Нимфей²⁹ (рис. 2). Фрагмент барельефа с царем и Артагной–Гераклом–Аресом был найден и при раскопках Селевкии – на Евфрате, где, возможно, существовало святилище царского культа (рис. 3)³⁰. В местечке Сейлик, находящемся ниже от Нимруд-Дага по течению реки Евфрат, Антиохом было устроено святилище царского культа, где он поставил такой же барельеф,

Рис. 1. Артагн-Геракл-Арес и Антиох I Коммагенский. Барельеф с Западной террасы Нимруд-Дага

²⁶ Раевский 1977, 81–86.

²⁷ Dumezil 1971, 117–119.

²⁸ Humann, Puchstein 1890, 327, taf. XXXIX.2; Çoban 2010, 25–26.

²⁹ Dörner 1954, 15; 1956, 74–75; Colledge 1987, 159, pl. XIII.

³⁰ Wagner 1975, 52, abb.76.

Рис. 2. Артагн-Геракл-Арес и Антиох I Коммагенский. Барельеф из Арсамеи на реке Нимфей

Рис. 3. Артагн-Геракл-Арес и Антиох I Коммагенский. Барельеф из Селевкии на Евфрате

как и в предыдущих случаях: на нем царь пожимает руку Артагну–Гераклу–Аресу (рис. 4)³¹. По-видимому, на этом месте располагался один из священных центров царского культа. Образ божества на всех барельефах одинаков. Хорошей параллелью Артагне–Гераклу–Аресу может служить статуя отдыхающего Геракла из Бехистуна в Персиде, датирующаяся серединой II в. до н. э.³²

Важным атрибутом Артагна–Геракла–Ареса на барельефах является венок из лучей, увенчивающий его голову. Лучше всего он сохранился на арсамейском и нимруд-дагском барельефах. О его значении будет сказано позже.

Перейдем теперь к анализу иконографии Артагна–Геракла–Ареса. Она явно греческая, так как барельефы исполнены греческим или эллинизированным мастером. Эллинские черты особенно хорошо просматриваются на арсамейском и нимруд-дагском барельефах. Рельеф из Сейлика оформлен грубее. Может быть, при создании барельефов для центральных царских святилищ Коммагены приглашали греческих мастеров (скорее всего, с запада Малой Азии), а для менее значимых – местных, которые подражали эллинским канонам. Поэтому, обращаясь к фигуре Артагна–Геракла–Ареса на барельефе из Арсамеи, Ф. К. Дернер отмечает, что его фигура была исполнена в стиле греческого искусства V в. до н. э., в частности, под влиянием Поликлета³³. Это замечание можно распространить

³¹ Humann, Puchstein 1890, 368–369, abb. 52; Colledge 1977, 99, pl. 32a.

³² Фрай 2002, 211, рис. 69–70.

³³ Dörner 1956, 75.

и на остальные фигуры божества на коммагенских барельефах, которые также подражали стилю высокой классики. Фигура божества оформлена в монументальной статичной позе с отставленной назад левой ногой. Статуи Поликлета, в том числе и знаменитый Дорифор, совершают движение в состоянии покоя: он делает несомненный шаг вперед, но при этом туловище в движении не участвует³⁴. Однако необходимо отметить, что в иконографии Артагна–Геракла–Ареса коммагенских барельефов просматривается и традиция великого греческого скульптора эпохи поздней классики и раннего эллинизма Лисиппа. Ведь в его творчестве, в отличие от Поликлета, Геракл играл одну из ведущих ролей. Как пишет О. Ф. Вальдгауэр, одна из наиболее известных скульптур Лисиппа – так называемый Геракл Фарнезе, дошедший до нас только в копиях. Вероятно, мастера, создавшие иконографию Артагна–Геракла–Ареса на барельефах Коммагены, сочетали традиции Поликлета и Лисиппа. Влияние последнего проявляется в общей тяжеловесности и приземистости фигуры бога и легкого наклона головы. Для эпохи эллинизма очень показательным преувеличение мускулатуры тела божества, появившейся в I в. до н.э. и известной по копиям оригиналов Лисиппа³⁵. Такая гиперболизация мускулатуры присутствует на всех коммагенских барельефах с Артагном–Гераклом–Аресом. Вряд ли стоит, как это делает Ф. К. Дернер, относить барельеф из Арсамеи на Нимфее ко времени Митридата I Каллиника (начало I в. до н.э.)³⁶ только на основе формальных признаков иконографии. Он фактически не отличается от других барельефов с фигурой Артагна–Геракла–Ареса.

В позднеэллинистический и римский периоды в Армении и Иране иконография Геракла часто служила для оформления образа Веретрагна или, вероятнее всего, синкретического божества Геракла–Веретрагна с меньшим или большим преобладанием греческих или восточных черт. Р. М. Гиршман при раскопках террасного комплекса Масхидж–Сулейман в Персиде обнаружил в слоях парфянского времени скульптурные фрагменты статуи Веретрагны в образе Геракла (находка датируется I в. до н.э.)³⁷. На ряде серебряных драхм Митридата I (171–138 гг. до н.э.) изображен стоящий Геракл, чья иконография весьма сходна с иконографией коммагенского Артагна–Геракла–Ареса и восходит, вероятно, к традициям Поликлета и Лисиппа. В. Вроф относит эти монеты к селевкидскому стилю³⁸.

Рис. 4. Артагн–Геракл–Арес и Антиох I Коммагенский(?). Барельеф из святилища в Сейлике

³⁴ Недович 1939, 59–62; Виппер 1972, 181–182.

³⁵ Вальдгауэр 1923, 28–29, рис. 14–17.

³⁶ Dörner 1956, 75.

³⁷ Гиршман 1978, 71.

³⁸ Wroth 1900, 8–9, pl. VII, 12–13.

Парфяне, позаимствовав этот образ, поместили Геракла на своих монетах в целях династической пропаганды, подчеркивая свою преемственность с Селевкидами. Об этом же говорит и оформление некоторых метоп здания с квадратным залом Старой Нисы в виде палицы Геракла³⁹. Не исключено, что на монетах Митридата I представлено синкретическое божество Геракл-Веретрагна, учитывая иранское происхождение династии Аршакидов. На одной из монет парфянского царя Артабана II начала I в. н.э. изображена фигура обнаженного мужчины атлетического телосложения, вероятно, атлета, на левой руке которого сидит птица⁴⁰. В «Бахрам-Яште» показано шестое воплощение Веретрагны – это юный красивый муж пятнадцати лет, высокий, быстроногий, обладающий зоркими глазами, а седьмое воплощение дано в образе птицы Варагн (Bahr.–Yašt. VI–VII, 17–20). В «Авесте» человеческий облик Веретрагны, кроме образа пятнадцатилетнего мужа, более никак не конкретизируется. Поэтому можно полагать, что на монете представлено одно из воплощений этого божества с чертами Геракла, а птица, сидящая на его левой руке, – Варагн. Если вспомнить, что парфянская верхушка была эллинизирована, то это не представляется невероятным.

Что касается Армении, то, согласно Моисею Хоренскому, Тигран II Великий захватил в Азии (в Сирии) среди прочих статуй греческих богов и изваяние Геракла с целью перевезти ее в Армению. Сначала она была установлена в царском святилище Армавира, а уже после смерти Тиграна жрецы перевезли ее в деревню Аштитат, которая являлась их собственностью (II, 12). Конечно, армяне почитали не греческого Геракла, а Вахагна либо синкретическое божество Веретрагну-Геракла. Сведения Моисея Хоренского о постановке статуи этого божества в деревне Аштитат, возможно, указывают на создание там храмовой общины или святилища. Еще одну статую Геракла Арташес I поставил в Ани (II, 13). Статуя Геракла-Веретрагна имела и в Багаране – священном городе, выстроенном Ервандом III (конец III в. до н.э.) (II, 40). Несмотря на глубокие корни, которые пустил этот культ в Древней Армении, иконография божества, скорее всего, была греческой либо с незначительными местными чертами. Это мы встречаем и в Коммагене, где царь Антиох возвел две статуи Артагны-Геракла-Ареса соответственно на Западной и Восточной террасах Нимруд-Дага.

Божество войны в образе Геракла почиталось, видимо, и среди ираноязычных кочевников-саков, по крайней мере части из них. Эти кочевники вместе с племенами юечжей разгромили Греко-Бактрийское царство, но в скором времени сами стали испытывать воздействие эллинской культуры. В одном из богатых сакских курганов I в. до н.э. на территории бывшей Греко-Бактрии (Тохаристана) был найден перстень с грубым изображением Геракла⁴¹. Сомнительно, что саки почитали Геракла как чисто греческое божество. Очень может быть, что под личиной греческого бога, как и у скифов, скрывалось их местное божество войны. Не исключено, что это был аналог Веретрагны.

В эпоху поздней античности и Раннего Средневековья в Средней Азии образ бога войны существенно изменился. Теперь это был всадник в кочевнической

³⁹ Пилипко 1996, 37, табл. 20.5, 21.1.

⁴⁰ Herzfeld 1941, 298, fig. 391.

⁴¹ Мандельштам 1966, 122, табл. LVI. 5.

одежде, держащий копье с бунчуком. Плакетка с таким изображением была обнаружена на городище Канка под Ташкентом и относится к V–VII вв. н.э.⁴²

Еще одним, правда, необязательным элементом коммагенского Артагна–Геракла являлся Арес. Не совсем понятно, к какой традиции относить это божество – местной или эллинской? В греческой традиции Арес выступал в первую очередь как божество дикой и кровавой войны; его хтонические функции, фиксируемые в ряде религиозных традиций греческих полисов, просматриваются очень бледно⁴³. Однако и в другой индоевропейской мифологической традиции – скифской и сарматской – также имелся свой местный Арес. Олицетворением этого божества войны у скифов являлся меч. Отголоски этих верований дошли до нашего времени в осетинском нартском эпосе⁴⁴. Вероятно, курганы № 1 и № 5 у аула Уляп (совр. Республика Адыгея) представляли собой ритуальные комплексы, где приносились жертвы скифо-меотскому Аресу, аналогу авестийского Веретрагны⁴⁵.

Возможны и другие объяснения. Одно из них заключается в том, что культ Ареса как бога войны был широко распространен в юго-восточных и центральных областях Малой Азии – Фригии, Ликаонии, Писидии и др. Одно из посвящений Аресу из Ликаонии было опубликовано Л. Робером⁴⁶. Не является ли в свете этих данных коммагенский Арес местным аналогом Артагна–Геракла? Это вполне вероятно, но мы слишком мало знаем, чтобы говорить об этом с полной уверенностью. Как мы уже сказали, в надписи из Арсамей-на-Нимфее в имени коммагенского божества Артагна–Геракла–Ареса последний элемент отсутствует. С чем же это связано? По-видимому, ответ необходимо искать в космологических функциях Ареса. В позднеэллинистической астрономии Арес весьма часто сопоставлялся и сливался с планетой Марс. На одном из среднеазиатских оссуариев позднеантичного времени изображена фигура льва и юного царя с мечом и отрубленной мужской головой. Как считает А. Я. Борисов, в фигуре юного царя следует видеть олицетворение планеты Марс – образа, заимствованного из поздневавилонской астрономической традиции⁴⁷. Что подразумевается под фигурой льва, сказать трудно. В то же время в коммагенских царских гороскопах роль Марса–Ареса играл, вероятно, Геракл, что видно по гороскопу из Нимруд-Дага: Πυρόεις Ἡρακλέους... – говорится там⁴⁸. Поэтому отсутствие Ареса в арсамейских надписях объясняется тем, что он не играл слишком большой роли в царских гороскопах Коммагены⁴⁹.

Какой же религиозный смысл несла в себе сцена рукопожатия царя с божеством Артагной–Гераклом–Аресом? Отвечая на этот вопрос, следует сказать, что Веретрагна теснейшим образом связан с царским фарном, в ряде случаев он может быть ему тождествен⁵⁰. Вообще Артагн–Геракл–Арес олицетворял доблесть

⁴² Богомолов 1980, 69–79.

⁴³ Farnell 1909, 396–407.

⁴⁴ Дюмезиль 1990, 14–38.

⁴⁵ Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих 2013, 16–23, рис. 3, 5–14, 34–56, 87, рис. 24–55.

⁴⁶ Robert 1955, 72–78, pl. VIII. 4.

⁴⁷ Борисов 1945, 10.

⁴⁸ Jalabert, Mouterde 1929, 38, №36.

⁴⁹ Duchesne–Guillemin 1978, 199.

⁵⁰ Литвинский 1968, 87–92.

и силу, наделяя царя своей победоносностью и мощью⁵¹. Означенная трактовка относится ко всем барельефам со сценами рукопожатия царя и Артагна-Геракла-Ареса. Подобные явления в царской идеологии можно наблюдать и в Древней Армении, где царь Тигран II Великий (I в. до н.э.), как показал Г.Х. Саркисян, обожествлялся и отождествлялся с божеством Вахагном-Гераклом⁵², и в Кушанском царстве, владыкам которого Геракл также передавал силу и мощь, как об этом свидетельствует изображение чаганианского правителя и данного божества на терракотовом медальоне из Халчаяна. Г.А. Пугаченкова, опубликовавшая этот медальон, интерпретировала фигуру справа от правителя как наследника престола⁵³. Однако это сомнительно, и, скорее всего, это Геракл-Веретрагна.

Несколько слов о символическом значении венков, состоящих из лучей, на голове фигуры Артагна-Геракла-Ареса на барельефах. Как пишет Л.А. Кемпбелл, они являются символом силы и царской победы, а также власти⁵⁴. Такие же точно венки получают сасанидские цари Шапур I и Бахрам от Оромазда⁵⁵. Венок у Артагна-Геракла-Ареса является еще одним аргументом в пользу его принадлежности к древнеиранской религиозной традиции.

О культовой практике почитания Артагна-Геракла-Ареса в Коммагенском царстве почти ничего неизвестно. Можно лишь высказать некоторые предположения. В царском святилище Арсамей-на-Нимфее на цокольной площадке III, на юго-западной стороне святилища, где был установлен один из упомянутых барельефов со сценой рукопожатия царя и Артагна-Геракла-Ареса, расположен вход в большой тоннель с полукруглым сводом, вырубленный в скале. Длина тоннеля 158 м, в конце он расширяется, а в некоторых местах его ширина достигает до 3,2 м. Выхода тоннель не имеет⁵⁶. Подобный тоннель, о котором мы уже говорили, был вырублен в скале около цокольной площадки I, также находящейся на юго-западной стороне святилища. Его общая длина 15 м. Он разделен на галерею, переходящую в прямоугольную платформу, и квадратную комнату со сторонами длиной 5 м каждая⁵⁷. Некоторые исследователи, например Ф.К. Дернер, считают, что оба помещения связаны с почитанием Митры⁵⁸. Мы согласны с этой точкой зрения, но только в отношении тоннеля у цокольной площадки I. Помещение у цокольной площадки III могло использоваться иначе. Можно предположить, что там проводились какие-то священнодействия, в ходе которых царю даровалась сила и победоносность, и барельеф с Артагном-Гераклом-Аресом у этой цокольной площадки разъяснял суть этих церемоний. Подробностей обрядов мы не знаем, поскольку они были скрыты от глаз непосвященных. Кроме того, соседство двух помещений, в одном из которых почитался Аполлон-Митра-Гелиос-Гермес и царь становился его воплощением, а в другом проводились церемонии, в ходе которых царь приобретал черты победоносного владыки, отражает тесную связь в древнеиранской религии Митры и Веретрагны. В нашем же случае такая связь про-

⁵¹ Benveniste, Renou 1934, 71–72.

⁵² Саркисян 1966, 17.

⁵³ Пугаченкова 1962, 88–95.

⁵⁴ Campbell 1968, 197.

⁵⁵ Sarre 1923, taf. 71, 78.

⁵⁶ Mellink 1955, 240; Dörner 1956, 77–79; Mellink 1958, 101; Çoban 2010, 42.

⁵⁷ Dörner 1956, 76–77.

⁵⁸ Dörner 1978, 130–131.

смаатривается между Аполлоном–Митрой–Гелиосом–Гермесом и Артагном–Гераклом–Аресом. Надо отметить, что и в позднейшем митраизме Веретрагна–Геракл играл одну из ключевых ролей в мистериях Митры римского времени и часто изображался в образе свирепого вепря⁵⁹.

Г. Вальдманн предположил, что святилище в местечке Сейлик неподалеку от Самосаты было основано Митридатом I Каллиником (100–70 гг. до н. э.), отцом Антиоха I Коммагенского, а найденная там стела, на которой были вырезаны фигура царя, пожимающая руку Артагну–Гераклу, и царский манифест об основании святилища относятся ко времени отца Антиоха I. Однако анализ сохранившегося фрагмента, где говорится о положении храмовых рабов–иеродулов, не дает оснований относить его ко времени Митридата, так как по содержанию и по стилю он существенно не отличается от соответствующих строк манифеста Антиоха I из Нимруд–Дага. Поэтому филологические аргументы Г. Вальдманна не слишком убедительны⁶⁰. Иконографическая схема сохранившегося барельефа ничем не отличается от барельефов из Нимруд–Дага и Арсамеи–на–Нимфее, на которых представлены его сын, Антиох, и Артагн–Геракл–Арес. Фактически это сцена инвеституры, когда божество наделяет царя непобедимостью и мощью⁶¹. Различия проявляются лишь в стилистическом плане. Рельеф из Сейлика грубее, чем барельефы из Нимруд–Дага и Арсамеи; трактовка фигур на нем плоскостная, отсутствует объемность изображения, характерная для всех без исключения барельефов Нимруд–Дага. К тому же на этом барельефе царь представлен с бородой, а Антиох никогда так не изображался. Это отмечает и Г. Вальдманн⁶², но он исходит из неверной предпосылки, пытаясь по стилю сопоставить сейликский барельеф с барельефом III цокольной площадки Арсамеи–на–Нимфее. Мы попытались доказать в главе о культе Артагна–Геракла–Ареса, что никаких оснований датировать его временем Митридата нет. Более основательно указание Г. Вальдманна на связь эпиклезы «Каллиник» (Καλλίνικος – «побеждающий справедливо»)⁶³ со сценой на барельефе из Сейлика и строками 32–33 надписи из Арсамеи–на–Нимфее, где четко отражено представление о Геракле как о божестве военной победы и мощи царя: ἡ τις ἡρωικῶν ἀγῶνων κοινᾶς φήμας ἐκηρύχθη καλλίνικος⁶⁴. Гипотеза Г. Вальдманна в целом любопытна. Если ее принять, то необходимо признать, что уже при Митридате I начал складываться государственный централизованный царский культ.

⁵⁹ Брагинский 1991, 232–233; Вертиенко 2014, 107–113.

⁶⁰ Waldmann 1973, 35, 37–42.

⁶¹ Waldmann 1973, taf.VII.

⁶² Waldmann 1973, 37.

⁶³ О связи этого эпитета с культом Геракла и военной сферой: Ханиотис 2013, 126.

⁶⁴ Dörner, Goell 1963, 40; Waldmann 1973, 36. Как справедливо полагает Ф. Муциоли, весьма проблематично разделить в названном контексте военную составляющую и связь этой эпиклезы с культом предков Митридата (переводить ἡρωικῶν ἀγῶνων можно и как «состязания в честь героизированных предков») (Muccioli 2013, 344–345). Так что вряд ли права М. Фацелла, видящая в титуле этого царя Коммагены только успехи на военном поприще (Facella 2006, 214). Эпитет «Каллиник» мог выступать калькой иранского понятия «фарн», т.е. царской благодати, которая передавалась царю божествами либо предками, а часто и теми и другими вместе во время празднеств в честь последних. Понятие «победы», заложенное в эпиклезе Митридата, в иранском мире являлось эквивалентом «фарна» и как раз было связано с Веретрагну (Hertel 1926, 174–175 и сл.).

Рис. 5. Статуя Артагна-Геракла-Ареса. Нимруд-Даг. Восточная терраса

Кроме разобранных выше барельефов, на Восточной и Западной сторонах Нимруд-Дага при Антиохе I, наряду с прочими статуями богов, были воздвигнуты изваяния Артагна-Геракла-Ареса. Обе статуи находятся у правого края пантеона коммагенских богов. До наших дней в относительно хорошем состоянии дошла статуя этого божества с Восточной террасы (рис.5). Она выполнена в персидском одеянии ахеменидской эпохи – в сараписе – мужской верхней нераспашной одежде с длинными рукавами⁶⁵, персидских штанах и сапогах (анексиридах). Единственный атрибут греческого Геракла на статуях – суковатая палица. У его голов, которые были обнаружены отдельно, лицо позднегреческого типа, усталого, нуждающегося в отдыхе героя (рис. 6–7). Узкий лоб с угловатыми бровями, глубоко сидящие глаза, широкие скулы, полуоткрытый бесформенный рот, суммарно показанная борода – все это создает впечатление грубой работы. В правой руке Артагн-Геракл-Арес, как и другие боги, держит барсом.⁶⁶ Голова божества

⁶⁵ Яценко 2006, 36, рис.11–13.

⁶⁶ Humann, Puchstein 1890, 257–258, taf. XXIX. 2, 297–298, taf. XXX. 2; Başgelen 2012, 98.

Рис. 6. Голова Артагна-Геракла-Ареса. Нимруд-Даг. Восточная терраса

Рис. 7. Голова Артагна-Геракла-Ареса. Нимруд-Даг. Западная терраса

увенчивается остроконечной тиарой, аналогичной головному убору Зевса–Оромазда⁶⁷. Иконография статуй Артагна–Геракла–Ареса резко отличается от иконографии этого божества на барельефах царских святилищ, поэтому прав Х. Дерри, утверждающий, что нельзя на основе иконографии этого божества на барельефах говорить о чисто греческом характере его культа⁶⁸. Оно – синкретическое, впрочем, как и остальные божества коммагенского пантеона.

Интересной аналогией статуям Артагна–Геракла–Ареса из Нимруд–Дага может служить изображение на терракотовой плитке из Барратепе (Древняя Бактрия), датирующееся кушанской эпохой. По мнению К. Абдуллаева, на ней представлена фигура Геракла–Веретрагна с явным преобладанием черт первого, так как божество в иранском костюме, сапогах, его голова перехвачена начельной лентой, на плечи накинута звериная шкура, правая рука держит занесенную над головой сучковатую палицу. Более или менее аналогичная терракотовая плитка из Кара–Пичок позднекушанского времени изображает царя в образе Геракла–Веретрагна. Поэтому К. Абдуллаев заключает, что в коропластике образ Геракла приобретает синтезированные черты греческого и иранского влияния⁶⁹.

Подводя итог, можно сказать, что Артагн–Геракл–Арес и его культ являются одной из важнейших составляющих коммагенского пантеона и царского культа. Главная функция этого божества состояла в наделении царя мощью и победоносностью, поэтому Веретрагна представляется центральным элементом культа с несомненным иранским оттенком, несмотря на его греческую иконографию на барельефах Арсамеи–на–Нимфее и Нимруд–Дага. Присутствие же Ареса в культе, видимо, связано с местным малоазиатским влиянием. Артагн–Геракл–Арес входил в круг синкретических божеств, пользующихся широким распространением в период позднего эллинизма на Ближнем Востоке и Малой Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев, К.В. 1988: О культе Геракла в Бактрии (некоторые вопросы иконографии). *ИМКУз* 22, 26–34.
- Алиев, И. 1989: *Очерк истории Атропатены*. Баку.
- Бессонова, С.С. 1983: *Религиозные представления скифов*. Киев.
- Боголюбов, М.Н. 2012: Праздник «Сокрушения Вритры» в древнем Хорезме. В кн.: О. М. Чунакова (ред.), *Труды по иранскому языкознанию. Избранное*. М., 406–416.
- Богомолов, Г.И. 1980: Изображение всадников с городища Канка. *ИМКУз* 14, 69–79.
- Борисов, А.Я. 1945: К проблеме согдийского искусства. *СГЭ* III, 10.
- Брагинский, И.С. 1991: Веретрагна. *Мифы народов мира* 1, 232–233.
- Вальдгауэр, О.Ф. 1923: *Лисипп*. Берлин.
- Вертиенко, А.В. 2014: Оружие Веретрагны и воин–вепрь в паниранской среде. В сб.: И. А. Ладынин (ред.), *Восток, Европа, Америка в древности. Сб. науч. трудов XVIII Сергеевских чтений* 3. М., 107–113.
- Виппер, Б.Р. 1972: *Искусство Древней Греции*. М.
- Гаилов, В.А. 1984: О некоторых проблемах культа Геракла на эллинистическом Востоке (скальный комплекс Керифто в Иране). В сб.: Г.А. Кошеленко, Г.А. Тиранян, Б.А. Аракелян (ред.), *ВСПЭКВ–II*. Ереван, 14–15.

⁶⁷ Young 1964, 33, pl.11, pl.12, fig.2.

⁶⁸ Dörrie 1964, 189–190.

⁶⁹ Абдуллаев 1988, 26–34.

- Гиришман, Р.М. 1978: Религии Ирана от VIII в. до н.э. до периода ислама. В сб.: В. Г. Луконин (ред.), *Культура Востока. Древность и раннее Средневековье*. Л., 66–73.
- Граков, Б.Н. 1950: Скифский Геракл. *КСИИМК* XXXIV, 11–20.
- Граков, Б.Н. 1971: *Скифы*. М.
- Дрезден, М. 1977: Мифология Древнего Ирана. В сб.: В. А. Яacobсон (ред.), *Мифологии древнего мира*. М., 337–365.
- Дюмезиль, Ж. 1986: *Верховные боги индоевропейцев*. М.
- Дюмезиль, Ж. 1990: *Скифы и нарты*. М.
- Капанцян, Г.А. 1940: *Хеттские боги у армян*. Ереван.
- Леманн, Эд. 1992: Индусы. В кн.: Д. П. Шантепи де ля Соссей (ред.), *Иллюстрированная история религий 2*. Сортавала, 8–143.
- Лесков, А.М., Беглова, Е.А., Ксенофонтова, И.В., Эрлих, В.Р. 2013: *Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы*. М.
- Литвинский, Б.А. 1968: *Кангюйско-сарматский фарн*. Душанбе.
- Мандельштам, А.М. 1966: Кочевники на пути в Индию. *МИА* 136. М.
- Недович, Д.С. 1939: *Поликлет*. М. –Л.
- Никольский, Н.М. 1959: *Культура Древней Вавилонии*. Минск.
- Пилипко, В.Н. 1996: *Старая Ниса. Здание с квадратным залом*. М.
- Пугаченкова, Г.А. 1962: Образ Чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна. *ВДИ* 2, 88–95.
- Пугаченкова, Г.А. 1971: *Скульптура Халчаяна*. М.
- Пугаченкова, Г.А. 1977: Геракл в Бактрии. *ВДИ* 2, 77–92.
- Раевский, Д.С. 1977: *Очерки идеологии скифо-сакских племен*. М.
- Саркисян, Г.Х. 1966: Обожествление и культ царей и царских предков в Древней Армении. *ВДИ* 2, 3–26.
- Тирацян, Г.А. 1960: *Ахеменидские традиции в древней Армении*. М.
- Топоров, В.Н. 2014: Траэтона. В кн.: В. В. Иванов (ред.), *Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий 2*. М., 380–385.
- Тревер, К.В. 1953: *Очерки по истории культуры Древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. М.
- Фрай, Р. 2002: *Наследие Ирана*. М.
- Ханиотис, М. 2013: *Война в эллинистическом мире*. СПб.
- Шлюмберже, Д. 1985: *Эллинизированный Восток*. М.
- Штакельберг, Р.Р. 1901: *Об иранском влиянии на религиозные верования древних армян*. СПб.
- Яценко, С.А. 2006: *Костюм Древней Евразии (ираноязычные народы)*. М.
- Başgelen, N. 2012: *Mount Nemrut*. Ankara.
- Benveniste, E. et Renou, L. 1934: *Vītra et Vīθragna. Étude de mythologie indo-iranienne*. Paris.
- Campbell, L.A. 1968: *Mithraic Iconography and Ideology*. Leiden.
- Çoban, M. 2010: *Nemrud*. Adiyaman.
- Colledge, M.A.R. 1977: *The Parthian Art*. London.
- Colledge, M.A.R. 1987: Greek and non-Greek Interaction in Art and Architecture. In: A. Kurht, S. Sherwin-White (eds), *Hellenism in East. The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander*. Los-Angeles, 114–190.
- Cumont, F. 1899: *Textes et monuments relatifs figures aux mysteres de Mithra*. Vol. I. Bruxelles.
- Dörner, F.K. 1954: Arsameia Nymphaios. *AS* 4, 14–15.
- Dörner, F.K. 1956: Die Königsresidenz Arsameia am Nymphenfluss. *Das Altertum*. Bd. 2. Heft. 2, 67–82.

- Dörner, F.K., Goell, Th. 1963: *Arsameia am Nymphaios. Die Ausgrabungen im Hierotheion des Mithradates Kallinikos von 1953-1956*. Berlin.
- Dörner, F.K. 1978: Mithras in Kommagene. In: H. Brill (eds), *Etudes Mithriaques: Actes du 2e Congress International*. Teheran- Liege, 123-133, abb. I-V.
- Dörrie, H. 1964: *Der Königs kult des Antiochos von Kommagene im Lichte neuer Inshriften –Funde*. Göttingen.
- Duchesne-Guillemin, J. 1978: Iran and Greece in Commagene. In: H. Brill (eds), *Etudes Mithriaques: Actes du 2e Congress International*. Teheran. Liege, 187-199.
- Dumezil, G. 1971: *Mythe et epos. Types epiques indo-europeens: Un heros, un sorcier, un roi*. Paris.
- Facella, M. 2006: *La Dinastia degli Orontidi nella Commagene Ellenistico-Romana*. Pisa.
- Farnell, L.R. 1909: *The cults of the Greek states*. Vol.V. Oxford.
- Goell, Th., Dörner, F.K. 1956: The Tomb of Antiochus I. *Scientific American*. July, 38-44.
- Hertel, J. 1931: *Yast 14, 16, 17. Text, Übersetzung und Erläuterung (Indo-Iranische Quellen und Forschungen, Hft.VII)*. Leipzig.
- Herzfeld, E. 1941: *Iran in the Ancient East*. London-New-York.
- Honigmann, E. 1924: Kommagene. *RE* IV, 978-990.
- Hoepfner, W. 1975: Architektur in Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte* 6, 43-50, 60-74 abb.
- Humann, K., Puchstein, O. 1890: *Reisen in Kleinasien und Nordsyrien*. Berlin.
- Jalabert, L., Mouterde, R. 1929: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. Paris.
- Lommel, H. 1939: *Der Arische Kriegsgott*. Frankfurt am Main.
- Macdonnel, A.A. 1897: *Vedic Mythology*. Strassburg.
- Mathiesen, H.E. 1992: *Sculpture in the Parthian Empire. Catalogue*. Vol.II. Aarhus.
- Mellink, J.M. 1955: Archaeology in Asia Minor. *AJA* 59/3, 238-240, pl.70-71. fig.4-9.
- Mellink, J.M. 1958: The Archaeology in Asia Minor. *AJA* 62/2, 101-103, pl.19, fig.12-16.
- Mole, H. 1965: *L'Iran ancien*. Paris.
- Muccioli, F. 2013: *Gli epiteli ufficiali dei re ellenistici*. Bologna-Ravenna.
- Robert, L. 1955: Dedicace Ares. *Hellenica* X, 72-78, pl.VIII.4.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol.II. Oxford.
- Sarre, F. 1923: *Die Kunst des Alten Persiens*. Berlin.
- Wagner, J. 1975: Neue Funde zum Götter und Königs kult unter Antiochos I von Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte* 6, 51-59, 75-86 abb.
- Waldmann, H. 1973: *Die Kommagenischen Kultreformen unter König Mithradates I Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I*. Leiden.
- Weissbach, S. 1920: Samosata. *RE* I, 2220-2222.
- Wroth, W. 1900: *On the Rearrangement of Parthian Coinage*. London.
- Young, J. H. 1964: Kommagenian Tiaras: Royal and Divine. *AJA* 68/1, 29-34, pl.11-13.

REFERENCE

- Abdullaev, K.V. 1988: O kulte Gerakla v Baktrii (nekotorye voprosy ikonografii). *IMKuz* 22, 26-34.
- Aliev, I. 1989: *Ocherk istorii Atropateny*. Baku.
- Başgelen, N. 2012: *Mount Nemrut*. Ankara.
- Benveniste, E. et Renou, L. 1934: *Vrtra et Vrthragha. Étude de mythologie indo-iranienne*. Paris.
- Bessonova, S.S. 1983: *Religioznye predstavleniya skifov*. Kiev.
- Bogolyubov, M.N. 2012: Prazdnik «Sokrusheniya Vritry» v drevnem Khorezme. In: O.M. Chumakova (red), *Trudy po iranskomu yazykoznaniiyu. Izbrannoe*. Moscow.

- Bogomolov, G.I. 1980: Izobrazhenie vsadnikov s gorodishcha Kanki. *IMKuz* 14, 69–79.
- Borisov, A.YA. 1945: K probleme sogdiyskogo iskusstva. *SGE* III, 10.
- Braginskiy, I.S. 1991: Veretragna. *Mify narodov mira* 1, 232–233.
- Campbell, L.A. 1968: *Mithraic Iconography and Ideology*. Leiden.
- Çoban, M. 2010: *Nemrud*. Adiyaman.
- Colledge, M.A.R. 1977: *The Parthian Art*. London.
- Colledge, M.A.R. 1987: Greek and non-Greek Interaction in Art and Architecture. In: A.Kurht, S. Sherwin-White (eds.), *Hellenism in East. The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander*. Los-Angeles, 114–190.
- Cumont, F. 1899: *Textes et monumentes relatifs figures aux mysteres de Mithra*. Vol.I. Bruxelles.
- Dörner, F.K. 1954: Arsameia Nymphaios. *AS* 4, 14–15.
- Dörner, F.K. 1956: Die Königsresidenz Arsameia am Nymphenfluss. *Das Altertum*. Bd.2. Heft.2, 67–82.
- Dörner, F.K. 1978: Mithras in Kommagene. In: H. Brill (eds), *Etudes Mithriaques: Actes du 2e Congress International*. Teheran- Liege, 123-133, abb. I–V.
- Dörner, F.K., Goell, Th. 1963: *Arsameia am Nymphaios. Die Ausgrabungen im Hierotheion des Mithradates Kallinikos von 1953-1956*. Berlin.
- Dörrie, H. 1964: *Der Königskult des Antiochos von Kommagene im Lichte neuer Inschriften – Funde*. Göttingen.
- Drezden, M. 1977: Mifologiya Drevnego Irana. In: V.A. Yakobson (red.), *Mifologii drevnego mira*. M., 337–365.
- Duchesne-Guillemin, J. 1978: Iran and Greece in Commagene. In: H. Brill (eds.), *Etudes Mithriaques: Actes du 2e Congress International*. Teheran. Liege, 187–199.
- Dumezil, G. 1971: *Mythe et epopée. Types épiques indo-européens: Un héros, un sorcier, un roi*. Paris.
- Dyumezil', Zh. 1986: *Verkhovnye bogi indoevropeytssev*. Moscow.
- Dyumezil', Zh. 1990: *Skify i narty*. Moscow.
- Facella, M. 2006: *La Dinastia degli Orontidi nella Commagene Ellenistico-Romana*. Pisa.
- Farnell, L.R. 1909: *The cults of the Greek states*. Vol.V. Oxford.
- Fray, R. 2002: *Nasledie Irana*. Moscow.
- Gaibov, V.A. 1984: O nekotorykh problemakh kulta Gerakla na ellinisticheskoy Vostoke (skal'nyy kompleks Kerefto v Irane). In: G.A. Koshelenko, G.A. Tiratsyan, B.A. Arakelyan (red), *VSPEKV-II*. Erevan, 14–15.
- Ghirshman, R.M. 1978: Religii Irana ot VIII v. do n. e. do perioda islama. In: V.G. Lukonin (red), *Kultura Vostoka. Drevnost' i rannee Srednevekov'e*. L., 66–73.
- Goell, Th., Dörner, F.K. 1956: The Tomb of Antiochus I. *Scientific American*. July, 38–44.
- Grakov, B.N. 1950: Skifskiy Gerakl. *KSIIMK* XXXIV, 11–20.
- Grakov, B.N. 1971: *Skify*. Moscow.
- Hertel, J. 1931: *Yašt 14, 16, 17. Text, Übersetzung und Erläuterung (Indo-Iranische Quellen und Forschungen, Hft.VII)*. Leipzig.
- Herzfeld, E. 1941: *Iran in the Ancient East*. London–New-York.
- Hoepfner, W. 1975: Architektur in Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte* 6, 43–50, 60–74 abb.
- Honigsmann, E. 1924: Kommagene. *RE* IV, 978-990.
- Humann, K., Puchstein, O. 1890: *Reisen in Kleinasien und Nordsyrien*. Berlin.
- Jalabert, L., Mousterde, R. 1929: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. Paris.
- Kapantsyan, G.A. 1940: *Khettskie bogi u armyan*. Erevan.
- Khaniotis, M. 2013: *Voyna v ellinisticheskoy mire*. Saint-Petersburg.

- Lemann, Ed. 1992: Indusy. In: D.P. Shantepi de Iya Sossey (red.), *Illyustrirovannaya istoriya religiy* 2. Sortavala, 8–143.
- Leskov, A.M., Beglova, E.A., Ksenofontova, I.V., Erlikh, V.R. 2013: *Meoty Zakuban'ya IV–III v. do n. e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye komplekсы*. Moscow.
- Litvinskiy, B.A. 1968: *Kangyuysko-sarmatskiy farn*. Dushanbe.
- Lommel, H. 1939: *Der Arische Kriegsgott*. Frankfurt am Main.
- Macdonnel, A.A. 1897: *Vedic Mythology*. Strassburg.
- Mandel'shtam, A.M. 1966: *Kochevniki na puti v Indiyu*. MIA136. Moscow.
- Mathiesen, H.E. 1992: *Sculpture in the Parthian Empire. Catalogue*. Vol.II. Aarhus.
- Mellink, J.M. 1955: Archaeology in Asia Minor. *AJA* 59/3, 238–240, pl.70–71. fig.4–9.
- Mellink, J.M. 1958: The Archaeology in Asia Minor. *AJA* 62/2, 101–103, pl.19, fig.12–16.
- Mole, H. 1965: *L'Iran ancien*. Paris.
- Muccioli, F. 2013: *Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici*. Bologna–Ravenna.
- Nedovich, D.S. 1939: *Poliklet*. M. –L.
- Nikol'skiy, N.M. 1959: *Kultura Drevney Vavilonii*. Minsk.
- Pilipko, V.N. 1996: *Staraya Nisa. Zdanie s Kvadratnym zalom*. Moscow.
- Pugachenkova, G.A. 1962: Obraz Chaganianskogo pravatelya na terrakotovom medal'one iz Khalchayana. *Vestnik drevney istorii* 2, 88–95.
- Pugachenkova, G.A. 1971: *Skulptura Khalchayana*. Moscow.
- Pugachenkova, G.A. 1977: Gerakl v Baktrii. *Vestnik drevney istorii* 2, 77–92.
- Raevskiy, D.S. 1977: *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen*. Moscow.
- Robert, L. 1955: Dedicace Ares. *Hellenica* X, 72–78, pl.VIII.4.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol.II. Oxford.
- Sarkisyan, G. Kh. 1966: Obozhestvlenie i kult tsarey i tsarskikh predkov v Drevney Armenii. *Vestnik drevney istorii* 2, 3–26.
- Sarre, F. 1923: *Die Kunst des Alten Persiens*. Berlin.
- Shlyumberzhe, D. 1985: *Ellinizirovanny Vostok*. Moscow.
- Shtakel'berg, R.R. 1901: Ob iranskom vliyani na religioznye verovaniya drevnikh armyan. Saint-Petersburg.
- Tiratsyan, G.A. 1960: *Akhemenidskie traditsii v drevney Armenii*. Moscow.
- Toporov, V.N. 2014: Traetona. In: V.V.Ivanov (red.), *Mifologiya. Stat'i dlya mifologicheskikh ensiklopediy* 2. M., 380–385.
- Trever, K.V. 1953: *Ocherki po istorii kultury Drevney Armenii (II v do n. e.–IV v n. e)*. M. –L.
- Val'dgauer, O.F. 1923: *Lissip*. Berlin.
- Vertienko, A.V. 2014: Oruzhie Veretragny i voin-vepr' v paniranskoy srede. In: I. A. Lady-nin (red.), *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti. Sb. nauch. trudov XVIII Sergeevskikh chteniy* 3. M., 107–113.
- Vipper, B.R. 1972: *Iskusstvo Drevney Gretsii*. Moscow.
- Wagner, J. 1975: Neue Funde zum Götter und Königs-kult unter Antiochos I von Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte* 6, 51–59, 75–86 abb.
- Waldmann, H. 1973: *Die Kommagenischen Kultreformen unter König Mithradates I Kal-linikos und seinem Sohne Antiochos I*. Leiden.
- Weissbach, S. 1920: Samosata. *RE* I, 2220–2222.
- Wroth, W. 1900: *On the Rearrangement of Parthian Coinage*. London.
- Yatsenko, S.A. 2006: *Kostyum Drevney Evrazii (iranoyazychnye narody)*. Moscow.
- Young, J. H. 1964: Commagenian Tiaras: Royal and Divine. *AJA* 68/1, 29–34, pl.11–13.

ARTAGN–HERAKLES–ARES IN ANCIENT COMMAGENE

Sergey V. Obukhov

*Lomonosov Moscow State University, Russia,
kornelitta@rambler.ru*

Abstract. The paper is devoted to the cult of Artagn–Herakles–Ares, god-protector of royal power, war and victory in the Commagenian Kingdom at the epoch of Antiochus I (69–34 BC), and his father Mithradates I Kallinikos (100–70 BC). Based on epigraphical and archeological sources, the author reviews the essence of this cult, analyzing its every element: Artagn (Avestan Veretragna), Herakles and Ares. All three deities had similar functions and might have been combined in unified syncretic image at the epoch of Antiochus I or Mithradates I. There was Greek iconography on the bas-reliefs, but the author considers, that Artagn was the central element of this cult, which Antiochus I evidently identified. Thus the king acquired the features of deity of war and victory. Besides, Artagn–Herakles–Ares was associated with Khvarenah – the royal charisma. Therefore the author rates, that this deity played the important part in the royal cult of Commagenian kings. The father of Antiochus I Mithridates I had the title of Kallinikos, which was evidently associated with Herakles-Veretragna. It is confirmed with the inscription of Antiochus' I epoch from the centre of royal and dynastic cults in Arsameia on the Nymphaeion. We know very little about practice of worshipping of this deity. The author assumes that a tunnel was associated with it, which was cut near basement III. In this tunnel several ceremonies might have been conducted, which the king acquired the features of Artagn–Herakles–Ares.

Key words: Hellenism, Commagene, Antiochus I, Artagn–Herakles–Ares, cult

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 85–94
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 85–94
© Автор(ы) 2016

ТЕРМИНЫ CADUCEATORES, LEGATI, ORATORES В ТРУДЕ ТИТА
ЛИВИЯ «ИСТОРИЯ РИМА ОТ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА»

Л.М. Шмелева

*Казанский Федеральный университет, Казань,
Ljudmila.Shmeleva@kpfu.ru*

Аннотация. В статье исследуются термины, используемые Титом Ливием в своем труде «История Рима от основания города» для обозначения посольств и послов. Ливий называет посольства в Риме легациями (*legationes*), а послов – легатами (*legati*), ораторами – ораторами.

Шмелева Людмила Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета. E-mail: Ljudmila.Shmeleva@kpfu.ru

рами (*oratores*) и жезлоносцами (*caduceatores*). В результате проведенного анализа было выяснено, что термины *legations* и *legati* использовались Ливием для обозначения официальных миссий как римских, так и иноземных государств и общин. Двумя остальными терминами – *oratores* и *caduceatores* – Ливий обозначал посланников с устными поручениями, переговорщиков и военных парламентаров. Используя термины «*legati*», «*oratores*», «*caduceatores*», Ливий желал подчеркнуть в каждом конкретном случае их употребления какую-либо из функций, выполняемых послами как Римской республики, так и других государств.

Ключевые слова: Древний Рим, дипломатия, *caduceatores*, *legati*, *oratores*

Изучение дипломатической деятельности древних римлян представляет определенный интерес в связи с необходимостью проследить становление дипломатических функций римских органов власти и механизмы принятия дипломатических решений. Особенно большое внимание следует уделить начальному этапу римской истории – VIII–III вв. до н.э.

В этом плане представляется интересным проанализировать терминологию, использованную Ливием в своем сочинении «История Рима от основания города» для обозначения посольств и послов. В своем труде «История Рима от основания города» Тит Ливий большое внимание уделяет описанию внешней политики и дипломатии Рима. Он описывает военные действия, направления внешней политики, интересы различных сторон в Италии, а затем и в Западном и Восточном Средиземноморье. Также Ливий пишет и о дипломатической деятельности римлян: отправке и приеме послов, положении послов, их неприкосновенности в соответствии с *ius gentium*.

Специально терминология, применяемая Ливием для обозначения в тексте своего труда послов и посольств, не исследовалась, лишь констатировалось употребление трех терминов: «*legati*», «*oratores*», «*caduceatores*»¹. Только В.И. Кашеев оговаривает, что термин «*oratores*» применялся для обозначения послов с устным поручением². Именно поэтому представляется важным проанализировать причины употребления Ливием того или иного термина в своем тексте.

Посольства в Риме назывались легациями (*legationes*) (Liv. I, 10.1; IV, 52.7; XXI, 9.3), а послы – легатами (*legati*) (Liv. VII, 38.4; X, 45.4), ораторами (*oratores*) (Liv. I, 15.5; II, 13.7; V, 16.1; IX, 43.21; X, 11.11; XXI, 24.3; XXV, 29.1; XXXII, 16.14; XXXV, 51.6) и жезлоносцами (*caduceatores*) (Liv. XXVI, 17.5; XXXI, 38.9; XXXII, 32.5; XXXVII, 45.4; XLIV, 46.1). Наиболее часто употребляются Ливием термины *legatus* и *legations*, что может свидетельствовать о том, что именно данные термины были более распространены для обозначения послов и посольств в Риме. Два других термина – *oratores* (31 раз) и *caduceatores* (10 раз), причем последний термин использовался Ливием начиная с XXVI книги, тогда как первые два использовались им с первой декады сочинения. В некоторых частях им использовались сразу два термина: (Liv. V, 15.3–16.8; IX, 43.7; IX, 45; XXV, 29; XXX, 16; XXXII, 16; XXXVI, 27; XXXVII, 45; XLI, 19; XLIV, 45; XLV, 23) – *legati* и *oratores*; (Liv. XXXII, 32; XXXIII, 11; XXXIV, 30; XXXV, 38; XXXVIII, 45; XLIV, 46) – *legati* и *caduceatores*. Только во фрагменте XXXVII, 45 Ливием были использованы все три

¹ Данилов 2011, 29; Кашеев 1993, 209; Нетушил 1894, 317.

² Кашеев 1993, 209.

термина (*Liv.* XXXVIII, 45). Причем только в этом пассаже употребляются вместе термины *oratores* и *caduceatores*.

В переводе с латинского языка термины, использованные Ливием, означают: *Legatus* – посол³.

Orator – посол с устным поручением, проситель, посредник⁴.

Caduceator – вестник, герольд, парламентар (военн.)⁵.

В первых десяти книгах Ливий использует два термина *legati* и *oratores*. Проанализируем употребление Ливием отдельных терминов. Нас интересует, в каких описываемых им ситуациях римской политической действительности Ливий употреблял тот или иной термин. Начнем наш анализ с наиболее распространенных в труде терминов «*legati*» и «*legations*».

Термин «*legati*» употребляется Ливием начиная с первой книги его сочинения. «Тогда, посоветовавшись с отцами, Ромул разослал по окрестным племенам послов – просить для нового народа союза и соглашения о браках» (*Liv.* I, 9.2; пер. В.М. Смирин). В первой книге Ливий приводит основные ритуалы, связанные с дипломатической деятельностью: прием послов (*Liv.* I, 22, 3–7), объявление войны (*Liv.* I, 32.5–14) и заключение мирного договора (*Liv.* I, 24), сдача города (*Liv.* I, 38, 1–2). При их описании Ливий использует только термин *legati*. Также термин *legati* названы послы Тарквиния Гордого (свергнутого последнего римского царя), явившиеся в Рим с требованием выдачи царского имущества (*Liv.* II, 3.5): «*Ita iam sua sponte aegris animis legati ab regibus superveniunt, sine mentione reditus bona tantum repetentes*»; перевод: «Эти души были уже затронуты порчей, когда вдруг являются царские послы и требуют теперь не возвращения царя, а хотя бы выдачи царского имущества» (пер. Н.А. Поздняковой).

Также термины «*legati*» и «*legations*» Ливий использует и для обозначения римских посольств и послов, посланных как сенатом (*Liv.* IV, 12.9; V, 35; VIII, 23.3; XXI, 18.1; XXII, 33; XXVII, 4, 5–10; XXXII, 19.4; XXXIX, 8.3; 10.6; 11.3), так и консулами, командовавшими войсками с целью переговоров о мире (*Liv.* XXX, 25.1–4). Рассмотрим некоторые примеры. «*Ob haec cum legatos mitti placuisset prius ad Samnites quam bellum fieret, responsum redditur ab Samnitibus ferox*» (*Liv.* VIII, 23.3). Перевод: «Решили тогда до начала войны отправить послов к самнитам; ответ от них был получен дерзкий» (пер. Н.В. Брагинской). «*Nondum ab Roma reuerterant legati neque sciebatur quae senatus Romani de bello aut pace sententia esset, necdum indutiarum dies exierat; eo indigniorem iniuriam ratus Scipio ab iis qui petissent pacem et indutias et spem pacis et fidem indutiarum uiolatam esse, legatos Carthaginem L. Baebium L. Sergium L. Fabium extemplo misit*» (*Liv.* XXX, 25, 1–2). Перевод: «Послы еще не вернулись из Рима, неизвестно было решение сената: воевать или заключать мир. Сципион, глубоко оскорбленный тем, что просившие мира и перемирия сами же погубили надежду на мир и нарушили перемирие, тут же отправил послов в Карфаген: Луция Бебия, Луция Сергия и Луция Фабия» (пер. М.Е. Сергеевко).

Термин «*legati*» используется Ливием и для обозначения лиц, отправленных Сенатом к консулам или римским военачальникам в провинциях (*Liv.* XXI, 63.12;

³ Дворецкий 1976, 584.

⁴ Дворецкий 1976, 709.

⁵ Дворецкий 1976, 141.

XXV, 22.2; XXXV, 6.5; XLV, 26.11), а также от этих последних к римскому сенату (Liv. XXVII, 50.11; 51, 1–7). Рассмотрим некоторые примеры. «In eam legationem – legatos enim mitti placuit – Q. Terentius et M. Antistius profecti nihilo magis eum mouerunt quam priore consulatu litterae mouerant ab senatu missae» (Liv. XXI, 63. 12). Перевод: «Послами (постановлено было отправить таковых) избраны были Квинт Теренций и Марк Антистий; но их слова так же мало подействовали на него, как в его первое консульство письмо сената» (пер. Ф.Ф. Зелинского). «In senatu primum, deinde in contione litterae recitatae sunt; et pro cuiusque ingenio aliis iam certum gaudium, aliis nulla ante futura fides erat quam legatos consulum litteras audissent» (Liv. XXVII, 50, 11). Перевод: «Письмо прочли сначала в сенате, затем в народном собрании; каждый воспринял известие по-своему: одни доверчиво и радостно, другие не верили и ждали консулов или их послов» (пер. М.Е. Сергеевко).

Используя термин «legati» применительно к послам других общин и народов, Ливий обязательно указывал в качестве адресата таких послов римский сенат (Liv. IV, 30.1; V, 35.4; VII, 19.4; XXXII, 27.1; 36.4) или римских должностных лиц (Liv. V, 27.11; XXII, 20. 9–10; XXIV, 40; XXV, 13.8) и официальный характер посольства от одной общины к другой с целью переговоров о мире, заключении союза (Liv. X, 16.3; XXIV, 2; XXIV, 6.7; XXXVI, 5.1; 5.6–9; XXXVII, 32.10), заключения мирного договора (foedus), договора о союзе (Liv. VII, 27.2; IX, 43.26) и т.д. В качестве адресата посольства выступают у Ливия и военачальники в провинции (Liv. XXVI, 13.2; XXXIII, 11.3). Рассмотрим некоторые примеры такого употребления Ливием термина *legati* в этих случаях. «Aequorum legati foedus ab senatu cum petissent et pro foedere deditio ostentaretur, indutias annorum octo impetraverunt» (Liv. IV, 30.1). Перевод: «Послы эквов, обратившиеся к сенату с просьбой о договоре, в ответ услышали требование сдаться, но добились перемирия на восемь лет» (пер. Г.Ч. Гусейнова). «Fides Romana, iustitia imperatoris in foro et curia celebrantur; consensuque omnium legati ad Camillum in castra, atque inde permissu Camilli Romam ad senatum, qui dederent Falerios proficiscuntur» (Liv. V, 27.11). Перевод: «И на форуме, и в курии все прославляли честность римлян, справедливость полководца. Со всеобщего согласия в лагерь к Камиллу были отправлены послы; оттуда они с его разрешения поехали в Рим, чтобы известить сенат о сдаче Фалерии» (пер. С.А. Иванова). «Ibi cum ceteri de legatis mittendis ad imperatores Romanos agerent...» (Liv. XXVI, 13). Перевод: «Разговор шел об отправке послов к римскому военачальнику» (пер. М.Е. Сергеевко).

Термин *legati* использовался и для обозначения лиц, являвшихся третейскими судьями (Liv. XXXIX, 25.1; XXXIX, 34, 35; XL, 17.1; XLI, 25) и решавших дела в Азии и Греции после Македонских войн (Liv. XXXVIII, 38–40, 47; XLV, 17.1; XLV, 27.1). «Ibi cum Romani legati disceptatorum loco...» (Liv. XXXIX, 25.1). Перевод: «Когда каждый занял свое место в собрании, римские послы – как третейские судьи...» (пер. Э.Г. Юнца). «Legatos deinde, quorum de sententia imperatores L. Paulus, L. Anicius conponerent res, decreuerunt decem in Macedoniam, quinque <in> Illyricum» (Liv. XLV, 17.1). Перевод: «Затем сенат постановил направить легатов – десяти в Македонию и пятерых в Иллирию, чтобы Луций Павел и Луций Аниций, наводя там порядок, руководствовались их советами» (пер. О.Л. Левинской).

Как видим, данный термин использовался Ливием в своем сочинении для обозначения официальных посольств как римских, так и иностранных государств, а

также для обозначения третейских судей в более поздний период (III в. до н.э.). Также этот термин использовался для обозначения официальных лиц, посланных сенатом к высшим должностным лицам Римской республики.

Вторым по частоте использования в сочинении Ливия является термин «*oratores*». Он использовался Ливием при описании военных действий и связанных с ними переговоров о перемирии или заключении мира (Liv. II, 30.8; IX, 43.7; X, 11.11; 37.5; XXI, 13.1; 24; 34.2–3; XXIV, 33; XXX, 16; XXXII, 17.2; 25.7; XXXIV, 40.2; XXXV, 51.6; XL, 49.4). Рассмотрим некоторые из данных фрагментов.

«*Oratores Latinorum ab senatu petebant ut aut mitterent subsidium aut se ipsos tuendorum finium causa capere arma sinerent*» (Liv. II, 30.8). Перевод: «Латинские послы обратились в сенат с просьбой или направить им помощь, или позволить вооружиться самим для защиты своих границ» (пер. Н.А. Поздняковой).

«*Tum trium mensum frumento imperato et annuo stipendio ac singulis in militem tunicis ad senatum pacis oratores missi*» (Liv. IX, 43.7). Перевод: «Они получили на 30 дней перемирие для отправки своих послов в Рим к сенату» (пер. Н.В. Брагинской).

«*Principio huius anni oratores Lucanorum ad novos consules uenerunt questum, quia condicionibus perlicere se nequiverint ad societatem armorum, Samnites infesto exercitu ingressos fines suos uastare belloque ad bellum cogere*» (Liv. X, 11.11). Перевод: «В начале года к новым консулам явились посланники луканцев с жалобой на самнитов: не сумев уговорами склонить луканцев к военному союзу, самниты вторглись в их земли, чтобы одной войною принудить их к другой» (пер. Н.В. Брагинской).

«*Haec mixta metu spes ultra quam uellent aut quam possent trahere eos tempus cogebat; deinde, postquam Philoclen repulsum trepidantemque refugisse Chalcidem acceperunt, oratores extemplo ad Attalum ueniam fidemque eius petentes miserunt*» (Liv. XXXII, 16). Перевод: «И так, колеблясь между страхом и надеждой, эретрийцы тянули время дольше, чем хотели и чем могли. Но потом, узнав, что Филокл разбит и в страхе бежал в Халкиду, они тотчас отправили к Атталу послов умолять о прощении и заступничестве» (пер. С.А. Иванова).

«*Inde ad fidem ab Romano petendam oratores mittunt*» (Liv. XXXII, 17.2). Перевод: «Оттуда к римлянам явились послы с просьбой о покровительстве» (пер. С.А. Иванова).

Как видим из приведенных примеров, термин *oratores* используется Ливием для определения не совсем официальных посольств или послов, когда не уточняется адресат посольства (сенат, консул и т.д.) или официальный статус руководителя государства, а также если информация сообщалась посланниками в устной форме. Большая часть употребления данного термина связана с описанием военных действий и, соответственно, с посланниками, целью которых было выяснение намерений сторон в отношении ведения мирных переговоров, сдачи города и других подобных ситуаций.

Третьим употребляемым Ливием термином является термин «*caduceatores*». Данный термин использовался Ливием для обозначения лица, которое должно было сообщить противнику намерение начать переговоры о перемирии или мире или сообщить какую-либо весть (Liv. XXVI, 17.5; XXXI, 38.9; 39.1–3; XXXII, 32.3; 32.5; XXXIII, 11.3; XXXIV, 30.3; XXXVII, 18.12; 45; XLIV, 46.1). Данный термин,

так же как и термин «*oratores*», использовался Ливием при описании военных действий. Рассмотрим примеры употребления термина «*caduceatores*».

«*Hasdrubal, ne in arto res esset, caduceatorem misit qui promitteret si inde missus foret se omnem exercitum ex Hispania deportaturum*» (Liv. XXVI, 17.5). Перевод: «Газдрубалу приходилось туго, и он отправил посла для переговоров о мире, обещая, если его выпустят, вывести из Испании все свое войско» (пер. М.Е. Сергеев).

«*Mora cur non extemplo oppugnarentur ea fuit quod caduceator ab rege uenerat locum ac tempus petens conloquio.....*» (Liv. XXXII, 32.5). Перевод: «5: С осадой крепости дело замедлилось, поскольку от царя прибыл посланец с просьбой назначить место и время для переговоров» (пер. С.А. Иванова).

«*...caduceator eo regius uenit, specie ut indutiae essent donec tollerentur ad sepulchrum qui in acie cecidissent, re uera ad petendam ueniam legatis mittendis*» (Liv. XXXIII, 11.3). Перевод: «Туда прибыл царский гонец. Предлогом к этому была просьба о перемирии, необходимом для погребения павших в битве. На самом же деле царь просил позволения отправить к нему послов» (пер. С.А. Иванова).

«*... in campos sub ipsa Elaeae moenia descendit misso caduceatore ad Aemilium, uelle se de pace agree*» (22: XXXVII, 18.12). Перевод: «Царь Антиох послал к Эмилию гонца передать, что хочет поговорить с ним о мире» (пер. С.А. Иванова).

«*Paulus per omnes deditas ciuitates dimissis, qui praeessent, ne qua iniuria in noua pace uictis fieret, retentisque apud se caduceatoribus regis*» (Liv. XLIV, 46. 1). Перевод: «А Павел разослал по всем сдавшимся городам своих людей, чтобы они там распоряжались и чтобы побежденные в эти первые дни мира не потерпели бы никаких обид; посланцев царских он задержал у себя» (пер. О.Л. Левинской).

Таким образом, термин *caduceatores* используется Ливием для обозначения лиц, которые передавали устное поручение, связанное с началом переговоров о перемирии или мире.

В некоторых пассажах Ливий использует сразу два термина, – как правило, это сочетания терминов «*legati*» и «*oratores*» и «*legati*» и «*caduceatores*».

Сочетания терминов «*legati*» и «*oratores*» использованы Ливием в следующих пассажах: V, 15.3–16.8; IX, 43.7; IX, 45; XXIV, 33; XXV, 29; XXX, 16; XXXII, 16; XXXVI, 27; XXXVII, 45; XLI, 19; XLIV, 45; XLV, 23. В пассаже из пятой книги (Liv. V, 15.3–16.8) речь идет о посольстве в Дельфы с религиозной целью и применительно к членам посольства Ливий употребляет два термина: «*legati*» и «*oratores*». Рассмотрим употребление терминов Ливием в данном пассаже.

«*Quidnam eo di portenderent prodigio missi sciscitatum oratores ad Delphicum oraculum. sed auctorem leuem nec satis fidum super tanta re patres rati decrevere legatos sortesque oraculi Pythici exspectandas*» (Liv. V, 15). Перевод: «Были отправлены послы к дельфийскому оракулу, дабы спросить, что пророчат боги этим знамением. ... Но сенаторы сочли старика болтуном, не заслуживающим доверия в столь важном деле, и решили дожидаться послов с ответом пифийского оракула» (пер. С.А. Иванова). Здесь мы видим, что основная функция посольства – спросить (то есть устное поручение), поэтому использован термин «*oratores*», но, как читаем далее, сенат считает это посольство официальным – отсюда и употребление термина «*legati*».

Далее применительно к этому посольству Ливий опять употребляет два термина. «*Priusquam a Delphis oratores redirent Albanive prodigii piacula inueniren-*

tur,..... Iamque Romani desperata ope humana fata et deos spectabant, cum *legati* ab Delphis venerunt,» (Liv. V, 16). Перевод: «Прежде чем послы вернулись из Дельф и стало известно, каковы должны быть искупления на альбанское чудо... Исход остальных войн, в первую очередь с Вейями, оставался по-прежнему неясен. Римляне уже изверились в человеческих усилиях и уповали лишь на судьбу и богов, когда вернулись послы из Дельф» (пер. С.А. Иванова). Как видим, здесь опять подчеркивается и официальный характер посольства, и его устная функция по отношению к Дельфийскому оракулу.

Также оба термина используются и в книге IX 43. и 45, где мы встречаем посланцев к Сенату от различных народов. «Ceterum Hernicum bellum nequaquam pro praesenti terrore ac uetusta gentis gloria fuit: nihil usquam dictu dignum ausi, trinis castris intra paucos dies exuti, triginta dierum indutias ita ut ad senatum Romam legatos mitterent pacti sunt bimestri stipendio frumentoque et singulis in militem tunicis..... Tum trium mensum frumento imperato et annuo stipendio ac singulis in militem tunicis ad senatum pacis oratores missi..... Et cum Carthaginiensibus eodem anno foedus tertio renouatum legatisque eorum, qui ad id uenerant, comiter munera missa» (Liv. IX, 43). Перевод: «Однако война с герниками ничуть не стоила ни возникших теперь опасений, ни прежней славы этого племени. Герники ни разу не осмелились хоть на что-то достойное упоминания, и, лишившись за несколько дней трех лагерей, они получили на 30 дней перемирие для отправки своих послов в Рим к сенату. Это стоило им полугодового жалования для римского войска, продовольствия на тот же срок и выдачи по тунике на воина. ... Кроме того, в тот год возобновили договор с карфагенянами, а послов их, прибывших с этой целью, щедро одарили» (пер. Н.В. Брагинской).

В следующем пассаже: «P. Sulpicio Sauertrione P. Sempronio Sopho consulibus Samnites, seu finem seu dilationem belli quaerentes, legatos de pace Romam misere... decedentem ex Samnio consulem legati sequerentur... De Aequis triumphatum; exemplo eorum clades fuit, ut Marrucini Marsi Paeligni Frentani mitterent Romam oratores pacis petendae amicitiaeque» (Liv. IX, 45). Перевод: «При консулах Публии Сульпиция Саверрионе и Публии Семпронионе Софе самниты отправили в Рим для переговоров о мире своих послов, чтобы добиваться то ли конца войне, то ли ее отсрочки... когда он двинется из Самния обратно, послы пусть идут за ним следом... Над эквами справили триумф. Их гибель послужила уроком марруцинам, марсам, пелигнам и френтанам, которые отправили в Рим ходатаев просить о мире и дружественном союзе» (пер. Н.В. Брагинской). Как видим, Ливий в некоторых случаях указывает на то обстоятельство, что часть городов или народов отправляла своих послов с устными поручениями.

«...et legati, qui missi ad res uisendas in Macedoniam erant, iam reuerterant Romam renuntiauerantque bellum in Dardania esse. simul uenerant et ab rege Perseo oratores, qui purgarent nec accitos ab eo Bastarnas nec auctore eo quidquam facere» (Liv. XLI, 19). Перевод: «И послы, отправленные в Македонию посмотреть, что там делается, уже возвратились в Рим с сообщением, что в Дардании идет война. Тогда же прибыли послы и от царя Персея, уверявшие, что бастарнов туда он не звал и не по его наущению они там что-то делают» (пер. В.Н. Чемберджи).

«Tertio die Perseus, quam pugnatum erat, Amphipolim uenit. inde *oratores* cum caduceo ad Paulum misit... Pydnaci, qui proximi erant, nondum miserant *legatos*...»

(Liv. XLIV, 45. 1–2,6). Перевод: «На второй день после битвы Персей явился в Амфиполь. Отсюда он отправил к Павлу послов с вестническим жезлом... Только Пидна, хоть была ближе всех, не присылала послов – прийти к согласию гражданам мешала разноплеменная толпа, сбившаяся здесь после бегства с поля брани» (пер. О.Л. Левинской).

В данных фрагментах также при употреблении терминов Ливий использует термин «legati» для обозначения официального посольства и послов, а термин «oratores» – для неофициальных посольств.

Сочетания терминов «legati» и «caduceatores» использовались Ливием в следующих пассажах своего сочинения: XXXII, 32; XXXIII, 11; XXXIV, 30; XXXV, 38; XXXVII, 45; XLIV, 46.

«Mora cur non extemplo oppugnarentur ea fuit quod caduceator ab rege uenerat locum ac tempus petens conloquio... Cum imperatore Romano rex Amynder erat et Dionysodorus Attali legatus et Acesimbrotus praefectus Rhodiae classis et Phaeneas princeps Aetolorum et Achaei duo, Aristaenus et Xenophon» (Liv. XXXII, 32). Перевод: «С осадой крепости дело замедлилось, поскольку от царя прибыл посланец с просьбой назначить место и время для переговоров... С римским командующим были царь Аминандр, Дионисодор, посланник Аттала, Агесимброт, начальник родосского флота, Феней, вождь этолийцев, и двое ахейцев, Аристен и Ксенофонт» (пер. С.А. Иванова).

«...caduceator eo regius uenit, specie ut indutiae essent donec tollerentur ad sepulturam qui in acie cecidissent, re uera ad petendam ueniam legatis mittendis» (Liv. XXXIII, 11.3). Перевод: «Туда прибыл царский гонец. Предлогом к этому была просьба о перемирии, необходимом для погребения павших в битве. На самом же деле царь просил дозволения отправить к нему послов» (пер. С.А. Иванова).

«...cedendum fortunae ratus caduceatorem primum in castra misit ad explorandum si paterentur legatos ad se mitti» (Liv. XXXIV, 30.3). Перевод: «Тогда Набис [тиран Спарты] решил уступить судьбе и послал в римский лагерь разузнать, примут ли от него послов» (пер. Г.С. Кнабе).

«...inde caduceator primum, deinde legati ad Aetolos missi percunctatum quo suo dicto factoue socii atque amici ad se oppugnandos uenirent. ita digressi ex conloquio legati ad suos...» (Liv. XXXV, 38). Перевод: «Оттуда к этолийцам отряжен был сначала гонец, а затем и послы спросить, что же халкидцы сказали или сделали такого, чтобы этолийцы, союзники их и друзья, пошли брать приступом их город. ... послы вернулись к своим» (пер. С.А. Иванова).

Как видим, в данных фрагментах Ливий под *caduceator* понимает лицо, которое наделено сторонами функциями парламентаря или имеет возможность устного поручения о возможной отправке официальных послов для переговоров.

Только в пассаже XXXVII, 45 Ливием были использованы все три термина (Liv. XXXVII, 45). Причем только в этом пассаже употребляются вместе термины *oratores* и *caduceatores*. Приведем выдержки из данного фрагмента.

«Sub idem fere tempus caduceator ab Antiocho per P. Scipionem a consule petit impetrauitque, ut oratores mittere liceret regi... iam antequam legati uenirent, decretum erat... cum iis mandatis ab rege missi erant legati, ut omnem pacis condicionem acciperent; itaque Romam mitti legatos placuit. consul in hiberna exercitum Magnesiam ad Maeandrum et Trallis Ephesumque diuisit. Ephesum ad consulem paucos post dies

obsides ab rege adducti sunt, et legati, qui Romam irent, uenerunt. Eumenes quoque eodem tempore profectus est Romam, quo legati regis. secutae eos sunt legationes omnium Asiae populorum» (Liv. XXXVII, 45). Перевод: «Примерно тогда же посланец от Антиоха через Публия Сципиона обратился к консулу и получил у него для царя разрешение прислать уполномоченных на переговоры... Каков будет ответ, решили еще до прихода послов... Царь отряжал послов с поручением соглашаться на любые условия мира. Итак, было решено, что послам надо отправиться в Рим. Консул распределил войско по зимним квартирам в Магнесии, что на Меандре, в Траллах и Эфесе. Через несколько дней в Эфес к консулу были приведены заложники от царя, а также послы, которым предстояла дорога в Рим. Эвмен также отправился в Рим одновременно с послами. За ними последовали посольства от всех народов Азии» (пер. С.А. Иванова).

В начале данного фрагмента речь идет о парламенте и после с устным поручением – начало переговоров о мире между Римлянами и царем Антиохом. В конце фрагмента Ливий, используя термин «*legati*», фиксирует наше внимание на изменении характера переговоров между сторонами и официального статуса лиц, присланных Антиохом. Этот же пассаж дает нам возможность понять, что для Ливия термины «*oratores*» и «*caduceatores*» сходны по употреблению. Оба термина применяются им для обозначения неофициальных посольств с устным поручением.

Таким образом, Ливий использовал три термина для обозначения послов в своем сочинении: «*legati*», «*oratores*», «*caduceatores*». Применение каждого термина связано со статусом лиц, исполняющих обязанности послов, с видом поручения (официальные переговоры или устное сообщение), с адресатом посольства (официальные лица – главы государств, руководящие органы и т.д.). Термин «*legati*» употреблялся Ливием для обозначения официальных посольств Римской республики и других общин и государств. Термин «*oratores*» был необходим для обозначения лиц, выполнявших посольские функции, но с устным, возможно не совсем официальным, поручением. Термин «*caduceatores*» применялся для обозначения лиц, начинавших переговоры или извещавших о желании начать переговоры. Используя термины «*legati*», «*oratores*», «*caduceatores*», Ливий желал подчеркнуть в каждом конкретном случае их употребления какую-либо из функций, выполняемых послами как Римской республики, так и других государств.

ЛИТЕРАТУРА

- Данилов, Е.С. 2011: *Война и разведывательная деятельность в античном Риме*. Ярославль.
- Дворецкий, И.Х. 1976: *Латинско-русский словарь*. М.
- Кашеев, В.И. 1993: *Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н.э.* М.
- Нетушил, И.В. 1894: *Очерки римских государственных древностей*. В сб.: *Государственное устройство Рима до Августа*. Харьков.

REFERENS

- Danilov, E.S. 2011: *Voyna i razvedyvatel'naya deyatel'nost' v antichnom Rime*. Yaroslavl'.
- Dvoretzkiy, I. Kh. 1976: *Latinsko-russkiy slovar'*. Moscow.

Kashcheev, V.I. 1993: *Ellinisticheskiy mir I Rim. Voyna, mir I diplomatiya v 220–146 gg. do n.e.* Moscow.

Netushil, I.V. 1894: Ocherki rimskikh gosudarstvennykh drevnostey. In: *Gosudarstvennoe ustroystvo Rima do Avgusta*. Khar'kov.

TERMS CADUCEATORES, LEGATI, ORATORES IN “AB URBE CANDITA” BY TITUS LIVIUS

Lydmila M. Shmeleva

*Kazan Federal University, Russia,
Ljudmila.Shmeleva@kpfu.ru*

Abstract. This article examines the terms used by Titus Livius in his “Ab urbe candida” for designation of embassies and ambassadors. Livius calls the embassy in Rome delegations (legationes), and ambassadors – the legates (legati), speakers (oratores) and getlinestyle (caduceatores). As a result of the conducted analysis it has been found that the legations terms and legati were used by Livy to denote official missions as a Roman, and foreign states and communities. The other two terms– oratores and caduceatores – Livius meant messengers with oral instructions, negotiators and military envoys. Using the terms “legati”, “oratores”, “caduceatores” Livius wished to emphasize in each case of their use, any of the functions performed by the ambassadors, as the Roman Republic and other states.

Key words: Ancient Rome, diplomacy, caduceatores, legati, oratores

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 94–102
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 94–102
© Автор(ы) 2016

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ РИМСКИХ ПРОВИНЦИЙ В АФРИКЕ

К. Бембай

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
kularambay@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме образования Римских провинций в Африке. Делается вывод о позитивной роли Римской провинциальной администрации в политической, экономической и социальной жизни в африканских провинциях, которые становятся настоящей продовольственной базой Рима, поставляющей в столицу Империи большое количество пшеницы и оливкового масла, распределяемых среди городского населения.

Образование Римских провинций в Африке имело ключевое значение для социально-экономического и культурного развития этого региона. Оно способствовало распростра-

Куларамбай Бембай – аспирант кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого. E-mail: kularambay@mail.ru

нению классического рабства, цивилизованных форм экономической, социальной и культурной жизни и изживанию первобытнообщинных и раннеклассовых отношений. Однако не следует забывать, что все это происходило на фоне интенсивной эксплуатации труда рабов, мелких землевладельцев и ремесленников.

Ключевые слова: Африка, Рим, образование провинций, рабство, цивилизация

Сведения об образовании и первых годах существования римской провинции Африка очень скупы. Они сохранились в трудах античных историков Т.Ливия (Liv. Ad Urbe condita), Полибия (Polyb. XXXVIII), Аппиана (App. Hist. Rom. VIII, 135; Bell. civ. I), Цицерона (Cic. Verr. De lege ager), Плутарха (Plut. Cato) и др. (Strabo. XVII; Plin. Hist. natur. XVIII). Африка, как древние авторы еще называли территорию Transmarina (лат. «за рубежом») (Tac. Hist. I, LXXVI, 6-8), граничащую на севере со Средиземным морем, омываемую Атлантическим океаном на востоке и соседствующую с долиной Нила и Египтом на Западе, была территорией, богатой пахотными землями, протяженностью 2600 км, раскинувшейся от востока до запада, а на востоке и юге пересекавшей пустыню Сахара.

Возможно, что скудость и фрагментарность этих сведений породили точку зрения, высказанную Т.Моммзеном, что «при республике эта провинция не имеет истории»¹. С таким утверждением вряд ли можно согласиться, так как середина II в. до н.э. была временем начального становления провинциальной политики, к тому же в нашем распоряжении слишком мало источников. Но даже имеющиеся данные позволяют в общих чертах проследить раннюю историю провинции.

Специальных исследований по вопросу образования провинции Африка нет, но отдельные моменты истории отражены в трудах В.С. Сергеева², Т. Моммзена³, Н. А. Машкина⁴, Ш.-А. Жюльена⁵ и др. историков⁶.

Римская провинция Африка была образована в 146 г. до н.э. после поражения Карфагена в Третьей Пунической войне⁷. Для ее организации римский сенат направил комиссию из десяти человек (decemviri), которая вместе с полководцем-победителем Сципионом Эмилианом наделялась большими полномочиями.

Главной задачей комиссии децемвиров было создание статуса нового римского владения и урегулирование отношений с соседними народами и государствами.

Большую часть территории Карфагенского государства децемвиры превратили в собственно провинцию. По утверждению Ш.-А. Жюльена, площадь ее не превышала 25 000 кв. км, т.е. составляла около одной трети территории современного Туниса⁸. В экономическом отношении эта область была исключительно развита (Polyb. XXXII, 2). Во-первых, здесь имелась плодородная и хорошо возделанная земля, о чем неоднократно упоминал Страбон в своей «Географии» (Strabo. II, V, 33, XVII, III, 1). Он писал, что у местного населения, превосходившего других людей «как в охоте, так и по части земледелия», земля дает две жатвы

¹ Моммзен 1949, 552.

² Сергеев 1938.

³ Моммзен 1949.

⁴ Машкин 1950.

⁵ Жюльен 1961.

⁶ Дмитриевский 1961; Авдиев 1970, 8; Сергеенко 1970.

⁷ Venabou 1976, 369; 2005, 233–234.

⁸ Дмитриевский 1961, 61.

в год, а урожай достигает сам-240 (Strabo. II, V, 33). Вероятно, данные об урожае в Африке Страбоном сильно преувеличены, так как ученые-земледельцы Рима сообщают другие, более низкие цифры. Так, Варрон называет величину урожая сам-100 (Varro. I, 44), Плиний Старший – сам-150 (Plin. Hist. natur. XVII, 41; XVIII, 94). В то же время в самой Италии только в районе Сибариса урожай достигал сам-100, а в большинстве районов сам-10, сам-15 (Varro. I, 44, 1-2). А Колумелла даже указывает на урожай сам-4 (Col. III, 3, 4) как наиболее характерный для Апеннинского полуострова. О высокой культуре земледелия бывшего Карфагенского государства свидетельствует и первый научный труд Магона, который был переведен на латинский язык (Plin. Hist. natur. XVII, 22). Колумелла называет Магона «отцом науки о сельском хозяйстве» (Col. I, 1, 3). Исследователи считают, что уже в то время в Северной Африке применялось искусственное орошение⁹. Там произрастали крупные фиговые деревья, которые Катон Старший демонстрировал сенату по возвращении (Plut. cato. XXVII) как одно из доказательств богатства Карфагена.

Комиссия децемвиров большую часть земель новой провинции превратила в *ager publicus* (общественное поле). Эти земли сдавались в аренду римским публиканам большими участками.

Ш.-А. Жюльен полагает, что сразу после образования провинции римляне составили ее земельный кадастр¹⁰. Большой интерес представляют для историков следы межевания, которые заметил Ш. Сомань на аэрофотоснимках, сделанных «Компани Эриенн Франсез» в районе современного Туниса. На снимках территории в 15 тысяч га между Фисдрусом и развалинами Рогги на западе и морем на востоке можно увидеть не только границы между участками в 200 югеров (50 га), обозначенные неразличимыми с земли длинными рядами белых камней, но и следы деревьев, которые когда-то здесь были посажены. Пока невозможно точно установить время межевания. Оно могло быть произведено сразу после образования провинции, но могло быть осуществлено и позже. Известно, что Гай Гракх, собираясь вывести на место разрушенного Карфагена колонию Юнония, предлагал наделить колонистов земельными участками в 200 югеров. Вполне вероятно, что, определяя норму земельного надела в Африке, он исходил из факта существования подобных участков.

Но не только дарами природы и плодами труда земледельцев была богата Северная Африка. Накануне Третьей Пунической войны под властью Карфагена, по словам Страбона, насчитывалось около 300 городов, а сам Карфаген имел население 700 000 человек (Strabo. XVII, III, 5). Говорить о полной достоверности этих цифр пока не представляется возможным.

В. И. Авдиев считает, что 700 тыс.¹¹ населения Карфагена распределялось следующим образом: 100 тыс. жили в центральной части города, где были расположены крепостные сооружения, храмы, административный и культурный центры; на окраинах и в пригородах жило еще столько же; в сельской местности, тесно прилегающей к городу, размещалась основная масса земледельцев. Разные источники сохранили лишь названия нескольких десятков городов и местечек. Но даже известное в настоящее время количество населенных пунктов является

⁹ Сергеев 1938, 119.

¹⁰ Жюльен 1961, 14–144.

¹¹ Авдиев 1970, 205.

свидетельством высоко развитой городской жизни. Большинство городов было расположено на побережье Средиземного моря. Они имели хорошие гавани (Strabo. XVII, III, 16), в некоторых были предприятия для засола рыбы (Strabo. III, I, 8), торговые склады (Strabo. XVII, III, 15; XVII, III, 16), многочисленные ремесленные мастерские, судостроительные верфи.

Вначале управление провинцией осуществлялось ежегодно сменяемым пре- тором (App. Hist. Rom. VIII, 135), а затем большей частью пропреторами и про- консулами, причем ежегодная смена не всегда соблюдалась.

В обязанности наместника провинции входили защита границ от набегов со- седних племен, поддержание внутреннего порядка с помощью войска, которое он набирал на основании постановления сената, наблюдение за поступлением налогов и сборов. Взаимоотношения между наместником, городами и сельским населением регулировались с помощью эдикта, издаваемого наместником, всту- пающим в должность. Этот эдикт действовал до окончания срока полномочий из- давшего его магистрата. Новый наместник мог сохранить эдикт предшественника, но мог создать и свой. Цицерон называет такой эдикт «годовичным законом» (Cic. Verr. XLII, 109). Каждый наместник привозил с собой квестора, который был каз- начеем и замещал правителя в его отсутствие, легатов, вначале назначаемых сена- том, а позднее подбираемых самим наместником из числа близких ему людей, и свиту. Расходы на содержание наместника и его свиты брало на себя государство, выделяя для этого определенную сумму из доходов провинции. На эти средства у местных земледельцев покупался хлеб и другие продукты по твердым государ- ственным ценам. В неурожайные годы это было чрезвычайно обременительно для крестьян. К тому же наместники часто злоупотребляли своим положением (Cic. Verr. XCIV, 218).

Все население провинции Африка облагалось налогами и сбором. Главным налогом была «стипендия» (stipendium). Цицерон указывал, что стипендия, выра- женная в определенной сумме податей, накладывалась как бы в виде контрибуции и наказания за враждебные действия (Cic. Verr. VI, 12). Сумма податей расклады- валась на податные округа, а уже затем на непосредственных налогоплательщи- ков. Об африканской стипендии мы знаем лишь то, что она состояла из поземель- ной и поголовной податей, которыми облагались одинаково мужчины и женщины (App. Hist. Rom. VIII, 135). Вопрос о том, в какой форме – денежной или натураль- ной – поступала в Рим африканская стипендия, может быть решен лишь предпо- ложительно. В I в. до н.э. Африку часто называли житницей Италии, но во II в. до н.э., по мнению М. Е. Сергеевко, Италия еще жила за счет собственного хлеба¹². Заморский же хлеб шел в основном на удовлетворение нужд армии, и лишь незна- чительная часть его распределялась в виде нерегулярных выдач беднейшему на- селению Рима. Хлебные раздачи были введены в систему только после принятия так называемого «хлебного закона» Гая Гракха в 123 г. до н.э. Однако противоре- чивые свидетельства древних авторов об этом законе не позволяют решить вопро- са о том, что государство раздавало: хлеб или же деньги на покупку хлеба (App. Bell. Civ. I, 21). Рост пауперизации римского крестьянства (App. Bell. Civ. I, 7, 8) и увеличение городского населения не могло не отразиться на характере взимаемых

¹² Сергеевко 1970, 8.

с провинций налогов. Если вначале (до 3-й четверти II в. до н.э.) можно предположить преобладание денежной формы, то с введением систематических хлебных раздач или ссуд для покупки хлеба из государственных закромов денежная форма налогов начала уступать натуральной. Естественно, это касалось только хлебородных провинций, какими были Африка, Сицилия, Сардиния.

Кроме главного прямого налога, провинция облагалась косвенными налогами (*vectigalia*). К их числу относятся сбор за выгон скота на общественное пастбище (*scriptura*), пошлина за вывоз, продажу товаров (*portoria*) и др. Как правило, правительство провинции само не занималось сбором налогов, а отдавало его на откуп компаниям публиканов, которые, внося всю сумму единовременно, получали право собирать налог с населения. Это приводило к частым злоупотреблениям. Не только откупщики, но и сами наместники и другие римские магистраты, видя в провинции «поместье римского народа» (*Cic. Verr. III, 7*), хищнически эксплуатировали ее население. Это порождало иногда эксцессы, подобно рассказанному Цицероном в речи «О казнях» (*Cic. Verr. XXXVI, 94*). В 83 г. до н.э. жители Утики заживо сожгли наместника провинции Африки претора Гая Фабия Адриана в отместку за его жестокость.

По решению комиссии децемвиров город Карфаген был разрушен. Аппиан писал: «...они решили, чтобы все, что еще осталось от Карфагена, Сципион разрушил, и запретили кому бы то ни было заселять это место: они проклинали того, кто вновь заселит это место, особенно Бирсу (акрополь Карфагена, административный и религиозный центр) и так называемые Мегары (один из районов Карфагена), но вступать на эту землю они не запретили. Было решено также разрушить все без исключения города, которые сражались, помогая карфагенянам...» (*App. Hist. Rom. VIII, 135*). Среди них оказался Неферис, Тунис, Неаполь, Клупея. Города же, перешедшие на сторону римлян и помогавшие им в войне, были щедро вознаграждены. Семь городов – Утика, Гадрумет, Малый Лептис, Тапс, Ахулла, Узалис и Тевдалис – получили статус свободных и освобожденных городов (*status of civitates liberae et immunes*) и некоторое приращение земельных владений.

Полученное право на самоуправление, по-видимому, не освобождало от определенных финансовых и военных повинностей (*App. Hist. Rom. VIII, 135*). Интересные данные по этому вопросу имеются у Цицерона в его речи «О казнях»: «Преторы обыкновенно требовали от городских общин предоставления кораблей и определенного числа матросов и солдат» (*Cic. Verr. XVII, 43*). «Каждая городская община предоставляла в распоряжение своего наварха все необходимое для содержания флота: хлеб, жалование и все остальное. А наварх не мог совершить ничего такого, в чем матросы могли бы его обвинить, и, кроме того, он должен был отчитываться перед своими согражданами» (*Cic. Verr. XXIV, 60*). Цицерон утверждает, что такой порядок был во всех провинциях. А мы знаем, что в Африке было много городов, значит, флот провинции Африка тоже был значительный. Самой большой наградой была удостоена Утика. Римляне отдали городу плодородные земли от Карфагена до Гиппона-Диаррита (*App. Hist. Rom. VIII, 135*) и сделали его столицей наместника провинции (*Strabo. XVII, III, 13*).

Кроме того, часть Карфагенских владений была передана наследникам нумидийского царя Масиниссы, друга и союзника римлян, в награду за помощь, оказанную во время Третьей Пунической войны. В руках Нумидии в это время

были карфагенские земли, захваченные Масиниссой еще в период между Второй и Третьей Пуническими войнами. Земли эти, по словам Цицерона (*Cic. De lege agr.* XX, 58), «Сципион Эмилиан присудил Риму, однако вплоть до 64 г. до н. э. они находились в руках преемников Масиниссы, которые неоднократно пытались узаконить владение ими через римский сенат».

Таковы были первые мероприятия по организации новой провинции.

Колонизация Африки началась с размещения там ветеранов и сторонников Мария, продолжалась при Цезаре и Августе; наиболее интенсивной она стала в правление Антонинов и Северов. С самого начала колонии и муниципии основывались главным образом на побережье, на пересечении главных путей сообщения, в стратегически важных пунктах, в центрах наиболее плодородных районов, особенно пригодных для выращивания зерновых культур. Зерно долго было главным предметом африканского экспорта, но и тогда, когда во II в. к нему прибавляется оливковое масло, зерновые не только не утрачивают своего значения, но, напротив, возделываются в столь широком масштабе, что с середины II до середины III в. Африка становится главной житницей Рима, оттеснив на задний план Египет.

Примерно через 200 лет было завершено подчинение Северной Африки и включение ее в систему римских провинций. После нового деления империи, проведенного Диоклетианом и Константином, в Римской Северной Африке были следующие провинции: Мавретания Тингитанская на крайнем западе с главным городом Тингис (Танжер); к этой провинции примыкала на востоке Мавретания Цезарейская с главным городом Цезаря (Шершель), где стоял римский флот. Обе провинции управлялись прокуратором всаднического сословия. Далее к востоку лежала провинция Мавретания Ситифенская (главный город Ситиф – Сетиф). Затем провинция Нумидия с главным городом Цирта, получившим с 312 г. наименование Константин (*Constantine*) в честь императора Константина I. В северной части нынешнего Туниса находилась провинция Проконсульская Африка (главный город – Карфаген близ Туниса); к югу отсюда была образована провинция Бизацена (главный город – прибрежный Гадрумет – Сус). К юго-востоку тянулась провинция Триполитания с главным городом Лептис Магна. Все эти провинции, кроме Мавретании Тингитанской, принадлежавшей к галльской префектуре, были частью итало-африканской префектуры. Расположенные восточнее Ливия и Египет принадлежали Восточной Римской империи. Границей между Триполитанией и Ливией был портовый город *Agae Philaenorum* (Муктар) в юго-восточном углу Большого Сирта.

В мавретанских провинциях жили преимущественно племена берберов; остальные берберские племена селились по другую сторону римской границы и постоянно совершали набеги на римские провинции. Хамитские племена берберов жили также в Нумидии и в примыкающих к ней восточных провинциях вблизи ливийских племен. В Проконсульской Африке и в Бизацене селились и остатки пунического населения. Ж.Шарль-Пикар полагает, что население римской Северной Африки между серединой II в. и первой третью III в., т.е. в период ее хозяйственного расцвета, составляло примерно 6,5 миллионов человек.

Урбанизация областей земледелия при правлении Рима привела к перемещению берберского населения. Кочевники были вынуждены или осесть, или мигрировать в пустынные области. Оседлые племена потеряли независимость. Однако

берберы постоянно оказывали сопротивление римскому господству. Для защиты римских владений император Траян установил южную границу в горах Орес и Неменша и построил ряд фортов. Римляне освоили земли вблизи Ситифа во II в., но дальше на запад римское влияние ещё долго распространялось лишь на побережье.

Римляне удерживали в Северной Африке сравнительно небольшую армию, которая не превышала 28 тыс. легионеров. Со II века гарнизоны в Нумидии и двух мавретанских провинциях охранялись в основном местными жителями. В правление Клавдия Нервы и Траяна в Северной Африке выросли поселения ветеранов-легионеров¹³.

Северную Африку называли житницей империи, отсюда в другие провинции, в частности в Италию и Грецию, экспортировали зерно, а также фрукты, фиги, виноград, бобы. До II в. значительное место в торговле занимало оливковое масло¹⁴.

В Северной Африке проживало немало евреев. Некоторых из них депортировали из Иудеи или из Палестины после восстаний против римского правления, часть поселилась здесь уже давно, вместе с финикийцами. Кроме того, несколько берберских племен обратились в иудаизм. Христианство пришло в Северную Африку во II в. и быстро приобрело популярность в городах и среди рабов.

Провинции Северной Африки, включавшие области к западу от Киренаики и до побережья Атлантики, в географическом и этническом отношении составляли также особую зону римских владений. Населенная различными племенами, главным образом берберами, территория западной части североафриканского побережья до гор Атласа и границ пустыни Сахара представляла собой район, благоприятный для хозяйственной деятельности и транзитной торговли, и не случайно именно эта часть Средиземноморья стала сферой активной финикийской колонизации, где в течение нескольких столетий существовала могущественная Карфагенская держава.

Постепенно под власть Рима попали большие территории. Среди элиты Рима начались споры о том, как их использовать. Победитель Ганнибала Сципион предполагал создавать зависимые царства. Но возобладала другая точка зрения. Было решено превратить завоеванные земли в провинции – поместья римского народа. Во главе их становились наместники из числа должностных лиц римской общины, окончивших свой срок пребывания в должности: консулы, преторы, квесторы.

В провинциях они назывались проконсулами, пропреторами, проквесторами.

Они обладали в провинциях всей полнотой власти. Местное население было обложено налогами, у них отняли часть земель.

Наместники нещадно грабили провинции, нередко сказочно обогащаясь. Стремясь разобщить население провинций, римляне применяли свой знаменитый метод – «разделяй и властвуй». Лояльные им провинциальные города и общины получали разные преимущества и льготы, остальное население было их лишено. Несмотря на это, восстания в провинциях происходили почти непрерывно. Лишь в императорскую эпоху население провинций постепенно получает некоторые политические права, а затем становится равноправным с римлянами. Но те в ту пору были уже не гражданами республики, а подданными императоров.

¹³ Hamman 1979, 33–35, 117.

¹⁴ Roman 2001, 201–204, 543.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдиев, В.И. 1970: Памятники культуры древнего Туниса. *ВИ* 8, 205-209.
- Бондаренко, Д.М. 1997: *Теория цивилизации и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке*. М.
- Бюттнер, Т. 1981: *История Африки с древнейших времен*. М.
- Дмитревский, Ю.Д. 1961: Некоторые вопросы ирригации в Африке. *Страны и народы Востока* 2, 61–63.
- Жюльен, Ш.-А. 1961: *История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко. С древнейших времен до арабского завоевания (647 г.)*. Т. I. М.
- Колобов, А.В. 1990: Семейное положение легионеров в западных провинциях римской Империи при Юлиях-Клавдиях. *Вестник МГУ. Серия История* 6, 46–63.
- Колосовская, Ю.К. 1973: *Паннония в I–III вв. н.э.* М.
- Моммзен, Т. 1994: *История Рима*. Т.5. СПб.
- Лазарева, В. 1980: Древнеримские памятники в Алжире. *Азия и Африка сегодня* 7, 17-23.
- Ле Боэк, Я. 2001: *Римская армия эпохи Ранней империи*. М.
- Махлаюк, А.В. 2003: *Римские войны. Под знаком Марса*. М.
- Машкин, Н.А. 1956: *История древнего Рима*. М.
- Поплинский, Ю.К. 1983: Опыт типологии источников по древней истории Северной Африки и Сахары. В сб. Н. А. Машкин (ред.), *Африканский сборник. История. Этнография*. М., 26–38.
- Семенов, В.В. 2003: Императорское землевладение и развитие колонатных отношений в северной Африке. *Мнемон. Исследования и публикации по античной истории* 2, 237–279.
- Сергеев, И.П. 1999: *Римская империя в III веке нашей эры*. Харьков.
- Benabou, M. 1976: *Résistance et Romanisation en Afrique du Nord sous le Haut-Empire*. Paris.
- Hamman, A.G. 1979: *La vie quotidienne en Afrique du Nord au temps de Saint Auguste*. Paris.
- Roman, Y. 2001: *Empereurs et sénateurs. Une histoire politique de l'Empire romain*. Paris.

REFERENCES

- Avdiev, V.I. 1970: Pamjatniki kul'tury drevnego Tunisa. *Voprosy istorii* VI 8, 205–209.
- Bondarenko, D.M. 1997: *Teorija civilizacii i dinamika istoricheskogo processa v dokolonial'noj Tropicheskoj Afrike*. Moscow.
- Bjuttner, T. 1981: *Istorija Afriki s drevnejshih vremen*. Moscow.
- Dmitrevskij, Ju.D. 1961: Nekotorye voprosy irrigacii v Afrike. *Strany i narody Vostoka* 2, 61–63.
- Zhjul'en, Sh.-A. 1961: *Istorija Severnoj Afriki. Tunis. Alzhir. Marokko. S drevnejshih vremen do arabskogo zavoevanija (647 g.)*. Т. I. Moscow.
- Kolobov, A.B. 1990: Semejnoe polozhenie legionerov v zapadnyh provincijah rimskoj Imperii pri Julijah-Klavdijah. *Vestnik MGU. Serija Istorija* 6, 46–63.
- Kolosovskaja, Ju.K. 1973: *Pannonija v I–III vv. n.je.* Moscow.
- Mommzen, T. 1994: *Istorija Rima*. Т.5. Saint-Petersburg.
- Lazareva, V. 1980: Drevnerimskie pamjatniki v Alzhire. *Azija i Afrika segodnja* 7, 17–23.
- Le Bojek, Ja. 2001: *Rimskaja armija jepohi Rannej imperii*. Moscow.
- Mahlajuk, A.B. 2003: *Rimskie vojny. Pod znakom Marsa*. Moscow.
- Mashkin, H.A. 1956: *Istorija drevnego Rima*. Moscow.

- Poplinskij, Ju.K. 1983: Opyt tipologii istochnikov po drevnej istorii Severnoj Afriki i Sahary. In: N.A. Mashkin (red.), *Afrikanskij sbornik. Istorija. Jetnografija*. M., 26–38.
- Semenov, V.V. 2003: Imperatorskoe zemlevladienie i razvitie kolonatnyh otnoshenij v severnoj Afrike. *Mnemon. Issledovanija i publikacii po antichnoj istorii* 2, 237–279.
- Sergeev, I.P. 1999: *Rimskaja imperija v III veke nashej jery*. Har'kov.
- Benabou, M. 1976: *Résistance et Romanisation en Afrique du Nord sous le Haut-Empire*. Paris.
- Hamman, A.G. 1979: *La vie quotidienne en Afrique du Nord au temps de Saint Auguste*. Paris.
- Roman, Y. 2001: *Empereurs et sénateurs. Une histoire politique de l'Empire romain*. Paris.

CONSIDERING THE FORMATION OF ROMAN PROVINCES IN AFRICA

Kuralambay Bembaye

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia,
kularambay@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the issue of the formation of Roman provinces in Africa. The conclusion about positive role of the Roman provincial administration in the political, economic and social life of African provinces, which become a real food supplier of a large quantity of wheat and olive oil to Rome, the capital of the Empire, to be distributed among the urban population is drawn. The formation of the Roman provinces in Africa was of key importance for the socio-economic and cultural development of the region. It contributed to the expansion of classic conception of slavery, civilized forms of economic, social and cultural life and the eradication of primitive and early class relations. However, one should take in consideration that it happened against the background of the intense exploitation of slave labor, small landowners and artisans.

Key words: Africa, Rome, formation of provinces, slavery, civilized

ПОНЯТИЕ *AMICITIA* В СОЧИНЕНИЯХ ЦИЦЕРОНА

А.М. Брагова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород,
arbra@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу сущности цицероновского понятия «дружба» (*amicitia*), определению степени влияния греческих философов на Цицерона в его трактовке понятия *amicitia*, выявлению оригинальности рассуждений Цицерона о дружбе, рассмотрению политической составляющей указанного понятия у Цицерона.

Цицерон характеризует истинную и совершенную дружбу как основанную не на выгоде, а на согласии в делах, благожелательности и привязанности. Дружба возникает от природы, появляется из-за приязни, важна как в счастье, так и в несчастье. Дружба – неотъемлемая часть достойной и добродетельной жизни. Дружба сильнее родственных связей. Дружбы достойны честные, доблестные, мудрые, щедрые, уверенные в себе, надежные, общительные люди, как, например, лучшие люди Древнего Рима (Катон, Тиберий Гракх Старший, Публий Сципион Африканский и другие). Недостойны дружбы люди, склонные к наслаждению и удовольствиям, лстецы, нечестивцы и предатели.

Причинами возникновения дружбы являются любовь и сходство нравов. Дружба прекращается из-за несовпадения интересов, женитьбы, соперничества, славы, жадности, вражды, ненависти, преступления. Сохранение дружбы возможно благодаря уважению, нравственно-прекрасным поступкам, общению на равных.

В понимании дружбы Цицерон, несомненно, испытывает влияние со стороны греков (Сократа, Платона, Аристотеля, Ксенофонта, Полибия, перипатетиков и других). Тем не менее, он высказывает оригинальные суждения. Например, Цицерон расходится с Аристотелем в вопросе о том, кто стремится к дружбе: Аристотель считает, что дружбу ищут слабые люди, нуждающиеся в защите и помощи, в то время как истинная дружба для Цицерона не основана на выгоде. Также различие проявляется в видах дружбы: для Аристотеля бывает три вида дружбы (основанная на добродетели, полезности или удовольствии), для Цицерона – только дружба, основанная на добродетели. Кроме того, рассуждения Цицерона о дружбе пронизаны римским духом: он приводит много римских примеров и использует свой богатый политический опыт. Надо отметить некую политическую окраску его термина «дружба»: Цицерон убежден, что требования дружбы не должны противоречить интересам государства, что нельзя предавать ради друга родину.

Таким образом, цицероновское понятие «дружба» (*amicitia*) является сплавом древнегреческих положений о дружбе, так называемой чистой этики, и римских представлений о дружбе, подразумевавших некоторую политическую коннотацию.

Ключевые слова: Рим, Цицерон, дружба, *amicitia*

Брагова Арина Михайловна – доцент кафедры истории, регионоведения и журналистики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. E-mail: arbra@mail.ru

Современное понимание социально-этического термина «дружба» складывалось на протяжении многих веков, и «кирпичиком» в формировании этого понимания может служить интерпретация данного понятия античными мыслителями, а именно Цицероном. В связи с цicerоновской интерпретацией термина *amicitia* нам представляются интересными вопросы о влиянии греческих философов на Цицерона в отношении *amicitia*, о степени оригинальности его интерпретации, о политической окраске данного понятия.

Цицерон часто упоминает понятие *amicitia* в своих сочинениях, в частности философских (Cic. fin. I, 65–70; II, 78–85, 99, III, 8, 70, 72; IV, 6, 17; V, 22, 30, 65; Cic. off. I, 5, 56, 58, 120; II, 31; III, 43–46; 118; Cic. rep. I, 18; Cic. inv. I, 1, 95; II, 18, 20, 66, 157, 161, 166–168; Cic. leg. I, 33–34, 49; Cic. orat. I, 56; II, 67; III, 19; Cic. part. orat. 35, 61, 78, 88; Cic. Brut. 5, 57, 240, 281; Cic. Orat. 87; Cic. Tusc. III, 71; IV, 70, 72; V, 63, 72; Cic. nat. deor. 122; Cic. senect. 41; Cic. acad. 1, 6; Cic. divin. 78). Однако более полно он рассматривает вопрос о дружбе в диалоге «Лелий о дружбе» (44 г. до н.э.). Главными персонажами диалога являются Гай Лелий, Фанний и Сцевола, а отправной точкой диалога служит недавняя смерть Публия Сципиона Африканского, друга Гая Лелия (Cic. amic. 3; 4)¹. В данном диалоге Цицерон пишет о совершенной, истинной дружбе, отмечая, что речь идет не о повседневных отношениях дружбы, хотя они приятны и полезны, но об истинной и совершенной дружбе (Cic. amic. 22), то есть о той, в которой отсутствует извлечение пользы из дружбы (Cic. amic. 26). Цицерон определяет дружбу как полное согласие в желаниях, стремлениях и мнениях (Cic. amic. 15), согласие во всех божественных и человеческих делах в сочетании с благожелательностью и привязанностью (Cic. amic. 20). И в этом вопросе Цицерон спорит с Аристотелем, который считал, что дружбу ищут люди слабые, например женщины, что дружбы надо добиваться ради защиты и помощи, а не ради приязни и доброжелательности (Cic. amic. 46).

Цицерон выделяет следующие характеристики истинной дружбы:

1. Дружба возникает от природы, а не от необходимости, появляется от душевной пользы в сочетании с приязнью, а не от осознания пользы, которую она может принести (Cic. amic. 20; 26–27; 61; 100; 104). Дружба стоит выше всех человеческих дел, так как нет ничего более свойственного природе человека и более ценного как в счастье, так и в несчастье (Cic. amic. 17). Без дружбы не существует жизни, конечно, если люди хотят жить достойно (Cic. amic. 86).

2. В основе дружбы лежит добродетель. Дружат те, кто видит наивысшее благо в добродетели. Добродетель рождает и поддерживает дружбу. Без добродетели дружба невозможна (Cic. amic. 20; 84; 104)².

3. Дружба сильнее родственных связей, так как родственные связи без взаимной благожелательности возможны, а дружба – нет (Cic. amic. 19).

4. Истинная дружба вечна (Cic. amic. 32).

Цицерон характеризует людей, достойных и недостойных дружбы. К достойным людям он относит честных (Cic. amic. 18), доблестных, мудрых и щедрых, уверенных в себе и самодостаточных (Cic. amic. 30), верных, надежных, стойких, открытых, общительных и способных к сочувствию (Cic. amic. 62–66, 100). Ис-

¹ Цитируется по изданию: Цицерон 1974, 31–57.

² О цicerоновском учении о добродетели см.: Cic. off. I, 15–29; 62–66; 93–95. К этому см.: Брагова 2005, 50–103.

тинный друг – это собственное отображение человека, то есть второе «я» (*Cic. amic. 23*). В конце диалога Цицерон называет истинных друзей, которых намного больше по количеству, чем псевдодрузей. К истинным друзьям он относит Луция Павла, Марка Катона, Гая Гала, Публия Насику, Тиберия Гракха (отца известных плебейских трибунов Гая и Тиберия Гракхов), Лелия и его друзей – Сципиона, Луция Фурия, Публия Рупилия, Спурия Муммия, Марка Пакувия (*Cic. amic. 24, 101–104*). Он называет и более молодых, но достойных дружбы людей, например, Квинта Туберона, Публия Рутилия, Авла Вергиния (*Cic. amic. 101*). К людям, недостойным дружбы, Цицерон относит тех, кто, подобно животным, сводит все к наслаждению (*Cic. amic. 32*). Тираны, по мнению Цицерона, также не могут дружить, поскольку они пресыщены удовольствиями, в их жизни нет верности, доброжелательности, привязанности из-за подозрений и тревог, потому и в их жизни нет места дружбе (*Cic. amic. 52*). Он приводит в пример таких псевдодрузей, как Гай Папирий и Гай Лициний Красс; они льстецы, готовые поддакивать, а не говорить правду (*Cic. amic. 95–96*). Те, что просят друзей о предательстве родины во благо дружбы, тоже не истинные друзья. Такими для Цицерона являются Кориолан, Вецеллин, Мелий, Квинт Туберон (*Cic. amic. 36–37*). Цицерон убежден, что друга нельзя просить о бесчестных действиях и самому таковых нельзя совершать, уступая просьбам друга (*Cic. amic. 40*).

Основной причиной возникновения дружбы является, по мнению Цицерона, любовь (*amor*). Цицерон приводит в пример дружбу Лелия с Публием Сципионом Африканским: они оба не нуждались друг в друге, но любили и восхищались друг другом (*Cic. amic. 26*). К менее значимым причинам появления дружбы Цицерон относит сходство нравов: например, честные любят честных и привязываются к ним (*Cic. amic. 50*). Прекращение дружбы Цицерон связывает с несовпадением интересов, женитьбой, изменением характера, соперничеством из-за магистратур, со славой, почетом или же изменением статуса друга из-за появления денег и империя, с жадностью к деньгам, требованием от друга непорядочного поступка, упреками, ссорами, пороками друзей, с появлением ненависти и даже вражды друг к другу, с тяжким преступлением друга (*Cic. amic. 33–35, 42, 53–54, 59–60, 76, 78*). Цицерон дает совет, как сохранить дружбу: надо прилагать старания, чтобы между друзьями не возникало ссор (*Cic. amic. 78*), чтобы в дружбе было уважение друг к другу (*Cic. amic. 82*), чтобы друг просил друга только о нравственно-прекрасном и сам совершал нравственно-прекрасные поступки ради друзей, и это есть первый закон дружбы (*Cic. amic. 44*); если друзья разного положения, то вышестоящий друг должен общаться с нижестоящим на равных (*Cic. amic. 69–72*); несмотря ни на что, друзья не должны бояться сказать друг другу правду в лицо (*Cic. amic. 88–100*).

Цицерон определяет границы дружбы: дружить надо так, чтобы нравы друзей были безупречны и чтобы между друзьями была полная общность в делах, помыслах и желаниях; если желания друзей не совсем справедливы, помогать им надо до тех пор, пока не опорочено наше доброе имя (*Cic. amic. 61*). Мнение Цицерона в данном вопросе не совпадает с трактовкой границ дружбы греками, а именно: 1) относиться к другу как к себе; 2) быть доброжелательным в той же мере, что и друг к нам; 3) воспринимать друга таким, каким он сам себя воспринимает (*Cic. amic. 56–59*).

В плане соотношения длительности дружбы и ее качества Цицерон замечает, что старые дружеские связи нужно сохранять, но и новые не нужно отвергать. Старые друзья подобны не одряхлевшим коням, которых заменяют на новые, а подобны вину, которое с годами становится лучше. Новых друзей стоит приобретать, если есть надежда, что из этих отношений когда-нибудь вырастет плод дружбы (*Cic. amic. 67–68*). Таковы основные положения цicerоновской концепции дружбы.

Определим, в чем состоит оригинальность суждений о дружбе. Надо отметить, что многие положения были заимствованы Цицероном у греков³. Как замечает В.О. Горенштейн, в данном диалоге видно влияние на Цицерона со стороны Аристотеля и Феофраста (*Gell. noct. attic. I, 3, 10; Plut. frat. amor. 8*)⁴. Е.И. Темнов упоминает о том, что Цицерон в целом стоит на платоновско-аристотелевских позициях чистой этики⁵. Об аристотелевском влиянии на Цицерона пишут Дж. Пауелл⁶, В. Фалконер⁷ и П. Маккендрик⁸. Это мнение разделяет В. Никгорски⁹, добавляя к списку греков Сократа, Платона, Карнеида, Полибия, Панеция, Ксенофонта¹⁰. Этот же автор считает, что Цицерон заимствует у греков даже примеры, приводимые для описания дружбы, так как упоминает Ореста и Пилада (*Cic. amic. 24*), Фемистокла (*Cic. amic. 42*), Неоптолема (*Cic. amic. 75*), Тимона Афинского (*Cic. amic. 87*), цитирует также рассуждения Бианта и Архита Тарентского (*Cic. amic. 59, 88*)¹¹. Вместе с тем надо отметить, что греческих примеров в диалоге сравнительно мало, намного больше римских примеров. В данном диалоге, и на это обратил В. Никгорски, нет прямого указания на греческие источники, которыми пользовался Цицерон. В. Никгорски называет это «подавлением греков» (“suppression of the Greeks”), обосновывая такое подавление тем, что Цицерона воспринимали враждебно из-за того, что он был грекофилом и потому сознательно избегал прямого упоминания греческих авторов на страницах диалога «О дружбе»¹². Версия «подавления греков» интересна, однако выводы, сделанные исследователем, неубедительны. Цицерон, будучи состоявшимся политиком и общественным деятелем, писал так, как думал. Его тесная литературная связь с греческой традицией, несомненно, приносила свои плоды в виде ссылок на греков, однако эти ссылки не всегда имели хвалебный характер, и В. Никгорски сам находит такие отрицательные греческие примеры в диалоге «О дружбе»¹³: Цицерон осуждает Фемистокла, что после своего изгнания тот добровольно стал служить персам (*Cic. amic. 42*), спорит с мнением Бианта (*Cic. amic. 59*), наделяет Тимона из Афин суровым и диким нравом (*Cic. amic. 87*). Потому нам более близко мнение Т. Хабинека, который предупреждает тех, кто ищет в сочинениях Цицерона

³ Haskell 1942, 299; Collins 1871, 150.

⁴ Горенштейн 1974, 187.

⁵ Темнов 1999, 28.

⁶ Powell 1990, 2–3.

⁷ Falconer 1959, 106.

⁸ MacKendrick 1989, 220.

⁹ Nicgorski 2004, 13.

¹⁰ Nicgorski 2004, 10–13.

¹¹ Nicgorski 2004, 11.

¹² Nicgorski 2004, 10–13.

¹³ Nicgorski 2004, 11.

источники эллинистической философии, что «характерная черта и величайшая заслуга» текстов Цицерона – «их глубокая связь с римской культурой»¹⁴. Влияние греческих идей на Цицерона несомненно, однако не стоит считать, что он только переводил их на латинский язык. В качестве доказательства можно привести тот факт, что Цицерон отходит от аристотелевского взгляда, согласно которому может быть три вида дружбы: первая основана на полезности, вторая — на удовольствии, третья — на добродетели (*Arist. eth. nic.* 1156a1–1156b30), так как не соглашается с тем аристотелевским видом дружбы, который основан на пользе (*Cic. amic.* 51, 79). Как замечает П. Брант, цицероновский идеал понятия *amicitia* основывался на добродетели и ценность дружбы – на удовольствии, получаемом от нее. *Amicitia* означала привязанность, и хотя она влекла за собой *officia* («обязанности»), это было больше, чем отношения, требующие обмен услугами¹⁵. На наш взгляд, Цицерон оригинален в том, что мастерски пользуется накопленным до него опытом, но вместе с тем четко формулирует свои собственные суждения, и в этом сущность его «здорового» эклектизма¹⁶. Как правильно замечает П. Брант, в диалоге «О дружбе» Цицерон не копировал греков, поскольку постоянно приводил примеры из римской жизни, и этот факт следует воспринимать серьезно, как выражение римского опыта¹⁷.

Нам представляется вполне правдивой мысль о том, что цицероновский термин *amicitia* политизирован. В диалоге «О дружбе» (*Cic. amic.* 36–39) Цицерон обосновывает мысль о том, что интересы дружбы не смеют противоречить интересам *res publica*, что требования дружбы должны умолкать перед требованиями общественно-политического характера, и, как было сказано выше, он приводит в пример таких римских граждан, как Кориолан, Вецеллин, Мелий, Тиберий Гракх, Квинт Туберон (*Cic. amic.* 36–37), считая их недостойными дружбы, поскольку те просили своих друзей о предательстве родины во благо дружбы. Эту мысль он развивает и в своих письмах к близким, например, в письме Г. Матию (*Cic. fam.* XI, 27, 1), из которого следует, что обязанностям дружбы надо предпочитать свободу отечества (Матий, друг и Цезаря, и Цицерона, сетовал на Цицерона за то, что тот недостаточно активно защищает его от нападков, которым он подвергается из-за своей прошлой дружбы с Цезарем. Цезарь был тираном, потому дружбу Матия с Цезарем можно рассматривать с двух позиций: прославлять верность и человечность, которую Матий проявляет по отношению к другу даже после его смерти, или свободу отечества следует предпочитать жизни друга, о чем и пишет Цицерон Матию в том письме). В ответном письме Цицерону (*Cic. fam.* XI, 28, 1–3) Матий не соглашается с ним, исходя из противопоставления Цезаря-политика Цезарю-человеку и уверяя, что последний был его личным другом, а до Цезаря-политика ему нет дела, поскольку он сам стоял вне политики. Таким образом, как правильно подметил С.Л. Утченко, перед нами предстают две концепции «обязанностей дружбы»: концепция Матия (по духу – эллинистическая) индивидуалистична, поскольку она ставит интересы и права отдельной личности, во всяком случае, не ниже интересов государства в целом; концепция Цицерона (концепция римская)

¹⁴ Habinek 1990, 185.

¹⁵ Brunt 1988, 351, 354.

¹⁶ Об эклектизме см.: Брагова 2005, 35–50.

¹⁷ Brunt 1988, 355.

диаметрально противоположна, так как она сохраняет элементы связи между общиной и гражданином. Община или государство – вечная и непреходящая величина, следовательно, интересы отдельного гражданина стоят всегда на втором месте¹⁸. О том, что *amicitia* в Риме была понятием политическим, говорит не только С.Л. Утченко, но и Эллегуар, устанавливая две формы *amicitia* в сфере политической жизни и отношений: а) связь между Римом и другими народами, объявленными *amici populi Romani*; б) отношения между самими римлянами, в частности между политическими деятелями Рима¹⁹. Надо отметить, что в диалоге «О дружбе» представлена некая идеализированная картинка настоящей дружбы, оказывающаяся основательно подпорченной действительными отношениями, о которых можно судить на основании цicerоновских писем, как справедливо отмечает в своей статье Дж. Грубер-Миллер²⁰. Исследуя рассуждения Цицерона о дружбе, В. Коллинз применяет термин «политическая дружба», замечая, что в диалоге «О дружбе» Цицерон выступает в качестве политика. Когда он приводит в пример Кориолана и Гракха и обсуждает вопрос, должны ли друзья были помогать им в их предательских планах против государства, он явно подразумевает группировки (*factiones*) своего времени, например, друзей Катилины и Клодия²¹. Исследователей, приписывающих римскому понятию *amicitia* политическое содержание, довольно много. Так, Д. Стоктон называет слово *amicitia* одним из трех ключевых слов в римском политическом словаре (наряду с *gratia* и *officium*), приписывая ему качества политического оружия, называя его «политическим союзом»²². И.В. Шталь замечает, что у Цицерона все определяется лозунгом *patriam amicitiae praeparandam esse* («Родину надо предпочитать дружбе»). Друг мыслится прежде всего гражданином и ведет себя в дружеском кругу, в отношениях с друзьями как добропорядочный член коллектива города-полиса²³. Действительно, римляне окружения Цицерона оказывались втянутыми в вихрь политических страстей, и политические взгляды неизбежно проецировались на межличностные отношения, о чем мы можем судить по письмам Цицерона. Возвращаясь к диалогу «О дружбе», надо отметить, что он явился неким сплавом древнегреческих положений об идеализированной дружбе, так называемой чистой этики, и римских представлений о дружбе, которые нередко имели политическую коннотацию.

ЛИТЕРАТУРА

Брагова, А.М. 2005: *Марк Туллий Цицерон об идеальном гражданине и государстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук*. Нижний Новгород.

Горенштейн, В.О. 1974: Цицерон в годы гражданской войны 49–45 гг. и диктатуры Цезаря. Диалоги «О старости» и «О дружбе». В кн.: *Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях*. М., 175–191.

Темнов, Е.И. 1999: Цицерон – оратор, политик, правовед. В кн.: *М.Т. Цицерон. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма*. М., 5–40.

¹⁸ Утченко 1977, 223–228.

¹⁹ Hellegouarc'h 1963, 49–53.

²⁰ Gruber-Miller 2009, 88–92.

²¹ Collins 1871, 152.

²² Stockton 1971, 65–67. Ср.: Syme 1939, гл. 2; Taylor 1949, гл. 1–3; Brunt 1965, 1–20.

²³ Шталь 1966, 281.

- Утченко, С.Л. 1977: *Политические учения Древнего Рима*. М.
- Шталь, И.В. 1966: Понятие «дружба» и эволюция эстетического идеала человека в римской литературе I в. до н.э. (по произведениям Цицерона и Катуллы). В сб.: *Вопросы античной литературы и классической филологии*. М., 281–292.
- Brunt, P.A. 1965: Amicitia in the Late Republic. In: *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 191, 1–20.
- Brunt, P.A. 1988: *The fall of the Roman Republic*. Oxford.
- Collins, W.L. 1871: *Cicero*. London.
- Falconer, W. (ed.). 1959: *Cicero: De Senectute, De Amicitia, De Divinatione*. London – Cambridge.
- Gruber-Miller, J. 2009: Exploring Relationships: Amicitia and Familia in Cicero's De Amicitia. In: *Classical World* 103/1, 88–92.
- Habinek, Th.N. 1990: Towards a History of Friendly Advice: The Politics of Candor in Cicero's De Amicitia. In: Martha Nussbaum (ed.), *The Poetics of Therapy*. *Apeiron* 23, 4.
- Haskell, H.J. 1942: *This was Cicero: Modern politics in a Roman toga*. New York.
- Hellegouarc'h, J. 1963: *Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la republique*. Paris.
- MacKendrick, P. 1989: *The Philosophical Books of Cicero*. New York.
- Niegorski, W. 2004: Cicero's distinctive voice on friendship. De amicitia and De re publica. In: *Annual Meeting of the American Political Science Association*. Chicago, Sept, 2–5, 1–10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/0/6/1/7/4/pages61740/p61740-1.php
- Powell, J. 1990: *Cicero: On Friendship and The Dream of Scipio*. Warminster.
- Stockton, D. 1971: *Cicero: A Political Biography*. Oxford.
- Syme, R. 1939: *The Roman Revolution*. Oxford.
- Taylor, L.R. 1949: *Party Politics in the Age of Caesar*. Los Angeles.

REFERENCES

- Bragova, A.M. 2005: *Mark Tulliy Ciceron ob idealnom grazhdanine i gosudarstve: dissertatsiya na soiskaniye uchyonoy stepeny kandidata istoricheskikh nauk*. Nizhny Novgorod.
- Gorenshtein, V.O. 1974: Ciceron v gody grazhdanskoy voyny 49–45 gg. i diktatury Tsezarya. Dialogy “O starosty” I “O druzhbe”. In: *Tsiceron. O starosty. O druzhbe. Ob obyazannostyakh*. М., 175–191.
- Temnov, E.I. 1999: Ciceron – orator, politik, pravoved. In: *M.T. Ciceron. O gosudarstve. O zakonakh. O starosty. O druzhbe. Ob obyazannostyakh. Rechy. Pisma*. М., 5–40.
- Utchenko, S.L. 1977: Politicheskiye ucheniya Drevnego Rima. Moscow.
- Shtal, I.V. 1966: Ponyatiye “druzhiba” i evolutiya esteticheskogo ideala cheloveka v rimskoi literature I veka do nashey ery (po proizvedeniyam Cicerona i Katulla). In: *Voprosy antichnoy literatury i klassicheskoy filologii*. Moscow, 281–292.
- Brunt, P.A. 1965: Amicitia in the Late Republic. In: *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 191, 1–20.
- Brunt, P.A. 1988: *The fall of the Roman Republic*. Oxford.
- Collins, W.L. 1871: *Cicero*. London.
- Falconer, W. (ed.). 1959: *Cicero: De Senectute, De Amicitia, De Divinatione*. London – Cambridge.
- Gruber-Miller, J. 2009: Exploring Relationships: Amicitia and Familia in Cicero's De Amicitia. In: *Classical World* 103/1, 88–92.
- Habinek, Th.N. 1990: Towards a History of Friendly Advice: The Politics of Candor in Cicero's De Amicitia. In: Martha Nussbaum (ed.), *The Poetics of Therapy*. *Apeiron* 23, 4.
- Haskell, H.J. 1942: *This was Cicero: Modern politics in a Roman toga*. New York.

- Hellegouarc'h, J. 1963: *Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la republique*. Paris.
- MacKendrick, P. 1989: *The Philosophical Books of Cicero*. New York.
- Niegorski, W. 2004: Cicero's distinctive voice on friendship. De amicitia and De re publica. In: *Annual Meeting of the American Political Science Association*. Chicago, Sept, 2–5, 1–10, http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/0/6/1/7/4/pages61740/p61740-1.php
- Powell, J. 1990: *Cicero: On Friendship and The Dream of Scipio*. Warminster.
- Stockton, D. 1971: *Cicero: A Political Biography*. Oxford.
- Syme, R. 1939: *The Roman Revolution*. Oxford.
- Taylor, L.R. 1949: *Party Politics in the Age of Caesar*. Los Angeles.

THE CONCEPT *AMICITIA* IN CICERO'S WRITINGS

Arina M. Bragova

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A Dobrolyubov, Russia,
arbra@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of Cicero's concept "friendship" (*amicitia*). The author of the article defines the degree of influence that the Greek philosophers had on Cicero's interpretation of friendship. The article also deals with the question of originality of Cicero's reasoning about friendship as well as the political connotation of the term *amicitia*.

Cicero characterizes the true and perfect friendship based not on profit but on agreement in affairs, benevolence and affection. Friendship originates from nature and emerges due to goodwill. It is important both in happiness and in misfortunes. Friendship is an integral part of a decent and virtuous life. Friendship is stronger than family ties. Only honest, virtuous, wise, generous, self-confident, reliable and sociable people are worthy of friendship. Cicero gives examples of such people among the Roman aristocrats (Cato, Tiberius Gracchus the Older, Publius Scipio the African and others). People inclined to excessive delight and pleasures as well as flatterers, scoundrels and betrayers are not worthy of friendship.

Love and similarity of tempers are the reasons for friendship. It is terminated due to different interests, marriage, competition, fame, greed, enmity, hatred, crime. Maintaining friendship is possible due to mutual respect, moral acts, communication on equal terms.

Cicero's interpretation of friendship is undoubtedly influenced by the Greek philosophers (Socrates, Plato, Aristotle, Xenophon, Polybius, Peripatetics and others). Nevertheless, he offers original ideas. For example, he disagrees with Aristotle about people who are inclined to friendship: Aristotle considers weak people to seek protection and help in friendship, whereas Cicero's true friendship is not based on profit. There is also a difference in their opinions concerning the kinds of friendship: Aristotle recognizes three kinds of friendship (based on a virtue, utility or pleasure), while Cicero acknowledges only friendship based on a virtue. Besides, Cicero's thoughts about friendship are imbued with the Roman spirit: he gives many examples about Roman citizens and relies on his wide political experience. It must be stated that Cicero's term 'friendship' has a political connotation: he believes that requirements of friendship should not contradict the state's interests, people should not betray the motherland for the sake of a friend.

To sum up, Cicero's term 'friendship' is a combination of the ancient Greek ideas about friendship, the so called pure ethics, and the Roman notions of *amicitia*, which have a political connotation.

Key words: Rome, Cicero, friendship, *amicitia*

ГЕНЕАЛОГИЯ ПОТОМСТВА ТРИУМВИРА МАРКА АНТОНИЯ В ПАМЯТНИКАХ ЭПИГРАФИКИ И НУМИЗМАТИКИ

А.Г. Караваев

Московский городской педагогический университет, Москва,
karavaev488@mail.ru

Аннотация. В статье приводится реконструкция нисходящего родословия потомков консула и триумвира Римской республики Марка Антония. Генеалогия представлена в виде родословной росписи. В ней указываются все известные по античным свидетельствам потомки триумвира на протяжении I–IV вв. н. э. – принцепсы Рима (династии Юлиев–Клавдиев и Северов), римские высшие магистраты – представители фамилий римской *nobilitas* времени Поздней республики и принципата (Антонии, Клавдии Нероны, Домиции Агенобарбы, Гатерии, Валерии Мессалы, Корнелии Суллы, Рубеллии, Октавии Лена-сы, Юнии и др.), клиентские правители вассальных эллинистических и инкорпорированных в Римскую империю постэллинистических государств Средиземноморья (династии Полемонидов Понта, Боспора, Великой Армении, Малой Армении, Ольбы (Киликия Трахея), Птолемеов Египта, Масиниссидов Мавретании, Сапеев Фракии, Сампсигерамидов Эмесы, Хайранидов Пальмиры, род Пифодоридов). Исследование строится на анализе античных источников, содержащих просопографическую информацию. В особенности, помимо нарративного материала, освещаются эпиграфические и нумизматические источники (латинские и греческие надписи города Рима, провинций Римской империи, восточных государств; римские и провинциальные монеты). Исследование подобного рода в отечественном антиковедении проводится впервые.

Ключевые слова: Римская империя, Марк Антоний, принципат, династия Юлиев–Клавдиев, клиентские цари (*amici populi Romani*), генеалогия, эпиграфика, нумизматика

По сообщениям античных авторов, в середине I в. до н. э. составлением родословий римской *nobilitas* занимался всадник Тит Помпоний Аттик, которого можно считать первым известным римским генеалогом (Nep. Att. XXV, 18). Генеалогические материалы присутствовали также в семейных архивах виднейших римских фамилий, наряду со своеобразным *origo* на стенах в атриуме дома. Для современной исторической науки исследования в области генеалогии римской правящей элиты имеют определенное значение при изучении политической истории принципата. Реконструкция нисходящего родословия потомков консула и триумвира Римской республики Марка Антония на протяжении I–IV вв. н. э. предпринята в настоящей статье, в соответствии с чем материал представлен в виде родословной росписи с обзором эпиграфических и нумизматических источников, имеющих

Караваев Александр Геннадьевич – аспирант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета. E-mail: karavaev488@mail.ru

важные указания на родственную принадлежность того или иного исторического лица и значительно дополняющих нарративные свидетельства.

I ПОКОЛЕНИЕ

1. Марк Антоний, консул 44, 34, 31 гг. до н. э., член II триумvirата.

II ПОКОЛЕНИЕ

2/1. *Liberi Antonii* от первого брака¹ с Фадией, дочерью Гая (Квинта) Фадия. Цицерон в своих письмах от ноября 44 г. до н. э. упоминает, что Антоний «имел детей от дочери Гая Фадия» – *ex C. Fadi filia liberos habuisse* (Cic. Ad Att. XVI, 11, 1); «ты был зятем, а твои дети – внуками вольноотпущенника Квинта Фадия» – *liberos tuos nepotes Q. Fadi, libertini horuini, fuisse* (Cic. Phil. II, 3).

3/1. Антония (Эвергетида). Дочь от второго брака с Антонией Гибридой, дочерью консула 63 г. до н. э. Гая Антония Гибриды. Как и старшие дети триумвира, Антония не упоминается у Плутарха в биографии Марка Антония: «Антоний оставил семерых детей от трех жен» (Plut. Ant. 87). Антония была обручена с Марком Эмилием Лепидом, сыном члена II триумvirата Марка Эмилия Лепида, но брак не состоялся (App. Bell. Civ. V, 93; Dio Cass. Hist. Rom. 44, 53). На основании надписи из Смирны (см. далее) Т. Моммзен предположил, что она стала женой знатного грека Пифодора, уроженца Нисы (Малая Азия), известного по сообщениям Страбона (Strabo. XII, 3, 29; XIV, 1, 42)², и имела эпитет Εὐεργετίδα.

4/1. Марк Антоний [Антулл]. Старший сын от третьего брака с Фульвией, дочерью Марка Фульвия Бамбалиона. Монетный двор триумвира в Малой Азии в 30-х гг. до н. э. выпускал ауреи с портретом Марка Антония на аверсе с легендой ANTON AVG IMP III COS DES III III V R P C (с указанием на *triumvir reipublicae constituendae*) и портретом Антулла на реверсе с легендой M(arcus) ANTONIVS M(arcus) F(ilius) F(ilius) (RRC. II. 541/2 = BMCRR. II. 174 = CRR. 1207 = Cohen. I. 1 = Sear RC. I. 1514 = Calicó. I. 118).

5/1. Марк Антоний (позднее Юл Антоний). Младший сын от третьего брака с Фульвией, которого Октавиан Август «вследствие женитьбы на дочери своей сестры (Марцелле Младшей. – А. К.) принял в число близких родственников» – *etiam matrimonio sororis suae filiae in artissimam adfinitatem receperat* (Vell. Pat. Hist. Rom. II, 100); консул 10 г. до н. э.: *Iullo Antonio Africano Fabio cos.* (CIL. VI. 30974 = ILS. I. 92 = AE. 1888, 150), *Iullo Antonio Africano cos.* (AE. 1911, 89).

6/1. Антония Старшая. Старшая дочь от четвертого брака с Октавией Младшей, дочерью претора 61 г. до н. э. Гая Октавия. Обе сестры упоминаются в надписи с Базилики Антоний с *via Appia*: *C. Portumius | C. l. Helenus | Calpurnia Anapauia | nugari de basilica | Antoniarum | duarum* (CIL. VI. 5536 = ILS. II. 5220). Супруг Антонии консул 16 г. до н. э. Луций Домиций Агенобарб в 41/40 г. до н. э. чеканил денарии в честь морской победы 42 г. до н. э. со своим изображением и легендами AHENOBAR | CN DOMITIVS IMP (RRC. II. 519/2 = BMCRR. II. 94

¹ Возможно, брак не был юридически оформлен.

² Представители рода Пифодоридов, граждане Нисы, упоминаются в нескольких надписях из Нисы: Херемон, сын Пифодора, его сыновья Пифодор и Пифион (SIG³. II. 741).

= CRR. 1177 = Sear RC. I. 1456), а также ауреи с изображением своего отца Луция Домиция Агенобарба и легендой CN DOMITIVS L F IMP (RRC. II. 519/1 = BMCRR. II. 93 = Sear RC. I. 1455).

7/1. Антония Младшая. Младшая дочь от четвертого брака с Октавией Младшей. Упоминается в многочисленных надписях ее сына принцепса Клавдия и ее приближенных, зафиксировавших ее положение как супруги Друза Старшего (сын Ливии Друзиллы, жены принцепса Августа), матери принцепса Клавдия, известное по нарративным свидетельствам дарование ей титула *Augusta* (Suet. Claud. 11): *Antoniai* | *Augustai* | *Drusi* | *sacerdoti divi* | *Augusti* | *matri Ti(beri) Claudii* | *Caesaris Aug(usti) p(atris) p(atriciae)* (CIL. VI. 921 = CIL. VI. 31204 = ILS. I. 222.2 = ESEL. 87 = EIL. I. 899c); *Antoniae Augustae matri Ti(beri) Claudii* | *Caesaris Augusti Germanici pontif(ici)s max(imi)* | *L(ucius) Mammius Maximus p(ecunia) s(ua)* (CIL. X. 1417 = ILS. I. 150 = ESEL. 150); *Iucundus* | *Antoniae Drusi* | *lib(ertus)* (CIL. VI. 37451 = AE. 1907, 86); *Optatus* | *Antonia[e]* | *Drusi tabul(arius)* (CIL. VI. 9065); *Chiae* | *Antoniae Drusi* | *unctric(i)* (CIL. VI. 9097 = ILS. I. 1790); *Tyrannus Antoniae* | *Drusi ab admissione* (CIL. VI. 33762 = ILS. I. 1695); *M(arcus) Antonius Antoniae Drusi l(ibertus)* | *Tertius* (CIL. III. 560 = IG. II². 7091). Принцепс Клавдий помещал изображения своих родителей на монетах с легендами ANTONIA AVGVSTA (RIC. I. 92 = BMCRE. I. 166–169 = Cohen. I. 6 = Sear RC. I. 1902; RIC. I. 104 = BMCRE. I. 213 = Cohen. I. 6 = Sear RC. I. 1903; RIC. I. 68 = BMCRE. I. 114 = Cohen. I. 5 = RSC. II. 5 = Sear RC. I. 1901; RIC. I. 65 = BMCRE. I. 109 = Cohen. I. 1 = Sear RC. I. 1898 = Calicó. I. 318; RIC. I. 66 = BMCRE. I. 111 = RSC. II. 2 = Cohen. I. 2 = Sear RC. I. 1900), ΤΙ ΚΛΑΥΔΙ ΚΑΙΣ ΣΕΒΑ ΓΕΡΜΑΝΙΑΥΤΟΚ[Ρ] | ΑΝΤΩΝΙΑ ΣΕΒΑΣΤΗ (RPC. I. 5117 = BMC. XV. 65 = Sear RC. I. 1868), NERO CLAVDIVS DRVSVS GERMANICVS IMP (RIC. I. 109 = BMCRE. I. 208 = Cohen. I. 8 = Sear RC. I. 1897; RIC. I. 93 = BMCRE. I. 157–159 = Cohen. I. 8 = Sear RC. I. 1896), ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΣ ΚΑΙΣΑΡ ΓΕΡΜ ΣΕΒΑΣΤΟΣ | ΔΡΟΥ ΚΛΑΥ ΓΕΡ ΑΝΤΩΝΙΑ (RPC. I. 1031 = BMC. IX. 7 = Sear GIC. 490).

8/1. Александр Гелиос, титулярный царь царей Великой Армении, Мидии Атропатены, Парфии (Plut. Ant. 54; Dio Cass. Hist. Rom. 49, 32; 49, 41; 50, 25; Liv. Epit. 131). Старший сын от пятого брака с царицей Египта Клеопатрой VII³.

9/1. Клеопатра Селена, титулярная царица Ливии и Киренаики; царица Мавретании. Дочь от пятого брака с царицей Египта Клеопатрой VII. Имена и портреты Селены и ее супруга царя Мавретании Гая Юлия Юбы II⁴ засвидетельствованы на денариях из Цезареи (Мавретания): портрет Юбы II на аверсе с легендой REX IVBA REGIS IVBAE F (CNNM. 389), портрет Клеопатры Селены на аверсе с легендой ΚΛΕΟΠΑΤΡΑ на реверсе (CNNM. 395); различные монетные типы 16/17 г. с портретом Юбы II на аверсе с легендой REX IVBA и легендой ΒΑΣΙΛΙΣΣΑ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑ на реверсе (CNNM. 222 = SNG Cop. 42. 573; CNNM. 241 = SNG Cop. 42. 594; CNNM. 300 = SNG Cop. 42. 590; CNNM. 319 = SNG Cop. 42. 571; CNNM. 325 = SNG Cop. 42. 552; SNG Cop. 42. 574); портрет Юбы II на аверсе с леген-

³ Брак Марка Антония и Клеопатры VII по римскому праву являлся незаконным.

⁴ Позднее Юба II вступил в брак с Глафирой, дочерью царя Каппадокии Архелая I (второго супруга Пифодориды Филометоры) от брака с принцессой Великой Армении, что известно по надписи из Афин: Η βουλή καὶ ὁ δήμος | Β]ασιλίσσαν Γλαφύραν | βασιλέω[ς] Ἀρχέλαου θυγατέρα, βασιλέως τοῦ[β]α | γυναιχα, [ἀρε]της ενε[χ]α (IG. II². 3437/3438 = CIA. III¹. 549 = OGIS. I. 363 = EE. I. p. 278).

дой REX IVBA и портрет Клеопатры Селены на реверсе с легендой ΒΑΣΙΛΙΣΣΑ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑ (CNNM. 361 = SNG Cop. 42. 566; CNNM. 369), а также аналогичные монеты с более полными легендами REX IVBA REGIS IVBAI F R A VI | [---] ΚΛΕΟΠΑΤΡΑ ΒΑΣΙ ΚΛΕΟΠΑ Θ [---] (CNNM. 357); в надписи из Цезареи их имена восстанавливаются предположительно: [In honorem Iubae] *regis* | [et Cleopatrae] *reginae* | [--- bo] *nae magnae* | [--- et sign] *um Victoriae* | [---] *s Felix* | [decret] *o pagi* (CIL. VIII. 9343). Юба II упоминается в посвяtitельной надписи из Афин вместе со своим отцом, царем Нумидии Юбой I: [Ο δημος] | [βα]σιλέα Τοῦ[βαν βασιλέως Τοῦβα] | ἀρε[της ενεκα] (IG. II². 3436); надпись из Нового Карфагена показывает происхождение Юбы II по прямой мужской линии от основателя династии Нумидии Масиниссы: *Regi Iubae reg[is]* | *Iubae filio regi[s]* | *Iempsalis n(epoti) regis Cau[dae]* | *pronepoti regis Masiniss[ae]* | *pronepotis nepoti* | *Ilvir(o) quinq(uennali) patrono* | *coloni* (CIL. II. 3417 = ILS. I. 840 = ESEL. 221 = AE. 2004, 814).

10/1. Птолемей Филадельф, титулярный царь Сирии, Киликии, Финикии (Plut. Ant. 54; Dio Cass. Hist. Rom. 49, 32; 49, 41; 50, 25). Младший сын от пятого брака с царицей Египта Клеопатрой VII⁵.

III ПОКОЛЕНИЕ

11/3. Пифодорида Филометора, царица Понта, дочь Пифодора и Антонии. Имя с титулом и эпитетом Φιλομήτορα упоминается в посвяtitельной надписи из Афин: Ο δημ[ος] | βασιλίσσαν Πυθοδωρίδα | Φιλομήτορα (CIA. III¹. 547 = IG. II². 3433 = OGIS. I. 376), а также в посвяtitельной надписи из Смирны (Малая Азия) вместе с именами ее сына, мужа и матери: Ο δημος | Ζήνωνα, βασιλ[λ]ίσσης | Πυθοδωρίδος Φιλομήτορος | καί βασιλέως Πολέμωνος | υἱόν, θυγατρίδην δε της εὐεργέτιδος Ἀντωνίας, | ετείμησεν (IGR. IV. 1407 = OGIS. I. 377 = EE. I. p. 270). На реверсах понтийских монет времени правления принцев Августа и Тиберия вместе с указанием года выпуска помещалась легенда ΒΑΣΙΛΙΣΣΑ ΠΥΘΟΔΩΡΙΣ (RAM. I. 19 = Sear GIC. 5413; RAM. I. 20 = Sear GIC. 5414); на аверсе одной из драхм помещен портрет Пифодориды (?) с аналогичной легендой на реверсе (RAM. I. 21 = Sear GIC. 5415). Пифодорида была женой царя Понта и Киликии Трахеи Марка Антония Полемона I Эвсеба, получившего *gentilicium* и царский титул от триумвира Марка Антония, и царя Каппадокии и Малой Армении Архелая I Филопатриса Ктиста, также получившего царский титул от триумвира⁶.

12/5. Луций Антоний, сын Юла Антония и Марцеллы Младшей. Тацит сообщает, что после ссылки отца Луций Антоний жил в Массилии под предлогом обучения (Tac. Ann. IV, 44).

⁵ Царские титулы, дарованные триумвирами своим детям от Клеопатры, а также статус старшего сына Клеопатры Цезариона как царя-соправителя подтверждает ее легенда на денариях из Александрии: CLEOPATRAE REGINAE REGVM FILIORVM REGVM (RRC. II. 543/1 = BMCRR. II. 179–182 = RSC. I. 1 = CRR. 1210 = Sear RC. I. 1515).

⁶ Среди данных нумизматики из Малой Азии имеются понтийские драхмы с портретом Полемона I на аверсе и легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ ΕΥΣΕΒΟΥΣ на реверсе (RAM. I. 17–18 = Sear GIC. 5411–5412) и каппадокийские драхмы 5/6 г. с портретом Архелая I на аверсе и легендой с уникальной эпikleзой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΧΕΛΑΟΥ ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΔΟΣ ΤΟΥ ΚΤΙΣΤΟΥ на реверсе (RPC. I. 3602; RPC. I. 3605).

13/5. Юл Антоний, вероятно, сын Юла Антония и Марцеллы Младшей, к которому относится упоминание в надписи из Рима: *M. Antoni Iulli | patris L. Rufionis* (CIL. VI. 12010 = CIL. VI. 34051).

14/5. Юлла Антония, вероятно, дочь Юла Антония и Марцеллы Младшей, к которой относится упоминание в надписи из Рима: *M. Antoni | Agahangeli | Lullaes l.* (CIL. VI. 11959).

15/6. [Луций] Домиций Агенобарб, старший сын Л. Домиция Агенобарба и Антонии Старшей, по предположению Р. Сайма⁷.

16/6. Домиция Агенобарба, старшая дочь Л. Домиция Агенобарба и Антонии Старшей, по предположению Р. Сайма⁸.

17/6. Домиция Лепида (Старшая) [Домиция], дочь Л. Домиция Агенобарба и Антонии Старшей. Ее супругом являлся Гай Саллюстий Крисп Пассиен, консул-суффект 27 г. и ординарный консул 44 г., родственник знаменитого римского историка Гая Саллюстия Криспа: *C. | Passieni Crispi | II T. Statilio Tauro co[s.]* (CIL. XIII. 4565 = ILS. II. 7061).

18/6. Гней Домиций Агенобарб, консул 32 г., сын Л. Домиция Агенобарба и Антонии Старшей. Принцепс Тиберий выбрал его в мужа Агриппины Младшей (также потомок триумвира), «помимо древности его рода, также и потому, что тот состоял с Цезарями в кровном родстве» – *super vetustatem generis propinquum Caesaribus sanguinem delegerat* (Tac. Ann. IV, 75).

19/6. Домиция Лепида (Младшая) [Домиция Лепида], дочь Л. Домиция Агенобарба и Антонии Старшей. Тацит повествует, что Агриппина Младшая погубила ее, «ибо Лепида, дочь младшей Антонии⁹, внучатая племянница Августа, двоюродная тетка Агриппины и сестра ее прежнего мужа Гнея, считала, что не уступает ей в знатности» (Tac. Ann. XII, 64).

20/7. Нерон Клавдий Друз (позднее Германик Юлий Цезарь) [Германик], консул 12 и 18 гг., сын Друза Старшего и Антонии Младшей. Германик «стоял выше Друза (Младшего, сына принцепса Тиберия. – А. К.) знатностью материнского рода, имея своим дедом Марка Антония и двоюродным дедом – Августа» (Tac. Ann. II, 43). Многочисленные надписи раскрывают его происхождение (по крови и по усыновлению) и *cursus honorum*: *Germanico Caesari Ti(beri) f(ilio) divi Augusti n(epoti) | divi Iuli pronepoti auguri flam(ini) Augustal(i) co(n)s(uli) II imp(eratori) II | L(ucius) Mammius Maximus p(ecunia) s(ua)* (CIL. X. 1415 = ILS. I. 177 = ESEL. 147); *[G]ermanico | Caisari | [T]i(beri) Augusti f(ilio) | [d]ivi Augusti n(epoti) | [d]ivi Iulii pron(epoti) | [a]uguri flam(ini) Aug(ustali) | co(n)s(uli) II imp(eratori) II* (CIL. VI. 921 = CIL. VI. 31204 = ILS. I. 222.1 = EIL. I. 899b); *Germanico Caesari | Ti(beri) Aug(usti) f(ilio) | divi Aug(usti) nepoti | divi Iuli pron(epoti) co(n)s(uli) II imp(eratori) II | auguri flamine Augustali | d(ecreto) d(ecurionum)* (AE. 1995, 650); *Germanico | Iulio [Ti(beri)] f(ilio) | Augusti nepoti | divi pronepoti Caesari* (CIL. V. 6416 = ILS. I. 107.3). По желанию принцепса Августа Германик вступил в брак с его внучкой Агриппиной Старшей, дочерью Марка Випсания Агриппы, консула 37, 28, 27 гг. до н. э. – *habuit in matrimonio Agrippinam, M. Agrippae et Iuliae filiam* (Suet. Cal. 7): *Agrippinae | Germanici | Caesaris* (CIL. XI. 1167 = ILS. I. 179); *Agrippinae | C(ai)*

⁷ Syme 1986, 155; Stemma V, VIII.

⁸ Syme 1986, 155; Stemma V, VIII.

⁹ Здесь Корнелий Тацит допускает ошибку.

Caesaris Augusti | Germanici matri | Q(uintus) Fabius Hispanus | flamen Augus[ti] | decreto ordinis ded(it) (CIL. II. 4 = CIL. II. 3379); эпитафия с ее погребальной урны: *Ossa | Agrippinae M(arci) Agrippae [f(iliae)] | divi Aug(usti) neptis uxoris | Germanici Caesaris | matris C(ai) Caesaris Aug(usti) | Germanici principis* (CIL. VI. 886 = ILS. I. 180 = ESEL. 77 = EIL. I. 909). Принцепс Калигула помещал изображения родителей на своих монетах: Германика с легендами GERMANICVS CAES P C CAES AVG GERM (RIC. I. 25 = BMCRE. I. 26 = Cohen. I. 6 = Sear RC. I. 1814 = Calicó. I. 324; RIC. I. 26 = BMCRE. I. 28 = Cohen. I. 5 = RSC. II. 5 = Sear RC. I. 1816; RIC. I. 12 = BMCRE. I. 13 = Cohen. I. 4 = RSC. II. 4 = Sear RC. I. 1815; RIC. I. 17 = BMCRE. I. 18 = Cohen. I. 1 = Sear RC. I. 1814 = Calicó. I. 321; RIC. I. 18 = BMCRE. I. 19 = RSC. II. 2 = Cohen. I. 2), GERMANICVS CAESAR TI AVG F DIVI AVG N (RIC. I. 35 = BMCRE. I. 49 = RSC. II. 1 = Cohen. I. 1 = Sear RC. I. 1821 = Фролова, Абрамзон 2001/II. 8; RIC. I. 43 = BMCRE. I. 60; RIC. I. 106 = BMCRE. I. 215–218 = Cohen. I. 9 = Sear RC. I. 1905; RIC. I. 50 = BMCRE. I. 74 = Cohen. I. 4 = Sear RC. I. 1822), ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ ΚΑΙΣΑΡ (RPC. I. 2993), GERMANICVS CES TI AVGV COS II Γ Μ (RIC. I. 61 = BMCRE. I. 104 = RPC. I. 3623a; RIC. I. 60 = BMCRE. I. 105 = RPC. I. 3623b = Cohen. I. 2 = RSC. II. 2 = Sear RC. I. 1819); Агриппины Старшей с легендами AGRIPPINA M F MAT C CAESARIS AVGVSTI (RIC. I. 55 = BMCRE. I. 85 = Cohen. I. 1 = Sear RC. I. 1827; RIC. I. 102 = BMCRE. I. 219–221 = Cohen. I. 3 = Sear RC. I. 1906) и AGRIPPINA MAT C CAES AVG GERM (RIC. I. 8 = BMCRE. I. 8 = RSC. II. 4 = Cohen. I. 4; RIC. I. 13 = BMCRE. I. 14 = Cohen. I. 1 = Sear RC. I. 1824 = Calicó. I. 326; RIC. I. 30 = Cohen. I. 7 = RSC. II. 7; RIC. I. 22 = BMCRE. I. 23 = Cohen. I. 6 = RSC. II. 6 = Sear RC. I. 1825; RIC. I. 14 = BMCRE. I. 15 = Cohen. I. 2 = RSC. II. 2; RIC. I. 21 = BMCRE. I. 22 = Calicó. I. 327); их обоих с легендой ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΝ ΑΓΡΙΠΠΙΝΑΝ ΖΜΥΡΝΑΙΩΝ ΜΗΝΟΦΑΝΗΣ (RPC. I. 2471).

21/7. Ливия [Ливилла], дочь Друза Старшего и Антонии Младшей: [Iuli]a | [Drusi] f(ilia) | Ti(berius) Cla[udius] | Dru[si] f(ilius) (AE. 1980, 638), [Livia Neronis Drusi Germanici f(ilia) D]rusi [Caesaris uxor] (CIL. VI. 40321 = AE. 1985, 50 = AE. 1992, 182); в одной греческой надписи упоминается вместе с братьями: Γερμανίχου Καίσαρος | και Τιβερίου Κλαυδίου Γερμανίχου | και Λειβίας Θεάς Αφροδείτης Ανχειδιάδος (ILS. II. 8787). Вторично вышла замуж за Друза Младшего, консула 15 и 21 гг., сына принцепса Тиберия: *Druso Iulio Ti(beri) f(ilio) | Augusti nepoti | Caesari* (CIL. V. 2151 = CIL. VI. 908 = ILS. I. 166 = ESEL. 60). По-видимому, ее изображение (либо супруги принцепса Августа Ливии Друзиллы) помещено на ряде римских дупондиев 22–23 гг. с легендами PIETAS и DRVSVS CAESAR TI AVGVSTI F TR POT ITER (RIC. I. 43 = BMCRE. I. 98 = Cohen. I. 1 = Sear RC. I. 1741).

22/7. Тиберий Клавдий Друз (позднее Тиберий Клавдий Нерон Германик) [Клавдий], сын Друза Старшего и Антонии Младшей, консул-суффект 37 г., ординарный консул 42, 43, 47, 51 гг., принцепс в 41–54 гг.¹⁰

23/9. [Гай Юлий ?] Птолемей, царь Мавретании, сын царя Юбы II и Клеопатры Селены. Тацит пишет о жестоком обращении принцепса Калигулы с друзьями и близкими, в том числе «с Птолемеем, сыном царя Юбы и своим родственником (он был внуком Марка Антония от дочери его Селены)» – *Ptolemaeum regis Iubae filium, consobrinum suum – erat enim et is M. Antoni ex Selene filia nepos* (Suet. Cal.

¹⁰ Информация по принцепсам не приводится.

26). Птолемей упоминается в посвятителных надписях и надписях вольноотпущенников из различных городов Мавретании: *Regi Pto|lemaeo | reg(is) Iubae f(ilio)* (CIL. VIII. 8927); *[R]egi Ptolemae[o] | reg(is) Iubae f(ilio) | L(ucius) Caecilius Rufus | Agilis f(ilius) honoribus | omnibus patriae | suae consummatis | d(e) s(ua) p(ecunia) f(aciendum) c(uravit) et consacravit* (CIL. VIII. 9257 = ILS. I. 841 = ESEL. 233); *Iubae et Ptol[emaei regum]* (AE. 1966, 595); *Geni[o] | regis Pto[lemaei] | regis [Iubae f(ili)]* (CIL. VIII. 9342); *[... regis Iubae r]egi Ptolemaeo | [... p]atronis et | [dominis o]b merita* (CIL. VIII. 20977); *[Pro salute] regis Pt[o]lemaei | regis Iubae f(ili) reg(i)nante* (AE. 1938, 149); *[C(aius) Iulius regis Ptolemaei [libertus]* (CIL. VIII. 21094); *C(aio) Iulio regis | Ptolemaei lib(erto) | Montano | Iulia Prima coniu(n)x | fecit* (CIL. VIII. 21093 = AE. 1891, 168 = AE. 1892, 112); *Iuliae Hymni | regis Ptolemaei | l(iberti) l(ibertae) Charidi | concub(inae)* (CIL. VI. 20409); *Iulia Pieris | regis Ptolemaei l(iberta) | M(arco) Casineio | Serpullo c[on]i[u]gi* (CIL. VIII. 21095), а также из Афин: *Ὁ δῆμος | βασιλ[έ]α Πτολεμαίων βασιλέως τοῦ βα | υἱ[ό]ν, βασιλέως Πτολεμαίου ἐκγονον* (IG. II². 3445 = CIA. III¹. 555 = SIG. 360 = OGIS. I. 197). На денариях из Цезареи (Мавретания) 6–11 гг. портрет Юбы II на аверсе с легендой REX IVBA сопровождался портретом Птолемея на реверсе с легендой REX PTOLEMAIVS RECIS IVBAE F (CNNM. 377; CNNM. 379 = SNG Cop. 42. 565). Супругой Птолемея была [Юлия] Урания, чье имя упоминается только в надписи вольноотпущенницы Юлии Бодины из Цезареи: *Iulia Bodine | reg(inae) Uraniae | liberta | h(ic) s(ita) e(st)* (AE. 1946, 102 = AE. 1950, 209)¹¹.

24/9. [(Юлия ?) Клеопатра], принцесса Мавретании, дочь царя Юбы II и Клеопатры Селены. Упоминается в двух надписях из Афин как «дочь царя Юбы»: *[βασιλέως] τοῦ βα νε(ωτέρου) θυγατέρα | [ἀρετ]ῆς εὐεκα* (IG. II². 3439) и «дочь ливийского царя» (IG. III¹. 1309)¹².

IV ПОКОЛЕНИЕ

25/11. Марк Антоний Полемон, сын царя Полемона I и Пифодориды, соправитель матери в Понте (Strabo. XII, 3, 29), по-видимому, позднее стал династом Ольбы (Киликия Трахей) и общин кеннатов и лалассеев. Известны киликийские монеты (ок. 27–29 гг.) с его портретом на аверсе и легендой ΜΑΡΚ ΑΝΤΩΝΙΟΥ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ ΑΡΧΙΕΡΕΩΣ и легендой на реверсе ΔΥΝΑΣΣΤΟΥ ΟΛΒΕΩΝ ΤΗΣ ΙΕΡΑΣ ΚΑΙ ΚΕΝΝΑΤΩΝ ΚΑΙ ΛΑΛΑΣΣΕΩΝ (RPC. I. 3736 = SNG von Aulock. 5791; RPC. I. 3738 = SNG von Aulock. 5793 = Sear GIC. 5168; RPC. I. 3739)¹³.

26/11. Марк Антоний Зенон (Артагеш III), царь Великой Армении, сын царя Полемона I и Пифодориды. Корнелий Тацит повествует, что Зенон был коронован римским полководцем Германиком (его двоюродный дядя и также потомок триум-

¹¹ Возможно, она являлась дочерью царя Парфии Фраата IV и Музы, которая, по сообщению Иосифа Флавия, была рабыней из Италии, подаренной Фраату IV Августом, и впоследствии стала его законной супругой (Ios. Flav. Ant. Iud. XVIII, 2, 4). Изображение Музы стало помещаться на монетах, что было уникальным явлением в истории Парфии. Известны драхмы и тетрадрахмы 2/3 г. с портретом ее сына царя Фраата V с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ на аверсе и портретом Музы с легендой ΘΕΑΣ ΟΥΡΑΝΙΑΣ ΜΟΥΣΗΣ ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ на реверсе (BMC. XXIII. 24 = Sear GIC. 5760 = Sellwood. 58. 1; BMC. XXIII. 31 = Sear GIC. 5763 = Sellwood. 58. 6).

¹² Юба II был известен как «ливиец» (Ios. Flav. Ant. Iud. XVII, 13, 4).

¹³ Идентификация династа Ольбы как сына Полемона I остается дискуссионным вопросом.

вира) (Тас. Ann. II, 56), в честь чего в Цезарее (Каппадокия) в 37/38 г. чеканились дидрахмы с портретом Германика и легендой GERMANICVS CAESAR TI AVG F COS II, на реверсе которых была изображена сцена интронизации с легендами ARTAXIAS и GERMANICVS (RIC. I. 59 = BMCRE. I. 104 = RPC. I. 3629 = Cohen. I. 6 = RSC. II. 6a = Sear RC. I. 1817). Зенону также была посвящена надпись из Смирны, цитируемая выше.

27/11. Антония Трифена, царица Понта, царица Фракии, дочь царя Полемона I и Пифодориды. Ее статус царицы, дочери и матери царей отражен в ряде надписей из Кизика (Малая Азия): Ἀντωνία Τρύφαινα Βασιλέως Πολέμωνος καὶ Β[ασιλίσ]σης Πυθοδώριδος θυγάτηρ (IGR. IV. 144); Ἀντωνία Τρύφαινα Κόττος Βασιλ[έ]ων [καὶ] | θυγάτηρ καὶ μήτη[ρ αὐτῆ] Βασ[ί]λ[ι]σση (IGR. IV. 147). Известны типы понтийских драхм 40–50-х гг. ее сына царя Понта Полемона II с их совместными изображениями и легендами ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ | ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΤΡΥΦΑΙΝΑΣ (BMC. XIII. 11 = Sear GIC. 5416; RAM. I. 28 = Sear GIC. 5417; RPC. I. 3825 = BMC. XIII. 1 = Sear GIC. 5423) и без портрета с легендой ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΤΡΥΦΑΙΝΗΣ (RPC. I. 3812 = BMC. XIII. 12 = Sear GIC. 5418).

28/17. Квинт Гатерий Антонин, сын консула 22 г. Децима Гатерия Агриппы и Домиции по предположению Р. Сайма¹⁴, консул 53 г. (Тас. Ann. XII, 58; XIII, 34).

29/17. [Квинт ?] Юний Блез, сын консула-суффекта 28 г. Квинта Юния Блеза и Домиции по предположению Р. Сайма¹⁵, легат провинций Белгика и Лугдунская Галлия в 69 г., поддержавший в гражданской войне принцепса Авла Вителлия. Корнелий Тацит писал, что Блез «хвастается предками Юниями и Антониями, кичится происхождением из императорского рода» – *Iunios Antoniosque avos iactantem, qui se stirpe imperatoria comem ac magnificum militibus ostendet* (Тас. Hist. III, 38).

30/18. Луций Домиций Агенобарб (позднее Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь) [Нерон], консул 55, 57, 58, 60 гг., консул-суффект 68 г., принцепс в 54–68 гг. Его первой женой являлась Октавия, дочь принцепса Клавдия (также потомок триумвира). Вторая супруга Нерона Пoppея Сабина, получившая титул *Augusta* после рождения дочери и обожествленная после смерти, упоминается в ряде латинских надписей: *Poppaeae Aug(ustae) Neronis | Caesaris Aug(usti) Germ(anici)* (CIL. XI. 6955 = ILS. III. 8902 = EIL. I. 914 = AE. 1904, 227); *Divae Poppaeae Augustae | Imp(eratoris) Neronis Caesaris August(i)* (CIL. XI. 1331 = ILS. I. 233 = ESEL. 1070). На провинциальных монетах 60–65 гг. помещался портрет Пoppеи на аверсе с легендой ΠΟΠΠΑΙΑ ΣΕΒΑΣΤΗ из Перинфа (Фракия) (RPC. I. 1756 = BMC. III. 15 = Cohen. I. 1 = Sear GIC. 670 = Мушмов. 4424) и из Лаодикеи (Лидия) (RPC. I. 2924); портрет Нерона на аверсе с легендой ΝΕΡΩΝΟΣ ΣΕΒΑΣΤΟΥ и портрет Пoppеи на реверсе с легендой ΠΟΠΠΑΙΑΣ ΣΕΒΑΣΤΗΣ (RPC. I. 3562 = Cohen. I. 2 = Sear GIC. 662 = SNG von Aulock. 6117); портрет Нерона на аверсе с легендой ΝΕΡΩ ΚΛΑΥ ΚΑΙΣ ΣΕΒ ΓΕΡ ΑΥ и портрет Пoppеи на реверсе с легендой ΠΟΠΠΑΙΑ ΣΕΒΑΣΤΗ ΤΙΒΕΡΙΟΣ на тетрадрахмах из Александрии (RPC. I. 5275; BMC. XVI. 163 = RPC. I. 5289; RPC. I. 5282 = BMC. XV. 124 = Sear RC. I. 2002); Нерон и Пoppея с легендой ΠΟΠΠΙΑΣ ΣΕΒΑΣΤΗΣ на монетах Боспора (RPC. I. 1929 = Фролова 1997/I. XXVII, 6–7); портрет Нерона на аверсе

¹⁴ Syme 1986, 162–163; Stemma VIII.

¹⁵ Syme 1986, 163.

с легендой NERO CAESAR AVGVSTVS и фигуры Нерона и Поппеи на реверсе с легендой AVGVSTVS AVGVSTA на римских ауреях 64/65 г. (RIC. I. 44 = BMCRE. I. 52 = Cohen. I. 42 = Sear RC. I. 1926 = Calicó. I. 401). Третья супруга Статилия Мессалина (Suet. Nero. 35; Tac. Ann. XV, 52), получившая титул *Augusta* после брака, известна также по провинциальным монетам с ее портретами на аверсе и легендами MESSALINAN[...] (RPC. I. 2632) и ΣΤΑΤ ΜΕΣΣΑΛ[...] (Cohen. I. 1 = Sear GIC. 674); с совместными изображениями Нерона и Статилии на аверсе с легендой ΝΕΡΩΝ ΜΕΣΣΑΛΕΙ (RPC. I. 2544 = Sear GIC. 666; RPC. I. 2545); с портретом Нерона на аверсе с легендой ΝΕΡΩΝ ΚΑΙΣΑΡ и портретом Статилии на реверсе с легендой ΜΕΣΣΑΛΙΝΑΝ ΣΕΒΑΣΤΗΝ (Sear GIC. 665).

31/19. Валерия Мессалина, дочь Марка Валерия Мессалы Барбата Аппиана и Домиции Лепиды, супруга принцепса Клавдия: *Valer. | Messallinae* (CIL. VI. 8840 = ILS. I. 1664); *Atoenus | Messallinae | Ti. Claudi Caesaris | ab ornamentis* (CIL. VI. 8952 = ILS. I. 1781); [*Messallinae*] | *Ti(beri) Claudii | Caesaris | Aug(usti) Germanici | uxori* (AE. 1992, 739); также известны монеты, чеканившиеся на востоке (Никея, Синопа, Крит, Эолида, Александрия) во время правления ее мужа, с ее изображением на аверсе и легендами ΜΕΣΣΑΛΕΙΝΑ ΣΕΒΑΣΤΗ (RPC. I. 2430), ΜΕΣΣΑΛΕΙΝΑ ΣΕΒΑΣΤΗ ΝΕΑ ΗΡΑ (RPC. I. 2034) или на реверсе (на аверсе помещался портрет Клавдия) с легендами ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡ ΓΕΡΜΑ ΣΕΒΑ | ΟΥΑΛΕΡΙΑ ΜΕΣΣΑΛΕΙΝΑ (RPC. I. 1032 = BMC. IX. 9 = Sear GIC. 493), ΜΕΣΣΑΛΙΝΑ ΚΑΙΣ ΣΕΒΑΣ (RPC. I. 5131; 5145), ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥΣ | VALERIA MESSALINA (RPC. I. 1002), ΤΙ ΚΛΑΥΔΙ ΚΑΙΣ ΣΕΒΑ ΓΕΡΜΑΝΙ ΑΥΤΟΚΡ[ΑΤΟΡ] | ΜΕΣΣΑΛΙΝΑ ΚΑΙΣ ΣΕΒΑΣ (RPC. I. 5164). На монетах из Цезареи Каппадокийской с легендами MESSALINA AVGVSTI | OCTAVIA BRITANNICVS ANTONIA Мессалина изображалась с тремя детьми принцепса Клавдия Октавией, Британиком и Антонией (RIC. I. 124 = RPC. I. 3627).

32/19. Фавста Корнелия, дочь консула-суффекта 31 г. Фавста Корнелия Суллы Феликса и Домиции Лепиды; известна по надписи из Рима: *Cornelia Fausti l. | Urbana nutrix Faust[ae]* (CIL. VI. 16470).

33/19. Фавст Корнелий Сулла Феликс, сын консула-суффекта 31 г. Фавста Корнелия Суллы Феликса и Домиции Лепиды, консул 52 г.: *Fausto Cornelio Sulla Felice | L. Salvidieno Rufo Salviano | cos.* (CIL. X. 769 = CIL. XVI. 1 = ILS. I. 1986 = ESEL. 813); [*Sulla Felice Ma*]rcio Barea Soran[o cos.] (CIL. VI. 40415 = AE. 1980, 57b); женат на Антонии, дочери принцепса Клавдия (также потомок триумвира).

34/19. [Марк (Аппий) Юний Силан], сын консула 28 г. Гая Аппия Юния Силана и, вероятно, Домиции Лепиды¹⁶, консул-суффект ок. 54 г.: *M. Iun[io] Silano A[---] cos.* (CIL. XIV. 3471 = EE. IX. 892); возможно, к нему относится упоминание в надписи из Рима: *M(arcus) Iunius Appi l(ibertus) | Syntrophus | med[ic]us* (CIL. VI. 7611).

35/20. Нерон Юлий Цезарь Германик [Нерон Цезарь], квестор 26 г., сын Германика и Агриппины Старшей: *Neroni Caesaris | Germanici f(ilio) | Ti(beri) Augusti nep(oti) | divi Augusti pronep(oti)* (CIL. V. 23), *Neroni Iulio | Germanici [f(ilio)] | Aug(usti) pronepot(i) | Caesaris* (CIL. V. 6416 = ILS. I. 107.1), *Neroni Caesaris | Germanici Caesaris f(ilio) | Ti(beri) Caesaris Augusti n(epoti) | divi Augusti pron(epoti) | flamini Augustali | sodali Augustali | sodali Titio fratri Arvali | fetiali*

¹⁶ Syme 1986, Stemma XII–XIII.

quaestori | *ex s(enatus) c(onsulto)* (CIL. VI. 913 = ILS. I. 182 = ESEL. 72 = EIL. I. 890), *Neroni Caesari* | *Germanici f(ilio) Ti(beri)* | *Aug(usti) n(epoti) divi Aug(usti) pro(nepoti)* | *flamin(i) Aug(ustali)* | *civitates Liburniae* (CIL. III. 2808 = CIL. III. 9879 = ILS. II. 7156 = AE. 1938, 68), *Ossa* | *Neronis Caesaris* | *Germanici Caesaris f(ili)* | *divi Aug(usti) pron(epotis) flamin(is)* | *Augustalis quaestoris* (CIL. VI. 887 = CIL. VI. 40373 = ILS. I. 183 = EIL. I. 892d); упоминается также в греческих надписях из Митилен: Νέρωνα Τούλιον | Καίσαρα (CIG. 3528 = IG. XII². 212 = ILS. II. 8788 = EE. II. p. 4), в том числе вместе с братом и двумя сестрами: Νέρωνι καὶ | Δρούσω καὶ Ἀγρίππινᾳ καὶ Δρουσίλλᾳ νέα Ἀφροδίτα (IG. XII². 172b = ILS. II. 8789). Женат на Ливии Юлии, дочери Друза Младшего (также потомок триумвира). Принцепс Калигула помещал изображения своих братьев на дупондиях с легендой NERO ET DRVSVS CAESARES (RIC. I. 34 = BMCRE. I. 44 = Cohen. I. 1; RIC. I. 49 = BMCRE. I. 70 = Cohen. I. 2 = Sear RC. I. 1828).

36/20. Друз Юлий Цезарь Германик [Друз Цезарь], префект Рима в 25 г., сын Германика и Агриппины Старшей: *Druso Iulio* | *Germanici f(ilio)* | *Aug(usti) pronepot(i)* | *Germanico* (CIL. V. 6416 = ILS. I. 107.9); *Druso Caesari* | *Germanici* | *Caesaris f(ilio)* | *divi Augusti* | *pronepoti* | *patron[o]* (CIL. II. 609); *Druso Caesari* | *Germanici Caesaris* | *filio* | *Ti(beri) Augusti nepoti* | *divi Augusti pronepoti* | *pontifici* | *d(ecreto) d(ecurionum)* (CIL. III. 380 = ILS. I. 185 = CIG. 3612); *C(aius) Papius Asclepiades* | *Papia Erotis l(iberta)* | *Iulia Iucunda nutrix* | *Drusi et Drusillae* (CIL. VI. 5201 = ILS. I. 1837 = EIL. I. 400). Его женой была Эмилия Лепида, дочь консула 6 г. Марка Эмилия Лепида, имя которой засвидетельствовано в одной из надписей: *Pudens M. Lepidi l. grammaticus* | *procurator eram Lepidae moresq. regebam* (CIL. VI. 9449 = ILS. I. 1848).

37/20. Тиберий Юлий Цезарь Германик, сын Германика и Агриппины Старшей.

38/20. [Ignotus] Юлий Цезарь Германик, сын Германика и Агриппины Старшей.

39/20. Гай Юлий Цезарь Германик, сын Германика и Агриппины Старшей. Третий, четвертый и пятый сыновья Германика скончались в детстве (Suet. Cal. 7); последний родился в Тибуре годом раньше принцепса Калигулы: *ante annum fere natus Germanico filius Tiburi fuerat, appellatus et ipse C. Caesar* (Suet. Cal. 8). Известны также по *tituli sepulcralis* Мавзолея Августа: *Ti. Caesar* | *Germanici Caesaris f.* | *hic crematus est* (CIL. VI. 888 = ILS. I. 181a = ESEL. 58 = EIL. I. 892b), [--- *Caes*]ar | [Ge]rmanici Caesaris f. | *hic crematus est* (CIL. VI. 890 = ILS. I. 181b = EIL. I. 892c), *C. Caesar* | *Germanici Caesaris f.* | *hic crematus est* (CIL. VI. 889 = ILS. I. 181 = ESEL. 59 = EIL. I. 892a).

40/20. Гай Юлий Цезарь Германик [Калигула], сын Германика и Агриппины Старшей, консул-суффект 37 г., ординарный консул 39, 40, 41 гг., принцепс в 37–41 гг. Монеты с изображением четвертой супруги принцепса Милонии Цезонии известны из провинций Испания и Сирия: портрет Цезонии в образе *Salus* (RPC. I. 185 = Cohen. I. 1 = Sear GIC. 419), портрет Цезонии с легендой ΚΑΙΣΩΝΙΑ ΓΥΝΗ ΣΕΒΑΣΤΟΥ (на реверсе изображение сестры Калигулы Юлии Друзиллы) (RPC. I. 4977 = AJC. II. 117).

41/20. Юлия Агриппина [Агриппина Младшая], дочь Германика и Агриппины Старшей; в первом и третьем браках с внуками триумвира М. Антония кон-

сулом 32 г. Гн. Домицием Агенобарбом (сын Антонии Старшей) и принцепсом Клавдием (сын Антонии Младшей): *Iuliai Aug(ustae) | Agrippinai | Germanici | Caisaris f(iliae) | Ti(beri) Claudi Caisar(is) | Augusti | patris patriai* (CIL. VI. 921 = CIL. VI. 31204 = ILS. I. 222.3 = EIL. I. 899d); *Iuliae Augustae | Germanici Caisaris [f(iliae)] | Agrippinai | Ti(beri) C[laudi C]aisa[ris Augusti]* (CIL. XI. 3600 = ILS. I. 223 = ESEL. 102 = EIL. I. 913); *Iuliae Au[gustae] | Agri[ppinae] | Germanic[i] Caisaris f(iliae) | divi Cla[udi uxori]* (CIL. VI. 40307 = AE 1996, 246); *Iulia[e Agrippinae] | Germanici Caisaris [f(iliae)] | Ti(beri) Caisaris Aug(usti) n[epti] | div[i] Augusti pron[epti] | [Ti(beri) Claudi Caisaris Augusti]* (CIL. IX. 6362 = AE. 1998, 413); *Iuliae Agrippinae | Caisaris Aug(usti) | German[i]i[c]i matri Aug(usti) n[epti] | civitas Aruccitana* (CIL. II. 963 = EE. IX. p. 56 = AE. 1990, 483); *Phyllis Iucundus Agrippinae | Germanici Caisaris | filiae | dispensator* (CIL. VI. 8834); *[[Neroni]] Claudio | Caesari Aug(ust)o et | [[Agrippinae]] Augustae* (CIL. X. 1574 = ILS. I. 226). Изображения Агриппины Младшей помещались на римских и провинциальных (Эфес, Боспор, Крит, Вифиния, Лидия, Ликаония) монетах времени правления ее супруга и сопровождалась легендами AGRIPPINAE AVGVSTAE (ауреи: RIC. I. 80 = BMCRE. I. 72 = Cohen. I. 3 = Sear RC. I. 1885 = Calicó. I. 396c; денарии: RIC. I. 81 = BMCRE. I. 75 = Cohen. I. 4 = RSC. II. 4 = Sear RC. I. 1886), AGRIPPINA AVGVSTA CAESARIS AVG (RIC. I. 117 = BMCRE. I. 234 = RPC. I. 2223 = Cohen. I. 2 = RSC. II. 2 = Sear RC. I. 1887), ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΑΝ ΚΑΙΣΑΡΟΣ (RPC. I. 1925 = SNG Britain. IX. 971 = Анохин 1986. 348 = Фролова 1997/Ι. XXIV, 11–22), ΑΓΡΙΠΠΙΝΗ ΓΥ[Ν]Η ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙ[ΣΑ] (RPC. I. 1034), ΤΙ ΚΛΑΥΔ ΚΑΕΣ ΑΥΓ ΑΓΡΙΠΠ ΑΥΓΒΣΤΑ (RIC. I. 119 = BMCRE. I. 231 = RPC. I. 2224 = Cohen. I. 1 = RSC. II. 1 = Sear RC. I. 1888), ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΝ ΚΑΙΣΑΡΑ ΘΕΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΑΝ (RPC. I. 2461), AGRIPPINA AVG GERMANICI F CAESARIS AVG (RIC. I. 103 = Sear RC. I. 1910), ΑΓΡΙΠΠΕΙΑΝ (RPC. I. 2918), ΑΓΡΙΠΠΙΑΝ ΣΕΒΑΣΤΗ (RPC. I. 2100), ΑΓΡΙΠΠΙΝΗΣ ΣΕΒΑΣΤΗΣ (RPC. I. 1929 = SNG Britain. XI. 972 = Анохин 1986. 350 = Фролова 1997/Ι. XXVI, 21–24), ΑΓΡΙΠΠΙΑΝ ΣΕΒΑΣΤΗΝ (RPC. I. 3065); также вместе с принцепсом Нероном на ауреях и денариях из Рима и Лугдуна в начале его правления с легендами AGRIPP AVG DIVI CLAUD NERONIS CAES MATER | NERONI CLAUD DIVI F CAES AVG GERM IMP TR P (RIC. I. 1 = BMCRE. I. 1 = Cohen. I. 6 = Sear RC. I. 2041 = Calicó. I. 399; RIC. I. 6 = BMCRE. I. 7 = Cohen. I. 3 = Sear RC. I. 2042; RIC. I. 7 = BMCRE. I. 8 = RSC. II. 4), AGRIPPINA AVGVSTA MATER AVGVSTI (RIC. I. 611 = BMCRE. I. 426 = RPC. I. 3641), ΝΕΡΩΝ ΚΑΙΣΑΡ ΣΕΒΑΣΤΟΣ ΑΓΡΙΠΠΙΑΝ ΣΕΒΑΣ (RPC. I. 2052 = BMC. XIII. 16 = Sear GIC. 642).

42/20. Юлия Друзилла, дочь Германика и Агриппины Старшей: *Iuliae Drusill[ae] | Germanici Caes[aris f(iliae)]* (CIL. V. 5722 = ILS. I. 194); *Iuliae Drusillae | German(ici) Caesar(is) f(iliae) [T]i[b]erius parenti num(inis) | honore delat[o pos(uit)]* (CIL. XII. 1026 = ILS. I. 195 = AE. 1998, 888); *[Iuliae Drusil]lae | [C(ai) Caisaris Aug(usti) Germ(anici) sor]ori* (CIL. XI. 7744a); *C(aius) Papius Asclepiades | Papias Erotis l(iberta) | Iulia Iucunda nutrix | Drusi et Drusillae* (CIL. VI. 5201 = ILS. I. 1837 = EIL. I. 400). После смерти была обожествлена (Suet. Cal. 24; Dio Cass. Hist. Rom. 59, 11; Sen. Ad Polyb. XVII, 4–5): *Pro salute | Caesarum et | p(opuli) R(omani) | Minervae | et divae | Drusillae sacrum [...]* (CIL. XIII. 1194 = ILS. I. 197); *[...]a M(arci) f(ilia) Secunda Aspri | [flam]inica divae Drusillae* (CIL. V. 7345); *Divae D[rusillae] sorori Germanici Aug(usti)* (CIL. VI. 32345); *Divae Drusil[lae] | Germani[ci] | Caesari[s]*

f(iliae)] (CIL. XI. 1168); *Divae Drusillae sorori* | [C(ai) Caesaris] *Augusti* | *Germanici* (CIL. XI. 3598 = ESEL. 103 = EIL. I. 910). Друзилла изображалась на монетах из Смирны 37/38 гг. с легендами ΓΑΙΟΝ ΚΑΙΣΑΡΑ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΝ | ΔΡΟΥΣΙΛΛΑΝ ΖΜΥΡΝΑΙΩΝ ΜΗΝΟΦΑΝΗΣ (RPC. I. 2472 = BMC. XIV. 272 = Sear GIC. 421), из Милета с легендами ΓΑΙΟΣ ΚΙΣΑΡ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ ΣΕΒΑΣΤΟΣ | ΜΙΛΗΣΙΩΝ ΘΕΑ ΔΡΟΥΣΙΛΛΑ (RPC. I. 2704 = BMCRE. I. 144), из Сирии с легендой ΔΡΟΥΣΙΛΛΑ ΘΥΓΑΤΡΙ ΣΕΒΑΣΤΟΥ (RPC. I. 4977 = AJC. II. 117).

43/20. Юлия Ливилла, дочь Германика и Агриппины Старшей: *Livilla* [---] | *Germanici* C[aesaris f.] | *hic sita e[st]* (CIL. VI. 891 = ILS. I. 188 = ESEL. 80 = EIL. I. 911); *Secunda* | *Livillaes* | *medica* (CIL. VI. 8711 = ILS. II. 7803). Портрет Ливиллы помещался на монетах из Митилен (о. Лесбос) с легендой ΙΟΥΛΙΑΝ ΝΕΑΝ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ (RPC. I. 2348 = Cohen. I. 1 = Sear GIC. 422). По свидетельству Иосифа Флавия, после убийства Калигулы муж Ливиллы Марк Виниций, консул 30 и 45 гг., объявил себя кандидатом в принцепсы как «вследствие своей родовитости, так и вследствие родства с императорским домом» (Ios. Flav. Ant. Iud. XIX, 4, 3).

44/21. Ливия Юлия [Ливилла Младшая], дочь Друза Младшего и Ливиллы. В первом браке за Нероном Цезарем, также потомком триумвира. Ее второй супруг Гай Рубеллий Бланд, консул-суффект ок. 18 г. (CIL. IV. 1552), известен по надписям из Рима и Тибура: [Di]vae Drusillae | *sacrum* | [C(aius) R]ubellius C(ai) f(ilius) Blandus | [q(uaestor)] *divi Aug(usti) tr(ibunus) pl(ebis) pr(aetor) co(n)s(ul)* | [pr]oco(n)s(ul) *pontif(ex)* (CIL. XIV. 3576 = ILS. I. 196 = Inscr. It. IV. 1, 76); *Communio verna* | *Antoniae Augustae* | *v(ixit) a(nnos) II me(n)s(es) X* | *collacteus Drusi* | *Blandi f(iiii)* (CIL. VI. 16057); *Blandus pr. restituit* (CIL. XIV. 3555 = ILS. II. 3401 = Inscr. It. IV. 1, 60); *Blando et Pollione cos.* (CIL. VI. 14221); *Iunoni Argeiae C. Blandus procos.* (CIL. XIV. 3556 = ILS. II. 3098 = Inscr. It. IV. 1, 61). Во время правления Калигулы чеканились монеты с изображением его братьев и сестер, например, в Апамее (Вифиния): бюсты Нерона Цезаря и Друза Цезаря с легендой DRVSVS NERO CAESARES D D на аверсе и фигуры Агриппины Младшей (как *Securitas*), Друзиллы (как *Diva Drusilla* и *Concordia*) и Ливиллы (как *Fortuna Redux*) с легендой AGRIPPINA DIVA DRVSIILLA IVLIA на реверсе (RPC. I. 2014); бюсты Ливиллы, Друзиллы и Агриппины Младшей с легендой DIVAE DRVSIILLAE IVLIAE AGRIPPINAE на аверсе и портрет их матери Агриппины Старшей с легендой AGRIPPINA C CAESARIS AVG GERMANICI MATER C I C на реверсе (RPC. I. 2012).

45/21. Тиберий Юлий Цезарь [Тиберий Гемелл], *princeps iuventutis* в 37 г., сын Друза Младшего и Ливиллы: *Ti(berio) Caesari* | *Drusi f(ilio)* | *Ti(beri) August[i] n(epoti)* | *divi Augusti pron[epoti]* | *P(ublius) Varius P(ubli) f(ilius) Aem(ilia)* | *Ligus filius* (CIL. V. 7598 = ILS. I. 171 = EIL. I. 889); *Ti. Caesar* | *Drusi Caesaris f.* | *hic situs est* (CIL. VI. 892 = ILS. I. 172 = ESEL. 76 = EIL. I. 889a). Филон Александрийский писал, что Гемеллу «самой природой было положено стать преемником власти, ведь он был родным внуком Тиберия, а Гай (Калигула. – А. К.) – приемным» (Philo. De legat. 4).

46/21. Друз Юлий Германик [Германик Младший], сын Друза Младшего и Ливиллы; скончался ребенком в 23 г. (Tac. Ann. IV, 15). Внуки принцепса Тиберия упоминаются вместе с матерью: [Liviae Drusi Caesaris matri T]i. et Ge[manici Ca]esarum (CIL. V. 4311 = ILS. I. 170); также изображались младенцами на римских

сестерциях 22–23 гг. с легендой их отца DRVSVS CAESAR TI AVG F DIVI AVG N PONT TR POT II на реверсе (RIC. I. 42 = BMCRE. I. 95 = Cohen. I. 1 = Sear RC. I. 1793 = Фролова, Абрамзон 2001/II. II. 19).

47/22. [Тиберий] Клавдий [Нерон] Друз, сын принцепса Клавдия и Плавтии Ургуланиллы, дочери консула 2 г. М. Плавтия Сильвана. Умер юным в результате несчастного случая (Suet. Claud. 27); упоминается в надписи его дяди по матери: *P. Plautius | Pulcher | triumphalis filius ... comes Drusi fili | Germanici avonculus Drusi | Ti. Claudii Caesaris Augusti fili* (CIL. XIV. 3607 = ILS. I. 964 = EIL. I. 1137 = Inscr. It. IV. 1, 124).

48/22. Клавдия, дочь принцепса Клавдия и Плавтии Ургуланиллы (Suet. Claud. 27).

49/22. Клавдия Антония, дочь принцепса Клавдия и Элии Петины: *Antoniae Claud(i) filiae* (CIL. VI. 9802 = ILS. II. 7466); *Claudia | Antoniae | Aug(usti) filiae* (CIL. VI. 15517); *Antoniae divi | Claudii filiae* (CIL. VI. 14959); *Claudia Antoniae | divi Claudii filiae* (AE. 1996, 419). Ее первый супруг Гней Помпей Магн, квестор 43 г., известен по эпитафии: *Cn(aeus) Pomp[ei]us | Crassi filius Men(enia) | Magnus | pontif(ex) quaest(or) | Ti(beri) Claudii Caesaris Aug(usti) | Germanici | soceri sui* (CIL. VI. 31722); вторым супругом Антонии был потомок триумвира М. Антония консул 52 г. Фавст Корнелий Сулла Феликс. Известны также провинциальные монеты с изображениями принцепса Клавдия на аверсе и на реверсе – его троих детей с легендами ANTONIA | BRITANNICVS | OCTAVIA (RPC. I. 4842) и LIBERVS AVG (RPC. I. 1255), а также его дочерей Октавии и Антонии (RPC. I. 1033 = BMC. IX. 12).

50/22. Клавдия Октавия, дочь принцепса Клавдия и Валерии Мессалины, супруга принцепса Нерона: *[O]ctaviai | [Ti(beri)] Claudii | Caisaris | Augusti p(atris) p(atriciae) | filiai* (CIL. VI. 921 = CIL. VI. 31204 = ILS. I. 222.5 = EIL. I. 899f); *[Cl]audiae [Octav]iae T[i(beri) Claudii] Caes[aris] | [Au]gusti Germa[nici] pon[tif(ici)s] max(im)i fil[i]ae | L(ucius) Mamm[us] Maxim[us] p(ecunia) s(ua)* (AE. 2009, 225); *Neronis C[laudii] Caesaris Augusti | Germanici pr[incipis] parentisque publici et | Agrippinae Au[gustae] et Octaviae coniugis* (CIL. VI. 32357); *... pro salute | Neronis ... et Octaviae coniugis eius* (CIL. VI. 2041 = ILS. I. 229); *Claudia Octaviae divi Claudii f. lib. Peloris* (CIL. VI. 9015 = CIL. VI. 29847a = ILS. II. 8120 = AE. 1991, 74). Монеты с изображением Октавии чеканились в 54–62 гг.: портрет Агриппины Младшей на аверсе с легендой AGRIPPIN[A] AVG и портрет Октавии на реверсе с легендой OCTAVIA AVGVSTI из Цезареи Панады в Сирии (RPC. I. 4845); изображение Октавии на аверсе с легендами OKTAOYIA ΣΕΒΑΣΤΗ из Перинфа во Фракии (RPC. I. 1755), OKTAOYIA из Ионии (BMC. XIV. 75 = Sear GIC. 668), OCTAVIAE NERONIS AVG из Коринфа (RPC. I. 1194 = Cohen. I. 2; BMC. XII. 557 = Sear GIC. 667), ΘΕΑΝ OKTAOYIAN из Лидии (RPC. I. 2998; RPC. I. 2999 = Sear GIC. 669; RPC. I. 3001); портреты Нерона на аверсе и Октавии на реверсе из Александрии (RPC. I. 5241) и совместные изображения Нерона и Октавии на реверсе (RPC. I. 1006).

51/22. Тиберий Клавдий Германик (позднее Тиберий Клавдий Цезарь Британик) [Британик], сын принцепса Клавдия и Валерии Мессалины: *Pro | [sa]lute Ti(beri) [Claud]i Caesaris | [Aug(usti) Germ]anici et Iuliae | [Agrippinae Aug(ustae) et T]i(beri) Claudii Brittan(n)ici | [Caesaris et Neronis] Claudii Caesaris* (ILS. I. 220 = EE. VII. 1242); претендент на принципат и соперник Нерона, «настоящий Цезарь» по

словам отца – *ut tandem populus Romanus uerum Caesarem habeat* (Suet. Claud. 43). Изображения Британика помещались на римских и провинциальных монетах: его портрет на аверсе (RPC. I. 2476 = BMC. XIV. 283 = Sear GIC. 516) и легенды на реверсе TI CLAVDIVS CAESAR AVG F BRITANNICVS (BMCRE. I. 226 = Cohen. I. 2), ΒΡΙΤΑΝΝΙΚΟΥ (RPC. I. 1834), ΒΡΙΤΑΝΝΙΚΟΣ ΚΑΙΣΑΡ (RPC. I. 2431; RPC. I. 2503 = BMC. XIV. 121; RPC. I. 2971); вместе с отцом принцепсом Клавдием и легендами ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟ ΣΕΒΑΣΤΟΥ (RPC. I. 2314 = BMC. XVII. 40 = Sear GIC. 498), ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΣ ΚΑΙΣΑΡ ΣΕΒΑΣΤΟΣ | ΒΡΕΤΑΝΝΙΚΟΣ ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΕΟΝ (RPC. I. 1588), TI CLAVDIVS CAESAR AVG P M TR P IM P P | BR[ITAN]NICVS AVG F (RPC. I. 4843); вместе с принцепсом Нероном и легендами ΒΡΕΤΑΝΝΙΚΟΣ ΚΑΙΣΑΡ | ΝΕΡΩΝ ΚΑΙΣΑΡ (RPC. I. 2371), также легенды ΝΕΡΩ ΚΛΑΥ ΚΑΙΣΑΡ | ΒΡΙΤ ΚΑΙ без изображений на монетах из Иерусалима (RPC. I. 4971 = Sear GIC. 5626); вместе с отцом и матерью и легендами ΤΙ ΚΛΑΥΚΑΙ ΣΕΒΑΣ | ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ ΒΡΕΤΑΝΝΙΚΟΣ (RPC. I. 2654); вместе с сестрами Антонией и Октавией и легендами ΝΕΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ | ΑΝ ΟΚΤΑ (RPC. I. 2248), ΚΛΑΥΔΙΟΣ ΚΑΙΣΑΡ ΒΡΙΤΑΝΝΙΚΟΣ | ΑΝΤΩΝΙΑ ΟΚΤΑΟΥΙΑ ΚΑΙΣΑΡ (RPC. I. 3656 = BMC. XX. 13); вместе с царем Боспора Тиберием Юлием Котисом I на его ассариях с легендой ΒΡΙΤΑΝΝΙΚΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ (RPC. I. 1926 = BMC. XIII. 5 = Sear GIC. 5440 = Анохин 1986. 345 = Фролова 1997/I. XXIV, 4–10).

52/23. [Юлия ?] **Друзилла**, принцесса Мавретании, царица Эмесы, дочь царя Мавретании Птолемея и Урании. Упоминается у Корнелия Тацита как внучка Марка Антония и Клеопатры – *Drusilla Cleopatrae et Antonii nepte in matrimonium accepta* (Tac. Hist. V, 9), с которой вступил в брак прокуратор Иудеи [Марк] Антоний Феликс¹⁷, *trium reginarum maritus* по определению Светония (Suet. Claud. 28)¹⁸; однако, учитывая хронологию, следует полагать, что она является их правнучкой. Предположительно, Друзилла вступила во второй брак с правителем Эмесы Гаем Юлием Сохэмом, получившим от принцепса Нерона царский титул в Софене (Tac. Ann. XIII, 7). Одна латинская надпись из сирийского Гелиополя (Баальбека) указывает его римский *gentilicium*, статус «друга цезаря и друга римлян», титул *magnus rex* и римские знаки отличия: *Regi magno | C(aio) Iulio Sohaemo | regis magni Sam[sigerami] filio Philo[caesari] et Philo[r]o[h]maeo honora[t]o ornam(enti)s] consulari[b]us ---] | patrono coloniae | Ilviro quinquenn(ali) | L(ucius) Vitellius L(uci) filius] | Fab(ia) Soss[i]a[nus]* (CIL. III. 14387a = ILS. III. 8958 = IGLS. VI. 2760).

V ПОКОЛЕНИЕ

53/27. **Гай Юлий Реметалк III**, династ и царь Фракии, сын царя Фракии Котиса III (VIII) и Антонии Трифены. Изображался на фракийских монетах вместе со своим родственником принцепсом Калигулой: портрет принцепса на аверсе с легендой ΓΑΙΩ ΚΑΙΣΑΡΙ ΣΕΒΑΣΤΩ, и портрет Реметалка III на реверсе с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΑΣ (RPC. I. 1723 = BMC. III. 2 = Sear GIC.

¹⁷ Известен иной вариант *gentilicium* 'a Феликса: Τιβερίου Κλαυδίου Φήλικος | ἐπιτρόου Σε[βαστοῦ] Ἰουδαίας] (AE. 1967, 525 = AE. 1986, 693).

¹⁸ Следующей женой Феликса стала Юлия Друзилла (Acta Apost. 24, 24–26), дочь царя Иудеи и Самарии Марка Юлия Ирода Агриппы I и сестра Береники, первой супруги царя Понта Полемона II (№ 54).

5407 = Мушмов 1912. 5805 = Юрукова 1992. 209); известны также типы с портретом принцепса и легендой ΓΑΙΩ ΚΑΙΣΑΡΙ ΓΕΡΜΑΝΙΚΩ ΣΕΒΑΣΤΩ на аверсе и совместным изображением Реметалка III и Калигулы на реверсе с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΑΣ ΚΟΤΥΩΣ (BMC. III. 1 = Sear GIC. 5406 = Мушмов. 5804 = Юрукова. 213).

54/27. Гай Юлий (позднее Марк Антоний) Полемон II, царь Понта и Боспора, сын царя Фракии Котиса III (VIII) и Антонии Трифены. Портрет Полемона II с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ помещался на ряде монет Понта (RAM. I. 29 = Sear GIC. 5419) и вместе с изображениями римских принцепсов – своих родственников: на драмах 51–54 гг. вместе с принцепсом Клавдием (RPC. I. 3814; RAM. I. 31 = Sear GIC. 5421; BMC. XIII. 3 = Sear GIC. 5420), а также с Клавдием и Нероном на реверсе (RAM. I. 32 = Sear GIC. 5422); на драмах 55–58 гг. вместе с принцепсом Нероном (RPC. I. 3832 = BMC. XIII. 9 = Sear GIC. 5425), а также с Британиком (также Нерон ?) (RPC. I. 3837 = RAM. I. 36 = Sear GIC. 5426). Известна уникальная монета из Малой Армении с портретами Полемона II на аверсе с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓ ΜΑΝΤΩΝΙΟΥ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ (с его полным именем и указанием на титул Βασιλέως Μεγάλου) и его второй супруги эмесской принцессы Юлии Маммеи с легендой ΙΟΥΛΙΑΣ ΜΑΜΑΙΑΣ ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ на реверсе (RPC. I. 3844).

55/27. Гай Юлий Котис IV (IX), царь Малой Армении (Dio Cass. Hist. Rom. 59, 12; Tac. Ann. XI, 9), сын царя Фракии Котиса III (VIII) и Антонии Трифены. Упоминается вместе с братьями в надписях из Кизика: Ῥοιμητάλχην καὶ Πολέμωνα καὶ Κότυν (IGR. IV. 145 = SIG². I. 365 = SIG³. II. 798).

56/27. Пифодорида (Младшая), принцесса Фракии, царица Фракии, дочь царя Фракии Котиса III (VIII) и Антонии Трифены. Реметалк III и Пифодорида упоминаются в надписи Г. Юлия Прокла из Селимврии (Бизии): Ῥοιμητάλχου καὶ Πυθοδωρίδος (IGR. I. 777 = OGIS. I. 378 = EE. II. p. 256), а также в надписи Л. Антония Зенона (также представитель рода Полемонидов-Зенонидов) из Аполлонии (Созополя) (IGR. I. 1503 = IGB. I². 399 = EE. IX. p. 695)¹⁹.

—/27. Гипепирия²⁰.

57/30. Клавдия, дочь принцепса Нерона и Пoppеи Сабины; получила при рождении титул *Augusta*; скончалась в младенчестве и после смерти была обожествлена (Tac. Ann. XV, 23; Suet. Nero 35), что отражено также в надписях: D[ivae Claudiae] | M[eronis Aug(usti) filiae] (CIL. XI. 6955 = ILS. III. 8902 = AE. 1904, 227) и на сирийских монетах из Цезареи Паниады (ок. 65 г.) с легендами DIVA POPPAEA AV | DIVA CLAUD NER F (RPC. I. 4846 = AJC. II. 354 = Cohen. I. 1 = Sear RC. I. 2058).

58/33. [Ignotus] Корнелий Сулла, сын Фавста Корнелия Суллы Феликса и Клавдии Антонии (Suet. Claud. 12); по-видимому, умер в детстве.

¹⁹ Идентификация упоминаемого лица как Реметалка III остается дискуссионным вопросом, возможно, им является династ и царь Фракии Реметалк II, супруг Пифодориды Младшей.

²⁰ Ряд исследователей разделяет мнение, что дочерью Котиса III и Антонии Трифены являлась также царица Боспора Гипепирия (ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΑΠΥΡΕΩΣ – RPC. I. 1907 = BMC. XIII. 1 = Sear GIC. 5434 = Анохин 1986, 326 = Фролова 1997/I, XVIII, 1–16; XIX, 1–3), супруга царя Аспурга (правнука Митридата VI Эвпатора); соответственно, ее потомки, представители династии Тибериев Юлиев, «которых возводят на престол римляне» (Strabo. VII, 4, 7), могут являться в том числе потомками триумвира Марка Антония.

59/40. Юлия Друзилла, дочь принцепса Калигулы и Милонии Цезонии, погибла вместе с отцом и матерью (Suet. Cal. 59; Dio Cass. Hist. Rom. 59, 29; Ios. Flav. Ant. Iud. XIX, 2, 4).

60/44. [Гай] Рубеллий Плавт, сын консула Гая Рубеллия Бланда и Ливии Юлии, сенатор, претендент на принципат в правление Нерона вследствие принадлежности к *familia Caesaris* (Tac. Ann. XIV, 22).

61/44. [Рубеллий] Друз, сын консула Гая Рубеллия Бланда и Ливии Юлии; известен по надписи из Рима: [coll]acteus Drusi | Blandi f. (CIL. VI. 16057).

62/44. Рубеллия Басса, дочь консула Гая Рубеллия Бланда и Ливии Юлии; упоминается в надписи своего внука из Тускула: [Rub]elliae | [Bla]ndi f. Bassae | Octavi Laenatis | Sergius Octavius | Laenas Pontianus | aviae optimaе (CIL. XIV. 2610 = CIL. XV. 7845 = ILS. I. 952). Ее муж [Гай] Октавий Ленас также известен по италийской надписи: [...] Octavius Laenas | [...] Cervarius P. f. | IIIvir. quinq. (CIL. IX. 3688 = ILS. II. 5364).

63/52. Гай Юлий Алексин (II), вероятно, сын царя Гая Юлия Сохэма и Друзиллы, жрец бога *Elah-Gabal* в Эмесе; упоминается в надписи своего сына (см. далее).

VI ПОКОЛЕНИЕ

64/60. Liberi Rubellii, дети Рубеллия Плавта и его супруги Антистии Поллитты, дочери консула 55 г. Луция Антистия Вета, о которых упоминает Корнелий Тацит (Tac. Ann. XIV, 59).

65/62. [(Луций ?) Октавий Ленас], сын Октавия Ленаса и Рубеллии Бассы.

66/63. Гай Юлий Сампсигерам (III), сын жреца Гая Юлия Алексина (II), жрец бога *Elah-Gabal* в Эмесе; упоминается в одной эмесской надписи 78/79 г., поставленной им в честь отца и своего рода: Γαῖος Ἰουλίος, Φαβία, Σαμψιγέραμος ὁ | καὶ Σεῖλας, Γαίου Ἰουλίου Ἀλεξίφωνος υἱός, ζων | ἐποίησεν ἑαυτῷ καὶ τοῖς ἰδίῳις, εἶτους Οτ (CIG. 4511 = IGR. III. 1023 = OGIS. II. 604 = IGLS. VI. 2212).

VII ПОКОЛЕНИЕ

67/65. Сергей Октавий Ленас Понтиан, консул 131 г.; упоминается в цитируемой выше надписи CIL. XIV. 2610 и известный также по некоторым другим: *Ser(gii) Octavi Laenatis Pontiani* (EE. IX. 705), *Ser. Octavio Laenatae Pontiano* | *M. Antonio Rufino cos.* (CIL. VI. 157), *Laenate Pontiano et Antonio Rufino cos.* (CIL. VI. 10048 = ILS. II. 5287), *M. Antonio Rufino* | *S. Octavio Lenat[e]* | *cons.* (CIL. XIV. 2636 = ILS. II. 6209), *M. Antonius Rufinu[s]* | *Ser. Lena[s] Pontianu[s]* (CIL. VI. 10299).

I–а ПОКОЛЕНИЕ

1. [Гай] Юлий Сохэм, царь Великой Армении, потомок царя Эмесы Сохэма и Друзиллы. Вторично был поставлен на трон принцепсом Луцием Вером, соправителем Марка Аврелия, в 163/164 г. Этому событию посвящены римские сестерции и ауреи с портретом Луция Вера и легендой L VERVS AVG ARMENIACVS, на реверсе которых помещена сцена интронизации и легенда REX ARMEN(ii)s

DAT(us) (RIC. III. 512 = BMCRE. IV. 300 = Cohen. III. 158 = Sear RC. II. 5335 = Calicó. I. 2154). Позднее Сохэм стал римским сенатором и занимал должность консула.

II–a ПОКОЛЕНИЕ

2/1. [Гай] Юлий Александр, предположительно сын царя Г. Юлия Сохэма, знатный эмесенец и приближенный принцепса Коммода (Dio Cass. Hist. Rom. 73, 14; SHA. Comm. VIII, 3).

I–b ПОКОЛЕНИЕ

1. [Гай] Юлий Бассиан, потомок царя Эмеса Сохэма и Друзиллы, жрец бога *Elah-Gabal* в Эмесе; известен только по нарративным источникам. Аврелий Виктор пишет, что принцепс Каракалла «назван был Бассианом по имени деда со стороны матери» (Aur. Vict. De vit. XXI, 2), а также в биографии принцепса Элагабала о том, что «дед его матери Созмии по имени Бассиан был жрецом бога Солнца» (Aur. Vict. De vit. XXIII, 2).

II–b ПОКОЛЕНИЕ²¹

2/1. Юлия Домна, дочь жреца Юлия Бассиана, *Augusta, Mater Caesaris, Mater Augustorum, Mater Augusti, Mater Castrorum et Senatus et Patriae*, супруга Луция Септимия Севера, консула-суффекта 190 г. и ординарного консула 194, 202 гг., принцепса в 193–211 гг.

3/1. Юлия Меса, дочь жреца Юлия Бассиана, *Augusta, Avia Augusti*.

III–b ПОКОЛЕНИЕ

4/2. Луций Септимий Бассиан (позднее Марк Аврелий Антонин) [Каракалла], сын принцепса Септимия Севера и Юлии Домны, консул 202, 205, 208, 213 гг., принцепс в 211–217 гг.

5/2. Луций (позднее Публий) Септимий Гета, сын принцепса Септимия Севера и Юлии Домны, консул 205, 208 гг., принцепс-соправитель в 211–212 гг.

6/3. Юлия Созмия Бассиана, дочь консула Гая Юлия Авита Алексиана и Юлии Месы, *Augusta, Mater Augusti, Mater Castrorum*.

7/3. Юлия Авита Маммея, дочь консула Гая Юлия Авита Алексиана и Юлии Месы, *Augusta, Mater Augusti, Mater Castrorum, Mater Senatus*.

IV–b ПОКОЛЕНИЕ

8/6. Варий Авит Бассиан (позднее Марк Аврелий Антонин) [Элагабал / Гелиогабал], сын *procurator*'а *Augustorum* Секста Вария Марцелла и Юлии Со-

²¹ Представители династии Северов в связи с обширностью материала в настоящей статье не рассматриваются.

эмии, жрец бога *Elah-Gabal*, жрец бога *Sol Invictus*, консул 218, 219, 220, 222 гг., принцепс в 218–222 гг.

9/7. [Марк Юлий] **Гессий Алексиан Бассиан (позднее Марк Аврелий Север Александр) [Север Александр]**, сын *procurator*'а *Augustorum* Гессия Марциана и Юлии Маммеи, жрец бога *Elah-Gabal*, консул 222, 226, 229 гг., принцепс в 222–235 гг.

I–с ПОКОЛЕНИЕ

Луций Юлий Аврелий Сульпиций Ураний Антонин, возможно, потомок царя Эмесы Сохэма и Друзиллы, принцепс в 253/254 г. (в Сирии); помещал свое изображение на эмесских монетах: на денариях (Sear RC. III. 9893) и ауреях (RIC. V. 3a = Cohen. VI. 3 = Sear RC. III. 9883 = Calicó. II. 3385; RIC. V. 3b = Sear RC. III. 9882 = Calicó. II. 3386; RIC. V. 4 = Sear RC. III. 9884; RIC. V. 7 = Sear RC. III. 9887) с легендой *L IVL AVR SVLP VRA ANTONINVS*, а также на тетрадрахмах с легендами *AVTOK COVA CCOVHPOC ANTΩNINOC CEB* (Sear GIC. 4412) и *AVTOK COVAΠ ANTΩNEINOC CE* (BMC. XX. 24 = Sear GIC. 4414).

I–d ПОКОЛЕНИЕ

1. Юлий Аврелий Зенобий, по-видимому, потомок царя Эмесы Сохэма и Друзиллы, предположительно отец Зенобии; стратег Пальмиры в 30-х гг. III в., упоминается в пальмирской надписи: *Τούλιον Αυρήλιον Ζηνόβιον* (CIG. II. 4483 = IGR. III. 1033 = OGIS. II. 640 = CIS. II. 3932)²².

II–d ПОКОЛЕНИЕ

2/1. Юлия Аврелия (позднее Септимия) Зенобия, царица Пальмиры. Один из авторов «*Scriptores Historiae Augustae*» Требеллий Поллион повествует, что Зенобия вспоминала «Клеопатру, родоначальницу своего рода» – *Cleopatram sui generis principes* (SHA. Trig. tyr. XXVII, 1), и «хвалилась тем, что она из рода Клеопатр и Птолемеев» – *quae se de Cleopatrarum Ptolemaeorumque gente iactaret* (SHA. Trig. tyr. XXX, 2). В многочисленных надписях из Пальмиры отражены имена и титулы Зенобии, ее супруга царя Септимия Одената и их детей: *Σεπτίμια Ζηνοβία Σεβαστη* (CIG. II. 4503b = IGR. III. 1027 = OGIS. II. 647), *Σεπτίμιας Ζηνοβίας της λαμπροτάτης | βασιλίσσης* (IGR. III. 1028); также в надписи императора Аврелиана из Силистрии: *[I]mp(erator) Aure(lianus) vicit [reginam] | [Ze]nobiam in viso[sque] tyrannos* (CIL. III. 12456 = AE. 1891, 50). Известны тетрадрахмы с портретом Зенобии из Александрии 271/272 г. с легендой *SEPTIMIA ZHNOBIA CEB* (BMC. XVI. 2398 = Sear GIC. 4761) и из Эмесы (?) с легендой *S ZENOBIA AVG* (RIC. V. 2).

III–d ПОКОЛЕНИЕ

3/2. [Луций Юлий Аврелий Септимий] **Геренниан (=Хайран)**, сын царя Септимия Одената и царицы Зенобии.

²² Ср.: *I(ovi) O(ptimo) M(aximo) | Aur(elius) | Zeno|biu[s]* (CIL. III. 6455 = CIL. III. 10388).

4/2. [Луций Юлий Аврелий Септимий] **Тимолай** (=Вабаллат), сын царя Септимия Одената и царицы Зенобии. Двое из сыновей Одената и Зенобии известны только по нарративным упоминаниям авторов SHA Требеллия Поллиона (SHA. Trig. tyr. XV, 2; XVII, 2; XXIV, 4; XXVII, 1), писавшего, что Зенобия «правила от имени своих сыновей Геренниана и Тимолая» – *accepto nomine filiorum Herenniani et Timolai* (SHA. Trig. tyr. XXX, 2), «Зенобия, жена Одената, под тем предлогом, что оставшиеся дети его – Геренниан и Тимолай – являются еще малолетними, сама взяла власть в свои руки» – *Zenobia uxor eius quod paruuli essent filii eius qui supererant Herennianus et Timolaus, ipsa suscepit imperium* (SHA. Gallien. XIII, 2), и Флавия Вописка, отмечавшего, что «Зенобия держала в своих руках власть от имени своего сына Вабаллата, а не Тимолая и Геренниана» – *Babalati filii nomine Zenobiam non Timolai et Herenniani imperium tenuisse* (SHA. Aurel. XXXVIII, 1)²³.

5/2. **Луций Юлий Аврелий Септимий Вабаллат Афинодор**, царь Пальмиры, сын царя Септимия Одената и царицы Зенобии. Упоминается в ряде латинских надписей из Филадельфии (Бостры) с указанием на его римские титулы и знаки отличия: *Im[p(eratori)] Caesari L(ucio) Iulio | Aurelio Septimio | Vaballatho | Athenodoro Per[sico maximo Ara]bico maximo Adia[benico maximo Pio | Felici Invicto Au]g(usto)]* (ILS. III. 8924 = AE. 1904, 60), *[L(ucius) Iuli]us Aureli[us] | [Septi]mius | [Va]ballath[us] | [Ath]enodorus [v(ir) c(larissimus) rex] co(n)s(ul) | [impe]rator dux | [R]o[m]anorum | XV*, а также в греческих надписях из Пальмиры: *[Αύτο]κράτορος Ούαβαλλά[θου] | Ἀθηνοδώρου* (CIG. II. 4503b = IGR. III. 1027 = OGIS. II. 647), *[β]ασιλέως Σεπτ[ιμίου] | Ἀθη[νοδώρου]* (IGR. III. 1028). Монеты с портретом Вабаллата чеканились и в Александрии с легендой AVT K OVABALLAΘOC AΘHNOC CEB (BMC. XVI. 2397 = NAA. 5510 = Sear GIC. 4762), и в Антиохии с легендой IM C VHABALATHVS AVG (RIC. V. 1; RIC. V. 4; RIC. V. 5 = Cohen. VI. 5; RIC. V. 6 = Cohen. VI. 6). Вабаллат изображался на тетрадрахмах из Александрии 270–272 гг. совместно с Зенобией с легендами VABALATHVS VCRIMD | СЕРТИМ ЗΗΝΟΒΙΑ СΕΒ²⁴, а также вместе с императором Аврелианом как своим соправителем с легендами AVPHΛIANOC KAI AΘHNODΩPOC (BMC. XVI. 2395 = Sear GIC. 4758) и I A C OVABALLAΘOC AΘHNV A C P | A K A ΔOM AVPHΛIANOC CEB (BMC. XVI. 2387 = NAA. 5422 = Sear GIC. 4757) и на антонинианах из Антиохии 272 г. с легендами VABALATHVS V C R IM DR | IMP C AVRELIANVS AVG (RIC. V. 381 = Cohen. VI. 1). Титулатура на монетах с легендой VABAL[L]ATHVS VCRI[M]DR (*vir clarissimus, rex, imperator, dux Romanorum*) означала преемственность его статуса *corrector totius Orientis* от отца. Этот статус и титул Βασιλέως Βασιλέων = *Rex Regum* отражен также в ряде семитских надписей (*mlk mlk'* – CIS. II. 3971) и папирусов (Pap. Оху. XL. 2904, 15–23).

6/2. [Луций Юлий Аврелий] **Септимий Антиох**, правитель Пальмиры, возможно, сын царя Септимия Одената и царицы Зенобии²⁵. Флавий Вописк пишет, что пальмирцы, подняв восстание против римлян в 273 г., «вручили власть неко-

²³ Геренниан отождествляется с Септимием Хайраном, сыном царя Септимия Одената от первого брака (SHA. Trig. tyr. XVI, 1) и его соправителем (SHA. Trig. tyr. XV, 5; Gallien. XIII, 1). Хайран упоминается в одной пальмирской надписи как Геродиан (греческий вариант его имени): Σεπτίμιο Ἡρώδ[ι]α νό (IGR. III. 1032), а также в семитских надписях с титулом *mlk mlk'* = Βασιλέως Βασιλέων (CIS. II. 3946). Соответственно, Тимолай отождествляется с Вабаллатом.

²⁴ Emmett 2001, № 3910.

²⁵ Jones, Martindale, Morris 1971, 71, 73.

ему Ахиллу, родственнику Зенобии» (SHA. Aurel. XXXI, 2); Зосим называет его Антиохом (Zosim. Hist. Nova. I, 60). Одна из пальмирских надписей ок. 267/272 гг. свидетельствует: βασιλέως [Σεπτί]μ[ίου] Ἀντ[ι]όχου (IGR. III. 1029 = OGIS. II. 650 = IGLS. III. 6049).

7/2. Liberi Septimii, дочери царя Септимия Одената и царицы Зенобии; упоминаются в труде Иоанна Зонары, который пишет, что император Аврелиан женился на одной из них²⁶, а другие вышли замуж за римских нобилей (Zonar. Epit. Hist. XII, 27).

I-е ПОКОЛЕНИЕ

Луция Септимия Патавиниана Бальбилла Турия Непотилла Оденатиана. Потомки царицы Зенобии, предположительно от второго брака с римским аристократом сенаторского ранга (Zonar. Epit. Hist. XII, 27; Syncell. Chron. V, 306)²⁷, принадлежали к римской аристократии, как повествует Флавий Евтропий (Eutrop. Brev. IX, 13, 2), и были известны на протяжении III–IV вв.: «Еще и теперь среди римской знати имеются потомки Зенобии» – *Zenobiae posterī etiam nunc Romae inter nobiles manent* (SHA. Trig. tyr. XXVII, 2). Наличие римского потомства Зенобии подтверждается эпиграфикой, в надписи из Рима IV в. упоминается *clarissima puella* Оденатиана: *L(uciae) Septimiae Pata|biniane Balbil|l(a)e Tyriae | Nepotill(a)e Odae|nathianae c(larissimae) p(uellae) | Aur(elia) Publiana | Elpidia nutrix | patronae dulcis|sim(a)e et amantissi|mae feliciter* (CIL. VI. 1516 = ILS. I. 1202). Также известна надпись из провинции *Africa Proconsularis*, вероятно, с именами ее родственников и предков: *In [---] | [He]renni(a)e Clea[---] | [---]ucchi Patav[---] | [---] et Septimiae Odo[nathianae] | et filiorum e[us ---]* (CIL. VIII. 981).

I-f ПОКОЛЕНИЕ

1. Оденат, потомок царя Пальмиры Септимия Одената; известен по упоминанию своего сына (см. далее).

II-f ПОКОЛЕНИЕ

2/1. Эвсебий²⁸, сын Одената; упоминается в письмах философа Либания (391–393 гг.), который называет его потомком царя Пальмиры Септимия Одената (Lib. Epist. 1006; 1078).

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
 Мушмов, Н.А. 1912: *Античные монеты на Балканский полуостров и монетите на българските царе*. София.
 Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.)*. Ч. I. *Монетное дело Боспора 49/48 г. до н. э. – 210/211 г. н. э.* М.

²⁶ Это не соответствует действительности; известна супруга Аврелиана Ульпия Северина, потомок принцепса Траяна (SHA. Aurel. X, 2).

²⁷ Требеллий Поллион отмечает, что Зенобия жила в Италии «вместе с детьми» (SHA. Trig. tyr. XXX, 27).

²⁸ Jones, Martindale, Morris 1971, 306.

- Фролова, Н.А., Абрамзон, М.Г. 2001: *Римские монеты в собрании Государственного исторического музея: Каталог. Ч. II: Ранняя империя. От Августа до Коммода*. М.
- Юркуова, Й.Н. 1992: *Монетите на тракийските племена и владетели*. София.
- Aulock von, H. (ed.) 1987: *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung von Aulock. Vol. III: Ht. 12: Pisidien, Lycaonien, Isaurien; Ht. 13: Kilikien; Ht. 14: Galatien, Kappadokien, Kaiserzeitliche Kistophoren, Posthume Lysimachus und Alexander Tetradrachmen, Incerti*. West Milford– New Jersey.
- Burnett, A., Amandry, M., Ripollès, P.P. (ed.) 1998: *Roman Provincial Coinage. Vol. I: From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 B.C. – A.D. 69)*. L. – Paris.
- Cagnat, R., Lafaye, G. (ed.) 1906: *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*. T. III. Paris.
- Calicó, X. 2003: *The Roman Avrei: Catalogue. Vol. I: From the Republic to Pertinax, 196 B.C. – 193 A.D.* Barcelona.
- Calicó, X. 2003: *The Roman Avrei: Catalogue. Vol. II: From Didius Julianus to Constantine I, 193 A.D. – 335 A.D.* Barcelona.
- Cohen, M. 1880–1892: *Description historique des monnaies frappées sous l'empire Romain*. T. I. T. VI. Paris.
- Crawford, M.H. (ed.) 1974: *Roman Republican Coinage*. Vol. II. Cambridge.
- Dattari, G. 1901: *Numi Augg. Alexandrini*. Cairo.
- Dessau, H. (ed.) 1887: *Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. XIV: Inscriptiones Latii Veteris Latinae*. Berolini.
- Dessau, H. (ed.) 1892 – 1916: *ILS*. Vol. I. – Vol. III. Berolini.
- Dittenberger, G. (ed.) 1878: *Corpus Inscriptionum Atticarum. Vol. III: Inscriptiones Atticae aetatis Romanae. Pars I: Decreta senatus populi Atheniensium etc. Addenda et corrigenda*. Berolini.
- Dittenberger, G. (ed.) 1903–1905: *OGIS. Supplementum Sylloges Inscriptionum Graecarum*. Vol. 2. Lipsiae.
- Dittenberger, G. (ed.) 1917: *Sylloge Inscriptionum Graecarum (Ed. 3)*. Vol. II. Lipsiae.
- Emmett, K. 2001: *Alexandrian Coins*. Lodi–Wisconsin.
- Grueber, H.A. 1910: *Coins of the Roman Republic in the British Museum. Vol. II: Coinages of Rome (continued), Roman Campania, Italy, the social war, and the provinces*. L.
- Head, B.V. 1892: *Catalogue of the Greek coins of Ionia*. L.
- Henzen, G. (ed.) 1872: *EE. Corporis Inscriptionum Latinarum supplementum*. Vol. I. Berolini.
- Henzen, G. (ed.) 1875: *EE. Corporis Inscriptionum Latinarum supplementum*. Vol. II. Berolini.
- Henzen, G., Huelsen, Chr., Mommsen, Th. (ed.) 1893: *CIL. Vol. I: Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem. Pars I: Fasti consulares ad a. u. c. DCCLXVI. Elogia clarorum virorum. Fasti anni Iuliani*. Berolini.
- Henzen, G., de Rossi, B. I. (ed.) 1876: *CIL. Vol. VI: Inscriptiones urbis Romae Latinae. Pars I: Inscriptiones sacrae. Inscriptiones Augustorum domusque Augustae. Inscriptiones magistratuum publicorum populi Romani. Fasti acta tituli sacerdotum publicorum populi Romani. Latercula et tituli militum*. Berolini.
- Hirschfeld, O. (ed.) 1888: *CIL. Vol. XII: Inscriptiones Galliae Narbonensis Latinae*. Berolini.
- Hirschfeld, O. (ed.) 1899: *CIL. Vol. XIII Inscriptiones trium Galliarum et Germaniarum Latinae. Pars I, fasc. 1: Inscriptiones Aquitaniae et Lugudunensis*. Berolini.
- Hübner, Aem. (ed.) 1869: *CIL. Vol. II: Inscriptiones Hispaniae Latinae*. Berolini.
- Hübner, Aem. (ed.) 1873: *CIL. Vol. VII: Inscriptiones Britanniae Latinae*. Berolini.

- Hübner, Aem. (ed.) 1885: *Exempla scripturae epigraphicae Latinae a Caesaris dictatoris morte ad aetatem Iustiniani*. Berolini.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. 1971: *The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I: A.D. 260–395*. Cambridge.
- Lafaye, G. (ed.) 1927: *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*. T. IV. Paris.
- Mancini, I. (ed.) 1952: *Inscriptiones Italiae. Vol. IV: Regio IV, fasc. 1: Tibur*. Roma.
- Mattingly, H. (ed.) 1965: *Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. I: Augustus to Vitellius, 31 B.C. – A.D. 69*. L.
- Mattingly, H., Sydenham, E.A. (ed.) 1930: *RIC. Vol. III: Antoninus Pius to Commodus*. L.
- Mattingly, H., Sydenham, E.A., Webb, P. H. (ed.) 1933: *RIC. Vol. V. Part 2*. L.
- Mazard, J. 1955: *Corpus Nummorum Numidiae Mauretaniaeque*. Paris.
- Meshorer, Y. 1982: *Ancient Jewish Coinage. Vol. II: Herod the Great through Bar Cochba*. New York.
- Mikhailov, G. (ed.) 1958: *Inscriptiones Graecii in Bulgaria Repertae. Vol. I: Inscriptiones orae Ponti Euxini*. Serdicae.
- Mommsen, Th. (ed.) 1872: *CIL. Vol. V: Inscriptiones Galliae Cisalpinae Latinae. Pars I: Inscriptiones regionis Italiae decimae*. Berolini.
- Mommsen, Th. (ed.) 1873: *CIL. Vol. III: Inscriptiones Asiae, provinciarum Europae Graecarum, Illyrici Latinae. Pars I: Inscriptiones Aegypti et Asiae. Inscriptiones provinciarum Europae Graecarum. Inscriptionum Illyrici partes I–V*. Berolini.
- Mommsen, Th. (ed.) 1883: *CIL. Vol. X: Inscriptiones Bruttiorum, Lucaniae, Campaniae, Siciliae, Sardiniae Latinae. Pars I*. Berolini.
- Mommsen, Th. (ed.) 1892: *EE. Corporis Inscriptionum Latinarum supplementum*. Vol. VII. Berolini.
- Mommsen, Th. (ed.) 1913: *EE. Corporis Inscriptionum Latinarum supplementum*. Vol. IX. Berolini.
- Poole, R.S. (ed.) 1877: *Catalogue of Greek coins. The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace, &c.* L.
- Poole, R.S. 1892: *Catalogue of the coins of Alexandria and the nomes*. L.
- Rey-Coquais, J.-P. (ed.) 1967: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie. T. VI. Baalbek et Beqa'*. Paris.
- Seaby, H.A. 1979: *Roman Silver Coins. Vol. II: Tiberius to Commodus*. L.
- Sear, D.R. 1982: *Greek Imperial Coins and their values. The local coinages of the Roman Empire*. L.
- Sear, D.R. 2000: *Roman Coins and their values. Vol. I: The Republic and the Twelve Caesars, 280 B.C. – A.D. 96*. L.
- Sear, D.R. 2002: *Roman Coins and their values. Vol. II: The Accession of Nerva to the overthrow of the Severan Dynasty, A.D. 96 – A.D. 235*. L.
- Sellwood, D. 1980: *An Introduction to the Coinage of Parthia*. L.
- Stancomb, W.M. (ed.) 2000: *Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. XI: The William Stancomb collection of coins of the Black Sea Region*. L.
- Sutherland, C.H.V. (ed.) 1984: *The Roman Imperial Coinage. Vol. I: From 31 B.C. to A.D. 69*. L.
- Sydenham, E.A. 1952: *The coinage of the Roman Republic*. L.
- Sylloge Nummorum Graecorum* 1969: *The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum. Pt. 42: North Africa. Syrtica – Mauretania*. Copenhagen.
- Syme, R. 1986: *The Augustan Aristocracy*. Oxford.
- Waddington, W. H. 1904: *Recueil général des monnaies Grecques d'Asie Mineure. T. I. Fasc. 1: Pont et Paphlagonie*. Paris.

- Wilmanns, G. (ed.) 1881: *CIL. Vol. VIII: Inscriptiones Africae Latinae. Pars II: Inscriptiones Mauretianarum*. Berolini.
- Wilmanns, G. (ed.) 1873: *Exempla Inscriptionum Latinarum*. T. I. Berolini.
- Wroth, W.W. 1886: *Catalogue of the Greek coins of Crete and the Aegean Islands*. L.
- Wroth, W.W. 1889: *Catalogue of Greek coins. Pontus, Paphlagonia, Bithynia, and the Kingdom of Bosphorus*. L.
- Wroth, W.W. 1892: *Catalogue of the Greek coins of Mysia*. L.
- Wroth, W.W. 1894: *Catalogue of the Greek coins of Troas, Aeolis, and Lesbos*. L.
- Wroth, W.W. 1899: *Catalogue of the Greek coins of Galatia, Cappadocia, and Syria*. L.
- Wroth, W.W. 1903: *Catalogue of the coins of Parthia*. L.
- Zangemeister, C. (ed.) 1871: *CIL. Vol. IV: Inscriptiones parietariae Pompeianae, Herculenses, Stabianae*. Berolini.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora*. Kiev.
- Aulock von, H. (ed.) 1987: *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung von Aulock. Vol. III: Ht. 12: Pisidien, Lycaonien, Isaurien; Ht. 13: Kilikien; Ht. 14: Galatien, Kappadokien, Kaiserzeitliche Kistophoren, Posthume Lysimachus und Alexander Tetradrachmen, Incerti*. West Milford– New Jersey.
- Burnett, A., Amandry, M., Ripollès, P.P. (ed.) 1998: *Roman Provincial Coinage. Vol. I: From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 B.C. – A.D. 69)*. L. – Paris.
- Cagnat, R., Lafaye, G. (ed.) 1906: *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*. T. III. Paris.
- Calicó, X. 2003: *The Roman Avrei: Catalogue. Vol. I: From the Republic to Pertinax, 196 B.C. – 193 A.D.* Barcelona.
- Calicó, X. 2003: *The Roman Avrei: Catalogue. Vol. II: From Didius Julianus to Constantinus I, 193 A.D. – 335 A.D.* Barcelona.
- Cohen, M. 1880–1892: *Description historique des monnaies frappées sous l'empire Romain*. T. I. T. VI. Paris.
- Crawford, M.H. (ed.) 1974: *Roman Republican Coinage*. Vol. II. Cambridge.
- Dattari, G. 1901: *Numi Augg. Alexandrini*. Cairo.
- Dessau, H. (ed.) 1887: *Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. XIV: Inscriptiones Latii Veteris Latinae*. Berolini.
- Dessau, H. (ed.) 1892 – 1916: *ILS. Vol. I. – Vol. III*. Berolini.
- Dittenberger, G. (ed.) 1878: *Corpus Inscriptionum Atticarum. Vol. III: Inscriptiones Atticae aetatis Romanae. Pars I: Decreta senatus populiue Atheniensium etc. Addenda et corrigenda*. Berolini.
- Dittenberger, G. (ed.) 1903: *OGIS. Supplementum Sylloges Inscriptionum Graecarum*. Vol. 1. Lipsiae.
- Dittenberger, G. (ed.) 1905: *OGIS. Supplementum Sylloges Inscriptionum Graecarum*. Vol. 2. Lipsiae.
- Dittenberger, G. (ed.) 1917: *Sylloge Inscriptionum Graecarum (Ed. 3)*. Vol. II. Lipsiae.
- Emmett, K. 2001: *Alexandrian Coins*. Lodi–Wisconsin.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n. e. – seredina IV v. n. e.)*. Ch. I. *Monetnoe delo Bospora 49/48 g. do n. e. – 210/211 g. n. e.* Moscow.
- Frolova, N. A., Abramzon, M. G. 2001: *Rimskie monety v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya: Katalog. Ch. II: Rannaya imperiya. Ot Avgusta do Kommoda*. Moscow.
- Grueber, H.A. 1910: *Coins of the Roman Republic in the British Museum. Vol. II: Coinages of Rome (continued), Roman Campania, Italy, the social war, and the provinces*. L.

- Head, B.V. 1892: *Catalogue of the Greek coins of Ionia*. L.
- Henzen, G. (ed.) 1872: *EE. Corporis Inscriptionum Latinarum supplementum*. Vol. I. Berolini.
- Henzen, G. (ed.) 1875: *EE. Corporis Inscriptionum Latinarum supplementum*. Vol. II. Berolini.
- Henzen, G., de Rossi, B. I. (ed.) 1876: *CIL. Vol. VI: Inscriptiones urbis Romae Latinae. Pars I: Inscriptiones sacrae. Inscriptiones Augustorum domusque Augustae. Inscriptiones magistratuum publicorum populi Romani. Fasti acta tituli sacerdotum publicorum populi Romani. Latercula et tituli militum*. Berolini.
- Henzen, G., Huelsen, Chr., Mommsen, Th. (ed.) 1893: *CIL. Vol. I: Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem. Pars I: Fasti consulares ad a. u. c. DCCLXVI. Elogia clarorum virorum. Fasti anni Iuliani*. Berolini.
- Hirschfeld, O. (ed.) 1888: *CIL. Vol. XII: Inscriptiones Galliae Narbonensis Latinae*. Berolini.
- Hirschfeld, O. (ed.) 1899: *CIL. Vol. XIII Inscriptiones trium Galliarum et Germaniarum Latinae. Pars I, fasc. 1: Inscriptiones Aquitaniae et Lugudunensis*. Berolini.
- Hübner, Aem. (ed.) 1869: *CIL. Vol. II: Inscriptiones Hispaniae Latinae*. Berolini.
- Hübner, Aem. (ed.) 1873: *CIL. Vol. VII: Inscriptiones Britanniae Latinae*. Berolini.
- Hübner, Aem. (ed.) 1885: *Exempla scripturae epigraphicae Latinae a Caesaris dictatoris morte ad aetatem Iustiniani*. Berolini.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. 1971: *The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I: A.D. 260–395*. Cambridge.
- Lafaye, G. (ed.) 1927: *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*. T. IV. Paris.
- Mancini, I. (ed.) 1952: *Inscriptiones Italiae. Vol. IV: Regio IV, fasc. 1: Tibur*. Roma.
- Mattingly, H. (ed.) 1965: *Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. I: Augustus to Vitellius, 31 B.C. – A.D. 69*. L.
- Mattingly, H., Sydenham, E.A. (ed.) 1930: *RIC. Vol. III: Antoninus Pius to Commodus*. L.
- Mattingly, H., Sydenham, E.A., Webb, P. H. (ed.) 1933: *RIC. Vol. V. Part 2*. L.
- Mazard, J. 1955: *Corpus Nummorum Numidiae Mauretaniaeque*. Paris.
- Meshorer, Y. 1982: *Ancient Jewish Coinage. Vol. II: Herod the Great through Bar Cochba*. New York.
- Mikhailov, G. (ed.) 1958: *Inscriptiones Graecii in Bulgaria Repertae. Vol. I: Inscriptiones orae Ponti Euxini*. Serdicae.
- Mommsen, Th. (ed.) 1872: *CIL. Vol. V: Inscriptiones Galliae Cisalpinae Latinae. Pars I: Inscriptiones regionis Italiae decimae*. Berolini.
- Mommsen, Th. (ed.) 1873: *CIL. Vol. III: Inscriptiones Asiae, provinciarum Europae Graecarum, Illyrici Latinae. Pars I: Inscriptiones Aegypti et Asiae. Inscriptiones provinciarum Europae Graecarum. Inscriptionum Illyrici partes I–V*. Berolini.
- Mommsen, Th. (ed.) 1883: *CIL. Vol. X: Inscriptiones Bruttiorum, Lucaniae, Campaniae, Siciliae, Sardiniae Latinae. Pars I*. Berolini.
- Mommsen, Th. (ed.) 1892: *EE. Corporis Inscriptionum Latinarum supplementum*. Vol. VII. Berolini.
- Mommsen, Th. (ed.) 1913: *EE. Corporis Inscriptionum Latinarum supplementum*. Vol. IX. Berolini.
- Mushmov, N.A. 1912: *Antichnite moneti na Balkanskiya poluoostrov i monetite na belgarskite tsare*. Sofiya.
- Poole, R.S. (ed.) 1877: *Catalogue of Greek coins. The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace, &c.* L.
- Poole, R.S. 1892: *Catalogue of the coins of Alexandria and the nomes*. L.

- Rey-Coquais, J.-P. (ed.) 1967: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie. T. VI. Baalbek et Beqa'*. Paris.
- Seaby, H.A. 1979: *Roman Silver Coins. Vol. II: Tiberius to Commodus*. L.
- Sear, D.R. 1982: *Greek Imperial Coins and their values. The local coinages of the Roman Empire*. L.
- Sear, D.R. 2000: *Roman Coins and their values. Vol. I: The Republic and the Twelve Caesars, 280 B.C. – A.D. 96*. L.
- Sear, D.R. 2002: *Roman Coins and their values. Vol. II: The Accession of Nerva to the overthrow of the Severan Dynasty, A.D. 96 – A.D. 235*. L.
- Sellwood, D. 1980: *An Introduction to the Coinage of Parthia*. L.
- Stancomb, W.M. (ed.) 2000: *Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. XI: The William Stancomb collection of coins of the Black Sea Region*. L.
- Sutherland, C.H.V. (ed.) 1984: *The Roman Imperial Coinage. Vol. I: From 31 B.C. to A.D. 69*. L.
- Sydenham, E.A. 1952: *The coinage of the Roman Republic*. L.
- Sylloge Nummorum Graecorum* 1969: *The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum. Pt. 42: North Africa. Syrtica – Mauretania*. Copenhagen.
- Syme, R. 1986: *The Augustan Aristocracy*. Oxford.
- Waddington, W. H. 1904: *Recueil général des monnaies Grecques d'Asie Mineure. T. I. Fasc. I: Pont et Paphlagonie*. Paris.
- Wilmanns, G. (ed.) 1873: *Exempla Inscriptionum Latinarum. T. I. Berolini*.
- Wilmanns, G. (ed.) 1881: *CIL. Vol. VIII: Inscriptiones Africae Latinae. Pars II: Inscriptiones Mauretianarum. Berolini*.
- Wroth, W.W. 1886: *Catalogue of the Greek coins of Crete and the Aegean Islands*. L.
- Wroth, W.W. 1889: *Catalogue of Greek coins. Pontus, Paphlagonia, Bithynia, and the Kingdom of Bosphorus*. L.
- Wroth, W.W. 1892: *Catalogue of the Greek coins of Mysia*. L.
- Wroth, W.W. 1894: *Catalogue of the Greek coins of Troas, Aeolis, and Lesbos*. L.
- Wroth, W.W. 1899: *Catalogue of the Greek coins of Galatia, Cappadocia, and Syria*. L.
- Wroth, W.W. 1903: *Catalogue of the coins of Parthia*. L.
- Yurukova, Y.N. 1992: *Monetite na trakiyskite plemena i vladeteli*. Sofiya.
- Zangemeister, C. (ed.) 1871: *CIL. Vol. IV: Inscriptiones parietariae Pompeianae, Herculenses, Stabianae. Berolini*.

GENEALOGY OF DESCENDANTS OF THE TRIUMVIR MARK ANTONY: EVIDENCES EPIGRAPHIC AND NUMISMATIC

Alexander G. Karavaev

Moscow City University, Russia,
karavaev488@mail.ru

Abstract. The article provides a reconstruction of the recurrent genealogy of the consul and triumvir of the Roman Republic Mark Antony's descendants. The genealogy is presented in the form of a genealogical list. It includes all known descendants of the triumvir during the 1st – 4th centuries AD by the ancient testimonies – the princeps of Rome (the Julio-Claudian and Severan dynasties), the highest Roman magistrates – representatives of the Roman nobility

families of the Late Republic and the Principate (Antonii, Claudii Nero, Domitii Ahenobarbi, Galerii, Valerii Messallae, Cornelii Sullae, Rubellii, Octavii Laenasi, Junii, etc.), client rulers of the vassal and incorporated states into the Roman Empire of the Mediterranean Hellenistic and after-Hellenistic periods (Polemonid dynasty of the Pontus, Bosphorus, Greater Armenia, Lesser Armenia, Olba (Cilicia Trachea), the Ptolemies of Egypt, Masinissid dynasty of Mauretania, Sapey dynasty of Thrace, Sampsiceramid dynasty of Emesa, Hairanid dynasty of Palmyra, family of Pythodoros). The research is based on the analysis of the ancient sources containing the prosopographical information. In particular, in addition to narrative material the epigraphic and numismatic sources (Latin and Greek inscriptions of the city of Rome, provinces of the Roman Empire, Eastern States; Roman and provincial coins) are highlighted. A study of this kind in the domestic investigations has been carried out for the first time.

Key words: The Roman Empire, Mark Antony, Principate, Julio–Claudian dynasty, client kings (*amici populi Romani*), genealogy, epigraphy, numismatics

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 136–149
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 136–149
© Автор(ы) 2016

АВГУСТ И ПАРФЯНСКИЕ ЗАЛОЖНИКИ В РИМЕ

А.Р. Панов

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород,
panov_alexandr@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются сведения источников об отправке парфянским царем Фраатом IV своих сыновей в Рим в конце I в. до н.э. Основное внимание уделяется двум проблемам, связанным с этим событием. Во-первых, относительно мотивации Фраата IV античные авторы приводят различные объяснения: желание закрепить дружественные отношения с Римом (так представляет дело сам Август) или угроза оппозиции со стороны наследников и желание обезопасить себя от их возможных выступлений. Последняя интерпретация выглядит убедительней, поскольку подтверждается свидетельствами Страбона, Иосифа Флавия и Тацита, данные которых более надежны и менее субъективны, чем самовосхваления Августа и сведения поздних авторов (Светоний, Юстин, Орозий). Во-вторых, статус парфянских царевичей определяется в большинстве источников как «заложники», с чем можно согласиться, учитывая достаточно широкое употребление этого понятия в римской внешнеполитической практике. По мнению автора, имеющиеся данные источников позволяют полагать, что Фраат удалил наследников по собственной инициативе, для решения внутренних проблем – а именно, чтобы обезопасить себя против властных устремлений сыновей. Август же использовал парфянских царевичей

Панов Александр Ростиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: panov_alexandr@mail.ru

в собственных интересах, объяснив намерения Фраата как желание закрепить дружбу с императором. Тем самым, данный исторический эпизод показателен как пример различия в восприятии одного и того же события разными сторонами: то, что парфянский царь оценивал как обеспечение прочности своего режима, Август преподнес согражданам как символ признания парфянами превосходства Рима.

Key words: Emperor Augustus, Phraates IV, Roman–Parthian relations

Одним из наиболее значимых событий в истории римско-парфянских отношений периода принципата Августа, наряду с заключением договора 20 г. до н.э., стала отправка парфянским царем Фраатом IV членов своей семьи в Рим. Данное решение и его последствия сразу стали восприниматься римлянами как определяющие для оценки статуса Парфии в системе внешнеполитических связей Римской империи, и важность этого события демонстрируется уже тем, что император счел нужным упомянуть о нем в перечне своих деяний и его словам вторят как современные, так и более поздние историки.

Автор «*Res Gestae Divi Augustae*» отзывается об этом следующим образом: «Ко мне парфянский царь Фраат, сын Орода, всех своих сыновей и внуков послал в Италию не потому, что был побежден в войне, но добиваясь нашей дружбы залогом своих детей (*ad me rex Parthorum Phrates Orodus filius filios suos nepotesque omnes misit in Italiam non bello superatus, sed amicitiam nostram per liberorum suorum pignora petens*)» (32, 2). Ключевым понятием в приведенном пассаже является «дружба», стремление к которой и подается в качестве мотивировки Фраата IV. Для римлян «дружба», как правило фиксировавшаяся в виде формального договора, была стандартной формой урегулирования отношений с другими государствами, и общей тенденцией по мере успешного развития экспансии было понижения статуса «друзей», так что *amicitia* в изначальном смысле как результат невраждебных связей уже во II в. до н.э. превращается в эвфемизм клиентелы¹. Тем самым с римской точки зрения парфяне, обращавшиеся с просьбами о дружбе с Римом, в полной мере выражали этим свое подчиненное положение. Примечательно, что Август трижды говорит о таких парфянских обращениях, причем в каждом случае используемые формулировки не допускают иного понимания, кроме как заискивание парфян перед римлянами. Кроме эпизода с детьми и внуками Фраата IV, в «Деяниях божественного Августа» говорится о договоре, по которому парфяне вернули военное снаряжение и значки римских войск (29, 2), а также приводится перечень правителей, обращавшихся к императору, среди которых фигурирует и парфянский царь (32, 1), и оба раза парфяне обозначены как «умоляющие (*supplices*)» римлян.

Безусловно, Август, признаваемый современными исследователями в качестве мастера политической пропаганды, сумевшего, насколько это было возможно, сгладить противоречия между монархическими основами нового государственного строя и сохранившейся в общественном сознании ориентации на традиционные республиканские ценности, большое значение придавал и прославлению своих внешнеполитических побед: его пропаганда, использовавшая различные средства (монетные типы, поэтические образы, триумфальные процессии и т.п.)

¹ Кашеев 1993, 227–228.

была нацелена на возвеличивание военных успехов². Для населения Рима успешность во внешнеполитической сфере была одним из важнейших показателей могущества и процветания империи, и Август и его преемники должны были соответствовать общественным ожиданиям, военными и дипломатическими путями расширяя римское влияние. В публичном восприятии политика Августа должна была выглядеть динамичной и успешной, и упор на репутацию был неуклонен³.

При этом умелая пропаганда была способна не только приукрасить действительные достижения, но и создать их видимость в случае нехватки реальных оснований для празднования побед. Манипулируя образами тех или иных внешнеполитических событий, принцепсы создавали себе ореол выдающихся полководцев и дипломатов, что далеко не всегда являлось отражением действительности. Одним из примеров подобного несоответствия можно считать поведение Нерона в ходе римско-армянского конфликта: бесславное завершение военной кампании и признание парфянского царевича Тиридата в качестве царя Великой Армении тем не менее были преподнесены римскому населению как грандиозная победа, основанием для чего стал шумно разрекламированный визит Тиридата в Рим, где император увенчал его диадемой⁴.

Хотя, в отличие от Нерона, Август имел на своем счету бесспорные победы, он широко прибегал к своеобразному мифотворчеству, внедряя в умы римлян нужные ему образы и идеи, так что пропаганда нередко значила больше, чем материальные достижения⁵. Есть основания утверждать, что основной целью Августа применительно к внешнеполитической сфере было создание в массовом сознании иллюзию покорения всего обитаемого мира, который для римлян совпадал со Средиземноморьем⁶, и роль символов в вопросе преодолении разрыва между претензиями на мировое господство и действительностью была особенно велика⁷.

Значение Парфии в создаваемой Августом картине *orbis terrarum* под властью Рима было первостепенно с учетом того, что предшествующие попытки покорения парфян не увенчались успехом: походы Красса и М. Антония оказались провальными, а грандиозный парфянский поход Цезаря не был осуществлен. Очевидно, что в этих условиях Август сделал осознанную ставку на дипломатические усилия, которые оказались вполне эффективны, и их плоды были дополнены пропагандистскими мерами. По мнению В.Н. Парфенова, для убеждения, что весь мир и без парфянской войны склонился перед римской властью, Август провел вместо войны долговременную кампанию по дезинформации, заключительным аккордом которой и стало соглашение 20 г. до н.э.⁸ К этому можно лишь добавить, что и после 20 г. до н.э. император продолжал прибегать к подобным мерам, примером чего является анализируемый эпизод. В понимании Августа передача Фраатом его детей и внуков была формой залога для подкрепления дружбы с Римом, и поскольку ответной меры с римской стороны ожидать не приходилось, то тем самым парфянский царь добровольно признавал свое прижатое положение.

² Gruen 1996, 188–190.

³ Gruen 1996, 196–197.

⁴ Подробнее см.: Панов 2008, 282–285.

⁵ Gruen 1996, 174.

⁶ Парфенов 2001, 48; Nicolet 1991, 111.

⁷ Sommer 2014, 147–148.

⁸ Парфенов 1997, 83.

Используемая Августом словесная форма позволяет предположить, что он изображал полученных парфян как своеобразный залог римско-парфянского соглашения. К примеру, в подобном же значении слово «*pignus*» неоднократно использует современник Августа Ливий: Клелия как залог мира (*pignus pacis*) (II, 13, 9), римские всадники – заложники мира (*pignora pacis*) с самнитами (IX, 15, 7), заложники, собранные Ганнибалом со всей Испании (XXII, 22, 4–5), галлы-бойи, служившие залогом будущего мира (*pacis futurae pignus*) (XXXVI, 40, 3), предложение Антиоху дать заложников для закрепления договора (XXXVII, 45, 16), Деметрий, отправленный в Рим и являвшийся залогом мира (*pacis pignus*) (XL, 15, 8). Особо стоит выделить эпизод встречи римского посла Квинта Марция с македонским царем Персеем: последний предоставил заложников, причем, по словам Ливия, «заложников потребовали не столько ради обеспечения безопасности, сколько с целью показать..., что встреча царя с послами происходит далеко не на равных» (XLII, 39, 7). Таким образом, для римских авторов естественнее всего было связывать заложников с заключением договора, причем уже в период средней Республики это условие становится односторонним применительно к римским контрагентам, что должно было подчеркивать превосходство Рима. Возвращаясь к римско-парфянским отношениям, нельзя не отметить, что Август сам признает, что Фраат не был принужден к выдаче членов своей семьи поражением, и, очевидно, имелся определенный временной разрыв между выдачей парфянским царем военных знаков и передачей его сыновей римлянам.

Основным датировочным указателем последнего события является ссылка Страбона на наместника Сирия М. Тития, который и принимал парфян. К сожалению, точные временные рамки пребывания Тития в Сирии не установлены, что и породило дискуссионность в этом вопросе. Более традиционная дата – рубеж предпоследнего и последнего десятилетий I в. до н.э., а именно 10 г. до н.э.⁹ С другой стороны, высказываются предположения, что наместничество Тития продолжалось долго, возможно будучи двойным, и ряд историков склонны помещать передачу парфянских царевичей римлянам на более раннее время, ближе к 20 г. до н.э.,¹⁰ хотя и при этом мало кто сомневается в том, что соглашение, сопровождавшееся возвращением знамен и пленников, и распоряжение Фраата членами своей семьи – разновременные события. Сопоставляя точки зрения, можно заметить, что ранняя датировка в меньшей степени основывается на известных фактах и потому более уязвима¹¹.

С учетом того, что переговоры между императором и парфянским царем на тему урегулирования отношений велись несколько лет, пункт о выдаче заложни-

⁹ Debevoise 1938, 143; Головкин 1962, 126; Бокщанин 1966, 164; Schippmann 1980, 47; Gruen 1996, 160. Более позднюю дату (8 г. до н.э.) предложил Т. Моммзен (Mommsen 1865, 94), но его точка зрения не получила поддержки.

¹⁰ Две специальные работы, посвященные вопросу о времени пребывания М. Тития в Сирии, появились почти одновременно, в 30-е гг.: Т. Корбишли предполагает, что на встрече с Фраатом М. Титий мог выступать как заместитель Агриппы и это произошло как можно раньше, ближе к 20 г. до н.э. (Corbishley 1934, 48–49); по мнению Л. Росс Тейлор, Титий действовал самостоятельно, в роли наместника Сирии, но тоже в 20–19 гг. до н.э., вскоре после римско-парфянского соглашения (Ross Taylor 1936, 171–172). Аналогичным образом к датировке встречи Фраата с Титием подходит и Ч.Б. Роуз (Rose 2005, 37).

¹¹ Подробнее см.: Панов 2015, 105–108.

ков как условия достижения соглашения был бы выполнен в момент оформления договора, однако этого не произошло, что делает связь между этими событиями отнюдь не очевидной. Более того, известно, что еще ранее в руках у Августа находился парфянский царевич, один из сыновей Фраата, – его увез с собой Тиридат, организовавший выступление в Парфии, а затем бежавший к римлянам (Dio Cass. LI, 18, 3). Фраат обратился к императору с просьбой вернуть сына, что и было сделано, причем Август отправил царевича домой с условием, что «пленники и военные знамена будут возвращены» (Dio Cass. LIII, 33, 1). При таком раскладе событий было бы весьма странно, что римляне сначала отпускают заложника в обмен на заключение договора и затем требуют новых, чтобы его закрепить. Тем самым, объективно нет оснований воспринимать детей Фраата IV как обеспечение действительности договора.

Еще один современник событий, Страбон, дважды упоминает о Фраате, и даваемые им оценки произошедшего несколько отличаются друг от друга¹². Сначала, в контексте рассуждений о владычестве римлян над другими народами, автор «Географии» пишет, что парфяне настолько склонились перед превосходством римлян, что не только отослали в Рим трофеи, некогда поставленные ими в знак победы над римлянами, но «Фраат вверил Августу Цезарю детей и детей детей, почтительно обеспечив выдачей заложников дружбу с Августом (καὶ παῖδας ἐπίστευσε Φραάτης τῷ Σεβαστῷ Καίσαρι καὶ παίδων παῖδας ἐξομνηρευσάμενος θεραπευτικῶς τὴν φιλίαν)» (VI, 4, 2). Данный фрагмент напоминает кальку с уже цитировавшегося места из автобиографической надписи Августа – настолько близки они друг к другу по стилю.

Однако ниже, в разделе, посвященном восточным землям, Страбон приводит более подробные и более оригинальные сведения (XVI, 1, 28). Здесь он также пишет о стремлении Фраата к дружбе с Августом, но привязывает это только к одному факту – возвращению трофеев, т.е. речь идет о договоре 20 г. до н.э. Далее следует описание передачи детей и внуков Фраата: «Пригласив для переговоров тогдашнего префекта Сирии Тития, Фраат выдал ему в качестве заложников (ὄμηρα) четырех своих законных сыновей: Сераспадана, Родаспа, Фраата и Вонона с двумя женами и четырьмя их сыновьями; [сделал он это] из страха возмущения и покушений. Парфянский царь понимал, что никто самостоятельно не сможет успешно бороться с ним без помощи кого-нибудь из рода Аршакидов, так как парфяне исключительно преданы этому роду. Поэтому, удалив своих сыновей, он стремился отнять эту надежду у людей, злоумышлявших против него». В данном фрагменте акценты значительно смещены и побудительным фактором выступает не стремление Фраата находиться в дружбе с императором, а желание обезопасить себя от внутренних усобиц.

Очевидно, что первый пассаж Страбона, если и не прямо скопирован с надписи Августа, является отражением той версии событий, которую императорская пропаганда стремилась закрепить в качестве официальной. С уверенностью можно сказать, что это более поздняя вставка, поскольку в заключительной фразе в качестве правящего императора представлен Тиберий. Общая канва рассуждений Страбона целиком согласуется с содержанием внешнеполитического раздела

¹² На это уже обращалось внимание в исследовательской литературе: Drijvers 1998, 289.

«Деяний божественного Августа»: оба текста излучают уверенность, что власти римлян подчинен практически весь обитаемый мир, так что есть основания именовать Страбона «теоретиком социально-политической идеи мирового господства римлян»¹³. Поэтому в данном случае оценки автора «Географии» можно считать во многом идеологизированными. С другой стороны, второе описание более детализировано и тематически располагается в нужном месте в соответствии с общей структурой работы Страбона, который, надо полагать, опирается здесь на иные источники. Тем самым в выборе между двумя представленными изложениями событий именно второму нужно отдать предпочтение как более надежному и менее зависимому от наслоений августовской пропаганды.

Наконец, еще один современник Августа Веллей Патеркул приводит собственную версию. Рассказывая о пребывании на Востоке Тиберия, он добавляет: «Парфянский царь, напуганный славой столь великого имени, отдал своих детей заложниками Цезарю (*rex quaque Parthorum tanti nominis fama territus liberos suos ad Caesarem misit obsides*)» (II, 94, 4). Известно, что с парфянскими делами Веллей Патеркул был знаком не понаслышке, поскольку в свое время он сопровождал на Восток Гая Цезаря и даже являлся свидетелем его встречи с сыном Фраата IV – Фраатаком (II, 101, 1–2), но его объяснение причин действий Фраата едва ли можно принять. В данном случае римский историк смешивает два разновременных события – участие Тиберия в урегулировании римско-парфянских отношений в 20 г. до н.э. и передачу Фраатом членов своей семьи римлянам позднее, к чему пасынок Августа не мог быть причастен. Более того, даже применительно к событиям 20 г. до н.э. вряд ли можно говорить о том, что слава имени Тиберия имела решающее значение в ходе заключения договора с парфянами: бесспорно, что Тиберий выполнял указания Августа.

Очевидная натяжка в сочинении Веллея Патеркула вполне объяснима: последние главы «Римской истории», посвященные Тиберию, имеют явно панегирический тон изложения¹⁴ и пронизаны исключительно теплым отношением к императору, которым автор откровенно восторгается. Говоря о деяниях Тиберия в качестве будущего преемника Августа, Веллей не скупится на похвалы ему и даже называет его дела божественными (II, 94, 3). Поэтому, проводя связь между заключением римско-парфянского договора и передачей парфянских царевичей в руки римлян, Веллей Патеркул, видимо, желал польстить Тиберию путем возвеличивания его внешнеполитических заслуг.

Все остальные дошедшие до нас литературные источники по анализируемому эпизоду относятся к более позднему времени, однако они отнюдь не ограничиваются сведениями, имеющимися у Августа и Страбона. Тацит в своем обозрении римско-парфянских отношений до Тиберия указывает, что Фраат «оказывал Августу всяческое почтение и ради укрепления дружбы отослал к нему часть своего потомства не столько из страха пред нами, сколько из недоверия к своим соплеменникам» (Ann., II, 1). Как видим, Тацит опирается на обе известные уже до него трактовки, но больше склоняется к тому, что Фраатом двигало недоверие к окружению – то есть он опасался предательства своих родных. Статус переданных Августу парфян римский историк никак не обозначает – в тексте ис-

¹³ Грацианская 1988, 16.

¹⁴ Немировский 1995, 249.

пользуется нейтральный глагол «отослал (*miserat*)». Вообще на фоне бодрых и самоуверенных реляций Августа суждения Тацита о статусе парфян в контексте их взаимоотношений с Римом имеют более взвешенный и осторожный характер. Если для Августа парфяне выступают лишь в качестве обращающихся за той или иной римской милостью (заключение дружбы, утверждение нового царя), то у Тацита парфянские послы – кто угодно, но не просители¹⁵.

Оригинальная информация содержится у Иосифа Флавия, который также делает упор на внутривосточный фактор, но с добавлением деталей, неизвестных по работам Страбона и Тацита. Иудейский историк рассказывает об италийской рабыне Тее Музе, которая была подарена Августом Фраату, и видит ее происки в судьбе сыновей и внуков парфянского царя. По словам Иосифа Флавия, Муза «достигла огромного влияния на царя и задумала приложить все старания, чтобы укрепить за своим сыном престол парфянский. Впрочем, она увидела, что достигнет этого не иначе, как если коварным образом избавиться от законных детей Фраата. Тогда она стала уговаривать последнего отправить законных детей в Рим в заложничество (ἐφ' ὀμηρείᾳ). Так оно и было сделано» (*Ant.* XVIII, 2, 4). Версия Иосифа Флавия не противоречит сведениям Страбона и Тацита, а дополняет их и делает еще более правдоподобными: в свете последующих событий, когда Фраат был отравлен и его преемником стал младший сын Фраата, женившийся на своей матери – Музе, подобный расклад выглядит вполне логично, так как именно эта бывшая рабыня, вознесшаяся до статуса царицы, получила наибольшие выгоды от отправки конкурентов ее сына в Рим¹⁶.

Светоний упоминает о парфянских заложниках дважды. Сначала он кратко отзывается о Парфии при Августе и перечисляет факты, которые должны были свидетельствовать о подчиненном ее положении: уступка Армении, возвращение знамен, избрание царем того, кого одобрил Август, и предложенные заложники (*obsides optulerunt*) (*Aug.* 21, 3). Далее в главах, посвященных зрелищам, Светоний сообщает любопытную подробность: Август сразу по прибытии парфянских заложников (*obsides*) привлек их на зрелища и, «проведя через арену, посадил во втором ряду над собой» (*Aug.* 43, 4).

Сведения Юстина очень сжаты; он пишет о возвращении знамен, после чего добавляет – «кроме того, Августу были даны в качестве заложников (*obsides*) сыновья и внуки Фраата. Таким образом, Цезарь одним величием имени своего добился большего, чем любой другой полководец смог добиться оружием» (*XLII*, 5, 12). Схожая информация содержится и у Орозия: по его словам, парфяне «отослали к Цезарю знаки, которые они захватили, разгромив Красса, и, передав царственных заложников, искренним изъявлением покорности обрели прочный договор (*obsidibus traditis firmum foedus fidei supplicatione meruerunt*)» (*VI*, 21, 29). Наконец, Евтропий отмечает, что персы (т.е. парфяне) дали Августу «заложников (*obsides*), чего раньше никогда не было» (*VII*, 9).

Обозревая все указанные источники, можно выделить две основные проблемы, связанные с интерпретацией исторических данных. Первый вопрос состоит в выяснении причин поступка Фраата IV, распорядившегося подобным образом своими сыновьями и внуками. Античные авторы выделяют два фактора, которые

¹⁵ Gowing 1990, 317.

¹⁶ Gregoratti 2012, 185.

условно можно обозначить как внешне- и внутривосточный. Внешневосточное влияние могло исходить только от Рима, и, соответственно, ряд наших источников склонен все объяснять величием императора и желанием Фраата закрепить дружбу с ним – при этом разбираемые события воспринимаются как следствие заключенного ранее соглашения. Эта трактовка исходит, очевидно, от самого Августа, так что она приобретает характер «официальной» версии событий, и ее распространенность вполне объяснима (Веллей Патеркул, одно из мест у Страбона, Светоний, Юстин, Орозий). Внутривосточный фактор состоял в наличии в Парфии постоянной междоусобной борьбы, наиболее активное участие в которой принимали, естественно, члены царской семьи, поэтому Фраат решился на выдачу своих детей римлянам, чтобы обезопасить себя, причем на это решение способна была повлиять его жена Муза, имевшая собственные интересы¹⁷. Подобной точки зрения придерживаются Страбон, Иосиф Флавий и Тацит.

Заинтересованность Августа представить рассматриваемый эпизод в наиболее выгодном для себя свете очевидна – поскольку прибытие парфян в Рим действительно имело место, то не составляло особого труда внедрить идею о том, что это стало следствием сложившихся взаимоотношений императора с парфянским царем, который выражал подобным образом свою покорность. Август использовал парфян для того, чтобы продемонстрировать всем свой авторитет, признаваемый и за пределами Римской империи, – не случайно он не упустил возможности появиться с Аршакидами на публике, о чем сообщает Светоний. Безусловно, римлянам в свете не столь давних поражений римских войск от парфян такие символы могущества императора и империи должны были быть по нраву.

С другой стороны, сведения Страбона, Тацита и Иосифа Флавия менее субъективны и потому в большей степени заслуживают доверия. Особое внимание нужно уделить позиции Страбона, который, хотя и отдал должное величии Августа и Рима, пишет, что Фраат передал своих детей и внуков из-за страха покушений на свою власть. Нужно заметить, что работа Страбона по хронологии является одним из самых ранних источников, а вполне возможно, что интересующая нас заметка была сделана еще до публичного размещения автобиографической надписи Августа, и в таком случае Страбону принадлежит первенство в изложении произошедших событий. Помимо этого, информация Страбона и Иосифа Флавия наиболее подробна, и с учетом ее внешнего правдоподобия именно ее следует предпочесть.

Внутренняя неустойчивость режима Фраата IV подтверждается ходом предыдущих и последующих событий: в конце 30-х – 20-е гг. I в. до н.э. ему пришлось выдержать борьбу с вышеназванным Тиридатом, затем его соперником выступил

¹⁷ Оригинальную идею предложил Э. Даброва: он полагает, что поскольку Муза готова была устранить соперников своего сына любой ценой, то Фраат IV передал своих наследников под заботу римлян в страхе за их жизнь (Dabrowa 2013, 58). Разумеется, полностью исключить такую вероятность невозможно, однако все же маловероятно, чтобы Тея Муза достигла такого могущества, что сам царь опасался ее и не видел иного пути спасти старших сыновей от ее гнева, как отправить их подальше. Более правдоподобной все же кажется ситуация, при которой Муза разожгла в царю подозрения в отношении наследников и всячески их поддерживала, что и повлекло за собой царское решение.

некий Митридат¹⁸ (Jos. Ant. XVI, 8, 4), а во 2 г. до н.э. Тея Муза убила своего супруга, чтобы освободить трон для сына – Фраата V (Фраатака) (Jos. Ant. XVIII, 2, 4). На фоне того, что и сам Фраат IV стал царем, организовав убийство отца – Орода II, а также собственных братьев (Plut. Ant. 36; Just. XLII, 5, 3), его беспокойство по поводу сыновей вполне объяснимо. Вполне можно согласиться с А.Н. Шервин-Уайтом, по выражению которого Фраат IV боялся внутренней измены больше, чем мощи Рима¹⁹.

Очевидно, передача наследников была вызвана предчувствием династической оппозиции²⁰, и решение отправить их в Рим имело свои преимущества. Хотя римляне в лице парфянских царевичей приобретали действенное средство воздействия на внутривосточную ситуацию в Парфии вплоть до возможности организации вторжения во главе с представителем династии Аршакидов и установления марионеточного режима, Фраат имел основания полагаться на добросовестность Августа. Даже в 20-е гг. до н.э., когда римско-парфянские отношения были отягощены вопросом о последствиях поражений Красса и Антония, император не стал вмешиваться во внутреннюю борьбу в Парфии, отказав в поддержке Тиридату²¹ и вернув захваченного тем царского сына. После заключенного соглашения²² Фраат IV пошел на дальнейшее сближение с Римом, выказав Августу больше доверия, чем своим наследникам. Время показало, что ожидания парфянского царя оправдались: его сыновья оказались исключены из династической борьбы и их пребывание в Риме затянулось на продолжительное время. Известно, что Сераспадан и Родасп скончались в Риме (CIL. VI, 1799), а Вонон и Фраат были отправлены в Парфию соответственно Августом в 6 г. н.э. (Jos. Ant. XVIII, 2, 4; Tac. Ann. II, 2) и Тиберием в середине 30-х гг. (Tac. Ann. VI, 32).

Второй вопрос, неразрывно связанный с первым, – это корректность использования термина «заложники» по отношению к сыновьям Фраата. Исследователями уже неоднократно отмечалось, что в источниках понятия, переводимые как «заложник», используются весьма широко, применительно к различным обстоятельствам и условиям пребывания иностранцев на территории Рима²³. Поскольку бесспорно то, что Фраат IV передал своих детей римлянам абсолютно добровольно, современные авторы нередко выражают сомнения в том, что можно говорить о заложниках в данном случае²⁴. Очевидно, что родственники Фраата IV являлись заложниками в понимании римлян, но объективно смысл их пребывания в Риме заключался не только и не столько в закреплении договорных отношений

¹⁸ А.Р. Малькольм выдвигает предположение, что отправка сыновей Фраата в Рим могла быть связана с появлением Митридата (Малькольм 2004, 41), но прямую связь между этими событиями сложно выявить.

¹⁹ Sherwin-White 1983, 325.

²⁰ Romer 1979, 201.

²¹ Попытка привязать передачу царевичей к вопросу о Тиридате (т.е. Фраат IV опасался римской поддержки своего оппонента и потому пошел на уступки Августу – Nedergaard 1988, 111) представляется малоубедительной, поскольку Август ранее использовал угрозу военного вторжения, чем и добился выдачи значков: фактор же нахождения Тиридата на римской территории явно был менее значим.

²² Не исключено, что еще в 20 г. до н.э. Фраат получил от Августа заверения, что римляне не будут вмешиваться во внутренние дела Парфянского царства (Gruen 1993, 297).

²³ Braund 1984, 13; Allen 2006, 16.

²⁴ Rawlinson 1893, 223; Lee 1991, 367.

Римской империи с Парфией, как изображают римские авторы во главе с Августом. С одной стороны, в период Империи обычным явлением стало воспитание наследников зависимых от Рима государств в столице империи, где они получали соответствующее образование, воспитывались в духе верности римским интересам и заводили полезные знакомства, которые могли бы пригодиться им в будущем, – словом, римляне целенаправленно готовили лояльных внешнеполитических клиентов-правителей. Сыновей Фраата вполне можно сопоставить с такими воспитанниками²⁵: наши источники подтверждают, что усвоение римских нравов и привычек Аршакидами прошло весьма успешно²⁶, что неудивительно, принимая во внимание длительность их пребывания в Риме. С другой стороны, в какой-то мере передача царевичей римлянам напоминает высылку, изгнание²⁷: кроме того, что сыновья царя лишались тем самым возможности произвести переворот, их отсутствие вкупе с тем влиянием, какое способны были оказать на них римляне, могли осложнить им приобретение власти в будущем – и действительно, законность происхождения и римская поддержка обеспечили Вонону и Фраату царский титул, но среди соотечественников, ставших чуждыми им по образу жизни, их признание оказалось непрочным.

При всем при этом возможно, что Фраат IV сам желал представить своих наследников в виде заложников. Не вызывает сомнений, что в планы парфянского царя не входило самовольное возвращение его сыновей, поэтому ему было необходимо добиться ограничения их свободы действий, что и предполагалось статусом заложников. Хотя парфянским принцам и было обеспечено подобающее их высокому статусу отношение, вероятнее всего, они постоянно находились на виду и покидать пределы Италии²⁸ могли лишь с разрешения римлян. Поэтому, сообразно с римской внешнеполитической практикой, не будет большой натяжкой обозначать сыновей Фраата IV как заложников²⁹, но важно отметить, что они попали в Рим вне прямой связи с римско-парфянским соглашением и целью их отправки для Фраата IV было политическое устранение потенциальных претендентов на власть, а вовсе не желание войти в более тесную дружбу с Августом или выразить свою лояльность. Разбираемый эпизод не вполне типичен для традиций заложничества, поскольку сторона, предоставившая заложников, была заинтересована не столько в обеспечении их здоровья и жизни, сколько в их изоляции.

²⁵ Д. Браунд на примере парфян показывает, каким могло быть сходство между заложником и получающим образование (*student*) в Риме (Braund 1984, 12). Мнение, что сыновья Фраата прибыли для получения образования, высказывается и в других работах (Frye 1983, 236; Southern 1998, 127).

²⁶ Парфяне, получившие по их же просьбе Вонона в качестве царя, довольно быстро разочаровались в нем, причем Тацит объясняет это тем, что сын Фраата IV стал чужд обычаям предков и его добродетели казались пороками (Тас. *Ann.* II, 2). Подобным же образом неудача постигла и последнего из сыновей Фраата IV – Фраата: по словам того же Тацита, царевич, «сменив в Сирии образ жизни, усвоенный за долгие годы пребывания в Риме, на непривычный парфянский уклад, заболел и умер» (Тас. *Ann.* VI, 32).

²⁷ Такое допущение, хотя и в осторожной форме, присутствует в работе Дж. Аллена (Allen 2006, 146–147).

²⁸ Известна еще одна надпись из Неми в Лации, где упоминается Фраат, сын парфянского царя (CIL. XIV, 2216).

²⁹ Э. Нидергард приходит к заключению, что их публичное представление и ограничение свободы передвижения позволяют считать их заложниками в полном смысле слова (Nedergaard 1988, 109).

В целом имеющиеся данные источников позволяют полагать, что Фраат удалил своих наследников по собственной инициативе, для решения внутренних проблем – а именно, чтобы обезопасить себя против властных устремлений сыновей. При этом выбор адресата его обращения был осознанным – предшествующие контакты и определенная стабилизация римско-парфянских взаимоотношений после соглашения 20 г. до н.э. должны были убедить царя, что у римлян достаточно благоразумия, чтобы не вмешиваться во внутренние дела Парфии. Август же использовал парфянских царевичей в собственных интересах, представив их римской публике как заложников (что выглядело вполне правдоподобно), а намерения Фраата объяснив как желание закрепить дружбу с императором (что вряд ли соответствовало действительному настрою царя). Тем самым, данный эпизод показателен как пример различия в восприятии одного и того же события разными сторонами: то, что Фраат оценивал как обеспечение прочности своего режима, Август преподнес римской общественности как очередной символ признания парфянами превосходства Рима.

ЛИТЕРАТУРА

- Бокщанин, А.Г. 1966: *Парфия и Рим*. Ч. 2. М.
- Головко, И.Д. 1962: Парфия и Рим во время принципата Августа. В сб.: П.О. Карышковский (отв. ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Вып. 4. Одесса, 121–132.
- Грацианская, Л.И. 1988: «География» Страбона. Проблемы источниковедения. В сб.: А.П. Новосельцев (отв. ред.), *Древнейшие государства на территории СССР. 1986*. М., 6–175.
- Кащеев, В.И. 1993: *Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э.* М.
- Малькольм, А.Р. 2004: *Парфяне*. М.
- Немировский, А.И. 1995: Веллей Патеркул. В кн.: А.И. Немировский (сост.), *Малые римские историки*. М., 223–266.
- Панов, А.Р. 2008: Армянский царь Тиридат I: взаимоотношения с Римом и проблемы оформления его власти. *ПИФК* 21, 276–289.
- Панов, А.Р. 2015: Отправка сыновей Фраата IV в Рим: проблемы датировки. В сб.: А.Р. Панов (отв. ред.), *Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время*. Вып. 10. Арзамас, 101–111.
- Парфенов, В.Н. 1997: Signis receptis, или конец одной иллюзии. В сб.: Т.В. Кочеткова, Н.А. Демина, В.Н. Парфенов (ред.), *Античный мир и мы* 3. Саратов, 82–90.
- Парфенов, В.Н. 2001: *Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика*. СПб.
- Allen, J. 2006: *Hostages and Hostage-Taking in the Roman Empire*. New York.
- Braund, D.C. 1984: *Rome and Friendly King: The Character of Client Kingship*. L.
- Corbishley, T. 1934: A Note on the Date of the Syrian Governorship of M. Titius. *JRS* 24, 43–49.
- Dabrowa, E. 2013: The Parthian Aristocracy: its social position and political activity. *Parthica*, 53–62.
- Debevoise, N.C. 1938: *A Political History of Parthia*. Chicago.
- Drijvers, J.W. 1998: Strabo on Parthia and the Parthians. In: J. Wiesehöfer (Hrsg.), *Das Partherreich und seine Zeugnisse*. Stuttgart, 279–294.
- Frye, R.N. 1983: *The History of Ancient Iran*. München.

- Gowing, A.M. 1990: Tacitus and the Client Kings. *TAPA* 120, 315–331.
- Gregoratti, L. 2012: Parthian Women in Flavius Josephus. In: M. Hirsghberger (Hrsg.), *Jüdisch-hellenistische Literatur in ihrem interkulturellen Kontext*. Frankfurt, 183–192.
- Gruen, E.S. 1996: The expansion of the Empire under Augustus. In: A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *Cambridge Ancient History* 10. Cambridge, 147–197.
- Gruen, E.S. 1993: The Imperial Policy of Augustus. In: K.A. Raafaub, M. Toher, G.W. Bowersock (eds.), *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate*. Berkeley–Los Angeles, 395–416.
- Lee, A.D. 1991: The Role of Hostages in Roman Diplomacy with Sasanian Persia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Bd. 40. H. 3, 366–374.
- Mommsen, Th. 1865: *Res gestae divi Augusti*. Berolini.
- Nedergaard, E. 1988: The Four Sons of Phraates IV in Rome. In: T. Fischer-Hansen (ed.), *Acta Hyperborea*. Vol. 1. *East and West: Cultural Relations in the Ancient World*. Copenhagen, 102–115.
- Nicolet, C. 1991: *Space, Geography and Politics in the Early Roman Empire*. Michigan.
- Rawlinson, R. 1893: *The Story of Parthia*. New York–L.
- Romer, F.E. 1979: Gaius Caesar's Military Diplomacy in the East. *TAPA* 109, 199–214.
- Rose, Ch.B. 2005: The Parthians in Augustan Rome. *American Journal of Archeology* 109/1, 21–75.
- Ross Taylor, L. 1936: M. Titius and the Syrian Command. *JRS* 26. Part 2, 161–173.
- Schippmann, K. 1980: *Grundzüge der parthischen Geschichte*. Darmstadt.
- Sherwin-White, A.N. 1983: *Roman foreign policy in the East 168 B.C. to A.D. 1*. Oklahoma.
- Sommer, S. 2014: Pax Augusta – Roms imperialer Imperativ und das Axiom der Weltheerrschaft. In: M. Horster, F. Schuller (Hrsg.), *Augustus. Herrscher an der Zeitenwende*. München, 144–155.
- Southern, P. 1998: *Augustus*. L.

REFERENCES

- Allen, J. 2006: *Hostages and Hostage-Taking in the Roman Empire*. New York.
- Bokshchanin, A.G. 1966: *Parfia i Rim* 2. Moscow.
- Braund, D.C. 1984: *Rome and Friendly King: The Character of Client Kingship*. L.
- Corbishley, T. 1934: A Note on the Date of the Syrian Governorship of M. Titius. *JRS* 24, 43–49.
- Dabrowa, E. 2013: The Parthian Aristocracy: its social position and political activity. *Parthica*, 53–62.
- Debevoise, N.C. 1938: *A Political History of Parthia*. Chicago.
- Drijvers, J.W. 1998: Strabo on Parthia and the Parthians. In: J. Wiesehöfer (Hrsg.), *Das Partherreich und seine Zeugnisse*. Stuttgart, 279–294.
- Frye, R.N. 1983: *The History of Ancient Iran*. München.
- Golovko, I.D. 1962: Parfia i Rim vo vremya printsipata Avgusta. In: P.O. Karyshkovskiy (ed.), *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya*. Odessa, 121–132.
- Gowing, A.M. 1990: Tacitus and the Client Kings. *TAPA* 120, 315–331.
- Gratsianskaya, L.I. 1988: «Geografiya» Strabona. Problemy istochnikovedeniya. In: A.P. Novosel'tsev (ed.), *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR*. 1986. M., 6–175.
- Gregoratti, L. 2012: Parthian Women in Flavius Josephus. In: M. Hirsghberger (Hrsg.), *Jüdisch-hellenistische Literatur in ihrem interkulturellen Kontext*. Frankfurt, 183–192.
- Gruen, E.S. 1993: The Imperial Policy of Augustus. In: K.A. Raafaub, M. Toher, G.W. Bowersock (eds.), *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate*. Berkeley–Los Angeles, 395–416.

- Gruen, E.S. 1996: The expansion of the Empire under Augustus. In: A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *Cambridge Ancient History* 10. Cambridge, 147–197.
- Kashcheev, V.I. 1993: *Ellinisticheskiy mir i Rim: Voyna, mir i diplomatiya v 220–146 godakh do n.e.* M.
- Lee, A.D. 1991: The Role of Hostages in Roman Diplomacy with Sasanian Persia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Bd. 40. H. 3, 366–374.
- Mal'kol'm, A.R. 2004: *Parfyane*. Moscow.
- Mommsen, Th. 1865: *Res gestae divi Augusti*. Berolini.
- Nedergaard, E. 1988: The Four Sons of Phraates IV in Rome. In: T. Fischer-Hansen (ed.), *Acta Hyperborea*. Vol. 1. *East and West: Cultural Relations in the Ancient World*. Copenhagen, 102–115.
- Nemirovskiy, A.I. 1995: Velley Patercul. In: A.I. Nemirovskiy (ed.), *Malye rimskie istoriki*. M., 223–266.
- Nicolet, C. 1991: *Space, Geography and Politics in the Early Roman Empire*. Michigan.
- Panov, A.R. 2008: Armyanskiy tsar' Tiridat I: vzaimootnosheniya s Rimom i problemy oformleniya ego vlasti. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 21, 276–289.
- Panov, A.R. 2015: Otpravka synovey Fraata IV v Rim: problemy datirovki. In: A.R. Panov (ed.), *Politicheskaya zhizn' Zapadnoy Evropy: antichnost', srednie veka, novoe i noveyshee vremya*. 10. Arzamas, 101–111.
- Parfenov, V.N. 1997: Signis receptis, ili konets odnoy illyuzii. In: T.V. Kochetkova, N.A. Demina, V.N. Parfenov (eds.), *Antichnyy mir i my* 3. Saratov, 82–90.
- Parfenov, V.N. 2001: *Imperator Tsezar' Avgust: Armiya. Voyna. Politika*. Saint-Petersburg.
- Rawlinson, R. 1893: *The Story of Parthia*. New York–L.
- Romer, F.E. 1979: Gaius Caesar's Military Diplomacy in the East. *TAPA* 109, 199–214.
- Rose, Ch.B. 2005: The Parthians in Augustan Rome. *American Journal of Archeology* 109/1, 21–75.
- Ross Taylor, L. 1936: M. Titius and the Syrian Command. *JRS* 26. Part 2, 161–173.
- Schippmann, K. 1980: *Grundzüge der parthischen Geschichte*. Darmstadt.
- Sherwin-White, A.N. 1983: *Roman foreign policy in the East 168 B.C. to A.D. 1*. Oklahoma.
- Sommer, S. 2014: Pax Augusta – Roms imperialer Imperativ und das Axiom der Weltherrschaft. In: M. Horster, F. Schuller (Hrsg.), *Augustus. Herrscher an der Zeitenwende*. München, 144–155.
- Southern, P. 1998: *Augustus*. L.

AUGUSTUS AND THE PARTHIAN HOSTAGES IN ROME

Alexsandr R. Panov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas branch, Russia,
panov_alexandr@mail.ru

Abstract. The paper deals with the information of sources about sending by Parthian king Phraates IV of his sons to Rome at the end of the 1st century BC. It focuses on two issues related to the event. Firstly, as to Phraates' motives, the ancient authors offer different explanations: the desire to cement friendship with Rome (in this way Augustus outlined his version of this case) or the threat from the heirs and desire to protect himself from this possible danger. The latter interpretation seems more convincing, because it is confirmed by Strabo, Josephus and Tacitus, whose evidences are more reliable and less subjective than Augustus' self-laudation and information of late authors (Suetonius, Justin, Orosius). Secondly, the status of the Parthian princes is defined in most sources as "hostages" and that can be considered with the widespread view of

this concept in practice of Roman foreign policy. According to the author, the available sources of data suggest that Phraates send heirs away by his own will to resolve inner problems in self-defense. Augustus used Parthian princes for his own reason and explained Phraates' intention as desire to secure friendship with the Emperor. Thereby, this historical episode is significant as an example of various perceptions of the same event by different sides: the fact, assessing by Parthian king as strengthening of his regime, was presented by Augustus as a symbol of Parthian recognition of Rome's superiority.

Key words: Emperor Augustus, Phraates IV, Roman-Parthian relations

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 149–152
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 149–152
©Автор(ы) 2016

О КУЛЬТАХ ВОИНОВ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ВОЙСК В РИМСКОЙ БРИТАНИИ В I–III ВВ.

Н.И. Соловьянов

*Красноярский государственный педагогический университет, им. В.А. Астафьева,
Красноярск,
nikolai_solovyanov@mail.ru*

Аннотация. Посвящения воинов вспомогательных войск в римской Британии в I–III вв. были направлены только римским богам в образах императоров, божественных Августов, а также Юпитеру Наилучшему Высочайшему, Юноне Конкордия, богине-покровительнице Рима Роме, Сильвану и Фортуне как заздравным божествам, исключительно военным Гениям и штандартам (signa). Отсутствие посвящений местным богам говорит о слабых, а скорее всего, и весьма враждебных отношениях между римлянами и коренным кельтским населением Британии.

Ключевые слова: религия римской армии, ауксилиии, флот, римская Британия, римские культы

Первыми обитателями Британии, скорее всего, были кельтские племена бриттов, регинов, контиаков, думониев, белгов, триноватов, иценов, силуров, деметов, корновиев, ордовиков, коританов, бригантов, эпидиев, вотадинов, меатов.

Впервые Британию завоевал Цезарь в 55 г. до н. э., но он не оставил здесь гарнизона. В 41 г. Клавдий послал на остров 4 легиона (II Augusta, IX Hispana, XIII Gemina Martia Victrix и XX Valeria Victrix), которые разбили бриттов. Следующие 20 лет римляне вели жестокую борьбу с местными племенами. Агрикола в 78–84 гг. завершил покорение

Соловьянов Николай Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: nikolai_solovyanov@mail.ru

ние Уэльса, в 120 г. Адриан построил на острове ряд укреплений от набегов северных племен (так называемый Адрианов вал). К этому времени относится появление в провинции легиона VI Victrix, который заменил IX Испанский, уничтоженный накануне бригантами. В 139 г. Северная граница провинции была укреплена валом Антонина Пия. Тем не менее, в 207 г. Септимий Север в борьбе с племенами Каледонии потерял здесь 5 тысяч воинов.

Вместе с легионами в провинцию приходили и вспомогательные части. Однако сведения о них крайне скудны. Например:

Ala Hispanorum Vettonum civium Romanorum,

ILS. 2517. *Aquis Sulis (Balh) Britanniae.* 103 г. **L. Vitellius Majntai f. Tancinus | cives Hisp. Cauriesis, | eq. alae Vettonum c. R., | ann. XXXXVI stip. XXVI, | h. s. e.**

Ala Petriana,

ILS. 2520. *Vallo Hadriani in Britannia.* **Dis manibus Flavinus eq. alae Petr. signifer | tur. Candidi, an. XXV | stip. VII, h. s.**

Ala Sebosiana,

ILS. 2548. *Англия. Ланкастер. III в.* **balineum refect. | [et b]asilicam vetustate conlabsam | a solo restitut[a]m eqq. alae Sebussia[nae] !!!!! sub Octavio Sabino v. c. | praeside n., curante Fla. Ammau sio praef. eqq. D. d. XI kal. Septem. | Censore II et Lepido II cos.**

Cohors I Batavorum,

ILS. 2549. *Britannia. Vallum Hadriani.* II в. **Fortunae | coh. I Batavor., | cui praeest | M. Flaccinius | Marcellus prae.**

Cohors Tungrorum miliaria,

ILS. 2550. *Britannia. Vallum Hadriani.* II в. **I. o. m. | et numinibus | Aug. coh. Tungrorum | mil. cui praeest Q. Verius | Superst[e]s | praefectus.**

Cohors I Hamiorum sagittariorum,

ILS. 2551. *Britannia. Vallum Hadriani.* II в. **Fortunae Aug. | pro salute L. Aeli | Caesaris ex visu | T. Fla. Secundus | praef. coh. I Hamiorum sagittar. | v. s. l. m.**

Cohors I Aeliae Dacorum Postumi[ana],

ILS. 2553. *Britannia. Vallum Hadriani.* II в. **I. o. m. | coh. I Ael. Dac. | Postumi[ana], | c. p. | Marc. | Gallicus | trib.**

Cohors I fida Varduiorum civium Romanorum equitata milliaria,

ILS 2557. *Britannia. Vallum Hadriani.* II в. **Genio et signis | coh. I f. Vardul. | c. R. eq. [X], | T. Licinius Valeri | anus trib.**

Cohors I Vangionum miliaria equitata,

ILS. 2618. *Britannia. Vallum Hadriani.* 208 г. **[imp. Caes. L. Sept. Severo Pio Peru Arab. Adiab. Partijico maxi. | cos. III, et M. Aurel. Antonino Pio | cos. II Augg. !!!!!!!!!!!!! | portam cum muris vetustate dilapsis iussu Alfeni Senecionis v. c. | cos., curante Oclatinio Advento proc. | Augg. nn, coh. I Vangion. ∞ eq. | cum Aem. Salviano trib. | suo a solo rest.**

Cohors I Aeliae Hispanorum miliaria equitata,

ILS. 2619. *Britannia. Vallum Hadriani.* 222 г. **imp. Caes. M. Aurelio | Severo Alexandro Pio Fel. Aug. | pont. maximo, tr[i]b. pot., cos., p. p., coh. I Ael. | Hispanoruni oo eq., devota nunimi | maiestatique eius, basilicam | equestrem exercitatoriam | iam pridem a solo coeptam | aedificavit consummavitque, sub cura**

Mari Valeriani leg. | Aug. pr. pr., instante M. Aurelio | Salvio trib. coh., imp. d. n. | Severo Alexandro Pio Fel. | Aug. cos.

Cohors I Lingonum Gordianae,

ILS. 2620. Britannia. Vallum Hadriani. III в. imp. Caes. M. Ant. Gordianus P. F. Aug. balneum cum | basilica a solo instruxit | per Egn. Lucijianum leg. Aug. | pr. pr., curante M. Aur. | Quirino pref. (sic) coh. I L. Gor.

Numeri exploratorum Bremenensium.

ILS. 2631. Britannia. Vallum Hadriani. III в. d. R. s. | dupl. n. explor. | Bremen. aram | instituerunt | n. eius, C. Caep. | Charitino trib., | v. s. I. m.

Аксиоматично, что римляне не могли попасть на британские острова аки посуху. Еще Цезарь использовал для похода в Британию Рейнскую речную флотилию, созданную им для вторжения на территории зарейнских германцев. Не были исключением и последующие императоры.

Римляне уверенно себя чувствовали на суше, но отнюдь не на воде. Поэтому использование кораблей римского военно-морского и речного флота носило главным образом вспомогательный и технический характер. Пожалуй, этим можно объяснить, что сведения о воинах флота крайне скудны во всех регионах Римской державы. Не стала исключением, к сожалению, в этом отношении и Британия. Лишь две надгробные надписи свидетельствуют об участии воинов флота в баталиях на территории интересующей нас провинции. Судя по именам, это были близкие родственники, служившие на одном корабле и погибшие при одном событии.

ILS. 2845. Лондон. Британский музей. II–III вв. d. m. | M. Naevius Asclepiades adiutor | tr. III Venere, | vixit annis XXII | mensibus V.

ILS. 2858. Лондон. Британский музей. II–III вв. d. m. | M. Naevio Proculo | opt. conv. III Vener., | mil. ann. III, qui vix. an. | XXI m. II d. XV, parentes | filio dulcissimo.

Картина, представленная на сакральных памятниках в Британии, несмотря на весьма слабую романизацию местного сельского населения, по сравнению с континентом, практически не отличается. В итоге мы имеем коллективное изваяние императору Луцию Септимию Северу от cohortis I Vangionum miliaria equitata; групповое посвящение императору Александру Северу от cohors I Aeliae Hispanorum miliaria equitata; два памятника императору Гордиану II, поставленные заботами Марка Аврелия Квирина, префекта cohortis I Lingonum Gordianae; посвящение Юпитеру Всеблагодетелю Величайшему от Марка Галлика, трибуна cohortis I Aeliae Dacorum Postumi[ana], Юпитеру Всеблагодетелю Величайшему и божественным Августам от Квинта Верия Суперта, префекта cohortis Tungro- rum miliaria; жертвенник богине Роме, сооруженный Гаем Цепионом Харитином, трибуном, по поручению дупликариев numeri exploratorum Bremenensium; гению и штандартам cohortis I fida Varduiorum civium Romanorum equitata miliaria от Тита Лициния Валериана, трибуна; Фортуне как заздравной богине во здравие Луция Элия Цезаря от Тита Флавия Секунда, префекта cohortis I Namiorum sagittariorum; надгробную стелу, поставленную наследниками, с изображением лошадей со штандартами (вверху) и вооружений (внизу) с обращением к Богам подземного царства Манам хранить Флавиана, всадника alae Petriana, сигнифера турмы, прожившего двадцать пять лет; и два надгробия морякам – Марку Невию

Асклепиадесу, аудитору триерарху, и Марку Невию Прокулу, опцию конвекциону, служившим на корабле Венера, вероятно родственникам, и погибшим в одном событии в возрасте соответственно 22 и 21 года, провоевав около трех лет, с одноименными обращениями к подземным Богам³⁰. Одна заздравная надпись принадлежит Юноне Конкордиа Августе от имени Луция Проперция³¹. Сильвану от имени Вексилациона, первого стража Фортуне Августе от имени Тита Флавия Секунда префекта когорты I³².

Таким образом, посвящения адресованы только римским богам в образах императоров, божественных Августов, а также Юпитеру Наилучшему Высочайшему, Юноне Конкордиа, богине-покровительнице г. Рима Роме, Сильвану и Фортуне как заздравным божествам, чисто военным Гениям и штандартам (signa). Отсутствие посвящений местным богам говорит о весьма слабых, а скорее всего и весьма враждебных отношениях между римлянами и коренным кельтским населением Британии.

ЛИТЕРАТУРА

Desau, H. 1954–1955: *Inscriptiones Latinae Selectae*. Vol. I–IV. Ed. 2. Berolini.

REFERENCES

Desau, H. 1954–1955: *Inscriptiones Latinae Selectae*. Vol. I–IV. Ed. 2. Berolini.

CULTS OF WARRIORS FROM THE AUXILIARY TROOPS IN THE ROMAN BRITAIN IN 1st – 3rd centuries AD

Nikolay I. Solov'yanov

Krasnoyarsk state pedagogical university name V. P. Astafievs, Russia,
nikolai_solovyanov@mail.ru

Abstract. Dedications of warriors from auxiliary troops dislocated in the Roman Britain in the 1st – 3rd centuries AD were directed only to the Roman gods in images of emperors, Divine Augusts, and also to Jupiter Optimus Maximus, Juno Concordia, Roma who was considered the goddess-patroness of the city Rome, Silvanus and Fortuna as to health deities, purely to military Genii and standards (signa). The absence of the dedications to the local gods shows very weak, and most likely very hostile relations between the Romans and the indigenous Celtic population of Britain.

Key words: religion of the Roman army, auxilia, the fleet, Roman Britain, Roman cults

³⁰ ILS. 2553, 2550, 2631, 2557, 2621, 2620, 2619, 2618, 2349, 2551, 2520, 2845, 2858.

³¹ ILS. 450.

³² ILS. 2551.

ГОНЕНИЯ ДЕЦИЯ И ЦЕРКОВЬ СЕРЕДИНЫ III В.: МУЧЕНИКИ И ВЛАСТИ*

А. В. Каргальцев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
kargaltsev@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обстоятельствам издания Децием эдикта о всеобщем жертвоприношении, которое произошло через полгода после прихода императора к власти в 249 г. и спровоцировало первое общеимперское преследование христиан. Это событие осталось незамеченным римскими историками и известно благодаря сочинениям христианских авторов, которые единодушно считали Деция гонителем верующих. Вопрос о содержании и цели эдикта по сей день дискутируется в научной литературе. Критика христианской интерпретации политики императора связана с обнаруженными в конце XIX в. свидетельствами, выдаваемыми жертвователям, содержание которых указывает, что в мероприятиях императора участвовало все население государства, что исключало однозначную антихристианскую направленность эдикта. Попытка исследователей представить жертвоприношения императора как возрождение «традиционной римской религии» также столкнулась с критикой, поскольку известные случаи жертв проходили не только в храмах традиционных римских богов. Обращает на себя внимание и то, что христиане в середине III в. не представляли угрозы для Рима, но Деций, пришедший к власти в ходе кровопролитной гражданской войны, имел внутривластные противники из числа узурпаторов, сторонников свергнутого им Филиппа и других недовольных. Представленная в статье гипотеза опирается на весь немногочисленный комплекс источников, особенно на агиографическую традицию, и представляет религиозную политику Деция как качественное развитие императорского культа, случайными, но неизбежными жертвами которой становились христиане.

Ключевые слова: Деций, Римская империя, мученики, агиография, Киприан Карфагенский

К середине III в. Христианская Церковь продолжала оставаться гонимым сообществом. Ее правовое положение как *religio illicita*, вероятно, впервые было закреплено Траяном (Plin. Jun. Ep. X, 96–97) и дополнялось при следующих императорах (Euseb. IV, 8,6)¹. Законодательство Траяна не было однозначно репрессив-

Каргальцев Алексей Витальевич – соискатель института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: kargaltsev@gmail.com

* Подготовка материала выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01260a2 «Раннехристианская агиография в контексте позднеантичной культуры».

¹ В историографии нет единого мнения, существовало ли специальное антихристианское законодательство в предшествующую эпоху, в первую очередь при Нероне (Tac. Ann. XV, 44; Suet. Nero. 16, 2; Euseb. HE. II, 25; IV, 26, 9). И хотя в большинстве современных работ принято осторожно оценивать слова Тертуллиана о появлении некоего *institutum Neronianum* (Tert. Ad nat. I, 7, 9), все же позицию сторонников антихристианского законодательства Нерона нельзя полностью отрицать: Keresztes 1979, 247–315; Williams 2012, 218–226. Среди отечественных авторов высказывались раз-

ным, поскольку, во-первых, давало возможность оправдаться в судебном порядке, правда, ценой отречения от Христа, а также запрещало анонимные доносы и специальный розыск верующих, а во-вторых, перекладывало преследование христиан на плечи провинциальных властей, в результате чего их реальное положение зависело от личного отношения к ним того или иного наместника, его энергии и, наконец, желания заниматься делами о христианах (примеры нежелания наместников казнить христиан см.: Tert. Ad Scap. 4). И хотя отдельные вспышки преследований до середины III в. возникали довольно регулярно и даже достигали масштабов нескольких провинций или, возможно, по всей Империи, как при Марке Аврелии в 166 г. в связи с эдиктом о всеобщем жертвоприношении и в 177 г. в Галлии или при Максимине в Понте и Кападокии 235 г., однако в действительности эти меры не были направлены специально против Церкви, а антихристианскую политику римского государства в это время нельзя признать ни последовательной, ни эффективной, да и число жертв было сравнительно невелико². Ситуация принципиальным образом изменилась с восшествием на престол Деция, общеимперские жертвоприношения которого вылились в массовое преследование верующих. В историографии его правление выступает своего рода водоразделом, открывая эпоху общегосударственных гонений на Церковь в Римской империи.

Тем не менее, определение мотивов религиозной политики Деция, что и будет являться целью настоящей статьи, является одним весьма непростых вопросов по двум причинам. Во-первых, из-за крайней скудости источников об этом императоре³. Во-вторых, в связи с отсутствием других примеров в римской истории, с которыми можно было бы провести ясную аналогию. Действительно, авторы «Жизнеописания августов» не уделили Децию отдельного внимания (или, возможно, его биография не сохранилась), а сведения о нем в жизнеописании Валериана традиционно ставятся под сомнения. Некоторые обрывочные свидетельства, которые приводят Аврелий Виктор, Зосим, Зонора, автор «Извлечения о жизни и нравах римских императоров», и Евтропий игнорируют религиозную политику императора. Здесь можно согласиться с мнением В.А. Федосика, что «жертвенный эдикт Деция не представлял собой что-либо выдающееся в деле реставрации римской религии»⁴. Напротив, для христианских авторов Деций известен в первую очередь как гонитель Церкви. Наиболее ценными здесь являются свидетельства современников событий: Киприана Карфагенского и его корреспондентов (Сург. Ер. 3–44),

ные предположения на этот счет. В. В. Болотов видел в рассказе Тацита о гонениях Нерона обобщение, основанное на современном ему положении христиан, в то время как император вряд ли был хорошо информирован о них: Болотов 1903, 1–17. А.Д. Пантелеев полагал, что Нероном был издан специальный антихристианский эдикт, однако действовал он до смерти императора: Пантелеев 2004, 6; А.С. Волчков видит в гонениях Нерона применение старых законов, направленных против коллегий и профессиональных союзов: Волчков 2008, 334–335.

² В настоящее время принято считать, что общеимперские жертвоприношения 166 г. были организованы Марком Аврелием с целью успокоить население, напуганное вспышкой чумы (166–168 гг.). Гонения в Галлии в 177 г. стали результатом имперского эдикта, разрешающего отправлять на арену амфитеатра приговоренных к смертной казни, то есть в обоих случаях эдикты не были направлены специально против христиан: Пантелеев 2005, 305–316. О религиозной политике Максимиана см.: Frend 1965, 389–391.

³ Как заметил Б. Блекман, Деций, вероятно, ничем не запомнился современникам, кроме антихристианского гонения: Bleckmann 2006, 57.

⁴ Федосик 1991, 109.

Дионисия Александрийского, приводимые Евсевием (Euseb. HE. VI, 40, 1–42, 6). Кроме того, существует значительная агиографическая традиция, которая включает «Мученичество» Пиония – пресвитера из Смирны⁵, «Акты Карпа, Папила и Аготоники»⁶, свидетельства о мученичестве римского епископа Фабиана⁷, «Мученичество Трифона» и «Мученичество Конона» др. Из сообщений Киприана следует, что в «определенные дни» (Cyp. De Laps. 2–3) население должно было предстать перед специальной комиссией, вероятно, в составе пяти человек (Cyp. Ep. 43, 3), произнести некую жертвенную формулу, а также отведать мяса и вина (Cyp. Ep. 20, 1–2). «Мученичество Пиония» уточняет, что, по всей видимости, это была стандартная клятва гением императора (Pass. Pion. 18, 14). После этого комиссия выдавала специальное свидетельство (*libellus*), дальнейшее назначение которого, в прочем, не до конца ясно (Cyp. Ep., 20, 2). Отказ от участия в церемонии грозил изгнанием, конфискацией имущества и даже казнью (Cyp. Ep. 24, 1; 39, 1–2).

То, что эти жертвоприношения неприемлемы и опасны для христиан, отмечают и Киприан, и Дионисий. Карфагенский епископ свидетельствует, что «злостный тиран (*tiranus infestus*) угрожал священникам Бога» (Cyp. Ep., 55, 9). Александрийский коллега еще более красноречив: «И вот появился указ, говоривший почти о том же, что предречено было Господом нашим, – такой страшный, что могли, пожалуй, соблазниться даже избранные» (Euseb. HE. VI, 41, 10). Вторят им и позднейшие авторы. Лактанций дает однозначную характеристику Децию: «Ведь спустя много лет появилась достойная проклятия тварь – Деций, угнетавший церковь, ведь кто может преследовать праведность, как не злодей?» (Lact. De mort. pers. 4, 1). Григорий Нисский также утверждает, что целью политики императора заключалась в приведение христиан к «отеческому служению демонам»⁸. Наконец, о суровых антихристианских эдиктах сообщает Павел Орозий (Oros. Hist. adv. pag., 7, 20). Молчание римских источников и однозначный вердикт христианских дали основание исследователям соглашаться с церковными авторами в определении цели всеобщего жертвоприношения⁹. Иными словами, именно христиане виделись жертвами религиозной политики Деция¹⁰.

Однако эта точка зрения фактически игнорирует находки, сделанные в 90-е гг. XIX в., когда были обнаружены сами так называемые *libelli* – свидетельства,

⁵ Датировка мученичества Пиония долгое время была предметом дискуссии, поскольку сам Евсевий датирует его смерть временем Марка Аврелия (Euseb. HE. IV, 15, 46–47). Кроме того, достоверность «Мученичества» ставилась под сомнение, однако в настоящее время принято рассматривать его как важное свидетельство о гонениях Деция: Rives 1999, 136.

⁶ О датировке и характеристике источника см.: Пантелеев 2011, 295–307.

⁷ В римских катакомбах была обнаружена надпись «Фабиан, епископ, мученик», которую традиционно ассоциируют с римским епископом Фабианом, пострадавшим в правление Деция: Marucchi 2011, 195. Фабиан также упоминается Римским мартирологом, который датирует его смерть 20 января 250 г., и эта дата в основном принимается исследователями как достоверная: Федосик 1991, 95.

⁸ Pohlsander 1986, 1834.

⁹ Л. Массебий, например, сравнивает эдикт Деция с политикой Людовика XIV, стремившегося истребить протестантов во Франции: Massebieau 1884, 65.

¹⁰ Эта гипотеза, несмотря на многочисленную критику, представлена и в современных работах. Так, например, Н. Сантос Янгуас высказал предположение, что под видом всеобщего жертвоприношения Деция закладывал законодательные основы для всеобщего преследования христиан, исключив для них возможные законодательные лазейки, предоставленной эдиктом Траяна: Santos Yanguas 1994–1995, 144.

выдаваемые после принесения жертв¹¹. Эти краткие документы составлены по единому плану: они предваряются описанием жертвователя, иногда содержат его особые приметы или род занятий, а также место жительства, затем следует заверение, что жертвователь всегда почитал богов и в этот раз, согласно указу, принес жертву и съел жертвенного мяса, что и просит засвидетельствовать¹². Либеллы дают весьма ясное представление о том, что в жертвоприношениях участвовали представители самых разных социальных слоев, возрастов и профессий, к тому же упомянутые в либеллах жертвователи отнюдь не являлись христианами, то есть, очевидно, эдикт Деция распространялся на все языческое население Империи. Попытки исследователей представить этот процесс как выявление скрытых христиан наталкивается на возражение, что организация столь дорогостоящего мероприятия как всеобщие жертвоприношения отнюдь не соответствовала угрозе, которую правительство видело в Церкви¹³. Возражение о том, что либеллы выдавались лишь в отдельных регионах, коль скоро они обнаружены лишь в Египте и упомянуты одним Киприаном, опровергается тем, что решение проблемы отступников (*libellatici*) стало предметом горячих споров в начале 50-х гг. III в. во всей Церкви на Западе¹⁴.

Компромиссной точкой зрения, которая появилась в историографии, стало представление о Деции как о римском идеалисте, пытавшемся возродить былое величие государства и, как следствие, традиционную римскую религию, так называемый *pax deorum*¹⁵. Исследователи не раз предпринимали попытку провести аналогии между бедственным положением Римской республики в период Ганнибаловой войны и Империи середины III в.¹⁶ Однако, по меткому замечанию Б. Блекманна, этот тезис не выдерживает критики с точки зрения хронологии: хотя положение империи в 249 г. не было блестящим, но оно не шло ни в какое сравнение ни с ситуацией год спустя, после вторжения готов, ни с последующим временем Валериана и Галлиена. В момент прихода к власти Деция Империя справлялась с натиском на свои границы¹⁷. Тем не менее, в основе данной гипотезы, получившей новое развитие благодаря фундаментальной работе Г. Альфёльди, лежит представление о Деции как о римском традиционалисте¹⁸. Действительно, он был выходцем из сенатской аристократии, что отличало его многих предшественников, в частности от Филиппа Араба. Род Мессиев Квинтов

¹¹ Всего было обнаружено 44 libelli в Фаюме, Оксиринхе и других поселениях. Критическое издание и перевод текстов, а также сведения о них см.: Schoenaich 1910, 3–38; Knipfing 1923, 345–390; Roasenda 1927, 31–68; Bludau 1931; Selinger 2002, 44–63.

¹² Selinger 2002, 137–155.

¹³ Bleckmann 2006, 59–60.

¹⁴ Карфагенский собор 251 г. сделал различие между *sacrificati* – участниками жертвоприношений и *libellatici*, получившими свидетельства без участия в жертвах.

¹⁵ В.В. Болотов в частности отмечал, что Деций «был по характеру романтик и задавался мыслью вернуть к жизни невозвратное прошлое»: Болотов 1994, 116; Я. Буркхардт полагал, что «Деций был идеалист, проникнутый иллюзиями»: Burckhardt 1880, 19.

¹⁶ Как отмечает Ю.Б. Циркин, «тяжелое положение сложилось и к моменту прихода к власти Деция. Сама огромная трудность, с какой римская армия справлялась с нападениями варваров, явно свидетельствовала о приближении катастрофы. Для Деция и его сподвижников причина была ясна: как и во время II Пунической войны, нарушен божий мир». См.: Циркин 2009, 315.

¹⁷ Bleckmann 2006, 60.

¹⁸ См.: Alföldy 1989.

обосновался в Нижней Паннонии, где в поселке близ Сирмия и родился будущий император (Aug. Vict. Caes. 29, 1; Epit. 29, 1). Исследователи уверены, что именно здесь старая римская религиозность устойчиво сохраняла свои позиции. Обращают внимание, что жена Деция Геренния Купрессения Этрусцилла также происходила из аристократического рода. Как отмечает Ю.Б. Циркин, «карьера Деция была типично сенаторской»¹⁹. Действительно, он начал службу с должности квестора, в 30-е гг. он был наместником Нижней Мезии, при Максимине управлял Ближней Испанией, наконец, в правление Филиппа Араба был назначен префектом Города²⁰. В этом качестве он и отбыл к легионам Мезии и Паннонии, где был ими провозглашен императором, и после этого разбил своего предшественника в битве под Вероной летом 249 г. Казалось бы, его происхождение и карьера предполагали поддержку со стороны сенаторов, а сам он выступал проводником их идей. Однако во время противостояния Максимиана и ставленников сената Пупиена и Бальбна в 238 г. он остался верен Фракийцу, что указывает скорее на политическое чутье Деция, чем на сенаторский идеализм²¹. Нам не известно, что сенаторы хоть как-то проявили себя в 249 г. во время противостояния Деция и Филиппа²². Не известно и о скрытой оппозиции сената к Филиппу, равно как и о притеснениях, которые тот чинил высшему сословию. Наконец, Деций добился власти, как и его предшественники, целиком опираясь на армию. Первоочередные мероприятия Деция, действительно, были направлены против политики Филиппа, но они никак не способствовали новому возвышению сенаторского сословия²³. Биография Валериана как будто содержит любопытный рассказ о попытке Деция возродить древнюю цензуру, однако общепризнано, что это сообщение, скорее всего, не более чем фантазия (SHA Val., 5–6).

Помимо политического консерватизма императора, принято говорить о консерватизме религиозном. Здесь основания более надежные, в первую очередь благодаря эпиграфическому материалу. Так, это известная надпись из Козы (CIL III, 12351), в которой Деций называется «восстановителем святынь и свобод» (*restitutor sacrorum et libertatis*)²⁴. Однако комментаторы отмечают, что вторая часть надписи могла быть благодарностью Децию за отмену дополнительных налогов, введенных в правление Филиппа Араба в восточных провинциях²⁵. Что же касается восстановления святынь, то в данном случае речь идет о локальном событии²⁶. А.Д. Нок, анализируя нумизматический и эпиграфический материал от Деция до Галлиена, обращает внимание на популярность культа Весты в этот период²⁷. Однако трудно связать весь этот материал с кратким правлением Деция. Наконец, нельзя не заметить, что для настоящего римского консерватора непри-

¹⁹ Циркин 2009, 314.

²⁰ Mennen 2011, 25.

²¹ Syme 1971, 195–196.

²² Körner 2002, 295.

²³ Обратным примером может служить император Тацит, который в течение краткого правления в 276 г. успел вернуть сенату несколько привилегий, отнятых ранее: право избирать принципсов, заниматься внешней политикой и др. (SHA Tac. 6–12); Князький 1999, 51.

²⁴ О самой надписи см.: Babcock 1962, 147–158.

²⁵ Bianchi 1983, 197.

²⁶ Millar 1972, 145–160; Bleckmann 2006, 61.

²⁷ Nock 1930, 251–274.

емлемым было не только христианство, но и многочисленные восточные культы, которые все более проникали в пределы *Roma quadrata* в первой половине III в.

Деций вступает в Рим в начале осени 249 г., а спустя полгода появляется эдикт о всеобщем жертвоприношении²⁸, текст которого не сохранился²⁹. Не ясно ни время издания его³⁰, ни был ли это единственный эдикт или несколько, на что как будто указывает оговорка Киприана³¹. Большинство исследователей согласно с тем, что эдикт появился на рубеже 249–250 гг., однако попытка связать его с какой-то датой римского календаря, праздником, военным или политическим событием не увенчалась успехом³². Наиболее ранняя дата, которая есть в распоряжении ученых, – это свидетельство не всегда надежного Римского мартиролога о гибели местного епископа Фабиана 20 января 250 г. Если прибавить к этому, что ареста смирнского пресвитера Пиония произошел 23 февраля 250 г., то с учетом времени доставки и обнародования эдикта все указывает на то, что он появился осенью 249 г. или зимой 250 г. Нижняя граница определяется египетскими либеллами, которые датируются июнем-июлем 250 г.³³ Во всяком случае, нет никаких свидетельств о проведении жертвоприношений во второй половине 250 г., и принято считать, что либо они успешно завершились, либо император потерял к ним интерес в силу резкого ухудшения внешнеполитической ситуации, либо что-то пошло не так и не оправдало надежд Деция³⁴.

Какова же цель этого длительного и, очевидно, дорогостоящего мероприятия? У.К. Френд видел в эдикте Деция продолжение политики Максимиана, то есть общего жертвоприношения с целью успокоить население в период кризиса и военной опасности³⁵. Здесь, впрочем, остается загадочным назначение либелл. Ведь если целью было успокоить население, как это было ранее, не было никакой нужды выдавать специальные свидетельства об этом. Д.Т. Оборн предположил, что эдикт Деция имел исключительно экономическую направленность, подобно тому, как эдикт Каракаллы 212 г., даровавший римское гражданство всему населению Империи, обосновывался необходимостью сделать «почитателями богов peregrinos», а в действительности, по сообщению Диона Кассия, имел целью расширить число налогоплательщиков (*Dio. LXXVII, 9*)³⁶. Впрочем, Д. Т. Оборн не поясняет, был ли от мероприятий Деция с учетом затрат на сами жертвоприношения хоть какой-то экономический эффект, тем более соглашаясь тем, что воз-

²⁸ Датировка событий, связанных с Децием, подробно представлена: Kienast 1996, 204–208.

²⁹ В 1664 г. гуманист Бернард Медоний опубликовал некую рукопись, подаренную ему другом, под названием «*Decii augusti imperatoris edictum adversus Christianos*». Этот документ от имени Деция и его сына Герения Этруска с целью сохранения религиозного мира запрещал христианскую секту и требовал всеобщего жертвоприношения богам. Впрочем, уже в XVIII в. данный памятник был признан подделкой: *Decii augusti imperatoris edictum adversus Christianos, nunc primum editum a Bernardo Medonio. Tolosae, 1664*. Подробнее см.: Fagnoli 2014, 199.

³⁰ Различные гипотезы относительно времени появления эдикта Деция см.: Федосик 1991, 94.

³¹ В одном из посланий Киприан говорит о «диких эдиктах» (*feralia edicta*) во множественном числе, что дало основание ряду ученых говорить о нескольких волнах преследований (Сург. Ер., 55, 9): Frend 1965, 406–407; Alföldy 1967, 286; Clarke 1973, 650–663; Sordi 1994, 102–105.

³² Selinger 2002, 32.

³³ Williams 2013, 182.

³⁴ Fagnoli 2014, 204.

³⁵ Frend 1965, 389–390.

³⁶ Oborn 1933, 67–77.

можные доходы от гипотетической конфискации имущества Церкви или других недовольных в масштабе Империи были незначительны. Несколько особняком стоит точка зрения Р. Зелингера, который видит в религиозных мероприятиях Деция растянувшиеся на полгода празднества в честь восшествия нового императора³⁷. Анализируя аналогичные мероприятия со времени правления Юлиев-Клавдиев, он приходит к заключению, что либеллы были не чем иным, как письменным свидетельством той клятвы, которую воины и римские чиновники давали новому императору. Только в этот раз «к присяге» было приведено все население Империи. Естественно, столь масштабное мероприятие не могло произойти в короткие сроки. Неопределенность, которая сложилась в историографии, породила даже такие экзотические гипотезы, как то, что религиозная политика Деция была не чем иным, как проявлением римского тоталитаризма³⁸. Скептически ученые относятся к идее о том, что Деций пытался провести в религиозной сфере реформу, схожую с гражданской реформой Каракаллы, а именно добиться унификации религиозной жизни Империи³⁹.

Кто же, кроме христиан, могли игнорировать общеимперские жертвоприношения? Вероятно, манихеи, однако о преследовании их ничего неизвестно. Б. Блекманн полагает, что это были сторонники Филиппа Араба. Тот факт, что Деций, вероятно, предал своего предшественника *damnatio memoria*, очевидно, послужил основанием для христианских авторов заподозрить Филиппа Араба в лояльности к христианам и даже считать его тайным христианином (Zon. 12, 20; Oros. Hist. adv. pag. 7, 21, 2; Georg. Mon. 357, Euseb. HE. VI, 34). Однако в современной исследовательской литературе, пожалуй, сложился консенсус против данного воззрения⁴⁰. Одним из самых очевидных аргументов в этой связи является то, что избиение христиан в Александрии началось за год до гонения Деция и правительство Филиппа никак не реагировало на это, хотя, возможно, император был в курсе происходящего (Euseb. HE. VI, 41, 1). Здесь можно согласиться с гипотезой Б. Блекманна, который, обращаясь к словам Евсевия о том, что Деций «из ненависти к Филиппу он поднял на Церковь гонение» (Euseb. HE. VI, 39, 1), предположил, что репрессии коснулись сторонников Филиппа наравне с христианами и это позднее стало причиной благожелательного отношения к нему церковных авторов⁴¹.

Нам представляется, что реальную угрозу для императора Деция представляли не сторонники свергнутого Филиппа, а другие претенденты на власть. То, что Деций отнюдь не планировал быть временщиком на троне и повторить печальную судьбу своих многочисленных предшественников из числа «солдатских императоров», не вызывает сомнений. Надежду на установление новой замечательной династии давало наличие двух сыновей, старшего из которых Герения Этруска он делает цезарем и наделяет трибунской властью (ILS. 515–518)⁴². Жена

³⁷ Selinger 2002, 27–62.

³⁸ Huttner 2006, 37–50.

³⁹ Так, например, Ю.Б. Циркин полагает, что «для 40-х гг. III в. время для таких попыток еще не пришло»: Циркин 2009, 316.

⁴⁰ Körner 2002, 294; Циркин 2009, 317.

⁴¹ Bleckmann 2006, 65–66.

⁴² Ю.Б. Циркин предположил, что также он мог разделить власть и с младшим сыном – Гостилианом: Циркин 2009, 322–323.

Деция получает титул «матери лагерей» (ILS. 521). Тем не менее, положение новой династии отнюдь не было прочным. К моменту восшествия Деция на престол его соперником на Востоке был Иотапиан. Позднее в Македонии императором был провозглашен Приск, а в Риме Юлий Валент Лициниан. Все эти обстоятельства свидетельствовали о крайне напряженной нутриполитической обстановке; очевидно, понимал это и Деций, и первое, что было необходимо, – это сплотить вокруг себя все население Империи. Вряд ли какое-то особое отношение к императорскому культу проявили бы серьезные заговорщики, но, поскольку процесс жертвоприношений проходил под наблюдением специальной комиссии и многих собравшихся, они вполне могли указать на нелояльных сограждан. На наш взгляд, в этом и заключался истинный смысл всего мероприятия. Одной из характернейших черт кризиса III в. было все более глубокое и последовательное усиление монархической власти, итогом которого и стало установление домината Диоклетиана. Этот процесс сопровождался унификацией всех сторон жизни государства, а в религиозной сфере попыткой создания стройного религиозного культа. Аврелиан остановил свой выбор на культе Солнца Непобедимого, Диоклетиан придал новый импульс императорскому культу, обожествив персону императора, Константин принял христианство.

В данном случае мы, вероятно, сталкиваемся не с возрождением римской религиозности, а с попыткой придать новое качество императорскому культу, сделать его обязательным, обеспечив таким образом политическую лояльность населения. То, что эта попытка проводилась в жизнь весьма репрессивными мерами, скорее соответствует веку «солдатских императоров», чем уходящей эпохе становления принципата. Как представляется, ключом к пониманию всего процесса служат либеллы, свидетельства агиографических источников и сообщения Киприана. Карфагенский епископ отмечает ряд ценных подробностей, например, что одна из христианок по имени Етекуза присутствовала при жертвоприношениях рядом с храмом *Tria Fata*; иными словами, жертвы в Риме приносились на Капитолийском холме (Сург. Ер. 20, 3). Точность свидетельства Киприана подтверждает полулегендарное «Мученичество Трифона», где христиане исповедуют свою веру именно в этом месте (Mart. Tryph. 4)⁴³. Эта локализация достаточно интересна, поскольку храм *Tria Fata*, равно как и храм Януса, располагались рядом со старым форумом и зданием сената. Очевидно, на форуме и проходил процесс освидетельствования жертвователей, и от форума тянулась очередь к ближайшему храму, из которой и пыталась убежать Етекуза. В Карфагене жертвоприношения проходили также на Капитолии. В Смирне храм Немесиды располагался рядом с местным театром, который с прилегающей площадью мог вместить большое количество жертвователей (Pass. Pion. 18, 14). Иными словами, можно предположить, что это было действительно массовое гражданское мероприятие, включавшее два этапа, – собственно жертвоприношение и освидетельствование после. То, что для его проведения избирался центр города, могло быть обусловлено как удобством, так и подчеркивать государственный масштаб мероприятия. Кроме того, во всех случаях мы видим совершенно разные храмы, где проводились жертвоприношения, что, если это было стандартное отправление императорского культа, вполне

⁴³ Подробнее см.: Franchi de'Cavalieri 1908, 32.

объяснимо. Фраза, которая повторяется во всех египетских либеллах, что жертвователь «всегда был благочестив к богам» и теперь «в соответствии с повелением» приносит жертву, может означать, что он всегда был лояльным участником императорского культа и принимает участие в нем вновь.

В этом смысле христиане становились неизбежными, но все же случайными жертвами политики Деция. Известные нам процессы не позволяют выявить применение какой-то новой законодательной практики. Верующих пытаются, требуя у них отречения, и в случае отказа казнят. Процессы над христианами, как и ранее, возложены на местных чиновников и требуют участия наместника провинции для вынесения смертного приговора, который, в свою очередь, мог не относиться серьезно к требованиям Рима⁴⁴. Более того, как справедливо указывает Б. Блекманн, обращаясь к «Мученичеству Пиония», несовместимость христианской веры с жертвоприношениями, организованными Децием, была изначально неочевидна для многих христиан⁴⁵. Массовые случаи отступничества, на наш взгляд, связаны не с деградировавшим к середине III в. моральным состоянием Церкви, а с тем, что многим мероприятия Деция виделись скорее политическими, чем собственно религиозными. Такая ситуация продолжалась до тех пор, пока позиция Церкви не была озвучена епископами крупнейших епархий. Кроме того, реакция разных частей христианского мира на одни и те же события была разной. Если чудесное спасение Дионисия в Александрии воспринималось как Божие чудо, то бегство Киприана из Карфагена легло несмыслаемым пятном на его последующее служение. Здесь особенным образом проявилась специфика Африканской Церкви. Подобно тому, как во время Великого гонения отношения к передаче церковного имущества и книг властям будут разным на Западе и на Востоке, в Африке все, кто в любом качестве принял участие в жертвоприношении Деция, становились отступниками. Безусловно, было немало и тех, кто принял мученическую смерть. Среди епископов это Фабиан Римский, Вавила Антиохийский, Александр Иерусалимский, Нестор Магиддийский, Никон Тавроменийский и др., а также множество клириков и мирян. Нетрудно заметить, что погибли не просто епископы, но главы крупнейших кафедр Церкви, а остальные были вынуждены искать спасение в бегстве. Эти события, несомненно, оказали самое тягостное впечатление на Церковь, следствием чего стали два процесса: длительный спор о судьбе отступников, который в результате решился определением границ Церкви вообще, а также резкому росту почитания мученичества, что особенно проявилось уже в следующее гонение Валериана.

ЛИТЕРАТУРА

Болотов, В.В. 1903: Гонения на христиан при Нероне. В сб.: Болотов В.В. (изд.), *Гонения на христиан при Нероне. II. К вопросу об Acta Martyrum Scilitanorum*. СПб., 1–17.

Болотов, В.В. 1994: *Лекции по истории Древней Церкви. Ч. 2: История Церкви в период до Константина Великого*. М.

Волчков, А.С. 2008: Римское законодательство относительно религиозных и профессиональных союзов. *Мнемон* 7, 321–344

⁴⁴ Schwarz 1947, 368.

⁴⁵ Bleckmann 2006, 58.

- Князький, И.О. 1999: *Император Диоклетиан и конец античного мира: Государственные и правовые реформы начала домината*. М.
- Пантелеев, А.Д. 2005: *Христианство в Римской империи во II-III вв. к проблеме взаимоотношений новых религиозных течений и традиционного общества и государства: автореф. дисс... канд. ист. наук*. СПб.
- Пантелеев, А.Д. 2005: Христиане в правление Марка Аврелия. *Мнемон* 4, 305–316.
- Пантелеев, А.Д. Акты Карпа, Папила и Аготоники. *Antiquitas Aeterna* 3, 295–307.
- Федосик, В.А. 1991: *Киприан и античное христианство*. Минск.
- Циркин, Ю.Б. 2009: Император Деций: попытка возрождения Рима. *Мнемон* 8, 313–328.
- Alföldy, A. 1967: *Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus*. Darmstadt.
- Alföldy, G. 1989: *Die Krise des römischen Reiches. Geschichte, Geschichtsschreibung und Geschichtsbetrachtung*. Wiesbaden.
- Babcock, C.L. 1962: An Inscription of Trajan Decius from Cosa. *The American Journal of Philology* 83 2, 147–158.
- Bianchi, A. 1983: Aspetti della politica economico-fiscale di Filippo l'Arabo. *Aegyptus* 63, 52–66.
- Bleckmann, B. 2006: Zu den Motiven der Christenverfolgung des Decius. Deleto paene imperio Romano. In: K.-P. Johne, T. Gerhardt, U. Hartmann (eds), *Transformationsprozesse des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert und ihre Rezeption in der Neuzeit*. Stuttgart, 57–71.
- Bludau, A. 1931: *Die ägyptischen Libelli und die Christenverfolgung des Kaisers Decius*. Freiburg i.Br.
- Burckhardt, J. 1880: *Die Zeit Constantin's des Grossen / 2. Auf.* Leipzig.
- Clarke, G. W. 1973: Double-Trials in the Persecution of Decius. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 22, 650–663.
- Fargnoli, I. 2014: Tückischer Tyrann oder glänzender Herrscher? Zur Gesetzgebung des Kaisers Decius. In: M. Schermaier, R. Fiori, E. Metzger, J.-P. Coriat (eds), *Inter cives necnon peregrinos*. Goettingen, 199–217.
- Franchi de'Cavalieri, P. 1908: *Osservazioni sulle leggende dei ss. martiri Mena e Trifone. 2. Della leggenda di s. Pancrazio Romano. 3. Intorno ad alcune reminiscenze classiche nelle leggende agiografiche del IV secolo*. Roma.
- Frend, W.H.C. 1965: *Martyrdom and Persecution in the Early Church*. Oxford.
- Huttner, U. 2006: Zwischen Traditionalismus und Totalitarismus. Zur Ideologie und Praxis der Regierung des Kaisers Decius. In: K.-P. Johne, T. Gerhardt, U. Hartmann (eds), *Deleto paene imperio Romano. Transformationsprozesse des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert und ihre Rezeption in der Neuzeit*. Stuttgart, 37–50.
- Keresztes, P. 1979: The Imperial Roman Government and the Christian Church I: From Nero to the Severi. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 23 1, 247–315.
- Kienast, D. 1996: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie / 2., durchges. und erw. Aufl., Studienausg.* Darmstadt.
- Knipfing, J. R. 1923: The libelli of the Decian persecution. *The Harvard Theological Review* 16, 345–390.
- Körner, C. 2002: *Philippus Arabs*. Berlin.
- Marucchi, O. 1974: *Christian Epigraphy: An Elementary Treatise with a Collection of Ancient Christian Inscriptions Mainly of Roman Origin. Unchanged repr. of the 1911 ed.* Chicago.
- Massebieau, L. 1884: Les sacrifices ordonnés à Carthage au commencement de la persécution de Decius. *Revue de l'histoire des religions* 9, 65–84.
- Mennen, I. 2011: *Power and status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden–Boston.
- Millar, F. 1973: The Imperial Cult and the Persecutions. *The imperial cult and persecutions, Le culte de souverains dans l'empire Romain*. Geneva, 143–175.

- Nock, A.D. A 1930: *Diis Electa: A Chapter in the Religious History of the Third Century*. *Harvard Theological Review* 23, 251–274.
- Oborn, G.T. 1933: Why Did Decius and Valerian Proscribe Christianity? *Church History* 2 22:, 67–77.
- Pohlsander, H.A. 1986: The Religion Policy of Decius. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 16. 3, 214–222.
- Rives, J.B. 1999: The Decree of Decius and the Religion of Empire. *The Journal of Roman Studies* 89, 1826–1842.
- Roasenda, P. 1927: Decio e i libellatici. *Didascaleion* 5, 31–68.
- Santos Yanguas, N. 1994–1995: Decio y la persecucion anticristiana. *Memorias de Historia Antigua* 15–16, 143–181.
- Schoenaich, G. 1910: *Die Libelli und ihre Bedeutung für die Christenverfolgung des Kaisers Decius*. Breslau, 3–38.
- Schwarz, J. 1947: Une declaration de sacrifice du temps de Dece. *Revue Biblique* 3, 365–369.
- Selinger, R. 2002: *The Mid-Third Century Persecutions of Decius and Valerian*. Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien.
- Sordi, M. 1986: *The Christians and the Roman Empire*. London.
- Syme, R. 1971: *Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta*. Oxford.
- Williams, T.B. 2013: *Persecution in 1 Peter: Differentiating and Contextualizing Early Christian Suffering*. Leiden– Boston.

REFERENCES

- Alföldy, A. 1967: *Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus*. Darmstadt.
- Alföldy, G. 1989: *Die Krise des römischen Reiches. Geschichte, Geschichtsschreibung und Geschichtsbetrachtung*. Wiesbaden.
- Babcock, C.L. 1962: An Inscription of Trajan Decius from Cosa. *The American Journal of Philology* 83 2, 147–158.
- Bianchi, A. 1983: Aspetti della politica economico-fiscale di Filippo l'Arabo. *Aegyptus* 63, 52–66.
- Bleckmann, B. 2006: Zu den Motiven der Christenverfolgung des Decius. Deleto paene imperio Romano. In: K.-P. Johne, T. Gerhardt, U. Hartmann (eds), *Transformationsprozesse des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert und ihre Rezeption in der Neuzeit*. Stuttgart, 57–71.
- Bludau, A. 1931: *Die ägyptischen Libelli und die Christenverfolgung des Kaisers Decius*. Freiburg i.Br.
- Bolotov, V.V. 1903: Goneniya na hristian pri Nerone. In: Bolotov V. V. (ed), *I. Goneniya na hristian pri Nerone. II. K voprosu ob Acta Martyrum Scilitanorum*. Saint-Petersburg, 1–17.
- Bolotov, V.V. 1994: *Lektsii po istorii Drevney Tserkvi. Ch. 2: Istoriya Tserkvi v period do Konstantina Velikogo*. Moscow.
- Burckhardt, J. 1880: *Die Zeit Constantin's des Grossen / 2. Auf.* Leipzig.
- Clarke, G.W. 1973: Double-Trials in the Persecution of Decius. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 22, 650–663.
- Fargnoli, I. 2014: Tückischer Tyrann oder glänzender Herrscher? Zur Gesetzgebung des Kaisers Decius. In: M. Schermaier, R. Fiori, E. Metzger, J.-P. Coriat (eds), *Inter cives necnon peregrinos*. Goettingen, 199–217.
- Fedosik, V.A. 1991: *Kiprian i antichnoe hristianstvo*. Minsk.
- Franchi de'Cavalieri, P. 1908: *Osservazioni sulle leggende dei ss. martiri Mena e Trifone. 2. Della leggenda di s. Pancrazio Romano. 3. Intorno ad alcune reminiscenze classiche nelle leggende agiografiche del IV secolo*. Roma.
- Frend, W.H.C. 1965: *Martyrdom and Persecution in the Early Church*. Oxford.

- Huttner, U. 2006: Zwischen Traditionalismus und Totalitarismus. Zur Ideologie und Praxis der Regierung des Kaisers Decius. In: K.-P. Johne, T. Gerhardt, U. Hartmann (eds), *Deleto patene imperio Romano. Transformationsprozesse des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert und ihre Rezeption in der Neuzeit*. Stuttgart, 37–50.
- Keresztes, P. 1979: The Imperial Roman Government and the Christian Church I: From Nero to the Severi. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* I. II. 23 1, 247–315.
- Kienast, D. 1996: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. 2, durchges. und erw. Aufl., Studienausg. Darmstadt.
- Knipfing, J.R. 1923: The libelli of the Decian persecution. *The Harvard Theological Review* 16, 345–390.
- Knyazkiy, I.O. 1999: *Imperator Diokletian i konets antichnogo mira: Gosudarstvennyye i pravovyye reformy nachala dominata*. M.
- Körner, C. 2002: *Philippus Arabs*. Berlin.
- Marucchi, O. 1974: *Christian Epigraphy: An Elementary Treatise with a Collection of Ancient Christian Inscriptions Mainly of Roman Origin*. Unchanged repr. of the 1911 ed. Chicago.
- Massebieau, L. 1884: Les sacrifices ordonnés à Carthage au commencement de la persécution de Decius. *Revue de l'histoire des religions* 9, 65–84.
- Mennen, I. 2011: *Power and status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden–Boston.
- Millar, F. 1973: The Imperial Cult and the Persecutions. *The imperial cult and persecutions, Le culte de souverains dans l'empire Romain*. Geneva, 143–175.
- Nock, A.D.A. 1930: Diis Electa: A Chapter in the Religious History of the Third Century. *Harvard Theological Review* 23, 251–274.
- Oborn, G.T. 1933: Why Did Decius and Valerian Proscribe Christianity? *Church History* 2 22, 67–77.
- Panteleev, A.D. Aktyi Karpa, Papila i Agotoniki. *Antiquitas Aeterna* 3, 295–307.
- Panteleev, A.D. 2005: *Hristianstvo v Rimskoy imperii vo II-III vv. k probleme vzaimootnosheniy novykh religioznykh techeniy i traditsionnogo obschestva i gosudarstva: avtoref. diss... kand. ist. nauk*. Saint-Petersburg.
- Panteleev, A.D. 2005: Hristiane v pravlenie Marka Avreliya. *Mnemon* 4, 305–316.
- Pohlsander, H.A. 1986: The Religion Policy of Decius. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* I II. 16. 3, 214–222.
- Rives, J. B. 1999: The Decree of Decius and the Religion of Empire. *The Journal of Roman Studies* 89, 1826–1842.
- Roasenda, P. 1927: Decio e i libellatici. *Didascaleion* 5, 31–68.
- Santos Yanguas, N. 1994–1995: Decio y la persecucion anticristiana. *Memorias de Historia Antigua*, 15–16, 143–181.
- Schoenaich, G. 1910: *Die Libelli und ihre Bedeutung für die Christenverfolgung des Kaisers Decius*. Breslau, 3–38.
- Schwarz, J. 1947: Une declaration de sacrifice du temps de Dece. *Revue Biblique* 3, 365–369.
- Selinger, R. 2002: *The Mid-Third Century Persecutions of Decius and Valerian*. Frankfurt am Main–Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Wien.
- Sordi, M. 1986: *The Christians and the Roman Empire*. London.
- Syme, R. 1971: *Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta*. Oxford.
- Tsirkin, Yu.B. 2009: Imperator Detsiy: popytka vrozhdeniya Rima. *Mnemon* 8, 313–328.
- Volchkov, A.S. 2008: Rimskoe zakonodatelstvo otnositelno religioznykh i professionalnykh soyuzov. *Mnemon* 7, 321–344.
- Williams, T.B. 2013: *Persecution in 1 Peter: Differentiating and Contextualizing Early Christian Suffering*. Leiden–Boston.

DECIUS' PERSECUTIONS AND THE CHURCH IN THE MIDDLE OF THE 3rd
CENTURY: MARTYRS AND AUTHORITIES

Alexsey V. Kargaltsev

Saint Petersburg University, Russia,
kargaltsev@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the circumstances of Decius' publication edict about general sacrifice, which was issued six months later after the emperor had come to power in AD 249. The edict provoked the first persecution of Christians across all the empire. Unnoticed by the Roman historians, the circumstances of the event became known due to the writings of Christian authors, who assumed Decius to be a persecutor of believers. The content and purpose of the edict has still been debated in the scholarship. Christian interpretation of the Emperor's policy has been criticized since the end of the 19th century. The discovery of the certificates issued to donors, which content shows that the sacrifice to the emperor was made by the entire population of the state, precluded that the edict was directed against Christians. According to new interpretation, its aim was to present the sacrifice of the Emperor as a revival of "traditional Roman religion". However, this idea also faced criticism because sacrifices were made not only in the traditional temples of the Roman gods. The fact that Christians in the middle of the 3rd century weren't threat to Rome, is noteworthy. Decius, who came to power in a bloody civil war, had domestic political opponents among the usurpers, supporters of the deposed Philip the Arab, and other malcontents. The information presented in the article is based on the whole complex of few in number sources, especially on the hagiographic tradition, and develops the hypothesis that the religious policy of Decius was a qualitative development of the imperial cult, which accidental, but inevitable, victims were Christians.

Key words: Decius, Roman Empire, martyrs, hagiography, Cyprian of Carthage

Северное Причерноморье

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 166–185
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 166–185
© Автор(ы) 2016

РИМСКАЯ СТРАТЕГИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА*

С.В. Ярцев

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого, Тула,
s-yartsev@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется стратегия императора Юлиана в Северном Причерноморье. По мнению автора, улучшение гото-римских отношений в это время необходимо рассматривать в контексте изменений отношений императора к Боспорскому царству. Восстановление самостоятельности Боспора неизбежно вело к попытке воссоздания восточного участка буферной зоны в Северном Причерноморье, где ключевым городом вновь должен был стать Танаис. Это, в свою очередь, подразумевало укрепление и западного участка буферной зоны (археологическим отражением которого стало возведение крепостей по Днепровской пограничной линии готской территории). Таким образом, именно данная стратегия явилась главной причиной одновременной нормализации отношений, как с готами, так и с Боспором. Более того, с данным периодом необходимо связывать и появление гуннов в Северном Причерноморье. Именно появившиеся здесь новые кочевники с востока, стали ключевым звеном восстановленного императором первого пояса обороны буферной зоны в регионе. При этом по приказу римского командования, освобождая от аланского влияния территорию Нижнего Дона, гунны опирались на союз с сарматами (ставшие с недавних пор аланами-танаитами), представители которых не один раз уже занимали боспорский трон. Во многом он стал возможен, благодаря тому, что данный сармато-иранский клан выводил свою родословную к сарматским царям I в. н.э. Фарзою и Инисмею, в окружении которых возможно уже тогда находилось, какое-то количество азиатских хуннов или их потомков. Таким образом, за короткое время правления императора Юлиана, в Северном Причерноморье была восстановлена эшелонированная буферная зона, перекрывшая варварам аланского племенного союза все возможные пути в сторону римских границ.

Ярцев Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого. E-mail: s-yartsev@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

Восстановленная Константином Великим буферная зона в Северном Причерноморье, безусловно, являлась отражением процесса возвращения римского государства на свой традиционный путь развития в направлении экспансии и дальнейшего расширения своих границ. При этом в своей стратегии император ориентировался на самый жесткий вариант данной системы, функционировавший еще в эпоху Адриана. Однако буферная зона эпохи Константина лишь отдаленно напоминала указанную систему, состоявшую в то время из сильных античных центров и зависимых варваров. Главной ее особенностью стала максимальная ослабленность Боспорского царства, вскоре совсем потерявшего свою самостоятельность. С одной стороны, действительно экономически слабое Боспорское государство, лишенное мощного флота, не представляло теперь никакой серьезной опасности для империи и ее новой столицы. С другой стороны, именно по этим же причинам в Северо-Восточном Причерноморье невозможно было восстановить первую линию буферной зоны, которая в период позднего принципата состояла из союзных орд, не пропускающих враждебных варваров к античным центрам Северного Причерноморья и далее – к дунайским границам империи. Координация действий с такими союзниками осуществлялась именно через боспорские города, и в первую очередь через Танаис¹.

Напряженная ситуация в Северном Причерноморье, судя по всему, стала меняться к лучшему только в годы правления Юлиана, получившего, как известно, имя Юлиана Отступника (361–363 гг.). Не исключено, что именно поворот нового императора к язычеству, стал необходимым условием в нормализации отношений с готами. Если вначале его правления «близкие к нему люди советовали напасть на соседних готов, часто проявлявших коварство и вероломство» (Amm. Marc. XXII. 7, 8), то уже вскоре мы видим вспомогательные отряды последних в армии Юлиана (Amm. Marc. XXIII. 2, 7). Юлиан, как известно, отказал сторонникам войны с готами, мотивируя свой отказ тем, «что ищет лучшего врага» (Amm. Marc. XXII. 7, 8). По нашему мнению, данное свидетельство о сдвиге в гото-римских отношениях при Юлиане необходимо рассматривать в контексте изменений отношений императора к Боспорскому царству, которое до этого в течение 20 лет, скорее всего, находилось в автономном управлении Херсонеса². Дело в том, что восстановление самостоятельности Боспора неизбежно вело к попытке воссоздания восточного участка буферной зоны в Северном Причерноморье. Это, в свою очередь, подразумевало и укрепление ее западного участка в Северо-Западном Причерноморье. Таким образом, именно данная стратегия и явилась главной причиной одновременной нормализации отношений как с готами, так и с Боспором.

Археологическим отражением сложившейся в Северном Причерноморье новой ситуации, безусловно, являются выявленные остатки укрепленных крепостей по Днепровской пограничной линии готской территории³. Речь идет о хорошо

¹ Подробнее см.: Ярцев 2015, 148–155.

² Ярцев 2014, 109–110.

³ Принадлежность к черняховской культуре городища Городок, расположенного вне этой линии, в глубоком тылу грейтунгов, не подтвердилось раскопками (Левада 2006, 63).

известных городищах Александровка⁴ и Башмачка⁵. Здесь в первую очередь необходимо обратить внимание на то, что городище Башмачка, несмотря на всю сложность интерпретации этого многослойного памятника, прикрывало переправу в районе Днепровских порогов⁶, а Александровка, возможно, торговый путь из Крыма⁷, то есть данные укрепления однозначно были рассчитаны на угрозу с востока.

Далее отметим, что планировка крепости у с. Александровка в традиции римских военных лагерей линейно-казарменного типа явно свидетельствует о том, что человек, руководивший ее возведением, имел прямое отношение к римскому военному делу и службе в войсках империи⁸. Такой вывод подтверждается и значительным доминированием здесь античного материала над черняховским. Особенно выделяются фрагменты амфор типа «100» (Делакеу) по И.Б. Зеест и, в гораздо меньшем количестве, типа «F» и «E» по Д.Б. Шелову⁹, а также фрагменты лепной позднескифской керамики, имеющие аналоги только в Крыму¹⁰. Однако самой удивительной находкой является каменный жертвенный алтарь, аналогичный боспорским «эсхарам»¹¹. Все это свидетельствует о том, что службу здесь, за счет римских субсидий, во второй половине IV в. н.э. проходил смешанный гарнизон, в составе которого находились выходцы с территории Боспора. Другими словами, совместная организация обороны дальних подступов империи была организована с опорой как на готов, так и на восстановившее свою самостоятельность Боспорское царство. При этом главным источником опасности могли выступать, судя по направлению, аланы или же появившиеся с востока гунны, возможно, напавшие в это время на Фанагорию¹².

Тем не менее, комплексный анализ источников показывает, что наиболее опасная угроза для римского мира в тот момент исходила именно от алан. Напомним, что археологическим отражением существования этого народа являлась довольно яркая культура, ядро которой располагалось в предгорных районах Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Сеть городищ, чрезвычайно высокая концентрация населения, громадные фортификационные сооружения и трудоемкие погребальные конструкции, требующие высокой организации общества, однозначно свидетельствуют о происходивших здесь глубоких процессах урбанизации¹³. При этом отметим, что военная активность алан неуклонно возрастала, что следует из сообщений известного средневекового грузинского историка Леонтии Мровели¹⁴.

Однако, осознавая аланскую угрозу, Юлиан вряд ли мог предложить что-то эффективней, чем систему буферной зоны периода позднего принципата. В то время это была наиболее действенная, тщательно продуманная и глубоко эшелон-

⁴ Магомедов 1987, 26–41.

⁵ Смиленко 1992.

⁶ Левада 2006, 62, 65–66.

⁷ Магомедов 1987, 40.

⁸ Магомедов 1987, 33; Левада 2006, 61.

⁹ Магомедов 1987, 35–37.

¹⁰ Левада 2006, 63–64.

¹¹ Магомедов 1987, 30; Левада 2006, 63–64.

¹² Кобылина 1978, 30–35; Šćukin, Kazanski, Sharov 2006, 176.

¹³ Малашев 2014, 72–83.

¹⁴ Габуев 2014, 85.

нированная оборона дальних подступов к империи, несомненно, представляющая собой эффективный заслон от проникновения кочевников с востока. Если у Юлиана и существовали какие-то планы по отношению к Северному Причерноморью, а они, судя по всему, действительно имелись, то он должен был ориентироваться именно на этот вариант организованной обороны. Основное ядро буферной зоны, состоящее из античных центров и окружающее варварское население, восстановил еще Константин. Задача Юлиана заключалась в воссоздании первого пояса указанной системы. Помимо возрождения Боспора здесь требовалось восстановить Танаис, а также заключить союзный договор с могущественными номадами, которые, как и раньше, смогли бы контролировать степи Северо-Восточного Причерноморья и успешно противостоять аланам.

В этой связи огромный интерес вызывают сообщения античных авторов о загадочных войнах на Нижнем Дону, причем все они странным образом велись приблизительно в одно время, незадолго до нашествия гуннов на готы в 376 году. Так, рассказ Иордана в деталях рисует нам войну Эрманариха с элурами за устье Дона (Iord. Get. 117), однако почему-то совсем ничего не сообщает о неизбежных в данной ситуации столкновениях с соседними аланами-танаитами или гуннами, действительными хозяевами этих мест. Этот пробел вроде бы восполняется Аммианом Марцеллином, сообщаям, что «гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» (Amm. Marc. XXXI. 3, 1). Однако в данном случае уже ничего не говорится о живущих в болотистой дельте меотийцах¹⁵, которых просто не могли не затронуть указанные военные действия. Допустить же завоевание территории Нижнего Дона только какой-то одной заинтересованной стороной (Боспором, готами или гуннами) вряд ли будет считаться возможным, так как это противоречит всем остальным имеющимся сведениям. Мирные отношения между гуннами и Боспором, в результате которых был даже восстановлен Танаис¹⁶, и «внезапность» начавшейся позднее войны между гуннами и готами (Amm. Marc. XXXI. 3, 1) более свидетельствуют не о конфронтации, а об интеграционных процессах между всеми указанными силами. Во всяком случае, вполне можно говорить о скоординированности действий Боспора и его варваров с отрядами готы и гуннов, направленных, скорее всего, против аланов, этих старых врагов римского мира. Напомним, что еще с середины III в. н.э. на Нижнем Дону среди сарматских погребальных сооружений традиционного типа получили распространение и Т-образные склепы, нередко с коротким дромосом, как и в аланских районах Центрального Предкавказья. Вероятно, указанные военные действия были направлены на устранение господства этой аланской верхушки или же на полную ликвидацию власти кавказских алан на Нижнем Дону. Союзниками гуннов в этом случае могли быть представители известного нам уже сармато-иранского клана, возводившие свой род к знаменитым царям I в. н.э. Фарзою и Инисмею. Конница гуннов никогда бы не смогла освободить болотистую дельту Дона от варваров,

¹⁵ Те из элуры, кто отказался в свое время переселиться на территорию Боспора, оставшись на враждебных к римскому миру позициях, судя по археологическим данным, проживали в дельте Дона вплоть до восстановления Танаиса (Гудименко, Толочко 2012, 180–217).

¹⁶ Обломский 2010, 174–202.

не приди ей на помощь сухопутные отряды готов Эрманариха. Все это позволяет считать, что приведенные выше сообщения являются отголосками хорошо спланированной римским командованием военной операции, предваряющей работы по восстановлению Танаиса и имеющей главной целью воссоздание восточного участка буферной зоны в Северном Причерноморье.

К сожалению, определить точную хронологию указанных событий, так или иначе связанных с появлением гуннов в Северном Причерноморье, очень трудно. Это связано в первую очередь с недостаточностью данных как письменных, так и археологических источников. Несмотря на то что рассказ о гуннах у Аммиана Марцеллина размещен в книге, посвященной событиям правления Валента, это вовсе не означает, что именно к данному времени и необходимо отнести появление указанных кочевников в Северном Причерноморье. По нашему мнению, наиболее вероятно датировать это событие годами правления Юлиана, когда императором активно восстанавливался первый пояс буферной зоны в Северо-Восточном Причерноморье. Дело в том, что появление новых кочевников хорошо согласуется со всеми остальными мероприятиями Юлиана в Северном Причерноморье в рамках развития римской стратегии: восстановлением самостоятельности Боспора, возведением крепостей по Днепру за римские субсидии и с опорой на боспорские ресурсы и захватом Северного Приазовья, где в скором времени должен был возродиться Танаис – главный центр по координации действий с новыми союзниками. Все эти действия по восстановлению восточного участка буферной зоны однозначно были направлены против алан, поэтому и появление гуннов более соответствует ситуации, сложившейся именно в данное время.

Что же касается мнения о более позднем появлении данных кочевников, то здесь необходимо, в первую очередь, обратить внимание на полное отсутствие каких-либо письменных или археологических источников, однозначно свидетельствующих о приходе последних на Боспор или непосредственно на римскую территорию в указанный период. На фоне резкого обострения римско-готских отношений при Валенте, не особо сильно изменившихся в лучшую сторону и после договора 369 года, появление новых римских «друзей» с востока явно противоречит серьезному притуплению бдительности грейтунгов в данное время, что во многом и позволило внезапным ударом прорвать оборону варваров. Если бы гунны появились в Северном Причерноморье при этом императоре, отношения с которым у готов не сложились с самого начала, вряд ли грейтунги, даже с учетом договора с пришельцами, посчитали достаточным наличие только двух небольших крепостей на своих восточных рубежах. Крепости безусловно очень важные, они прикрывали переправы через Днепр в местах пересечения сухопутных дорог по направлению к дунайскому лимесу и имели непосредственное отношение к укреплениям основного пояса буферной зоны Римской империи. Однако, учитывая протяженность своих восточных границ, этого явно было недостаточно. Грейтунги обязаны были провести еще ряд дополнительных мероприятий по защите своей территории, чего на самом деле не произошло.

Казалось бы, спорный момент появления гуннов в Северном Причерноморье вполне могли уточнить археологические данные. Однако даже опираясь на них, определить точную дату появления этого воинства в Северном Причерноморье чрезвычайно трудно. Основными предметами, по которым обычно определяют

хронологию гуннских древностей, являются украшения, выполненные в стиле перегородчатой и полихромной инкрустации¹⁷, которые несколько отличаются от прошлых изделий стиля догуннских перегородчатых инкрустаций¹⁸. Считается, что новые украшения распространились в Северном Причерноморье именно под влиянием гуннов¹⁹. Поэтому первый гуннский период обычно определяют по находкам в инвентаре престижных погребений полихромных изделий, датируя его концом IV – первой половиной V вв. н.э.²⁰ Однако очевидно, что для процесса, который привел к изготовлению и распространению подобных предметов на широком пространстве от Северного Причерноморья до Алтая, необходимо было время. Трудно в этой связи не согласиться с И. Вернером, который предполагал, что данный стиль возник в Северном Причерноморье и на Дунае на основе боспорских, сармато-аланских, провинциально-римских и древнегерманских ювелирных традиций только благодаря росту богатства гуннской знати в начале V в. н.э.²¹ Тем не менее определить точное время, когда такие вещи впервые появились в Северном Причерноморье, практически невозможно²². Мы можем лишь констатировать, что некоторые из гуннских погребений, широко разбросанные по степным пространствам Северного Причерноморья, видимо из-за отсутствия долговременных становищ и родовых кладбищ²³, явно датируются более ранним временем, чем остальные.

Так, в погребении в урочище Каменная могила в Приазовье гуннское захоронение было совершено в естественном гроте (в пещере «колдуна»), по ингумационному обряду в деревянном гробу, более известному на востоке, в частности на Урале (Кызыл-Адыр). Здесь же были выявлены две архаические пряжки, относящиеся к фазе С3 (300/320 – 350/370 гг.) или D1 (360/370 – 400/410 гг.) и указывающие на совершение погребения, по мнению М.М. Казанского, в период D1. Кувшин и кубок из захоронения не противоречат датировке указанных пряжек. Аналоги им относятся ко второй половине IV – первой половине V вв.²⁴

На могильнике Новофилипповка, также расположенном в Приазовье на реке Молочной, гуннская кремация, от которой остались лишь обожженная фаланга пальца ноги и металлические предметы, была совершена непосредственно у подножия нераскопанного кургана²⁵. Также захоронение содержало сарматское зеркало-подвеску с боковым ушком II–III вв. н.э. Известно, что подобные предме-

¹⁷ Засецкая 1982, 18–20.

¹⁸ Подобные украшения догуннского периода характеризуются сложным декором, перегородчатой инкрустацией со вставками из мелких, симметрично расположенных камней, а также не столь унифицированной, как в изделиях гуннского периода, цветовой гаммой (Безуглов, Захаров 1989, 42–66; Бажан, Шукин 1990, 83–96; Яблонский, Малашев 2008, 69–70; Красноперов 2012, 218–254).

¹⁹ Амброз 1992, 72.

²⁰ Засецкая 1986, 86; Плетнева 2003, 25–26.

²¹ Werner 1956, 86, 90–91.

²² Казанский 2010, 119.

²³ Плетнева 1982, 14–17, 20–23.

²⁴ Михайлов 1993, 109–111; Казанский 2010, 120. А.В. Комар, которого не убедили приведенные Б.Д. Михайловым аналогии, все же был вынужден отметить, что на кубке-стакане из зеленого стекла (форма бытовала с конца IV по VI вв. н.э.) отсутствуют синие капли, что свидетельствует о его ранней или поздней датировке. В сочетании с пряжками это указывает на раннюю дату погребения (Комар 2000, 20–21).

²⁵ Михайлов 1977, 74–82.

ты встречаются и во второй половине IV вв. н.э. М.М. Казанский датирует данное погребение или жертвоприношение также началом гуннской эпохи²⁶.

Тот же тип зеркала находился в женском ингумационном погребении, совершенном в Кизиярской Балке (Мелитополь), фактически в том же регионе. При этом череп погребенной носил следы искусственной деформации, а в одной из костей застрял трехлопастной наконечник стрелы. Помимо удила и металлических обкладок седла, здесь были найдены бляшки полихромного стиля, куски золотой фольги, сбруйные прямоугольные накладки и довольно редкая диадема, украшенная зернью²⁷. Прототипы подобных украшений имеются в уборе кочевников Средней Азии²⁸. М.М. Казанский также справедливо относит данное погребение к ранней группе гуннских захоронений²⁹.

В целом же указанные погребения относятся учеными к периоду D₁ центральноевропейской хронологии (360/370 – 400/410 гг.)³⁰ и теоретически могут принадлежать кочевникам, появившимся в Северном Причерноморье в начале 60-х гг. IV в. н.э.

Возможно, завесу над точным временем и другими обстоятельствами появления гуннов в Северном Причерноморье поможет приоткрыть идентификация этого загадочного племени, воинская мощь которого, по-видимому, во многом и предопределила его особую роль в римских планах. Однако до сих пор неизвестно, какой же конкретно народ скрывался под этим именем. Особенно трудно ответить на вопрос, были ли появившиеся в Северном Причерноморье гунны этнически однородны или уже изначально состояли из представителей разных этносов, как, например, в свое время воинство царя Фарзоя. Если исходить из характеристики, которую дали гуннам Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXXI, 2) и Иордан (Iord. Get. 127–128), то выходит, что данные варвары были ближе к монголоидам или, по крайней мере, как считал Л.Н. Гумилев, к хунно-угорским метисам³¹. Это вроде как подтверждается значительным присутствием в гуннских погребениях индивидуумов с монголоидными чертами³². Следовательно, в составе появившейся в Северном Причерноморье гуннской орды могли действительно находиться реальные потомки прототюркских хуннов, которые мигрировали от границ Китая в западном направлении. Пути продвижения этих кочевников могли проходить как через степи Северного Казахстана и Южного Урала, так и через более южные районы Приаралья³³. Однако резкие отличия в культурных и бытовых стереотипах поведения европейских гуннов от азиатских хуннов не позволяют без существенных натяжек отождествить эти народы³⁴. Особенно разнятся их погребальные обряды, между которыми, по сути, нет ничего общего³⁵. Если к этому еще добавить оспаривание

²⁶ Казанский 2010, 120.

²⁷ Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 118.

²⁸ Казанский, Мастыкова 2009, 120.

²⁹ Казанский 2010, 120.

³⁰ Казанский, Мастыкова 2009, 123.

³¹ Гумилев 1993, 202.

³² Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 122–123.

³³ Гумилев 1993, 201–206; Артамонов 1962, 41–44; Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 105–106.

³⁴ Thompson 1948, 46, 198; Maenchen-Helfen 1973, 358–375.

³⁵ Для погребения рядовых хунну обычно использовались крепко сбитые деревянные гробы с массивным дном и крышкой, с жертвенными ямами в головах гробовища, чего мы не наблюдаем в Северном Причерноморье (Плетнева 2003, 23). Здесь можно лишь отметить единичные погребения

принадлежности языка гуннов к тюрской группе³⁶, то становится очевидным, что простым отождествлением гуннов с хуннами эту проблему не решить.

Идентификацию гуннов осложняет и то обстоятельство, что уже на самом раннем этапе своего появления в Северном Причерноморье они объединились с аланами-танаитами. Полиэтничность гуннского союза подтверждается и чрезвычайным многообразием погребального обряда входящих в него варваров. Он представлен как кремацией, нередко вместе с конем, так и ингумацией³⁷. Обряд трупоположения довольно разнообразен³⁸, есть даже ямы с подбоями, что объясняется влиянием позднесарматской культуры³⁹. Обряд же трупосожжения кочевников, однозначно появившийся в Северном Причерноморье с приходом гуннов⁴⁰, почему-то фиксируется исключительно в восточной группе гуннских памятников, от Приазовья до Приуралья⁴¹, то есть источник проникновения сюда указанного погребального обряда явно имеет восточное происхождение. Все это заставляет нас вновь обратиться к идее японского ученого К. Еноки, предположившего, что гуннами, которые во второй половине IV в. н.э., исходя из данных китайских источников, захватили страну Судэ (Согд), возможно, являлись так называемые хиониты⁴². Л.Н. Гумилев считал их осколком древнего европеоидного слоя⁴³. Однако другие ученые именно с этим народом связывают сопоставимые с гуннскими и совершенные по обряду кремации погребения, появившиеся в регионе в данное время⁴⁴.

Известно, что вначале хиониты выступали вместе с кушанами против царя Сапора II⁴⁵, при этом не исключено, что уже тогда эти противники Сасанидского Ирана действовали по соглашению с римлянами⁴⁶. В дальнейшем царь Сапор II привлек царя хионитов Грумбата в качестве союзника против римлян. В 359 году сын царя хионитов был убит под стенами сирийского города Амиды, и тело его, в соответствии с обрядом этого народа, было кремировано (Amm. Marc. XIX. 2, 1). Однако Аммиан Марцеллин, описывая юного сына Грумбата, назвал его юношей, выделяющимся «высоким ростом и красотой» (Amm. Marc. XIX. 1, 7), что явно не соответствует характеристике европейских гуннов из книги того же автора. Похоже, что мнение об изначальной полиэтничности гуннского войска, которое состояло, судя по всему, из разноязыких и разноэтнических воинов⁴⁷, находится ближе всего к истине.

в деревянных гробах в Ленинске, Покровске, Усть-Альме, которые, похоже, действительно имеют параллели в среднеазиатских древностях (Šćukin, Kazanski, Sharov 2006, 122; Казанский, Мастыкова 2009, 119).

³⁶ Дёрфер 1986, 72–116.

³⁷ Šćukin, Kazanski, Sharov 2006, 122.

³⁸ Айбабин 1999, 56.

³⁹ Казанский, Мастыкова 2009, 116.

⁴⁰ Засецкая 1994, 19–20.

⁴¹ Казанский, Мастыкова 2009, 118.

⁴² Еноки 1955, 43–62.

⁴³ Гумилев 1959, 134–135.

⁴⁴ Неразик 1966, 124–125; Šćukin, Kazanski, Sharov 2006, 107.

⁴⁵ Гафуров 1989, 246.

⁴⁶ Казанский 1994, 244.

⁴⁷ Плетнева 2003, 20.

Отметим и то обстоятельство, что гунны не согнали со своих земель алан-танаитов и тем более не уничтожили их полностью. Иордан говорит, что они смогли заключить с ними союз, «обессилив частыми стычками» (Iord. Get. 127). Не исключено, что этому способствовал переход на сторону гуннов сармато-иранского клана (танаитов), в среде которого могли сохраниться потомки хунов Птолемея (Ptolem. III. 10), проникшие в Северное Причерноморье еще с сарматскими царями Фарзоем и Инисмеем. На такую возможность указывают странные имена боспорских правителей III в. н.э. Фарсанза и Ининфимея, напоминающие указанные имена, и особенно необычная тамга последнего царя. Этот царь, несомненно связанный с сарматами нижнедонской группы, почему-то имел еще тамгу, схожую со знаками варварских царей I в. н.э.⁴⁸ Тамга другого представителя указанного клана – Рескупорида VI, – по-видимому, также напоминает знаки этих сарматских царей⁴⁹. Вряд ли такие совпадения могут быть простой случайностью. Комплексное исследование боспорской эпиграфики и антропоники, проведенное В.П. Яйленко, показывает, что органичное вращение гуннов в политическую систему и культуру Боспора явно было подготовлено пребыванием здесь еще с середины II в. н.э. их сродственников-булгар⁵⁰. Вероятнее всего, именно с ними были связаны представители указанного сармато-иранского клана, из которого и происходили главные претенденты на верховную власть в Боспорском государстве.

Союз между гуннами и аланами-танаитами, о котором говорят Аммиан Марцеллин и Иордан, однозначно свидетельствует об укреплении связей местных племен с гуннами и Римом и, таким образом, является важным шагом к восстановлению первого пояса буферной зоны Римской империи в Северо-Восточном Причерноморье. Главной действующей силой его, как и в период позднего принципата, стали племена номадов, на которые, по-видимому, вновь была возложена обязанность по сдерживанию на своем рубеже враждебных алан. Вопреки мнению А.В. Гадло⁵¹, враждебные римскому миру аланы степной и предгорной части Центрального Предкавказья не были покорены гуннами⁵². Однако степной причерноморский коридор, ведущий через земли готов к границам империи, был теперь для них надежно закрыт.

При этом нельзя не принимать во внимание, что инициатива такого «встраивания» в римскую эшелонированную систему обороны приглашенного Юлианом или самостоятельно появившегося на границах Боспора гуннского войска вполне могла быть исключительно добровольной и исходить непосредственно от варваров. На это указывают некоторые сведения, сохранившиеся у Аммиана Марцеллина: «Между тем к Юлиану стали прибывать посольства от многих народов, которые предлагали ему свою помощь. Он оказывал им любезный прием, но с подобающим достоинством давал ответ, что Римской державе не подобает отстаивать себя пришлым вспомоществованием, но, напротив, самой защищать своими силами друзей и союзников, если необходимость заставит их просить о помощи» (Amm. Marc. XXIII. 2, 1). Если среди этих народов находились и хиониты, то вряд

⁴⁸ Ярцев 2014а, 110; 2014б, 73.

⁴⁹ Шаров 2009, 28.

⁵⁰ Яйленко 2002, 303–331.

⁵¹ Гадло 1979, 11–13.

⁵² Габуев 2009, 272–279.

ли римляне могли бы упустить шанс по приобретению важного стратегического союзника. Дело в том, что данных варваров можно было использовать как против Сасанидского Ирана, так и против врагов римского мира в Северном Причерноморье с целью полного восстановления здесь римского господства.

В этой связи обратим внимание, что из всех народов, предложивших римлянам помощь, Юлиан «только царю Армении Арсаку ... предложил собрать большую армию и ожидать приказаний, куда ему направляться ... Когда Юлиан собрал достаточные по своему мнению силы, он ... послал ... приказ о походе и велел всем переходить через Евфрат» (Amm. Marc. XXIII. 2, 2). Подробности подготовки к этому походу, похоже, нашли свое отражение также и в известном сочинении «Бузандаран патмут'юнк'», которое ранее приписывалось армянскому историку V в. н.э. Фавстосу Бузанду и обычно переводилось как «История Армении». Автор сообщает, что «Аршак, царь Армении» действительно «собрал войско столь же многочисленное, как пески [на морском берегу], и двинулся против царства Персидского». Наставник же царя и главнокомандующий армянского войска Васак Мамиконян также занимался сбором войска, только на других территориях. В итоге он тоже «собрал армянскую рать, призвал гуннов и аланов на помощь и пришел на подмогу к царю Армении против персов» (P'aw. Bowzand. 7. 6, 2).

Конечно, при использовании последнего источника необходимо учитывать то, что в «Истории Армении» содержатся сведения об участии гуннов в событиях не только 60-х, но и 30-х гг. IV в. н.э., где они, правда, только упоминаются в числе других народов⁵³. В любом случае, аутентичность всех данных этого источника справедливо находится под сомнением⁵⁴. Однако заметим, что подробности подготовки войны с персами из данного сочинения, единственного источника по армянской истории IV в. н.э.⁵⁵, слишком хорошо согласуются с приведенным выше сообщением Аммиана Марцеллина. Даже набор войска армянским царем Аршаком II (351–367 гг.) и его командующим Васак Мамиконяном проходил на разных территориях, видимо в соответствии с приказом Юлиана «создать большую армию». Гунны при этом фигурируют в тексте вместе с какими-то аланами, что сразу наводит на мысли не о восточнокавказских гуннах⁵⁶, а о северопричерноморской варварской группировке, ядром которой как раз и являлся союз гуннов и алан-танаитов, заключенный ими под эгидой Рима. Следовательно, появление гуннов в Северном Причерноморье, по данным письменных источников, вполне можно отнести к периоду правления Юлиана.

Одной из самых важных стратегических задач римлян в Северном Причерноморье, безусловно, считалось восстановление Танаиса. Возведение этого города объяснялось необходимостью организации своеобразного моста между римско-боспорскими властями и их новыми варварскими союзниками. То, что город действительно был отстроен, судя по всему, окончательно уже при Валенте, причем по единой градостроительной схеме с параллельными рядами домов⁵⁷, может свидетельствовать в пользу нашей версии о восстановлении римлянами в этой части

⁵³ Алемань 2003, 380–381.

⁵⁴ Семенов 2014, 44.

⁵⁵ Алемань 2003, 380–382.

⁵⁶ Семенов 2014, 44.

⁵⁷ Обломский 2010, 174–202.

Северного Причерноморья буферной зоны. Видимо, совсем не случайно боспорский город получил характеристику современных ученых как важнейший торговый центр гуннского племенного союза⁵⁸.

Главной же варварской силой второго пояса буферной зоны при Юлиане традиционно выступали тервинги и грейтунги. О важности и официальном статусе гото-римских взаимоотношений свидетельствует Аммиан Марцеллин, в тексте сочинения которого готы этого времени фигурируют как «народ, дружественный римлянам и связанный договором прочного мира» (Amm. Marc., XXVII, 5, 1). Правда, мы не знаем, имелся ли здесь в виду договор 332 года или же при Юлиане был заключен новый, о котором нам нечего не известно. Здесь главным мостом между античной цивилизацией и варварством, с помощью которого по отношению к готам и проводилась экономическая и культурная экспансия, помимо территории непосредственного соприкосновения с империей в районах дунайского лимеса, являлись возрожденные в какой-то степени античные города Тира и Ольвия. При этом днепровский рубеж с опорой на боспорские ресурсы был дополнительно усилен оборонительными сооружениями, в которых проходили службу как местные варвары, так и варвары с боспорской или херсонесской периферии. Данное обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что важнейшими звеньями возрожденной северопричерноморской системы обороны дальних подступов к границам империи являлись Херсонес и Боспор.

Отметим также, что указанные античные центры в период правления Юлиана вышли на важнейшее место в римской стратегии, в том числе и в связи с экономической экспансией против грейтунгов. Это хорошо видно по фактам подъема экономики на том же Боспоре во второй половине IV в. н.э. В данное время в сельских районах Боспора происходит подъем домашнего ремесла, направленного на удовлетворение возросших потребностей внутреннего рынка, как мы полагаем, по причине вовлечения в сферу экономической деятельности бывшего враждебного населения, расселенного на правах федератов в пограничных районах государства. Однако в крупных городах и особенно в столице, где раньше товарное ремесленное производство играло значительную роль, произошло восстановление производства изделий на рынок⁵⁹. К началу 360-х годов, по словам ритора Фемистия, Боспор и Херсонес вообще превратились в одни из самых главных центров-поставщиков хлеба в столицу (Themist. XXVII. p. 336 d). Не вызывает сомнений, что в это же время происходит возрождение и морского торгового флота на Боспоре⁶⁰.

Проведя анализ поступления амфорной тары и краснолаковой посуды к тервингам и грейтунгам, Б.В. Магомедов пришел к выводу о разных источниках поступления импорта в эти объединения. К тервингам (западная зона) в основном проникали вещи из провинций Нижнего Дуная. К грейтунгам (восточную зону) попадала продукция из понтийских мастерских, которая доминирует и в Крыму⁶¹. При этом находки на черняховских поселениях и могильниках ремесленной про-

⁵⁸ Обломский 2010, 181.

⁵⁹ Ярцев, Миляева 2010, 494–500.

⁶⁰ Айбабин 1999, 47.

⁶¹ Магомедов 2006, 52–59; Магомедов, Диденко 2009, 320–349.

дукции, произведенной в Крыму, позволяют предположить, что указанный импорт нередко поступал к грейтунгам, также через крымские центры⁶².

Подъем экономики в регионе хорошо прослеживается и по появлению монет-подражаний римским денариям и позднеантичным боспорским статерам, которые, скорее всего, с разрешения Юлиана по системе откупов стали выпускать частные мастерские⁶³. Однако если на Боспоре эти подражания в какой-то степени удовлетворили острую нехватку монет в условиях возрожденного боспорского рынка, то в расчетах с грейтунгами они не применялись. С данными варварами, похоже, начал действовать товарный обмен. Так, за ремесленную продукцию грейтунги вполне могли поставлять хлеб, который потом и вывозился с Боспора и Херсонеса. По мнению Б.В. Магомедова, уровень развития черняховского земледелия практически не отличался от уровня земледелия таких римских провинций, как Паннония и Мёзия, откуда вывоз зерна засвидетельствован документально⁶⁴.

Более того, ученый обратил внимание, что вино, которое получали готы по договору 322 года, могло доставляться не только прямыми путями из Малой Азии в порты между устьями Днепра и Дуная, но и из специально организованного центра на Черноморском побережье. Виноделие в таком центре было направлено на сбыт среди северных варваров, для которых дешевизна напитка была важнее его качества⁶⁵. В этой связи отметим появление во второй половине IV в. н.э. на Белинском городище, а также, возможно, на Илурате святилищ, по нашему мнению, непосредственно связанных с винодельческими комплексами⁶⁶. Вызывает интерес, что и в Китее с IV до второй четверти VI вв. н.э. действовало винодельческое производство, которое также было связано со святилищем. Правда, по мнению авторов раскопок, оно удовлетворяло потребности в вине только жителей города и его ближайшей округи⁶⁷. Тем не менее, продукция других более крупных виноделен на Боспоре в позднеантичное время⁶⁸ явно должна была иметь какой-то внешний рынок сбыта производимого продукта.

Возможно, увеличение производства вина на Боспоре во второй половине IV в. н.э. было связано не только с ростом внутреннего потребления этого продукта по причине расселения в пограничных районах меотийцев⁶⁹, но и со сбытом его тем же грейтунгам. Тервингам, судя по амфорам типа «Дафна» и другим редким сосудам, вино поступало в результате приграничной торговли на Нижнем Дунае⁷⁰.

Все эти свидетельства об ориентации тервингов и грейтунгов на различные экономические центры Римской империи, по нашему мнению, не случайны. На-

⁶² Отметим, например, тарелку из Киселово, произведенную в IV в. н.э. в Херсонесе (Магомедов, Диденко 2009, 327), ухудшенную копию самосского сосуда из низкокачественной глины из Каменки-Анчекрак, явно являющейся продукцией северопричерноморских мастерских, или штампованный светильник с этого же, черняховского, поселения. Характерный орнамент в виде стилизованного изображения лавровой или пальмовой ветви характерен именно для Херсонеса, что дает основание предполагать наличие торговых связей черняховцев с Крымом (Магомедов 1987а, 83–85).

⁶³ Ярцев 2013, 268–273.

⁶⁴ Магомедов 1987а, 77.

⁶⁵ Магомедов 2006, 54.

⁶⁶ Зубарев, Ярцев 2014, 97–98.

⁶⁷ Кузина, Пашкевич 2010, 247–255.

⁶⁸ Винокуров, Николаева 2000, 9–20.

⁶⁹ Зубарев, Ярцев 2014, 96–98.

⁷⁰ Магомедов 2006, 54.

помним, что, развивая внешнюю торговлю, римляне никогда не оперировали чисто экономическими факторами. Экономика для Римской империи в первую очередь являлась важным средством давления на те или иные племена. Вот почему выявленная особенность распространения импорта среди тервингов и грейтунгов могла быть организована римлянами специально с целью разъединения этих объединений, для того чтобы помешать им выступить единой силой против империи⁷¹.

Однако если с точки зрения экономической экспансии античные центры Крыма вместе выступали против грейтунгов, то политическое значение Боспора и Херсонеса для варваров было различным. Херсонес, бесспорно, являлся главным римским форпостом в Северном Причерноморье, со всеми вытекающими из этого особенностями в отношениях с варварами. Однако Боспор, начиная с периода правления Юлиана, стал явно превращаться в главный координационный центр с варварскими союзными силами как первого, так и части второго пояса буферной зоны Северного Причерноморья. Разумеется, утрата городами Тиры и Ольвии своего, в первую очередь, военного значения, во многом способствовало повышению роли Херсонеса и Боспора в новой ситуации. Тем не менее, изменение статуса Боспора произошло, видимо, и по той причине, что интересы всех сторон восстанавливаемой сложной системы пересекались именно на его территории, и в первую очередь на Нижнем Дону. Это касается как кочевников, осуществлявших многочисленные контакты с античным миром через возрождаемый Танаис, так и грейтунгов, которые, помимо взаимоотношений с Боспором, активно использовали в своих целях путь по Дону. Учитывая тесные контакты всех заинтересованных сторон в указанном регионе, можно предположить, что союзные отношения гунны заключили не только с танаитами, но еще и с грейтунгами. Если же в крепостях у сел Александровки или Башмачка находились в основном меотийцы, компактно проживающие к этому времени на западных границах Боспора, то вполне очевидно существование союза между ними и грейтунгами, на земле которых они несли воинскую службу. При этом не исключено, что все подобные союзы, как обычно в таких случаях бывает, скреплялись брачными узами, в которых был заинтересован Рим. Особенно это касается взаимоотношений между грейтунгами и боспорскими варварами. Дело в том, что римляне стремились всеми возможными способами закрепить ориентацию объединения Эрманариха именно на Херсонес и Боспор, так как это содействовало дальнейшему разделению готов на тервингов и грейтунгов и делало проблематичным объединение их в будущем. Видимо, данное обстоятельство необходимо учитывать, объясняя участие Боспора в возведении оборонительных сооружений на территории грейтунгов и отправку на службу в них боспорских варваров.

Если на западных границах империи варвары теперь «боялись самого имени римлян, пока был жив Юлиан, были счастливы остаться в живых и пребывать в мире на своей земле» (Zosim. IV. 3, 4), то очевидно, что и в Северном Причерноморье в эти годы наблюдалась подобная ситуация.

Трудно сказать, как стал бы развиваться исторический процесс в Северном Причерноморье, если бы не нелепая смерть Юлиана. Впечатляет, что за достаточно

⁷¹ Ярцев 2014, 111–112.

короткий срок его правления в регионе фактически была восстановлена эшелонированная буферная зона почти в том виде, в каком она функционировала в период позднего принципата. Причиной этого, безусловно, являлась неуклонно возрастающая мощь аланского племенного союза. Именно этому многочисленному населению с далеко зашедшими процессами урбанизации и организации общества необходимо было полностью перекрыть все возможные пути в сторону римских границ. Ядро восстановленной буферной зоны состояло, как и раньше, из античных центров, главным из которых оставался Херсонес и окрестное варварское население, в том числе и готы, служившие естественной защитой древним городам. Первый же пояс обороны взяли на себя союзные орды гуннов, недавно появившиеся в Северном Причерноморье. В данных варварах, похоже, необходимо видеть полиэтническое воинство, пришедшее с востока, в составе которого вполне могли быть и реальные азиатские хунны, и даже хиониты, с которыми римляне уже сталкивались в недавних событиях. При этом, по приказу римского командования освобождая от аланского влияния территорию Нижнего Дона, гунны опирались на союз с сарматами (аланами-танаитами), представители которых не один раз уже занимали боспорский трон. Во многом он стал возможен благодаря тому, что данный сармато-иранский клан выводил свою родословную к сарматским царям I в. н.э. Фарзою и Инисмею, в составе воинства которого, возможно, уже тогда находилось какое-то количество азиатских хуннов или их потомков.

Главным отличием этой системы от буферной зоны периода позднего принципата, безусловно, являлись варвары, входящие в ее состав. Если, например, говорить о гуннах, то они с момента появления в Северном Причерноморье, бесспорно, вступили в довольно длительный период мирных отношений с империей. Во всяком случае, только применительно к 395 году можно говорить о каком-то реальном наступлении гуннов на Римскую империю⁷². Возможное участие гуннского отряда в битве при Адрианополе (в составе готской и аланской конницы Алафея и Сафрака) не противоречит этим выводам, ведь в данном сражении против императора Валента выступили, в основном, его бывшие союзники, которых он талантливо успел настроить против себя. К некоторым же другим сведениям, упоминающим гуннов в действиях против Рима⁷³, необходимо подходить с осторожностью, так как они касаются в основном рейдов отдельных разбойничьих «шак» (Amm. Marc. XXXI. 8, 4), не подчиняющихся варварским правителям. Тем не менее, не вызывает сомнений, что у таких относительно независимых и мощных римских союзников, какими с самого начала появления в Северном Причерноморье выступили гунны, были и свои собственные интересы в данном регионе. Однако это обстоятельство всегда мало учитывалось при разработке римской стратегии, что уже не раз приводило к печальным последствиям.

Совершенно противоположная картина складывается у римлян в отношениях с готами, которые, безусловно, представлялись им самым сложным звеном в структуре буферной зоны. Главной проблемой здесь являлось то, что воинственное население протогосударственных объединений тервингов и грейтунгов радикально отличалось от зависимых земледельцев Тиры и Ольвии прошлого периода. Одна только история стойкого сопротивления готов римской культурной экспан-

⁷² Гадло 1979, 17–18; Габуев 2009, 273.

⁷³ Томпсон 2008, 41–42; Менхен-Хельфен 2014, 44–70.

сии⁷⁴ свидетельствует о чрезвычайно сложных взаимоотношениях этого народа с Римской империей. Готы не собирались становиться послушным орудием в руках римлян и уж тем более превращаться в римских колонов. Тем не менее мы видим, что гото-римские отношения во времена Юлиана переживали несомненный подъем, который, впрочем, оказался кратковременным и очень скоро прервался в ходе дальнейших трагических событий.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 1999: *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь.
- Алемань, А. 2003: *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*. М.
- Амброз, А.К. 1992: Хронология раннесредневековых древностей. В сб.: Я.М. Паромов (ред), *Боспорский сборник*. I, 6–108.
- Артамонов, М.И. 1962: *История хазар*. Л.
- Бажан, И.А., Щукин, М.Б. 1990: К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазоне эпохи Великого переселения народов. *АСГЭ* 30, 83–96.
- Безуглов, С.И., Захаров, А.В. 1989: Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса. *Известия РОМК* 6, 42–66.
- Буданова, В.П. 2001: *Готы в эпоху Великого переселения народов*. СПб.
- Винокуров, Н.И., Николаева, Э.Я. 2000: Винодельческие сооружения Ильичевского городища. *Историко-археологический альманах* 6, 9–20.
- Габуев, Т.А. 2009: Аланы и гунны на Северном Кавказе. *Нижеволжский археологический вестник* 10, 272–279.
- Габуев, Т.А. 2014: «Княжеские» аланские курганы на Верхнем Тереке (Брут, Беслан). *КСИА* 234, 84–94.
- Гадло, А.В. 1979: *Этническая история северного Кавказа IV–X вв.* Л.
- Гафуров, Б.Г. 1989: *Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история*. Кн. 1. Душанбе.
- Гудименко, И.В., Толочко, И.В. 2012: Памятники позднеантичного времени из дельты Дона. В сб.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин (ред.), *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 180–217.
- Гумилев, Л.Н. 1959: Эфталиты и их соседи в IV в. *ВДИ* 1, 129–140.
- Гумилев, Л.Н. 1993: *Хунну*. СПб.
- Дёрфер, Г. 1986: О языке гуннов. В сб.: А.Н. Кононов (ред), *Древние тюркские языки и литературы (Зарубежная тюркология, I)*. М., 71–134.
- Засецкая, И.П. 1982: Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным. В сб.: А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели (ред), *Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков*. М., 14–30.
- Засецкая, И.П. 1986: Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях. *АСГЭ* 27, 79–91.
- Засецкая, И.П. 1994: *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.)*. СПб.
- Зубарев, В.Г., Ярцев, С.В. 2014: Новый сакральный комплекс на городище «Белинское» в Восточном Крыму. *ПИФК* 1, 86–101.
- Казанский, М.М. 1994: Могилы алано-сарматских вождей IV в. н.э. в Понтийских степях. *МАИЭТ* IV, 225–256.

⁷⁴ Буданова 2001, 179–180.

- Казанский, М.М. 2010: Ранние погребения гуннов в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае. В сб.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин (ред.), *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 119–127.
- Казанский, М.М., Мاستыкова, А.В. 2009: «Царские» гунны и акациры. В сб.: А.Г. Фурасьев (ред.), *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб., 114–126.
- Кобылина, М.М. 1978: Разрушения гуннов в Фанагории. В сб.: В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт (ред.), *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. М., 30–35.
- Комар, А.В. 2000: Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы. В сб.: А.В. Евглевский (ред.), *Степи Европы в эпоху средневековья*. Донецк, 19–53.
- Красноперов, А.А. 2012: Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догунский» стиль перегородчатых инкрустаций). В сб.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин (ред.), *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 218–254.
- Кузина, Н.В., Пашкевич, Г.А. 2010: Винограводство и виноделие в боспорском городе Китее. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспорские чтения XI. Ремесла и промыслы*. Керчь, 247–255.
- Левада, М.Е. 2006: Миф о городищах черняховской культуры. В сб.: Р.В. Терпиловский (ред.), *Готы и Рим*. Киев, 60–72.
- Магомедов, Б.В. 1987: Черняховское городище у с. Александровка. В сб.: А.Т. Смилленко (ред.), *Днепро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э.* Киев, 26–41.
- Магомедов, Б.В. 1987а: *Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья*. Киев.
- Магомедов, Б.В. 2006: Римские амфоры в черняховской культуре. В сб.: Р.В. Терпиловский (ред.), *Готы и Рим*. Киев, 52–59.
- Магомедов, Б.В., Диденко, С.В. 2009: Краснолаковая керамика в черняховской культуре. *БИ ХХI*, 320–349.
- Малашев, В.Ю. 2014: Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н.э. *КСИА* 234, 72–83.
- Менхен-Хельфен, О. 2014: *История и культура гуннов*. М.
- Михайлов, Б.Д. 1977: Похоронення мідника гуннського часу в Північному Приазов'ї. *Археологія* 24, 74–82.
- Михайлов, Б.Д. 1993: Погребение гуннского времени на Каменной балке в Северной Таврии. *МАИЭТ* III, 109–111.
- Неразик, Е.Е. 1966: *Сельские поселения афригидского Хорезма (по материалам беркут-калинского оазиса)*. М.
- Обломский, А.М. 2010: Хронология поселения Танаис позднеантичного периода. В сб.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин (ред.), *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 174–202.
- Плетнева, С.А. 1982: *Кочевники средневековья*. М.
- Плетнева, С.А. 2003: *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века)*. Воронеж, 2003.
- Семенов, И.Г. 2014: Место правителя восточнокавказских гуннов в иерархии государства европейских гуннов (по данным «Истории страны Алуанк»). *КСИА* 234, 43–54.
- Смилленко, А.Т. 1992: *Городище Башмачка III–IV в. н.э.* Киев.
- Томпсон, Э.А. 2008: *Гунны. Грозные воины степей*. М.
- Шаров, О.В. 2009: *Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв. н.э.): автореф. дис. ... док. ист. наук*. СПб.

Яблонский, Л.Т., Малашев, В.Ю. 2008: *Степное население южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10*. М.

Яйленко, В.П. 2002: Гунно-булгары II–V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники. *ДБ* 5, 303–331.

Ярцев, С.В. 2013: Проблемы денежного обращения на Боспоре во второй половине IV в. н.э. В сб.: Е.А. Мельникова (ред.), *Восточная Европа в древности и средневековье: экономические основы формирования государства в древности и средневековья*. М., 268–273.

Ярцев, С.В. 2014: Боспор и Херсонес накануне гуннского нашествия. *ПИФК* 1(43), 102–117.

Ярцев, С.В. 2014а: Особенности римской стратегии в Северном Причерноморье в эпоху царства Фарзоя. В сб.: К.А. Подрезов (ред.), *Университет XXI века: исследования в рамках научных школ: материалы науч. конф. науч.-пед. работников, аспирантов, магистрантов и соискателей ТГПУ им. Л.Н.Толстого*. Тула, 108–112.

Ярцев, С.В. 2014б: О начальных событиях кризиса на Боспоре III века нашей эры. *Историческая и социально-образовательная мысль* 5(27), 72–76.

Ярцев, С.В. 2015: Римская стратегия в Северном Причерноморье в конце III – первой половине IV в. н.э. *Таврические студии. Исторические науки* 7, 148–155.

Ярцев, С.В., Миляева, Ю.В. 2010: К вопросу о влиянии кризисных явлений второй половины III – первой трети IV вв. н.э. на товарное производство ремесленных изделий на Боспоре. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспорские чтения XI. Ремесла и промыслы*. Керчь, 494–500.

Enoki, K. 1955: Sogdiana and the Hsiung-nu. *Central Asiatic Journal* I/1, 43–62.

Maenchen-Helfen, O. 1973: The world of the Huns. In: M. Knight (ed), *Studies in their history and culture*. Berkeley–Los-Angeles–London, 486–578.

Šćukin, M., Kazanski, M. et Sharov, O. 2006: *Des les Goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l’époque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400–1000 A.D.)*(Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535). Oxford.

Thompson, E.A. 1948: *A history of Attila and the Huns*. Oxford.

Werner, J. 1956: *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München.

REFERENCES

- Ajbabin, A.I. 1999: *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol’.
- Aleman’, A. 2003: *Alany v drevnih i srednevekovyh pis'mennyh istochnikah*. Moscow.
- Ambroz, A.K. 1992: Hronologiya rannesrednevekovyh drevnostey. In: YA.M. Paromov (red.), *Bosporskiy sbornik* I, 6–108.
- Artamonov, M.I. 1962: *Istoriya hazar*. L.
- Bazhan, I.A., SHCHukin, M.B. 1990: K voprosu o vozniknovenii polihromnogo stilya kluazone epohi Velikogo pereseleniya narodov. *ASGE* 30, 83–96.
- Bezuglov, S.I., Zaharov, A.V. 1989: Bogatooe pogrebenie pozdnerimskogo vremeni bliz Tanaisa. *Izvestiya ROMK* 6, 42–66.
- Budanova, V.P. 2001: *Goty v epohu Velikogo pereseleniya narodov*. Sankt-Peterburg.
- Derfer, G. 1986: O yazyke gunnov. In: A.N.Kononov (red.), *Drevnie tyurkskie yazyki i literatury (Zarubezhnaya tyurkologiya, I)*. M., 71–134.
- Enoki, K. 1955: Sogdiana and the Hsiung-nu. *Central Asiatic Journal* I/1, 43–62.
- Gabuev, T.A. 2009: Alany i gunny na Severnom Kavkaze. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskij vestnik* 10, 272–279.

- Gabuev, T.A. 2014: «Knyazheskie» alanskie kurgany na Verhnem Tereke (Brut, Beslan). *KSIA* 234, 84–94.
- Gadlo, A.V. 1979: *Etnicheskaya istoriya severnogo Kavkaza IV–X vv.* L.
- Gafurov, B.G. 1989: *Tadzhiki: drevneyshaya, drevnyaya i srednevekovaya istoriya. V dvuh knigah. Kniga 1.* Dushanbe.
- Gudimenko, I.V., Tolochko, I.V. 2012: Pamyatniki pozdneantichnogo vremeni iz del'ty Dona. In: A.M. Vorontsov, I.O. Gavrituhin (red.), *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov.* Tula, 180–217.
- Gumilev, L.N. 1959: Eftality i ih sosedi v IV v. *Vestnik drevney istorii* 1, 129–140.
- Gumilev, L.N. 1993: *Hunnu.* Sankt-Peterburg.
- Kazanskiy, M.M. 1994: Mogily alano-sarmatskih vozhdey IV v. n.e. v Pontiyskih stepyah. *MAIET* IV, 225–256.
- Kazanskiy, M.M. 2010: Rannie pogrebeniya gunnov v Severnom Prichernomor'e i na Srednem Dunae. In: A.M. Vorontsov, I.O. Gavrituhin (red.), *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov.* Tula, 119–127.
- Kazanskiy, M.M., Mastykova, A.V. 2009: «Tsarskie» gunny i akatsiry. V sb.: A.G. Furas'ev (red.), *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem.* Saint-Petersburg, 114–126.
- Kobylina, M.M. 1978: Razrusheniya gunnov v Fanagorii. In: V.I. Kozenkova, Yu.A. Krasnov, I.G. Rozenfel'dt (red.), *Voprosy drevney i srednevekovoy arheologii Vostochnoy Evropy.* M., 30–35.
- Komar, A.V. 2000: Aktual'nye problemy hronologii material'noy kul'tury gunnskogo vremeni Vostochnoy Evropy. In: A.V. Evglevskiy (red.), *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya.* Donetsk, 19–53.
- Krasnoperov, A.A. 2012: Polihromnye predmety s peregorodchatoy inkrustatsiey v Prikam'e («dogunskiy» stil' peregorodchatykh inkrustatsiy). In: A.M. Vorontsov, I.O. Gavrituhin (red.), *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov.* Tula, 218–254.
- Kuzina, N.V., Pashkevich, G.A. 2010: Vinogradstvo i vinodelie v bosporskom gorode Kitee. In: V.N. Zin'ko (red.), *Bosporskie chteniya XI. Remesla i promysly.* Kerch', 247–255.
- Levada, M.E. 2006: Mif o gorodishchah chernyahovskoy kul'tury. In: R.V. Terpilovskiy (red.), *Goty i Rim.* Kiev, 60–72.
- Maenchen-Helfen, O. 1973: The world of the Huns. In: M. Knight (ed.), *Studies in their history and culture.* Berkeley–Los-Angeles–London, 486–578.
- Magomedov, B.V. 1987: Chernyahovskoe gorodishche u s. Aleksandrovka. In: A.T. Smilenko (red.), *Dnepro-Dunayskoe mezhdurech'e v I – nachale II tys. n.e.* Kiev, 26–41.
- Magomedov, B.V. 1987a: *Chernyahovskaya kul'tura Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya.* Kiev.
- Magomedov, B.V. 2006: Rimskie amfory v chernyahovskoy kul'ture. In: R.V. Terpilovskiy (red.), *Goty i Rim.* Kiev, 52–59.
- Magomedov, B.V., Didenko, S.V. 2009: Krasnolakovaya keramika v chernyahovskoy kul'ture. *BI XXI*, 320–349.
- Malashev, V.Yu. 2014: Alanskaya kul'tura Severnogo Kavkaza: problema ranney gosudarstvennosti u naseleniya regiona vo II–IV vv. n.e. *KSIA* 234, 72–83.
- Menhen-Hel'fen, O. 2014: *Istoriya i kul'tura gunnov.* Moscow.
- Mihaylov, B.D. 1977: Pohovannya midnika gunnskogo chasu v Pivnichnomu Priazov'i. *Arheologiya* 24, 74–82.
- Mihaylov, B.D. 1993: Pogrebenie gunnskogo vremeni na Kamennoy balke v Severnoy Tavrii. *MAIET* III, 109–111.
- Nerazik, E.E. 1966: *Sel'skie poseleniya afrigidskogo Horezma (po materialam berkulinskogo oazisa).* Moscow.

- Oblomskiy, A.M. 2010: Hronologiya poseleniya Tanais pozdneantichnogo perioda. In: A.M.Vorontsov, I.O.Gavrituhin (red.), *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov*. Tula. 1, 174–202.
- Pletneva, S.A. 1982: *Kochevniki srednevekov'ya*. Moscow.
- Pletneva, S.A. 2003: *Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epohu srednevekov'ya (IV-XIII veka)*. Voronezh.
- Ščukin, M., Kazanski, M. et Sharov, O. 2006: *Des les Goths aux hunes: Le nord de la mer noire au Bas – empire et à l'époque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A.D.) (Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535)*. Oxford.
- Semenov, I.G. 2014: Mesto pravatelya vostochnokavkazskikh gunnov v ierarhii gosudarstva evropeyskikh gunnov (po dannym «Istorii strany Aluank»). *KSIA* 234, 43–54.
- Sharov, O.V. 2009: *Bospor i varvarskiy mir Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy v pozdnerimskuyu epohu (seredina II – seredina IV vv. n.e.): avtoref. dis. ... dok. ist. nauk*. Saint-Petersburg.
- Smilenko, A.T. 1992: *Gorodishche Bashmachka III–IV v. n.e.* Kiev.
- Thompson, E.A. 1948: *A history of Attila and the Huns*. Oxford.
- Tompson, E.A. 2008: *Gunny. Groznye voyny stepey*. Moscow.
- Vinokurov, N.I., Nikolaeva, E.Ya. 2000: Vinodel'cheskie sooruzheniya Il'ichevskogo gorodishcha. *Istoriko-arheologicheskii al'manah* 6, 9–20.
- Werner, J. 1956: *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München.
- Yablonskiy, L.T., Malashev, V.Yu. 2008: *Stepnoe naselenie yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10*. M.
- Yartsev, S.V. 2013: Problemy denezhnogo obrashcheniya na Bospore vo vtoroy polovine IV v. n.e. In: E.A. Mel'nikova (red.), *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: ekonomicheskie osnovy formirovaniya gosudarstva v drevnosti i srednevekov'ya*. M., 268–273.
- Yartsev, S.V. 2014: Bospor i Hersones nakanune gunnskogo nashestviya. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1(43), 102–117.
- Yartsev, S.V. 2014a: Osobennosti rimskoy strategii v Severnom Prichernomor'e v epohu tsarstva Farzoya. In: K.A.Podrezov (red.), *Universitet XXI veka: issledovaniya v ramkah nauchnykh shkoly: materialy nauch. konf.nauch.-ped.rabotnikov, aspirantov, magistrantov i soiskateley TGPU im. L.N.Tolstogo*. Tula, 108–112.
- Yartsev, S.V. 2014b: O nachal'nykh sobytiyah krizisa na Bospore III veka nashey ery. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* 5(27), 72–76.
- Yartsev, S.V. 2015: Rimskaya strategiya v Severnom Prichernomor'e v kontse III – pervoy polovine IV v. n.e. *Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki* 7, 148–155.
- Yartsev, S.V., Milyaeva, Yu.V. 2010: K voprosu o vliyaniy krizisnykh yavleniy vtoroy poloviny III – pervoy trety IV vv. n.e. na tovarnoe proizvodstvo remeslennykh izdeliy na Bospore. In: V.N.Zin'ko (red.), *Bosporskie chteniya XI. Remesla i promysly*. Kerch', 494–500.
- Yaylenko, V.P. 2002: Gunno-bulgary II-V vv. n.e. na Bospore po dannym epigrafiki i antroponimiki. *DB* 5, 303–331.
- Zasetskaya, I.P. 1982: Klassifikatsiya polihromnykh izdeliy gunnskoy epohi po stilisticheskim dannym. In: A.K.Ambroz, I.F.Erdeli (red.), *Drevnosti epohi Velikogo pereseleniya narodov V-VIII vekov*. M., 14–30.
- Zasetskaya, I.P. 1986: Nekotorye itogi izucheniya hronologii pamyatnikov gunnskoy epohi v yuzhnorusskikh stepyah. *ASGE* 27, 79–91.
- Zasetskaya, I.P. 1994: *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epohu (konets IV–V v.)*. Saint-Petersburg.
- Zubarev, V.G., Yartsev, S.V. 2014: Novyy sakral'nyy kompleks na gorodishche «Belinskoe» v Vostochnom Krymu. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1, 86–101.

ROMAN STRATEGY IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION DURING
THE REIGN OF JULIAN

Sergey V. Yartsev

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia,
s-yartsev@yandex.ru*

Abstract. The article examines the strategy of Julian in the Northern Black Sea Region. According to the author, the improvement of Goths-Roman relations at this time should be considered in the context of the Emperor's changing attitude towards the Bosporan Kingdom. The Bosporus restoring independence inevitably led to an attempt to recreate the eastern part of the buffer zone in the Northern Black Sea Region, where once again the key city ought to be Tanais. This, in its turn, implies the strengthening of the western section of the buffer zone as well (archaeological reflection of which was the construction of fortresses on the Dnieper border line of the Gothic area). Thus, this strategy was the main reason for the simultaneous improvement of the relations both with the Goths, and with the Bosporus. Moreover, it is necessary to associate the appearance of the Huns in the Northern Black Sea Region with this period. The new nomads from the east became a key link in the restored first defense belt of the buffer zone by the Emperor in the region. At the same time, by the orders of the Roman commanders, the Huns, freeing from the Alani in fluence in the Lower Don, relied on the alliance with the Sarmatians (who had recently become the Alani-Tanaiti), whose representatives more than once had occupied the Bosporan throne. In many respects it became possible thanks to the fact that the Sarmato-Iranian clan brought their pedigree to the Sarmatian kings of the 1st century BC Pharsman and Inithimeus. There was a certain number of Asian Huns or their descendants in their entourage.

Thus, in a short time of Julian rule, the layered buffer zone was restored, cutting off barbarians of the Alan tribal union all possible way towards the Roman borders.

Key words: Northern Black Sea Region, the Roman Empire, Julian, the Goths, the Huns

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 186–232
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 186–232
© Автор(ы) 2016

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УЧАСТОК САЛТОВО-МАЯЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.)

Н.И. Винокуров*, Л.Ю. Пономарев**

* *Московский педагогический государственный университет, Москва,*
vinokurovn@list.ru

** *свободный исследователь, Керчь,*
l_ponomarev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются жилые, хозяйственные, культовые и погребальные комплексы, которые были исследованы на раскопе I в центральной части салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан. На исследованной площади были обнаружены три (или четыре) полуземлянки, загон для скота, три постройки на каменном цоколе, очаги, хозяйственные ямы, одно погребение, ритуальные захоронения людей и животных, а также многочисленные котлованы, которые образовались в процессе добычи камня из античных построек. Датируются они в пределах второй половины VIII – первой половины X вв. Часть комплексов была разделена на два строительных периода. Однако, узких хронологических рамок выделить для них не удалось. Особый интерес представляют многочисленные культовые объекты, большая часть которых, возможно, была связана с земледельческим и скотоводческим культами плодородия. В таком количестве они впервые были обнаружены на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова.

Ключевые слова: Керченский полуостров, городище Артезиан, салтово-маяцкое поселение

За последние несколько десятилетий на территории Керченского полуострова было открыто свыше двухсот салтово-маяцких поселений¹. В зависимости от ландшафтно-топографических условий их можно условно разделить на две группы. К первой группе отнесены поселения, тяготевшие к прибрежной полосе Керченского пролива, Азовского и Черного морей. Во вторую группу объединены поселения, обнаруженные в отдаленных от моря районах, преимущественно долинах степных рек, балках с сезонными водотоками и на южных склонах холмов и возвышенностей.

Поскольку в первую очередь осваивались наиболее благоприятные для проживания и ведения хозяйственной деятельности территории, вполне естественно, что заселены были и многие заброшенные античные городища и поселения. В их числе оказалось и городище Артезиан, расположенное в центральной части

Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков МПГУ. E-mail: vinokurovn@list.ru

Пономарев Леонид Юрьевич – исследователь, археолог. E-mail: l_ponomarev@mail.ru

¹ Веселов 2005, 11–180; Зинько, Пономарев 2005а, 408; Могаричев 2005, 238; Пономарев 2014а, 136–141.

одноименного урочища в 5 км к востоку от берега Азовского моря². Урочище, в котором оно находилось, изобиловало водой – подземными артезианскими источниками и поверхностными (постоянными и сезонными) водотоками, а вокруг него простирались обширные, покрытые степным разнотравьем равнины с плодородными почвами³. Таким образом, здесь имелись все условия для развития пашенного земледелия и скотоводства – основных отраслей экономики салтово-маяцкого населения. Само же городище, вернее его разрушенные постройки и крепостные сооружения, являлось источником готового строительного материала.

В процессе раскопок, которые ведутся на городище уже с 1989 г., была исследована площадь свыше 6600 кв. м, при этом на всех раскопах, за исключением небольшого разведочного шурфа IV площадью 30 кв. м, были выявлены многочисленные салтово-маяцкие жилые, хозяйственные, культовые и погребальные комплексы второй половины VIII – первой половины X вв.⁴

Раскоп I, салтово-маяцким комплексам которого и посвящена данная публикация, расположен в центральной и наиболее возвышенной его части. Работы на нем велись с перерывами с 1989 г., а площадь раскопа к настоящему времени составила 2720 кв. м (рис. 3, I). Стратиграфическая колонка верхних напластований, прослеженная в его пределах, в общих чертах выглядит следующим образом. Поверх слоя разрушения античного городища, образование которого, видимо, связано с сильным землетрясением, произошедшим в середине – второй половине III в. н. э.⁵, выявлены остатки построек конца III–IV вв. н. э. Они, в свою очередь, перекрыты слоем запустения античного городища мощностью до 0,30 м. Античные слои на многих участках были повреждены более поздними перекопами. Для некоторых из них датирующими являлись находки раннесредневековой керамики, в том числе причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 1, 7–9), салтово-маяцких лощеных кувшинов (рис. 1, 10) и кухонных горшков, часть которых орнаментирована по тулову зональным и сплошным горизонтальным рифлением, а по венчику – вдавлениями и насечками (рис. 1, 11–25). На стенках причерноморских амфор с мелким зональным рифлением прочерчено два граффити. Одно из них одновременно напоминает греческую букву «λ» с удлиненной правой гастой и тамгообразный знак, получивший условное наименование «ветка» (рис. 1, 6)⁶. Аналогичные знаки наносили на амфоры причерноморского типа и более поздние средневековые амфоры⁷. Известны они и среди знаков-граффити на камнях и кирпичах Маяцкого и Саркельского городищ⁸.

Второе граффити, основным составным элементом которого являлся знак в виде трезубца, сохранилось частично (рис. 1, 5). Подобный знак, и тоже на амфоре

² Винокуров 1997, 62–63; 1998, 56.

³ В пределах широких продольных равнин Керченского северо-восточного агропочвенного подрайона развиты черноземы южные, черноземы южные слабо- и среднесолонцеватые, черноземы южные мичелярно-карбонатные, широко использующиеся под различные полевые сельскохозяйственные культуры и выборочно под виноградные (Половицкий, Гусев 1987, 137–138).

⁴ Винокуров 2014, рис. 4; 2004, 63–77; 2011а, 56–63; Винокуров, Пономарев 2015а, 46–53; Винокуров, Пономарев 2015б, 160–195.

⁵ Винокуров, Никонов 2004, 97.

⁶ Флерова 1997, 30, 76.

⁷ Майко 2012, 70, рис. 2, 1, 9; Флерова 1997, 76, табл. XV, 183, 186, 232, 242–246; Романчук 1986, 176.

⁸ Флерова 1997, 30, табл. I, 126–128; VI, 70–76.

с мелким зональным рифлением, обнаружен на поселении Героевка-2⁹. Граффити в виде трезубцев, в том числе и в сочетании с другими знаками, встречаются на пифосах VIII–X вв., амфорах VIII–XI вв., высокогорлых кувшинах с плоской ручкой и столовых лощеных сосудах второй половины X в. из Саркела, Таматархи, поселений и городищ Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма¹⁰. Возможно, что рассматриваемое нами граффити аналогично тамгообразному знаку в виде двух соединенных одной линией трезубцев, процарапанному на стене средневекового склепа у подножия Баклинского городища¹¹.

Выше слоя запустения античного городища залегал поддёрновый горизонт мощностью 0,10–0,25 м, сформированный слоем гумусированного суглинка темно-коричневого (на отдельных участках серо-коричневого) оттенка, отложившегося в период функционирования на его территории салтово-маяцкого поселения. В слое, помимо костей домашних животных, мелких частиц древесного угля, кусков железосодержащего шлака, раковин виноградных улиток и створок раковин мидий, обнаружена многочисленная и разновременная керамика. Примерно 20% ее находок составляли фрагменты керамики второй половины VIII – первой половины X вв., преимущественно амфор причерноморского типа с бороздчатым и мелким зональным рифлением и салтово-маяцких тарных и кухонных горшков.

Слой гумусированного суглинка темно-коричневого оттенка перекрывал гумусный слой толщиной 0,05–0,15 м, мало чем отличающийся от него по структуре и цветовой гамме. Находки из него представлены немногочисленными обломками разновременной керамики, среди которой, помимо причерноморских амфор, ойнохой скалистинского типа и салтово-маяцких горшков (рис. 1, 3, 4), отметим обломок горла вьючной фляги второй половины VIII – первой половины X вв. (рис. 1, 1) и закраину салтово-маяцкого котла с внутренними ручками-ушками (рис. 1, 2), которые были найдены на северо-западном участке раскопа.

Стратиграфически со слоем гумусированного темно-коричневого суглинка связаны многочисленные жилые, хозяйственные, погребальные и культовые салтово-маяцкие комплексы, открытые по всей площади раскопа.

В северной его части большая часть объектов, включая две постройки и несколько перекопов, была обнаружена в пределах северо-западного участка – кв. И-Н 10–12 (рис. 2).

В 1998 г. в кв. МН-10 были исследованы остатки постройки с каменным желобом, частично оставшейся за пределами раскопа (рис. 2)¹². По этой причине ее размеры и планировка остались неизвестными, но, судя по всему, она имела в плане овальную форму. Открытый отрезок южной стены постройки был вытянут в виде дуги и сохранился в виде двух фрагментов, зачищенных на глубине 0,27–0,34 м от современной дневной поверхности в нарушенном перекопами гумусированном слое темно-коричневого оттенка. Подошва кладки впущена в сырцово-суглинистый слой, отложившийся в период запустения и разрушения позднеантичных построек. Сохранившиеся участки стены достигали длиной 1,60 м и 1,08 м. Ши-

⁹ Зинько, Пономарев 2005б, рис. 4, 6.

¹⁰ Флерова 1997, табл. XV, 25, 121–122, 219–224; XVII, 15; Баранов, Майко 1999, 287, рис. 1, 5; Майко 2012, 70–71, рис. 1, 5, 20, 22; 2, 2; 3, 3; Рудаков 1979, рис. 3, 5–8.

¹¹ Рудаков 1980, рис. 6А.

¹² Винокуров 1999, 53, рис. 14.

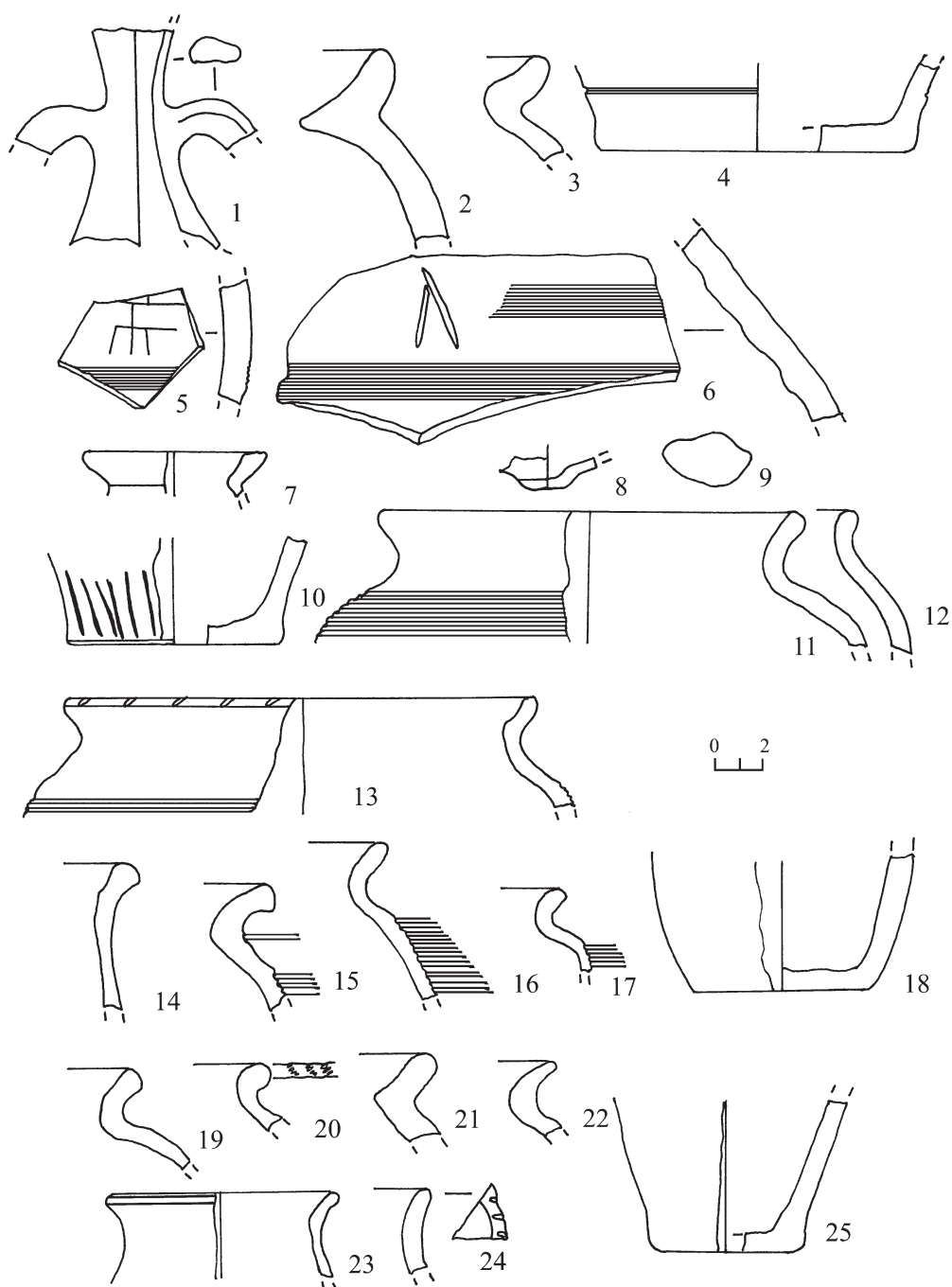

Рис. 1. Раскоп I. 1–4 – керамика из слоя гумуса; 5–25 – керамика из перекопов в слое за-
пустения античного городища

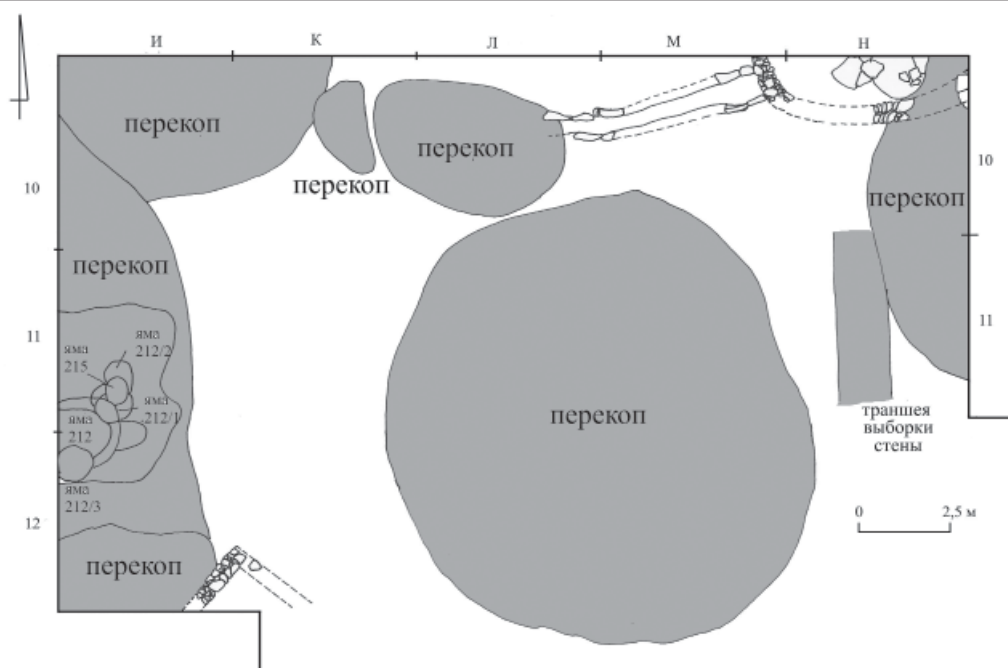

Рис. 2. Раскоп I. План северо-западного участка

рина ее варьировалась в пределах 0,40–0,60 м. Сложена стена из необработанных известняковых камней на суглинистом растворе. Кладка на отдельных участках двухслойная и трехслойная (рис. 3, 2, 3). К сожалению, заполнение постройки было выбрано более поздним перекопом. Этим же перекопом внутри нее был полностью разрушен «жилой горизонт», соответственно, не было обнаружено и находок, которые позволили бы установить, по крайней мере верхнюю, границу ее функционирования.

С юго-западной стороны к постройке примыкал желоб для сточных вод, направленный вниз по склону возвышенности в направлении СВ-ЮЗ. Длина его составляла не менее 6,0 м, ширина – 0,80–1,10 м, высота – 0,30–0,50 м. Центральная часть стока была полностью разобрана, а в западной и восточной, примыкавшей к сооружению, частях уцелело по несколько обрамлявших желоб, вертикально вкопанных плит (рис. 3, 4). Размеры их варьировались в пределах 0,78×0,54×0,15 м – 0,65×0,48×0,30 м – 0,40×0,36, 0,12 м. Щели между камнями были промазаны желтой глиной. Желоб заполнял сырцово-суглинистый грунт светло-желтого оттенка с включениями мелкого щебня, костей животных и немногочисленных обломков керамики античного времени и второй половины VIII – первой половины X вв., в том числе причерноморских амфор (рис. 6, 24, 25) и ойнохой скалистинского типа (рис. 6, 26), бытовавших на протяжении всего периода существования поселения.

Необычная форма жилища, сооруженного в виде вытянутого овала, а также его большие размеры (не менее чем 6×2 м) и наличие желоба для сточных вод позволяют предварительно интерпретировать его как загон для скота, возможно даже «зимник» с каменно-сырцовыми стенами и крышей.

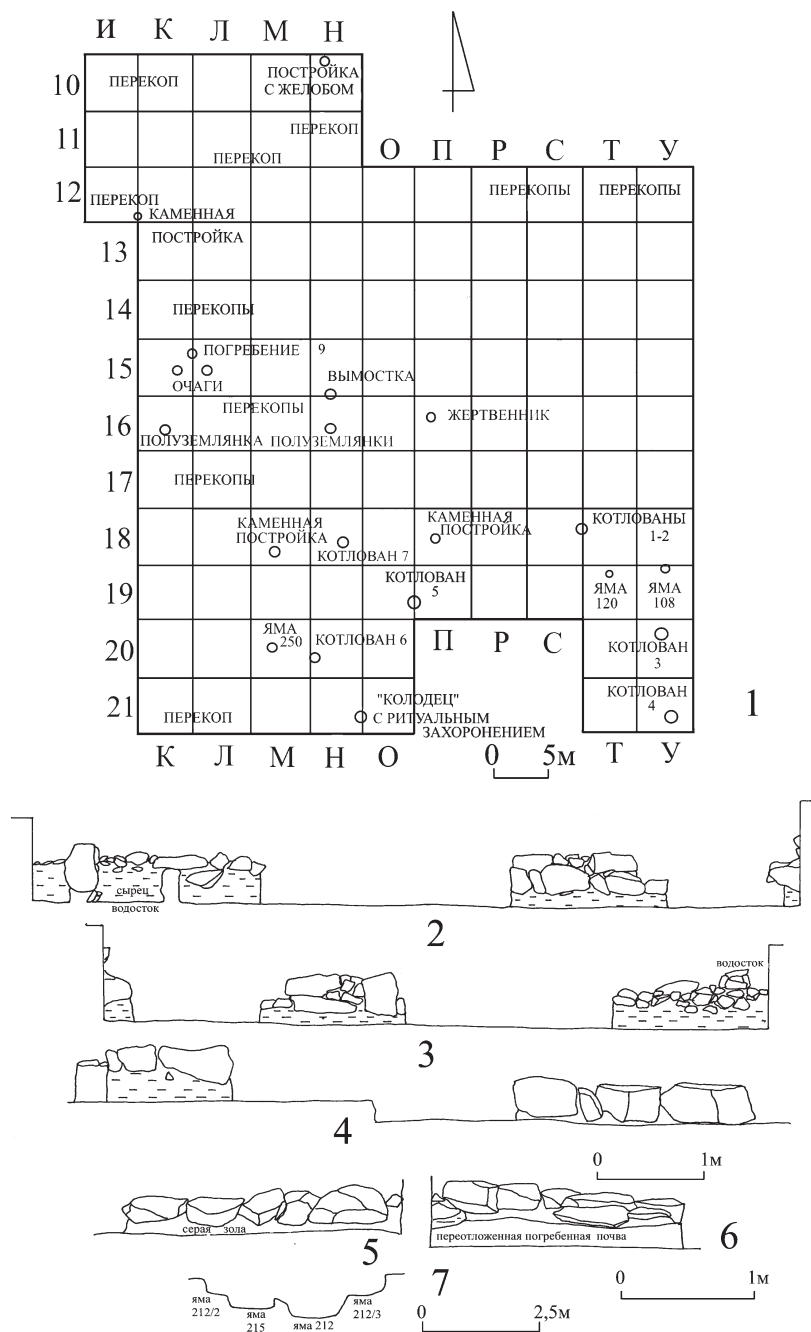

Рис. 3. Раскоп I. 1 – план-схема раскопа I с нанесенными на нее сеткой квадратов и открытыми салтово-маяцкими комплексами; 2–3 – южный и северный фас южной стены постройки с желобом; 4 – северный фас обкладки желоба; 5–6 – западный и восточный фас кладки 42а; 7 – разрезы ям 212/2, 215, 212, 212/3

Близкие по планировке и своему назначению кольцевые каменные загородки, диаметром от 5 м до 12–20 м и 28–30 м, были зафиксированы разведками на побережье Азовского моря, в районе с. Золотое и между поселениями Чегене-I и Сююрташ¹³. Не менее двадцати подобных сооружений открыты на северной и южной окраине салтово-маяцкого поселения, занимавшего один из склонов горы Опук в южной части Керченского полуострова. Они представляли собой кольцеобразные изгороди диаметром от 4–5 м до 40 м, сложенные из крупных необработанных камней. Примерно к половине из них примыкали прямоугольные в плане постройки, интерпретированные В. К. Голенко как зимники-стойла. Соответственно, кольцевые ограды были атрибутированы им как загоны для скота, вероятно, овец¹⁴.

Однако все выявленные до этого на Керченском полуострове кольцевые сооружения располагались за пределами поселений, в лучшем случае на их окраине, в то время как на поселении Артезиан оно находилось в центральной его части. Эту его особенность можно объяснить различными факторами или их совокупностью, в том числе видовым составом стада (наличием в нем свиней), условиями и сезоном его содержания, а также небольшой плотностью застройки поселения, в пределах которого вполне можно было выделить место для обустройства отдельного, принадлежащего одной семье, сооружения для содержания домашних животных.

В 1999 г. в кв. ИК-12, примерно в 17,5 м к юго-западу от постройки с желобом-водосток, был исследован частично сохранившийся угол второй постройки, большая часть которой также осталась за пределами раскопа. Ориентирована она в направлении СВ-ЮЗ и имела в плане прямоугольную форму. Размеры ее составляли не менее чем 2,9×3,1 м, планировка осталась неизвестной (рис. 2).

Стена, ограничивавшая постройку с северо-востока, оказалась полностью разобранной. Уцелел только один камень, уложенный со стороны ее внешнего фаса. Северо-западная стена – кладка 42а была ориентирована в направлении СВ-ЮЗ. Сохранилась она на длину до 2,08 м и на высоту до 0,18–0,32 м. Толщина варьировалась в пределах 0,35–0,44 м. Кладка трехслойная, двухлицевая с забутовкой, иррегулярная. Ее уцелевший нижний ряд сложен из необработанных камней, уложенных постелистой кладкой на суглинистом растворе (рис. 3, 5, 6). К сожалению, «жилой» горизонт внутри небольшого расчищенного участка помещения был полностью уничтожен более поздними перекопами. Поэтому датировать постройку в узких пределах не удалось.

Помимо двух построек, в пределах кв. И-Н 10-12 было выявлено семь котлованов перекопов, которые в силу своего функционального назначения следует классифицировать как хозяйственные, скорее даже производственные комплексы. С их помощью жители поселения осуществляли выборку камня для строительных нужд из стен разрушенных античных построек. При этом добытый камень обрабатывался на месте, прямо в котлованах. В дальнейшем, по мере выработки этих своеобразных каменоломен, они заполнялись гумусированным темно-коричневым суглинком и бытовым мусором.

¹³ Масленников, Бердникова 1977, 332–333; Винокуров 1998, 61.

¹⁴ Голенко, Джанов 2002, 76; Голенко 2007, 236, рис. 103.

Наиболее обширный перекоп был обнаружен в 1992 г. в центральной части северо-западного участка раскопа. Расположен он в кв. К-М 10-13 на примерно равном расстоянии (около 4 м) к северо-востоку от постройки в кв. ИК 12 и к юго-западу от постройки с желобом (рис. 2). Его котлованом позднеантичный культурный слой и связанные с ним строительные комплексы были выбраны на площади около 50–60 кв. м и на глубину до 1,2 м. Удаленный грунт отсыпался к югу от него, сформировав насыпь высотой до 1 м, которая перекрыла культурные напластования III в. н. э. На дне котлована зафиксирован завал из бутовых камней. Со временем, после того как выборка камня на этом участке была прекращена, котлован заполнился плотным гумусированным грунтом темно-коричневого оттенка, содержащим большое количество бутового камня, раковин виноградных улиток и обломков разновременной керамики, преимущественно стенок амфор первых веков н. э. и второй половины VIII – первой половины X вв. Профильных фрагментов оказалось немного, причем 30% из них принадлежали амфорам причерноморского типа с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 4, 1–11). По количеству находок за ними следуют салтово-маяцкие горшки, часть которых была украшена по венчику вдавлениями и насечками, а по тулову – сплошным и зональным горизонтальным рифлением (рис. 4, 17–30). Кроме того, в засыпи котлована были найдены фрагменты ойнохой скалистинского типа (рис. 4, 14, 15), обломок стенки лощеного салтовского кувшина, украшенного горизонтальными, вертикальными и перекрещивающимися полосами лощения (рис. 4, 16)¹⁵, а также фрагменты высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 4, 12), которые позволяют датировать время его заполнения не ранее чем второй половиной IX в.¹⁶

Отсюда же происходит днище столового сосуда с «перехватом» на тулове, изготовленного из глины, приобретшей после обжига красно-оранжевый оттенок (рис. 4, 13). Верхняя его часть не сохранилась. Подобного рода столовые сосуды на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова еще не встречались, а поскольку его форма осталась неизвестной, надежные и хронологически близкие аналогии ему привести не удалось. Возможно, к этому же типу сосудов или дальнейшей линии их развития относится кувшин с «перехватом» в нижней части тулова, обнаруженный при раскопках средневековых кварталов Партенита. К сожалению, его описание, условия находки и, соответственно, датировка в публикациях Е.А. Паршиной не приведены¹⁷.

Среди других находок внимания заслуживает небольшой лепной светильник в виде округло-конической чашки на невысокой, расширяющейся книзу цилиндрической ножке и плоской подставке. Высота его составляла 5,0 см, размер чашки 4,8×4,2 см, диаметр подставки 3,2 см (рис. 4, 31). Впрочем, подобного рода светильники бытовали как в античное время, так и в рассматриваемый нами период, при этом размеры и форма их составных частей существенно варьировались. К примеру, у некоторых светильников, в том числе обнаруженных и на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова, чашка непосредственно крепилась к дисковидной подставке¹⁸. У других светильников, найденных в античных и

¹⁵ Красильников 2009, 106, рис. 3, 3; 6, 2, 3.

¹⁶ Науменко 2009а, 54–57.

¹⁷ Паршина 1991, рис. 7; Паршина 2002, рис. 8.

¹⁸ Пономарев 2014б, рис. 6, 2; Грач 1999, 45, табл. 24, 9, 10.

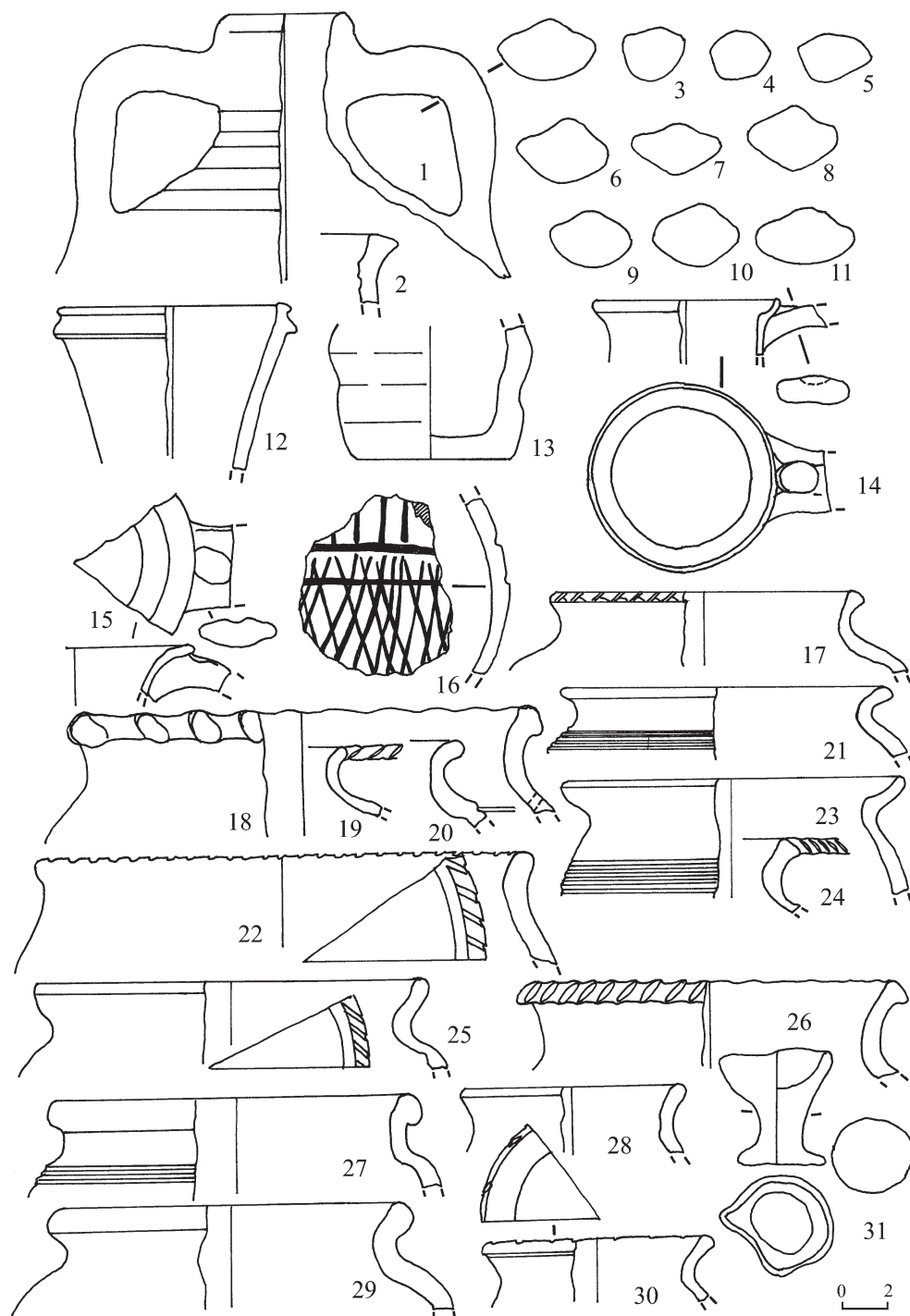

Рис. 4. Раскоп I. 1–31 – керамика из заполнения котлована перекопа в кв. К-М 10-13

раннесредневековых слоях Таматархи (Гермонассы), в Саркеле и салтово-маяцких поселениях Подонья, чашка крепилась на более высокой цилиндрической ножке¹⁹.

Помимо керамики, в заполнении котлована были также найдены обломки каменных терочников и абразивов, но определить, относятся они к античному времени или периоду функционирования салтово-маяцкого поселения, не представляется возможным.

В 1997–1999 гг. еще один котлован был частично исследован у западного борта раскопа в кв. И 10–12 (рис. 2). В плане он имел аморфную, приближенную к овалу форму, исследованная площадь составляет не менее 8–9 кв. м, а глубина на отдельных участках достигает 2,20 м. Котлован был заполнен гумусированным плотным грунтом темно-коричневого оттенка с включением золы, древесных углей, бутового камня, раковин виноградных улиток и обломков керамики, преимущественно фрагментов амфор и столовой посуды из переотложенных слоев античного времени. Среди немногочисленных находок керамики второй половины VIII – первой половины X вв. преобладали причерноморские амфоры с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 5, 1–4), ойнохой скалистинского типа (рис. 5, 6) и салтово-маяцкие горшки, часть которых украшена по венчику вдавлениями и врезным орнаментом, а по тулову – сплошным и зональным горизонтальным рифлением (рис. 5, 7–16). Помимо горшков, кухонная салтово-маяцкая посуда представлена фрагментом котла с невысоким и слегка отогнутым наружу бортиком (рис. 5, 17). Его внутренние ручки, имели форму полукруглых горизонтальных выступов В-образной формы с парными отверстиями для шнура или ремня. На Керченском полуострове подобные котлы впервые были обнаружены на поселениях Пташкино, Азовское и Героевка-3²⁰. Позднее их немногочисленная коллекция пополнилась обломками котлов из раскопок городских напластований Боспора, поселений Осовины-I, Эльтиген Юго-Западное, Героевка-2 и Героевка-1²¹. За исключением котла с поселения Осовины-I, бортик которого был загнут внутрь, все они относятся к наиболее распространенным в Подонье и Приазовье их типам и вариантам – с прямым, вертикальным (или почти вертикальным) и отогнутым наружу бортиком²².

Столовая салтовская посуда из заполнения перекопа представлена единственным фрагментом сероглиняного и покрытого сплошным лощением одноручного кувшина с прямой горловиной и отогнутым наружу венчиком со сливным носиком (рис. 5, 5). К сожалению, кувшины являются самой нестандартной категорией лощеной салтово-маяцкой керамики, поэтому соотнести рассматриваемый нами обломок с одним из их многочисленных выделенных типов не представляется возможным²³.

¹⁹ Красильников 1999, 176, рис. 10, 5; Плетнева 1959, 252–253, рис. 38, 7–11; Чхаидзе 2008, 208, тип Б, рис. 120, 8; Чхаидзе 2012, 188–189.

²⁰ Пономарев 2012а, 483, рис. 4, 1; Зинько, Пономарев 2013, 440; Гадло 1968, 89–90, рис. 22а.

²¹ Пономарев, Пономарева 2010, 456, рис. 2, 2–4; Сазанов 1998, 61, рис. IV, 39.

²² Нидзельницкая, Кулаков 2013, 30, вариант 1, 2; Белинский, Кулаков 2013, 144; Иванов 2013, рис. 8, 3; Ключников 2009, 250–251, рис. 11, 5; Нидзельницкая 2009, 264, рис. 6, 3–5; Чхаидзе 2008, 187–188, рис. 102; Плетнева 2003, табл. 71, 9, 10; Нидзельницкая, Ильяшенко 2007, 201, рис. 9, 3–5; Артамонов 1935, рис. 29; 30; Тарабанов 1997, рис. 2, 1.

²³ Флеров 1981, 170, 172; Майко, Сьомін 2003, 49; Красильников 2009, 108.

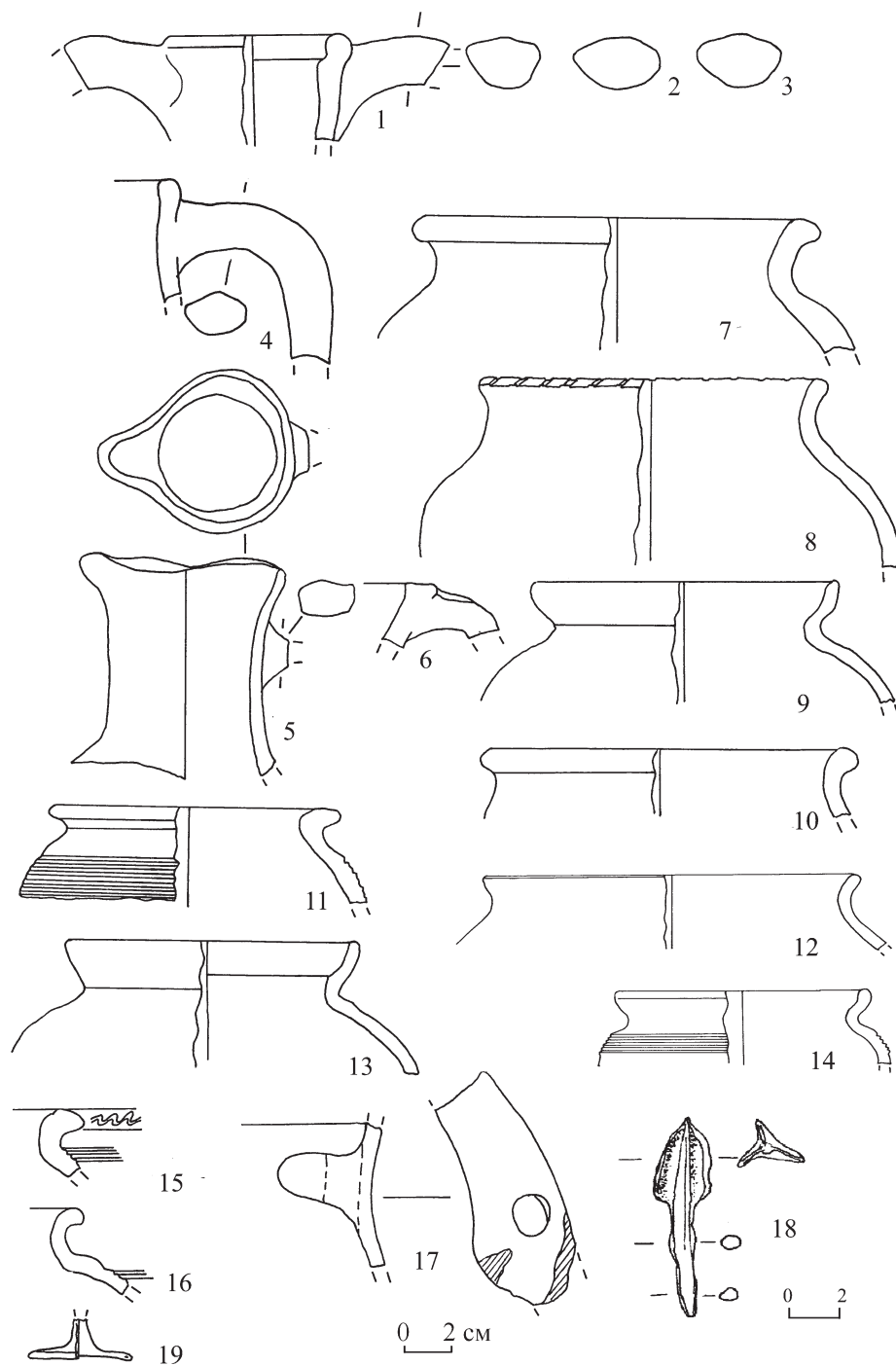

Рис. 5. Раскоп I. 1–19 – находки из заполнения котлована перекопа в кв. И 10–12

Среди других находок отметим железную трехлопастную треугольную стрелу (рис. 5, 18). Датируется она VIII–IX вв. и относится к наиболее распространенному среди салтово-маяцкого населения типу²⁴. Однако ареал их распространения включает в себя не только территорию салтово-маяцкой культуры. Такие стрелы найдены в Болгарии, Кубано-Черноморском регионе Северо-Западного Кавказа, Поволжье и Сибири²⁵. В Крыму они встречаются среди погребального инвентаря в склепах Скалистинского могильника²⁶, но на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова до этого обнаружены не были²⁷.

К числу редких находок относится также фрагмент плоского поддона стеклянной рюмки (рис. 5, 19). По своей форме он ничем не отличается от поддонов рюмок с трапециевидным корпусом и полый ножкой на круглой и плоской подставке²⁸, но в отличие от них был изготовлен из прозрачного стекла с голубым оттенком.

В придонной части котлована было зафиксировано несколько округлых в плане ям – 212, 212/1, 212/2, 212/3, 212/4, 215, борта которых в верхней части слились между собой в овальное пятно, вытянутое по оси СВ-ЮЗ, длиной более 3,35 м и шириной около 2,5 м (рис. 2). Разделить их края удалось только на глубине 0,90 м от современной дневной поверхности (рис. 3, 7). Одна из них – яма 212 – имела в плане округлую форму, в разрезе трапециевидную. Ее размеры в верхней, сохранившейся части составляли 1,77×1,80 м, на уровне дна – 1,42×1,21 м. Яма сохранилась на глубину 0,83 м и была заполнена гумусированным грунтом темно-коричневого оттенка. В заполнении, помимо керамики первых веков н. э., были найдены днища пифосов VIII–X вв., изготовленные из грубой глины красно-коричневого оттенка, днища ойнохой скалистинского типа (рис. 6, 22), а также обломки стенок и венчиков салтово-маяцких горшков (рис. 6, 1–21, 23). Некоторые горшки были орнаментированы по тулову зональным или сплошным горизонтальным рифлением (рис. 6, 1–4, 8, 13, 16), а венчики некоторых из них имели с внутренней стороны полочку для установки крышки (рис. 6, 14, 16, 20) и были украшены насечками (рис. 6, 15). Среди других находок, часть которых, возможно, относилась ко времени функционирования салтово-маяцкого поселения, отметим сильно коррозированный железный гвоздь, абразивный камень и сточенную с двух сторон таранную кость овцы или барана²⁹.

²⁴ Аксенов 2014, 14–15, рис. 3, 7; Крыганов 1989, 98, рис. 1, 1, 2; Медведев 1966, 59, рис. 30, 13; Плетнева 1994, 318, рис. 40, 7–15; Сорокин 1959, 147, 185–186, рис. 6, 15; Михеев 1985, рис. 14, 16; Квитковский, Колода 2010, 185, рис. 2, 4.

²⁵ Аксенов 2014, 15; Смирнов 1969, 20, табл. 6, 8; Федоров-Давыдов 1966, 27, рис. 3, А1.

²⁶ Веймарн, Айбабин 1993, 180, рис. 50, 14–17; 52, 36, 37; 55, 4; 62, 10.

²⁷ Можно упомянуть только об одной находке железной стрелы с треугольным пером, обнаруженной вместе с двумя причерноморскими амфорами в одном из позднеантичных склепов некрополя городища Илурат, который во второй половине VIII – первой половине X вв., вероятно, был использован в качестве жилища (Кубланов 1976, 108, рис. 3, 13; 1983, 124–125, рис. 13). К сожалению, на приведенных в публикациях рисунках отсутствует ее поперечное сечение, поэтому соотнести эту стрелу с рассматриваемым типом пока не представляется возможным.

²⁸ Айбабин 1976, 28–29, рис. 1, 10–18, тип II; Веймарн, Айбабин 1993, 194–195, тип II.

²⁹ В силу консервативности форм абразивных инструментов (шлифовальных плит, универсальных точильных камней и брусков для правки лезвий) отличить изделия античного и раннесредневекового времени чаще всего невозможно.

Гвозди изначально предназначались для крепления балочно-стропильных перекрытий крыш и других деревянных конструкций, но в силу необходимости могли использоваться не по прямому

Остальные, гораздо меньшие по размерам ямы – 212/1, 212/2, 212/3, 212/4, 215 были разделены на уровне придонной части, поэтому находок в них практически не оказалось. Учитывая их размеры и взаимное расположение, можно предположить, что по крайней мере некоторые из них предназначались для установки вкопанных пифосов.

Помимо котлованов в кв. И 10-12 и К-М 10-13 вдоль северного, западного и восточного бортов северо-западного участка раскопа были открыты еще пять котлованов-перекопов, имевших в плане аморфную и овальную форму, а в сечении, за счет покатым и сильно оплывших бортов, форму трапеции (рис. 2). Полностью удалось исследовать только два из них, размерами 1,4×5,0 м и 3,5×5,0 м. Площадь остальных составляла не менее 16–20 кв. м. Глубина котлованов достигала 1,20–1,40 м. Заполнены они были гумусированным грунтом темно-коричневого оттенка, с большим количеством бутового камня, щебня, известняковой крошки, костями животных, раковинами виноградных улиток, а также обломками керамики античного времени и второй половины VIII – первой половины X вв., в том числе фрагментами стенок амфор причерноморского типа, ойнохой скалистинского типа и салтово-маяцких горшков.

Последние три перекопа, обнаруженные в северной части раскопа, находились в его северо-восточном углу в кв. РС 12-13 и ТУ 12 (рис. 3, 1). Размеры одного из них, исследованного в кв. Р 12, составляли 3,50×1,20 м. Заполнен он был сажей и золой с небольшим количеством обломков керамики, в том числе салтово-маяцких горшков (рис. 7, 12, 13, 15) и лощеного сероглиняного кувшина с сетчатым орнаментом (рис. 7, 14). Остальные котлованы, площадь которых достигала нескольких десятков метров, были заполнены гумусированным темно-коричневым грунтом с включением большого количества бутового камня, щебня, известняковой крошки костей животных и невыразительных обломков керамики, преимущественно античного времени.

В центральной части раскопа (кв. К-У 13-17), салтово-маяцкие комплексы, в пределах которой исследовались в 1989–1992 гг., были обнаружены три практически полностью разрушенные полуземлянки, фрагмент вымостки, два очага, одно погребение и жертвенник (рис. 3, 1). Здесь же, как и в северной части раскопа, расчищены многочисленные котлованы перекопов аморфной формы, заполненные темно-коричневым плотным суглинком, бутовым камнем, щебнем и разновременной керамикой, среди которой оказались фрагменты причерноморских амфор (рис. 7, 1–3), салтово-маяцких горшков (рис. 7, 8–11), ойнохой скалистинского

назначению, а, к примеру, как шилья, проколки и пробойники. На салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова обычно встречаются кованые четырехгранные гвозди с полусферической и плоской шляпкой длиной от 3–4 см до 11 см, но обнаружено их немного, чаще всего по одному экземпляру на памятнике. Их небольшое количество позволяет предположить, во-первых, применение облегченных конструкций перекрытий или других способов их крепления. Во-вторых, большинство из них использовалось многократно, а пришедшие в негодность гвозди, наряду с другими изделиями из железа, в большинстве своем, вероятно, утилизировались.

Таранные кости (астргалы) крупного и мелкого рогатого скота использовались народами салтово-маяцкой культуры как растиральники и ложила, для различных игр и как обереги и амулеты (Красильников 1979, 84, 86–88; Майко 2004, 233–236; Хоружая 2014–2015, 264; ср.: Сергеева 2010, 198–206). В нашем случае определить его назначение не представляется возможным, поскольку отсутствовало просверленное отверстие (или отверстия), а на поверхности не были процарапаны знаки. Не исключено, что обнаруженный в яме 212 астргал представлял собой заготовку изделия.

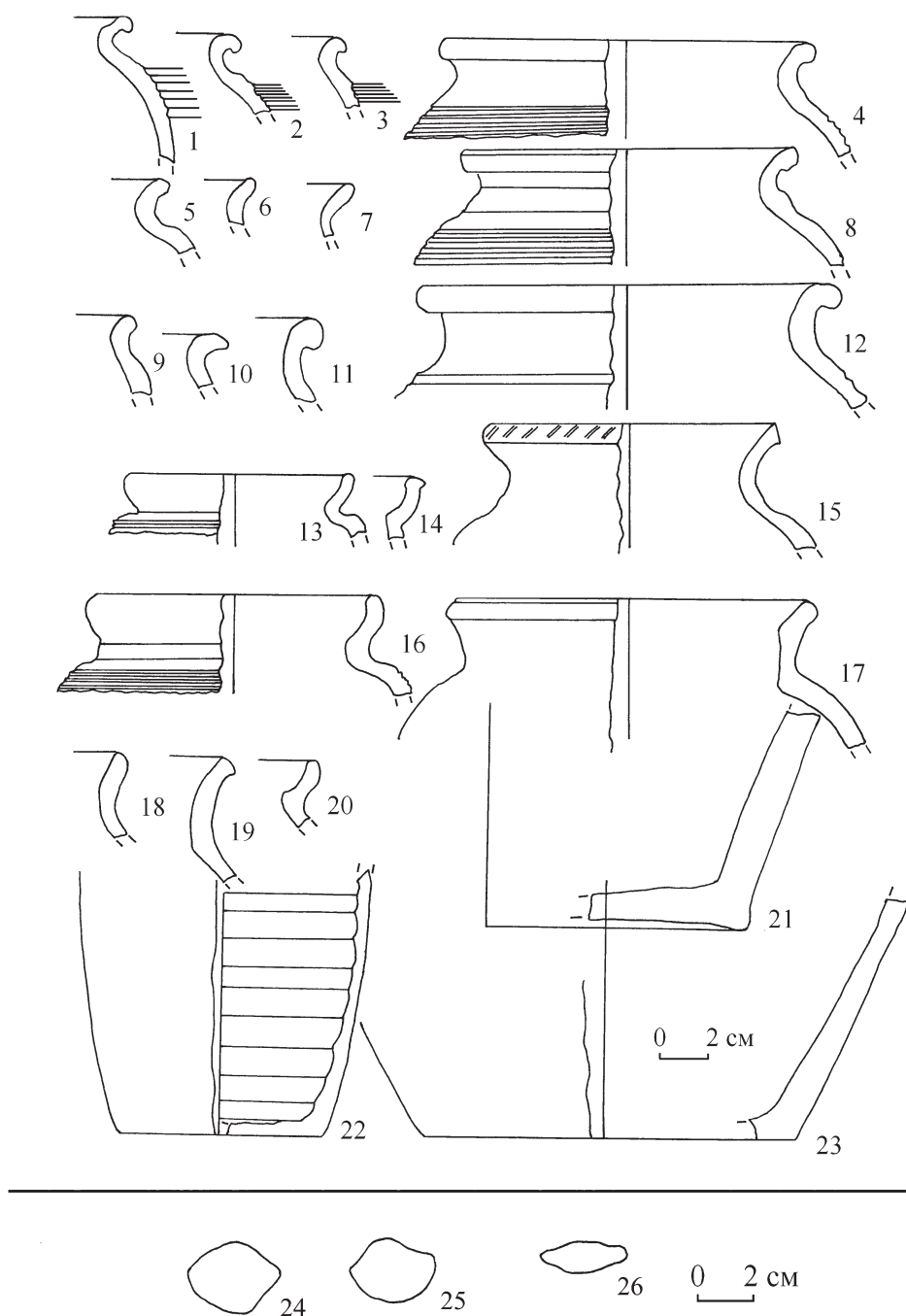

Рис. 6. Раскоп I. 1–23 – керамика из заполнения ямы 212; 24–26 – керамика из заполнения желоба-стока постройки в северо-западной части раскопа

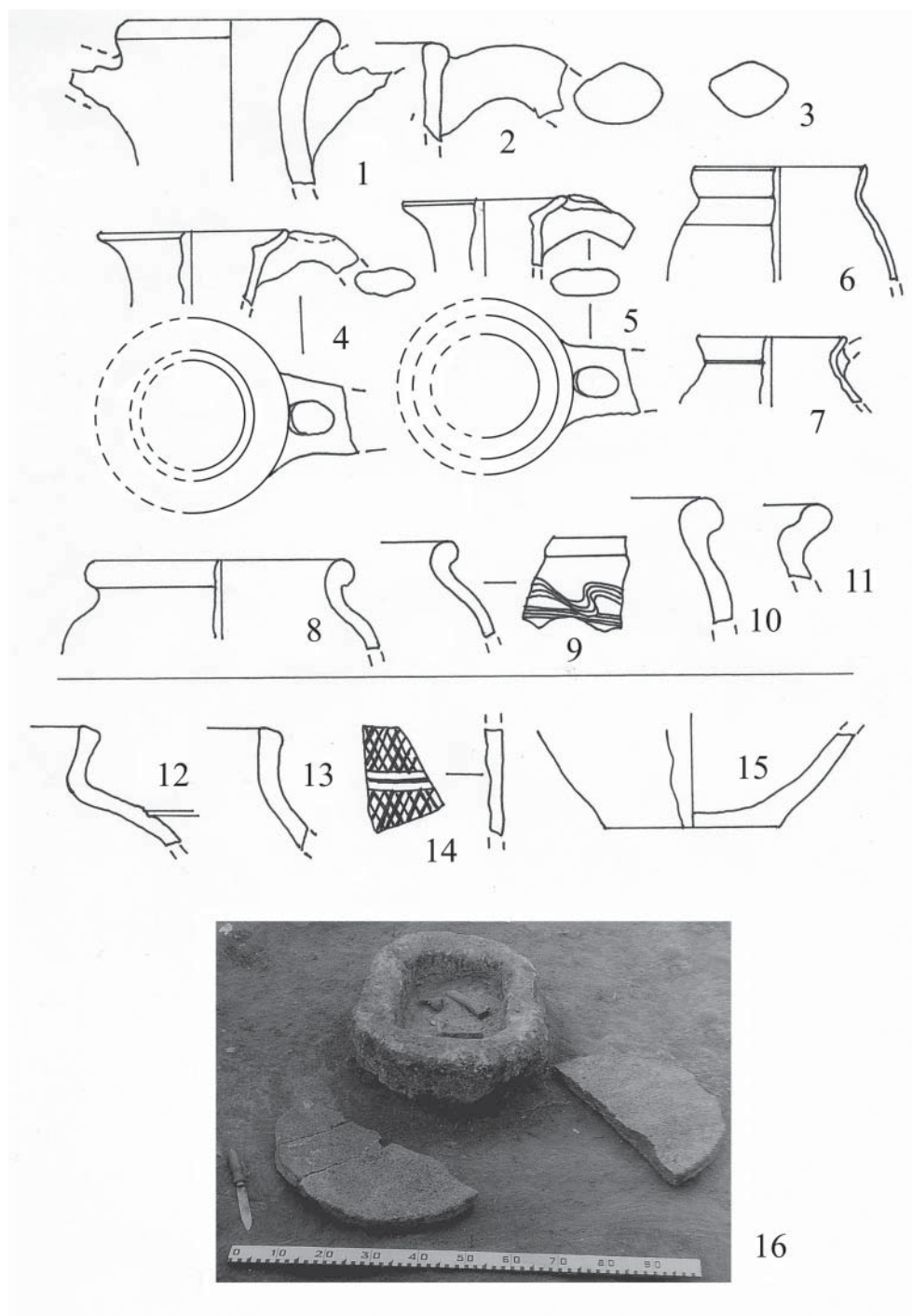

Рис. 7. Раскоп I. 1–11 – керамика из заполнения котлованов перекопов в кв. К-Н 15–16; 12–15 – керамика из заполнения котлована перекопа в кв. Р 12; 16 – жертвенник в кв. П 16. Вид с запада

типа (рис. 7, 4, 5) и горшочков с шаровидным или яйцевидным туловом и пальцевым вдавлением на месте верхнего крепления ручки (рис. 7, 6, 7)³⁰.

Остатки трех полуземлянок были открыты в кв. К-16 и Н-16. При этом две из них функционировали, видимо, одновременно и, соответственно, были отнесены к первому строительному периоду. К сожалению, в силу плохой сохранности форму и размеры полуземлянок установить не удалось. Однако в каждой из них уцелело по одному сильно поврежденному пифосу с обрушенной внутрь верней частью, диаметр тулова которых достигал 0,87–0,96 м. Заполнены они были гумусированным плотным суглинком темно-коричневого оттенка с большим количеством мелкого бута и щебня. Каких-либо находок в заполнении пифосов не оказалось.

Спустя какой-то промежуток времени, после того как полуземлянка в кв. Н 16 прекратила функционировать, ее засыпанный котлован прорезала новая полуземлянка. В сохранившейся нижней части она имела в плане форму овала, вытянутого по оси запад-восток. Длина помещения составляла 3,25 м, ширина достигала 2,25 м, глубина – 0,95–1,06 м. Борта котлована сужались по направлению к полу и были оформлены в виде уступов. На полу, в центральной его части, зачищена ямка диаметром 0,38 м для опорного столба конструкции перекрытия. Вход в полуземлянку располагался с юга и представлял собой пологий пандус, переходящий у пола в ступеньки. Ширина его составляла 1,0×1,10 м, длина – 1,60 м. Полуземлянка была заполнена темно-коричневым гумусированным грунтом с большим количеством бутового камня, щебня и маловыразительными фрагментами керамики античного времени и второй половины VIII – первой половины X вв., в том числе стенками причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков.

Учитывая характер находок, установить временные рамки функционирования полуземлянок первого и второго строительного периода не удалось, хотя с уверенностью можно говорить о том, что, как и на других салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова, сооружались они не только на начальном этапе существования поселения³¹. Дискуссионным остался вопрос и относительно функционального назначения полуземлянок. Можно лишь предположить, что две полуземлянки с пифосами использовались в хозяйственных целях, а более поздняя полуземлянка вполне могла быть жилой, но отопительного устройства в ней обнаружено не было.

Примерно в 2,5 м к ЗСЗ от полуземлянок в кв. Н 16 выявлены остатки вымостки площадью около 2 кв. м. Она была сложена из нескольких больших известняковых плит. Сами плиты в результате длительного воздействия сильного огня растрескались, а их поверхность приобрела красно-коричневый оттенок. Вымостка имела уклон к югу. Со всех сторон ее окружали позднейшие траншеи выборок стен античных построек и перекопы.

К северо-западу от вымостки и к северу от полуземлянки в кв. К 16 обнаружены два очага, сооруженные из вертикально установленных и вкопанных на одну треть, известняковых плит.

Первый очаг, зачищенный в кв. К 15, имел в плане прямоугольную форму. Сложен он из трех плит толщиной около 0,20 см. Размеры очажной ямы состав-

³⁰ Рыжов, Седикова 1999, 321–322, 324, рис. 7; 10, 9, 10; Нессель 2006, 102, рис. 23, 1–6; Науменко 2009б, 63–64.

³¹ Пономарев 2012б, 67–72.

ляют 0,70×0,40×0,30–0,50 м. Вокруг очага и в рыхлом золистом заполнении очажной ямы найдено большое количество мелких древесных угольков, обожженных костей животных и птиц и раковин виноградных улиток.

Второй очаг, обнаруженный в кв. Л 15, располагался в 4,6 м к северо-западу от первого очага. В плане он имел неправильную округлую форму. Размеры его составляют 0,90×0,74×0,65 м. Очаг сложен из известняковых плит, поверхность которых в результате длительного воздействия высоких температур приобрела оранжево-красный оттенок. Помимо плит был использован обломок известняковой кормушки прямоугольной формы. Очаг заполнял золистый грунт с включениями чистой золы, птичьих костей, створок мидий и раковин виноградных улиток.

В 1994 г. между очагами в кв. КЛ 15 было обнаружено погребение 9 (рис. 8). Совершенно оно в неглубокой яме, имевшей в плане овальную форму. Ее границы прослежены частично, поскольку заполнявший могилу темно-коричневый, сильно гумусированный суглинок по своей структуре и оттенку практически ничем не отличался от грунта, заполнявшего котлован перекопа, в который она была врезана. Реконструируемые размеры могильной ямы 1,10×0,35–0,40 м. Глубина ее составляла не менее 0,35–0,40 м. В могиле было совершено одиночное захоронение подростка 8–10 лет, уложенного вплотную к борту ямы в скорченном положении, на правом боку с небольшим завалом на спину, головой на ЗЮЗ. Правая верхняя конечность вытянута вдоль туловища, кисть согнута под прямым углом, фалангами пальцев по направлению к тазовым костям. В верхней проксимальной части плечевой кости зафиксированы следы перелома и неправильного сращения. Левая верхняя конечность согнута в локтевом суставе, кисть на тазовой и правой бедренной кости. Анатомический порядок нижних конечностей был нарушен. Видимо, спустя какое-то время после погребения кости голеней были намеренно смещены и уложены параллельно друг к другу поверх правой бедренной кости. При этом одна из больших берцовых костей была повернута проксимальным эпифизом в противоположном направлении. Здесь же находились отдельные кости плюсны.

Погребальный инвентарь в могиле обнаружен не был, а в заполнении могильной ямы и котлована перекопа, в который она была врезана, были найдены лишь несколько обломков причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков с врезным волнистым орнаментом. Учитывая широкие рамки их бытования, датировать погребение 9 в узких пределах не представилось возможным.

В настоящее время в пределах изученной территории поселения выявлено уже четыре погребения в грунтовых ямах, из них два на раскопе III и одно на раскопе П³². Некоторые из них, возможно, были связаны с расположенными поблизости культовыми комплексами. Такие одиночные захоронения раскопаны уже на многих салтово-маяцких городищах и поселениях, включая и Керченский полуостров. По мнению исследователей, в большинстве своем они имели ритуальный характер и совершались в силу различных, но иногда тесно связанных между собой причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического и общественного характера³³.

³² Винокуров 2011а, 56–63, рис. 1–3.

³³ Плетнева 1989, 67; Плетнева, Красильников 1990, 106; Винников, Афанасьев 1991, 137–138; Албегова, Гусаков 2001, 127; Колода 2011, 269–270; 2012–2013, 111–112.

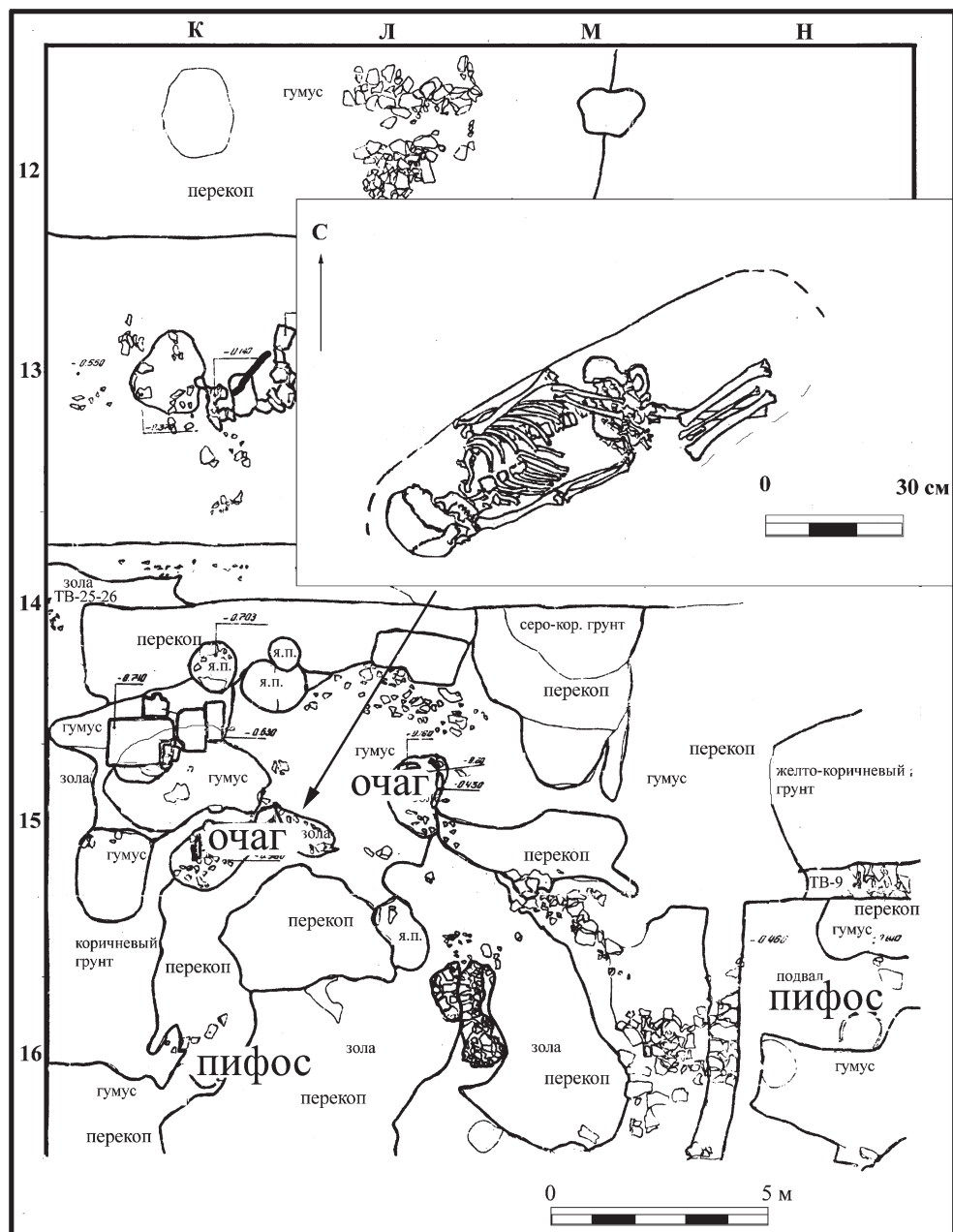

Рис. 8. Раскоп I. План западного участка и план погребения 9

Внимания заслуживает и состояние костей нижних конечностей подростка в могиле 9. Учитывая характер их расположения, есть все основания полагать, что над погребенным был проведен обряд обезвреживания, следы которого в виде повторного проникновения в могилу и частичного или полного разрушения скелета прослежены на многих салтово-маяцких могильниках, в том числе и на Керченском полуострове³⁴.

Последний, обнаруженный в центральной части раскопа (кв. П 16) комплекс был атрибутирован как жертвенник, в качестве которого была использована каменная поилка (или кормушка) для скота, перекрытая известняковым ротационным жерновом диаметром 0,54 м и толщиной 0,09 м (рис. 7, 16). Поилка была вырублена из известнякового блока и имела прямоугольную форму. Внешние ее размеры составляли 0,62×0,51×0,24 м. Заполнена она была рыхлым золистым грунтом, находки из которого представлены костями птицы, несколькими костями мелкого рогатого скота и тремя фрагментированными сероглиняными ойнохоями. Несколько десятков обломков идентичных ойнохой были найдены вокруг поилки.

Насыщенной разнообразными комплексами оказалась и южная часть раскопа (кв. К-У 17-21), расположенная в самой возвышенной части городища. На уровне горизонта второй половины VIII – первой половины X вв. здесь были исследованы остатки двух наземных каменных построек, хозяйственные ямы, несколько котлованов перекопов, а также совместные ритуальные захоронения, совершенные в ямах, котлованах и каменном сооружении, напоминающем колодец (рис. 9).

Одна из построек был раскопана в кв. ЛМ 18-19. К сожалению, культурный слой салтово-маяцкого поселения на этом участке был практически полностью разрушен полевыми фортификационными сооружениями периода Второй мировой войны, а от постройки сохранились камень, установленный со стороны внешнего фаса северо-западной стены и небольшие фрагменты двух стен шириной 0,65–0,75 м, образующих ее северо-восточный угол. Благодаря уцелевшим обрывкам кладок можно предположить, что в плане постройка имела прямоугольную форму и была ориентирована по длинной оси в направлении СВ-ЮЗ. Соответственно, в направлении СЗ-ЮВ ее размеры варьировались в пределах 4,7–5,0 м, а в направлении СВ-ЮЗ составляли не менее 9 м (рис. 9).

Вторая постройка, обнаруженная в кв. О-Р 18-20, примерно в 7,5 м к востоку от первой постройки, сохранилась еще хуже. В 1994–1995 гг. был обнаружен развал камней ее северо-западного угла, а в 1999 г. зачищена траншея выборки (ТВ-64) восточной стены шириной 1,03 м, длиной 4,16 м и глубиной до 0,18 м (рис. 9). С их учетом постройку можно реконструировать как прямоугольный в плане дом, ориентированный по оси СВ-ЮЗ. Соответственно, его размеры в направлении СЗ-ЮВ составляли примерно 7,5 м, а в направлении СВ-ЮЗ не менее 6,5 м.

Поскольку «жилой» горизонт внутри обеих построек, а также культурный слой вокруг них были полностью уничтожены, каких-либо находок, которые позволили бы уточнить их хронологические рамки, обнаружить не удалось.

Помимо каменных построек в юго-западной части раскопа были обнаружены три котлована. Два из них образовались в процессе добычи камня из античных

³⁴ Иченская 1981, 93; Флеров 1993, 45–46, 54; Аксенов 2002, 98–113; 2009, 89–101; Пономарев 2004, 451–462.

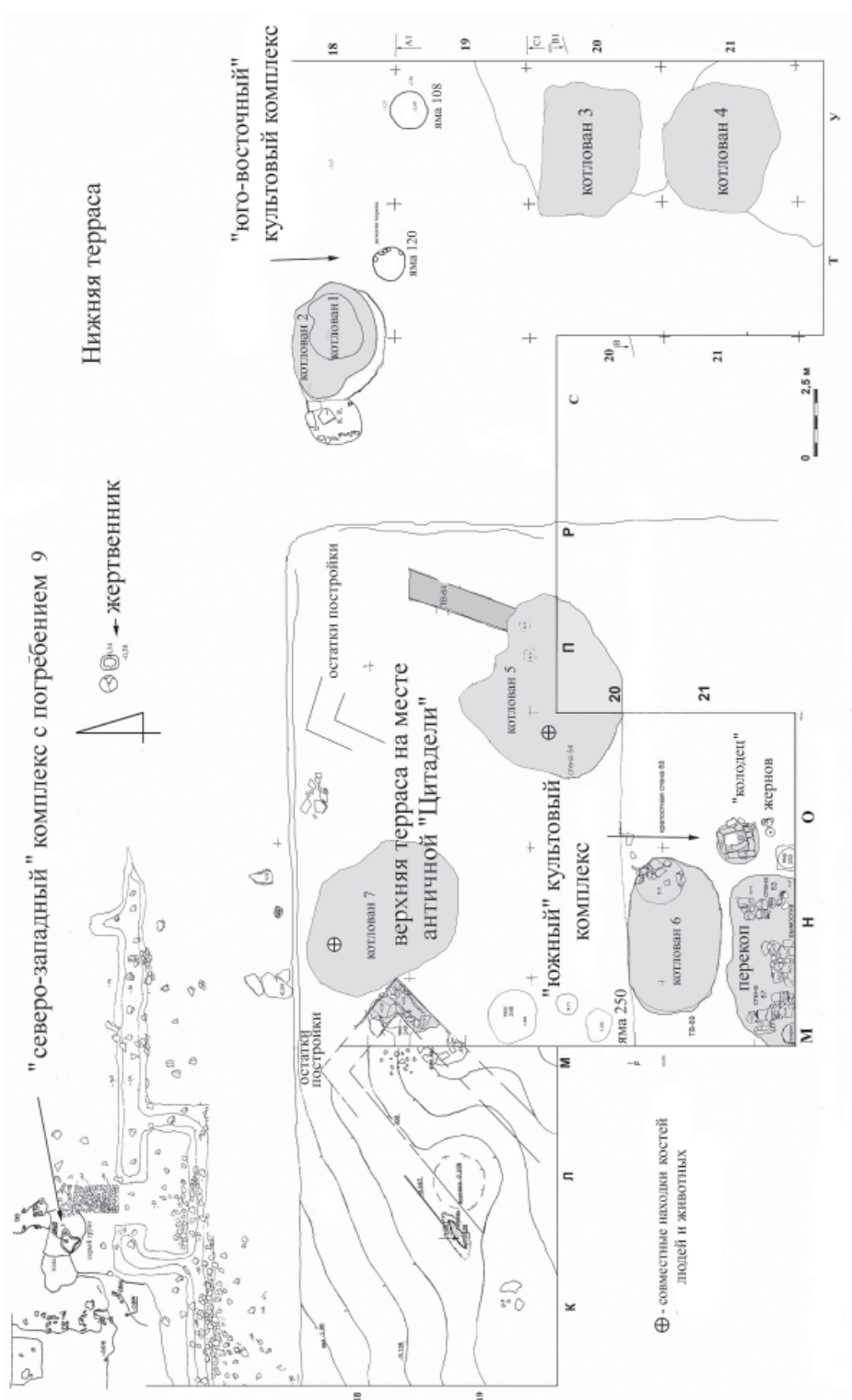

Рис. 9. Раскоп I. План южного участка

построек, а один – котлован 6, – возможно, представлял собой остатки хозяйственной полуземлянки (рис. 9).

В 2001 г. в кв. ОП 19-20 был исследован котлован перекопа 5. В плане он имел аморфную форму. Диаметр пятна его заполнения достигал 5 м. Глубина перекопа составила 4,5 м. Стратиграфическая ситуация, прослеженная на этом участке раскопа, позволяет утверждать, что камень в этом перекопе стал добываться уже после того, как прекратила функционировать постройка в кв. О-Р 18-20, траншеей выборки восточной стены которой он прорезал. Позднее, когда котлован был засыпан, в нем был вырыт еще один котлован размерами 3,80–4,12×3,90–4,0 м и глубиной 2,12–2,15 м. Заполнен он был золистым темно-коричневым гумусированным грунтом, с большим количеством бутового камня, щебня, небольших кусков пористого стекловидного шлака, углей, окалины, кусочков проржавевшего железа, обломков печины, цемянки, рыбьих костей и раковин моллюсков. Среди керамики преобладали амфоры и столовая посуда первых веков н. э. Керамические изделия второй половины VIII – первой половины X вв. представлены немногочисленными фрагментами причерноморских амфор (рис. 16, 21–24), ойнохой скалистинского типа (рис. 16, 25) и обломками стенок салтово-маяцких горшков.

В северной его части, на глубине 1,90–2,05 м, обнаружены разрозненные кости быка и раздавленный череп человека со следами искусственной деформации и без нижней челюсти³⁵. Поскольку они были компактно уложены на нижних, обнаженных котлованом, рядах кладки северо-восточной башни античной «цитадели», есть все основания предположить, что более поздний котлован вырыли специально для совершения в нем ритуального захоронения. К сожалению, находки, обнаруженные в его засыпи, не позволяют датировать захоронение в узких пределах, но, учитывая стратиграфическую ситуацию на этом участке раскопа, его с уверенностью можно отнести к одному из последних этапов существования поселения. По крайней мере, оно было совершено уже после того, как на этом участке прекратили добывать камень, и спустя значительный промежуток времени, после того как была разрушена постройка в кв. ОП 19-20.

Еще один перекоп – котлован 7 был – обнаружен в кв. М-О 18-19 между двумя каменными постройками. Он имел в плане аморфную, приближенную к овалу форму и был вытянут по длинной оси в направлении СЗ-ЮВ. Размеры котлована – 6,5×4,4 м, глубина – 0,30–0,40 м. Заполнен он был темно-коричневым грунтом с большим количеством известнякового щебня, костей животных и разновременной керамики, в том числе немногочисленными фрагментами причерноморских амфор, стенками ойнохой скалистинского типа и фрагментами салтово-маяцких горшков. Перед тем как котлован был засыпан, в нем, как и в котловане перекопа 5, было совершено комбинированное жертвоприношение отдельных частей тела человека и животного. Его остатки, включавшие челюсть взрослого мужчины, череп и разрозненные кости ног лошади, были обнаружены на дне котлована в северо-западной его части.

В 4,1 м к юго-западу от котлована 5 был выявлен котлован 6. В плане он имел овальную форму и был вытянут по длинной оси в направлении ЗСЗ-ВЮВ. Размеры его составляли 5,7×3,3 м, глубина – 0,60 м. Заполнен он был рыхлым щебни-

³⁵ Винокуров 2011а, 61.

стым грунтом светло-желтого оттенка. Из засыпи происходят фрагменты разновременной античной керамики, а также профильные части пифосов VIII–X вв. (рис. 16, 26) и салтово-маяцких горшков, в том числе пифосообразного толстостенного горшка, которые чаще всего использовались в качестве тарных сосудов. Тулово этих горшков обычно покрывалось горизонтальным, реже волнообразным, врезным орнаментом и завершалось массивным, отогнутым наружу округлым венчиком диаметром до 22–24 см, украшенным пальцевыми защипами (рис. 16, 27). Их фрагменты, а иногда и целые экземпляры обнаружены на многих городищах и поселениях VIII–X вв. Северского Донца, Нижнего Дона, Северного Приазовья, Таманского полуострова, Прикубанья, Северного Кавказа и Поволжья³⁶. В Крыму большая часть их находок приходится на салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова и городище Тепсень³⁷.

В отличие от аморфных в плане перекопов 5 и 7, котлован 6 вполне можно было бы интерпретировать как остатки хозяйственной полуземлянки. Однако, кроме как его правильной геометрической формой, другими и более надежными свидетельствами это предположение не подтверждается.

Последний исследованный в юго-западной части раскопа перекоп был частично раскопан в 0,3–0,5 м к югу от котлована 6. Площадь его составляла более 20 кв. м, а глубина варьировалась в пределах 0,12–0,45 м. Заполнен он был рыхлым щебнистым грунтом светло-желтого оттенка. Из находок преобладали обломки античной черепицы и керамики первых веков н. э. Помимо них обнаружены немногочисленные стенки салтово-маяцких горшков.

В 1,2 м к северо-западу от котлована 6 обнаружена хозяйственная яма 250. Верхняя ее часть полностью уничтожена более поздними перекопами. Придонная часть, диаметром 1,61 м, имела в плане округлую форму и сохранилась на глубину 0,47 м. Яма была заполнена золистым грунтом серого оттенка, содержащим кости животных, створки мидий и обломки печины. Здесь же найдены обломки каменной горловины, известняковая крышка (диаметром 0,60 м и толщиной 0,06 м) и обломки керамики, преимущественно первых веков н. э. Засыпана яма была не ранее второй половины IX в., на что указывают находки венчика высокогорлого кувшина с плоской ручкой (рис. 16, 16) и горла причерноморской амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 16, 17).

В 1999–2000 гг. в юго-западной части раскопа был исследован один из наиболее интересных объектов, представлявший собой совместное захоронение подростка и *pars pro toto* туши быка, совершенное в каменном сооружении, внешне напоминавшем колодец (рис. 9; 10, 1, 3). В качестве гидротехнического сооружения эта необычная конструкция использоваться не могла, поскольку, при глубине 2,39–2,46 м, она не достигала водоносного горизонта, залегавшего в этой части мыса на 20–30 м ниже.

³⁶ Ляпушкин 1958а, 110, рис. 7; Плетнева 1959, 222, рис. 9, 12, 13; Красильников 1999, 173; Кияшко 2012, 150, рис. 2, 5, 6; Ключников 2009, 249–250, рис. 9, 4; 11, 1; 12, 9–14; Лопан 2001, 110, рис. 4, 2; Тарабанов 1993, 121, рис. 6, а–г; Тарабанов 1997, рис. 2, 5, 8, 11; Биджиев 1979, рис. 5; Ляпушкин 1941, 207–208, табл. III, 1; Кузнецов, Голофаст 2010, рис. 33, 4; Виноградов 2002, 80, рис. 4, 3; Моржерин 2000, 60.

³⁷ Зинько, Пономарев 2009, 67; Майко 2004, 198.

При возведении «колодца» под его каменную конструкцию была выкопана округлая в плане яма (№ 254) размерами 1,54×1,80 м, прорезавшая рыхлый суглинистый слой темно-желтого оттенка с большим количеством известнякового отеса, отложившегося в процессе строительства античной «цитадели» городища. Заполнена она была таким же по структуре и плотности грунтом, но более светлого оттенка. Из находок в заполнении ямы отметим ручку античной амфоры и монету Рискупорида III (210–226 гг. н. э.).

В плане шахта «колодца» имела неправильную четырехугольную форму, в разрезе – трапециевидную, при этом углами была ориентирована по оси ВСВ-ЗЮЗ. По направлению к дну она расширялась; соответственно, на уровне горловины ее размеры составляли 0,85×0,72 м, а на уровне дна – 1,02–1,04×1,04 м. Стенки шахты были сложены из обработанных известняковых плит, установленных на ребро с перевязкой рядов. Кладка однослойная, орфостатная, однолицевая (рис. 10, б). Всего было уложено семь рядов плит, между некоторыми из них прослежены следы известкового и глиняного растворов. Лицевая, обращенная внутрь шахты, поверхность плит обработана каменотесным инструментом наподобие скампеля. В северной стенке, на высоте 0,90–0,98 м от дна, была устроена ниша размерами 0,15×0,12×0,14 м, но ее назначение выяснить не удалось. По крайней мере, она не использовалась для установки светильника, поскольку следы копоти на ее стенках отсутствовали.

На дне «колодца» отложился небольшой слой вязкой глины серо-зеленого оттенка толщиной 1,5–3,2 см. Ее перекрывала прослойка обугленного, напоминающего сажу грунта толщиной 2–3 см, с большим количеством перегоревших зерен пшеницы или ячменя. Следы воздействия высоких температур и пламени в виде пятен красно-бурого оттенка прослеживались и на поверхности плит стенок «колодца».

Спустя небольшой промежуток времени, за который прослойка обугленного грунта еще не была перекрыта другими отложениями, в северо-западном углу «колодца» было совершено ритуальное захоронение подростка, уложенного на спине, головой на запад (рис. 10, 4, 5). Правая его верхняя конечность согнута в локтевом суставе, кисть перекрыта костями нижних конечностей. Левая верхняя конечность, перекрытая костями нижних конечностей, вытянута вдоль туловища. Нижние конечности сильно согнуты и развернуты в северном направлении. При этом бедренные кости сдвинуты от костей таза, но сохранили связь в коленных суставах с костями голени. Кости стоп полностью перекрыты малыми и большими берцовыми костями. Такое положение костей нижних конечностей вряд ли можно признать естественным. Скорее всего, перед погребением ноги подростка были отчленены по бедренным суставам, а стопы – по суставам от голеней. Подрезкой сухожилий может объясняться и их скорченное положение. Возможно, еще до разложения мягких тканей была отделена и голова, поскольку череп вместе с челюстью был смещен от естественного анатомического положения и уложен основанием на грудную клетку.

В центре «колодца», на том же уровне, что и погребение подростка, находились несколько грубо расколотых плит известняка. На одну из них был уложен череп крупного быка, установленный рогами вниз и ориентированный по оси ЮЗ-СВ (рис. 10, 5). Рядом с камнями были найдены хвостовые позвонки и кости плюсны,

защищенные вне анатомического порядка. По всей видимости, в «колодце» вместе с подростком было совершено ритуальное захоронение шкуры быка и частей его скелета. Иными словами, речь идет о заместительной жертве, принесенной по довольно часто практиковавшейся в древности многими народами схеме *pars pro toto* – часть (отдельные кости, шкура или «чучело») вместо целого животного.

Остатки ритуального захоронения были перекрыты слоем плотного грунта темно-коричневого оттенка мощностью 0,86–0,90 м. В нем прослежены прослойки золы, мелкие древесные угли, раковины виноградных улиток и кости диких животных – нескольких мышей, четырех зайцев и щенка лисицы, вероятно, попавших сюда случайно.

Этот слой был перекрыт однородным и очень рыхлым щебнистым грунтом светло-серого оттенка с прослойками темно-коричневого суглинка. Мощность его достигала 1,60 м, но при этом, за исключением нескольких стенок античных амфор и ручки причерноморской бороздчатой амфоры, он практически не содержал находок.

Горловину «колодца» перекрывала поилка (или кормушка) для скота, размерами 1,10–1,20×0,70×0,50–0,60 м и глубиной 0,30 м, вырезанная из известнякового блока (рис. 10, 2). Ее сбросили в шахту, когда она была засыпана только на половину своей глубины, при этом поилка не перекрывала горловину полностью. Благодаря этому обстоятельству частично засыпанный «колодец» превратился в своеобразную ловушку для мелких животных, и лишь со временем его беспрепятственно заполнил затечный грунт.

Датировать ритуальное захоронение в «колодце», хотя и в очень широких пределах – второй половиной VIII – первой половиной X вв., позволяет единственная находка – горловина причерноморской амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 16, 18)³⁸, обнаруженная под лопаточной костью подростка. Дискуссионным остается и его назначение, поскольку языческие верования и обряды народов салтово-маяцкой культуры очень слабо отражены в письменных источниках и изучать их приходится, базируясь исключительно на археологических и этнографических материалах. В отношении рассматриваемого комплекса можно предположить его взаимосвязь с земледельческим и животноводческим культами плодородия, на что косвенно указывают обгоревшие зерна злаковой культуры на дне «колодца», поилка для скота, а также жернов и обломок плиты зернотерки, обнаруженные в 0,2 м к югу от него.

В этом же контексте вполне уместен и выбор быка в качестве жертвенного животного. Следы обрядов, при совершении которых в жертву приносились корова, бык и теленок (или части их расчлененных туш), зафиксированы на многих салтово-маяцких поселениях и могильниках, включая и Керченский полуостров³⁹. По-видимому, у населения этой культуры, как и у многих других земледельческих народов, эти животные являлись символом благополучия, плодородия и производящих сил природы и, соответственно, могли быть связаны с земледельческими и животноводческими культами, «обеспечивавшими» в языческом сознании людей не только их благосостояние, но и само дальнейшее существование.

³⁸ Науменко 2009в, 43–47, тип II.

³⁹ Флеров 1971, 261–262, рис. 2; Артамонова 1963, 185, 186, рис. 7; Белинский, Кулаков 2013, 152, 162, рис. 7; Плетнева 1996, 78; Ключников 2009, 244–246; Колода 2001, 129; Винников, Ковалевский 2007, 54–55; Зинько, Пономарев 2005б, 245, рис. 19.

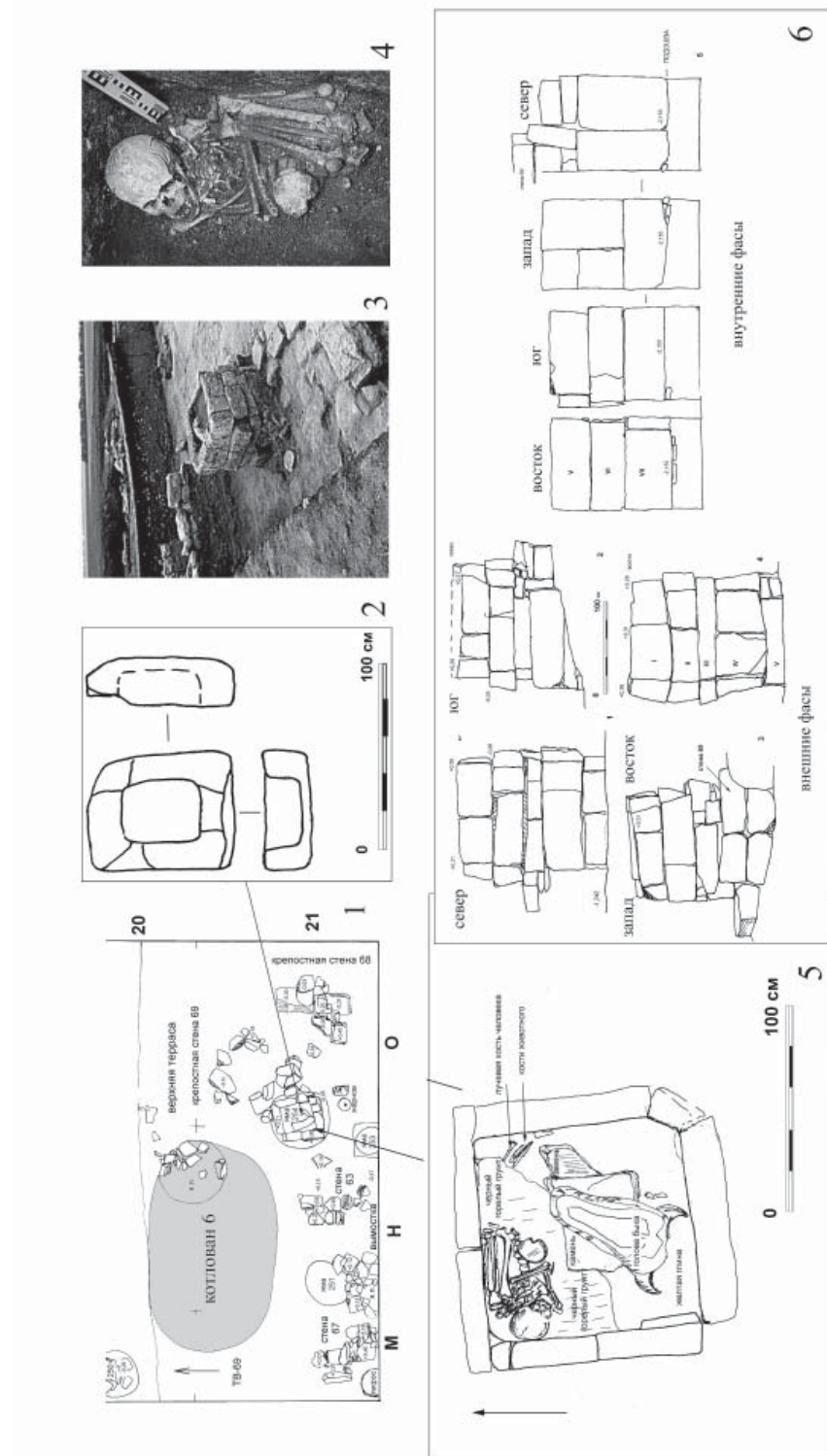

Рис. 10. Раскоп I. «Южный» культовый комплекс. 1 – план участка раскопа I с «колодцем» и котлованом 6, 2 – каменная поилка из шахты «колодца»; 3 – «колодец». Вид с юго-востока; 4 – скелет подростка в «колодце». Вид с востока; 5 – план на уровне костей скелета подростка и быка в шахте «колодца»; 6 – внешние и внутренние фасы стен шахты «колодца»

Впрочем, нельзя исключать, что жертвоприношение, совершенное, по-видимому, в специально сооруженном для него «колодце», было принесено в каких-то иных, возможно, даже комбинированных целях. К примеру, специальные, использовавшиеся не для забора воды, а в ритуальных целях культовые колодцы, раскопанные на славянских и кельтских святилищах, служили, по мнению исследователей, для связи с «подземным миром», а принесенные в них жертвы означали дар предкам или отправление посланцев в потусторонний мир⁴⁰.

Напомним также, что, помимо захоронения в «колодце», на этом участке поселения было совершено еще два ритуальных жертвоприношения расчлененных останков людей и животных – быка и лошади, обнаруженных в 12–13 и 7–8 м к северу и северо-востоку от «колодца». Компактное расположение этих объектов позволило в дальнейшем условно объединить их в т. н. «южный» культовый комплекс⁴¹.

Второй выделенный на поселении культовый комплекс получил условное наименование «юго-восточный». Он был обнаружен примерно в 10–15 м к северо-востоку и востоку от «южного» культового комплекса. В комплекс условно включены ямы 120 и 108. Возможно, также с ним были связаны котлованы 1–4, расположенные к северо-западу и югу от них (рис. 9).

Наиболее яркий его объект, представлявший собой совместное захоронение расчлененных останков детей и собак в яме 120, располагался в кв. Т 18-19. В плане яма имела округлую форму, в разрезе колоколовидную. Верхняя ее часть уничтожена дренажной траншеей кладбища XIX в. деревни Паша-Салын. Размеры ямы на верхнем, сохранившемся уровне 1,26×1,29 м, на уровне дна – 1,56×1,58 м. Глубина ее уцелевшей части – 0,53 м. Дно имеет заметный уклон к северу (рис. 11).

На дне ямы, в юго-восточной ее части, находились две разбитые причерноморские амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 12, 1, 2). Среди обломков одной из них обнаружен скелет щенка собаки в возрасте 4–5 месяцев. Судя по его положению, он был помещен в амфору головой вниз.

Развал амфор был перекрыт плотной каменной забутовкой, пространство между камнями которой было заполнено гумусированным рыхлым грунтом серо-желтого оттенка. Мощность завала составляла 0,30–0,42 м. В нем были найдены древесные угли, обломки античной керамики, кости крупного рогатого скота (ребра, фрагменты челюстей и трубчатых костей коровы), а также ребра и фаланги пальцев ребенка.

На каменном завале вдоль восточного борта ямы расчищено пять детских, плохо сохранившихся черепов. Они были установлены на основание лицевым отделом на восток и ВСВ. Лицевой отдел одного из черепов разрушен и продавлен внутрь. Судя по молочным зубам, они принадлежали детям, возраст которых составлял 2–3 года, 3–4 года, 4–5 лет и 5–6 лет.

⁴⁰ Русанова, Тимошук 2007, 122–123.

⁴¹ В состав этого же комплекса условно включены еще два расположенных поблизости ритуальных захоронения, обнаруженных в северо-восточной части раскопа III. Одно из них – погребение быка или коровы (Винокуров 2011а, 61–62), второе – захоронение расчлененных останков людей и нескольких десятков собак, совершенное в шахте заброшенного античного колодца и котловане, окружавшего его перекопа (Винокуров 2011б, 70, рис. 1; 8). Кроме того, в 2,12 м к югу от «колодца» с ритуальным захоронением подростка и быка было обнаружено погребение молодой женщины (Винокуров 2011а, 62–63, рис. 3).

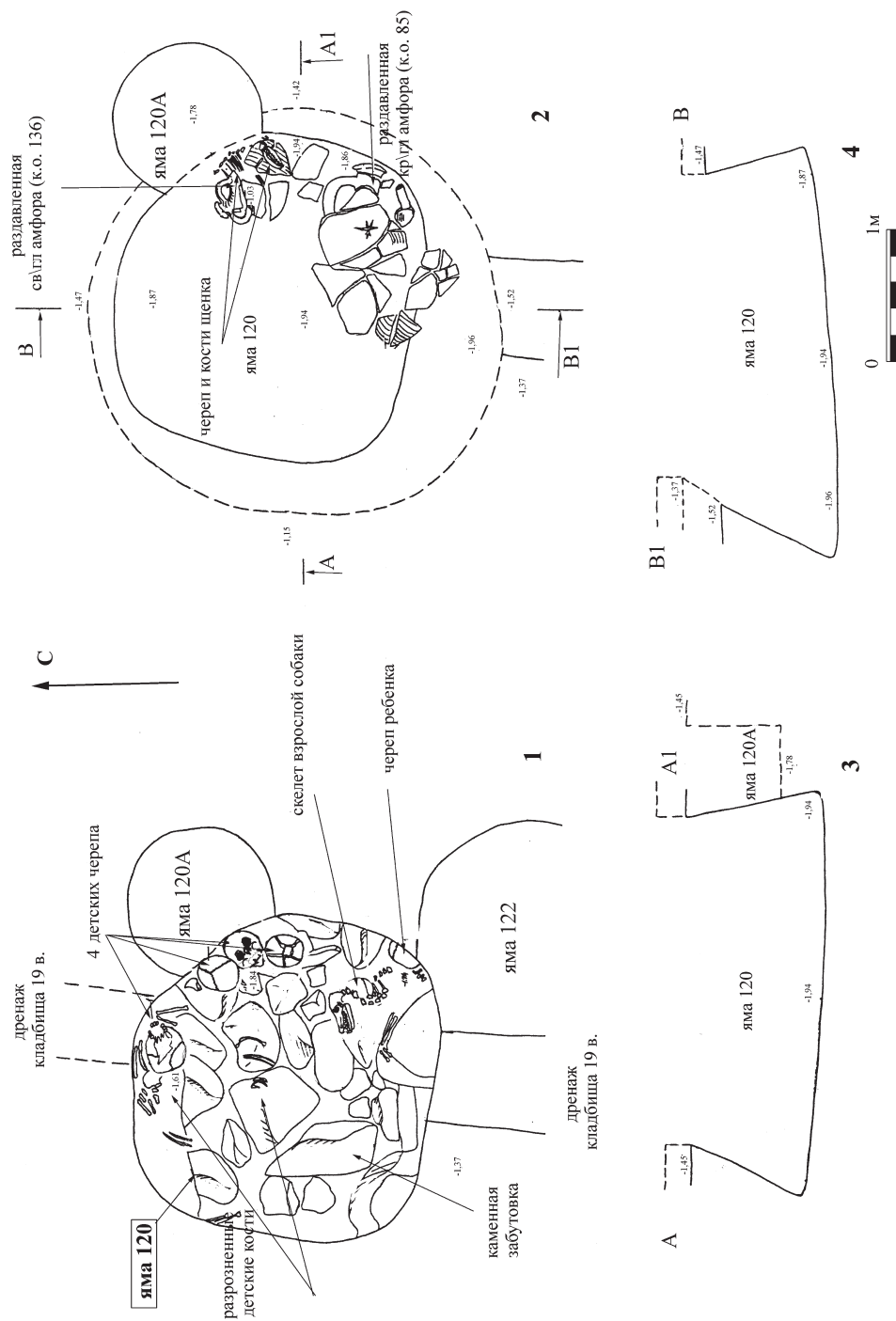

Рис. 11. Раскоп I. «Юго-Восточный» культовый комплекс. Планы и разрезы ямы 120

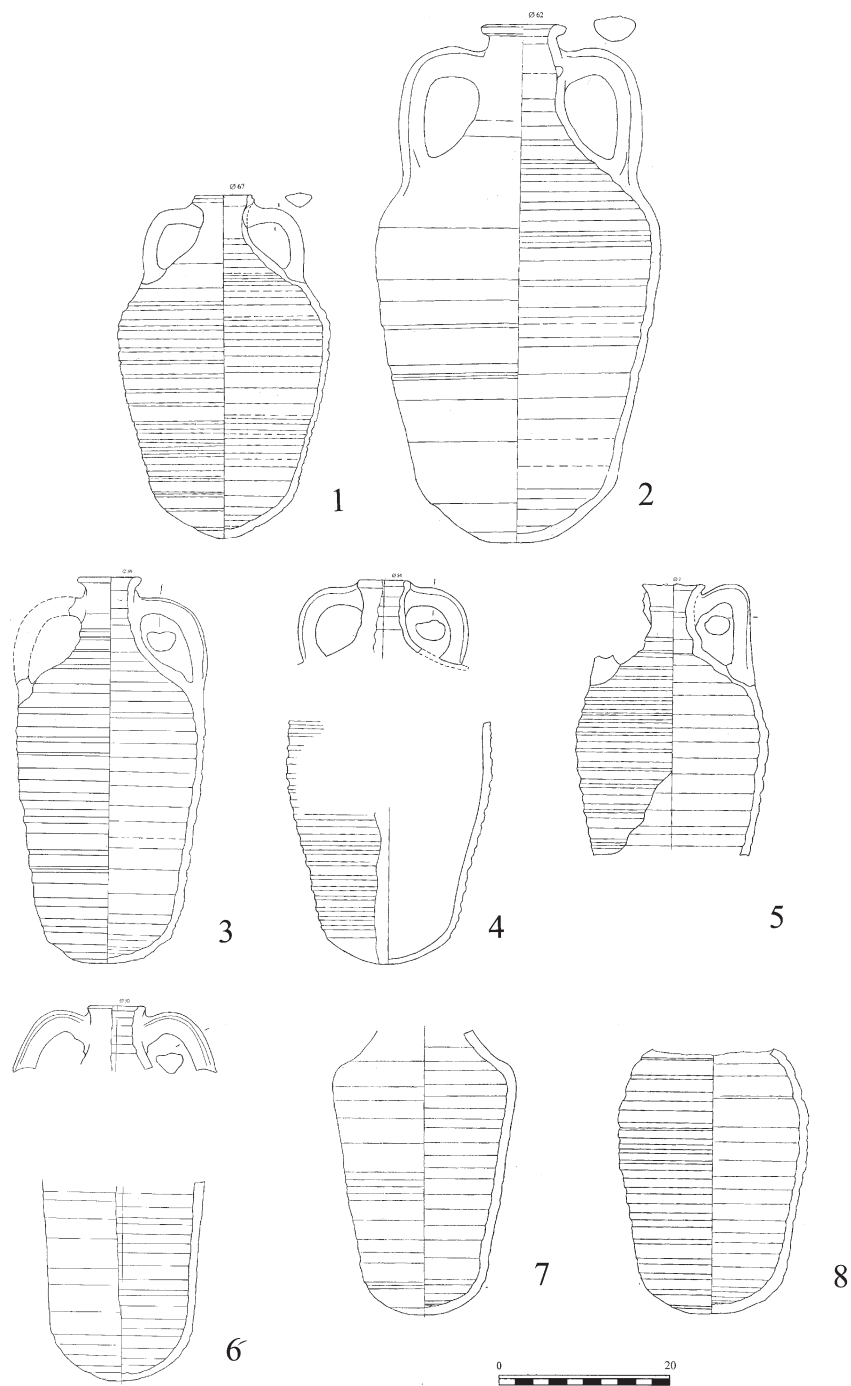

Рис. 12. Раскоп I. «Юго-Восточный» культовый комплекс. 1-2 – амфоры из заполнения ямы 120; 3-8 – амфоры из заполнения ямы 108

К северо-западу от последнего – пятого – черепа обнаружен скелет собаки, сохранившийся в полном анатомическом порядке. Она была уложена на правом боку, ее скелет вытянут в направлении запад – восток и ориентирован головой на запад. Передние лапы сложены вместе – одна на одной, задние упирались в восточный борт ямы. Шкура с нее при захоронении не снималась, поскольку *in situ* были найдены когти.

Под скелетом собаки обнаружены отдельные кости скелета ребенка – верхние конечности, ключица, позвонки и ребра. На этом же уровне, поверх камней и между ними, в центре ямы и в ее западной половине, найдены разрозненные и хаотично разбросанные кости (несколько позвонков, тазовые кости, лопатки, ребра, кости верхних конечностей) еще одного(?) ребенка.

Таким образом, основная сакральная нагрузка в этом, по-видимому стержневом для «юго-восточного» культового комплекса, ритуальном захоронении отводилась собакам (взрослым особям и щенкам) и детям в возрасте от двух до шести лет, тела которых были ритуально расчленены на птоματοлогической стадии некрологического цикла.

Совместные захоронения людей и собак широко практиковались народами салтово-маяцкой культуры, в том числе и салтовским населением Керченского полуострова⁴². При этом собаки, являвшиеся, видимо, одним из наиболее почитаемых животных, использовались ими во многих других обрядах и ритуалах и могли рассматриваться не только в качестве приношения высшим силам или проводника в потусторонний мир, но и как составная часть культа плодородия, зерна и земли⁴³.

Впрочем, не менее важная роль в захоронении, совершенном в яме 120, была отведена и расчлененным останкам детей, различные ритуалы с которыми, в том числе и «кровавые» жертвоприношения, практиковались с глубокой древности у многих народов и считались наиболее благоприятными и действенными⁴⁴.

Находки из других объектов, включенных в состав «юго-восточного» комплекса – ямы 108 и котлованов 1–4, – не имеют, в отличие от ямы 120, ярко выраженного сакрального облика. В этом ключе их можно идентифицировать только как остатки тризн, совершенных в момент захоронения детей и собак, при этом откровенно бытовой характер находок оставляет широкие возможности для дальнейшей дискуссии.

Яма 108 обнаружена в кв. У 18-19 и находилась в 4,80 м к востоку от ямы 120 (рис. 9). В плане она имела округлую форму, в разрезе грушевидную. Верхняя ее часть не сохранилась. Нижняя часть ямы, выкопанная в материковой глине, прослежена в виде округлого пятна серо-коричневого оттенка размерами 1,10×1,37 м. Диаметр дна – 1,69 м. Глубина сохранившейся части ямы – 1,49 м. Заполнена она была золистым плотным грунтом серо-желтого оттенка с включениями костей животных (трубчатых костей, ребер, челюстей и зубов мелкого и крупного рогатого скота), раковин виноградных улиток, створок мидий, бесформенных кусков

⁴² Артамонова 1963, 205–206, рис. 138; Квитковский 2012, 26–28, рис. 2; 3; Марти 1941, 32.

⁴³ Михеев 1985, 28; Плетнева 2004, 67–68; Флеров 1995, 89; Белинский, Кулаков 2013, 152, 162, рис. 7; Флеров 1971, 261–262, рис. 2; Плетнева 1996, 80–81, рис. 26, б; 31, а; 1989, 206, 243; ср: Крижевская 1990, 46; Рыбаков 1994, 207; Чибиров 1983, 100.

⁴⁴ Козлов 2013, 65–70; Бессонова 1992, 11–12.

печины и стекловидного пористого шлака, а также фрагментов античной и раннесредневековой керамики.

Сюда же были сброшены крупные обломки шести причерноморских бороздчатых амфор, часть которых удалось склеить (рис. 12, 3–8). Античная керамика, попавшая в заполнение ямы как примесь «снизу», представлена обломками черепицы, амфор первых веков н. э., столовой красноглиняной посуды, краснолаковых и лепных сосудов. Помимо керамики, в заполнении ямы найдены обломки железных гвоздей (рис. 13, 3), фрагмент изделия из белого мрамора (рис. 13, 3), абразивный камень из морской гальки (рис. 13, 5), метательное ядро из песчаника (рис. 13, 6), а также обработанная кость (лопатка) с нарезками по боковой грани (рис. 13, 7) и трубчатая кость с насечками на одной из сторон, вероятно, использовавшиеся для обработки сырой кожи (рис. 13, 8). Датировать большинство из этих находок не представляется возможным, поскольку в равной степени их можно отнести к античной и раннесредневековой эпохе. Исключение, пожалуй, можно сделать только для трубчатой кости с насечками, аналогии которой найдены в Таматархе и Саркеле – Белой Веже⁴⁵.

Помимо ям 120 и 108, в состав комплекса условно включены котлованы 1–4, хотя, как уже упоминалось выше, прямых и надежных свидетельств в пользу того, что они были задействованы в каких-либо ритуалах или обрядах, получить не удалось. В плане они имели форму, приближенную к овалу, а в сечении, за счет сужавшихся к низу бортов, трапециевидную форму. Размеры котлована 1 – 1,19×1,31 м, глубина – 2,31 м; котлована 2 – 2,21×4,27 м, глубина – 2,54 м; котлована 3 – 2,98×3,71 м, глубина – 1,11 м; котлована 4 – 2,27×1,21 м, глубина – 0,29–0,76 м. Заполнены они были зернистым мелкодисперсным грунтом с линзами черного цвета и темно-коричневого оттенка, прослойками гумуса, бутового камня и щебня. В нем обнаружено большое количество бытовых отходов с включениями кусков пористого стекловидного шлака, древесных углей, отходов металлургического производства, конкреций ожелезненных песчаников, обломков печины, рыбных костей, створок раковин мидий, пережженных костей животных и птиц, в том числе со следами обработки. Изредка встречались куски кристаллического гипса, месторождение которого известно в 12 км к северо-западу от городища в районе урочища Сююрташ, а также пластины слоистого мергеля розового и бежевого оттенка. Среди находок в засыпи котлованов, повредивших и частично выбравших ямы античного времени, преобладали обломки разновременной античной керамики. Керамические изделия второй половины VIII – первой половины X вв. представлены фрагментами красноглиняных гладкостенных и желобчатых пифосов VIII–X вв. (рис. 16, 1, 19, 20), причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 14, 1, 2; 16, 2, 7), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 14, 3), ойнохой скалистинского типа (рис. 14, 6), горшков и горшочков с шаровидным или яйцевидным туловом с пальцевым вдавлением на месте верхнего крепления ручки (рис. 14, 4, 5)⁴⁶ и салтово-маяцких горшков, часть которых украшена по тулову врезными горизонтальными и волнообразными линиями и семечкообразными вдавлениями, а по венчику – вдавлениями и насечками (рис. 14, 7–13; 15, 1–14; 16, 8–13). Здесь же найдены обломок лепного

⁴⁵ Флерова 1996, 285–286; Чхаидзе 2008, 222, рис. 126, 1–4.

⁴⁶ Науменко 2009б, 63–64.

светильника овально-конической формы и плоским дном (рис. 15, 15)⁴⁷, стенки стеклянных рюмок и бокалов изумрудно-зеленого и оливково-зеленого оттенка⁴⁸, а также два грубо обработанных обломка стенок амфор диаметром 2,8 см (котлован 2), атрибутируемых как «фишки» (для игры или без указания их функции) или заготовки для дисковидных пряслиц⁴⁹. Находки в котлованах 1 и 2 фрагментов высокогорлых кувшинов с плоской ручкой свидетельствуют в пользу того, что по крайней мере два из них были засыпаны не ранее второй половины IX в. Однако для «юго-восточного» культового комплекса в целом и ямы 120 в частности получить узкой даты не удалось.

Впрочем, как уже неоднократно упоминалось выше, узких хронологических рамок не имеют и все остальные открытые на исследованном участке комплексы. В лучшем случае часть из них, благодаря находкам высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, можно датировать не ранее второй половины IX в., а перекрывающие друг друга строительные комплексы разделить на два условных строительных периода. При этом следует отметить, что к первому строительному периоду относятся не только полуземлянки, но и каменные постройки.

Что же касается планировки этой части поселения, то, как и на других его раскопанных участках, следов плотной и регулярной застройки прослежено не было. На площади 2720 кв. м удалось выявить остатки 7–8 жилых и хозяйственных сооружений – трех (или четырех) полуземлянок, загона для скота и трех наземных построек на каменном фундаменте. К сожалению, все они имеют очень плохую сохранность, а некоторые исследованы не полностью. Поэтому их планировку и организацию внутреннего пространства реконструировать не удалось.

Остальные выявленные за пределами построек хозяйственные, бытовые и производственные комплексы представлены хозяйственными ямами, очагами и многочисленными котлованами перекопов, в которых добывался камень из разрушенных античных построек. Стратиграфические наблюдения, а также находки в заполнении в некоторых котлованах высокогорлых кувшинов с плоской ручкой позволяют предположить, что по крайней мере часть из этих своеобразных «каменоломен» разрабатывалась на последнем этапе существования поселения.

Особый интерес, несомненно, представляют культовые и ритуальные комплексы – погребение подростка со следами обряда обезвреживания, жертвенник и совместные жертвоприношения людей и животных, сконцентрированные в центральной и южной части раскопа. Некоторые из них были объединены в два культовых комплекса, располагавшихся недалеко друг от друга в наиболее возвышенной части поселения. Ритуальные захоронения были совершены в сооружении, напоминающем колодец, ямах и расположенных рядом с ними котлованах, образовавшихся на месте добычи камня из античных построек. В одном из них была принесена совместная жертва детей и собак, в двух других – человека и быка, еще в одном комплексе – человека и лошади. Все они являлись объектами «временного пользования», поскольку после совершения ритуала, видимо, сразу же засыпались и были, скорее всего, связаны с сельскохозяйственными и животновод-

⁴⁷ Плетнева 1959, 252–253, рис. 38, 1–3; Зинько, Пономарев 2008, 428, рис. 7, 5.

⁴⁸ Веймарн, Айбабин 1993, 194–195, тип II, вариант 1–1; 2–1.

⁴⁹ Высотская 1995, 49; Нидзельницкая, Кулаков 2013, 42; Кравченко, Давыденко 2001, 247, рис. 13, 7–11; Михеев 1985, 65, рис. 29, 1–3; Пархоменко 1985, рис. 7, 9–10.

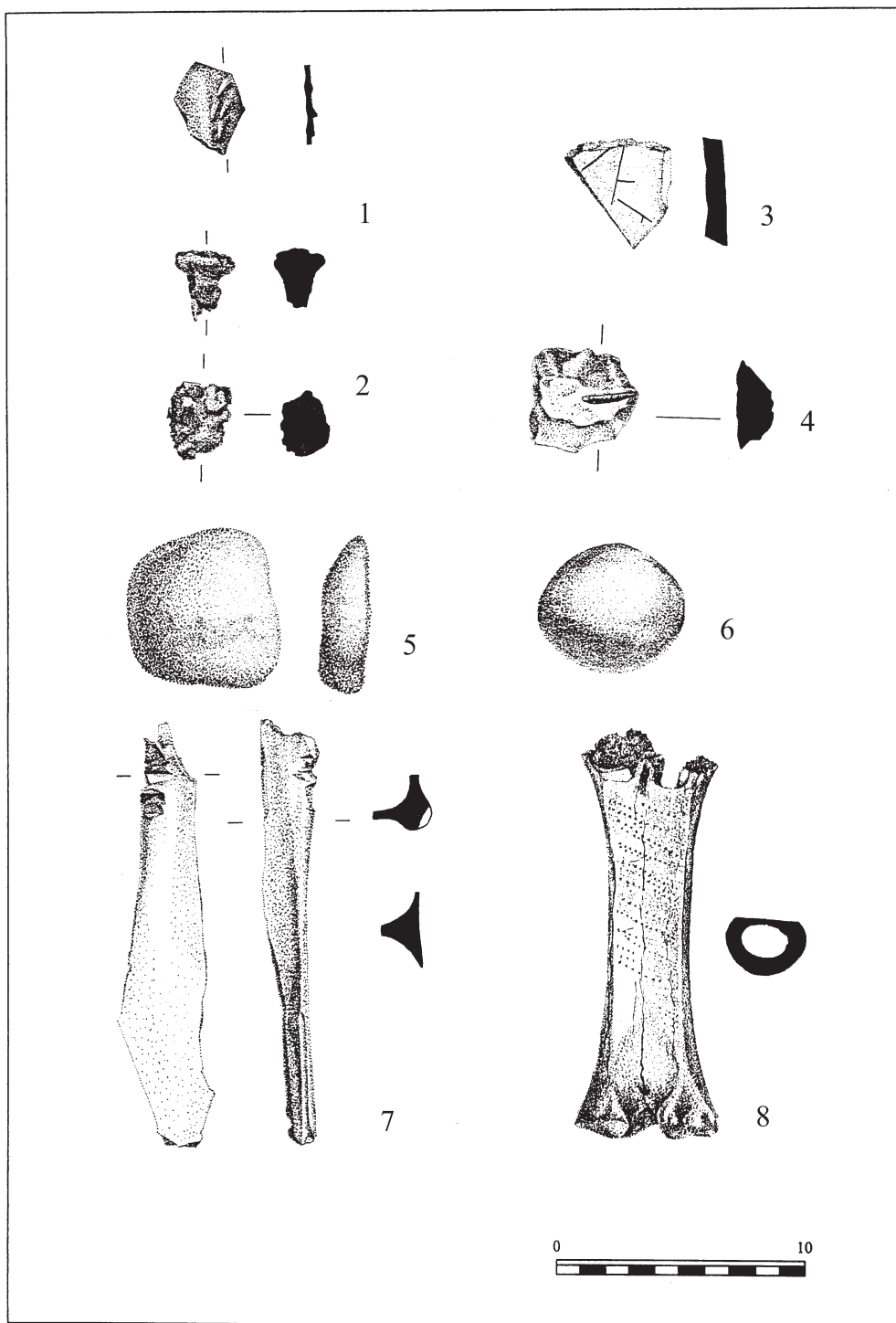

Рис. 13. Раскоп I. «Юго-Восточный» культовый комплекс. 1-8 – находки из заполнения ямы 108

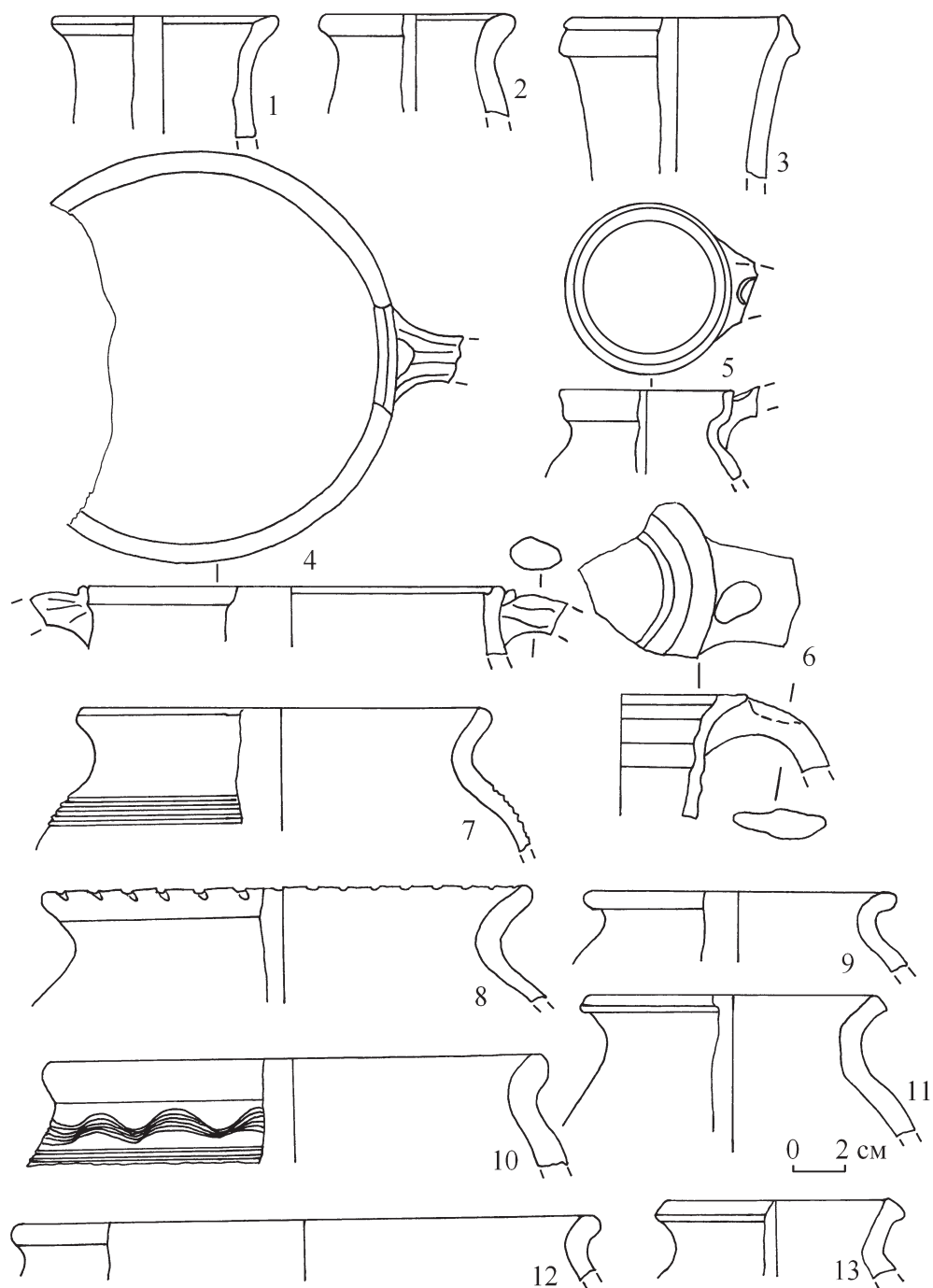

Рис. 14. Раскоп I. 1–13 – керамика из заполнения котлована 1

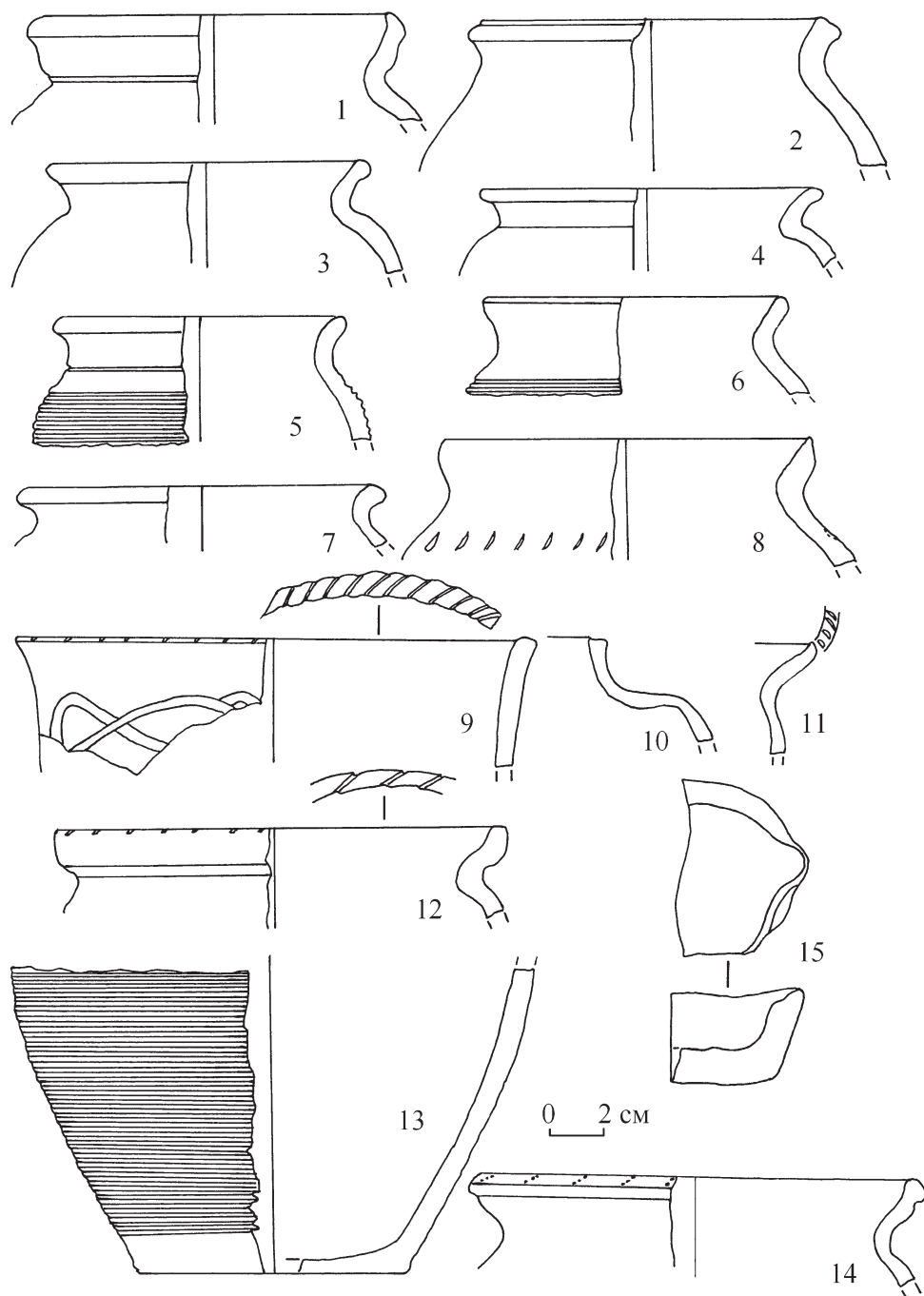

Рис. 15. Раскоп I. 1–15 – керамика из заполнения котлована I

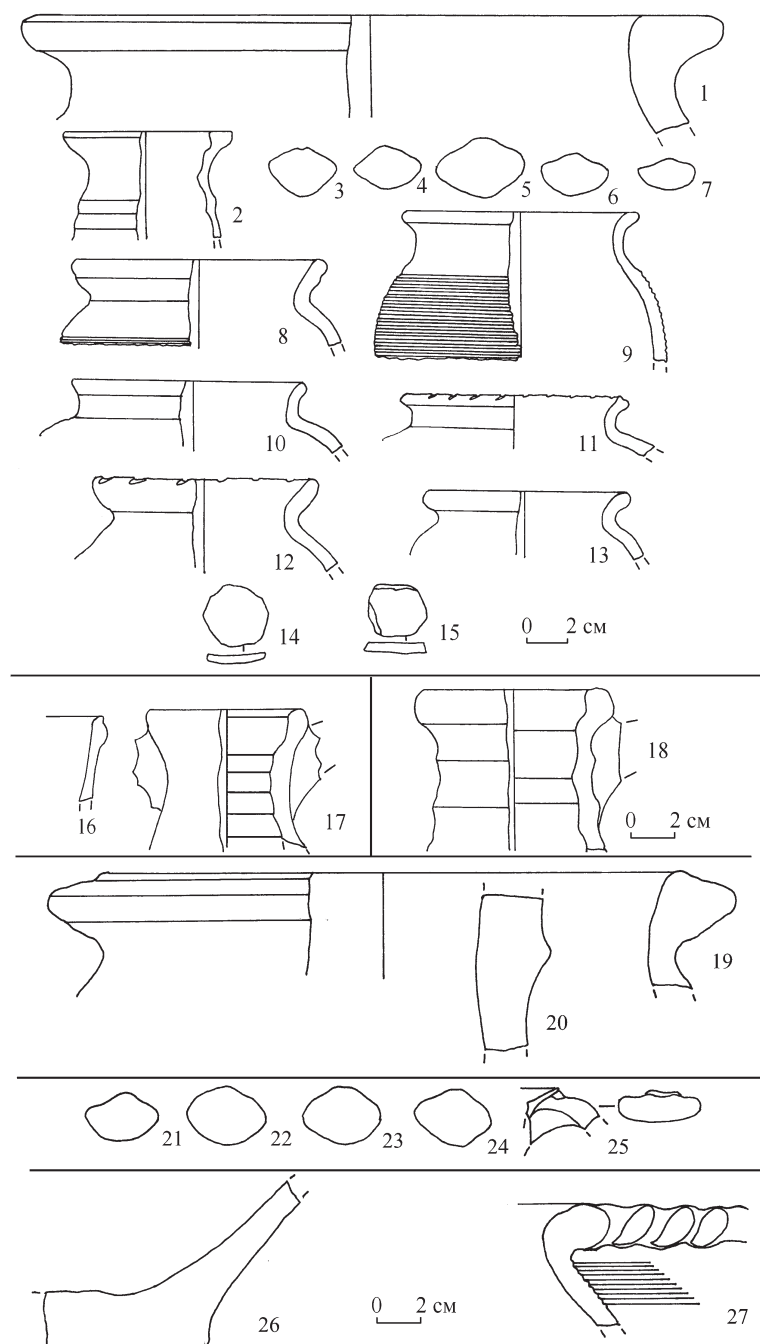

Рис. 16. Раскоп I. 1–15 – керамика из заполнения котлована 2; 16–17 – керамика из заполнения хозяйственной ямы 250; 18 – горло амфоры из заполнения «колодца» с ритуальным захоронением; 19–20 – керамика из заполнения котлована 3; 21–25 – керамика из заполнения котлована 5; 26–27 – керамика из заполнения котлована 6

ческими культами плодородия, «обеспечивавшими» в языческом сознании жителей поселения не только благосостояние, но и дальнейшее существование общины.

Животные и люди при этом выступали в качестве жертв-даров, которые приносились божеству или божествам с надеждой получить хороший урожай, приплод скота, отвратить беду, стихийные бедствия, болезни или в благодарность за уже «полученные» блага.

Такая концентрация разнообразных культовых объектов была впервые зафиксирована на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова. При этом, за исключением железного церемониального креста, датирующегося при отсутствии надежных аналогий в пределах всего раннего средневековья, на поселении Артезиан пока не удалось обнаружить каких-либо материальных свидетельств распространения среди его жителей христианства. Таким образом, учитывая остальные накопленные археологические материалы, можно предполагать, что, несмотря на тесные контакты с «провинциальным византийским миром», прежде всего городским, имеющим глубокие христианские корни, населением г. Боспора, какая-то часть жителей салтово-маяцких поселений Керченского полуострова еще длительное время продолжала придерживаться традиционных для них культов и верований, сосуществуя при этом с соплеменниками, принявшими христианство. Возможно даже, что процесс христианизации так и не был завершен вплоть до ухода салтово-маяцкого населения с территории Крыма⁵⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 1976: Стекланные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма. *СГЭ* XLI, 27–30.
- Аксенов, В.С. 2002: Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры. *РА* 3, 98–114.
- Аксенов, В.С. 2009: Захоронения с нарушением анатомического порядка костяка на могильнике салтовской культуры у с. Червоная Гусаровка. *ХА* 8, 89–102.
- Аксенов, В.С. 2014: Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца. *ХА* 12, 4–33.
- Албегова, З.Х., Гусаков, М.Г. 2001: Культовое назначение постройки 21 Маяцкого селища. В сб.: Н.В. Малиновская (ред), *Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок*. М., 122–131.
- Артамонов, М.И. 1935: Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции. *ИГАИМК* 131, 1–118.
- Артамонова, О.А. 1963: Могильник Саркела – Белой Вежи. *МИА* 109 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III), 9–215.
- Баранов, И.А., Майко, В.В. 1999: К вопросу о типологии столовой лощеной посуды Юго-Восточного Крыма второй половины X века. *ХСб* X, 287–290.
- Белинский, И.В., Кулаков, А.А. 2013: Средневековый слой поселения Октябрьское I. В сб.: В.В. Ключников, А.А. Кулаков (ред.), *Хазарские древности*. Аксай, 140–162.
- Бессонова, С.С. 1992: Жертвоприношения подростков в скифских курганах. *Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Межд. науч. конф., посвященной памяти А. И. Тереножкина*. Мелитополь, 11–12.
- Биджиев, Х.Х. 1979: Средневековая керамика Хумаринского городища (По материалам раскопок 1977 г.). В сб.: В.И. Марковин (ред.), *Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии*. Черкесск, 154–169.

⁵⁰ Пономарев 2004, 460; 2011, 291–292; 2012–2013, 171.

- Веймарн, Е.В., Айбабин, А.И. 1993: *Скалистинский могильник*. К.
- Веселов, В.В. 2005: *Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. Древности Боспора II*. М.
- Винников, А.З., Афанасьев, Г.Е. 1991: *Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции)*. Воронеж.
- Винников, А.З., Ковалевский, В.Н. 2007: Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Тихий Дон в Воронежской области. *ХА* 6, 51–64.
- Виноградов, Ю.А. 2002: Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко-I на Таманском полуострове. *ЗВРАО I (XXVI)*, 73–81.
- Винокуров, Н.И. 1997: Работы в Ленинском районе. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь, 62–65.
- Винокуров, Н.И. 1998: *Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье*. М.
- Винокуров, Н.И. 1999: Раскопки городища Артезиан в 1997–1998 гг. (Исследование северо-западного участка раскопа I). *ДБ* 2, 39–76.
- Винокуров, Н.И. 2004: Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье). *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии* 3, 55–87.
- Винокуров, Н.И. 2011а: Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан). *XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Сборник материалов международной конференции*. Керчь, 55–67.
- Винокуров, Н.И. 2011б: Гидротехнические сооружения античного городища Артезиан в Крымском Приазовье. *ДБ* 15, 45–72.
- Винокуров, Н.И. 2014: *Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.)*. Боспорские исследования 12. Симферополь–Керчь.
- Винокуров, Н.И., Никонов, А.А. 2004: Тотальные разрушения второй половины III в. н. э. на Боспоре как хронологический репер. *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы межд. науч. конф.* Ч. 1. СПб., 95–103.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015а: Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.). *Таврические студии. Исторические науки* 7, 46–53.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015б: Южный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II). *ПИФК* 3 (49), 160–195.
- Высотская, Т.Н. 1995: Игрушки и игры поздних скифов. В сб.: Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов (ред.), *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь, 47–51.
- Гадло, А.В. 1968: Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.). *КСИА* 113, 78–84.
- Голенко, В.К., Джанов, А.В. 2002: Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук. *Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. (16–22 сентября)*. Киев–Судак, 76–78.
- Голенко, В.К. 2007: *Древний Киммерик и его округа*. Симферополь.
- Грач, Н.Л. 1999: *Некрополь Нимфея*. СПб.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2005а: Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата. *МАИЭТ XI*, 406–429.

Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан 223

- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2005б: Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген. *БИ X*, 236–268.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2008: Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. В сб.: Г.Е. Афанасьев (ред.), *Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина*. М., 420–440.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю.: 2009: *Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Боспорские исследования. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2013: Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных). *БИ XXVIII*, 435–471.
- Иванов, А.А. 2013: Исследования юго-восточного участка Крымского городища в 2006–2008 гг. В сб.: В.В. Ключников, А.А. Кулаков (ред.), *Хазарские древности*. Аксай, 50–65.
- Иченская, О.В. 1981: Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника. В сб.: Н.И. Артеменко (ред.), *Древности среднего Поднепровья*. К., 80–96.
- Квитковский, В.И. 2012: Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I. *Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження 2*, 26–29.
- Квитковский, В.И., Колода, В.В. 2010: Исследования Слобожанской раннесредневековой экспедиции на многослойном селище Пятницкое I. В сб.: Д.Н. Козак (ред.), *Археологічні дослідження в Україні 2009 р.* Київ; Луцьк, 184–186.
- Кияшко, Я.А. 2012: Раннесредневековый памятник вблизи станицы Суворовской на Нижнем Дону. *Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы междунар. конф., посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) 3–5 декабря 2012 г.* Санкт-Петербург. СПб., 148–151.
- Ключников, В.В. 2009: Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону. В сб.: В.П. Копылов (ред.), *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII междунар. науч. конф.* Ростов-на-Дону, 241–256.
- Козлов, М.М. 2013: Жертвоприношення дітей у східних слов'ян домонгольської епохи. *Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського*. Сер.: Історичні науки 3.35, 65–70.
- Колода, В.В. 2001: Работы на Мохначанском городище в 2000 г. В сб.: Д.Н. Козак, Н.О. Гаврилюк (ред.), *Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр.* К., 129–131.
- Колода, В.В. 2011: К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач). *Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник 10*, 261–272.
- Колода, В.В. 2012–2013: Жилище с парным захоронением на городище Мохнач. *ХА 11*, 106–115.
- Кравченко, Э.Е., Давыденко, В.В. 2001: Сидоровское городище. *Степи Европы в эпоху средневековья 2*, 233–302.
- Красильников, К.И. 1979: Изделия из кости салтовской культуры. *СА 2*, 77–91.
- Красильников, К.И. 2009: Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма). *Степи Европы в эпоху средневековья 7*, 99–152.
- Красильников, К.И. 1999: Кухонна кераміка та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя. *Vita Antiqua 2*, 170–177.
- Крижевская, Л.Я. 1990: Погребения животных как форма проявления первобытных верований. *Конференция «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель»*. Тез. докл. Л., 44–46.

- Крыганов, А.В. 1989: Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения). В сб.: И.Ф. Ковалева (ред.), *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск, 98–114.
- Кубланов, М.М. 1976: Новые памятники некрополя Илурата. *КСИА* 145, 102–108.
- Кубланов, М.М. 1983: Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы. В сб.: С.А. Кучинский (ред.), *Научно-атеистические исследования в музеях*. Л., 96–129.
- Кузнецов, В.Д., Голофаст, Л.А. 2010: Дома хазарского времени в Фанагории. *ПИФК* 1 (27), 393–429.
- Лопан, О.В. 2001: Новые данные о керамике Маяцкого селища. В сб.: Н.В. Малиновская (ред.), *Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок*. М., 105–121.
- Ляпушкин, И.И. 1941: Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. *МИА* 6, 191–246.
- Ляпушкин, И.И. 1958: Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. *МИА* 62 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции Т. I), 85–150.
- Майко, В.В. 2004: *Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму*. К.
- Майко, В.В. 2012: Граффити на амфорах Юго-Восточного Крыма VIII – начала XI вв. В сб.: М.І. Гладкіх (ред.), *1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття)*. К., 69–82.
- Майко, В.В., Сьомін, С.В. 2003: Аланський середньовічний посуд Криму VIII – першої половини X століття. *Український керамологічний журнал* 1(7), 49–54.
- Марти, Ю.Ю. 1941: Разведочные работы вне городских стен Тиритаки. *МИА* 4 (Археологические памятники Боспора и Херсонеса), 25–36.
- Масленников, А.А., Бердникова, Л.А. 1977: Раскопки в районе с. Золотое на Керченском полуострове. В сб.: Б.А. Рыбаков (ред.), *Археологические открытия 1976 года*. М., 332–333.
- Смирнов, А.П. (ред.) 1969: *Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 годы)*. Саранск.
- Медведев, А.Ф. 1966: *Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв.* САИ Е1–36.
- Михеев, В.К. 1985: *Подонье в составе Хазарского каганата*. Харьков.
- Могаричев, Ю.М. 2005: О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII–IX вв. *Сугдейский сборник* II, 237–247.
- Моржерин, К.Ю. 2000: Находки керамики VII–X вв. в среднем течении реки Медведицы. *Вопросы краеведения* 6, 60–61.
- Науменко, В.Е. 2009а: Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками. В кн.: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. Боспорские исследования. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 50–57.
- Науменко, В.Е. 2009б: Столовая керамика. В кн.: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Боспорские исследования. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 60–64.
- Науменко, В.Е. 2009в: Амфоры. В кн.: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Боспорские исследования. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 35–50.
- Нессель, В.А. 2006: Керамический комплекс. В кн.: А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина (ред.), *Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.)*. Херсонесский сборник. *Supplement I*. Севастополь, 95–140.
- Нидзельницкая, Л.Ю. 2009: Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным рифлением V – начала IX вв. (из собраний Донских музеев). В сб.: В.П. Копылов (ред.), *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII межд. науч. конф.* Ростов-на-Дону, 257–282.

- Нидзельницкая, Л.Ю., Ильяшенко, С.М. 2007: Раннесредневековое поселение на территории Танаиса. В сб.: Ю. К. Гугуев (ред.), *Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона II*. Москва–Иерусалим, 193–215.
- Нидзельницкая, Л.Ю., Кулаков, А.А. 2013: Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону. В сб.: В.В. Ключников, А.А. Кулаков (ред.), *Хазарские древности*. Аксай, 7–49.
- Пархоменко, О.В. 1985: Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое. В сб. П.П. Толочко (ред.), *Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология)*. К., 84–94.
- Паршина, Е.А. 1991: Торжище в Партенитах. В сб.: П.П. Толочко (ред.), *Византийская Таврика*. К., 64–100.
- Паршина, Е.А. 2002: Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.). В сб.: В.Л. Мыц (ред.), *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Симферополь, 89–109.
- Плетнева, С.А. 1959: Керамика Саркела – Белой Вежи. *МИА 75* (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II), 212–272.
- Плетнева, С.А. 1989: *На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс*. М.
- Плетнева, С.А. 1994: Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. *МАИЭТ IV*, 271–396.
- Плетнева, С.А. 1996: *Саркел и «шелковый» путь*. Воронеж.
- Плетнева, С.А. 2003: Фанагория. В кн.: Т.И. Макарова, С.А. Плетнева (ред.), *Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века*. М., 179–183.
- Плетнева, С.А. 2004: Экологичные привычки жителей Хазарского каганата. *Природа* 9 (1069), 64–68.
- Плетнева, С.А., Красильников, К.И. 1990: Гончарные мастерские Маяцкого комплекса. В сб.: С.А. Плетнева (ред.), *Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции*. М., 92–139.
- Половицкий, И.Я., Гусев, П.Г. 1987: *Почвы Крыма и повышение их плодородия*. Симферополь.
- Пономарев, Л.Ю. 2004: Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген. *БИ V*, 445–475.
- Пономарев, Л.Ю. 2011: Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира. *XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Сборник материалов международной конференции*. Керчь, 287–295.
- Пономарев, Л.Ю. 2012а: О разведках и раскопках Д. Л. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г. *БИ XXVI*, 479–511.
- Пономарев, Л.Ю. 2012б: К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки). *Дриновский сборник V*, 65–78.
- Пономарев, Л.Ю. 2012–2013: О раннесредневековых плитовых и плитово-грунтовых могильниках Керченского полуострова. *ХА 11*, 153–181.
- Пономарев, Л.Ю. 2014а: Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным). *ХА 12*, 135–159.
- Пономарев, Л.Ю. 2014б: Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадо в 1963 г.). *История и археология Крыма I*, 376–399.

- Пономарев, Л.Ю., Пономарева, И.А. 2010: Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация). *Сугдейский сборник IV*, 453–464.
- Романчук, А.И. 1986: Граффити на средневековой керамике из Херсонеса. *СА* 4, 171–182.
- Рудаков, В.Е. 1979: Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища. *АДСВ* 16 (Социальное развитие Византии), 105–111.
- Рудаков, В.Е. 1980: Баклинский средневековый склеп с граффити. *АДСВ* 17 (Античные традиции и византийские реалии), 121–129.
- Русанова, И.П., Тимошук, Б.А. 2007: *Языческие святилища древних славян*. М.
- Рыбаков, Б.А. 1994: *Язычество древних славян*. М.
- Рыжов, С.Г., Седикова, Л.В. 1999: Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса. *ХСб* X, 312–329.
- Сазанов, А.В. 1998: Хронология слоев средневековой Керчи. *ПИФК* V, 50–88.
- Сергеева, М.С. 2010: Про деякі давньоруські приладдя з кістки та рогу для ігор і розваг (за матеріалами з Середнього Подніпров'я). *Древности, 2010: Харьковский историко-археологический ежегодник* 9, 198–215.
- Сорокин, С.С. 1959: Железные изделия Саркела – Белой Вежи. *МИА* 75 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II), 135–199.
- Тарабанов, В.А. 1993: Поселения болгар на правобережье Кубани. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Древности Кубани и Черноморья. Studia Pontocaucaica, I*. Краснодар, 115–122, 206–213.
- Тарабанов, В.А. 1997: Поселение салтово-маяцкой культуры на правобережье Кубани близ станицы Васюринской. *Историко-археологический альманах* 3, 74–79.
- Федоров-Давыдов, Г.А. 1966: *Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. Археологические памятники*. М.
- Флеров, В.С. 1971: Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской. *СА* 2, 258–265.
- Флеров, В.С. 1981: Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры. *Плиска-Преслав* 2, 170–181.
- Флеров, В.С. 1993: *Погребальные обряды на севере Хазарского каганата*. Волгоград.
- Флеров, В.С. 1995: Общинное хранилище (к проблеме социальных взаимоотношений в Хазарском каганате). *Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. Тез. докл. науч. конф.* М., 88–91.
- Флерова, В.Е. 1996: Домашние промыслы в Саркеле – Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий). В сб.: Д.А. Сташенков (ред.), *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара, 277–332.
- Флерова, В.Е. 1997: *Граффити Хазарии*. М.
- Хоружая, М.В. 2015: Детские погребения из катакомб Верхне-Салтовского археологического комплекса (попытка половозрастной и социальной интерпретации). *Древности, 2014–2015: Харьковский историко-археологический ежегодник* 13, 257–274.
- Чибиров, Л.А. 1983: Аграрные истоки культа животных у осетин. *СЭ* 1, 94–102.
- Чхаидзе, В.Н. 2008: *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. М.
- Чхаидзе, В.Н. 2012: *Фанагория в VI–X веках*. М.

REFERENCES

- Aksenov, V.S. 2002: Obryad obezvrezhivaniya pogrebennykh v Verkhne-Saltovskom i Rubezhanskom katakombnykh mogil'nikakh saltovo-mayatskoy kul'tury. *RA* 3, 98–114.

- Aksenov, V.S. 2009: Zakhoroneniya s narusheniem anatomicheskogo poryadka kostyaka na mogil'nikе saltovskoy kul'tury u s. Chervonnaya Gusarovka. *KhA* 8, 89–102.
- Aksenov, V.S. 2014: Novye materialy po voprosu osvoeniya naseleniem Khazarii basseyna Severskogo Dontsa. *KhA* 12, 4–33.
- Albegova, Z.Kh., Gusakov, M.G. 2001: Kul'tovoe naznachenie postroyki 21 Mayatskogo selishcha. *Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy. Trudy otdela okhrannykh raskopok*. N.V. Malinovskaya (red.). M., 122–131.
- Artamonov, M.I. 1935: Srednevekovye poseleniya na Nizhnem Donu. Po materialam Severo-Kavkazskoy ekspeditsii. *IGAIMK* 131, 1–118.
- Artamonova, O.A. 1963: Mogil'nik Sarkela – Beloy Vezhi. *MIA* 109 (Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. T. III), 9–215.
- Aybabin, A.I. 1976: Steklyannye ryumki iz rannesrednevekovykh mogil'nikov Yugo-Zapadnogo Kryma. *SGE* XLI, 27–30.
- Baranov, I.A., Mayko, V.V. 1999: K voprosu o tipologii stolovoy loshchenoy posudy Yugo-Vostochnogo Kryma vtoroy poloviny X veka. *KhSb* X, 287–290.
- Belinskiy, I.V., Kulakov, A.A. 2013: Srednevekovyi sloy poseleniya Oktyabr'skoe I. *Khazarskie drevnosti*. V.V. Klyuchnikov, A.A. Kulakov (red.). Aksay, 140–162.
- Bessonova, S.S. 1992: Zhertvoprinosheniya podrostkov v skifskikh kurganakh. *Kimmeriytsy i skify. Tez. dokl. Mezhd. nauch. konf., posvyashchennoy pamyati A. I. Terenozhkina*. Melitopol', 11–12.
- Bidzhiev, Kh.Kh. 1979: Srednevekovaya keramika Khumarinskogo gorodishcha (Po materialam raskopok 1977 g.). *Voprosy srednevekovoy istorii narodov Karachaevo-Cherkessii*. V.I. Markovin (red.). Cherkessk, 154–169.
- Chibirov, L.A. 1983: Agrarnye istoki kul'ta zhivotnykh u osetin. *SE* 1, 94–102.
- Chkhaidze, V.N. 2008: *Tamartarkha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskom poluostrove*. Moscow.
- Chkhaidze, V.N. 2012: *Fanagoriya v VI–X vekakh*. Moscow.
- Fedorov-Davydov, G.A. 1966: *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu Zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki*. Moscow.
- Flerov, V.S. 1971: Poselenie VIII–IX vv. u st. Bogoyavlenskoy. *SA* 2, 258–265.
- Flerov, V.S. 1981: Rasprostranenie loshchenoy keramiki na territorii saltovo-mayatskoy kul'tury. *Pliska-Preslav* 2, 170–181.
- Flerov, V.S. 1993: *Pogrebal'nye obryady na severe Khazarskogo kaganata*. Volgograd.
- Flerov, V.S. 1995: Obshchinnoe khranilishche (k probleme sotsial'nykh vzaimootnosheniy v Khazarskom kaganate). *Kul'tury stepey Evrazii vtoroy poloviny I tys. n. e. Tez. dokl. nauch. konf.* M., 88–91.
- Flerova, V.E. 1996: Domashnie promysly v Sarkela – Beloy Vezhe (po materialam kolleksitsii kostyanykh izdeliy). In: Stashenkov D.A. (red.), *Kul'tury Evraziiskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e.* Samara, 277–332.
- Flerova, V.E. 1997: *Graffiti Khazarii*. Moscow.
- Gadlo, A.V. 1968: Rannesrednevekovoe selishche na beregu Kerchenskogo proliva (po materialam raskopok 1963 g.). *KSIA* 113, 78–84.
- Golenko, V.K. 2007: *Drevniy Kimmerik i ego okrug*. Simferopol'.
- Golenko, V.K., Dzhанov, A.V. 2002: Rannesrednevekovoe poselenie na yuzhnom sklone gory Opuk. *Sugdeya, Surozh, Soldaiya v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy. Materialy nauch. konf. (16–22 sentyabrya)*. Kiev–Sudak, 76–78.
- Grach, N.L. 1999: *Nekropol' Nimfeya*. Saint-Petersburg.
- Ichenskaya, O.V. 1981: Ob odnom iz variantov pogrebal'nogo obryada saltovtsev po materialam Netaylovskogo mogil'nika. In: Artemenko N.I. (red.), *Drevnosti srednego Podneprov'ia*. K., 80–96.

- Ivanov, A.A. 2013: Issledovaniya yugo-vostochnogo uchastka Krymskogo gorodishcha v 2006–2008 gg. *Khazarskie drevnosti*. V.V. Klyuchnikov, A.A. Kulakov (red.). Aksay, 50–65.
- Khoruzhaya, M.V. 2015: Detskie pogrebeniya iz katakomb Verkhne-Saltovskogo arkheologicheskogo kompleksa (popytka polovozrastnoy i sotsial'noy interpretatsii). *Drevnosti, 2014–2015: Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik* 13, 257–274.
- Kiyashko, Ya.A. 2012: Rannesrednevekovyi pamyatnik vblizi stanitsy Suvorovskoy na Nizhnem Donu. *Slavyane vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhd. konf., posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Lyapushkina (1902–1968) 3–5 dekabrya 2012 g. Saint-Petersburg*. Saint-Petersburg, 148–151.
- Klyuchnikov, V.V. 2009: Osobennosti stroitel'no-khozyaistvennykh kompleksov gorodishcha Zolotyie Gorki na Nizhnem Donu. In: Kopylov V.P. (red.), *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v skifo-antichnoe i khazarskoe vremya. Sbornik statey po materialam XII mezhd. nauch. konf.* Rostov-na-Donu, 241–256.
- Koloda, V.V. 2001: Raboty na Mokhnachanskom gorodishche v 2000 g. *Arkheologichni vidkrytija v Ukraini 1999–2000 rr.* D.N. Kozak, N.O. Gavriljuk (red.). K., 129–131.
- Koloda, V.V. 2011: K voprosu o pogrebeniyakh na poseleniyakh (na primere bogatogo zhenskogo zakhoroneniya na gorodishche Mokhnach). *Drevnosti, 2011: Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik* 10, 261–272.
- Koloda, V.V. 2012–2013: Zhilishche s parnym zakhoroneniem na gorodishche Mokhnach. *KhA* 11, 106–115.
- Kozlov, M.M. 2013: Zhertvoprinosheniya ditey u skhidnykh slov'jan domongol'skoi' jepokhi. *Naukovyy visnyk Mikolai 'vs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V. O. Sukhomlins'kogo*. Ser.: Istorychni nauki. 3.35, 65–70.
- Krasil'nikov, K.I. 1979: Izdeliya iz kosti saltovskoy kul'tury. *SA* 2, 77–91.
- Krasil'nikov, K.I. 2009: Loshchenaya keramika iz stepnogo massiva saltovo-mayatskoy kul'tury (tipologiya, tekhnologiya, ornamentika, kleyma). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* 7, 99–152.
- Krasil'nikov, K.I. 1999: Kukhonna keramika ta keramichni vyroby special'nogo pryznachennya saltovo-majats'koi' kul'tury Seredn'odonechchja. *Vita Antiqua* 2, 170–177.
- Kravchenko, E.E., Davydenko, V.V. 2001: Sidorovskoe gorodishche. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* 2, 233–302.
- Krizhevskaya, L.Ia. 1990: Pogrebeniia zhivotnykh kak forma proyavleniya pervobytnykh verovaniy. *Konferentsiya «Rekonstruktsiya drevnikh verovaniy: istochniki, metod, tsel'»*. *Tez. dokl. L.*, 44–46.
- Kryganov, A.V. 1989: Vooruzhenie i voisko naseleniya saltovo-maiatskoy kul'tury (po materialam mogil'nikov s obryadom truposozhzheniya). *Problemy arkheologii Podneprov'ya*. I.F. Kovaleva (red.). Dnepropetrovsk, 98–114.
- Kublanov, M.M. 1976: Novye pamyatniki nekropolya Ilurata. *KSIA* 145, 102–108.
- Kublanov, M.M. 1983: Raskopki nekropolya Ilurata. Itogi i problemy. *Nauchno-ateisticheskie issledovaniya v muzeyakh*. S.A. Kuchinskiy (red.). L., 96–129.
- Kuznetsov, V.D., Golofast, L.A. 2010: Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1 (27), 393–429.
- Kvitkovskiy, V.I. 2012: Zakhoronenie v krugloy yame na selishche Pyatnitskoe-I. *Saltovo-majac'ka arkheologichna kul'tura: problemy ta doslidzhennja* 2, 26–29.
- Kvitkovskiy, V.I., Koloda, V.V. 2010: Issledovaniya Slobozhanskoy rannesrednevekovoy ekspeditsii na mnogoslennom selishche Pyatnitskoe I. In: Kozak D.N. (red.), *Arkheologichni doslidzhennja v Ukraini 2009 r. Kiyi'v; Luc'k*, 184–186.

- Lopan, O.V. 2001: Novye dannye o keramike Mayatskogo selishcha. *Praktika i teoriia arkheologicheskikh issledovaniy. Trudy otdela okhrannykh raskopok*. N.V. Malinovskaya (red.). M., 105–121.
- Lyapushkin, I.I. 1941: Slavyano-russkie poseleniya IX–XII st. na Donu i Tamani po arkheologicheskim pamyatnikam. *MIA* 6, 191–246.
- Lyapushkin, I.I. 1958: Pamyatniki saltovo-mayatskoy kul'tury v basseine r. Dona. *MIA* 62 (Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii T. I), 85–150.
- Majko, V.V., S'omin, S.V. 2003: Alans'kyj seredn'ovichnyj posud Krymu VIII – persho i' polovyni X stolittja. *Ukrai'ns'kyj keramologichnyj zhurnal* 1(7), 49–54.
- Marti, Yu.Yu. 1941: Razvedochnye raboty vne gorodskikh sten Tiritaki. *MIA* 4 (Arkheologicheskie pamyatniki Bospora i Khersonesa), 25–36.
- Maslennikov, A.A., Berdnikova, L.A. 1977: Raskopki v rayone s. Zolotoe na Kerchenskom poluostrove. In: Rybakov B.A. (red.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda*. M., 332–333.
- Mayko, V.V. 2004: *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v yugo-vostochnom Krymu*. K.
- Mayko, V.V. 2012: Graffiti na amforakh Yugo-Vostochnogo Kryma VIII – nachala XI vv. In: Gladkikh M.I. (red.). *1000 rokov vizantiys'koi' torgivli (V–XV stolittja)*. K., 69–82.
- Medvedev, A.F. 1966: Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. *SAI* E1–36.
- Mikheev, V.K. 1985: *Podon'e v sostave Khazarского kaganata*. Khar'kov.
- Mogarichev, Yu.M. 2005: O nekotorykh voprosakh istorii Vostochnogo Kryma VIII–IX vv. *Sugdeiskiy sbornik* II, 237–247.
- Morzherin, K.Yu. 2000: Nakhodki keramiki VII–X vv. v srednem techenii reki Medveditsy. *Voprosy kraevedeniya* 6, 60–61.
- Naumenko, V.E. 2009a: Vysokogorlye kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniya. Supplementum* 5. Simferopol'; Kerch', 50–57.
- Naumenko, V.E. 2009b: Stolovaya keramika. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. In *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniya. Supplementum* 5. Simferopol'; Kerch', 60–64.
- Naumenko, V.E. 2009v: Amfory. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniya. Supplementum* 5. Simferopol'; Kerch', 35–50.
- Nessel', V.A. 2006: Keramicheskiy kompleks. In *Topografiya Khersonesa Tavricheskogo. Vodosbornaya tsisterna zhilogo doma v kvartale VII (IX–XI vv.)*. In: Bernatski A.B., Klenina E. Yu. (red.), *Khersonesskiy sbornik. Supplement* I. Sevastopol', 95–140.
- Nidzel'nitskaya, L.Yu. 2009: Vizantiiskie amfory s gladkim korpusom i zonal'nym rifleniem V – nachala IX vv. (iz sobranii Donskikh muzeev). In: Kopylov V.P. (red.), *Mezhdunarodnye otnosheniya v basseine Chernogo morya v skifo-antichnoe i khazarское время. Sbornik statey po materialam XII mezhd. nauch. konf.* Rostov-na-Donu, 257–282.
- Nidzel'nitskaya, L.Yu., Il'yashenko, S.M. 2007: Rannesrednevekovoe poselenie na territorii Tanaisa. In: Guguev Yu. K. (red.), *Srednevekovye drevnosti Dona: Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona II*. Moscow–Ierusalim, 193–215.
- Nidzel'nitskaya, L.Yu., Kulakov, A.A. 2013: Rannesrednevekovoe poselenie Martynovo I na Nizhnem Donu. In: Klyuchnikov V.V., Kulakov A.A. (red.), *Khazarskie drevnosti*. Aksay, 7–49.
- Parkhomenko, O.V. 1985: Poselenie saltovskoy kul'tury u s. Zhovtnevoe. In: Tolochko P.P. (red.), *Zemli Yuzhnoy Rusi v IX–XIV vv. (Istoriya i arkheologiya)*. K., 84–94.
- Parshina, E.A. 1991: Torzhishche v Partenitakh. In: Tolochko P.P. (red.), *Vizantiiskaya Tavrika*. K., 64–100.

- Parshina, E.A. 2002: Drevniy Partenit (po materialam raskopok 1985–1988 gg.). In: Myts V.L. (red.), *Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dney*. Simferopol', 89–109.
- Pletneva, S.A. 1959: Keramika Sarkela – Beloy Vezhi. *MIA* 75 (Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. T. II), 212–272.
- Pletneva, S.A. 1989: *Na slavyano-khazarском погранич'е. Dmitrievskiy arkheologicheskiy kompleks*. M.
- Pletneva, S.A. 1994: Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe gorodishche. Raskopki 1958–1959 gg. *MAIET* IV, 271–396.
- Pletneva, S.A. 1996: *Sarkel i «shelkovyi» put'*. Voronezh.
- Pletneva, S.A. 2003: Fanagoriya. In: Makarova T.I., Pletneva S.A. (red.), *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'е i Zakavkaz'е v epokhu srednevekov'ya IV–XIII veka*. M., 179–183.
- Pletneva, S.A. 2004: Ekologichnye privychki zhitelei Khazarского kaganata. *Priroda* 9 (1069), 64–68.
- Pletneva, S.A., Krasil'nikov, K.I. 1990: Goncharnye masterskie Mayatskogo kompleksa. In: Pletneva S.A. (red.), *Mayatskiy arkheologicheskiy kompleks. Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii*. M., 92–139.
- Polovitskiy, I.Ya., Gusev, P.G. 1987: *Pochvy Kryma i povyshenie ikh plodorodiya*. Simferopol'.
- Ponomarev, L.Yu. 2004: Biritual'nyi saltovo-maiatskiy mogil'nik u poselka El'tigen. *BI* V, 445–475.
- Ponomarev, L.Yu. 2011: Saltovo-maiatskiy plitovo-gruntovyi mogil'nik poseleniya Geroevka-2 (kak odin iz primerov vzaimodeistviya kul'tur i religiy na okrainakh vizantiyskogo mira. *XII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeritskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliyaniye kul'tur. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii*. Kerch', 287–295.
- Ponomarev, L.Yu. 2012–2013: O rannesrednevekovykh plitovykh i plitovo-gruntovykh mogil'nikakh Kerchenskogo poluostrova. *KhA* 11, 153–181.
- Ponomarev, L.Yu. 2012a: O razvedkakh i raskopkakh D. L. Talisa na Kerchenskom poluostrove v 1960 g. *BI* XXVI, 479–511.
- Ponomarev, L.Yu. 2012b: K evolyutsii i khronologii zhilishch saltovo-mayatskikh poseleniy Kerchenskogo poluostrova (yurtoobraznye postroyki i poluzemlyanki). *Drinovskiy sbornik* V, 65–78.
- Ponomarev, L.Yu. 2014a: Saltovo-mayatskie poseleniya Kerchenskogo poluostrova (kratkiy obzor po arkheologicheskim dannym). *KhA* 12, 135–159.
- Ponomarev, L.Yu. 2014b: Saltovo-mayatskoe poselenie Geroevka-3 na Kerchenskom poluostrove (po materialam raskopok A. V. Gado v 1963 g.). *Istoriya i arkheologiya Kryma* I, 376–399.
- Ponomarev, L.Yu., Ponomareva, I.A. 2010: Redkie formy saltovo-mayatskoy neloshchenoy keramiki iz rannesrednevekovykh poseleniy Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'naya informatsiya). *Sugdeyskiy sbornik* IV, 453–464.
- Romanchuk, A.I. 1986: Graffiti na srednevekovoy keramike iz Khersonesa. *SA* 4, 171–182.
- Rudakov, V.E. 1979: Elementy saltovo-mayatskoy kul'tury na posade Baklinskogo gorodishcha. *Sotsial'noye razvitiye Vizantii. ADSV* 16, 105–111.
- Rudakov, V.E. 1980: Baklinskiy srednevekovyi sklep s graffiti. *Antichnye traditsii i vizantiiskie realii. ADSV* 17, 121–129.
- Rusanova, I.P., Timoshchuk, B.A. 2007: *Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan*. Moscow.
- Rybakov, B.A. 1994: *Yazychestvo drevnikh slavyan*. Moscow.

- Ryzhov, S.G., Sedikova, L.V. 1999: Kompleksy X v. iz raskopok kvartala X «B» Severnogo rayona Khersonesa. *KhSb* X, 312–329.
- Sazanov, A.V. 1998: Khronologiya sloev srednevekovoy Kerchi. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* V, 50–88.
- Sergejeva, M.S. 2010: Pro dejaki davn'orus'ki pryladdja z kistki ta rogu dlja igor i rozvag (za materialamy z Seredn'ogo Podniprov'ja). *Drevnosti*, 2010: *Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik* 9, 198–215.
- Smirnov A.P. (red.) 1969: *Material'naya kul'tura Sredne-Tsninskoy mordvy VIII–XI vv. (Po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927–1928 gody)*. Saransk.
- Sorokin, S.S. 1959: Zheleznye izdeliya Sarkela – Beloy Vezhi. *MIA* 75 (Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. T. II), 135–199.
- Tarabanov, V.A. 1993: Poseleniya bolgar na pravoberezh'e Kubani. In: Raev B.A. (red.), *Drevnosti Kubani i Chernomor'ya. Studia Pontocaucaica*, I. Krasnodar, 115–122, 206–213.
- Tarabanov, V.A. 1997: Poselenie saltovo-mayatskoy kul'tury na pravoberezh'e Kubani bliz stanitsy Vasyurinskoy. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh* 3, 74–79.
- Veselov, V.V. 2005: *Svodnaya vedomost' rezul'tatov arkheologicheskikh razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovakh v 1949–1964 gg. Drevnosti Bospora. Supplementum* II. M.
- Veymarn, E.V., Aybabin, A.I. 1993: *Skalistinskiy mogil'nik*. K.
- Vinnikov, A.Z., Afanas'ev, G.E. 1991: *Kul'tovye komplekсы Mayatskogo selishcha (Materialy raskopok Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii)*. Voronezh.
- Vinnikov, A.Z., Kovalevskiy, V.N. 2007: Mogil'nik saltovo-maiatskoy kul'tury u s. Tikhiiy Don v Voronezhskoy oblasti. *KhA* 6, 51–64.
- Vinogradov, Yu.A. 2002: Saltovo-mayatskie komplekсы poseleniya Artyushchenko-I na Tamanskom poluostrove. *ZVORAO Novaya seriya*. T.I (XXVI), 73–81.
- Vinokurov, N.I. 1997: Raboty v Leninskom rayone. *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu*. 1994 god. V.A. Kutaysov (red.). Simferopol', 62–65.
- Vinokurov, N.I. 1998: *Arkheologicheskie pamyatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'e*. Moscow.
- Vinokurov, N.I. 1999: Raskopki gorodishcha Artezian v 1997–1998 gg. (Issledovanie severo-zapadnogo uchastka raskopa I). *DB* 2, 39–76.
- Vinokurov, N.I. 2004: Praktika chelovecheskikh zhertvoprinosheniy v antichnoe i srednevekovoe vremya (po materialam raskopok ritual'nykh zakhoroneniy v Krymskom Priazov'e). *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* 3, 55–87.
- Vinokurov, N.I. 2011a: Pogrebal'nye komplekсы antichnogo i srednevekovogo vremeni: razryv traditsii ili preemstvennost' (na primere gorodishcha i nekropolya Artezian). *XII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliianiya kul'tur. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii*. Kerch', 55–67.
- Vinokurov, N.I. 2011b: Gidrotekhnicheskie sooruzheniya antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e. *DB* 15, 45–72.
- Vinokurov, N.I. 2014: *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e (materialy raskopok 1999–2007 gg.)*. *Bosporskie issledovaniya. Supplementum* 12. Simferopol'–Kerch'.
- Vinokurov, N.I., Nikonov, A.A. 2004: Total'nye razrusheniya vtoroy poloviny III v. n. e. na Bospore kak khronologicheskiy reper. *Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov. Materialy mezhd. nauch. konf.* Ch. 1. Saint-Petersburg, 95–103.
- Vinokurov, N.I., Ponomarev, L.Yu. 2015a: Saltovo-mayatskie komplekсы gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 1994–2010 gg.). *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki* 7, 46–53.

Vinokurov, N.I., Ponomarev, L.Yu. 2015b: Yuzhnyi uchastok saltovo-mayatskogo poseleniya na gorodishche Artezian (po materialam issledovaniy na raskope II). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 3 (49), 160–195.

Vysotskaya, T.N. 1995: Igrushki i igry pozdnykh skifov. *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma*. Iu.M. Mogarichev, I.N. Khrapunov (red.). Simferopol', 47–51.

Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2005a: Step'i Vostochnogo Kryma v epokhu Khazarskogo kaganata. *MAIET* XI, 406–429.

Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2005b: Rannesrednevekovi gorizont poseleniya Geroevka-2 u pos. El'tigen. *BI X*, 236–268.

Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2008: Rannesrednevekovi gorizont poseleniya Geroevka-6 na Kerchenskom poluostrove. *Drevnosti Yuga Rossii: pamyati A. G. Atavina*. G.E. Afanas'ev (red.). M., 420–440.

Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2013: Razvedki A. V. Gadlo na Kerchenskom poluostrove v 1962 g. (v svete sovremennykh arkheologicheskikh dannykh). *BI XXVIII*, 435–471.

Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu.: 2009: *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniya. Supplementum 5*. Simferopol'–Kerch'.

CENTRAL PART OF SALTVOVO-MAYAKI SETTLEMENT ON THE FORTIFIED SETTLEMENT OF ARTEZIAN (results of the 1989–2001 excavations at the Site I)

Nikolay I. Vinokurov*, Leonid Y. Ponomarev**

* *Moscow State Pedagogical Institute, Russia,*
vinokurovn@list.ru

** *researcher, Russia,*
l_ponomarev@mail.ru

Abstract. The article deals with residential, economic, religious and funerary complexes, which were investigated in the Site I in the central part of Saltovo-Mayaki settlement on the fortified Settlement of Artesian. In the investigated area three (or four) huts, a corral, three buildings on stone foundations, hearths, household pits, one burial ritual burial of humans and animals were found, as well as numerous pits, which were formed during the extraction of stone of ancient buildings. They date back to within the second half of the 8th – the first half of the 10th century. A part of complexes have been divided into two construction periods. However, it wasn't possible to allocate a narrow chronological framework for them. The numerous religious sites, most of which may have been linked to the agricultural and pastoral fertility cults are of particular interest. In such quantity they were for the first time found on the Saltovo-Mayaki settlements of the Kerch Peninsula.

Key words: Kerch Peninsula, the Artesian Settlement, Saltovo-Mayaki settlement

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 233–241
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 233–241
©Автор(ы) 2016

АРАБСКИЙ ПОХОД 737(738) ГОДА И ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА ВИЗАНТИЙСКОЙ АБХАЗИИ*

Г.С. Майоров

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
st035384@student.spbu.ru*

Аннотация. По сообщению грузинского исторического сочинения, которому нашлось место в знаменитом средневековом летописном своде «Картлис Цховреба», переход Авасгии наследственное правление абхазской династии Леонидов произошел вследствие поражения арабов под руководством арабского наместника Марвана ибн Мухаммада (732–744). В статье на основе сравнения грузинских, арабских и византийских памятников исторической литературы высказывается предположение о действительном руководителе арабского похода в подвластную Константинополю Абхазию, датировке и действительных последствиях этого похода, а также высказывается мнение о возможных причинах неточности сведений средневековой грузинской летописи.

Ключевые слова: Марван ибн Мухаммад, абхазский эристав Леон, Авасгия, Абхазское княжество, Византия, Кавказ

Имя Марвана ибн Мухаммада (ум. в 750), последнего халифа в 744–750 гг. из династии Умаййадов (661–750), известно в отечественной историографии прежде всего в связи с походом арабов на Южный Кавказ, датировемым в последних исследованиях 732 г.¹ По данным грузинского летописного свода «Картлис Цхов-

Майоров Григорий Сергеевич – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: st035384@student.spbu.ru

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 5.38.283.2014.

¹ Шагинян 2011, 241.

реба» (далее – КЦ)², Мурван Кру³ «обошел... все земли Кавказа, захватил Врата Дариала и Дербенда и сокрушил все города и большинство крепостей в пределах Картли»⁴. Узнав о том, что картлийские цари бежали в Абхазию, Марван, согласно грузинскому источнику, последовал за ними, по пути разрушив города и крепости Эгриси (др.-груз. ეგრისი)⁵. Пройдя укрепления Клисурь, «которая была в ту пору рубежом между Грецией и Грузией», и разгромив город Цхум (совр. Сухум), войска Марвана подступили к Анакопии, у стен которой чуть погодя и произошло основное сражение. Несмотря на значительное численное превосходство, арабы понесли огромные потери (в первую очередь из-за болезни, поразившей их в результате «божественного» вмешательства) и вынуждены были отступить⁶.

В ходе дальнейшего повествования летописец описывает, как византийский император, будучи впечатленным действиями картлийских царей Арчила и Мира, а также своего эристава (др.-груз. ერისთავი)⁷ Леона, жалует Леону Абхазию в наследственное владение⁸. Этот момент считается в отечественной историографии одним из эволюционных в истории Абхазии – именно эта эволюция, как полагали советские историки, позволила следующему эриставу Леону II «отложиться от греков», объявив себя царем⁹.

Однако было бы разумно сравнить данные грузинской летописи со сведениями основоположников арабо-мусульманской историографии IX–X вв. Походы Марвана (а их было несколько, деятельность его в качестве наместника была достаточно активна) отражены во многих памятниках исторической литературы на арабском языке, но направление их скорее северо-восточное, чем западное, в сторону Западного Кавказа.

Наиболее пространное описание этих военных экспедиций, по справедливому мнению известного отечественного арабиста О.Г. Большакова, содержится в сочинении «*Китаб ал-футух*» («Книга завоеваний») мусульманского историка, этнического иранца, Абу Мухаммада Ахмада ибн А'сама ал-Куфи (ум. в 926 г.)¹⁰. Согласно ал-Куфи, Марван после его назначения в 732 г. халифом Хишамом (723–743) наместником Севера во главе 120 тысячного войска выдвинулся из Сирии в

² Исследуемый фрагмент входит в ту часть «Картлис Цховреба», которая традиционно выделялась в отдельное произведение под названием «Жизнь Вахтанга Горгасала» и приписывалась перу грузинского летописца XI в. Джуаншера Джуаншериани. Однако известный исследователь Г. Цулая, который в 1986 г. впервые издал «Жизнь Вахтанга Горгасала» в русском переводе, склонен выделять данный фрагмент в отдельный неоднородный сюжет (подробнее об этом см.: Цулая 1986, 26–29).

³ В переводе с др.-груз. უბჯ – «Глухой». Так называли Марвана ибн Мухаммада картвелы, ибо «...не считался он со словом рассудительным» (Цулая 1986, 61).

⁴ Картлис Цховреба 2008, 108.

⁵ Древнегрузинское название византийской провинции Лазики.

⁶ Картлис Цховреба 2008, 109–110.

⁷ «Эристави» по своему первоначальному значению – правитель области, назначаемый царем. Позднее эта должность постепенно становится наследственной. Матиане Картлиса 1979, 65; ср. Шагинян 2014, 142–147; 2012, 95.

⁸ Картлис Цховреба 2008, 110.

⁹ Джанашиа 1940, 148–149; Анчабадзе 1959, 103–104. Формированию такого подхода способствовало и господство марксистского понимания истории как последовательного прогрессивного процесса. Некоторые современные исследователи продолжают традицию, напр.: Бгажба, Лакоба 2007, 120.

¹⁰ Большаков 2010, 326.

провинцию Арминийа¹¹ (которая объединяла не только армянские земли Арабского халифата, но и южнокавказских стран Иберии-Джурзана, Албании-Аррана). Остановившись в городке Кайсак, «расположенном в 40 фарсах¹² от Барды и в 20 фарсах от Тифлиса», новый наместник начал планомерное покорение всех крепостей провинции Арминийа, поскольку в период междувластия или же еще при правителе Са‘иде ибн ‘Амру ал-Хараша (730–731) северная часть Аррана и Джурзан, по всей вероятности, вышли из-под контроля Халифата¹³.

Хотя ал-Куфи рассказывает исключительно о военных методах, используемых наместником при наведении порядка в порученной ему провинции, из свидетельства армянского вардапета – историка второй половины VIII Левонда мы узнаем, что Марван не пренебрегал и дипломатией. Так, поддержав представителя местной высшей знати, первенствующего князя Ашота Багратуни (732–749) в противостоянии с конкурирующим родом Мамиконянов (известным своей византийской ориентацией), а также добившись выплаты жалованья «князьям армянским и их всадникам», Марван заручился поддержкой армянской конницы¹⁴. Все действия, предпринимаемые наместником на этом этапе, подготавливали почву для большого похода против хазар, в котором арабским войскам безусловно потребовался бы надежный и спокойный тыл¹⁵.

Спустя несколько лет¹⁶, справившись с задачей укрепления тыла, арабские войска вторгаются в Хазарию. Согласно автору книги «*Футух ал-булдан*» («Завоеваний стран») другого мусульманского писателя, иранца, Абу ал-Хасана Ахмада ибн Йахьи ибн Джабира ибн Дауда ал-Баладзури (ум. 892 г.), поход осуществлялся по двум направлениям – основная часть войска во главе с Марваном ибн Мухаммадом перешла Кавказский хребет через врата Аланские (араб. ناللا باب [баб ал-Лан]), второй же отряд под командованием Асида ибн Зафира ас-Сулами Абу Йазид, сопровождаемого «царями гор [Кавказских]», проследовал через врата Дербентские (араб. بابال او بابال [ал-Баб ва ал-Абвāб])¹⁷.

Как утверждает ал-Куфи, «Марвану и муслимам в стране хазар сопутствовал успех». Были взяты хазарские города Семендер (араб. راندنمس [Самандār]) и Итиль (араб. ااضيبل [ал-Байдā]). Воодушевленные успехом арабы дошли до реки Славянской (араб. قبل اصرل رن [нахр ас-Сакāлиба], под которой некоторые исследователи понимают Дон¹⁸). Разгром хазар был настолько полным, что информаторы

¹¹ О территории и границах, административном делении Арминийа подробно см.: Шагинян 2011, 338–357; Шагинян 2014, 189–220; Буниятов 1981, 71.

¹² Фарсах – арабизированная форма фарсанга, персидской меры длины, равной 5,76 км. Шагинян 2014, 407.

¹³ Большаков 2010, 186.

¹⁴ Гевонд 1862, 81.

¹⁵ По мнению О.Г. Большакова, походы Марвана против «царей гор», хронологически расположенные у ал-Куфи, ал-Баладзури и Халифы ибн Хаййата позднее «большого» похода против хазар, на самом деле также относятся к этому периоду установления твердой арабской власти на Южном Кавказе. Большаков 2010, 326.

¹⁶ В советской историографии в 732–736 гг. Джанашиа 1952, 375–376; Буниятов 1965, 112–113, в новейшей отечественной – 737 г.: Шагинян 2011, 243.

¹⁷ Hitti 1911, 325.

¹⁸ см., например, Большаков 2010, 189.

и ал-Куфи, и ал-Баладзури утверждают, как каган Хазарский был вынужден принять ислам¹⁹.

Так или иначе, но ни один из вышеупомянутых мусульманских историков не упоминает о походе войск Марвана в Абхазию. Еще раз обратим внимание на тот момент, что, по словам анонимного грузинского летописца, Абхазия (или, как ее называли ромеи, Авасгия) относилась к территории Византии – «рубежом между Грецией и Грузией» служили укрепления Клисурь. Походы же Марвана были направлены прежде всего против хазар. В научной ориенталистике даже существует давно устоявшееся понятие «арабо-хазарские войны», а деятельность Марвана относится ко второму этапу этих войн²⁰.

Однако у Халифы ибн Хайята под 119 годом хиджры, который соответствует периоду с 8 января 737 по 28 декабря 737 года, мы обнаруживаем следующее свидетельство его информатора: «В том же [году] осуществил Му‘авийа ибн Хишам поход в страну Ромейскую, достигнув Колонии. Осуществил поход в страну Ромейскую еще и Сулайман ибн Хишам, [выступив] со стороны Джазиры»²¹. На первый взгляд, это сложно привязать к описываемым событиям. Сулайман и Му‘авийа были сыновьями одного и того же халифа Хишама (723–743), походы арабов в ромейские земли были тогда практически ежегодными. Но у Феофана Исповедника под 738 годом помещается известное сообщение: «В сем году Сулейман, сын Исама, имел поход в Римские земли; взял осадой так называемую железную крепость и отвел в плен Евстафия, сына Мариана патриция»²².

Сулайман нам уже известен; так называемая «Железная крепость», или Сидерон, – это крепость на территории Авасгии. Некоторыми исследователями она идентифицируется с известным Цибилиумом (совр. Цебельда)²³. Что же касается патриция Мариана, отца уведенного в плен Евстафия, то он был, согласно другому сообщению византийского летописца, «первым из апсиров», участник спасения Льва Исавра, посланного еще в правление Юстиниана Ринотмета с дипломатической миссией к аланам²⁴. Его помощь, собственно, состояла в том, чтобы обеспечить безопасность Льва на пути от Сидерона к побережью, где будущий император Византии, принятый апсилами с «великими почестями», сев на корабль, переправился через море.

Таким образом, кажется весьма вероятным, что поход арабов в Абхазию, упоминаемый в приведенном выше грузинском историческом памятнике, состоялся в 737 (738) году и руководил им не арабский наместник Марван ибн Мухаммад, а Сулайман ибн Хишам. Причиной ошибки грузинского анонима могли стать как некоторые историографические особенности КЦ (о которых будет упомянуто

¹⁹ Буниятов 1981, 74; Hitti 1911, 326. Хотя здесь, как справедливо замечает О.Г. Большаков, можно увидеть некое символическое преувеличение: Большаков 2010, 189. Во всяком случае, в самом раннем из дошедших до нас трудов мусульманских писателей – в «Истории» Абу ‘Амра ибн Халифы ибн Хайята ал-Лайтси ал-‘Усфури (ум. 854 г.) – таких сведений не приводится.

²⁰ Об арабо-хазарских войнах подробно см.: Буниятов 1965, 107–116; Большаков 2010, 161–190; Шагинян 2011, 221–274.

²¹ Русский перевод Халифы ибн Хайатта был любезно предоставлен автору А.К. Шагиняном в виде рукописи, готовящейся к публикации.

²² Оболенский, Терновский 1884, 302.

²³ Артамонов 1962, 361.

²⁴ Оболенский, Терновский 1884, 288–289.

ниже), так и то, что со временем Марван стал героем арабского исторического предания, культивировавшегося на Кавказе. Как отмечает О.Г. Большаков, рассказы о его походах со временем обросли легендарными деталями, которые могли запутать летописца – фигура его несомненно ярче большинства арабских военачальников того времени²⁵.

Теперь, предположив датировку и руководителей арабского похода в Авастию, рассмотрим его последствия. Как уже отмечалось выше, грузинский источник говорит об итоговом разгроме арабов под Анакопией, причем «погибло от недуга тридцать пять тысяч сарацин, от меча же – три тысячи... Христиан в день тот было убито человек шестьдесят»²⁶. Сам по себе факт возникновения эпидемии не вызывает удивления: со времен античности имеется множество сообщений о вредном климате этой части Черноморского побережья²⁷. Косвенным подтверждением эпидемии, от которого страдали арабские войска, может служить и сообщение другого грузинского летописца XI в. Смбата Давитис-дзе, автора «Истории и повествований о Багратионах»: «А хеви Шавшетский, за исключением нескольких селений, тогда не был заселен, ибо опустошился во времена владычества персов, когда глухой из Багдада сокрушил все крепости и прошел по Шавшети и Гадони. А вслед за этим повальный понос истребил (население) Шавшети, Кларджети и лишь немногие из жителей остались в некоторых местах»²⁸. Болезнь, поразившая арабов, вполне могла впоследствии получить распространение и среди местного населения. Отметим, однако, что ни один приведенный выше источник (кроме КЦ, соответственно) не сообщает о крупных потерях или поражении арабов. Более того, по тексту другого грузинского исторического памятника «Мученичество Давида и Константина» победу под Анакопией одержали арабы²⁹.

Вопросы вызывает и описание хода событий после сражения. Итак, Арчил, Мир и Леон после такой победы отправляют посланца к императору. Напомним, что на византийском престоле сидел в это время Лев (он же Леон) Исавр, не понаслышке знакомый с ситуацией в регионе по своей дипломатической миссии. Василевс, якобы впечатленный ни много ни мало спасением Константинополя, посылает Арчилу и Миру два венца, инсигнии власти; награда же Леону следующая: «А тебе же я повелеваю быть эриставом Абхазии, тебе и детям твоим и твоему потомству во веки веков. Но почти добром царей и народ Картли и не

²⁵ Большаков 2010, 185.

²⁶ Картлис Цховреба 2008, 109.

²⁷ Карпов 1936, 295; Стратоновский 1994, 496. С появлением здесь российских войск в XIX в. мы имеем подтверждения этому и у отечественных авторов: так, известный декабрист Бесстужев-Марлинский, служивший в Абхазии, писал: «Есть на берегу Черного моря в Абхазии впадина между огромных гор. В этом ущелье (Гагра) лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона... Одним словом, имя Гагра значит смертный приговор»: цит. по: Джапаридзе 1954, 11. Малоазийские греки, переселенные на черноморское побережье Российской империи после окончания Кавказской войны, опасаясь малярии, вынуждены были селиться высоко в горах (так, например, было основано село Георгиевское в районе совр. Цебельды). Побережье Абхазии было осушено только в начале XX в., чему в определенной степени способствовала программа высадки здесь гигантских эвкалиптов, принятая уже Советской властью.

²⁸ Сумбат Давитис-дзе 1979, 32.

²⁹ Цулая 1996, 114.

посягай отныне на них и на пределы их эгрисские, покуда пребудут они там или когда отбудут оттуда»³⁰.

На наш взгляд, в этом отрывке грузинской летописи явно подчеркивается мысль о передаче суверенитета над Лазикой от византийских императоров царям картлийским³¹. Далее по тексту Арчил разрешает Леону потребовать себе награду «за добрую службу», а эристав абхазский, только что получивший в «вечное владение» земли от «Клисуры до реки Великой Хазарии» (то есть от р. Келасури до р. Кубани), отвечает ему так: «Дал мне кесарь страну сию в наследственную (собственность) по славной отваге вашей... Присовокупи меня к числу рабов твоих, к тем, коих удостоил ты быть сыновьями и братьями твоими. Не нужен мне удел твой, но пусть и мой пребудет твоим... И дали друг другу обещание и клятву твердую, дабы не быть вражде меж ними, и повиновался Леон Арчилу во все дни»³².

Получается, что Леон, только что вроде бы получивший наследственную власть над византийской провинцией из рук императора, по тексту КЦ фактически передает эту власть картлийскому царю, добровольно называя себя его эриставом³³. В закрепление этой мысли Леон получает из рук Арчила один из венцов, посланных императором Львом. Таким образом, если буквально следовать тексту грузинского источника, картлийский царь становится не только властителем Лазики-Эгриси, но и сувереном над абхазским эриставом Леоном³⁴.

Здесь стоит упомянуть несколько особенностей грузинского летописного свода «Картлис Цховреба» в источниковедческом аспекте.

Во-первых, самые ранние сохранившиеся списки КЦ относятся только к XV–XVII вв. Отдельные исторические произведения, вошедшие в КЦ, искусственно подгонялись друг к другу, в результате чего названия и имена авторов этих произведений были утеряны. Более того, свод неоднократно подвергался различным редакциям. Перечисленные нюансы приводят к значительным хронологическим и фактическим нестыковкам в повествовании. Так, царь Арчил оказывается свидетелем похода императора Ираклия 627 г., а умирает он только через 50 лет после описываемых событий (160 лет – завидное долголетие даже для кавказцев!), Маслама же осаждает Константинополь уже после падения династии Умайядов и т.д.

Во-вторых, самые ранние произведения, входящие в КЦ, в лучшем случае датируются XI в. Это достаточно поздний источник по отношению к описываемым событиям. Стоит упомянуть и об особенностях раннего грузинского исторического летописания, генетически тесно связанного с местной агиографической традицией³⁵. Отсюда некий налет легендарности в тексте.

³⁰ Картлис Цховреба 2008, 110.

³¹ С конца VII в. Лазикой, как и, по всей видимости, Абасгией на какое-то время овладели арабы; византийцы восстановили статус-кво не позднее 30-х гг. VIII в. Лордкипанидзе 1988, 174–175.

³² Картлис Цховреба 2008, 111.

³³ Под «сыновьями и братьями» картлийского царя имеются в виду его эриставы. Более подробно об идеологической подоплеке этого фрагмента см. комментарии его переводчика Г. Цулая: Цулая 1982, 35–36.

³⁴ Существует даже трактовка, согласно которой, «по сообщению историка Джуаншера, вассал Византии Леон, эристави абхазов, по приказу императора (!) вошел под покровительство Арчила». Лордкипанидзе 1988, 282. Это, безусловно, не исходит из текста источника, но соответствует его идеологической направленности.

³⁵ Цулая 1986, 5.

Фрагмент КЦ, который описывает арабское вторжение, предположительно выделяется его издателем Г.В. Цулая в отдельное произведение. Им же отмечается идеологизированность предстоящей ему части КЦ, причем, по его выражению, «узловым моментом» этой части является идея пожалования персидским шахом Хосровом грамот о наследственных правах грузинских эриставов на свои княжества. Отметим, что XI в., в котором, судя по всему, созданы эти части КЦ, – это время возникновения объединенного грузино-абхазского царства. Объединение это, однажды состоявшись, требовало идеологического обоснования – следствием чего, по нашему мнению, можно считать некоторые вставки в текст КЦ. Отметим, что с этим (по меньшей мере в отдельном случае) соглашается и Г. Цулая³⁶.

Таким образом, теория о постепенной эволюции политического статуса Абхазии от непосредственной части Римской империи через получение наследных прав до провозглашения независимости Абхазского царства основана исключительно на свидетельствах разных частей КЦ. С учетом сказанного выше такой подход представляется спорным. Повышение политического статуса скорее могло происходить в условиях вакуума власти, вызванного ослаблением позиций официального Константинополя в регионе в результате длительной борьбы с арабами. Свою лепту здесь мог, конечно, внести и поход 737(738) г. под руководством Сулаймана ибн Хишама, результатом которого должно было стать нарушение местной византийской системы управления. Однако процесс этот не был линейным – в дальнейшем, например, «города на побережье, Сотириуполь и Севастополь (Сухуми), Византия контролировала почти неизменно вплоть до конца XI в.»³⁷. Идеологическая же направленность фрагмента КЦ, повествующего о нашествии арабов, обусловлена временем создания текста (параллельно с формированием единого грузино-абхазского царства).

ЛИТЕРАТУРА

- Анчабадзе, З. 1959: *Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.)*. Сухуми.
Артамонов, М. 1962: *История хазар*. Л.
Бгажба, О., Лакоба, С. 2007: *История Абхазии. С древнейших времен до наших дней*. Сухум.
Большаков, О.Г. 2010: *История Халифата: в 4 т. Т. IV*. М.
Буниятов, З. (пер.) 1981: *Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII-IX вв.)*. Баку.
Буниятов, З. 1965: *Азербайджан в VII-IX вв.* Баку.
Джанашиа, С. 1952: Арабы в Грузии. *ТИИ* II (на груз. яз.).
Джанашиа, С.О. 1940: времени и условиях возникновения Абхазского царства. *Известия ин-та языка, истории и материальной культуры ГрузФАН* 8, 136–152.
Джапаридзе, П. 1954: *Малярия в Абхазии*. Сухуми.
Карпов, В.П. (ред.) 1936: *Гиппократ. Избранные книги*. М. – Л.
Картлис Цховреба 2008: *История Грузии*. Тбилиси.
Лордкипанидзе, М. (ред.) 1988: *Очерки истории Грузии: в 8 т. Т.2. Грузия в IV-X веках*. Тбилиси.

³⁶ «Надо думать, что эта фраза, с определенным политическим смыслом, составлена в период, когда начатое правителями Абхазского царства политическое объединение Грузии прошло свой сложный путь и стало свершившимся фактом». Картлис Цховреба 2008, 133.

³⁷ Оболенский 1998, 44.

- Лордкипанидзе, М. (пер.) 1976: *Матиане Картлиса*. Тбилиси.
- Лордкипанидзе, М.Д. (пер.) 1979: *Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах*. Тбилиси.
- Март, Н. (пер.) 1911: *Григорий Мерчуле. Житие св. Григория Хандзтийского*. СПб.
- Оболенский, Д. 1998: *Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов*. М.
- Оболенский, В., Терновский, Ф. 1884: *Летопись византийца Феофана от Диоклитiana до царей Михаила и сына его Феофилакта*. М.
- Патканов, К. (пер.) 1862: *История халифов вардапета Гевонда*. СПб.
- Стратановский, А. (пер.) 1994: *Страбон. География в 17 книгах*. М.
- Цулая, Г.В. (пер.) 1982: *Летопись Картли*. Тбилиси.
- Цулая, Г.В. 1996: Из истории грузинской агиографии: «Мученичество Давида и Константина». *Этнографическое обозрение* 1, 104–116.
- Цулая, Г.В. (пер.) 1986: *Жизнь Вахтанга Горгасала*. Тбилиси.
- Шагинян, А. 2011: *Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти*. СПб.
- Шагинян, А. 2012: *Армения, Азербайджан и Южный Кавказ в древности и средние века: учебник для вузов*. СПб.
- Шагинян, А. 2014: *Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа*. СПб.
- Hitti Philip Khûri 1911: *The origins of the Islamic state, being a translation from the Arabic, accompanied with annotations, geographic and historic notes of the Kitâb fitûh al-buldân of al-Imâm abu-l Abbâs Ahmad ibn-Jâbir al-Balâdhuri*. New York.

REFERENCES

- Anchabadze, Z. 1959: *Iz istorii srednevekovoj Abhazii (VI-XVII vv.)*. Suhumi.
- Artamonov, M. 1962: *Istorija hazar*. L.
- Bgazhba, O., Lakoba, S. 2007: *Istorija Abhazii. S drevnejshih vremen do nashih dnei*. Suhumi.
- Bol'shakov, O.G. 2010: *Istorija Halifata: v 4 t. T. IV*. Moscow.
- Bunijatov, Z. (per.) 1981: *Abu Muhammad Ahmad ibn A'sam al-Kufi. Kniga zavoevanij (Iz vlechenija po istorii Azerbajdzhan VII-IX vv.)*. Baku.
- Bunijatov, Z. 1965: *Azerbajdzhan v VII-IX vv*. Baku.
- Dzhanashia, S. 1952: *Araby v Gruzii. TII II* (na груз. яз.).
- Dzhanashia, S.O. 1940: *Vremeni i uslovijah vozniknovenija Abhazskogo carstva. Izvestija in-ta jazyka, istorii i material'noj kul'tury. GruzFAN* 8, 136–152.
- Dzhaparidze, P. 1954: *Maljarija v Abhazii*. Suhumi.
- Hitti Philip Khûri 1911: *The origins of the Islamic state, being a translation from the Arabic, accompanied with annotations, geographic and historic notes of the Kitâb fitûh al-buldân of al-Imâm abu-l Abbâs Ahmad ibn-Jâbir al-Balâdhuri*. New York.
- Karpov, V.P. (red.) 1936: *Gippokrat. Izbrannye knigi*. Moscow – Leningrad.
- Kartlis Chovreba 2008: *Istorija Gruzii*. Tbilisi.
- Lordkipanidze, M. (red.) 1988: *Ocherki istorii Gruzii: v 8 t. T.2. Gruzija v IV-X vekah*. Tbilisi.
- Lordkipanidze, M. (per.) 1976: *Matiane Kartlisa*. Tbilisi.
- Lordkipanidze, M.D. (per.) 1979: *Sumbat Davitis-dze. Istorija i povestvovanie o Bagrationah*. Tbilisi.
- Marr, N. (per.) 1911: *Grigorij Merchule. Zhitie sv. Grigorija Handztijskogo*. Saint-Peterburg.
- Obolenskiy, D. 1998: *Vizantijskoe sodruzhestvo nacij. Shest' vizantijskih portretov*. Moscow.

- Obolenskiy, V., Ternovskiy, F. 1884: *Letopis' vizantijca Feofana ot Dioklitiana do carej Mihaila i syna ego Feofilakta*. Moscow.
- Patkanov, K. (per.) 1862: *Istorija halifov vardapeta Gevonda*. Saint-Peterburg.
- Stratanovskiy, A. (per.) 1994: *Strabon. Geografija v 17 knigah*. Moscow.
- Culaya, G.V. (per.) 1982: *Letopis' Kartli*. Tbilisi.
- Culaya, G.V. 1996: Iz istorii gruzinskoj agiografii: «Muchenichestvo Davida i Konstantina». *Jetnograficheskoe obozrenie* 1, 104–116.
- Culaya, G.V. (per.) 1986: *Zhizn' Vahtanga Gorgasala*. Tbilisi.
- Shaginjan, A. 2011: *Armenija i strany Juzhnogo Kavkaza v uslovijah vizantijsko-iranskoj i arabskoj vlasti*. Saint-Peterburg.
- Shaginjan, A. 2012: *Armenija, Azerbajdzhan i Juzhnyj Kavkaz v drevnosti i srednie veka: uchebnik dlja vuzov*. Saint-Peterburg.
- Shaginjan, A. 2014: *Rannesrednevekovaja geografija Armenii i stran Juzhnogo Kavkaza*. Saint-Peterburg.

THE ARAB CAMPAIGN OF 737(738) AND THE CHANGES IN THE POLITICAL STATUS OF BYZANTINE ABKHAZIA

Grigoriy S. Mayorov

Saint-Petersburg State University, Russia,
st035384@student.spbu.ru

Abstract According to the Georgian historical writings, which are the part of the famous medieval chronicles “Kartlis Tskhovreba”, transition of Avasgia in hereditary rule of the Abkhazian Leonids dynasty occurred as a result of the Arabs’ defeat under the leadership of Marwan ibn Muhammad (732-744). Based on the comparison of the Georgian, Arabic and Byzantine monuments of historical literature it is suggested the actual leader of the Arab campaign in Abkhazia, dating and the real consequences of this campaign, as well as the view of the possible causes of data inaccuracies of medieval Georgian annals is expressed.

Key words: Marwan ibn Muhammad, Abkhazian eristavi Leon, Avasgia, Abkhaz Kingdom, Byzantine Empire, the Caucasus

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 242–254
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 242–254
© Автор(ы) 2016

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА И ДОКТРИНА ПАПЫ РИМСКОГО ЛЬВА ВЕЛИКОГО В СЛАВЯНСКИХ ИСТОЧНИКАХ XII–XVII ВЕКОВ

Д.Г. Полонский

Архив Российской академии наук, Москва
dpolon@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена проблема восприятия в восточно- и южнославянских письменных источниках XIII–XVII веков деятельности и церковно-политических воззрений папы Римского Льва I Великого (понтифик в 440 – 461 гг.). Показано, что почитание папы Льва в Византийской империи, как и в славянских землях, основывалось на том, что его главное богословское сочинение имело ключевое значение для ниспровержения доктринального господства монофистства, и вошло в состав догматических установлений, принятых IV Вселенским собором в Халкидоне (451 г.). Среди различных исторических источников, которые характеризуют почитание папы Льва в православной традиции, особого внимания заслуживают произведения византийской гимнографии. Греческие служебные Минеи на февраль содержат прославление памяти римского понтифика как выдающегося деятеля церкви, где он описывается как «глава правоверия», выдающийся «наследник св. Петра» и даже «второй Моисей». Перевод этого гимнографического сочинения с греческого языка на славянский стал известен на Руси не позднее XII века. Как показали исследования славянских рукописей в библиотеках и архивах Болгарии и Сербии, церковная служба, содержащая прославление папы Льва, не позднее конца XII – начала XIV столетий стала известна также и в южнославянских землях. Однако широко распространявшийся в рукописях греческих, восточно- и южнославянских служебных Минеи текст православной службы, посвященной прославлению папы Льва, во многом согласуется с доктриной самого понтифика о примате Рима над другими центрами христианского мира. Вероятно, это обстоятельство послужило причиной сохранения проримских схолий в составе некоторых восточнославянских рукописей Кормчих книг.

Ключевые слова: Лев I Великий; IV Вселенский собор; служебная Минея; Кормчая, славянская рукописная традиция

Римский папа Лев I Великий (годы понтификата: 440–461 гг.) относится к тем иерархам первых веков распространения христианства, чья деятельность и богословские сочинения не только существенно повлияли на формирование догматики вероучения, но и на столетия определили церковно-политические отношения между христианами Запада и Востока. Жизнь и обширное богословское наследие понтифика не раз становились предметами обстоятельных исследований историков и теологов¹. Исследователи справедливо обращали внимание на тот факт, что

Полонский Дмитрий Георгиевич – старший научный сотрудник архива Российской академии наук. E-mail: dpolon@gmail.com

¹ Jalland 1941; Bartnik 1972; Arens 1985; Wessel 2008; Neil 2009.

Лев I Великий по-новому обосновал утверждавшую папскую власть церковно-политическую доктрину, согласно которой Рим трактовался как центр христианского мира, где св. Петр как «глава апостолов» в качестве первого епископа получил кафедру от Иисуса Христа. Западные богословы еще в IV в. провозглашали тезис о примате Рима, а в 382 г. римский Синод, собранный при папе Дамасе I, впервые назвал кафедру римского епископа «апостольской»², однако первенство тогда понималось в смысле вероучительного авторитета. Основанная на римском праве доктрина папы Льва была иной: ее центральной идеей был тезис о юридической преемственности апостольской кафедры³. Фактически эта доктрина утверждала, что римские папы наследуют престол св. Петра не друг у друга, но непосредственно у апостола и поэтому каждый понтифик должен рассматриваться паствой как говорящий устами св. Петра, а вселенская Церковь – как единый централизованный организм под властью римского епископа⁴. При этом «властолюбивая личность папы Льва Великого... весьма способствовала принятию идеи «апостольского» и «Петрова» папства на всем Западе», тогда как в Византии «сопротивление такой интерпретации первенства Рима», которое при жизни папы Льва ему оказывали император Маркиан и константинопольский патриарх Анатолий, оказалось «твердым, хотя и не всегда последовательным»⁵.

Вместе с тем в Византии папа Лев почитался потому, что написанное им 13 июня 449 г. послание (или Томос, как его принято называть) о двух природах Иисуса Христа, божественной и человеческой, и их соединении в одном лице, направленное против вероучения монофиситов и адресованное архиепископу Константинопольскому Флавиану, оказало основополагающее влияние на доктринальные постановления состоявшегося осенью 451 г. IV Вселенского собора в Халкидоне⁶, где это послание было признано «столпом» православной веры⁷. Решения Халкидонского собора, низложившего патриарха Александрийского Диоскора (ум. 454), бывшего покровителем монофиситов, означали, в частности, беспрецедентное политическое унижение александрийского епископата и повлекли за собой неоднократные выступления против имперских властей оппозиционного монашества и паствы в Египте, Сирии и Палестине⁸. При этом папой Львом, как и его преемниками, не было признано утвержденное IV Вселенским собором 28 правило, в котором, вопреки римской доктрине о главенстве в христианском мире кафедры апостола Петра, провозглашались равные церковно-административные права «старого» Рима и Константинополя как «нового» имперского города, вследствие чего константинопольский архиепископ становился патриархом⁹.

Исторические источники, свидетельствующие о почитании папы Льва в Византии, а затем и в славянских землях, разнообразны: к ним, в частности, относятся переводные византийские хроники, полемическая литература и памятники гимнографии. Однако судя по этим источникам, византийские книжники, а вслед

² Klinkenberg 1952, 42; Задворный 2011, 143–145.

³ Ullmann 1960, 31–38.

⁴ Jalland 1941, 64–77; Wessel 2008, 285–297; Задворный 2011, 145–150.

⁵ Мейендорф 2012, 95; ср. Dvornik 1966, 48–54.

⁶ Sellers 1961 109–115; Мейендорф 2012, 231–236.

⁷ Schwartz 1936, 13.

⁸ Козлов 1983, 26–32.

⁹ Jalland 1941, 306–346; Wessel 2008, 297–308; Мейендорф 2012, 244–248.

за ними и славянские переводчики последовательно избегали толкований о расхождении папы Льва с духовными и светскими властями Византии в отношении политической интерпретации идеи Петрова первенства.

Томос папы Льва I архиепископу Флавиану как важнейший вероучительный документ, принятый участниками Халкидонского собора упомянут в рассказе, содержащемся в Хронике Георгия Амартола¹⁰ – памятнике славянской письменности, представляющем собой переводную византийскую «всемирную историю» X в., не позднее середины XI в. переложенную с греческого языка, как принято считать, в Киеве¹¹. На Руси Хроника была весьма популярна на протяжении всего Средневековья (полностью и в отрывках сохранилось около 30 списков, старший датируется первой третью XIV в.¹²). Также в Киевской Руси был переведен в XII в. с греческого языка и сам Томос, дополненный в славянской версии историческим введением и комментариями и известный в настоящее время в 42 списках XV–XVII вв.¹³

Также авторитет папы Льва особо подчеркнут в полемическом послании конца XI в., написанном киевским митрополитом, греком Иоанном II (митрополит с 1076/1077 г.; ум. 1089 г.) к антипапе Клименту III (годы понтификата: 1080–1099). Послание сохранилось как в виде греческого текста (в четырех списках XIII–XV вв.), так и в славянском переводе: известно не менее 40 списков, датируемых XIV – началом XV в.¹⁴ В риторической конструкции киевского митрополита решения первых семи Вселенских соборов трактуются как составляющие православной доктрины, с которой римские папы прежних лет находились в «единомыслии», причем Томос Льва I особо выделен в качестве важнейшего текста: на нем основывается то прежнее согласие между константинопольским патриархатом и папским престолом, от которого последний, по мысли Иоанна II, отступил, вопреки установлениям, принятым «в ветхом Риме»¹⁵.

Ценными историческими источниками для выяснения характера почитания папы Льва в православной традиции являются памятники византийской гимнографии: служебные Минеи содержат прославление памяти римского понтифика как выдающегося деятеля церкви, причем в этих источниках особо подчеркнуто вероучительное значение Томоса для ниспровержения монофиситов. Память Льва I отмечалась 18 февраля: считается, что в этот день понтифику был посвящен храм в Константинополе¹⁶. Обзор греческих рукописей февральских Миней X–XIV вв., сохранивших текст службы папе Льву, выполнен Г. Ротэ¹⁷. Греческая служба представляет собой оригинальное сочинение византийских гимнографов, причем в ее состав входит и канон, авторство которого приписывается знамени-

¹⁰ Истрин 1920, 403.

¹¹ Творогов 1975, 11; Франклин 1988, 325–326.

¹² Анисимова 2009, 11–14.

¹³ Полонский 2013, 108–109; 2014, 130–174; 2015, 66–67. К упомянутым в этих статьях спискам следует добавить еще два нововыявленных: НИОР РГБ. Ф. 98. № 117. Л. 237об.–243 (последняя четверть XV в.); НИОР РГБ. Ф. 299. № 456. Л. 183–194об. (1520–1530-е гг.).

¹⁴ Поньрко 1992, 29–30.

¹⁵ Поньрко 1992, 31.

¹⁶ Сергей 1997, 76.

¹⁷ Rothe 2006, XXIX–XXXII.

тому автору IX в. Феофану Начертанному (ум. 845 г.) – палестинскому, затем константинопольскому (с 813 г.) монаху, а с 843 г. – митрополиту Никейскому¹⁸.

В труде боннских славистов под редакцией Г. Ротэ наряду с греческим текстом службы папе Льву Великому опубликован и древнейший восточнославянский перевод службы понтифику с разночтениями по нескольким рукописям XII–XIII вв.¹⁹ Указание на авторство канона Феофана Начертанного, однако, фигурирует только в греческих, но не ранних восточнославянских списках. Южнославянские рукописи для издания не привлекались. Однако, как показали наши наблюдения, кодексы Миней болгарского и сербского происхождения XIII–XVII вв., хранящиеся в собраниях Одесской национальной научной библиотеки²⁰ (далее — ОННБ), Национальной Библиотеки свв. Кирилла и Мефодия²¹ (далее — НБКМ) и Научного архива Болгарской Академии наук²² (далее — НА БАН) в Софии, Архиве Сербской Академии наук и искусств²³ (далее — АСАНУ) в Белграде, Белградской университетской библиотеки им. С. Марковича²⁴ (далее — УБ), а также библиотеки Великой Лавры св. Афанасия на Афоне²⁵ (далее — ВЛ) под 18 февраля также содержат службу папе Льву. Текст службы понтифику в этих рукописях содержит ряд разночтений с древнейшими восточнославянскими списками, однако, несомненно, представляет собой не оригинальное сочинение, а перевод с греческого языка. В ряде рукописей указано авторство канона, отмеченное словом «феофаново» либо монограммой²⁶. Как свидетельствуют записи, некоторые из названных кодексов точно датированы и выполнены известными и плодовитыми южнославянскими книгописцами: так, рукопись НБКМ № 913 переписана в 1546 г., как считается, уроженцем Западной Македонии Виссарионом Дебарским²⁷ в Слел-

¹⁸ Никифорова 2012, 150–151, 163; подробнее о Феофане Начертанном см. Sode 2001.

¹⁹ Rothe 2006, 536–580.

²⁰ Одеська національна наукова бібліотека ім. М. Горького. Відділ рідкісних видань і рукописів. № 1/5 (Миней празничная на февраль–август (без марта), среднеболгарская, вторая половина XIII в.). Л. 26об.–28об. Происходит из Зографского монастыря на Афоне. Описание рукописи: Шмидт 1984, 304, № 360.

²¹ Национална Библиотека «Св. Св. Кирил и Методий». Отдел «Ръкописи и старопечатни книги». № 895 (Миней служебная на декабрь–февраль, сербская, конец XIII – начало XIV в.). Л. 86об.–88; № 902 (Миней служебная на февраль–март, среднеболгарская, конец XV в.). Л. 58–69об.; № 904 (Миней служебная на февраль–март, сербская, конец XV – начало XVI в.). Л. 70–73; № 913 (Миней служебная на февраль, болгарская, 1546 г.). Л. 96–100об.; № 141 (Миней служебная на февраль, сербская (ресавская), 1608 г.). Л. 75–78об.

²² Научен архив на Българската академия на науките. № 32 (Миней служебная на февраль, сербская, последняя четверть XVI в.). Л. 119об.–123.

²³ Архив Српске академије наука и уметности. Збирка рукописних и старих штампаних књига. Стара збирка. № 11 (Миней служебная на февраль, сербская, ок. 1400 г.). Л. 90–93. Литература о кодексе указана в каталоге: Богдановић 1982, № 549.

²⁴ Универзитетска библиотека «С. Марковић» (Београд). Збирка В. Ћоровића, № 12 (Миней служебная на февраль, сербская, 1550/1560-е гг.). Л. 89об–94об. Литература о кодексе: Богдановић 1982, № 553.

²⁵ Библиотека монастыря Великая Лавра (Афон), № Z 53 (Миней служебная, февраль, среднеболгарская, начало XIV в.). Л. 64–67. Эта рукопись изучалась мной по микрофильму, хранящемуся в Патриаршем институте патрологических исследований при монастыре Влатадон (Фессалоники).

²⁶ НБКМ. № 904. Л. 70об.; НБКМ. № 913. Л. 97об.; НА БАН. № 32. Л. 120; УБ. Збирка В. Ћоровића, № 12. Л. 90.

²⁷ О Виссарионе и особенностях его письма: Ангелов 1978, 156–248; Николова 1996, 363–402; Узунова 1996, 543–554.

ченском монастыре св. Иоанна Предтечи²⁸; а кодекс НБКМ № 141 в 1608 г. писан в монастыре св. Троицы близ г. Враца сербским монахом Йовом Шишатовцем, трудившимся в скрипториях нескольких монастырей Болгарии, а после 1615 г. и на Афоне²⁹.

В свою очередь, русская традиция распространения в рукописях православной службы папе Льву не ограничивалась XII в.: ее текст содержат, в частности, списки февральских Миней XV–XVI вв. из собраний Иосифо-Волоколамского монастыря³⁰ и Троице-Сергиевой лавры³¹.

При этом в названии службы статус понтифика в церковной иерархии обозначался не всегда одинаково: в частности, в старших восточнославянских списках XII в.³², как и в одной сербской рукописи конца XIII – начала XIV в.³³, Лев Великий назван «патриархом». Заметим, что в средневековом дипломатическом этикете эпистолярного общения светского православного властителя подобное титулование верховного иерарха латинской Церкви также встречается. Так, воевавший с Византией и добывавший автокефалии Болгарской церкви царь болгар Калоян (1197–1207) обращался к папе римскому Иннокентию III (1198–1216), называя его «патриархом» («*Caloiohannes imperator Bulgarorum sanctissimo domino fidei christianorum ab oriente usque ad occidentem patriarche pape romano*»)³⁴ в послании 1203 г., прошедшем, по-видимому, две стадии перевода: со славянского языка на греческий, а затем с греческого на латинский³⁵. Однако в древнейшей славянской рукописи, сохранившей краткую месяцесловную память о Льве Великом – болгарском Енинском Апостоле (XI в.), – понтифик фигурирует как «папеж»³⁶, и так же он назван в старшем из известных южнославянских списков службы (вторая половина XIII в.)³⁷, но в заголовках служб в поздних болгарских³⁸, русских³⁹ и сербских⁴⁰ списках XV–XVII в. Лев Великий упомянут только как «папа».

²⁸ Христова, Караджова, Узунова 2004, 211, прим. 167.

²⁹ Христова, Караджова, Узунова 2004, 231, прим. 256; Трифуновић 2009, 116; Турилов 2010, 320–321. Отмечу, что детальная критическая рецензия (Турилов 2009, 342–343) на опубликованный свод записей болгарских и работавших в Болгарии книгописцев не содержит замечаний и дополнений относительно примечаний составителей к записям Виссариона Дебарского и Иова Шишатоваца.

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 113. № 99. Л. 135об.–140об.

³¹ НИОР РГБ. Ф. 304. I. № 523. Л. 127об.–133; Ф. 304. I. № 524. Л. 138об.–144об.; Ф. 304. I. № 525. Л. 83–86; Ф. 304. I. № 526. Л. 131–135об.

³² Rothe 2006, 536.

³³ НБКМ. № 895. Л. 86об.

³⁴ Дуйчев 1944, 6.

³⁵ Об обстоятельствах переписки царя Калояна с папой Иннокентием III: Данчева-Василева 1985, 38–44, 47–48. Существенно, что в современной болгарской историографии отношения Велико Тырново и Рима в 1204–1232 гг. трактуются как временная «церковная уния» (Гюзелев 2009, 138–145), однако за политическим сближением болгарского двора и высшего духовенства с римскими папами и признанием предстоятелем болгарской церкви примата Рима, насколько известно, не последовало канонических, литургических, монастырских или иных внутренних реформ духовного управления в Болгарии.

³⁶ НБКМ. № 1144. Л. 4об., ср. издание текста: Мирчев, Кодов 1965, 23.

³⁷ ОННБ. № 1/5. Л. 26об.

³⁸ ВЛ. № Z 53. Л. 64; НБКМ. № 904. Л. 70; НБКМ. № 913. Л. 96.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 113. № 99. Л. 135об.; Ф. 304. I. № 523. Л. 127об.; Ф. 304. I. № 524. Л. 138об.; Ф. 304. I. № 525. Л. 83; Ф. 304. I. № 526. Л. 131.

⁴⁰ НБКМ. № 141. Л. 75; НБКМ. № 902. Л. 58; НА БАН. № 32. Л. 119об.; АСАНУ. № 11. Л. 90; УБ. Збирка В. Поровића, № 12. Л. 89об.

Таким образом, анализ рукописной традиции гимнографических памятников позволяет полагать, что на протяжении XII–XVII вв. служба римскому папе Льву Великому ежегодно звучала в православных греческих, болгарских, русских и сербских храмах. Содержательные особенности службы папе Льву рассмотрены ниже в связи с историей бытования в русских рукописях единственного источника, в котором, вопреки авторитету Вселенских соборов и православной церковно-административной иерархии, содержится обоснование доктрины папы Льва о примате Рима.

Обстоятельства распространения в славянских юридических памятниках текстов, утверждающих эту доктрину, давно привлекли внимание исследователей. В конце XIX в. выдающимся историком права А.С. Павловым в составе двух списков Кормчих книг была выявлена и опубликована переведенная с греческого языка статья «О строении пресвятого престола Константина града» (далее – «О строении...»), содержащая две схолии, в которых вопреки 28 правилу IV Вселенского собора утверждается «независимость иерархического достоинства епископских кафедр от политической важности городов, в которых они находятся, и Константинопольский патриарх принижается пред Римским папою как носителем такой духовной власти, которая утверждается не на мирском величии Рима, а на богодарованных преимуществах основателя Римской церкви апостола Петра, унаследованных и его преемниками»⁴¹. Указав на «глубокую древность славянского языка статьи» и основываясь на паннонском агиографическом предании о переводе старшим из первоучителей славян Мефодием византийского номоканона, тогда как «миссионерская и литературная деятельность св. Мефодия имела место в пределах Римского патриархата», исследователь счел, что именно Мефодию, получившему архиепископское поставление из Рима, следует атрибутировать схолии о примате Рима над Константинополем⁴². Открытия и наблюдения А.С. Павлова стали предметом широкого научного обсуждения⁴³. Кроме того, после публикации работы А.С. Павлова статья «О строении...» неоднократно переиздавалась⁴⁴, в том числе с привлечением греческих списков, выявленных крупнейшим исследователем византийских номоканонов В.Н. Бенешевичем⁴⁵. Полемизируя с предшественниками, но согласившись с Н.П. Рутковским, впервые предположившим не моравское, а болгарское происхождение перевода⁴⁶, С.В. Троицкий пришел к выводу, что изначально проримский текст был написан и вставлен в византийский канонический Сборник 14 титулов (Синтагму 14 титулов без толкований) папским библиотекарем в Риме Анастасием или близким к нему лицом около 864 г. в процессе обработки этого сборника перед отправкой его в Болгарию, а в «последней четверти IX века в восточной Болгарии, вероятно в Преславе», переведен на

⁴¹ Павлов 1897, 144.

⁴² Павлов 1897, 145–147.

⁴³ Grivec 1921, 82–101; Рутковский 1929, 149–151, 155–168; Троицкий 1961, 5–47; Щапов 1978, 82–88, 98–100; Максимович 2006, 81–82, 86–87.

⁴⁴ Grivec 1921, 94–96; Рутковский 1929, 153–154; Троицкий 1961, 49–61.

⁴⁵ Benešević 1936, 103–105; Бенешевич 1987, 56–63. Во второй из отмеченных работ, опубликованной спустя почти полвека после трагической гибели ученого, переиздание осуществлено уже по четырем восточнославянским спискам XV – начала XVI в.

⁴⁶ Рутковский 1929, 168.

славянский язык⁴⁷. Однако Я.Н. Шапов, допускавший, что канонический сборник был привезен в Болгарию «не из Византии, а с какой-то территории, находившейся под юрисдикцией Римского папы», но избегавший атрибуции схолий кругу библиотекаря Анастасия, убедительно показал, что перевод византийского памятника на славянский язык не мог быть осуществлен ранее 912 г., то есть уже в то время, когда Рим лишился власти над Болгарской Церковью, а в Болгарии правил князь (с 918 г. – царь) Симеон⁴⁸. Также Я.Н. Шапов составил схему текстологических связей списков Древнеславянской Кормчей, в том числе и содержащих статью «О строении...» вместе со схолиями⁴⁹. В другой работе исследователь связывал появление переводной Древнеславянской Кормчей «с последними годами деятельности Симеона (893–927) и созданием вскоре после 916–917 гг. автокефальной болгарской церковной организации»⁵⁰. Последнее известное нам исследование этой проблематики принадлежит К.А. Максимовичу, который, детально изложив историографию изучения схолий к статье «О строении...» и подробно структурировав содержание этой статьи с указаниями на канонические источники, заново издал славянский текст с уточнениями и на основании лингвистического анализа подтвердил хронологические выводы Я.Н. Шапова, отметив, что состав статьи «О строении...» «не свидетельствует о том, что ее источником послужила византийская Синтагма 14 титулов без толкований», тогда как греческий оригинал статьи содержит ссылку на другой канонический сборник – Собрание 50 титулов Иоанна Схоластика⁵¹.

Таким образом, если вопрос о времени и месте перевода статьи «О строении...» благодаря обстоятельному и многостороннему изучению несколькими поколениями исследователей открытого А.С. Павловым памятника получил относительное разрешение, то непоясненным остается вопрос о причинах, вследствие которых в Древнеславянскую Кормчую вошли, но не были исправлены схолии к этой статье, отражающие доктрину папы Льва, противоречащую и соборным установлениям, и православной церковно-административной иерархии. Включение этих текстов в греческий кодекс, с которого был осуществлен перевод в Болгарии в начале X в., можно попытаться объяснить, как это сделал Я.Н. Шапов, не рациональными причинами, а случайностью⁵², но даже при такой интерпретации остается неясным, почему проримские схолии, отвергающие 28 правило IV Вселенского собора и прямо противоречащие основному содержанию статьи «О строении...», не были исключены славянскими книжниками ни в Болгарии, ни на Руси после проникновения туда Древнеславянской Кормчей⁵³.

Возможное объяснение причин сохранения проримских схолий может быть связано с тем обстоятельством, что они в значительной мере согласуются с православием папы Льва, содержащемся в тексте отмеченной выше православной

⁴⁷ Троицкий 1961, 24–27, 34–38.

⁴⁸ Шапов 1978, 67, 96–98; Бакалов 1995, 161.

⁴⁹ Шапов 1978, 48.

⁵⁰ Шапов 1976, 125.

⁵¹ Максимович 2006, 78–88.

⁵² Шапов 1978, 88.

⁵³ Ср. замечание А.А. Пичхадзе, исследовавшей лексику памятника: «Нет сомнений, что русский список XII в. восходит к протографу, созданному южнославянскими книжниками...» (Пичхадзе 2011, 22).

службы в память понтифика. В первой, наиболее обширной и ключевой по смыслу схолии утверждается, что главенство в церкви Иисусом Христом было завещано апостолу Петру; здесь же содержится ссылка на авторитет «блаженного» папы Льва, тогда как Константинопольский патриарх Анатолий назван только «епископом». Автор схолии также особо отмечено, что римский папа в силу почетного статуса преемника престола св. Петра стоит выше Вселенских соборов: он не обязан лично являться на соборы, но, напротив, соборы не могут, по мысли автора схолии, проходить без участия папских легатов⁵⁴.

В свою очередь, в начале древнейшего славянского текста службы, в первой ее стихире, папа Лев воспевается и превозносится как «глава правоверия церкви христовой»⁵⁵. В славянском переводе византийского канона, авторство которого приписывается Феофану Начертанному, о папе Льве сказано как о «наследнике» апостола Петра, имеющем его «волю и рвение веры» (песнь первая канона 8 гласа), затем эта характеристика повторяется и усиливается, и о статусе папы Льва говорится уже как о «первонаместии» (песнь шестая)⁵⁶. Также гимнограф дважды уподобляет деятельность папы Льва утреннему сиянию, приходящему, согласно авторской метафорике, с противоположной Востоку стороны: в тексте службы провозглашается, что «треблаженный» папа Лев явился, подобно «утру, от Запада», а его Томос, охарактеризованный как «свиток благочестивых повелений», сравнивается с «лучом», который понтифик послал, «озаря души» верующих (песнь четвертая); а также сообщается, что папа Лев, «весь светел, яко солнце», воссиявшее опять же «от Запада», явился «собору честных учителей, вопия: дети, благословите» (песнь восьмая)⁵⁷. Последние слова показывают, что гимнограф, в отличие от автора схолии, очевидно, не был осведомлен о том, что папа Лев, который отправил на IV Вселенский собор в 451 г. своих легатов, не принимал личного участия в заседаниях собора⁵⁸. Вместе с тем символика «отцовского» и «сыновнего» в общении между римским папой и присутствовавшими в Халкидоне епископами, хотя и не отвечает действительным историческим обстоятельствам⁵⁹, однако вполне показательно демонстрирует представления славянского переводчика об иерархических отношениях понтифика и собора. Наконец, в финале службы (песнь девятая) содержится резюмирующая характеристика «всеславного» папы Льва как иерарха — своеобразный итог песнопения, где понтифик назван «истинным патриархом», которому принадлежит церковное «первостояние» как «престола», так и «чина»⁶⁰. Конечно, гимнографический жанр, в отличие от юридического текста схолии в Кормчей, не предполагал подробного обоснования иерархических взаимоотношений между предстоятелями Западной и Восточной Церквей, однако статус первой из них в интерпретации гимнографа обозначен вполне ясно. Распространение на протяжении столетий православной церковной службы папе Льву, содержащей приведенные пассажи, заставляет критически от-

⁵⁴ Максимович 2006, 80, 84.

⁵⁵ Rothe 2006, 538.

⁵⁶ Rothe 2006, 546, 562.

⁵⁷ Rothe 2006, 555, 568, 570.

⁵⁸ Sellers 1961, 101.

⁵⁹ Ср. послания папы Льва, обращенные к участникам IV Вселенского собора: Schwartz 1932, 51–53, 70–71.

⁶⁰ Rothe 2006, 578.

нестись к встречающимся в историографии категорическим утверждениям о том, что «отношения древнерусской Церкви к латинству состояли в исключительно-сти, отчужденности и замкнутости», причем «отчуждение от латинства доходило до раздражительности и тайного или явного нерасположения к тому, что носило на себе следы латинства»⁶¹.

Итак, источники XII–XVII вв. свидетельствуют о широкой византийской, а затем и обусловленной ею славянской традиции ежегодных песнопений, прославляющих папу Льва как первоиерарха Церкви. Парадокс состоял в том, что эти восхваления, помимо похвалы святителю за его выдающуюся роль в борьбе с монофиситами, также служили гимнографическим воплощением церковно-политической доктрины самого папы Льва о примате Рима и папского престола над прочими епископскими кафедрами христианского мира. Несмотря на смысловое расхождение содержания песнопений во славу понтифика с иерархическими установлениями православной Восточной Церкви, служба папе Льву не была ни в каком смысле маргинальным сочинением и, очевидно, регулярно воспроизводилась на протяжении XII–XVII веков в храмах на Руси, в Болгарии и Сербии. Можно полагать, что содержание этих прославлений послужило причиной, вследствие которой русские редакторы Древнеславянской Кормчей в XV–XVI вв. сохранили в составе нескольких рукописей этого памятника схолию, обосновывавшую воззрения римского папы Льва Великого.

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелов, Б. 1978: *Из старата българска, руска и сръбска литература*. Кн. 3. София.
- Анисимова, Т.В. 2009: *Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв.* М.
- Бакалов, Г. 1995: *Средновековният български владетел (Титулатура и инсигнии)*. София.
- Бенешевич, В.Н. 1987: Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Ю.К. Бегунов, И. С. Чичуров, Я. Н. Щапов (подгот. к изд. и доп.). *Труд В.Н. Бенешевича*. Т. 2. София.
- Богдановић, Д. 1982: *Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI–XVII века)*. Белград.
- Гюзелев, В. 2009: *Папството и българите през Средновековието (IX–XV в.)*. Пловдив.
- Данчева–Василева, А. 1985: *България и Латинската империя (1204–1261)*. София.
- Дуйчев, И. 1944: *Из старата българска книжнина. Кн. II: Книжовни и исторически паметници от Второто Българско царство*. София.
- Задворный, В.Л. 2011: *Сочинения Римских понтификов эпохи поздней Античности и раннего Средневековья (I–IX вв.)*. М.
- Истрин, В.М. 1920: *Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе*. Т. 1. Пг.
- Козлов, А.С. 1983: Основные направления политической оппозиции правительству Византии в 50 – начале 70-х гг. V в. В сб.: *Античная древность и средние века*. Свердловск, 24–39.
- Максимович, К.А. 2006: К вопросу о «мефодиевских» папистских схолиях в Кормчей Ефремовской редакции, *Славяноведение* 2, 78–88.

⁶¹ Синайский 1899, 4, 18.

- Мейендорф, И., протопр. 2012: *Единство империи и разделения христиан: Церковь в 450–680 гг.* М.
- Мирчев, К., Кодов, Х. 1965: *Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в.* София.
- Никифорова, А.Ю. 2012: *Из истории Минеи в Византии: Гимнографические памятники VIII–XII вв. из собрания монастыря святой Екатерины на Синае.* М.
- Николова, С. 1996: Ръкописи за Висарион Дебърски и текстова традиция на Стария завет. В кн.: *Българският XVI в.: Сборник с доклади за българската обща и културна история през XVI в.* София, 363–402.
- Павлов, А. 1897: Анонимная греческая статья о преимуществах Константинопольского патриаршего престола и древнеславянский перевод ее с двумя важными дополнениями. *Византийский временник* IV (1–2), 143–154.
- Пичхадзе, А.А. 2011: *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект.* М.
- Полонский, Д. Г. 2013: Почему киевский монах Феодосий Грек перевел послание римского папы Льва Великого? (К проблемам мотивации книжника и датировки восточнославянского памятника XII в.). *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 3(53), 108–109.
- Полонский, Д.Г. 2014: Историческая эрудиция составителя “Слова о Халкидонском соборе”. “*Slověne = Slověne*”. *International Journal of Slavic Studies* 3(2), 130–174.
- Полонский, Д.Г. 2015: Поучения отцов Церкви о Вселенских соборах в книгописной традиции восточнославянской гомилетики XV–XVII вв. *Вестник Российского государственного гуманитарного университета* 9, 63–70.
- Понырко, Н.В. 1992: *Эпистолярное наследие Древней Руси, XI–XIII. Исследования, тексты, переводы.* СПб.
- Рутковский, Н.П. 1929: Латинские схолии в Кормчих книгах. *Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова* III, 149–168.
- Сергий (Спасский), архиеп. 1997: *Полный месяцеслов Востока.* Т. III. М.
- Синайский, А., свящ. 1899: *Отношения древнерусской Церкви и общества к латинскому Западу (католичество).* X–XV в. СПб.
- Творогов, О.В. 1975: *Древнерусские хронографы.* Ленинград.
- Троицкий, С. В. 1961: Кто включил папистическую схолию в православную Кормчую. *Богословские труды* 2, 5–61.
- Трифуновић, Ђ. 2009: *Стара српска књижевност. Основи.* Београд.
- Турилов, А. А. 2009: Старые заблуждения и новые «блохи» [Рец. : Христова, Б., Караджова, Д., Узунова, Е. *Бележки на български книжовници. X–XVIII в.* София: Народна библиотека “Кирил и Методий”, 2003–2004. Т. 1 (X–XV вв.), 248 с., ил.; Т. 2 (XVI–XVIII вв.), 388 с., ил., указатели]. *Вестник церковной истории* 1/2 (13/14), 321–361.
- Турилов, А.А. 2010: Иов Шишатов. *Православная энциклопедия* XXV, 320–321.
- Узунова, Е. 1996: Характеристика на някои палеографски и правописно-езикови особености в скрипторски бележки на Висарион Дебърски. В кн.: *Българският XVI в.: Сборник с доклади за българската обща и културна история през XVI в.* София, 543–554.
- Франклин, С. 1988: К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык. *Труды Отдела древнерусской литературы.* XLI, 324–330.
- Христова, Б., Караджова, Д., Узунова, Е.: 2004. *Бележки на български книжовници X–XVIII век.* Т. 2 (XVI–XVIII вв.). София.
- Шмидт, С. О. (ред.) 1984: *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* М.
- Щапов, Я.Н. 1976: Рецепция сборников Византийского права в средневековых Балканских государствах. *Византийский временник* 37, 123–129.

- Щапов, Я.Н. 1978: *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв.* М.
- Arens, H. 1982: *Die christologische Sprache Leos des Grossen: Analyse des Tomus an den Patriarchen Flavian.* Freiburg–Basel–Wien.
- Bartnik, Cz. 1972: *Teologia historii według Leona Wielkiego.* Lublin.
- Benešević, V. 1936: Zur Slavischen Scholie angeblich aus der Zeit der Slavenapostel. *Byzantinische Zeitschrift* 36, 101–105.
- Dvornik, F. 1966: *Byzantium and the Roman Primacy.* Translated by E.A. Quain. New York.
- Grivec, F. 1921: *Cerkveno prvenstvo i edinstvo po bizantinskem pojmovanju. Doctrina Byzantina de primatu et unitate ecclesiae.* Ljubljana.
- Jalland, T. 1941: *The Life and Times of St. Leo the Great.* London.
- Klinkenberg, H. M. 1952: Papsttum und Reichskirche bei Leo d. Gr. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung* 38, 37–112.
- Neil, B. 2009: *Leo the Great.* London–New York.
- Rothe, H. (hrsg.) 2006: *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Teil 2: 10 bis 19. Februar.* Paderborn–München–Wien–Zürich.
- Sellers, R.V. 1961: *The Council of Chalcedon: A Historical and Doctrinal Survey.* London.
- Schwartz, E. (ed.) 1932: *Acta conciliorum oecumenicorum. Iussu atque mandato Societatis Scientiarum Argentoratensis.* T. 2.4.2. Berolini–Lipsiae.
- Schwartz, E. (ed.) 1936: *Acta conciliorum oecumenicorum. Concilium universale Chalcedonense.* T. 2.2.2. Berolini–Lipsiae. T. 2.2.2.
- Sode, C. 2001: *Jerusalem — Konstantinopel — Rom: Die Viten des Michael Synkellos und der Brüder Theodoros und Theophanes Graptoi.* Stuttgart.
- Ullmann, W. 1960: Leo I and the Theme of Papal Primacy. *Journal of Theological Studies* XI (1), 25–51.
- Wessel, S. 2008: *Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome.* Leiden–Boston.

REFERENCES

- Angelov, B. 1978: *Iz starata b"lgarska, ruska i sr"bska literatura.* Kn. 3. Sofiya.
- Anisimova, T.V. 2009: *Khronika Georgiya Amartola v drevnerusskikh spiskakh XIV–XVII vv.* М.
- Arens, H. 1982: *Die christologische Sprache Leos des Grossen: Analyse des Tomus an den Patriarchen Flavian.* Freiburg–Basel–Wien.
- Bakalov, G. 1995: *Srednovekovniyat b"lgarski vladetel (Titulatura i insignii).* Sofiya.
- Bartnik, Cz. 1972: *Teologia historii według Leona Wielkiego.* Lublin.
- Benešević, V. 1936: Zur Slavischen Scholie angeblich aus der Zeit der Slavenapostel. *Byzantinische Zeitschrift* 36, 101–105.
- Beneshevich, V.N. 1987: *Drevneslavyanskaya kormchaya XIV titulov bez tolkovaniy.* In: Yu.K. Begunov, I. S. Chichurov, Ya. N. Shchapov (podgot. k izd. i dop.), *Trud V.N. Beneshevicha.* T. 2. Sofiya.
- Bogdanović, D. 1982: *Inventar čirilskih rukopisa u Jugoslaviji (XI–XVII veka).* Beograd.
- Dancheva–Vasileva, A. 1985: *B"lgariya i Latinskata imperiya (1204–1261).* Sofiya.
- Duychev, I. 1944: *Iz starata b"lgarska knizhnina. Kn. II: Knizhovni i istoricheski pametnitsi ot Vtoroto B"lgarsko tsarstvo.* Sofiya.
- Dvornik, F. 1966: *Byzantium and the Roman Primacy.* Translated by E.A. Quain. New York.
- Franklin, S. 1988: K voprosu o vremeni i meste perevoda Khroniki Georgiya Amartola na slavyanskiy yazyk. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* XLI, 324–330.

- Grivec, F. 1921: *Cerkveno prvenstvo i edinstvo po bizantinskem pojmovanju. Doctrina Byzantina de primatu et unitate ecclesiae*. Ljubljana.
- Gyuzelev, V. 2009: *Papstvo i b''lgarite prez Srednovekovieto (IX–XV v.)*. Plovdiv.
- Istrin, V.M. 1920: *Knigi vremennye i obraznye Georgiya Mnikha: Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode*. T. 1. Pg.
- Jalland, T. 1941: *The Life and Times of St. Leo the Great*. London.
- Khristova, B., Karadzhova, D., Uzunova, E.: 2004. *Belezhki na b''lgarski knizhovnitsi X–XVIII vek*. T. 2 (XVI–XVIII vv.). Sofiya.
- Kozlov, A.S. 1983: Osnovnye napravleniya politicheskoy oppozitsii pravitel'stvu Vizantii v 50 – nachale 70-kh gg. V v. V sb.: *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. Sverdlovsk, 24–39.
- Maksimovich, K.A. 2006: K voprosu o 'mefodievskikh' papistskikh skholiyakh v Kormchey Efremovskoy redaktsii. *Slavyanovedenie* 2, 78–88.
- Meyendorff, I., protopr. 2012: *Edinstvo imperii i razdeleniya khristian: Tserkov'v 450–680 gg*. Moscow.
- Mirchev, K., Kodov, Kh. 1965: *Eninski apostol. Starob''lgarski pametnik ot XI v*. Sofiya.
- Nikiforova, A. Yu. 2012: *Iz istorii Minei v Vizantii: Gimnograficheskie pamyatniki VIII–XII vv. iz sobraniya monastyrja svyatoy Ekateriny na Sinae*. Moscow.
- Nikolova, S. 1996: R''kopisi za Visarion Deb''rski i tekstova traditsiya na Stariya zavet. V kn: *B''lgarskiyat XVI v.: Sbornik s dokladi za b''lgarskata obshcha i kulturna istoriya prez XVI v*. Sofiya, 363–402.
- Pavlov, A. 1897: Anonimnaya grecheskaya stat'ya o preimushchestvakh Konstantinopol'skogo patriarshego prestola i drevneslavyanskiy perevod ee s dvumya vazhnymi dopolnениями. *Vizantiyskiy vremennik* IV (1–2), 143–154.
- Pichkhadze, A. A. 2011: *Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongol'skoy Rusi: lingvisticheskyy aspekt*. Moscow.
- Polonski, D.G. 2013: Pochemu kievskiy monakh Feodosiy Grek perevel poslanie rimskogo papy L'va Velikogo? (K problemam motivatsii knizhnika i datirovki vostochnoslavianskogo pamyatnika XII v.). *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* 3(53), 108–109.
- Polonski, D.G. 2014: Istoricheskaya jeruditsiya sostavitelya "Slova o Khalkidonskom sobore". *Slovene. International Journal of Slavic Studies* 3(2), 130–174.
- Polonski, D.G. 2015: Poucheniya otsov Tserkvi o Vselenskikh soborakh v knigopisnoy traditsii vostochnoslavianskoy gomileтики XV–XVII vv. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* 9, 63–70.
- Ponyrko, N. V. 1992: *Jepistol'yarnoe nasledie Drevney Rusi, XI–XIII. Issledovaniya, teksty, perevody*. Saint-Petersburg.
- Rutkovskiy, N.P. 1929: Latinskie skholii v Kormchikh knigakh. *Sbornik statey po arkheologii i vizantinovedeniyu, izdavaemyy seminariem imeni N.P. Kondakova III*, 149–168.
- Sergiy (Spasskiy), arkhiep. 1997: *Polnyy mesyatseslov Vostoka*. T. III. Moscow.
- Shchapov, Ya.N. 1976: Retseptsiya sbornikov Vizantiyskogo prava v srednevekovykh Balkanskikh gosudarstvakh. *Vizantiyskiy vremennik* 37, 123–129.
- Shchapov, Ya.N. 1978: *Vizantiyskoe i yuzhnoslavianskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv*. Moscow.
- Shmidt, S.O. (red.) 1984: *Svodnyy katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhysya v SSSR. XI–XIII vv*. Moscow.
- Sinayskiy, A., svyashch. 1899: *Otnosheniya drevnerusskoy Tserkvi i obshchestva k latinskomu Zapadu (katolichestvu). X–XV v*. Saint-Petersburg.
- Trifunovič, G. 2009: *Stara srpska knizhevnost. Osnovi*. Beograd.
- Troitskiy, S. V. 1961: Kto vkluchil papisticheskuyu skholiyu v pravoslavnuyu Kormchuyu. *Bogoslovskie trudy* 2, 5–61.

Turilov, A. A. 2009: Starye zabluzhdeniya i novye «blokhi» [Rets.: Khristova, B., Karadzova, D., Uzunova, E. *Belezhki na b"lgarski knizhovnitsi. X–XVIII v.* Sofiya: Narodna biblioteka "Kiril i Metodiy", 2003–2004. T. 1 (X–XV vv.), 248 s., il.; T. 2 (XVI–XVIII vv.), 388 s., il., ukazateli]. *Vestnik tserkovnoy istorii* 1/2 (13/14), 321–361.

Turilov, A.A. 2010: Iov Shishatovats. *Pravoslavnyaya jentsiklopediya*. XXV, 320–321.

Tvorogov, O.V. 1975: *Drevnerusskie khronografy*. Leningrad.

Uzunova, E. 1996: Kharakteristika na nyakoi paleografski i pravopisno-eyikovi osobenosti v skriptorski belezhki na Visarion Deb"rski. In: *B"lgarskiyat XVI v.: Sbornik s dokladi za b"lgarskata obshcha i kulturna istoriya prez XVI v.* Sofiya, 543–554.

Zadornyy, V. L. 2011: *Sochineniya Rimskikh pontifikov jepokhi pozdney Antichnosti i ranego Srednevekov'ya (I–IX vv.)*. Moscow.

CHURCH POLITICS AND DOCTRINE OF POPE LEO THE GREAT IN SLAVONIC SOURCES OF THE 12th – 17th CENTURIES

Dmitri G. Polonski

Archive of the Russian Academy of Sciences, Russia,
dpolon@gmail.com

Abstract. The article focuses on a problem of perception of the church politics and views of Pope Leo the Great (pontiff in 440–461) reflected in the East and South Slavonic written sources of the 12th – 17th centuries. The veneration of Pope Leo in the Byzantine Empire as well as in the Slavic lands was based on the fact that his main theological work had been crucial to the overthrow of the doctrinal supremacy of monophysitism, and became a part of acts accepted by the Fourth Ecumenical Council in Chalcedon (451). The works of Byzantine hymnography are very noteworthy among the various historical sources that characterize the veneration of Pope Leo in the Orthodox tradition. The Greek Office Menaion for February include the glorification of the memory of the Roman pontiff as «the leader of Orthodoxy», prominent «successor of St. Peter», and even as «the second Moses». The translation of this hymnographic work from Greek into Slavonic became known in Rus not later than the 12th century. As shown by studies of the Slavonic manuscripts in the libraries and archives of Bulgaria and Serbia, the text of this church service including the glorification of Pope Leo began to spread in the South Slavic lands not later than the end of the 13th — early 14th century. However the wide disseminated text of the Orthodox service dedicated to the glorifying of Pope Leo in Greek, Eastern and South Slavonic manuscripts of the Office Menaion is in many respects in line with his doctrine about the Roman primacy over the other centers of the Christian world. This circumstance likely was the reason for preservation of the pro-Roman scholia in some Eastern Slavonic manuscripts of Kormchaia (Πηδάλιον).

Key words: Leo the Great, Fourth Ecumenical Council, Office Menaion, Kormchaia, Slavonic manuscript tradition

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 255–277
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 255–277
© Автор(ы) 2016

РОССИКА КАК ЧАСТЬ НЮРНБЕРГСКИХ СЧЕТНЫХ ЖЕТОНОВ XVIII–XIX ВВ.

И.В. Руденко*, И.В. Мицкевич**

* ООО «Аромадон», Ростов-на-Дону,

riv1515@yandex.ru

** Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,

irisha061@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена недостаточно изученному объекту исследования – части нюрнбергских счетных жетонов (нем. *gechenpfennig*) XVIII–XIX веков, относящихся к особому направлению – россике, где на аверсах изображены портреты русских императоров. Эмпирический материал составили предметы из нумизматических собраний музеев мира (Россия, США, Западная Европа) и частных коллекций. В музейных фондах эта тема представлена фрагментарно, разрозненно, поэтому осуществить поиск нюрнбергских жетонов русского стиля и собрать воедино эти памятники медальерного искусства стоит немалого труда. В статье рассмотрены основные типы счетных пфеннигов русского стиля, дается их классификация и описание, а также приводятся общие сведения об истории их чеканки и функционирования. Авторы прослеживают связь изображений на рехенпфенигах XVIII–XIX веков, посвященных России, с жетонами более раннего периода.

Ключевые слова: счетный жетон, россика, нумизматика, медальер, атрибуция

Вопросам изучения западноевропейских счетных жетонов уделено достаточно внимания как в иностранной научной литературе, так и в отечественной, учитывая, что первые исследования по этой теме были опубликованы еще во второй половине XVIII века¹. В течение XIX–XX веков нумизматическая библиография

Руденко Игорь Витальевич – заместитель директора ООО «Аромадон». E-mail: riv1515@yandex.ru.

Мицкевич Ирина Викторовна – старший преподаватель института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета. E-mail: irisha061@bk.ru.

¹ Snelling 1769.

регулярно пополнялась аналитическими трудами зарубежных исследователей, посвященными датировке рехенпфеннигов (так называют счетные жетоны в Германии), биографиям нюрнбергских медальеров, истории чеканки и использования этих предметов². Фундаментальный трехтомный каталог англичанина М. Митчинера «Jetons, Medalllets and Tokens», вышедший в Лондоне с 1988 по 1998 годы³, служит для исследователей основным источником в вопросах атрибуции и датировки западноевропейских счетных жетонов. В последние два десятилетия глобальная сеть дала возможность познакомиться с научными статьями зарубежных авторов, затрагивающими некоторые аспекты данной темы⁴.

В России волна интереса к изучению позднесредневековых нумизматических памятников была вызвана археологическими исследованиями стоянок русских арктических мореходов на о. Фаддея и в заливе Симса, проводившимися в середине XX века. В результате раскопок на территории Нарымского Приобья, Омской и Новосибирской областей и др. было обнаружено множество артефактов, в их числе и счетные жетоны, отчеканенные нюрнбергскими медальерами Гансом Краувинкелем и Вольфом Лауффером⁵. Классификацией и атрибуцией этих нумизматических находок занимался известный историк-нумизмат И.Г. Спасский, который внес неоценимый вклад в изучение счетных пфеннигов, составив подробное описание жетонов как из раскопок, так и из коллекций Государственного Эрмитажа, Томского областного краеведческого музея и Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ⁶. Ученые, близкие к археологическим комплексам Сибири, постоянно пополняли научное знание многочисленными статьями о найденных артефактах нумизматического характера. В последние два десятка лет увидели свет посвященные счетным жетонам научные статьи А.А. Пушкарева, О.А. Милищенко и ряда других авторов⁷.

Однако, при всей вариативности объекта изучения, остаются мало изученными счетные жетоны, отчеканенные в Нюрнберге в XVIII–XIX веках и относящиеся к особому направлению – россики. Даже в каталоге Митчинера россика представлена лишь 27 предметами. Следует отметить, что термин «россика», изобретенный в Европе в XIX столетии, имеет несколько трактовок. В изобразительном искусстве он традиционно использовался для обозначения полотен западноевропейских художников, работавших в России в XVIII в. – 1-й пол. XIX в. В настоящее время термин «россика» понимается более широко – как совокупность различных материалов (архивных документов, литературы, предметов искусства и пр.), выпущенных или изготовленных за границей и имеющих отношение к России⁸.

² Forrer 1904–1916; Thieme, Becker 1907; Barnard 1916; Gebert 1918.

³ Mitchiner 1988, 1991, 1998. В отношении россики Митчинер допускает ряд ошибок в воспроизведении легенд, в частности, игнорирует знаки пунктуации, а они играют важную роль в определении идентичности штемпелей. Кроме того, из 27 представленных в его каталоге счетных жетонов русского стиля шесть не визуализированы и имеют только текстовые описания.

⁴ Beek 2002; Furner 2002; Berthod 2014.

⁵ Яковлев 2009, 246–254.

⁶ Спасский 1951.

⁷ Харинский 2001, 273–276; Пушкарев 2003, 228–230; Милищенко 2005; Пушкарев 2013, 130–134; Кокоржицкая, Корпусова 1998; 113–114, Чекунин 2007, 195.

⁸ Козлов 1994, 13; Завич, Ловцов 2009, 28–38.

На протяжении веков почти все мастера чеканили на аверсах счетных пфеннигов портреты правителей европейских держав, что свидетельствовало еще и о том, куда шел основной экспорт нюрнбергских счетных жетонов. Не стала исключением и Россия: с развитием торговых отношений и возрастающей ролью России в европейском сообществе граверы стали помещать на аверсах жетонов портреты правящих российских императоров.

Эмпирической базой настоящего исследования стали нумизматические собрания Германского национального музея (Нюрнберг), Государственного нумизматического собрания Мюнхена, Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва), Государственного художественного собрания Дрездена, Государственного исторического музея (Москва), Государственного Эрмитажа, Музея истории искусств (Вена), Национального музея Финляндии (Хельсинки), Национального музея американской истории Смитсоновского института (Колумбия, США), а также счетные жетоны, хранящиеся в частных коллекциях. Результатом многолетних поисковых работ стал вышедший в 2012 году каталог И. Руденко «Нюрнбергские счетные жетоны. Росси́ка», снабженный аппаратом поиска по изображениям и легендам и дублирующим переводом на английский и немецкий языки⁹.

Из нескольких тысяч нюрнбергских счетных жетонов разных периодов, предназначенных для экспорта в разные страны, были выявлены 178 предметов, относящихся к русскому стилю. Из них 114 предметов не включены ни в один из известных справочников или каталогов. Жетоны систематизированы в хронологической последовательности, согласно годам правления российских монархов, изображенных на аверсах, начиная с Петра II и заканчивая Николаем I. Самая значительная группа – 107 жетонов – посвящена императору Александру I, что связано с пиком его популярности в Германии во время освободительной борьбы союзных сил с Наполеоном в 1813–1815 гг. Остальные группы представлены следующим образом: жетоны с портретом Петра II – 5 предметов, Анны Иоанновны – 17, Елизаветы Петровны – 6, Екатерины II – 13, Николая I – 27. Отдельную группу составили жетоны с изображениями полководцев М. И. Платова – 2 и П.Х. Витгенштейна – 1¹⁰.

Нумизматический словарь определяет счетные жетоны (нем. *rechenpfennig*, франц. *jeton*, *jetton*, англ. *counter*) как «металлическую марку для принятых в древности и в средние века подсчетов с помощью счетной доски (абака)»¹¹. При проведении подсчетов их передвигали по горизонтальным линиям, нанесенным на счетную доску. Английский ученый XVIII века Томас Снеллинг подробно описывает этот способ счета: «Жетоны раскладываются в линии, при этом их достоинство возрастает снизу вверх: нижняя линия – линия единиц; вторая, или следующая за ней, является линией десятков; третья – линия сотен; четвертая – линия тысяч и так далее. Счетный жетон в первой линии обозначает только 1, во второй

⁹ Руденко 2012.

¹⁰ Изображение генерала Витгенштейна на лицевой стороне счетного пфеннига единично, однако существуют еще 7 жетонов с аналогичным изображением, размещенном на обратной стороне жетонов с портретом императора Александра I. Та же схема прослеживается и в отношении других полководцев: так, на 6 реверсах изображен генерал М.Б. Барклай-де-Толли, на 3 реверсах – генерал союзной баварской армии К.Ф.И. Вrede.

¹¹ Фенглер, Гироу, Унгер 1982, 270.

линии он обозначает 10, в третьей – 100, в четвертой – 1 000, в пятой – 10 000 и т. д. Счетный жетон, выложенный между первой и второй линиями, обозначает 5, между второй и третьей – 50, между третьей и четвертой – 500 и т. д., и во всех случаях он соответствует пяти единицам того разряда, линия которого лежит под ним, и половине разряда той линии, что расположен над ним»¹².

В XIII веке счетные жетоны стали использовать сначала во Франции и Италии, позже в Нидерландах, а затем они распространились по всей Европе. Рехенпфенниги изготавливались размером от 20 до 28 мм, всегда с низким рельефом для удобства передвижения по плоской поверхности счетной доски. Чеканились они в основном из сплавов меди – бронзы или латуни. Серебряные жетоны выпускались крайне редко, а золотые, по предположению немецкого исследователя Карла Геберта, изготавливались в единственном экземпляре в качестве подарочных предметов специально для купца, на которого работали мастера, или для очень близкого друга¹³.

С конца XV века большая часть счетных жетонов в Европе чеканилась в Нюрнберге, который в течение достаточно долгого времени был самым большим городом ремесленников и мастеровых в Германии. Здесь были представлены практически все ремесленные направления того времени, особенно славились изделия из золота и серебра. Нюрнбергские ремесленники изготавливали для Европы компасы, карманные часы и другие измерительные приборы. В области обработки и переработки металлов с Нюрнбергом не мог сравниться ни один немецкий город. Старейшими ремеслами здесь были жестяное дело и шабрение латуни¹⁴, к ним же причислялась и чеканка счетных жетонов, а к концу XVI века и чеканка мелких монет. Со временем счетные жетоны стали существенной частью городского экспорта. Каждый изготовитель жетонов работал самостоятельно и мог рассчитывать лишь на собственные усилия по реализации своей продукции.

Деятельность всех ремесленников в Нюрнберге регулировалась Городским Советом, который управлял всей жизнью города. Ремеслом руководили три приносящих мастера, один из которых вел учет, два других осуществляли контроль. Как правило, одна мастерская не могла иметь больше двух подмастерьев, чтобы не перенасыщать рынок труда в городе.

В 1616 году Совет принял решение, обязывающее всех, кто занимается чеканкой счетных жетонов, чеканить на изделии свое имя, данное при крещении, или инициалы рядом с надписью «счетный жетон». При нарушении взимался штраф в 10 гульденов¹⁵. Именно это обстоятельство позволяет современным исследователям более-менее точно датировать найденные образцы счетных жетонов, соотнося имя медальера, указанное на предмете, с годами работы его мастерской.

Тем не менее, в исследуемом материале 52 предмета не имеют подписи мастера ни на аверсе, ни на реверсе. Из них 28 жетонов оказалось возможным атрибутировать, сравнивая детали изображений, анализируя манеру исполнения, проводя аналогии с другими жетонами, в авторстве которых сомнений нет. В результате

¹² Snelling 1769, 16–17.

¹³ Gebert 1918, 36.

¹⁴ Шабрение латуни – выравнивание поверхности изделий из металла специальным режущим инструментом – шабером.

¹⁵ Gebert 1918, 4–27.

анализа сделаны некоторые выводы о принадлежности жетона к мастерской определенного чеканщика. Так, аверсы некоторых жетонов с портретами Екатерины II, Александра I и Николая I совпадают с аверсами других жетонов, обратные стороны которых маркированы инициалами медальеров, что дает право отнести их к чеканенным в мастерской того или иного мастера (рис. 1 (а,б), 2 (а,б), 3 (а,б)).

Рис. 1а. Счетный жетон без подписи медальера

Из собрания Музея истории искусств, Вена

АВЕРС: погрудный портрет императрицы Екатерины II, вправо. Из-под накладки видны волосы, на плече – пышный локон. Дугообразная надпись сверху: | **САТН.П** | **D. G. R. I.** | (*Catharina II Dei Gratia Russorum Imperatrix – Екатерина II, Божией милостью Императрица Всероссийская*). По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: крылатый якорь со штоком вверх, образующим крест. Круговая надпись: | **DAS GLIK LACHET DER ANKER WACHET** | (*Удача улыбается, пока якорь на страже*). По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Рис. 1б. Счетный жетон с инициалом Э. Л. З. Лауэра

Из собрания Национального музея американской истории Смитсоновского института, Вашингтон, Колумбия, США

АВЕРС: штемпель такой же, как аверс Рис. 1а

РЕВЕРС: в центре – трехмачтовый корабль. Дугообразная надпись сверху с разрывом: | **PLUS | ULTRA** | (*Все дальше*). Под обрезом – инициал мастера | **L** |. По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Рис. 2а. Счетный жетон без подписи медальера

Из коллекции И. Руденко

АВЕРС: погрудный портрет императора Александра I, влево, в мундире с орденской лентой через плечо и орденской звездой на груди. Дугообразная надпись: | **ALEXANDER RAI · V · RUSSLAND** |

РЕВЕРС: два сидящих на скале орла, один – с поднятым вверх крылом, другой – со сложенными крыльями. Дугообразная надпись сверху: | **ADLERS HORST** | (*Орлиное гнездо*). По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Рис. 2б. Счетный жетон с инициалом И. В. Хубера

Из коллекции И. Руденко

АВЕРС: штемпель подобен аверсу **Рис. 2а**

1 – незначительные отличия в изображении орденской звезды

2 – в дугообразной надписи | **ALEXANDER KAI · V · RUSSLAND** | слово **KAI** написано через **K**

РЕВЕРС: украшенная гирляндой в виде листьев и цветов урна с крышкой, увенчанной шишкой. Дугообразная надпись: слева – | **AMOR** |, справа – | **PATRI** | (*Любовь к родине*). Под обрезом – инициал мастера | **H** |. По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Рис. 3а. Счетный жетон без подписи медальера

Из коллекции И. Руденко

АВЕРС: погрудный портрет императора Николая I, вправо, в мундире с эполетом и орденской лентой через плечо. Дугообразная надпись сверху: | **NICOLAUS KAI VON RUSSLAND** | (*Николай, Император Всероссийский*). По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: богиня в длинной тунике в правой руке держит пальмовую ветвь, а в вытянутой левой – линзу, от которой зажигает огонь на алтаре с изображением кадуцея. Дугообразная надпись сверху: | **HEIL DEM SIEGER** | (*Слава победителю*). Под обрезом: | **IETTON** | (*Жетон*). По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Рис. 3б. Счетный жетон с инициалом И. Я. Лауэра

Из коллекции И. Руденко

АВЕРС: погрудный портрет императора Александра I, влево, в мундире с эполетом и орденской звездой на груди. Дугообразная надпись сверху: | **ALEXANDER KAIS: V: RUSSLAND.** |. Под обрезом плеча – инициал мастера | **L** |. По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: штампель такой же, как реверс Рис. 3а.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Следует отметить, что датировка предметов россики по сравнению с другими более ранними типами счетных жетонов существенно облегчена, так как кроме дат жизни и работы мастера известен период царствования монархов, изображенных на аверсах.

Рехенпфенниги чеканились не только в Нюрнберге, но и в близлежащем Фюрте¹⁶. С 1469 года в этом городе разрешено было селиться евреям, которые быстро освоили ремесла и развернули там активную торговлю. Нюрнберг вел себя по отношению к Фюрту ревностно, строго охраняя свои интересы: на всем протяжении XVII–XVIII вв. Нюрнбергским Советом издавались бесчисленные постановления, запрещавшие жителям города совершать там покупки. В Фюрте жили и работали известные чеканщики счетных жетонов – Иоганн Христиан Райх¹⁷ и Иоганн Вильгельм Хубер¹⁸, которые стали основными конкурентами нюрнбергских мастеров.

В начале XVIII века в Европе счетные жетоны окончательно потеряли свое основное предназначение, но еще долгое время их использовали в качестве фишек для азартных игр, чеков в тавернах или памятных знаков. И хотя спрос на них упал, Нюрнберг сохранил это ремесло, и мастера продолжали чеканить счетные жетоны в массовом количестве. Игральные фишки мастера маркировали, помещая надписи «spiel marken» (игральная марка, фишка) или «ietton» (жетон). Надпись «spiel marken» можно увидеть на реверсах поздних жетонов, посвященных генералу П. Х. Витгенштейну и императору Николаю I (рис. 4), но на подавляющем большинстве жетонов мастера ставили надпись «ietton».

В последнюю четверть XVIII века качество счетных жетонов заметно улучшилось благодаря мастеру Эрнсту Людвигу Зигмунду Лауэру¹⁹, который сумел заручиться поддержкой Совета в использовании «большого печатного станка» – парового пресса. На нем он начал чеканить жетоны, толщина которых стала больше, и выглядеть они стали солиднее. Его мастерская превратилась в совре-

¹⁶ Центр Фюрта находится в 7 км от центра Нюрнберга. Современная нумизматика рассматривает нюрнбергские счетные жетоны и жетоны, отчеканенные в Фюрте, как единый тематический материал.

¹⁷ Райх Иоганн Христиан (Reich Johann Christian, 1740–1814). Родился в Айзенберге. Собственный бизнес начал около 1770 г. В мастерской Райха изготавливали не только монеты и жетоны, но и органы, часы, астрономические приборы, музыкальные шкатулки и другие предметы. Его сын Иоганн Матиас сотрудничал со своим отцом примерно с 1789 до 1800 гг. Многие из медалей, выпущенных в те годы с подписью Райха, были сделаны совместно отцом и сыном. Подписи на счетных жетонах: «I. C. REICH», «I. C. R.», «I. C. R.» (Forrer 1912, 69).

¹⁸ Хубер Иоганн Вильгельм (Huber Johann-Wilhelm, годы жизни неизвестны). Чеканщик счетных жетонов, чье имя встречается на предметах XIX века. Хубер жил и работал в Фюрте. Подписи на счетных жетонах: «I. W. H.», «W. H.», «I. H.», «H.» (Grieb 2007b, 706).

¹⁹ Лауэр Эрнст Людвиг Зигмунд (Lauer Ernst Ludwig Sigmund, 1762–1833) – основатель династии нюрнбергских чеканщиков счетных жетонов. 2 февраля 1779 г. он стал учеником мастера И. Г. Кунстмана, который через год умер от туберкулеза. Дело сначала перешло к его сыну И. К. Кунстманну, а затем, в 1783 г., к Лауэру, женившемуся на вдове хозяина мастерской. 29 июля 1793 г. Совет удовлетворил прошение Лауэра об установке парового пресса. Благодаря штамповке на новом прессе жетонов на более толстом кружке, предназначенных для Франции, Лауэру удалось существенно улучшить качество изделий и увеличить объем их сбыта. С 1804 г. ему помогал сын Иоганн Якоб. В 1829 г. Лауэр передал бизнес своему сыну и ушел в отставку. Он умер от гангрены в возрасте 73 лет 25 февраля 1833 г. Подписи на счетных жетонах: «LAUER», «S. L. L.», «L L.», «L.» (Forrer 1907, 312).

менный штамповальный цех. После смерти Лауэра его сыновья – Йоханн, Людвиг и Вольфганг – смогли с честью продолжить дело отца²⁰.

Рис. 4а. Игральная марка с портретом П. Х. Витгенштейна

Из коллекции И. Руденко

АВЕРС: изображение графа Витгенштейна на скачущей лошади, влево, с обнаженным мечом. Дугообразная надпись сверху: | **GENERAL GRAF V. WITTGENSTEIN** | (*Генерал граф фон Витгенштейн*). Под обрезом: | **JETTON** | (*Жетон*). По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: в венке из двух дубовых ветвей, связанных бантом, – надпись в две строки: | **SPIEL** | **MARKEN** |. Под бантом – инициалы мастера | **L : L :** |. По окружности – круглые бусы и буртик.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Рис. 4б. Игральная марка с портретом Николая I

Из коллекции Питера Шварцбаха, Нюрнберг

АВЕРС: погрудный портрет императора Николая I, вправо, в мундире с орденской лентой через плечо и орденской звездой на груди. Дугообразная надпись сверху: | **NICO LAUS. K. V. RUSSLAND** | (*Николай, Император Всероссийский*). Под обрезом рукава – инициал мастера: | **L** |. По окружности – бусы в виде рубчика.

²⁰ Gebert 1918, 29.

РЕВЕРС: штемпель подобен реверсу **Рис. 4а:**

I – под бантом – инициал мастера | **L** |.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Ранние рехенпфенниги, отчеканенные в Нюрнберге кустарным способом и предназначенные для вывоза, были скопированы со старых нидерландских, несколько позднее появились копии французских и итальянских жетонов. Первые «русские» счетные жетоны – с изображением императора Петра II на аверсе и российского герба на реверсе – были отчеканены в мастерской Иоганна Якоба Дитцеля²¹ (рис. 5). Эта серия является примером полного соответствия аверса и реверса русской теме.

Рис. 5. Первый «русский» счетный жетон с портретом императора Петра II

Из коллекции Питера Шварцбаха, Нюрнберг

АВЕРС: погрудный портрет императора Петра II с лавровым венком на голове, вправо. Дугообразная надпись: слева – | **PETRVS II.** |, справа – | **DG · RVSS · IMP** | (*Petrus II Dei Gratia Russorum Imperator – Петр II, Божией милостью Император Всероссийский*). По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: российский герб – двуглавый коронованный орел с атрибутами императорской власти. На груди – щит с московским гербом, Георгий Победоносец обращен вправо. Дугообразная надпись снизу: | **IOHAN · IACOB · DIETZEL · RECH · PFENI:** | (*Johann Jacob Dietzel. Rechenpfennig – Иоганн Якоб Дитцель. Счетный жетон*). По окружности – бусы в виде рубчика. Реверс расположен к аверсу на 180°.

ГУРТ: гладкий, вырубка

К этой же группе относятся и жетоны, рассказывающие о некоторых событиях российской истории. Победам России в войне с Турцией 1735–1739 гг. посвятили свои рехенпфенниги с портретом императрицы Анны Иоанновны сразу несколько

²¹ Дитцель Иоганн Якоб (Dietzel Johann Jacob, годы жизни неизвестны). 25 февраля 1701 г. поступил подмастерьем в мастерскую Конрада Лауфера, чеканщика счетных жетонов, и уже в 1711 г. стал мастером после того, как женился на внучке Лауфера Елизавете. Несколько раз он становился присяжным мастером – в 1714–1716, 1720–1722, 1729–1731, 1739–1740 и в 1746–1748 гг. В дальнейшем чеканил новые виды счетных жетонов вместе со своим сыном по имени Иоганн Адам. Подписи на счетных жетонах: «**IOHAN · IACOB · DIETZEL .»**, «**IOH · IACOB · DIETZEL .»**, «**I . I . D .»** (Forrer 1904, 588).

мастеров – И.Я. Дитцель, И. Х. Райх, И.А. Фогель²², М. Лейкауф²³, Х.З. Аннерт²⁴, изобразив в разных вариациях победу русских при взятии крепости Азов в 1736 году (рис. 6 (а,б)). Нюрнбергские мастера первой половины XIX века оставили нам счетные жетоны о событиях и героях войны с Наполеоном и Заграничных походах 1812–1814 гг. Так, на жетоне с аверсным портретом императора Александра I изображен генерал М.Б. Барклай-де-Толли на скачущей лошади, с поднятой обнаженной саблей (из коллекции Государственного нумизматического собрания Мюнхена), похожее изображение всадника на реверсе другого жетона обрамлено легендой, которая гласит: | **GENERAL GRAF V. WITTGENSTEIN** | (*Генерал граф фон Витгенштейн*). Атаману Матвею Платову посвящено два рейхенпфеннига с идентичными аверсами – изображением профильного портрета полководца и надписью: | **HETMAN | GRAF PLATOW** |, а реверсы различны: на первом изображена сидящая богиня, держащая птицу, а на втором – едущий верхом казак с пикой за спиной (из собрания Государственного Эрмитажа).

Рис. 6а. Аллегорическое изображение победы русских при взятии крепости Азов в 1736 году на реверсе счетного жетона, отчеканенного в мастерской Фогеля
Из Государственного нумизматического собрания Мюнхена

²² Фогель Иоганн Адам (Vogel Johann Adam, годы жизни неизвестны). Работал с Гансом II Лауффером. Мастером стал 9 июля 1737 г., присяжным мастером выбирался дважды – в 1750–1752 и 1758–1760 гг. Разрабатывал собственный дизайн счетных жетонов. Подписи на счетных жетонах: «**IOH . ADAM . VOGEL**», «**I . A . V .**». (Forrer 1916, 303)

²³ Лейкауф Михаэль (Leykauf Michael, годы жизни неизвестны). В 1713 г. начал обучение у Иоганна Вейдингера в качестве подмастерья, в 1724 г. стал мастером. Его имя фигурирует в различных документах до 1746 г. В 1733–1735 и 1744–1746 гг. он избирался присяжным мастером. 22 февраля 1768 г. во время штемпельной ревизии в документах появляется упоминание о том, что основная часть счетных жетонов, штемпеля, инструменты и все его торговое ремесло перешли к Иоганну Леонхарду Дорнеру. Подписи на счетных жетонах: «**MICHAEL LEICKAUF**», «**MICHAEL LEICKAUF**», «**M . L .**» (Grieb 2007b, 918).

²⁴ Аннерт Христоф Зигмунд (Annert Christoph Sigmund, год рождения неизвестен, умер до 1768 г.). Стал мастером 6 апреля 1734 г., присяжным мастером – в 1741–1744 и 1751–1754 гг. Аннерт был женат на Марии Сибилле, их сын Вольфганг Магнус также стал чеканщиком счетных жетонов. После смерти мужа Мария Сибилла продолжала вести дела и сдала 12 штемпелей при проведении штемпельной ревизии 22 февраля 1768 года. Подписи на счетных жетонах: «**CHRIST: SIG: ANERT.**», «**CHRI: SIG: ANERT.**», «**C: S : A:**», «**CHRIST. SIG . ANERT.**» (Grieb 2007a, 29).

АВЕРС: погрудный портрет императрицы Анны Иоанновны, вправо. Декольтированное платье богато расшито бисером и позументами. В ухе – подвеска, на голове – корона с крестом. Прическа высокая, с вплетенными низками бус, сзади и на левом плече – длинные локоны. Дугообразная надпись сверху с разрывом: | ANNA . D . G . RVS . | SOR . IMPERATR | (*Anna Dei Gratia Russorum Imperatrix – Анна, Божией милостью Императрица Всероссийская*). По окружности – бусы в виде рубчика

РЕВЕРС: богиня Победы, держащая в левой руке пальмовую ветвь, возлагает два лавровых венка на императрицу, сидящую на троне. Перед ней – два коленопреклоненных турка: один подносит царице план города, другой, склонившись, повергает к ее ногам бунчук – знак сана и власти пашей и турецкое знамя. Рядом с тронном – овальный щит с изображением российского герба. Дугообразная надпись сверху: | DONAT VICTORIA TANTA | (*Дарована великая победа*). Под обрезаом: | I . A . V . RE . PF . | (*Johann Adam Vogel. Rechenpfennig – Иоганн Адам Фогель. Счетный жетон*). По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Рис. 66. Аллегорическое изображение победы русских при взятии крепости Азов в 1736 году на реверсе счетного жетона, отчеканенного в мастерской Аннерта
Из собрания Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург

АВЕРС: погрудный портрет императрицы Анны Иоанновны, вправо. Вырез платья украшен маленькой брошью в виде розетки цветка. На рукаве платья – позументы без бус. Длинные локоны на обоих плечах. Сверху дугообразная надпись с разрывом: | ANNA . D . G . | RUS . IMPERAT | (*Anna Dei Gratia Russorum Imperatrix – Анна, Божией милостью Императрица Всероссийская*). По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: крылатая Слава с флагом в левой руке трубит победу, внизу – трофеи и оружие побежденного войска. На дальнем плане видны башни городской крепости. Дугообразная надпись сверху: | FAMA . P . ORB . NUL . MAI . LOC . EST . OR . DE : | (*Fama per orbem nullam maiore locuta est ore deam – Слава, весь мир облетая, Не восхваляла шумнее богиню...* – измененная часть цитаты из поэмы Марка Лукана «Фарсалия, или О гражданской войне: «...nullam maiore locuta est ore ratem totum discurrens Fama per orbem» – «А Слава, весь мир облетая, Не восхваляла шумней ни единого судна доселе»). Надпись под обрезаом в две строки: | C . S . ANNERT . | R . PF | (*Christoph Sigmund Annert. Rechenpfennig – Христоф Зигмунд Аннерт. Счетный жетон*). По окружности – бусы в виде рубчика. Реверс расположен к аверсу на 180°.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Однако подавляющее большинство счетных жетонов русской темы можно назвать гибридами²⁵, так как аверс, как правило, мастера резали специально для России, а для реверса использовали готовые хорошо сохранившиеся штампы от других жетонов с сюжетами, почерпнутыми из произведений более раннего времени. Эти предметы не отличались художественными достоинствами и были выполнены весьма небрежно, в чем не было ничего необычного: мастера не предъявляли строгих требований к соблюдению исторической правды, не стремились следовать продуманному замыслу или плану и не очень заботились о качестве своих изделий. Выбор изображений зависел, по-видимому, от желания мастера или стечения разнообразных, порой курьезных, обстоятельств. Примером может служить гибридный экземпляр, отчеканенный в мастерской И.Я. Дитцеля, где на аверсе помещен погрудный портрет короля Франции и Наварры Людовика XV, а на реверсе – российский герб (рис. 7). Есть и другие гибриды, где наиболее очевидно прослеживается происхождение аверса или реверса, не имеющего прямого отношения к России, – например, портрет Афины Паллады соседствует с российским гербом, а австрийский герб – с портретом императора Николая I.

Рис. 7. Счетный жетон с портретом Людовика XV и российским гербом

Из коллекции И. Руденко

АВЕРС: портрет Людовика XV с лавровым венком на голове, вправо. Рукав расшит позументом, на плече – круглая фибула из бусин. Дугообразная надпись: слева – | **LVD. XV. D. G.** |, справа – | **FR. ET NAV. REX** | (*Ludovicus XV Dei Gratia Rex Francorum et Navarrae* – Людовик XV, Божией милостью король Франции и Наварры). По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: российский герб – двуглавый коронованный орел с атрибутами императорской власти. На груди – щит с московским гербом, Георгий Победоносец обращен вправо. Дугообразная надпись снизу: | **IOHAN. IACOB. DIETZEL. RECH. PFENIG** | (*Johann Jacob Dietzel. Rechenpfennig* – Иоганн Якоб Дитцель. Счетный жетон). По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

²⁵ Гибрид – жетоны, аверс которых отчеканен штампом одного жетона, а реверс – штампом другого.

По тем же основаниям изображения русских царей лишены портретного сходства с реальными личностями: например, Александр I почти не отличим от Николая I и понять, какой император изображен на жетоне, можно только прочитав легенду. На некоторых предметах встречаются несоответствия в датах: так, на реверсе жетона с портретом Александра I указан 1800 год, хотя император пришел к власти только в марте 1801 года (рис. 8). Надписи на ранних нюрнбергских жетонах по большей части лишены смысла, но на более поздних появляются вполне осмысленные легенды, хотя и с орфографическими ошибками, что можно объяснить и малограмотностью исполнителей, и сложностью написания редко употребляемых слов.

Рис. 8. Счетный жетон с ошибочной датой
Из коллекции И. Руденко

АВЕРС: погрудный портрет императора Александра I, влево, в мундире с высоким стоячим воротником, расшитым галунами. Широкая орденская лента через плечо. Волосы кудрявые, пышные, на виске – бакенбард. Дугообразная надпись сверху: | **ALEXANDER KAISER V. RUSSL.** | (*Александр, Император Всероссийский*). По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: в центре – скачущая лошадь, вправо. Дугообразная надпись сверху: | **LIBERTAS** | (*Свобода*). Под обрезом: | **1800** |. По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Если изображения аверсов четко свидетельствуют о принадлежности к российской тематике, то отследить «происхождение» реверсов достаточно сложно. Так, пфенниги с изображением корабля, по мнению одних исследователей, являются заимствованием с известного английского золотого «корабельного» нобля, другие относят изображение к французским оригиналам, связывая рисунок корабля с гербом Парижа.

Однозначно французские мотивы читаются на реверсах с изображением галльского петуха как одного из аллегорических символов Франции и конной статуи Людовика XV, установленной в Бордо²⁶.

²⁶ Carde 2004, 10-28. Торжественное открытие памятника состоялось 17 августа 1747 года. Позже на пьедестал были добавлены барельефы, изображающие победы Людовика XV.

На реверс жетона с портретом Александра I, штемпель которого был изготовлен в 1793 году сразу после казни Людовика XVI, мастер поместил изображение погребальной урны. На жетонах с портретом Елизаветы Петровны изображен букет из трех лилий, который также можно трактовать как намек на национальную эмблему Франции. К французской теме можно отнести и рисунок

Рис. 9. Счетные жетоны с реверсами, относящимися к французскому стилю

Рис. 9а. Из собрания Государственного исторического музея, Москва

АВЕРС: погрудный портрет императора Александра I, вправо, в мундире с высоким стоячим воротником и широкой орденской лентой через плечо. Волосы кудрявые, пышные, на виске – бакенбард. Дугообразная надпись сверху с разрывом: | ALEXND | ER V. RUSSLAND | (Александр, Император Всероссийский). По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: в центре круга из соединенных ромбов – коронованный галльский петух с распахнутыми крыльями, сидящий на жердочке. По окружности – буртик в виде канатика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Рис. 9б. Из собрания Государственного исторического музея, Москва

АВЕРС: погрудный портрет императора Александра I, влево, в мундире с высоким стоячим воротником и широкой орденской лентой через правое плечо. На груди – орден-

ская звезда. Дугообразная надпись сверху: | **ALEXANDER KAISER VON RUSSLAND** |. По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: конный памятник Людовику XV, установленный в Бордо, влево. Дугообразная надпись: слева – | **OPTIMO** |, справа – | **PRINCIPI** | (*Наилучшему Принцесу*). Надпись под обрезом: | **IETTON** | (*Жетон*). По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Рис. 9в. Из Государственного художественного собрания Дрездена

АВЕРС: погрудный портрет императора Александра I, влево, в мундире с высоким стоячим воротником и широкой орденской лентой через плечо. На груди видна часть орденской звезды. Сзади волосы убраны в косичку и перевязаны лентой. Дугообразная надпись сверху: | **ALEXANDER KAISER V. RUSSLAND** |. В обресе плеча – инициал мастера: | **L** |. По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: в центре – фонтан с узорчатой кладкой: фигурный бассейн и бьющая вверх струя воды. Дугообразная надпись сверху с разрывом: | **OMNIDUS** | **NON SIBI** | (*Не для себя – для всех*). Под обрезом дугообразно: | **IETTON** | (*Жетон*). По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

фонтана с высокой струей воды, который похож на фонтан в Версальском парке, изображенный на одном из типов французских жетонов (рис. 9 (а,б,в)).

Собственно немецкий мотив встречается значительно реже. На жетонах с портретами Александра I и Николая I изображены улицы города Нюрнберга. Другой жетон с портретом Николая I, выполненный Иоганном Хубером, напоминает об одном из главных событий того времени – строительстве первой железной дороги между Нюрнбергом и Фюртом: на его реверсе изображен паровоз «Адлер»²⁷. Реверс уникального жетона с портретом великого князя Александра Павловича

²⁷ Локомотив, получивший название «Адлер» (Adler), был собран на нюрнбергской машинной фабрике Иоганна Вильгельма Шпета из частей, доставленных из Англии. Конструктором локомотива был английский изобретатель Джордж Стефенсон (1781–1848). Поезд курсировал из Нюрнберга в Фюрт и обратно два раза в день. Открытие железной дороги 7 декабря 1835 года превратилось в настоящий праздник, на котором присутствовало более 10 000 человек. Вдоль всего пути выстроились толпы восторженных жителей Баварии. Почетные гости заняли места в девяти пассажирских вагонах, и под музыку оркестра поезд тронулся в путь со скоростью 24–30 км/час. За 14 минут «Адлер» преодолел 6 км. (Heigl 2009).

(будущего императора Александра I) мастер²⁸ посвятил полету на воздушном шаре француза Бланшара, который поднялся в небо над Нюрнбергом в 1787 году²⁹ (рис. 10 (а,б,в)).

Рис. 10. Счетные жетоны с реверсами, относящимися к немецкому стилю

Рис. 10а. Из собрания Государственного исторического музея, Москва

АВЕРС: погрудный портрет императора Николая I, вправо, в мундире с эполетом и высоким стоячим воротником. На груди – орденская звезда. Дугообразная надпись сверху: | **NICOLAUS KAI. V. RUSSLAND** | (*Николай, Император Всероссийский*). Под обрезаом груди – инициал мастера: | **H** |. По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: вид средневекового Нюрнберга, видна башня городской стены, церкви св. Зебальда и св. Лаврентия. Дугообразная надпись сверху: | **NURNBERG** |. Под обрезаом: | **JETTON** | (*Жетон*). По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

²⁸ В Государственном нумизматическом собрании Мюнхена (Staatliche Münzsammlung München) данный жетон находится в разделе мастера Иоганна Христиана Гернера, хотя на жетоне нет подписи мастера.

²⁹ Французский изобретатель и воздухоплаватель Жан-Пьер Бланшар (1753–1809) показывал свое воздушное шоу в различных городах Европы. В Нюрнберге в преддверии этого воздушного шоу был организован народный праздник: выставлены палатки с едой и напитками, открыты магазинчики, на более ранний срок перенесено открытие рождественского рынка. 12 ноября более пятидесяти тысяч зрителей устремились к городским воротам. Перед моментом взлета все замерли. Наконец шар Бланшара под восторженные аплодисменты и крики *Viva* поднялся в воздух на 800 саженьей. Народ бросился догонять его – каждый хотел быть свидетелем этого чуда как можно дольше, но шар слишком быстро удалялся. Он пролетел около 1600 метров в северо-западном направлении и благополучно приземлился. Через несколько часов Бланшар вернулся в город, где еще несколько дней устраивались торжества в его честь (Weinrich M.).

Рис. 10б. Из коллекции И. Руденко

АВЕРС: погрудный портрет императора Николая I, вправо, в мундире с эполетом и высоким стоячим воротником. На груди – орденская звезда. Дугообразная надпись сверху: | NICOLAUS K. V. RUSSLAND. |. Под обрезом рукава – инициал мастера | Н |

РЕВЕРС: паровоз-локомотив с прицепной тележкой и двумя машинистами, курсирующий между Нюрнбергом и Фюртом. Под обрезом – инициалы мастера: | I. H. |. По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Рис. 10в. Из Государственного нумизматического собрания Мюнхена

АВЕРС: погрудный портрет великого князя Александра Павловича, влево. Орденская лента через правое плечо, на груди орденский знак. Дугообразная надпись: слева – | ALEXANDER |, справа – | PAULI WYTSCH. |. По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: в верхней части жетона – поднимающийся воздушный шар с человеком в корзине. Внизу – фигуры людей, провожающих воздухоплавателя. Под обрезом – дата: | 1787 |. По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

К английскому стилю М. Митчинер относит жетон с изображением Веллингтонской арки в честь победы Великобритании в Наполеоновских войнах³⁰ (воздвигнута в центре Лондона, в Гайд-Парке, по приказу Георга IV в 1826–1830 годах по проекту Децимуса Бертон) и многочисленные штемпеля с фруктовым деревом, выполненные разными мастерами³¹ (рис. 11 (а,б)).

Рис. 11. Счетные жетоны с реверсами, относящимися к английскому стилю

Рис. 11а. Из коллекции Роберта Левинсона, Лос-Анджелес, США

АВЕРС: погрудный портрет императрицы Анны Иоанновны в короне, вправо (*mun*). Дугообразная надпись: | ANNA . D . G . | ROS . IMPER . | (*Anna Dei Gratia Russorum Imperatrix – Анна, Божией милостью Императрица Всероссийская*). По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: ветвистое дерево с крупными листьями, освещаемое солнечными лучами. На солнечном диске схематично изображено человеческое лицо. Дугообразная подпись мастера: слева – | MICHAEL |, справа – | LEICKAVF |. Под обрезом: | RECH . PF . | (*Rechenpfennig – счетный жетон*). По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Рис. 11б. Из коллекции И. Руденко

³⁰ Mitchiner 1988, 546.

³¹ Mitchiner 1988, 566.

АВЕРС: погрудный портрет императора Николая I, вправо, в мундире с эполетом и высоким стоячим воротником. Дугообразная надпись с разрывом сверху: | **NICOLAUS** | **K V RUSSLAND** |. По окружности – бусы в виде рубчика.

РЕВЕРС: в центре – триумфальная арка Веллингтона, воздвигнутая в Лондоне. Дугообразная надпись: слева – | **RECHE**: |, справа – | **PFENING** | (*Счетный жетон*). По окружности – бусы в виде рубчика.

ГУРТ: гладкий, вырубка

Многие жетоны XVIII – начала XIX веков имеют на реверсах изображения античных богов – Минервы, Меркурия, Купидона, Венеры; нередко также символы свободы, счастья и торговли – крылатого якоря, скачущей лошади, рогов изобилия. Подобные изделия купцы в большом количестве привозили в Россию, где они становились элементами декора женских украшений (монисто). Счетные жетоны с круглыми отверстиями, предназначенные для пришивания, археологи до сих пор находят при раскопках на территории Поволжья, Урала и Сибири³².

Несмотря на предпринятые попытки собрать все образцы нюрнбергских жетонов российской тематики, остается недостаточно исследованной существенная часть эмпирического материала. Во-первых, в мировой нумизматической литературе зачастую встречаются только упоминания о счетных пфеннигах, лишенные изображения и описания. Во-вторых, в частных и музейных коллекциях могут обнаружиться новые разновидности штемпелей, которые вызовут интерес у исследователей и откроют широкое поле для дальнейших изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

Боброва, А.И., Пушкарев, А.А. 2004: Счетные пфенниги 17 века в Нарымском Приобье. В сб.: *Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых*. Кемерово, 348–350.

Козлов, В.П. 1994: Зарубежная архивная Россия: проблемы и направления работы. *Новая и новейшая история* 3, 13.

Звавич, В.И., Ловцов, А.С. 2009: Особенности поиска документов зарубежной архивной россики. *Вестник архивиста* 4. 28–38.

Кокоржицкая, Т.Н., Корпусова, И.В. 1998: Счетные жетоны Нюрнберга в коллекции Одесского археологического музея. В сб.: *Государственный Эрмитаж. Шестая Всероссийская нумизматическая конференция в Санкт-Петербурге 20-25 апреля 1998*. СПб, 113–114.

Корусенко, М.А., Милищенко О.А. 2002: Счетные пфенниги из памятников в низовьях р. Тары. В кн.: *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума*. Новосибирск, 110–121.

Милищенко, О.А. 2005: *Монеты и жетоны как датирующий инвентарь позднесредневековых поселений и могильников: (на примере бассейна реки Тары)*. Омск.

Спасский, И.Г. 1951: Счетные жетоны. В сб.: *Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л. – М.*, 130–138.

Пушкарев, А.А. 2003: Датировка западноевропейских счетных жетонов. В кн.: *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Омск, 228–230.

³² Спасский 1951, 130–138; Корусенко, Милищенко 2002, 110–121; Боброва, Пушкарев 2004, 349.

Пушкарев, А.А. 2013: Западноевропейские счетные жетоны из погребальных археологических комплексов Сибири: историографический обзор. *Вестник Томского государственного университета. История* 6 (26), 130–134.

Руденко, И.В. 2012: *Нюрнбергские счетные жетоны. Росси́ка. Каталог*. Ростов-на-Дону.

Фенглер, Х., Гироу, Г., Унгер, В. 1982: *Словарь нумизмата*. М.

Харинский, А.В. 2001: Счетные жетоны и монеты в погребениях приольхонских бурят XVIII–XIX вв. В кн.: *Древняя и средневековая история Восточной Азии*. Владивосток, 273–276.

Чекунин, Н.В. 2007: Счетные жетоны с изображением императора Петра II. В сб.: *Государственный Эрмитаж. XIV Всероссийская нумизматическая конференция*. СПб.

Яковлев, Я.А. 2009: *Могильник Тоянов городок: Каталог коллекции Ф. Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного Исторического музея (г. Стокгольм)*. Томск–Сургут.

Barnard, F.P. 1916: *The Casting-Counter and the Counting-Bord*. Oxford.

Beek, Bert van. 2014: *Jetons: their use and history*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chicagocoinclub.org/projects/PiN/juh.html>.

Berthod, D. 2014: Jetons de Nuremberg à thématique romaine. *Bulletin Numismatique*, février, Paris, 16–17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://flips.cgb.fr/bn128/files/assets/basic-html/page1.html>

Carde, M. 2004: *Medailles, jetons et autres documents numismatiques de la ville de Bordeaux et du département de la Gironde*. 10–28.

Forrer, L. 1902–1930: *Biographical dictionary of medallists. Vol. I–VIII*. London.

Furner, J. 2002: *The inscriptions on Nuremberg Jetons*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bexleycoinclub.org.uk/article3.htm>, свободный.

Heigl, P. 2009: *Adler – Stationen einer Lokomotive im Laufe dreier Jahrhunderte. Buch & Kunstverlag Oberpfalz*. Amberg.

Gebert, C.F. 1918: *Die Nurnberger Rechenpfennigschlagen*. Munich.

Mitchiner, M. 1988: *Jetons, Medalets & Tokens. Vol 1: The Medieval Period and Nuremberg*. London.

Mitchiner, M. 1991: *Jetons, Medalets & Tokens. Vol 2: The Low Countries and France*. London.

Mitchiner, M. 1998: *Jetons, Medalets & Tokens. Vol 3: British Isles c. 1558 to 1830*. London.

Grieb, M.H. von (hrsg.) 2007a: *Nürnberg Künstlerlexikon: Bildende Künstler, Kunsthandwerker, Gelehrte, Sammler, Kulturschaffende und Mäzene vom 12. bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts*, München.

Grieb, M.H. von (hrsg.) 2007b: *Nürnberg Künstlerlexikon: Bildende Künstler, Kunsthandwerker, Gelehrte, Sammler, Kulturschaffende und Mäzene vom 12. bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts*, München.

Snelling, T. 1769: *A view of the origin, nature and use of jettons or counters*. London.

Thieme, U., Becker F. (hrsg.) 1907: *Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart*. Leipzig.

Weinrich, M. *Die erste Ballonfahrt über Nürnberg*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nuernberginfos.de/nuernberg-mix/erste-ballonfahrt.html>

REFERENCES

Barnard, F.P. 1916: *The Casting-Counter and the Counting-Bord*. Oxford.

Beek, Bert van. 2014: *Jetons: their use and history*, <http://www.chicagocoinclub.org/projects/PiN/juh.html>.

- Berthod, D. 2014: Jetons de Nuremberg à thématique romaine. *Bulletin Numismatique*, février, Paris, 16–17, <http://flips.cgb.fr/bn128/files/assets/basic-html/page1.html>
- Bobrova, A.I., Pushkarev, A.A. 2004: Schetnye pfennigi 17 veka v Narymskom Pri-ob'e. In: *Tradicionnye kul'tury i obshhestva Severnoj Azii s drevnejshih vremen do sovremennosti: Materialy XLIV Regional'noy arheologo-jetnograficheskoy konferencii studentov i molodyh uchennyh*. Kemerovo, 348–350.
- Carde, M. 2004: *Medailles, jetons et autres documents numismatiques de la ville de Bordeaux et du département de la Gironde*. 10–28.
- Chekunin, N.V. 2007: Schetnye zhetony s izobrazheniem imperatora Petra II. In: *Gosudarstvennyj Jermitazh. XIV Vserossijskaya numizmaticheskaya konferenciya*. Saint-Peterburg.
- Fengler, H., Girou, G., Unger, V. 1982: *Slovar' numizmata*. Moscow.
- Forrer, L. 1902–1930: *Biographical dictionary of medallists. Vol. I–VIII*. London.
- Furner, J. 2002: *The inscriptions on Nuremburg Jetons*, <http://www.bexleycoinclub.org.uk/article3.htm>, свободный.
- Gebert, C.F. 1918: *Die Nurnberger Rechenpfennigschlagen*. Munich.
- Grieb, M.H. von (hrsg.) 2007a: *Nürnberg Künstlerlexikon: Bildende Künstler, Kunsthandwerker, Gelehrte, Sammler, Kulturschaffende und Mäzene vom 12. bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts*, München.
- Grieb, M.H. von (hrsg.) 2007b: *Nürnberg Künstlerlexikon: Bildende Künstler, Kunsthandwerker, Gelehrte, Sammler, Kulturschaffende und Mäzene vom 12. bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts*, München.
- Harinskiy, A.V. 2001: Schetnye zhetony i monety v pogrebenijah priol'honskih burjat XVIII–XIX vv. In: *Drevnjaya i srednevekovaja istoriya Vostochnoy Azii*. Vladivostok, 273–276.
- Heigl, P. 2009: *Adler – Stationen einer Lokomotive im Laufe dreier Jahrhunderte. Buch & Kunstverlag Oberpfalz*. Amberg.
- Jakovlev, Ja.A. 2009: *Mogil'nik Tojanov gorodok: Katalog kollekcii F. R. Martina 1891 g. iz fondov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja (g. Stokgol'm)*. Tomsk–Surgut.
- Kokorzhičskaya, T.N., Korpusova, I.V. 1998: Schetnye zhetony Njurnberga v kollekcii Odesskogo arheologicheskogo muzeja. In: *Gosudarstvennyj Jermitazh. Shestaja Vserossijskaya numizmaticheskaya konferenciya v Saint-Petersburge 20-25 aprelya 1998*. Saint-Peterburg, 113–114.
- Korusenko, M.A., Milishhenko O.A. 2002: Schetnye pfennigi iz pamjatnikov v nizov'jah r. Tary. In: *Jetnografo-arheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i so-ciuma*. Novosibirsk, 110–121.
- Kozlov, V.P. 1994: Zarubezhnaya arhivnaya Rossika: problemy i napravleniya raboty. *Novaja i novejšaya istoriya* 3,13.
- Milishhenko, O.A. 2005: *Monety i zhetony kak datirujushhij inventar' pozdnes-rednekovykh poselenij i mogil'nikov: (na primere bassejna reki Tary)*. Omsk.
- Mitchiner, M. 1988: *Jetons, Medalets & Tokens. Vol 1: The Medieval Period and Nuremberg*. London.
- Mitchiner, M. 1991: *Jetons, Medalets & Tokens. Vol 2: The Low Countries and France*. London.
- Mitchiner, M. 1998: *Jetons, Medalets & Tokens. Vol 3: British Isles 1558 to 1830*. London.
- Pushkarev, A.A. 2003: Datirovka zapadnoevropejskih schetnyh zhetonov. In: *Integracija arheologicheskikh i jetnograficheskikh issledovanij*. Omsk, 228–230.
- Pushkarev, A.A. 2013: Zapadnoevropejskie schetnye zhetony iz pogrebal'nyh arheologicheskikh kompleksov Sibiri: istoriograficheskij obzor. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* 6 (26), 130–134.
- Rudenko, I.V. 2012: *Njurnbergskie schetnye zhetony. Rossika. Katalog*. Rostov-na-Donu.

- Snelling, T. 1769: *A view of the origin, nature and use of jettons or counters*. London.
- Spasskij, I.G. 1951: Schetnye zhetony. In: *Istoricheskij pamjatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII v.* Leningrad – Moscow, 130–138.
- Thieme, U., Becker F. (hrsg.) 1907: *Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart*. Leipzig.
- Weinrich, M. *Die erste Ballonfahrt über Nürnberg*, <http://www.nuernberginfos.de/nuernberg-mix/erste-ballonfahrt.html>
- Zvavich, V.I., Lovcov, A.S. 2009: Osobennosti poiska dokumentov zarubezhnoy arhivnoy rossiki. *Vestnik arhivista* 4. 28–38.

ROSSICA STYLE AS A PART OF NUREMBERG COUNTING TOKENS OF 18th – 19th CENTURIES

Igor' V. Rudenko*, Irina V. Mitskevich**

* *Aromadon, Russia,*

riv1515@yandex.ru

***Southern Federal University, Russia,*

irisha061@bk.ru

Abstract. The article is devoted to insufficiently studied object of research – some Nuremberg counting tokens (rechenpfennig) of 18th – 19th centuries in a unique style – Rossica style, where on the obverses the portraits of Russian Emperors are depicted. The data was provided by the specimens in numismatic collections in different museums (Russia, USA, West Europe) and some private collections. In museum collections these subjects are scantily presented, that's why searching for the Nuremberg counting of the Russian style and putting these monuments of medal art together is a matter of great difficulty. The article describes the main types of counting tokens of the Russian style, gives their classification and description, and also provides the general information about the history of coining and its functioning. The authors trace the relationship of images on counting tokens 18th – 19th centuries, devoted to Russia, with the counting of the earlier period.

Key words: counting tokens, Rossica style, numismatics, medallist, determination

ИСТОРИЯ РОССИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 278–295
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 278–295
© Автор(ы) 2016

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В ОРГАНАХ УПРАВЛЕНИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ (1783–1787 гг.)*

Д.А. Прохоров

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь,
prohorov1da@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы интеграции крымских татар в российское общество, их участие в работе органов государственного управления Таврической области, образованной после присоединения Крыма к России. Выяснено, что в период с 1783 по 1787 гг. в рамках российского правового поля были законодательно закреплены различные права и привилегии крымских татар. Многие представители крымскотатарской знати были задействованы в работе «Крымского правительства», а затем и других административных учреждений Таврической области. Их авторитет среди крымскотатарского населения в значительной мере способствовал укреплению позиций российской администрации в этом регионе.

Ключевые слова: крымские татары, 1783 год, присоединение Крыма к России, Таврическая область, органы управления, чиновничество

Вопросы, связанные с изучением истории формирования и структуры органов государственного управления Таврической областью после присоединения Крыма к России в конце XVIII в. ранее рассматривались некоторыми российскими и украинскими исследователями. Так, например, состав чиновничьего аппарата и административных учреждений Новороссийского края в целом и Таврической области в частности проанализирован в работах А.В. Макидонова и В.К. Козырева¹, которые представляют собой обширные справочные издания. История

Прохоров Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. E-mail: prohorov1da@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

¹ Макидонов 2008, 9–48; 2011, 8–294; Козирев 1999.

создания отдельных судебных ведомств Таврической области рассматривалась в публикациях Б.В. Змерзлого, В. Шандры, Т.В. Хутько²; помимо этого, Б.В. Змерзлым и Е.О. Ворониной был изучен процесс формирования карантинных учреждений на Крымском полуострове и на сопредельных с ним территориях³. Труды О.С. Мавриной, Е.П. Змерзлой и И.В. Савченко⁴ посвящены проблеме инкорпорации представителей крымскотатарской знати в российское правовое поле в конце XVIII–XIX вв. В работах, опубликованных ранее автором предлагаемой статьи⁵, проанализирована история создания государственных учреждений Таврической области в 1783–1796 гг. и рассмотрена структура их чиновничьего аппарата.

Тем не менее, следует отметить, что некоторым авторам не удалось избежать ошибок при научной реконструкции истории создания «присутственных мест» Таврической области. Например, приведенная в публикациях А.В. Макидонова, В.К. Козырева, И.В. Савченко информация о лицах из числа крымских татар, получивших назначения в подведомственные учреждения Таврического областного правления в период с 1783 по 1787 гг., является неполной; в ряде случаев встречаются фактические ошибки и неточности. Заметен и недостаточный объем источниковой базы. Все это также обуславливает актуальность настоящего исследования.

Конец XVIII – начало XIX вв. ознаменовались для Крыма существенными изменениями этнической и конфессиональной ситуации. Переселение крымских христиан за пределы полуострова, проведенное А.В. Суворовым по приказу русских властей и длившееся с мая по ноябрь 1778 г., внесло серьезные коррективы в политическую и экономическую сферы; в связи с этими событиями многие населенные пункты Крыма практически обезлюдели. Сократилось число жителей таких городов, как Кефе, Бахчисарай, Карасубазар, Гёзлёв, Ак-Мечеть, Эски-Крым, Балаклава. Полностью или частично опустели 67 горных селений⁶. Массовые эмиграции крымских татар в Турцию в 1783 г. и в последующие годы привели к тому, что заброшенными также оказались многие сады, виноградники и пахотные земли Крыма. Русско-турецкая война 1768–1774 гг., военные действия, которые велись на полуострове в период правления последнего крымского хана Шагин-Герая, эпидемия чумы, свирепствовавшая в Крыму в 1783–1784 гг., – все это крайне негативно отразилось на состоянии региона.

Манифестом императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 г., по которому Крымский полуостров провозглашался частью Российской империи, был определен и статус старожильского населения. В документе, в частности, речь шла о том, что местные жители будут находиться под защитой правительства; им будут предоставлены те же права, что и «природным подданным» Российской империи – императрица обещала «охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру <...> позволять каждому из них состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковое в России пользуется»⁷. Именным указом № 15.798

² Змерзлый 2011, 23–28; Шандра 2009, 538–539; 2011; Хутько 2012, 357–366.

³ Змерзлый, Воронина 2014.

⁴ Маврина 2010, 55–62; Маврина 2011а, 50–59; 2011в, 128–133; 2013а, 36–54; 2013в, 43–44; 2013с, 444–455; 2014, 23–32; Змерзла 2013, 25–31; Савченко 2007, 44–46.

⁵ Прохоров 1995, 213–225; Прохоров 1998, 123–138.

⁶ Маркевич 1910, 536; Водарский, Елисеева, Кабузан 2003, 86.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) 1830а, 898.

от 28 июля 1783 г. «О принятии Крымских жителей и прочих Татарских народов в Российское подданство» Новороссийскому генерал-губернатору князю Григорию Александровичу Потемкину предписывалось следить за соблюдением ранее обещанных прав и свобод; жителям гарантировалась и свобода религиозная. Помимо этого, указом устанавливался ряд налогов и сборов (были перечислены доходы «таможенные, с соли с озер продаваемые, с земли вместо поголовных и десятинные с произрастаний»), причем властям предписывалось, чтобы налогообложение «не было в тягость народную». К тому же часть доходов предполагалось отпускать на «надлежащее и нескучное содержание мечетям и служащим в оных школах их и на другие тому подобные полезные дела». Дальновидной мерой правительства стало и специально оговоренное право не призывать на воинскую службу представителей старожильческого населения (и прежде всего крымских татар) без их «собственной доброй воли и желания»⁸.

Одновременно происходил и процесс инкорпорации представителей крымскотатарской родовой аристократии и служилой знати в российское общество, который, как заключает О.С. Маврина, длился почти столетие⁹. Указ от 22 февраля 1784 г. № 15.936 «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского Дворянства» для крымских татар означал то, что они получали те же права, что и российское дворянство; исключением стало лишь то, что им не разрешалось «приобретать, покупать и иметь крепостных или подданных Христианского исповедания»¹⁰. Кроме того, предусматривалось подтверждение принадлежности знати из крымских татар к привилегированным сословиям и запись их в геральдические книги¹¹. Основные права дворянства Российской империи были получены крымскотатарской знатью и мурзами «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» за № 16.187 от 21 апреля 1785 г.¹² Следует также сказать, что в конце XVIII в. крымских мурз вносили в IV часть родословной книги – как иностранные знатные роды; татарских мурз Поволжья и Приуралья – в V часть (титулованные роды) и VI часть (туда записывали древние благородные роды, доказавшие дворянское происхождение за 100 лет до «Жалованной грамоты»). В VI часть также были включены татарские мурзы, которые еще в XVI–XVII вв. перешли на службу к русским государям, были возведены ими в дворянство и позднее получили название «князья татарские»¹³.

Несколько ранее, в июне 1783 г., у г. Карасубазара, на вершине горы Ак-Кая, представители крымскотатарской знати (среди них было «избранное общество крымское под начальством Ширинского Бея, которое состояло из Ширинских, Мансурских, Кипчакских, Яшлавских, Соблавских, Буручацких, Дарирских и Ократских Беев, из капыхалков»¹⁴, то есть придворных, и из первого

⁸ ПСЗРИ 1830а, 986.

⁹ Маврина 2010, 55.

¹⁰ ПСЗРИ 1830в, 51.

¹¹ Змерзла 2013, 26.

¹² ПСЗРИ 1830в, 344–358.

¹³ Маврина 2013, 43.

¹⁴ «Капыхалки», или «капы-кулу» – досл. «раб дверей», «дворцовая стража»; служилое сословие, сформировавшееся в период правления крымского хана Сахиб-Герая I.

духовенства»¹⁵), а также представителей всех категорий населения Крымского полуострова присягнули на верность императрице Екатерине II; присягу принимал сам князь Г.А. Потемкин¹⁶. В своем ордере от 12 июля 1783 г. российскому дипломату Я.И. Булгакову правитель Новороссии сообщал, что «все знатнейшее правительства здешнего – беи, мурзы, духовенство и избранные из народа в общем здесь собрании подверглись спокойно и без принуждения в подданство Е[я] И[императорского] В[еличест]ва, учинили торжественную присягу, которая и по всему Крыму теперь происходит с полною тишиною и по доброй воле жителей»¹⁷.

После опубликования манифеста 8 апреля 1783 г. перед русским правительством стояла первоочередная задача по восстановлению хозяйства на полуострове, а также по формированию органов административного управления присоединенными территориями. Делая первые шаги в политическом и хозяйственном освоении Крыма, российские власти искали опору своим начинаниям прежде всего в среде влиятельной крымскотатарской знати и духовенства. 7 ноября 1783 г. из их представителей было сформировано «Крымское правительство», которое возглавил командующий русскими войсками на полуострове, а также Каспийским и Черноморским флотами генерал-поручик граф Антон Богданович де Бальмен, а затем его на этом посту сменил лифляндский барон, граф Осип Андреевич Игельстром¹⁸, который 16 августа 1783 г. был назначен на должность командующего князем Г.А. Потемкиным.

В состав «Крымского правительства» вошли Якуб-Ага (или, в соответствии с русской традицией, Яков Измайлович Рудзевич), представитель наиболее влиятельного среди крымскотатарской знати рода Ширинских Мегметша-Бей Ширинский (по прозвищу «Крым-Валесси», т.е. «крымский наместник»), бывший ханский 1-й дефтердар¹⁹ Кутлуша-Ага-Киятов, 2-й дефтердар Темир-Ага, экс-директор ханского монетного двора Абдул-Хамит-Ага. В правительство вошли муфтий Сеит-Мегмет-Эфенди, который, по словам Г.А. Потемкина, «довольно оказал усердия <...> при восприятии Крыма под высочайшую <...> державу»²⁰, а также кадиаскер²¹ Муслядин-Эфенди и его товарищ (заместитель) Мустафа-Эфенди (при этом, по словам современников, кадиаскер и муфтий были друг с другом «в весьма хорошем согласии» и оказывали «свое усердие и верность»)²². В декабре 1783 г. в связи с болезнью Муслядин-Эфенди был заменен Я.И. Рудзевичем²³. Помимо вышеперечисленных лиц, в состав «Крымского правительства» в период с 1783 по 1784 гг. входили крымскотатарские мурзы²⁴: Аджи-Казы-Ага, Аггазы-Ага, Мегметша-Мурза Ширинский,

¹⁵ Иванов 1893, 73.

¹⁶ Иванов 1893, 73, 74.

¹⁷ Мурзакевич 1881b, 274.

¹⁸ Игельстрём Оттон Генрих – лифляндский дворянин, перешедший в 1753 г. на российскую службу.

¹⁹ Дефтердар – чиновник финансового ведомства, отвечающий за ту или иную статью расходов или доходов.

²⁰ Иванов 1893, 76.

²¹ Кадиаскер – верховный судья; глава судебно-кассационного ведомства, в подчинении у которого находились местные кадии.

²² Мурзакевич 1877, 243.

²³ Лашков 1897, 20–21.

²⁴ Кутлуша-Ага-Киятов, Темир-Ага, Аджи-Казы-Ага (Ачказы-Ага) и Абдювели-Ага (Топечок-Ага) являлись представителями т.н. «капы-кулу», или «капы-кулу», придворной служилой знати. Мегмет-Мурза, Мегметша-Мурза и Чатырша-Мурза были членами бейского рода Ширинских, а Гусейн-Бей – Мансурских. Лашков 1897, 25, 26.

Гусеин-Бей, Седжеутский-Мегметша-Мурза, Мегметша-Мурза Аргинский, Султан-Мегмет-Мурза, Мегметша-Мурза и Чатырша-Мурза²⁵.

7 февраля 1784 г. князь Г.А. Потемкин направил императрице проект административного устройства Таврической области, снабженный списком учреждений (т.н. «присутственных мест»), которые должны были быть открыты в первые годы после присоединения Крыма к России. Подавая «на высочайшую апробацию штат области Таврической», Г.А. Потемкин сообщал, что «онный располагал я таким образом, чтобы сия область в управлении совсем ни в малой перед другими губерниями не имела отмены, и чтобы притом нынешние члены правительства Крымского и прочие чиновники поступили на места по соображению их настоящих званий и по уважению преданности и их усердия к высочайшему Вашего Императорского Величества престолу»²⁶.

8 февраля 1784 г. Екатерина II подписала указ, в котором Таврическая область должна была быть разделена на семь уездов: Симферопольский, Левкопольский, Евпаторийский, Перекопский, Днепровский, Мелитопольский и Фанагорийский. Г.А. Потемкину предписывалось «устроить города областной и уездные, и в них открыть присутственные места, которые нужны будут по свойству жителям и по числу их»²⁷. Три из вышеперечисленных уездов области, а именно Днепровский, Мелитопольский и Фанагорийский, в итоге так и не были учреждены, а сумму, отпущенную казной на их обустройство (всего 20 752 руб.), Екатерина II в рескрипте Г.А. Потемкину от 24 апреля 1784 г. повелевала использовать на «строения и нужные тамо [в Таврической области – Д.П.] исправления»²⁸. В тот же день Екатерина II утвердила «стат области Таврической» и подписала ряд именных указов государственному казначею, генерал-прокурору А.А. Вяземскому. Месяцем ранее, 8 марта 1784 г., императрица приняла доклад Сената «О гербе Таврической Области», издав указ № 15.953: «В золотом поле двуглавый орел, на груди ононого в голубом поле золотой восьмиконечный крест, означающий, что крещение во всей Руси через Херсонес произошло; крест же поставлен на государственном гербе для того, что и онный прислан от греческих императоров в Россию тогда, когда воспринято великими князьями крещение»²⁹.

После того как был составлен список «присутственных мест» (предполагались к открытию административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные инстанции)³⁰, первоочередным являлся вопрос об определении штата чиновников для участия в их работе. 11 июня 1784 г. вместо «Крымского правительства» было учреждено Таврическое областное правление³¹. Новым главой крымской администрации стал генерал-аншеф и действительный статский советник Василий Васильевич Каховский³². В состав правления был включен вице-губернатор, коллежский советник Андрей Андреевич Лангель, поручик правите-

²⁵ Макидонов 2011, 173.

²⁶ Иванов 1893, 75, 76.

²⁷ ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. 799. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

²⁸ Киреенко 1893, 56.

²⁹ ПСЗРИ 1830в, 69.

³⁰ Иванов 1893, 71, 72.

³¹ Прохоров 1995, 216.

³² Каховский (Коховский) Михаил Васильевич (1734–1800) – представитель польского дворянского рода Нечуй-Каховских, или Коховских; русский генерал от инфантерии. Участник Семилетней

ля при Палате казенных дел; указом Правительствующего Сената от 25 января 1785 г. № 4821 и на основании «Высочайших учреждений для управления губернии» на должности советников в Таврическое областное правление определялись коллежский советник Мегметша-Бей Ширинский и надворный советник Петр Максимов³³.

До открытия присутственных мест в Таврической области все их функции возлагались на Таврическое областное правление в составе общего и совещательного присутствий и канцелярии как на центральное административно-полицейское учреждение Таврической области. 9 апреля 1784 г. были утверждены форма для дворян и областных чиновников и правила ее ношения: «Кафтан темно-вишневый с зелеными бархатными лацканами, воротник с 2 и обшлага с 4 по разрезу пуговицами; подбой зеленый, камзол белый, пуговицы белые; на кафтане петли везде обведены серебряным плетенком с кисточкою»³⁴.

13 декабря 1784 г. Правительствующий Сенат утвердил в должностях ряд представителей крымскотатарской знати в планировавшиеся к открытию государственные учреждения Таврической области. Кутлуша-Ага-Киятов был определен советником Таврической Палаты уголовного суда с чином коллежского советника (состоял в этой должности до 30 мая 1787 г.), а ассессором в это учреждение – назначен родоначальник фамилии Чалбашевых Джаум-Ага с чином коллежского ассессора (присвоен чин надворного советника в 1793 г.). Коллежский советник Темир-Ага (родоначальник фамилии Ногаевых) стал советником палаты гражданского суда, а ассессором – Ачказа-Ага (Аджи-Казы-Ага) (произведен в чин надворного советника 1 января 1794 г.). В Таврическую Казенную областную палату советником (с чином коллежского советника) был назначен Мегмет-Ага (Казындар-Мегмет-Ага; родоначальник фамилии Балатуковых), а ассессором – коллежский ассессор Мегметша-Мурза Аргинский³⁵. 18 мая 1785 г. Мегметша-Мурза Ширинский, Мегметша-Мурза Аргинский, Аджи-Казы-Ага, Джаум-Ага, Темир-Ага и другие чиновники из числа крымских татар были приведены к присяге на верность службе российскому престолу³⁶.

Важно отметить, что в дальнейшем большинство должностей депутатов, заседателей дворянских опек, верхних и нижних земских судов были замещены молодыми крымскотатарскими мурзами с чинами, и до 1840 г. большинство выборных мест по Крыму было занято крымскотатарским дворянством³⁷. Кроме того, представители из числа крымских татар состояли в областных и городских присутственных местах на должностях переводчиков и приказных служащих.

Г.А. Потемкин в проекте об устройстве Таврической области, представленном императрице Екатерине II на рассмотрение, рекомендовал Мегметшу-Бею Ширинского на должность предводителя таврического дворянства – «по знатности издревле фамилии Ширинской» – с ежегодным жалованием в 2 000 руб., однако с ограничением, «чтобы власть его не простиралась далее пределов предводителя

войны 1756–1763 гг., русско-турецких (1769–1774 и 1787–1791 гг.) войн, военных действий в Крыму 1783 г. и в Польше 1792 г. Правитель Таврической области (в 1784–1792 гг.). Гейсман 1897, 565–573.

³³ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

³⁴ ПСЗРИ 1830в, 93.

³⁵ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–11; ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 6. Л. 28 об., 29.

³⁶ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 89, 92, 93.

³⁷ Муфтийзаде 1899, 6.

губернского»³⁸. Кадиаскер и муфтий должны были получать соответственно 1 500 и 2 000 руб. ежегодно (впоследствии размер жалования кадиаскеру был снижен до 500 руб.)³⁹.

В январе 1787 г. в Крыму были проведены первые дворянские выборы, на которые съехались со всего полуострова около сотни мурз (помимо предводителя дворянства, избирались также совестный судья, дворянские заседатели в верхний земский и совестный суды, а также уездные предводители, исправники и уездные судьи). В результате уездными предводителями дворянства стали: Симферопольским – Абдювели-Ага-Топечокракский, Феодосийским – майор Атай-Мурза «Большой» Ширинский, Перекопским – Усеин-бей Мансурский, Евпаторийским – Арсланша-Мурза Ширинский. Уездными судьями были избраны: Симферопольским – Черкес-Мегмед-Ага, Феодосийским – Мамбет-Мурза Ширинский, Перекопским – Мердимша-Мурза Мансурский, Евпаторийским – Батыр-Ага; уездными исправниками: Симферопольским – капитан Балат-бей, Феодосийским – Темирша-Мурза, Перекопским – Сеит-Ибрагим-Ага, Евпаторийским – капитан Абдураман-Ага-Мамайский⁴⁰.

1 марта 1784 г. был издан Высочайший указ № 15.945 «О составлении войска из новых подданных, в Таврической области обитающих», в составе пяти дивизионов⁴¹, которые получили наименование Таврических национальных дивизионов конного войска и состояли из крымских татар. На начальном этапе было сформировано три дивизиона; состав каждого из них был установлен в 7 офицеров и 200 нижних чинов. Первым дивизионным командовал Мустафа-Мурза-Киятов, вторым – майор Абдулла Величь, третьим – Батыр-Ага Тамагул Крымтайский⁴². В ходе подготовки к визиту на полуостров императрицы Екатерины II, в конце декабря 1786 г. в Крым прибыл князь Г.А. Потемкин. Его встретили в Херсоне секунд-майоры Велиша-Мурза-Киятов и Азамат-Ага, а в Перекопе – коллежские советники Темир-Ага, Мегмет-Ага, Мегметша-Бей Ширинский и Атай-Мурза «Большой» Ширинский. Они проинспектировали крымскую часть маршрута, предназначенного для «Высочайшего шествия»⁴³. В конце января 1787 г. Г.А. Потемкин выехал из Крыма в Кременчуг, а 9 марта из Карасубазара в Киев отправились избранные от дворянства депутаты: Темир-Ага, Абдювели-Ага-Топечокракский, Мегметша-Мурза Аргинский, Юсуф Ибраимович (переводчик) и дворянский секретарь Гусейн-Мурза Ширинский – для приветствия императрицы⁴⁴. Во время ее приезда в Крым в мае 1787 г. все три дивизиона участвовали в торжественном шествии, специально обмундированные «в чекмени и шаровары из черного сукна и с новой амуницией»⁴⁵.

Следует сказать о том, что одну из ключевых ролей в «Крымском правительстве» играл Яков Измайлович Рудзевич, который до этого назначения длительное время находился на службе у российских властей. В 1770 г. он вместе с племянни-

³⁸ Иванов 1893, 75.

³⁹ Иванов 1893, 76; ПСЗРИ 1830с, 482.

⁴⁰ Муфтийзаде 1899, 5.

⁴¹ ПСЗРИ 1830в, 60.

⁴² Муфтийзаде 1899, 3.

⁴³ Мурзакевич 1877, 259.

⁴⁴ Мурзакевич 1877, 262.

⁴⁵ Муфтийзаде 1899, 4.

ком⁴⁶ Юсуфом (Иосифом) Ибрагимовичем (по одной из версий оба принадлежали к роду буджакских татар; по другой были литовскими татарами)⁴⁷ прибыл в ставку российских войск под Бендеры к графу А.И. Панину, где получил назначение на должность переводчика турецкого и татарского языков для ведения переговоров при канцелярии графа П.А. Румянцева в первую русско-турецкую войну⁴⁸. Действуя от имени князя Г.А. Потемкина, Я.И. Рудзевич сообщил высшим ханским чиновникам о предстоящем назначении им жалованья (что, по мнению Е.И. Дружининой, сразу же расположило последних к российским властям), а затем направил отобранных кандидатов к Г.А. Потемкину с просьбой о выдаче им патентов (или «подтвердительных листов») на занимаемые должности. Для наблюдения за правителями отдельных округов (каймаканств), оставшимися на своих постах⁴⁹, Я.И. Рудзевич послал в каждый «кадылык»⁵⁰ по два надзирателя, или «стряпчих», которые должны были следить за неукоснительным исполнением распоряжений властей (в связи с тем, что некоторые из каймаканов и кадиев были настроены враждебно по отношению к новым властям)⁵¹. Я.И. Рудзевич также принимал активное участие и в сборе сведений, вошедших впоследствии в «Камеральное описание Крыма», составленное под руководством О.А. Игельстрома⁵². А 20 января 1783 г. надворному советнику Я.И. Рудзевичу, находившемуся при штабе генерала А.Б. де Бальмена, был высочайше пожалован чин советника канцелярии⁵³.

В отзыве, сделанном в письме к правителю канцелярии Г.А. Потемкина В.С. Попову в июле 1784 г. правителем Таврической области В.В. Каховским о Я.И. Рудзевиче, сообщалось, что «сей человек всем нам здесь полезен»; Каховский называл последнего «надежнейшим помощником и истинным другом», «ревностнейшим исполнителем всех насылаемых от Его светлости [Г.А. Потемкина – Д.П.] повелений»⁵⁴. Я.И. Рудзевич активно участвовал в мероприятиях властей по хозяйственному освоению полуострова; используя свой авторитет и дипломатические способности, способствовал укреплению влияния местной администрации среди крымскотатарского населения. Я.И. Рудзевич сообщал Г.А. Потемкину, что старается «ласкать и простой народ, отводить [его] от властей мурзинских нечувствительным образом и привязывать более к нашей стороне»⁵⁵. А в декабре 1783 г. он, наблюдая массовую эмиграцию крымскотатарского населения с территории полуострова, предложил властям «более татар из Крыма не выпускать,

⁴⁶ По другим сведениям, Юсуф Степанович Ибрагимович являлся братом жены Я.И. Рудзевича Фатьмы (Мурзакевич 1877, 279), однако эти сведения не подтверждаются архивными документами.

⁴⁷ Муфтийзаде 1899, 5.

⁴⁸ Дубровин 1889а, 143, 146, 170–173, 262–264; 1889в, 575–577, 875, 916, 930, 935, 966; Зайцев 2003, 92.

⁴⁹ Так, Бахчисарайским каймаканом был оставлен Мегмет-Ага-Касым-Паша-Оглу, которого сменил в 1785 г. Мегметча-Бей (Мухаммед-Шах-Бей); Перекопским – Сеит-Ибрагим-Ага (Сеит-Ибрагим-Таши-Оглу); Ак-Мечетским – Кутлуша-Ага-Киятов (его сменил Мегмет-Баки-Ага); Карасубазарским – Муртаза-Ага-Гаджи-Мегмет-Ага-Оглу; Козловским (Гёзлёвским) – Али-Ага-Гуслин (Гуссин)-Бей-Оглу; Кафинским – Осман-Ага.

⁵⁰ Кадылык – судебно-административный округ в Крымском ханстве. Находился в управлении кадия (судьи).

⁵¹ Дружинина 1959, 96.

⁵² Лашков 1897, 20–30.

⁵³ Мурзакевич 1881b, 259.

⁵⁴ Мурзакевич 1877, 235, 239, 240.

⁵⁵ Дружинина 1959, 98.

разве таких, которые из мурз и духовенства бесполезные отечеству и недоброжелательны к двору российскому <...>; касательно же до простого народа, то от них, кроме пользы, государству никаких беспокойств надеяться не можно»⁵⁶.

В.В. Каховский в свою очередь замечал, что во многом благодаря разъяснительной работе Я.И. Рудзевича и его влиянию на мурз «татары обознаются со мною, и могу вам похвастаться, меня не ненавидят»⁵⁷. (Между тем правитель Таврической области в своем письме В.С. Попову 18 февраля 1785 г. сообщал, что «здешние жители день ото дня вникают в познание перемены своего состояния, кроме большей части Ширинского колена⁵⁸, кое, кажется, долго козлом вонять будет, ибо пресечения самовластья и награды личных достоинств, а не породы кажутся им неприятными»⁵⁹.) При этом представителями местных органов управления особое внимание уделялось предупреждению распространявшихся среди мусульманского населения слухам об учении суфийского проповедника Шейха Мансура, руководителя народно-освободительного движения горцев Северного Кавказа 1785–1791 гг., которые в Крыму властями пресекались «не круто и не шумно и без показания малейшей боязни»⁶⁰.

После смерти Я.И. Рудзевича осенью 1784 г. князь Г.А. Потемкин в ордере на имя М.В. Каховского 21 декабря 1786 г. сообщил, что, «входя в жалостное состояние оставшей[ся] семьи покойнаго Якуб Аги <...> Ея Императорское Величество Всемиловейше указать соизволила производить жене покойного на содержание ее с детьми по смерти ее по тысячи по двести рублей на год, обеим же дочерям пожаловано на приданое, каждой по пяти тысяч рублей, которые для надлежащего приращения и отдадутся в банк до возраста их»⁶¹. Средства на содержание семьи Я.И. Рудзевича Г.А. Потемкиным было предписано производить из сумм Таврической соляной экспедиции⁶². В ордере от 9 февраля 1786 г. Г.А. Потемкин распорядился, чтобы вдове Я.И. Рудзевича и коллежскому советнику Мегмету-Аге (Мегметше-Мурзе Аргинскому, казнадару последнего крымского хана Шагин-Герая)⁶³ было объявлено, что «буде имеют желание для обучения наукам прислать сюда своих детей, могут сие учинить надежно я не премину определить их в пристойные училища»⁶⁴. Аналогичное ходатайство было направлено В.В. Каховским Г.А. Потемкину также и о брате бахчисарайского каймакана Адиль-Мурзе, «добровольно пожелавшему службы и учения» в России⁶⁵.

Что касается вдовы А.Я. Рудзевича Фатьмы, то в августе 1786 г. она вместе с детьми в сопровождении Юсуфа Ибрагимовича и коллежского советника Мегмет-Ага прибыла в Санкт-Петербург, где семья чиновника получила содержание

⁵⁶ Дружинина 1959, 99.

⁵⁷ Мурзакевич 1877, 235–237.

⁵⁸ В 1782 г., во время вспыхнувшего в Крыму бунта против хана Шагин-Герая, в Карасубазаре была учинена расправа над его зачинщиками: «Салтана Халыма, ширинского поколения мурз и мулл 10 человек <...> насмерть побили» (Цебриков 1783).

⁵⁹ Мурзакевич 1877, 243.

⁶⁰ Мурзакевич 1877, 248.

⁶¹ Киреенко 1888, 3, 4.

⁶² Киреенко 1888, 13.

⁶³ Один из пятерых сыновей Мегмет-Мурзы Аргинского вскоре поступил в кадетский корпус (ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 294. Л. 17 об., 18).

⁶⁴ Киреенко 1888, 13.

⁶⁵ Мурзакевич 1877, 256.

от правительства⁶⁶; местом жительства для вдовы и детей был выбран дом петербургского генерал-губернатора, графа и сенатора Я.А. Брюса. Дети Рудзевича впоследствии были крещены по православному обряду, причем их восприемниками стали сама императрица Екатерина II, а также великая княгиня Елизавета Алексеевна и великие князья Александр Павлович и Константин Павлович. После совершения таинства Екатерина II подарила крестницам Екатерине и Елизавете «по богатым серьгам и по три тысячи рублей каждой», а также платья и другие предметы гардероба⁶⁷. Кроме того, в 1792 г. им же от князя М.А. Голицына были переданы 4 000 руб., а также 13 917 руб. 98 коп. от казны на содержание⁶⁸.

Сыновья Рудзевича, Александр Яковлевич (1776–1829) и Константин Яковлевич (1777–1799)⁶⁹, стали кадровыми военными; старший брат впоследствии отличился на военной службе, командовал корпусом, дослужился до чина генерала от инфантерии. Обе дочери до замужества состояли фрейлинами при дворе императрицы. Екатерина Рудзевич (род. в 1774 г.) вышла замуж за капитана Кадетского шляхетского корпуса, впоследствии – действительного статского советника М.С. Лодыгина (она умерла 2 сентября 1799 г., на следующий день после родов). Елизавета Рудзевич (5 ноября 1776 г. – 4 апреля 1840 г.) была замужем за полковником А.И. Шостаком, действительным статским советником, ставшим затем вице-губернатором Таврической губернии (на этом посту он состоял с 1802 по 1806 гг.)⁷⁰. Что касается падчерицы Я.И. Рудзевича, то В.В. Каховский и В.С. Попов содействовали ее переезду из Крыма в Киев⁷¹.

Юсуфа Ибрагимовича, принимая во внимание «усерднейшую его службу и отличное поведение», а также «довольные успехи по препоручаемым ему комиссиям», указом Правительствующего Сената от 15 декабря 1784 г. назначили на должность помощника областного прокурора с исполнением функций стряпчего казенных дел (он состоял в этой должности до 1790 г.)⁷². Как сообщал В.В. Каховский в письме правителю канцелярии князя Г.А. Потемкина В.С. Попову 7 июня 1788 г., Юсуф Ибрагимович, «хотя коренной мусульманин, во многом однако судит беспристрастно, ясно и справедливо и верит, что под Российской державою душа его не лишена вечного блаженства»⁷³. 14 августа 1786 г., пользуясь благосклонностью властей и «располагая себя на всегдашнее место жительства в Тавриде», Юсуф Ибрагимович ходатайствовал об отводе ему участка земли, примыкающей к землевладению Я.И. Рудзевича (расположенному в Симферополе вблизи зданий присутственных мест; ныне ул. Р. Люксембург/А. Невского)⁷⁴. Полковник Юсуф Ибрагимович скончался в Херсоне от горячки 27 апреля 1794 г. по пути из Санкт-Петербурга в Крым⁷⁵.

⁶⁶ Мурзакевич 1877, 313.

⁶⁷ Мурзакевич 1877, 242.

⁶⁸ Мурзакевич 1881a, 390.

⁶⁹ По некоторым сведениям, Константин Рудзевич застрелился «от безнадёжной любви» [Мурзакевич 1877, 256].

⁷⁰ Давидович 1918, 407–415; ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 286. Л. 7 об.

⁷¹ Мурзакевич 1877, 247.

⁷² Мурзакевич 1877, 246.

⁷³ Мурзакевич 1877, 313.

⁷⁴ Мурзакевич 1877, 256.

⁷⁵ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 286. Л. 1.

Отметим также, что одним из наиболее значимых по рангу в «Крымском правительстве», а затем и в Таврическом областном правлении являлся Мегметша-Бей Ширинский. 20 июля 1783 г. в Карасубазаре Г.А. Потемкиным на его имя был подписан т.н. «охранный лист», или *сальвогардия*, в котором специально оговаривались права вельможи: «Дана сия сальвогардия Крымской области Ширинскому бею Маметше, силою которой всем войскам под моим предводительством находящимся повелевается: не только ни малейших ему Ширин-бею яко верноподданному Ея Императорского Величества обид и озлобления не чинить, но и оказывать при том совершенное ему уважение и благоприятство, под опасением, в случае дерзнувшему сие нарушить, строгого и неминуемого по законам взыскания. Во удостоверение того утверждаю сие рукою и печатью моею»⁷⁶.

Деятельность Мегметши-Бея Ширинского в «Крымском правительстве», по замыслу властей, должна была содействовать укреплению русского влияния среди старожильческого населения на присоединенных территориях (и в особенности среди беев его рода, недовольных российским присутствием). В.В. Каховский в сентябре 1787 г. в своем письме В.С. Попову просил не назначать крымскотатарского вельможу к выполнению незначительных поручений, особенно за пределами полуострова – очевидно, что администрации требовалось его постоянное присутствие в Крыму⁷⁷. В этой связи особенное беспокойство у российского правительства вызывала перспектива возможных волнений среди крымских татар после объявления 13 августа 1787 г. Османской империей войны России – с целью возвращения Крыма и других территорий, отошедших к России после заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. В Таврическую область от имени Екатерины II был направлен «увещевательный открытый лист», содержание которого должно было успокоить население. «Для утверждения здешних жителей в соблюдении всеподданейшего долгу и учиненной клятвы, и чтоб вразумить их о тех благоденствиях и благотворениях, коими они пользуются по ходатайству высокого нашего начальника, – докладывал правитель Таврической области 5 сентября 1787 г., – употреблены мною коллежский советник Мегмет-ага, надворный советник Батыр-ага, коллежский асессор Мегметша Аргинский, капитан Осман-мурза Аргинский и майор Мегметша-бей. Поручу несколько деревень ныне и казиаскер-ефендию»⁷⁸. В.В. Каховским вновь был сделан акцент на том, что не все представители крымскотатарской знати были лояльны к российским властям: «У Ширинцов не успел я снискать доверенности <...> они приобвыкли властвовать и жить грабительством, не могут ныне пользоваться таковым присваиваемым себе злоупотреблением, ибо обижаемые ими татары по принесении жалоб получают защиту»⁷⁹. В.В. Каховский высказывал опасения и по поводу действий некоторых мулл и кадиев; что касается муфтия Мусалара-Эфенди (сменившего на этом посту умершего в 1784 г. Сеит-Мегмета-Эфенди)⁸⁰, то правитель Таврической области сообщал В.С. Попову в Кременчуг, что ни он сам, «ни здешние благомыслящие не возьмемся отвечать за его постоянство»⁸¹.

⁷⁶ Мурзакевич 1881b, 276.

⁷⁷ Мурзакевич 1877, 272.

⁷⁸ Мурзакевич 1877, 273.

⁷⁹ Мурзакевич 1877, 273.

⁸⁰ Александров 1918, 212.

⁸¹ Мурзакевич 1877, 273.

Помимо всего прочего, коллежский советник Мегмет-Ага (Казындар-Мегмет-Ага), надворный советник Батыр-Ага, Меметша-Мурза Аргинский и Мегметша-Бей (Кантакузен) в сентябре 1787 г. были определены В.В. Каховским для приобретения лошадей у населения для нужд артиллерийских частей, находившихся в Крыму; Юсуфу Ибрагимовичу было поручено скупать у городских жителей седла, а благонадежным мурзам – у деревенских. Изъято было также имевшееся у населения оружие. Батыр-Ага (как замечал П.С. Паллас, «почтеннейший и богатейший из татарского дворянства»⁸²) в Керченском кадылыке, по поручению правителя области, занимался сбором данных о ситуации в регионе и вел разъяснительную работу среди местного населения. Батыр-Ага должен был распространять среди крымских татар сведения о силе русского оружия и многочисленности войска, «бдящего неустанно о сбережении от врагов границ»; те же, кто сеял панику и «пустые в народе рассказы», должны были видеть «страх и жестокость наказания»⁸³. Часть крымских татар – в основном проживавших в приморских городах и селах – была принудительно переселена вглубь полуострова, а также за Перекоп; таким способом власти хотели обезопасить себя от возможного анти-русского восстания⁸⁴.

На начальном этапе своей деятельности Таврическое областное правление было временно расквартировано в доме Я.И. Рудзевича в Карасубазаре, где и находилось место для «генеральной квартиры» этого учреждения⁸⁵. В одном из своих первых рапортов князю Г.А. Потемкину В.В. Каховский указывал на необходимость назначения в областное правление письмоводителя «для соблюдения хотя [бы] обряда, заведенного в канцеляриях, ибо на первый случай трудно везде метаться самим»⁸⁶. Помимо этого, правитель Таврической области сообщал, что крайне нуждается в землемерах, переводчиках, архитекторе и лекарях (что касается медперсонала, то в нем ощущалась острая необходимость в связи с тем, что на территории полуострова еще ощущались последствия эпидемии чумы 1783–1784 гг.)⁸⁷.

Вскоре Г.А. Потемкин в своем ордере В.В. Каховскому от 19 января 1786 г. сообщил, что «рапортом Вашим под № 3064 ко мне дошедшим требовали Вы моей резолюции об определении в штат Таврической Области в приложенном списке означенных переводчиков. Как число представленных довольно велико и было бы в тягость казне, то и позволяю я Вам иметь оных столько, сколько для употребления необходимо нужно, убегая излишества, кто ж Вами принят будет, прислать ко мне список»⁸⁸.

2 февраля 1787 г. В.В. Каховский писал В.С. Попову, что находится «в беспокойстве и боязни» за штат Таврического совестного суда. В задачи этой инстанции входило рассмотрение многих запутанных дел в порядке примирительной процедуры у гражданских лиц, и лишь в случае несогласия на это примирение дело передавалось в обычные суды. Совестный суд также осуществлял разбор уголовных

⁸² Паллас 1881, 173.

⁸³ Лашков 1890, 90; Мурзакевич 1877, 282.

⁸⁴ Мурзакевич 1877, 278, 282; Раевский 1865, XXXVII.

⁸⁵ Мурзакевич 1877, 235.

⁸⁶ Мурзакевич 1877, 235.

⁸⁷ Мурзакевич 1877, 238, 239, 241, 246.

⁸⁸ Киреенко 1888, 7.

преступлений, совершенных невменяемыми и несовершеннолетними. Таким образом, он высвобождал другие суды области от большого объема юридических процедур, а деятельность совестного суда контролировалась правителем Таврической области. В.В. Каховский сетовал, что «из неопределенных в коронную службу представить некого», т.к. предполагавшиеся им к назначению на должности в совестной суд крымскотатарские мурзы уже состояли на государственной службе. Например, бывший ханский 2-й дефтердар, а в 1784 г. – коллежский советник Темир-Ага занимал, как уже было сказано выше, пост советника Таврической Палаты гражданского суда (находился в должности до 1794 г.)⁸⁹; в 1793 г. он был возведен в чин статского советника⁹⁰. Батыр-Ага в чине надворного советника (с 1787 г.) состоял советником в Палате Таврического уголовного суда, а коллежский асессор Мегметша-Мурза Аргинский в декабре 1783 г. получил назначение советником в Таврическую Палату казенных дел (в этой должности он находился до 1789 г.)⁹¹. В.В. Каховский предполагал, что штат в Таврического совестного суда должен был состоять из двух представителей дворянского сословия (русского и грека), двух мещан (армянина и еврея) и двух крестьян (русского и крымского татарина) – «для равновесия обитающих здесь народов»⁹².

Следует отметить, что впоследствии в этом судебно-административном учреждении ряд должностей был занят лицами из числа крымских татар. Например, 9 апреля 1787 г. совестным судьей все же был назначен статский советник Мегметша-Мурза Аргинский. Благодаря сохранившемуся формулярному списку о его службе известно, что родился вельможа в 1738 г., «деревни имеет, а крестьян не имеет, а в оных жительство имеют казенные татары общим числом 1359 чел.»; его должностной оклад составлял 600 руб. в год. Как следует из документа, после присоединения Крыма к России Мегметша-Мурза Аргинский был отправлен в Санкт-Петербург, где 10 мая 1784 г. был произведен в премьер-майоры, а 4 сентября того же года получил чин коллежского советника; в статские советники его произвели 2 сентября 1793 г.⁹³ Дворянским заседателем в совестном суде с 12 января 1793 г. числился не имевший чина Исмаил-Бей (р. 1768; владел несколькими деревнями, имел 20 душ крестьян; годовое жалование составляло 360 руб.), ранее состоявший на службе в Симферопольском уездном суде (с апреля 1790 г.)⁹⁴. Мещанскими заседателями (с окладом 200 руб. в год) в совестном суде служили Нур Сеит Челеби (р. 1737; находился в указанной должности с 7 мая 1790 г.) и Муртаза-Ага (р. 1748; в 1787–1789 гг. был заседателем Таврического верхнего земского суда, а в должность заседателя Таврического совестного суда вступил «по выбору» 12 января 1790 г.)⁹⁵. Переводчиком в Таврическом совестном суде (с годовым жалованием 200 руб.) числился Молла Осман (р. 1758; с 10 февраля 1787 г. поступил на службу в Симферопольский нижний земский суд, где находился в течение 1 года; после создания Таврических татарских дивизионов бешлейского войска проходил службу «на прапорщицкой вакансии»;

⁸⁹ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

⁹⁰ Макидонов 2011, 176.

⁹¹ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 9 об.; Макидонов 2011, 177.

⁹² Мурзакевич 1877, 259.

⁹³ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 294. Л. 17 об., 18.

⁹⁴ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 6. Л. 163 об., 164.

⁹⁵ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 6. Л. 164 об., 165.

уволившись, в феврале 1790 г. был определен в Таврическую палату гражданского суда, а затем, с 19 декабря 1793 г. – переводчиком в Таврический совестный суд)⁹⁶.

Таким образом, проанализированные материалы позволяют сделать вывод о том, что в составе органов управления Таврической области, образованной после присоединения Крыма к России, в период с 1783 по 1787 гг. находилось значительное число представителей крымскотатарской знати, присягнувших на верность российскому престолу. В рамках российского правового поля законодательно были закреплены различные преференции и льготы для крымских татар. Среди наиболее влиятельных членов «Крымского правительства», а затем и Таврического областного правления были члены родов Ширинских, Аргинских, Седжеутских беев, ранее входившие в состав ханской администрации. Безусловно, их опыт и авторитет среди крымскотатарского населения способствовал укреплению позиций российской администрации в этом регионе. Помимо этого, ряд ключевых должностей во вновь созданных учреждениях был занят молодыми крымскотатарскими мурзами, получившими чины, звания и привилегии.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров, И. 1918: О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России. *ИТУАК* 51, 207–220.
- Водарский, Я.Е.; Елисеєва, О.И.; Кабузан, В.М. 2003: *Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав)*. М.
- Гейсман, И.А. 1897: Каховский (Коховский) Михаил Васильевич В: А.А. Половцов (ред.). *Русский биографический словарь* VIII, 565–573.
- Давидович, И. 1918: Рудзевич Александр Яковлевич. *Русский биографический словарь* XXIII, 407–415.
- Дружинина, Е.И. 1959: *Северное Причерноморье в 1775–1800 гг.* М.
- Дубровин, Н. 1889а: *Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма реляции и донесения*. СПб. I.
- Дубровин, Н. 1889в: *Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма реляции и донесения*. СПб.
- Зайцев, И.В. 2003: Мушкетер, переводчик, мулла... *Гасырлар Авазы / Эхо Веков* 3/4, 90–92.
- Змерзла, Е.П. 2013: Создание нормативно-правовой базы правового положения крымских татар в Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского* 26 (65), 2–1 (1), 25–31.
- Змерзлий, Б.В. 2011: Сирітські суди в Таврійській губернії: історія і перспективи вивчення (кінець XVIII – початок XX ст.) *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского* 2. 24 (63), 23–28.
- Змерзлий, Б.В.; Воронина, Е.О. 2014: *Правовые основы создания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX веков: (на материалах Таврической губернии)*. Симферополь – Херсон.
- Иванов, П.А. 1893: Из дел Московского отделения архива Главного Штаба. *ИТУАК* 19, 23–78.
- Киреенко, Г.К. 1888: Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического Губернского Правления (1784–1796). Ордера князя Потемкина за 1786 год. *ИТУАК* 3, 1–35.

⁹⁶ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 6. Л. 166 об., 167.

- Киреенко, Г.К. 1893: Ордера графа (князя) Платона Александровича Зубова правителю Таврической области. 1794 г. *ИТУАК* 18, 53–72.
- Козирев, В.К. 1999: *Матеріали до історії адміністративного устрою Південної України (друга половина XVIII – перша половина XIX століття)*. Запоріжжя.
- Лашков, Ф.Ф. 1890: Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 гг. *ИТУАК* 9, 79–106.
- Лашков, Ф.Ф. 1896: Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. *ИТУАК* 25, 89–158.
- Лашков, Ф.Ф. 1897: О Камеральном описании Крыма 1784 г. *ИТУАК* 2, 20–30.
- Мавріна, О.С. 2010: До питання про надання мурзам роду Ширінів дворянського титулу. *Східний світ* 2, 55–62.
- Мавріна, О.С. 2011а: Щодо процедури розгляду документів татарської знаті в Таврійському Дворянському Депутатському Зібранні. *Сходознавство* 53–54, 50–59.
- Мавріна, О.С. 2011в: Деякі аспекти процедури отримання кримськотатарською знаттю станових привілеїв. *Східний світ* 2, 128–133.
- Мавріна, О.С. 2013а: Бейський рід Мансур (Мансурських) у Криму в XIX – на початку XX століття. *Східний світ* 2–3, 36–54.
- Маврина, О.С. 2013в: Вхождение мусульманской знати Крыма в состав российского дворянства в к. XVIII – XIX в.: бейские роды. В сб.: *У наукові читання пам'яті У. Боданінського: тези доповідей та повідомлень міжнародної наукової конференції (Бахчисарай, 23–27 жовтня 2013 р.)*. Сімферополь, 43–44.
- Маврина, О.С. 2013с: Дело рода Сиджеут в фонде Таврического Дворянского Депутатского Собрания. В сб.: А.И. Айбабин, В.Н. Зинько (ред.). *МАИЭТ* 18, 444–455.
- Мавріна, О.С. 2014: Бейський рід Аргін на шляху до дворянства (XIX ст.). *Східний світ* 2, 23–32.
- Макидонов, А.В. 2008: *К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX)*. Запорожье.
- Макидонов, А.В. 2011: *Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века*. Запорожье.
- Маркевич, А.И. 1910: К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества. (Историческая справка). *Таврический церковно-общинный вестник* 11, 516–543.
- [Мурзакевич, Н.Н.] 1877: Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В.С. Попову, для доклада Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому. *ЗООИД* X, 235–361.
- [Мурзакевич, Н.Н.] 1881а: Письма Екатеринославского губернатора Василия Васильевича Коховского состоящему при делах Ее Величества Екатерины II, тайн. сов. В.С. Попову, для доклада князю Платону Александровичу Зубову (с 20 Января 1792 по 24 Июня 1794 года). *ЗООИД* XII, 330–427.
- Мурзакевич, Н.Н. 1881b: Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год *ЗООИД* XII, 249–329.
- Муфтизаде, И. 1899: Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год *ИТУАК* 30, 1–24.
- Паллас, П.С. 1881: Путешествие в Крым в 1793 и 1794 году. *ЗООИД* 12, 62–208.
- Письма Г.А. Потемкину-Таврическому 1875: Письма Г.А. Потемкину-Таврическому III. Графа А.Ф. Ланжерона. *ЗООИД* X, 228–259.
- Прохоров, Д.А. 1995: Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787). В сб.: А.И. Айбабин (ред.). *МАИЭТ* V, 213–225.

Прохоров, Д.А. 1998: Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII века. *Культура народов Причерноморья* 4, 123–138.

Савченко, І.В. 2007: Адміністративне регулювання соціальної структури татарського населення (1783 – перша чверть XIX ст.). *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету* 21, 44–46.

Раевский, М. (ред.) 1865: *Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Таврическая губерния: по сведениям 1864 года*. СПб.

Хутько, Т.В. 2012: Створення судових органів у Таврійській області у 80-ті – 90-ті роки XVIII століття. *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского* 25 (64). 2, 357–366.

Шандра, В. 2009: Совісний суд в Україні кінця XVIII – першої половини XIX століття: структура, судові практики та архівні фонди. *Український археографічний щорічник* 13–14, 538–539.

Шандра, В. 2011: *Совісні суди в Україні (остання чверть XVIII – середина XIX ст.)*. К.

Цебриков, И.М. 1783: *Справедливые действия при врате Крыма в Таврике 1783 года*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147164

REFERENCES

Aleksandrov, I. 1918: O musul'manskom duhovenstve i upravlenii duhovnymi delami musul'man v Krymu posle ego prisoedinenija k Rossii. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii* 51, 207–220.

Cebrikov, I.M. 1783: *Spravedlivyya dejstvy pri vrate Kryma v Tavrike 1783 goda*, http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147164

Davidovich, I. 1918: Rudzevich Aleksandr Jakovlevich In: A.A. Polovcov (red.), *Russkij biograficheskij slovar' XXIII*, 407–415.

Druzhinina, E.I. 1959: *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg*. Moscow.

Dubrovin, N. 1889a: *Prisoedinenie Kryma k Rossii. Reskripty, pis'ma reljicii i donesenija*. Saint-Peterburg.

Dubrovin, N. 1889b: *Prisoedinenie Kryma k Rossii. Reskripty, pis'ma reljicii i donesenija*. Saint-Peterburg.

Gejsman, I.A. 1897: Kahovskij (Kohovskij) Mihail Vasil'evich In: A.A. Polovcov (red.), *Russkij biograficheskij slovar' VIII*, 565–573.

Hut'ko, T.V. 2012: Stvorennja sudovih organiv u Tavrijs'kij oblasti u 80-ti – 90-ti roki XVIII stolittja. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* 25 (64). 2, 357–366.

Ivanov, P.A. 1893: Iz del Moskovskogo otdelenija arhiva Glavnogo Shtaba. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii* 19, 23–78.

Kireenko, G.K. 1888: Ob orderah knjazja Potemkina i grafa Zubova, hranjashhihsja v arhive Tavricheskogo Gubernskogo Pravlenija (1784–1796). Ordera knjazja Potemkina za 1786 god. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii* 3, 1–35.

Kireenko, G.K. 1893: Ordera grafa (knjazja) Platona Aleksandrovicha Zubova pravitelju Tavricheskoj oblasti. 1794 g. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii* 18, 53–72.

Kozirev, V.K. 1999: *Materiali do istorii administrativnogo ustroju Pivdennoi Ukraini (druga polovina XVIII – persha polovina XIX stolittja)*. Zaporizhzhja.

Lashkov, F.F. 1890: Materialy dlja istorii vtoroj tureckoj vojny 1787–1791 g. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii* 9, 79–106.

- Lashkov, F.F. 1896: Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladienija *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii* 25, 89–158.
- Lashkov, F.F. 1897: O Kameral'nom opisani Krima 1784 g. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii* 2, 20–30.
- Mavrina, O.S. 2010: Do pitannja pro nadannja murzam rodu Shiriniv dvorjans'kogo titulu. *Shidnij svit* 2, 55–62.
- Mavrina, O.S. 2011a: Shhodo proceduri rozgljadu dokumentiv tatars'koï znati v Tavrijs'komu Dvorjans'komu Deputats'komu Zibranni. *Shodoznavstvo* 53–54, 50–59.
- Mavrina, O.S. 2011v: Dejaki aspekti proceduri otrimannja krims'kotatars'koju znattju stanovih privileiiv. *Shidnij svit* 2, 128–133.
- Mavrina, O.S. 2013a: Bejs'kij rid Mansur (Mansurs'kih) u Krimu v XIX – na pochatku HH stolittja *Shidnij svit* 2–3, 36–54.
- Mavrina, O.S. 2013v: Vhozhdzenie musul'manskoj znati Kryma v sostav rossijskogo dvorjanstva v k. XVIII – XIX v.: bejskie rody In: Naumenko V.E. (red.), *V naukovu chitannja pam'jati U. Bodanins'kogo: tezi dopovidej ta povidomlen' mizhnarodnoi naukovoï konferencii (Bahchisaraj, 23–27 zhovtnja 2013 r.)*. Simferopol', 43–44.
- Mavrina, O.S. 2013s: Delo roda Sidzheut v fonde Tavricheskogo Dvorjanskogo Deputatskogo Sobranija. In: A.I. Ajbabin, V.N. Zin'ko (red.), *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii XVIII*, 444–455.
- Mavrina, O.S. 2014: Bejs'kij rid Argin na shljahu do dvorjanstva (XIX st.). *Shidnij svit* 2, 23–32.
- Makidonov, A.V. 2008: *K svetskoj i cerkovnoj istorii Novorossii (XVIII–XIX)*. Zaporozh'e.
- Makidonov, A.V. 2011: *Personal'nyj sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka*. Zaporozh'e.
- Markevich, A.I. 1910: K voprosu o polozenii hristian v Krymu vo vremja tatarskogo vladychestva. (Istoricheskaja spravka). *Tavricheskij cerkovno-obshhinnyj vestnik* 11, 516–543.
- [Murzakevich, N.N.] 1877: Pis'ma pravitelja Tavricheskoj oblasti Vasilija Vasil'evicha Kohovskogo pravitelju kanceljarii V.S. Popovu, dlja doklada Ego Svetlosti Knjazju Grigoriju Aleksandrovichu Potemkinu-Tavricheskomu. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej* X, 235–361.
- [Murzakevich, N.N.] 1881a: Pis'ma Ekaterinoslavskogo gubernatora Vasilija Vasil'evicha Kohovskogo sostojashhemu pri delah Ee Velichestva Ekateriny II, tajn. sov. V.S. Popovu, dlja doklada knjazju Platonu Aleksandrovichu Zubovu (s 20 Janvarja 1792 po 24 Ijunja 1794 goda). *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej* XII, 330–427.
- Murzakevich, N.N. 1881b: Rasporjazhenija svetlejshego knjazja Grigorija Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheskogo kasatel'no ustroenija Tavricheskoj oblasti s 1781 po 1786 god. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej* XII, 249–329.
- Muftizade, I. 1899: Ocherk voennoj sluzhby krymskih tatar s 1783 po 1889 god. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii* 30, 1–24.
- Pallas, P.S. 1881: Puteshestvie v Krym v 1793 i 1794 godu. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej* 12, 62–208.
- Pis'ma G.A. Potemkinu-Tavricheskomu 1875: Pis'ma G.A. Potemkinu-Tavricheskomu III. Grafa A.F. Lanzherona. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej* X, 228–259.
- Prohorov, D.A. 1995: Organy upravlenija Tavricheskoj oblasti posle prisoedinenija Kryma k Rossii (1783–1787). In: A.I. Ajbabin (red.), *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii V*, 213–225.
- Prohorov, D.A. 1998: Gosudarstvennye uchrezhdenija Tavricheskoj oblasti v konce XVIII veka. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja* 4, 123–138.

Savchenko, I.V. 2007: Administrativne reguljuvannja social'noï strukturi tatars'kogo naselennja (1783 – persha chvert' XIX st.). *Naukovi praci istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu* 21, 44–46.

Raevskij, M. (red.) 1865: Spiski naselennyh mest Rossijskoj imperii, sostavlennye i izdavaemye Central'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennih del. Tavricheskaja gubernija: po svedenijam 1864 goda. Saint-Peterburg.

Shandra, V. 2009: Sovisnij sud v Ukraïni kincja HVIII – pershoï polovini XIX stolittja: struktura, sudovi praktiki ta arhivni fondi. *Ukraïns'kij arheografichnij shhorichnik* 13–14, 538–539.

Shandra, V. 2011: *Sovisni sudi v Ukraïni (ostannja chvert' XVIII – seredina XIX st.)*. K.

Vodarskij, Ya.E. Eliseeva, O.I. Kabuzan, V.M. 2003: *Naselenie Kryma v konce XVIII – konce XX vekov (Chislennost', razmeshhenie, jetniceskij sostav)*. Moscow.

Zajcev, I.V. 2003: Mushketer, perevodchik, mulla... *Gasyrlar Avazy / Eho Vekov* 3/4, 90–92.

Zmerzla, E.P. 2013: Sozdanie normativno-pravovoj bazy pravovogo položenija krymskikh tatar v Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XIX vv. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* 26 (65), 2–1 (1), 25–31.

Zmerzly, B.V. 2011: Siritski sudi v Tavrijs'kij gubernii: istorija i perspektivi vivchennja (konec XVIII – pochatok XX st.) *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* 2. 24 (63), 23–28.

Zmerzly, B.V. Voronina, E.O. 2014: *Pravovye osnovy sozdanija i dejatel'nosti karantinnyh uchrezhdenij v Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX vekov: (na materialah Tavricheskij gubernii)*. Simferopol'–Herson.

CRIMEAN TATARS IN THE PUBLIC ADMINISTRATION OF TAURIDA REGION FOLLOWED BY ANNEXATION OF THE CRIMEA TO RUSSIA (1783–1787)

Dmitriy A. Prokhorov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russia,

prohorov1da@yandex.ru

Abstract. The article discusses some issues related to Crimean Tatars' integration into Russian society; their participation in the state governance of Taurida Region that was formed after the annexation of the Crimea to Russia. It is found out that during the period from 1783 to 1787 within the Russian legal framework various rights and privileges of the Crimean Tatars were legislatively affirmed. Many of the Tatars noblemen became the members of the “Crimean Government”, and other administrative institutions of Taurida Region. Their influence among the local people considerably promoted strengthening of the Russian authorities position in the region.

Key words: Crimean Tatars, 1783, Russian annexation of Crimea, Taurida Region, public administration, officialdom

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 296–308
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 296–308
© Автор(ы) 2016

ПРОБЛЕМА ИНТЕРАКЦИИ ДЕКАБРИСТСКИХ И МАСОНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В.И. СЕМЕВСКОГО

С.В. Гаврилов

*Уральский филиал Российского государственного университета правосудия,
Челябинск,
angoshga@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимодействия декабристских организаций и масонских лож в начале 1820-х гг. в работах В.И. Семевского. Исследуется обширная источниковая база, использованная ученым при разработке проблемы. Анализируется развитие общественно-политических идей декабристов. Рассматриваются масонские ложи в качестве инструмента рекрутирования новых членов и пропаганды либеральных идей, а также вопросы общей численности декабристов – участников масонских лож. Отмечается, что В.И. Семевский считал взаимоотношения масонов и членов декабристских организаций продуктивными только на ранней стадии их существования. Подчеркивается тесная взаимосвязь масонов и декабристов в контексте влияния западноевропейской общественной мысли. Акцентируется обусловленность их сотрудничества стремлением заимствовать практический опыт масонства в целях декабризма. Обращается внимание на в целом негативную оценку историка-народника масонского мистицизма и его неприятие масонского консерватизма, проявляющегося в отсутствии требований отмены крепостного права и критики самодержавия как института политической власти. Анализ идеологических построений масонов в работах В.И. Семевского тесно связан с характеристикой их практической деятельности на почве благотворительности. Говорится, что последняя форма деятельности имела скромные результаты. Исследователь указывал на немногочисленность масонских организаций в России в эпоху Александра I, слабость их материальной базы и нерешительность. Несмотря на наличие таинственности и мистических ритуалов, это не могло надолго увлечь будущих декабристов как сторонников более активных действий. Работа заканчивается описанием влияния изысканий В.И. Семевского о декабристах-масонах на последующую историографическую традицию.

Ключевые слова: масоны, декабристы, В.И. Семевский, тайные общества, историография декабризма

На протяжении XVIII – начала XX вв. в России в различных сферах общественной жизни с разной степенью эффективности функционировали элементы структур, которые в контексте современной политологической терминологии символизировали бы зачатки гражданского общества. Одной из экзотерических форм лоббирования интересов определенной части российского общества в XVIII – начале XX вв. являлось масонство.

Гаврилов Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уральского филиала Российского государственного университета правосудия. E-mail: angoshga@mail.ru

Изучение деятельности членов декабристских организаций в рамках масонских лож легло в основу научных разработок крупного отечественного исследователя конца XIX – начала XX вв. В.И. Семевского. Исследование этого аспекта деятельности декабристских организаций, как любой другой проблемы, которой когда-либо занимался выдающийся историк-народник, базируется на глубоком анализе источниковой базы.

В личном фонде В.И. Семевского, хранящемся в архиве РАН, имеются подлинные рукописи начала XIX в. по истории русского масонства: о сущности масонства, об освящении и открытии масонских лож, масонские уставы, описание ритуалов («Катехизис для братьев вольных каменщиков», «Размышление о науке масонской», «Некоторые понятия о науке масонской», «Некоторые понятия об ордене свободных каменщиков», «Взгляд на философов и революцию французскую», «Исповедание каменщика», «Устроение капитула рыцарей Востока и Иерусалима»)¹. Эти документы остались почти неизвестными исследователям и были лишь частично использованы в трудах А.Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I» и В.И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов»².

Энциклопедическое владение материалом опирается не только на использование следственных дел, мемуаров декабристов, вышеуказанных или иных источников, но и на личное знакомство с рядом масонов начала XX в.: В.Я. Богучарским, А.И. Браудо, М.М. Ковалевским, Н.А. Морозовым, Н.П. Павловым-Сильванским, Т.О. Соколовской, Д.И. Шаховским, П.Е. Щеголевым. Сам В.И. Семевский, принадлежа к числу «профанов», приобретал благодаря данным контактам ценнейшую информацию об истории российского масонства, его ритуалах, символике и, что самое важное, получал доступ к закрытым для большинства исследователей документам по истории декабризма. Наиболее продуктивными были контакты с А.И. Браудо и Н.П. Павловым-Сильванским, известными своей лояльностью по отношению к власти и имеющими прямой доступ к делам декабристов. В свою очередь в их глазах В.И. Семевский пользовался полнейшим доверием как историк, выполняющий фактически одну и ту же с ними задачу борьбы с существующим в России политическим режимом, понимая ее как выполнение общественно-го долга перед народом.

Историк сознательно локализовал поле своей исследовательской деятельности изучением эволюции и специфики политических и общественных идей декабристских организаций. Об этой задаче было заявлено во введении к монографии «Политические и общественные идеи декабристов» (1909). Единственным фрагментом, который выбивается из общей концепции исследовательской парадигмы В.И. Семевского, является третья глава «Декабристы-масоны». Этот раздел монографии есть усеченный вариант одноименной статьи историка, опубликованной в журнале «Минувшие годы» в 1908 г. (№ 2; 3; 5–6) и в цикле статей, изданных в журнале «Русское богатство» за 1907 и 1908 гг.³

Разъясняя основания для вступления в ряды сообщества «вольных каменщиков» ученый отмечает, что невозможность «открыто выяснять общественные за-

¹ Архив РАН. Ф. 489. Оп. 1. Д. 646–668.

² Волков 1960, 253.

³ Семевский 1907–1908; 1908; 1909.

дачи и способы борьбы с существующим злом естественно вызывали потребность в негласных собраниях. Одну из таких готовых форм, унаследованных от XVIII в., представляли масонские ложи, и многие из декабристов прошли эту школу»⁴. Согласно В.И. Семевскому, ряд декабристов познакомились с орденом «вольных каменщиков» во время заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., а некоторые из них стали членами заграничных масонских лож. «Республиканские идеи разделялись некоторыми последователями французского масонства шотландского обряда. Подобные радикальные идеи влияли и на нашу военную молодежь и подталкивали ее к вступлению в разные тайные союзы. Начав с масонства, она кончила тайными обществами с чисто революционными задачами»⁵.

В.И. Семевский показывает идеологическое воздействие швейцарского и итальянского карбонаризма на отечественное освободительное движение начала 1820-х гг. Историк аргументировано заявляет о том, что итальянский карбонаризм «не был до такой степени неизвестен в Петербурге, как это представлял в своих показаниях Баратаев»⁶. «Посредничество поляков в сношениях русских с итальянскими карбонариями не представляет ничего невероятного, но пример Джильи показывает, что итальянские карбонарии проникали и в Россию. Есть данные, указывающие на сношения русских со швейцарскими карбонариями»⁷.

Этими сведениями для историка являются письма итальянского эмигранта графа д'Орреро, обнаруженные после смерти Александра I в его кабинете. В них, в частности, упоминается о деятельности бывшего воспитателя императора Александра I Ф.Ц. Лагарпа по формированию контингента агентов влияния в России⁸. В.И. Семевский констатирует наличие устойчивых контактов французского революционера, участника заговора Равных Ф.М. Буонаротти с Н.И. и А.И. Тургеневыми. «Что на русских революционеров Южного тайного общества преимущественно влияли карбонарии французской Швейцарии или Франции, а не Италии, показывает и употребительный в этом обществе термин «вента», заимствованный от французского *vente*, а не от итальянского *vendita*»⁹.

Подобные параллели пытаются проводить современные отечественные исследователи, занимающиеся исследованиями проблем истории российского масонства первой четверти XIX в. Так, например, В.С. Брачев полагает, что «сегодня уже никто не сомневается, что движение декабристов в известной степени было аналогом карбонарского ответвления европейского масонства на отечественной почве»¹⁰. Однако таких категоричных суждений работы В.И. Семевского не содержат.

На основе имеющихся в его распоряжении документов В.И. Семевский установил, что среди декабристов было не менее 50 масонов. Ученый приводит персональный перечень декабристов, в тот или иной период своей деятельности состоявших в ложах «вольных каменщиков»¹¹. Историк подчеркивает неполноту этих

⁴ Семевский 1909, 287.

⁵ Семевский 1909, 331.

⁶ Семевский 1909, 364.

⁷ Семевский 1909, 364–365.

⁸ Семевский 1909, 374–375.

⁹ Семевский 1909, 377.

¹⁰ Брачев 2006, 281.

¹¹ Всех их В.И. Семевский подразделяет на две группы. К первой группе были отнесены декабристы, преданные «верховному уголовному суду»: П.И. Пестель (1812–1817), А.Н. Муравьев

данных и выражает надежду, что «дальнейшие исследования, нужно думать, еще более увеличат численность лиц, в которых проявилась непосредственная связь русских политических тайных обществ с масонскими»¹².

Исследователь справедливо отмечает, что «влияние масонства сказалось особенно сильно при устройстве первого тайного общества в России с серьезными политическими задачами – Союза Спасения»¹³. Прежде всего это проявилось на ритуальном уровне. При приеме новых членов Устав Союза Спасения предполагал ряд обрядов, заимствованных из масонских лож. Не является секретом и нахождение в рядах масонства многих представителей этой декабристской организации. Так, например, членами ложи Трех Добродетелей, основанной в конце 1815 г. и состоявшей в Великой провинциальной ложе, были И.А. Долгорукий, П.П. Лопухин, А.Н. Муравьев, Н.М. Муравьев, М.И. Муравьев-Апостол, С.И. Муравьев-Апостол, П.И. Пестель, С.П. Трубецкой, Ф.П. Шаховской. Кроме того, Ф.Н. Глинка и Н.М. Новиков являлись членами ложи Избранного Михаила, а М.А. Фонвизин состоял в ложе Александра к Тройственному Благословению. Известное влияние масонства, по мнению историка, ощущалось и в другой декабристской организации Союзе Благоденствия¹⁴.

По мнению В.И. Семевского, именно «принадлежность к масонству значительного числа членов тайных обществ, преданных верховному уголовному суду, в том числе и людей наиболее энергичных, показывает, что масонство имело свою долю влияния на возникновение тайного общества, но, с другой стороны, то обстоятельство, что большинство декабристов непродолжительное время оставались масонами, очевидно свидетельствует, что масонство их не удовлетворило»¹⁵.

Существенной причиной недовольства масонством со стороны декабристов, по В.И. Семевскому, становится его политическая инертность, напрасная трата времени на масонские ритуалы, а также невысокий коэффициент полезного действия от его просветительской и особенно благотворительной деятельности.

Стремление использовать масонские ложи как источник вербовки новых членов в состав тайных обществ, а также для пропаганды либеральных и радикальных политических идей, натолкнулось на устойчивое сопротивление со стороны консервативного большинства масонских лож, которое чувствовало себя вполне комфортно и не желало подвергаться каким-либо санкциям со стороны властных

(1811–1818), М.И. Муравьев-Апостол (1816–1820), С.И. Муравьев-Апостол (1817–1818), Н.М. Муравьев (1817–1818), С.П. Трубецкой (1816–1819), Ф.П. Шаховской (1817–1820), М.Ф. Митков (1816–1821), М.А. Фонвизин (1820), С.Г. Волконский (1812–1822), М.С. Лунин, Н.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер (1819–1822), М.К. Кюхельбекер (1818), Г.С. Батеньков (с 1818), А. Бригген (1817), А. Ентальцев (1816), С. Краснокутский (1816–1818), Н.И. Тургенев (1814–1817), К.Ф. Рылеев (1820–1821), Е. Мусин-Пушкин (с 1820), И.Ю. Поливанов, Н.И. Лорер. Ко второй группе ученых причисляет всех членов тайных обществ при Александре I: П.Я. Чаадаев (1816–1821), И.А. Долгоруков (1814–1818), М.Н. Новиков (1816–1819), Ф.Н. Глинка (с 1816), П.П. Лопухин, П.И. Калошин, Ф.П. Толстой, П.С. Пущин, В. Глинка, И. Бибинов, В.М. Бакунин, М.А. Корф, Мейер, А. Скалон, В.О. Гурко, И.И. Хотяинцов, В.Ф. Раевский, П. Трубецкой, В.Ф. Лукашевич, Г. Олизар, М.П. Баратаев, Зубков, Н. Булгари, С. Проскура, Мошинский, В. Перовский, П.П. Каверин, Гвоздев. Всего 51 человек по подсчетам В.И. Семевского.

¹² Семевский 1909, 342.

¹³ Семевский 1909, 342.

¹⁴ Семевский 1909, 292.

¹⁵ Семевский 1909, 322.

структур. Это большинство предпочитало ограничиваться «пережевыванием в своих речах элементарных истин и проделыванием масонского ритуала, который декабристам, отрицательно относившимся к масонству, представлялся совершенной бессмыслицей»¹⁶.

Ритуальная сторона масонской деятельности представлялась в сознании декабристов либо как шутовская, либо как имевшая вполне антирелигиозную направленность¹⁷. «Но очень многие декабристы, сделавшись масонами, не только относились к масонскому ритуалу с полной серьезностью, но пытались внести масонские обряды в тайные общества, даже такой выдающийся человек, как П.И. Пестель, находился под сильным влиянием масонства при составлении устава Союза Спасения. То же повторилось и в союзе Благоденствия... являясь ненужными пережитками для тех масонов, которые не шли дальше пережевывания элементарных нравственных истин и не особенно выдающейся благотворительности, некоторые приемы, усвоенные масонами, могли казаться весьма нелишними тем, которые, как Пестель и многие декабристы, участвовали одновременно и в тайном обществе с политическими задачами, и в той или в другой масонской ложе»¹⁸.

Участие в масонских ложах нескольких десятков декабристов коренилось в сильном мистическом течении, охватившем часть русского и западноевропейского обществ. «Какое вредное влияние мог оказывать этот мистицизм на людей даже широко образованных и с выдающимися способностями, лучше всего доказывает тот миллион терзаний, которые пережил П.Я. Чаадаев после того, как он окунулся в мистическую литературу. К счастью, большинство декабристов, соприкасавшихся с масонством, не впали в мистицизм, а, присмотревшись ближе к масонству, разочаровались в нем и постепенно покинули масонские ложи»¹⁹. Отрицательное отношение к разного рода мистицизму сформировалось у В.И. Семевского в период его молодости, когда в среде российской интеллигенции господствовал культ естественных наук с его предельным, иногда гипертрофированным рационализмом.

Историк относится пессимистично к специфике понимания российскими масонами знаменитой триады эпохи Великой французской революции: Свобода, равенство, братство. Она осознавалась масонами в далеком от обозначенного в трудах европейских просветителей XVIII в. смысле: «Масоны много говорили в своих речах о равенстве, но они понимают его или в смысле сохранения собственного достоинства перед высшими, или в смысле равенства масонов между собой»²⁰.

В.И. Семевский приводит многочисленные примеры такого поведения дворян-масонов по отношению к крепостным крестьянам, когда их сословные интересы ставятся выше, чем общие гуманистические речи о любви к крепостным. Да и сами крепостные не могли бы, даже если бы очень захотели, стать полноправными членами масонских действий, а использовались во время собраний только для

¹⁶ Семевский 1909, 322.

¹⁷ Семевский 1909, 353.

¹⁸ Семевский 1909, 353–354.

¹⁹ Семевский 1909, 354.

²⁰ Семевский 1909, 333.

услужения «братьям»: «Масоны восхваляли не только равенство, но и братство, однако они называли братьями лишь товарищей по своему ордену»²¹. «Масоны проповедовали, впрочем, гуманность и любовь ко всем людям вообще, а также гуманное отношение к слугам... Однако, проповедуя человеколюбивое отношение к крепостным, масоны вовсе не возвышались до идеи о противоестественности рабства и необходимости его уничтожения; напротив, согласно с их основными взглядами, крепостной мог иметь внутреннюю свободу, свободу от греха, и это их совершенно удовлетворяло»²². Таким образом воплощалось равенство в практической плоскости.

Ученый справедливо отмечает, что «трудно предвидеть, как бы стали относиться масоны позднее к решению вопроса об уничтожении крепостного права... нужно полагать что они, во всяком случае, шли бы в хвосте освободительного движения в крестьянском деле и позднее многих других поддались бы требованиям не улучшения быта крестьян, а совершенного уничтожения крепостного права. Чрезвычайно характерно, что среди масонов можно было найти таких сердобольных людей, как художник Олешкевич (по отношению к крепостным крестьянам – С.Г.), и в то же время масоны не возвышались до требования уничтожения крепостного права, дававшего возможность так много проливать невинной крови. Такой индифферентизм к одному из главнейших зол русской жизни должен был столь же отталкивать от масонства декабристов, как и нежелание его последователей, бороться с другим не менее вредным злом – самодержавием»²³. С первым утверждением знаменитого исследователя истории российского крестьянства трудно не согласиться. Что же касается российского самодержавия, то его объективная оценка, учитывая всю противоречивость и многоплановость данного феномена, всегда будет зависеть от мировоззрения каждого конкретного ученого.

Не только идеологемы российского масонства, но и их повседневная практическая деятельность интересны В.И. Семевскому как исследователю. «Не останавливаясь на нравственных требованиях, которые масоны предъявляли членам своего ордена в перечнях их обязанностей, а также о которых они исключительно говорили в своих речах, чрезвычайно утомительных своим бессодержательным фразерством, я отмечу, в чем состояла их деятельность, кроме самых собраний лож, которые своим ритуалом возбуждали насмешливое отношение посторонних»²⁴.

К такой деятельности автор относит благотворительность, которая, по его мнению, «в царствование Александра I не имела особенно широких размеров. Но все же в результате деятельности масонских лож являлась некоторая организация благотворительности, помощь бедным оказывалась с большим смыслом, чем при случайных подачках»²⁵. Однако благотворительность масонов по сравнению с деятельностью Н.И. Новикова и уральского горнозаводчика М. Походяшина имела сравнительно скромные результаты.

Незначительные итоги данного рода деятельности масонов были связаны с необоснованной гиперболизацией их благотворительности. Просвещенное рос-

²¹ Семевский 1909, 334.

²² Семевский 1909, 335–337.

²³ Семевский 1909, 339–340.

²⁴ Семевский 1909, 348.

²⁵ Семевский 1909, 352.

сийское общество, главным образом дворянство, тратившее значительные суммы на свои частные нужды, не стремилось щедро субсидировать общественные цели. «В обществе ходили, по-видимому, преувеличенные слухи о сборах производимых масонами как ради благотворительности лицам посторонним, так и с целью взаимопомощи. Отчасти этим объясняется несочувствие некоторых лиц масонству и нежелание присоединяться к этому обществу. Многим не нравилась и таинственность, которую окружало себя масонство»²⁶.

Характеристика, которую дает В.И. Семевский русскому масонству первой четверти XIX в., носит довольно уничижительный характер. «При Екатерине II участие в масонстве сопровождалось, по крайней мере в Москве, широкой общественной деятельностью. Наши же масоны при Александре I, сдавленные полицейскими тисками, были и численно слабы, и бедны материально, и крайне робки, особенно когда люди более смелые и талантливые ушли в тайные общества»²⁷.

Единственным вопросом, на который, на наш взгляд, не смог ответить В.И. Семевский, был о том, почему же многие декабристы длительное время, видя контрпродуктивность своего членства в масонстве, находились в составе «вольных каменщиков». Исследователь не акцентирует внимание на антигосударственной или антихристианской сущности и деятельности отечественного масонства, а выражает свое рационалистическое неприятие масонства с его мистицизмом и скептицизм по поводу его эффективности в сфере нравственного и социального переустройства общества.

Масонство, в его представлении, сыграло «некоторую роль лишь на первых ступенях организации тайных обществ во второй половине 10-х годов XIX века»²⁸.

В современной историографической традиции не существует однозначной оценки роли и численности масонов в тайных декабристских организациях. Так, С.П. Карпачев полагает, что «в целом в русском масонском “братстве” было отрицательное отношение к декабристам»²⁹. Другие же современные исследователи отечественного масонства, и в первую очередь петербургский историк В.С. Брачев, считают, что «для либеральной историографии всегда была характерна недооценка степени влияния масонства на декабристское движение»³⁰, относя к представителям таковой и изыскания В.И. Семевского. Дело здесь, как нам представляется, не в недооценке роли масонства в отечественном освободительном движении, а в политических симпатиях историка-народника, который был на стороне декабристов.

Об этих симпатиях свидетельствует полемика о роли российского масонства в движении декабристов, которая проявилась в рецензии В.И. Семевского на работу графини С.Д. Толь «Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов» (1914)³¹. В отличие от значительной части современных российских исследователей, с позиций объективизма оценивающих деятельность декабристских организаций, расположение В.И. Семевского было на стороне тех из них, кто в

²⁶ Семевский 1909, 352.

²⁷ Семевский 1909, 355.

²⁸ Семевский 1908, № 5–6, 412.

²⁹ Карпачев 2013, 31.

³⁰ Брачев 2006, 280–281.

³¹ Семевский 1914.

наибольшей степени соответствовал ценностным ориентациям самого исследователя. С.Д. Толь ставит, по словам рецензента, три масштабные задачи. Первая из них заключается в стремлении показать декабристские тайные общества исключительно как результат деятельности масонских лож. Вторая – доказать, что «декабристы в лице своих главарей не были высоконравственными и идеальными борцами за идею». И третья – идеализировать образ императора Николая I, «очерняемый в угоду масонским темным силам»³².

Историк восстает против ряда безапелляционных утверждений С.Д. Толь, таких как пассаж о том, что «можно с уверенностью сказать, что декабристский мятеж был делом масонских рук, даже быть может и заграничных, что это было действительно так нам доказывает логика больше, чем история»³³. По утверждению В.И. Семевского, «даже толпу, швырявшую камнями и дровами с крыши Сената, С.Д. Толь относит к вольным каменщикам». С.Д. Толь подозревает масонские козни и в деле петрашевцев, Д. Каракозова, убийстве императора Александра II и многом другом. Эти утверждения основаны не на документах и фактах, а лишь на «убеждении» С.Д. Толь, заявляет историк³⁴. На основании подобных «убеждений» автора «Масонского действия» В.И. Семевский ставит ей свой историко-«врачебный» диагноз: «С.Д. Толь больной человек, страдающий особой болезнью – масонофобией», – и предлагает обратиться за помощью к психиатрам³⁵.

В.И. Семевский проявляет бескомпромиссность при защите от происков С.Д. Толь своего кумира, выдающегося представителя декабризма П.И. Пестеля. «С особым остервенением она набрасывается на П.И. Пестеля, по ее словам, «тайный ставленник всемирного масонства» «жил только для себя» и возмечтал быть «царем на Руси», «он простирает свои окровавленные руки к венцу и бармам Мономаха», но «этим своим честолюбивым желанием пошел наперекор желаниям Ордена и Орден уничтожил его»³⁶. Все эти утверждения историк называет не этичным для рецензии термином «бред» и, используя многочисленные факты, вполне аргументировано опровергает их. Так, подвергая сомнению ее утверждение о мифическом желании П.И. Пестеля стать «царем на Руси», исследователь логично замечает, что по своим убеждениям декабрист был республиканцем, хотя и допускал необходимость введения диктатуры в стране на переходный период. И руки его отнюдь не были окровавлены, хотя бы по той простой причине, что никто из членов императорской фамилии в результате неудавшегося выступления не пострадал³⁷. Не выдерживают серьезной критики под пером исследователя и другие «научные открытия» С.Д. Толь.

Вместе с тем, автор дает восторженную оценку переиздания сборника научных работ А.Н. Пыпина по истории русского масонства XVIII – первой четверти XIX вв. По мнению историка, «в высшей степени симпатично и направление его настоящего труда: это трезвая оценка нашего масонства и деятельности масонов... с указанием как на положительное, так и на отрицательное его значение, тут нет

³² Семевский 1914, 291.

³³ Толь 1914, 37.

³⁴ Семевский 1914, 292.

³⁵ Семевский 1914, 292.

³⁶ Семевский 1914, 293.

³⁷ Семевский 1914, 293.

места ни для защиты мистического обскурантизма, ни для наивных восторгов от нередко бессодержательной фразеологии масонских речей, ни увлечения разработкой одной внешности масонского ритуала»³⁸. Причины столь резкого диссонанса в оценке работ графини С.Д. Толь и академика А.Н. Пыпина со стороны В.И. Семевского вполне объяснимы. Они коренятся в безусловной ориентации ученого в оценке истории общественных движений первой четверти XIX в. на концепцию А.Н. Пыпина. Об этом еще в начале XX в. писал видный русский историк А.А. Корнилов в статье «Василий Иванович Семевский и его исторические труды»³⁹. Второе обстоятельство, наложившее отпечаток на резкую критику работы С.Д. Толь, – это очевидные антимонархические пристрастия В.И. Семевского и, соответственно, симпатии по отношению к представителям освободительного движения или прогрессивной общественности, к которым он относил и себя.

На современном этапе в развитии отечественной исторической науки принимаются продуктивные в научном отношении исследования, связанные с уточнением данных о численности декабристов-масонов или специфике взаимодействия декабризма и масонства. «Роль вольного каменщичества в формировании позиций отдельных дворянских революционеров была различной. Более 120 декабристов являлись членами различных масонских лож как в России, так и за рубежом. Одни из членов тайных обществ лишь до вступления в декабристские организации принимали участие в масонских работах, другие – уже после отказа от деятельности в тайных политических обществах, но наиболее интересным феноменом является осознанное влияние декабристов на масонство», – считает А.И. Серков⁴⁰. Исследователь выделяет в декабристском движении два основных подхода к масонству, «один из которых вырабатывался преимущественно членами Союза Спасения, другой – лицами находившимися под влиянием Ордена русских рыцарей; все иные не представляли собой целенаправленной политики по отношению к масонству»⁴¹.

Деятельность первого направления увязывается А.И. Серковым с ложей Три Добродетели. Декабристы-члены данной ложи стремились использовать четко централизованную систему «шведского» масонства для создания законспирированной тайной организации Союза Спасения. «Масонство привлекало членов Союза Спасения не только возможностью пропаганды своих идей в ложах, но и вероятностью завоевать руководящие посты в масонстве»⁴². Эта попытка не увенчалась успехом из-за противодействия консервативно настроенного руководства Великой провинциальной ложи.

Осмысление двух линий в контексте лоббирования декабристами своих замыслов в масонских ложах следует считать одним из значительных достижений современного московского исследователя. Не вызывает сомнения, что «большая часть членов союза Спасения соотносила новое организационное построение общества с тактической линией на заговор. Основой подобного убеждения являлось членение общества на «руководящих и руководимых», «инициаторов и исполни-

³⁸ Семевский 1916, 198.

³⁹ Корнилов 1916, 298.

⁴⁰ Серков 2000, 144–145.

⁴¹ Серков 2000, 145.

⁴² Серков 2000, 145.

телей». Новые же члены, воспитанные на традициях дружеских собраний, протестовали против «слепого повиновения»⁴³.

Заслуживает внимания и вывод современных исследователей о возможности существования декабристских структур в автономном от масонства режиме, так как «деятельность же военного общества, большинство членов которого были масонами, показала реальную возможность функционирования организации декабристов независимо от масонских форм. Осознание невозможности проникновения в среду верховного руководства масонства в сочетании с недовольством большой группы декабристов строгой централизацией привело к перемещению центра усилий из сфер руководящих в отдельные, причем преимущественно находящиеся на окраинах страны, ложи. Определенную роль в отказе декабристов от первоначального плана создания политического масонства в России, сыграла и недостаточная законспирированность собраний»⁴⁴. Последнее заключение также следует и из изыскания В.И. Семевского, приводящего красноречивые примеры деятельности декабристов в рядах провинциальных масонских лож (Полтава, Киев, Кишинев и др. – С.Г.).

Распространение вольнолюбивых идей в масонских ложах, подготовка будущих членов тайных обществ в мастерских вольных каменщиков с конца 1817 – начала 1818 гг., в период создания Союза благоденствия, становится одним из основополагающих моментов в деятельности лиц, связанных с Орденом русских рыцарей, представляющих второе направление политики членов тайных обществ по отношению к масонству. Сущность данной политики можно было свести к сочетанию ориентации на заговор с широкой пропагандистской деятельностью внутри провинциального дворянства⁴⁵. Тактика членов Ордена русских рыцарей, а с 1818 г. Союза благоденствия, заключалась в том, чтобы параллельно с декабристскими управами создавать еще и масонские ложи. В последних шла подготовка будущих декабристов и создание общественного мнения местного дворянства в поддержку реформ, в управе же раскрывались основные планы революционеров. Ложи создавались таким образом, чтобы в первую очередь влиять на позиции местного дворянства в крестьянском вопросе⁴⁶.

Вряд ли можно согласиться с выводом петербургского историка масонства В.С. Брачева о том, «что, не будь в России Александровского времени масонских лож, не было бы, скорее всего, и самого восстания». Нельзя недооценивать влияние масонства на движение декабристов в организационном плане, но и переоценивать его тоже нет необходимости. Не вызывает возражений тезис В.С. Брачева о том, что «именно с будущими декабристами связано возникновение и такого нового для первой четверти XIX в. явления в русском масонстве, как появление в нем, наряду с либеральным и консервативным, еще и так называемого радикального крыла, нацеленного на коренное изменение политического строя и проведение революционно-демократических преобразований в стране»⁴⁷.

⁴³ Серков 2000, 155.

⁴⁴ Серков 2000, 160.

⁴⁵ Серков 1991, 15.

⁴⁶ Серков 2000, 180.

⁴⁷ Брачев 2006, 289.

Современная историографическая традиция, в отличие от В.И. Семевского, уделяет основное внимание не эволюции идеологических конструктов декабристов, а специфике и эффективности функционирования различных организационных структур в рамках декабристских сообществ, но вклад историка-народника не может быть минимизирован. На наш взгляд, современные исследования не опровергают и выводов историка о причинах вступления будущих декабристов в отечественные масонские ложи вскоре после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Их ориентация на достижения западноевропейской культуры и политической практики является в настоящее время общеизвестным фактом. Не вызывают сомнений и установленные историком-народником примеры вступления декабристов в германские, французские и иные иностранные масонские ложи. Экстраполяция эмпирической и мировоззренческой составляющих в деятельности западноевропейских сообществ вольных каменщиков, в которых достаточно сильным было радикальное крыло, на российские масонские ложи, построенные по их образу и подобию, в принципе также прогнозируемо. Что же касается декабристов, то большая часть из них были люди достаточно молодые, а молодости в большей степени присущ максимализм или радикализм в мировоззренческом контексте.

Заслуги В.И. Семевского в деле изучения истории русского масонства первой четверти XIX в. и его связей с освободительным движением в России несомненны. Они заключаются во введении в научный оборот широкого комплекса исторических источников, в постановке самой проблемы, в попытке выявления персонального состава декабристов-масонов, степени участия в деятельности масонских лож А.С. Пушкина, П.Я. Чаадаева и других выдающихся представителей русской культуры первой четверти XIX в.

Полное подчинение власти неправительственных общественных организаций с вполне безобидными для государства идеями нравственного совершенствования может привести к поиску новых способов изменения существующего социально-экономического и политического строя. Такой попыткой стал заговор декабристов, имевший своей целью кардинальное изменение существующих порядков в России. В первую очередь это касалось нравственно порочного в глазах декабристов и тормозящего социально-экономическое развитие страны крепостного права. Другой концептуальной проблемой для участников заговора, многие из которых, как показывают исследования В.И. Семевского, являлись выходцами из масонских лож, была необходимость реформирования абсолютистского государства, расширения прав и свобод подданных. В настоящее время необходимо учитывать опыт взаимоотношений масонства и государства в контексте выработки отношений конструктивного сотрудничества между неправительственными общественными организациями и властью.

ЛИТЕРАТУРА

- Брачев, В.С. 2006: *Масоны у власти*. М.
Волков, С.И. 1960: Фонд В.И. Семевского (Из фондов Архива Академии наук СССР). *Археографический ежегодник за 1958 г.*, 251–256.

- Карпачев, С.П. 2013: Декабристы против масонов. *Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки»* 1 (11), 26–32.
- Корнилов, А.А. 1916: Василий Иванович Семевский и его исторические труды. *Вестник Европы* 11, 282–301.
- Семевский, В.И. 1907–1908: Очерки по истории политических и общественных идей декабристов. *Русское богатство* 5, 107–152; 7, 138–169; 10, 43–84; 11, 39–80; 12, 98–141; 1908. 4, 55–98; 7, 65–100; 11, 82–111.
- Семевский, В.И. 1909: *Политические и общественные идеи декабристов*. СПб.
- Семевский, В.И. 1916: Пыпин А.Н. Русское масонство XVIII – первой четверти XIX в. *Голос минувшего* 10, 198.
- Семевский, В.И. 1908: Декабристы-масоны. *Минувшие годы* 2, 1–50; 3, 127–170; 5–6, 379–433.
- Семевский, В.И. 1914: Графиня Толь С.Д. рожденная Толстая. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. *Голос минувшего* 7, 291–294.
- Серков, А.И. 1991: *Российское масонство. 1800–1861: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук*. М.
- Серков, А.И. 2000: *История русского масонства XIX века*. СПб.
- Толь, С.Д. 1914: *Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов*. СПб.

REFERENCES

- Brachev, V.S. 2006: *Masonry u vlasti*. Moscow.
- Volkov, S.I. 1960: Fond V.I. Semevskogo (Iz fondov Arkhiva Akademii nauk SSSR). *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1958 g.*, 251–256.
- Karpachev, S.P. 2013: Dekabristy protiv masonov. *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki»* 1 (11), 26–32.
- Kornilov, A.A. 1916: Vasilii Ivanovich Semevsky i ego istoricheskie trudy. *Vestnik Evropy* 11, 282–301.
- Semevsky, V.I. 1907–1908: Ocherki po istorii politicheskikh i obshchestvennykh idey dekabristov. *Russkoe bogatstvo* 5, 107–152; 7, 138–169; 10, 43–84; 11, 39–80; 12, 98–141; 1908. 4, 55–98; 7, 65–100; 11, 82–111.
- Semevsky, V.I. 1909: *Politicheskie i obshchestvennye idei dekabristov*. Saint-Petersburg.
- Semevsky, V.I. 1916: Pypin A.N. Russkoe masonstvo XVIII – pervoy chetverti XIX v. *Golos minuvshego* 10, 198.
- Semevsky, V.I. 1908: Dekabristy-masonry. *Minuvshie gody* 2, 1–50; 3, 127–170; 5–6, 379–433.
- Semevsky, V.I. 1914: Grafinya Tol' S.D. rozhdenneya Tolstaya. Masonskoe deystvo. Istoricheskiy ocherk o zagovore dekabristov. *Golos minuvshego* 7, 291–294.
- Serkov, A.I. 1991: *Rossiyskoe masonstvo. 1800–1861: avtoref. diss. na soisk. uch. step. kand. ist. nauk*. M.
- Serkov, A.I. 2000: *Istoriya russkogo masonstva XIX veka*. Saint-Petersburg.
- Tol', S.D. 1914: *Masonskoe deystvo. Istoricheskiy ocherk o zagovore dekabristov*. Saint-Petersburg.

THE PROBLEM OF INTERACTION OF DECENBRIST AND MASONIC
ORGANIZATIONS IN V.I. SEMEVSKY'S RESEARCH WORK

Sergey V. Gavrilov

Russian Academy of Justice, Russia,
angoshga@mail.ru

Abstract. The paper aims at studying the interaction of Decembrist organizations and Masonic lodges in the early 1820s in V.I. Semevsky's research work. The author explores a vast source base used by the scholar while tackling the problem and analyzes the development of the Decembrists' socio-political ideas. The article describes Masonic lodges as a tool for recruiting new members and advocacy of liberal ideas and discusses the total number of the Decembrists in Masonic lodges. V.I. Semevsky regarded the interrelations of Freemasons and members of Decembrist organizations to be effective only in the early stages of their existence. The paper emphasizes the Decembrists and Masons' close relationship influenced by the West European social thought and accentuates the conditioning of their cooperation by the desire to borrow practical experience of Freemasonry for the purposes of the Decembrist movement. Special attention is paid to the generally negative assessment by the historian-narodnik of Masonic mysticism and his rejection of Masonic conservatism which manifested itself in the absence of demands for the abolition of serfdom and criticism of absolutism as an institution of political power. The analysis of ideological constructs of Masons in the works of V.I. Semevsky is linked to the characteristics of their practical activity on the basis of charity. The latter form of activity didn't have great results. The researcher indicated the fewness of Masonic organizations in Russia in the era of Alexander I, the poorness of their facilities and resources and indecision. Despite the presence of mystery and mystic rituals Freemasonry could not for a long time inspire future Decembrists as the supporters of more dynamic actions. The article comes to an end with a depiction of the influence of V.I. Semevsky's research work on the Decembrists – members of Masonic lodges on the subsequent historiographical tradition.

Key words: freemasons, the Decembrists, V.I. Semevsky, secret societies, historiography of the Decembrist movement

ЭТНОЛОГИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 309–314
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 309–314
©Автор(ы) 2016

БОЖЕСТВА И ДУХИ ДОМАШНЕГО ПРОСТРАНСТВА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ЧУВАШЕЙ

В.В. Медведев

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
vlad.etno@mail.ru*

Аннотация. Строительству дома чуваша уделяли особое внимание, выбирая наиболее благополучное место двора и совершая определенные обрядовые действия. В жилом доме, как и во многих других постройках, по представлениям чувашей, обитали потусторонние существа. С началом строительства божествам и духам посвящали растительные, животные и другие виды жертв. Положительные и отрицательные персонажи упорядочивали домашнюю жизнь. Хранителя домашнего очага чуваша представляли мужчиной, но он имел и женскую ипостась. Локусом размещения считали домашнюю печь, поэтому возвращаясь из гостей, на печь, за печь или в нее бросали кусочки еды. С печью также связаны божество огня, мать печи, многочисленные добрые и злые духи. Божества и духи не только оберегали жилище от несчастий и бед, но и вредили домочадцам, если были недовольны их поведением и дароприношениями. Вредоносные существа для вторжения в домашнее пространство пользовались различными объектами жилища. Дом представлял собой сложный организм, отвечавший нуждам человека и отражавший мировоззренческую картину. Элементы и домашнее пространство имели индивидуальное знаково-символическое назначение. Наделение особыми свойствами деталей, объединенных в единое целое, было направлено на благополучие и достойную жизнь домочадцев. Подобное восприятие дома подтверждает идею, согласно которой жилище рассматривается не только как место проживания семьи, но и как храм для божеств, где хозяин выступает священником. В статье кратко систематизированы божества и духи, занимавшие пространство дома чувашей.

Ключевые слова: этнография, чуваша, религиозные представления, обряды

Медведев Владислав Валентинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: vlad.etno@mail.ru

Чуваши обозначали жилище словом *пурт* «дом, изба». И положительные, и отрицательные персонажи, населявшие его, регламентировали домашнюю жизнь. С момента начала строительства божествам и духам адресовали растительные, животные и иные виды жертв.

Определившись с местом будущей избы, закладывали фундамент. Действие сопровождал обряд *никёс пайти* «каша божеству фундамента». Серебряную монету и шерсть укладывали в *тур кётесси* «угол божества *Турй*» (юго-восточная сторона), или на столбе фундамента, или после первого, третьего венца. Серебро должно было наполнить дом достатком, шерсть – теплом¹. Чуваши Большешатминского прихода Ядринского уезда Казанской губернии, закладывая фундамент, в углах раскладывали медные крестики, оберегавшие от злых духов. В центре основания новой избы варили кашу и произносили молитву о благополучии семьи². При этом оборачивались лицом на восток³.

Серебряную монету посвящали божеству *Хёртсурт* «хранителю домашнего очага»⁴. С принятием православия чуваши начинали заимствовать традиции русских. Начиная строительство, по углам совместно раскладывали монеты и крестики. Для освящения будущего или уже завершённого дома приглашали священника⁵.

Чуваши связывали представления о *Хёртсурте* с печью дома. В источниках, опубликованных изданиях, как и в словах информантов, отсутствует единое определение места обитания божества. Довольно часто упоминают, что он проживает на печи или под ней. Его считают домашним божеством, находящимся на всем пространстве. В современных условиях *Хёртсурт* занимает кухню или котельную, поскольку во многих домах печи отсутствуют в связи с газификацией поселений.

В честь божества готовили кашу и лепешки, читали молитву и приступали к семейной трапезе. Блюдо с жертвенными дарами и ложки оставляли на печи до утра. На другой день съедали за завтраком⁶. В иной форме обряда тарелку каши и лепешку хозяйка ставила в отверстие печи на подушку и обращалась к *Хёртсурту*. Помолвившись и отвесив три поклона, доставали из печи кашу, лепешки и приступали к трапезе. Приглашали к столу домашнего хранителя. Перед печью накрывали стол и оставляли кашу, вокруг которой раскладывали ложки по количеству членов семьи. Рядом укладывали подушку, чтобы, поев, *Хёртсурт* имел возможность отдохнуть⁷.

Один из возможных образов *Хёртсурта* представлял фигуру женщины, окрашенную черной краской. На голове – повязка, шею обрамляло ожерелье, руки вдоль туловища. Хранили фигуру, завернув в ткань, между двух лаптей. Название такого божества *Ерехметь-Хёртсурт*, от *ёрехмет* «благодать» + *Хёртсурт*, т.е. божество, приносящее дому благо⁸.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 150. Л. 514; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. Л. 238.

² Салмин 1994, 103.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 168. Л. 305.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 12.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 357.

⁶ Ашмарин 2000, 56.

⁷ Месарош 2000, 145.

⁸ РЭМ. № 967-2 а, b, с.

В строительном деле завершение работы над печью связано с проведением праздника *Хёртсурт пйтти* «каша в честь божества *Хёртсурт*»⁹. Очевидна связь хранителя дома и печи. Божеству адресовали как систематические жертвы, так и эпизодические. В таких случаях на печь бросали кусочки пищи. Возвращаясь из гостей, отщипывали от гостинцев три кусочка и откладывали на печь, после этого кушали сами¹⁰. В другом варианте пищу бросали за печь, поскольку *Хёртсурта* связывали с данным местом¹¹. «Пусть будут носимы нам гостинцы, а мы все будем есть да есть, на и тебе, *Хёртсурт*», – приговаривали хозяева при этом¹².

Переход семьи в новый дом сопровождался просьбой к *Хёртсурту* проследовать за ней. Аналогично действовали закамские удмурты, приглашая на новое место *Коркамурта* / *Коркакузё*¹³. Чуваши отламывали от печи заштукатуренный кусок и забирали, в новом доме клали на печь, а сейчас нередко у отопительного устройства. Действо олицетворяло переход *Хёртсурта* в дом. В с. Манеево Аургазинского р-на РБ, по сообщению этнолога И.Г. Петрова, крещенные чуваши на печь кладут ситцевую ткань и зовут с собой божество. Полотно сворачивают, а на печи нового дома разворачивают, выпуская из него *Хёртсурта*.

Перед выездом из родного дома невеста отламывала от печи кусок глины и приглашала *Хёртсурта*¹⁴. В доме родителей жениха молодая должна была угостить их хранителя, поэтому на печь бросала кусочки хлеба и другой пищи. Обращаясь с поклоном к печи, невеста говорила: «Пусть пройдет век мой перед тобой благополучно»¹⁵. Помимо гостинцев, невеста оставляла у печи полотенца или *сурпан*¹⁶. Подарки со стороны невесты и обращение к печи подразумевали благорасположение к себе *Хёртсурта*, поскольку именно здесь женщина будет проводить большую часть своего времени.

Интересный эпизод о восприятии *Хёртсурта* в наши дни приведен Е.А. Ягафовой. В с. Уязыбашево Миякинского р-на РБ *Хёртсурт* был обнаружен в виде иконы. Триптих хранился в коробочке над кроватью¹⁷.

В представлении информантов *Хёртсурта* иногда заменяет божество *Пирёшти*. При этом *Пирёшти* считают женским персонажем, а *Хёртсурт* выступает в роли мужчины.

Пирёшти, оберегавшую новорожденного на протяжении всей его жизни, чуваши приглашали в печную трубу. С обретением имени *Пирёшти* ребенок принимал статус человека¹⁸.

Мировоззрение чувашей выделяло печь как обитель домашних божеств и духов. Понятия «печь» и «огонь» едины, поэтому здесь обитает божество *Вут*. На печи находится *Камма амйшэ* «Мать печи». На печи, под либо за ней проживают

⁹ Никольский 1928, 37.

¹⁰ Ашмарин 2000, 57.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 86.

¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 93, 550.

¹³ Садиков 2008, 88–89.

¹⁴ Магнитский 1881, 203.

¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 92.

¹⁶ Ашмарин 2000, 28.

¹⁷ Ягафова 2007, 83–84.

¹⁸ Салмин 2007, 459.

ыра́сем «добрые» и уса́лсем «злые» божества и духи. Добрые персонажи – *Вут*, *Ка́мака амйи́ш*, *Пирёштити* и *Хёртсурт*. К злым духам относятся *Инкек* и *Вуня́р*¹⁹.

Благополучие дома, семьи и защиту от несчастий гарантировали жертвоприношения и обращения к божествам. К *Вут* обращались со словами: «Огненное божество, помилуй, спаси, подай здоровье мне с домашними моими». Для этого варили гуся или утку, а произнесли молитву, вставали перед устьем печи на колени²⁰. Огонь имел отца и мать, о чем чувашки говорили, молившись в *чу́клем*. Разводя его в печи, не допускали бранных слов, поскольку огонь может рассердиться, и начнется пожар. В случае пожара в деревне тушили огонь в очагах и печах. Справившись с пожаром, домохозяева совместно добывали новый огонь и разносили по дворам. Семья жертвовала ему кашу, масло и лепешки²¹. Запрет на разведение огня в печах поддерживали в период *синсе*²². Жертвоприношение адресовали и *Ка́мака амйи́ш*, обитавшей в печи. Изгнание злых духов из данного локуса и сопредельного пространства проводили в *се́рен*.

Во время бесед информанты вспоминали о том, что в подпол опускали выкопанный куст рябины вместе с корнями. Объясняют действо тем, что семья, как и куст с корнями, должна прочно закрепиться на новом месте. Рябина охраняла домочадцев и жилище. В беседе с этнологами Е.А. Ягафовой и И.Г. Петровым было высказано предположение о том, что куст рябины в данной ситуации выступал одной из форм домашнего божества *Йёрёх*. Неслучайно дерево использовали как оберег и хранили в доме, на усадьбе или сажали во дворе. Например, ставя новые ворота, в пустоту металлических столбов бросают рябиновые ветви. Закладывают их и в фундамент наряду с монетами и шерстью. Одновременно полагали, что в подполье обитают злые духи. Например, верили в находившихся здесь *Иие* и *Шуйттана*. Нагайбаки считали подпол локусом пребывания *Өй иясе* «хранителя дома».

Отрицательные персонажи могли воспользоваться разными домашними объектами, чтобы проникнуть внутрь. В дымовое отверстие избы ночью мог влететь заколдованный змей *Вёре сёлен* и, приняв облик человека, предстать перед хозяином или хозяйкой²³. Окна служили входом для потусторонней силы, поэтому их старались скрыть от чужих людей. В дом проникал не только свет, но и взгляд, опасность. В роли оберегов, защищавших дом, выступали резные наличники, содержащие определенный набор знаков²⁴. Окно служило входом для вредоносного духа *Вуня́р*²⁵.

Таким образом, вполне можно утверждать, что дом – это сложный организм, отвечавший нуждам человека и отражавший его мировоззренческую картину. Как известно, развитие жилища происходило, испытывая влияние естественно-географических условий, межэтнических диффузий и общих культурных тенденций. Для благополучия дома чувашки выполняли обрядовые действия, почитая божеств и духов, что, по их мнению, обеспечивало стабильность жизни.

¹⁹ Салмин 1998, 26–28.

²⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 40. Л. 269.

²¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 91, 97.

²² Вишневский 1846, 23.

²³ Салмин 2007, 472.

²⁴ Байбу́рин 1993, 166.

²⁵ Ашмарин 1999, 53.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашмарин, Н.И. 1999: *Словарь чувашского языка*: в 17 т. Т. 9–10. Чебоксары.
 Ашмарин, Н.И. 2000: *Словарь чувашского языка*: в 17 т. Т. 11–12. Чебоксары.
 Ашмарин, Н.И. 2000: *Словарь чувашского языка*: в 17 т. Т. 17. Чебоксары.
 Байбурин, А.К. 1993: *Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*. СПб.
 Вишневский, В.П. 1846: *О религиозных поверьях чуваш*. Казань.
 Магнитский, В.К. 1881: *Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собранные в некоторых местностях Казанской губернии*. Казань.
 Месарош, Д. 2000: *Памятники старой чувашской веры*. Чебоксары.
 Никольский, Н.В. 1928: *Краткий курс по этнографии чуваш*. Вып. 1. Чебоксары.
 Садиков, Р.Р. 2008: *Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития)*. Уфа.
 Салмин, А.К. 1994: *Народная обрядность чувашей*. Чебоксары.
 Салмин, А.К. 1998: *Семантика дома у чувашей*. Чебоксары.
 Салмин, А.К. 2007: *Система религии чувашей*. СПб.
 Ягафова, Е.А. 2007: *Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI века*. Самара.

REFERENCES

- Ashmarin, N.I. 1999: *Slovar' chuvashskogo jazyka*: v 17 t. T. 9–10. Cheboksary.
 Ashmarin, N.I. 2000: *Slovar' chuvashskogo jazyka*: v 17 t. T. 11–12. Cheboksary.
 Ashmarin, N.I. 2000: *Slovar' chuvashskogo jazyka*: v 17 t. T. 17. Cheboksary.
 Bajburin, A.K. 1993: *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskij obrjadov*. Saint-Peterburg.
 Jagafova, E.A. 2007: *Chuvashskoe «jazychestvo» v XVIII – nachale XXI veka*. Samara.
 Magnitskij, V.K. 1881: *Materialy k objasneniju staroj chuvashskoj very: Sobrany v nekotoryh mestnostjah Kazanskoj gubernii*. Kazan'.
 Mesarosh, Djula. 2000: *Pamjatniki staroj chuvashskoj very*. Cheboksary.
 Nikol'skij, N.V. 1928: *Kratkij kurs po jetnografii chuvash*. Vyp. 1. Cheboksary.
 Sadikov, R.R. 2008: *Tradicionnye religioznye verovanija i obrjadnost' zakamskih udmurtov (istorija i sovremennye tendencii razvitija)*. Ufa.
 Salmin, A.K. 1994: *Narodnaja obrjadnost' chivashej*. Cheboksary.
 Salmin, A.K. 1998: *Semantika doma u chivashej*. Cheboksary.
 Salmin, A.K. 2007: *Sistema religii chivashej*. Saint-Peterburg.
 Vishnevskij, V.P. 1846: *O religioznyh pover'jah chuvash*. Kazan'.

DEITIES AND SPIRITS OF HOME SPACE IN THE TRADITIONAL VIEWS
OF THE CHUVASH PEOPLE

Vladislav V. Medvedev

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
vlad.etno@mail.ru

Abstract. The Chuvash people paid special attention to the construction of the house choosing the safest place of the yard and performing certain ritual actions. In a residential building, as well

as in many other buildings, according to the ideas of the Chuvash people, otherworldly creatures lived. From the beginning of the building of a house plants, animals and other sacrifices were made for the spirits and deities. Positive and negative characters regulated the domestic life. The Chuvash people thought a man to be the keeper of the hearth, but he had the female hypostasis. The locus of the placement was considered to be a stove, that's why coming back from the outings the owners of the house threw some pieces of food on the stove, behind the stove and in the stove. With the stove the deity of fire, the oven's mother and numerous good and evil spirits were also associated. Deities and spirits do not only protect the house from miseries and troubles, but also did harm to the members of the household, if they were displeased with their behavior and the offertories. Malicious creatures used various objects of the house for the invasion into the domestic space. The house was a complex organism, corresponding to human needs and reflecting the world outlook. The elements and home space had an individual sign-symbolic meaning. Giving special features to the details, combined into a single unit, was directed to the well-being and a decent life for the members of the household. This perception of the house confirms the idea, that it was not only considered as a place of family residence, but also as a temple for the deities, where the host served a priest. In the article deities and spirits occupying the space of the Chuvash house are briefly systematized.

Key words: ethnography, the Chuvash people, religion, customs

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 314–323
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 314–323
©Автор(ы) 2016

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАГАЙБАКОВ В ДИНАМИКЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

И.Р. Атнагулов

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
i.atnagulov@mail.ru*

Аннотация. Нагайбаки как новая идентичность появляются в XVIII–XIX вв. Основными этномаркирующими признаками их являлись религиозная, сословная, этнокультурная и языковая принадлежности. История формирования, развития и влияния которых на этнический облик нагайбаков описаны нами в предыдущих публикациях, в том числе в данном журнале. В 1920–1930-х гг. с утратой сословной и конфессиональной идентичностей у нагайбаков языковой становится едва ли не единственным этноидентификационным признаком. В соответствии с вновь принятым принципом кодификации населения по этническому признаку нагайбаки с конца 1930-х гг. были исключены из списка националь-

Атнагулов Ирек Равильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: i.atnagulov@mail.ru

ностей СССР и вошли в состав населения, фиксируемой этнонимом «татары». Одним из оснований для этого послужило то, что язык нагайбаков по лингвистической классификации входит в систему говоров среднего диалекта татарского. К концу 1990-х гг. наблюдалось противоречие между официальным статусом этнической и языковой идентичностей нагайбаков и их народным пониманием. Нагайбаки, сохраняя этническую идентичность отличную от татар, также позиционировали родной язык не как татарский, а как нагайбакский. В 2015 г. нагайбакскими краеведами был создан словарь, в котором написание лексики произведено не с учётом татарской литературной нормы, как это было раньше, а в соответствии с фонетическими особенностями нагайбакского говора. Существование нагайбакской языковой идентичности подтверждается нашими полевыми исследованиями, проведёнными в 2005–2015 гг. Особенностью языковой ситуации среди нагайбаков является то, что за прошедшее столетие сфера функционирования родного языка значительно уменьшилась в пользу русского. Вместе с тем отношение к родному языку как главному этномаркирующему признаку не только сохранилось, но и еще более укрепилось. Остроту проблемы усиливает научная и общественная дискуссия о лингвистическом статусе родного языка нагайбаков.

Ключевые слова: этнология Приуралья, идентичности, лингвистика, нагайбаки

Языковая идентичность при групповой самоидентификации обычно является одной из важнейших составляющих этнического самосознания. Принципы лингвистической классификации народов мира являются основополагающими в современной российской этнологии и восходят, вероятно, к древним представлениям об этническом разнообразии мира. Старорусское «язык» (мн. ч. – «языщи») буквально означало – народ¹. Языковая принадлежность, помимо сословной и религиозной, всегда являлась одним из основных идентификационных признаков населения страны во время проведения первой Всероссийской переписи населения 1897 г.

Со времени подготовки к проведению Всесоюзной переписи 1926 г. и до сегодняшнего дня диагностика этнической идентичности по языковому признаку является обязательной в деле кодификации этнического состава населения². Введение в практику учета населения такой графы, как «национальность», нуждалось в определении этого понятия, которое было сформулировано в 1937 г. на государственном уровне, где языковая идентичность являлась одной из главных маркирующих³. Данный вид групповой идентичности, после ликвидации сословной и конфессиональной, являлся для советского государства в практике «национального строительства» на начальном этапе формирования «социалистических наций» как основополагающий этноидентификационный признак. Об этом с начала 1990-х гг. пишут, например, исследователи, занимающиеся изучением этнической ситуации в Средней Азии⁴. Известно, что в результате государственного конструирования «социалистических» наций к концу 1930-х гг. их список, по сравнению с 1926 г., значительно сократился за счет объединения или присоединения одних этносов к другим. Это сопровождалось сокращением этнонимической номенклатуры. Чаще всего объединяли этносы, использовавшие в качестве родного диалек-

¹ Даль 2000, 674–675.

² Соколовский 2009, 47–48.

³ Сталин 1931, 8.

⁴ Абашинов 2009, 252–278; Рахимов 1991, 13–24.

ты одного и того же языка. Согласно такой схеме были причислены к татарскому этносу различные группы кряшен и нагайбаков, которые к тому времени уже обладали собственным самосознанием.

По языковому признаку нагайбаки вошли в этнос, объединяющий обширное в географическом смысле население тюркоязычных (кыпчакоязычных) народов, традиционно исповедующих мусульманство, реже – христианство и исторически восходящих к населению Улуса Джучи. Часть этого населения этноним «татары» использовала в качестве самоназвания уже давно (крымские, часть сибирских татар, часть волго-уральских татар-мусульман), другая часть тюркоязычного населения, использовавшая до этого в качестве самоназвания этнонимы «мэсэлмэн», «казанлы», «булгар», «мишэр», «типтэр», «керэшен» и др.⁵, начала усваивать этноним «татары». Этот процесс начался ещё во второй половине XIX – начале XX вв.⁶

Согласно лингвистической классификации, родной язык нагайбаков является говором в составе среднего диалекта татарского⁷. Вместе с нагайбакским в его состав входят еще два – говоры кряшен Заказанья и Нижнего Прикамья⁸. По основным показателям – лексическому составу, фонетическим, морфологическим особенностям – говор нагайбаков обнаруживают параллели в большинстве подобных, относящихся к среднему диалекту, особенно заказанских, прикамских кряшен⁹, нукратских (вятских) татар и татар Приуралья¹⁰. Говор кряшен Нижнего Прикамья состоит из четырех подговоров – елабужского, челнинского, заинского и бакалинского¹¹. Нагайбакский до 1843 г. формировался на базе кряшенско-татарских говоров Заказанья и Восточного Закамья (мензелинский говор)¹². Поскольку этнической территорией нагайбаков были земли Уфимской провинции, затем – Белебеевского уезда (ныне – Бакалинский р-н Республики Башкортостан), то ближайшими их соседями были кряшены данного региона, не вошедшие в казачье сословие, или группа бакалинских кряшен, как их определяют в структуре кряшен Восточного Закамья¹³.

Язык, на котором говорили казаки-нагайбаки до 1843 г. на территории Белебеевского уезда, вероятно, являлся общим для всего кряшенского населения, поскольку и казаки-нагайбаки, и кряшены не казачьего сословия формировались из одних и тех же этнических компонентов¹⁴. После переселения в 1843 г. нагайбаков на территорию Южного Зауралья их язык стал складываться изолированно от бакалинских кряшен и в связи с этим приобрел некоторые особенности¹⁵. Поэтому язык нагайбаков выделяется в качестве самостоятельного говора в одном таксономическом уровне вместе с говорами других групп кряшен. Некоторые от-

⁵ Уразманова, Чешко 2001, 41–42; Багин 1910, 119.

⁶ Уразманова, Чешко 2001, 147.

⁷ Закиев 1996, 370; Тишков 1994, 238; Рамазанова 1995, 88.

⁸ Исаков 1993, 117.

⁹ Баязитова 1986, 38–39.

¹⁰ Рамазанова 1995, 93.

¹¹ Рамазанова 1995, 119.

¹² Баязитова 1986, 38–39; Баязитова 1995, 94.

¹³ Исаков 1993, 132–133.

¹⁴ Атнагулов 2015, 27.

¹⁵ Рамазанова 1995, 88.

личия от языка татар сложились в силу тех же обстоятельств, по которым возникли таковые в говорах других групп кряшен. Это связано, главным образом, с конфессиональной принадлежностью – отсутствие арабизмов и фарсизмов в языке. (При этом слово «бог» в нагайбакском языке звучит как «кодай»¹⁶). У нагайбаков отличительные особенности появлялись еще и под воздействием тесных контактов с русскими¹⁷.

Другой особенностью нагайбакского и остальных кряшенских говоров является сохранение некоторых архаичных слоёв лексики в обрядовой культуре¹⁸, утраченных у татар, исповедующих мусульманство. Ф.С. Баязитовой в обрядовой культуре нагайбаков отмечается особенное влияние культа предков. Отсюда появление большого количества «языческих» молений и соответствующей терминологии¹⁹. О сохранении архаичных черт в говоре нагайбаков в сравнении с другими татарскими писала Д.Б. Рамазанова²⁰. У нагайбаков сложилась оригинальная система языка, являющаяся в основе своей кряшенской, но имеющая в то же время и некоторые своеобразные моменты, обнаруживаемые в обеих группах терминов родства: по крови и по браку²¹. Вместе с тем она отмечает, что система терминов родства у нагайбаков лексически в основном совпадает с татарской²². Д.Б. Рамазанова подчёркивает наличие в терминологической системе нагайбаков древних черт, сближающих их говор с таковыми у подберезинских, чистопольских кряшен, с восточным диалектом татарского и чувашским языками²³.

О том, что языком нагайбаков является татарский, писали исследователи XIX в. – П.И. Небольсин²⁴, В.Н. Витевский²⁵, Ф.М. Стариков²⁶, Н.Ф. Катанов²⁷. Е.А. Бектеева отмечала, что татарский язык, на котором нагайбаки говорят, не литературный, а народный, употребляющийся только для житейских нужд²⁸. Контакты с русскими и служба в казачьем войске способствовали развитию у них двуязычия²⁹. Нагайбаки овладели русским языком раньше, чем их тюркоязычные соседи – казахи и башкиры.

Развитие кряшенской и нагайбакской письменности со второй половины XIX в. находилось под влиянием Русской православной церкви. Письменность для кряшенских говоров, включая нагайбаков, была разработана членом-корреспондентом Российской Академии наук Николаем Ивановичем Ильминским (1822–1891). Алфавит Н.И. Ильминского представляет собой модифицированную кириллицу с добавлением к основному составу букв для отражения татарской фонетики – Ää, Ёё, Öö, Нн, Ыы. Татарская письменность до 1927 г. обслуживалась

¹⁶ Барышникова, 2015, 34.

¹⁷ Баязитова 1995, 116.

¹⁸ Баязитова 1995, 111–112.

¹⁹ Баязитова 1995, 117.

²⁰ Рамазанова 1995, 88.

²¹ Рамазанова 1995, 88.

²² Рамазанова 1995, 88.

²³ Рамазанова 1995, 93.

²⁴ Небольсин 1852, 21–22.

²⁵ Витевский 1897, 439–440.

²⁶ Стариков 1891, 216.

²⁷ Катанов 1898, 14.

²⁸ Бектеева 1902, 175.

²⁹ ГАОО. Ф. 168, оп. 1, д. 40, л.л. 96–97; Витевский 1891, 163; Стариков 1898, 216.

арабской графикой, а затем перешла на латиницу (яналиф), просуществовавшую до 1939 г. Татарское и крымское письмо, таким образом, до 1939 г. обслуживались разными графическими системами. Затем был внедрен адаптированный кириллический алфавит, общий для татар и крымчан. В последнее время в крымской литературе вновь обращаются к алфавиту Н.И. Ильминского. В начале 2000-х гг. в Республике Татарстан наблюдались попытки перевода татарской письменности на латиницу. Это вызвало неоднозначную реакцию в общественной и научной среде. Высказывались полярные мнения и среди ведущих ученых, считавших такое нововведение необдуманным³⁰ и относившихся к данной акции как к неизбежной и даже необходимой³¹. В это же время письменность крымчан продолжает обслуживаться кириллицей.

До начала 1960-х гг. в нагайбакских школах проводились уроки татарского языка. Подготовка учителей осуществлялась на базе Троицкого педагогического училища. В настоящее время отдельными учителями осуществляются попытки внедрения уроков на родном языке. Важным показателем в языковой культуре населения является представление о том, что считается родным языком. Согласно примордиалистскому пониманию этого вопроса, родным языком необходимо считать тот, название которого соответствует этнониму³². То есть в данном случае таковым должен быть нагайбакский (татарский) язык. Как показали результаты анкетирования, понятия о родном языке у опрошенного нагайбакского населения разделились. Что касается основного разговорного языка среди нагайбаков, то и здесь нет единодушия в ответах. Это свидетельствует о том, что языковая культура нагайбаков к началу XXI в. находится в таком динамическом состоянии, которое характеризует её как утрачивающую прежнюю маркирующую функцию.

В начале XXI в. языковая идентичность для нагайбаков и большинства населения Нагайбакского района продолжает, как и прежде, являться обязательным этническим маркером, неотъемлемым фактором существования народа, даже если какая-то часть местного не русского населения больше употребляет русский или все на него перешли полностью. Факт существования самостоятельного нагайбакского языка для большинства нагайбаков является бесспорным. Даже те респонденты, которые в повседневных практиках отдают предпочтение русскому, считают нагайбакский язык одним из главных своих этнокультурных признаков. Исходя из этого, большинство их считает, что нагайбакский язык существует как самостоятельный лингвистический феномен³³.

В представлении нагайбаков о степени близости родного языка с татарским усматриваются две основные тенденции: понимание идентичности или очень близкого родства языка нагайбакского татарскому и в то же время стремление к позиционированию нагайбакского языка как самостоятельного, весьма отличающегося от татарского³⁴. Первое связано с жизненным опытом, второе, вероятнее всего, с процессом активного поиска собственной этноидентификационной базы. Этот процесс заметно усилился за последние примерно 15 лет, после обретения

³⁰ Тишков 2011, 75–81.

³¹ Алпатов, http://www.ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-02/15.alpru.shtml

³² Бромлей 1983, 111–116.

³³ ПМА 2015, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель.

³⁴ ПМА 2015, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель.

нагайбаками официального статуса коренного малочисленного народа Российской Федерации³⁵. Основные отличия между нагайбакским и татарским языками нагайбаками видятся в основном в фонетике и меньше – в лексике³⁶.

По наблюдениям с 2005 по 2015 гг., доля нагайбаков, использующих родной язык в качестве основного разговорного, существенно не изменилась. Она составляет около трети населения. Резко, почти вдвое, увеличилась доля говорящих в основном по-русски и, соответственно, уменьшилась доля говорящих на двух языках в равной степени³⁷. Некоторое уменьшение доли населения, говорящего по-нагайбакски, не снимает вопроса о лингвистическом статусе нагайбакского говора или языка.

Несмотря на достаточно хорошую степень научной изученности вопроса, среди определенной части нагайбаков продолжается обсуждение проблемы связи нагайбакского языка с татарским³⁸. На протяжении нескольких лет нагайбакскими краеведами под руководством жительницы п. Чернореченский Нагайбакского района О.И. Барышниковой шла подготовка «Нагайбакско-русского – русско-нагайбакского словаря»³⁹. Особенности его лексического состава, включающие только архаичный пласт и инновации в правописании с учетом нагайбакской фонетики, отражают точку зрения автора на говор нагайбаков как явление, отличное от татарской языковой культуры.

Народное представление о языке как одном из главнейших этномаркирующих, усвоенное еще от идеологов времен советского «национального строительства»⁴⁰, до сих пор отражается не только в публикациях местных краеведов, но и в результатах опросов, проведенных летом 2015 г. среди населения с. Фершампенуаз, Остроленка и Кассель. В перечне названных респондентами отличительных признаков нагайбаков от русских ответов «язык» занял третье место после «обычаев» и «менталитета». Среди отличий от татар ответ «язык» находился на втором после «религии» месте. Примечательно то, что, несмотря на очевидную разницу в степенях языкового родства, часть нагайбаков в этнических различиях между ними и татарами языковую разницу усматривают в большей степени, чем с русскими. Это очень важный показатель степени актуализации поиска народом оснований этнической идентичности. Значительная часть нагайбаков едва ли не главную угрозу потери идентичности видят в том, что их долгое время «учили говорить по-татарски»⁴¹.

Литературный татарский язык, которому до 1960-х гг. обучали детей по казанским учебникам выпускники Троицкого педагогического училища, конечно, отличался от нагайбакского говора, в равной степени как и от большинства остальных говоров народного языка волго-уральских татар. Этот факт долгое время вызывал и продолжает вызывать беспокойство среди части нагайбаков. Появление словаря О.И. Барышниковой, в котором осуществлен отказ от татарской

³⁵ Федеральный закон, <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>; Постановление Правительства РФ, <http://demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon047.html>

³⁶ ПМА 2015, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель.

³⁷ Атнагулов 2015б, 138; 2006, 395.

³⁸ Минеев 2008, 68.

³⁹ Барышникова 2015.

⁴⁰ Соколовский 2009, 45–55.

⁴¹ ПМА 2015, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз.

литературной нормы в пользу правописания в соответствии с народной речью нагайбаков, является ещё одним аргументом, свидетельствующим об активных процессах воплощения идеи нагайбакской языковой и этнической идентичности.

Вместе с тем примерно одна треть респондентов сочла необходимым указать язык в качестве главного сближающего их с татарами признака. В сравнении с казахами 34% нагайбаков свой язык видят как отличительный и 16% – как сближающий. Картину современной языковой идентичности нагайбаков отражают мнения респондентов о наиболее близких к нагайбакскому языкам. Абсолютное большинство – 87 % – наиболее близким признало татарский язык⁴². Примечательно, что русский занял более высокое место по сравнению с казахским языком. Общение на русском становится все более обыденным для большинства нагайбаков, в то время как и среди казахов наблюдается увеличение доли употребления русского. Этим обстоятельством объясняется более высокий рейтинг русского языка в народном понимании иерархии лингвистического родства.

Языковая культура нагайбаков за XX столетие изменилась в сторону увеличения сферы функционирования русского языка и уменьшения родного. Вместе с тем отношение к родному языку как главному этномаркирующему признаку не только сохранилось, но и еще более укрепилось. Остроту проблемы усиливает научная и общественная дискуссия о лингвистическом статусе родного языка нагайбаков.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашин, С.Н. 2009: Возвращение сартов? Методология и идеология в постсоветских научных дискуссиях. *Антропологический форум* 10, 252–278.
- Алпатов, В.М. 2002: *Реформа алфавита: латиница или кириллица?* [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-02/15.alpru.shtml
- Атнагулов, И.Р. 2015: *Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика*. Челябинск.
- Атнагулов, И.Р. 2015: Социокультурные практики и структура идентичностей нагайбаков по материалам экспедиций 2014–2015 гг. *Научные ведомости БелГУ. Серия «История, экономика, политология и информатика»* 19 (216), Вып. 36, 136–144.
- Атнагулов, И.Р. 2006: Языковая ситуация у нагайбаков как составляющая этнической идентичности. *ПИФК XVI/2*, 390–396.
- Багин, С. 1910: Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления. *Православный собеседник* 1, 119.
- Барышникова, О.И. 2015: *Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь*. Магнитогорск.
- Баязитова, Ф.С. 1986: *Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении*. М.
- Баязитова, Ф.С. 1995: К реконструкции традиционной культуры нагайбаков (обряд и текст). В сб. *Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков)*. Казань, 94–117.
- Бектеева, Е.А. 1902: Нагайбаки. (Крещеные татары Оренбургской губернии). *Живая старина* II, 165–181.
- Бромлей, Ю.В. 1983: *Очерки теории этноса*. М.
- Витевский, В.Н. 1897: *И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года*. Т. I. Казань.

⁴² ПМА 2015, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз.

- Витевский, В.Н. 1891: Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. В сб. *Труды IV Археологического Съезда в России*. Т. II. Казань, 257–286.
- Даль, В.И. 2000: *Толковый словарь живого великорусского языка: в четырех томах*. Т. I. М.
- Закиев, М.З. 1996: *Татарский язык. Языки мира: тюркские языки*. М.
- Исхаков, Д.М. 1993: *Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография)*. Казань.
- Катанов, Н.Ф. 1898: Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 года по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии. В сб. *Ученые записки Казанского университета. Кн. I*. Казань.
- Минеев, П.М. 2008: *По берегам реки Гумбейки*. Челябинск.
- Небольсин, П.И. 1852: Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. *Вестник ИРГО Ч. IV*. Кн. I, 1–34.
- Постановление Правительства Российской Федерации 24 марта 2000 года № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon047.html>
- Рамазанова, Д.Б. 1995: Некоторые наблюдения над системой терминов родства и свойства нагайбаков. В сб. *Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков)*. Казань, 88–93.
- Рахимов, Р.Р. 1991: К вопросу о современных таджикско-узбекских межнациональных отношениях. *Советская этнография* 1, 13–24.
- Соколовский, С.В. 2009: *Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года*. Набережные Челны.
- Сталин, И.В. 1931: О национальном вопросе и национальной культуре. *Культура и письменность Востока* 7/8, 5–13.
- Стариков, Ф.М. 1891: *Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты*. Оренбург.
- Уразманова, Р.К. (отв. ред.) 2001: *Татары*. М.
- Тишков, В.А. 2011: *Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг.* Оренбург.
- Тишков, В.А. (гл. ред.) 1994: Нагайбаки. В кн.: *Народы России: энциклопедия*. М.
- Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>

REFERENCES

- Abashin, S.N. 2009: Vozvrashchenie sartov? Metodologiya i ideologiya v postsovetstikh nauchnykh diskussiyakh. *Antropologicheskij forum* 10, 252–278.
- Alpatov, V.M. 2002: *Reforma allfavita: latinitsa ili kirillitsa?* http://www.ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-02/15.alpru.shtml
- Atnagulov, I.R. 2015: *Identichnosti nagaybakov: genezis, struktura, dinamika*. Chelyabinsk.
- Atnagulov, I.R. 2015: Sotsiokulturnye praktiki i struktura identichnostey nagaybakov po materialam ekspeditsiy 2014–2015. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya «Istoriya, ekonomika, politologiya i informatika»* 19(26), 36, 136–144.
- Atnagulov, I.R. 2006: Yazykovaya situatsiya u nagaybakov kak sostavlyayushchaya etnicheskoy identichnosti. *Problemy istorii, filologii, kultury* XVI/2, 390–396.

- Bagin, S. 1910: Ob otpadenii v magometanstvo kreshchyenykh inorodtsev Kazanskoy eparkhii i o prichinakh etogo pechalnogo yavleniya. *Pravoslavny sobesednik* 1, 119.
- Baryshnikova, O.I. 2015: *Nagaybasko-russkiy slovar. Russko-nagaybaskiy slovar*. Mag-nitogorsk.
- Bayazitova, F.S. 1986: *Govory tatar-kryashen v sravnitel'nom osveshchenii*. Moscow.
- Bayazitova, F.S. 1995: K rekonstruktsii traditsionnoy kultury nagaybakov (obryad i tekst). In *Nagaybaki (kompleksnoye issledovaniye gruppy kreshchyenykh tatar-kazakov)*. Kazan, 94–117.
- Bekteyeva, E.A. 1902: Nagaybaki. (Kreshchyenye tatarsy Orenburgskoy gubernii). *Zhivaya starina* II, 165–181.
- Bromley, Y.V. 1983: *Ocherki teorii etnosa*. Moscow.
- Vitevskiy, V.N. 1897: *I.I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem yego sostave do 1758 goda*. T. II. Kazan.
- Vitevskiy, V.N. 1891: Skazki, zagadki i pesni nagaybakov Verkhneuralskogo uyezda Orenburgskoy gubernii. In: *Trudy IV Arkheologicheskogo Sezda v Rossii*. T. II. Kazan, 257–286.
- Dal', V.I. 2000: *Tolkovy slovar zhivogo velikorusskogoyazyka: v chetyryekh tomakh*. T. I. Moscow.
- Zakiyev, M.Z. 1996: *Tatarskiy yazyk. Yazyki mira: tyurkskie yazyki*. Moscow.
- Iskhakov, D.M. 1993: *Etnograficheskiye gruppy tatar Volgo-Uralskogo regiona (printsipy vydeleniya, formirovaniye, rasseleniye i demografiya)*. Kazan.
- Katanov, N.F. 1898: Otchet o poezdke, sovershyennoy s 1 iyunya 1897 goda po 20 avgusta togo zhe goda v Belebeyevskiy i Menzelinskiy uyezdy Ufimskoy gubernii. In: *Uchyeniye zapiski Kazanskogo universiteta*. Kazan. Kn. I, 1–37.
- Mineyev, P.M. 2008: *Po beregam reki Gumbeyki*. Chelyabinsk.
- Nebolsin, P.I. 1852: Otchet o puteshestvii v Orenburgskiy i Astrakhanskiy kray. *Vestnik IRGO*. C. IV. Kn. I, 1–34.
- Postanovleniye Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii 24 marta 2000 goda № 255 «O edinom perechne korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii», <http://demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon047.html>
- Ramzanova, D.B. 1995: Nekotorye nablyudeniya nad sistemoy terminov rodstva i svoystva nagaybakov. In: *Nagaybaks (kompleksnoye issledovaniye gruppy kreshchyenykh tatar-kazakov)*. Kazan, 88–93.
- Rakhimov, R.R. 1991: K voprosu o sovremennykh tadzhiksko-uzbekskikh mezhnatsionalnykh otnosheniyakh. *Sovetskaya etnografiya* 1, 13–24.
- Sokolovskiy, S.V. 2009: *Ktyasheny vo Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda*. Naberezhnye Chelny.
- Stalin, I.V. 1931: O natsionalnom voprose i natsionalnoy culture. *Kultura i pismennost Vostoka*. Kn. 7/8. Moscow, 5–13.
- Starikov, F.M. 1891: *Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazachyego voyska s prilozheniyem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov, risunkov so znamyen i karty*. Orenburg.
- Urazmanova, R.F. (red.) 2001: *Tatary*. Moscow.
- Tishkov, V.A. 2011: *Edinstvo v mnogoobrazii: publikatsii iz zhurnala «Etnopanorama» 1999–2011 gg*. Orenburg.
- Tishkov, V.A. (red.) 1994: Nagaybaki. In: *Narody Rossii: entsiklopediya*. Moscow.
- Federal'ny zakon ot 30 aprelya 1999 g. № 82-F3 «O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii» (s izmeneniyami i dopolneniyami), <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>

ETHNO-LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE NAGAYBAKS IN THE
DYNAMICS OF THE 20th – BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Irek R. Atnagulov

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
i.atnagulov@mail.ru*

Abstract. The Nagaybaks as the new identity appears in the 18th – 19th centuries. The main ethnic marking signs were the religious, social class, ethno-cultural and language affiliation. The history of formation, development and influence on the ethnic appearance of Nagaybaks have been described in previous publications, including this journal. In the 1920s-1930s with the loss of caste and religious identities the Nagaybaks language became almost the only ethnic identification sign. In accordance with the newly adopted codification of the principle of population by ethnicity Nagaybaks since the late 1930s have been excluded from the list of nationalities of the USSR and became a part of the population, fixed by the ethnic name “Tatars”. One of the reasons for this was the fact that the language of Nagaybaks according to the linguistic classification was included in the system of dialects of the middle dialect of the Tatar language. By the end of the 1990s there was a contradiction between the official status of ethnic and linguistic identities of Nagaybaks and their folk understanding. Nagaybaks, preserving ethnic identity distinct from the Tatars, also positioned their first language not as the Tatar, but as regional. In 2015, regional ethnographers created the dictionary in which the spelling of the vocabulary produced not by taking into account literary norms of the Tatar, as it was before, but in accordance with the phonetic characteristics of regional dialect. The existence of regional linguistic identity is confirmed by our field studies conducted in 2005–2015. The peculiarity of the language situation among Nagaybaks is that over the past century, the functioning of the native language has decreased significantly in favor of Russian. However, the attitude to the native language as the main ethnic mark has not only preserved but even strengthened. The acuteness of a problem is increased by scientific and public discussion about the linguistic status of the native language of nagaybak.

Key words: ethnology of Transurals, identity, linguistics, Nagaybaks

ТОПОС ГОРОДА В ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

В.А. Москвина

*Омский государственный педагогический университет, Омск,
moskvina_va@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению этнопоэтических констант в заговорной традиции. Исследование проведено на материале восточно- и южнославянских заговоров, зафиксированных в разное время, в разных регионах. Толкование семантики города в историческом и культурологическом аспектах лишь частично совпадает с определением заговорных смыслов названного топоса. Наряду с обыденным, бытовым представлением о городе как замкнутом пространстве, объединяющем людей, в заговорах преобладающей является эсхатологическая семантика названного топоса. Именно в заговорах сохраняются архаические представления о городе. В статье выявлено несколько семантических полей, образуемых топосом города в заговорных текстах. В русских любовных заговорах-присушках доминирует бытовое понимание города как поселения, тождественного также селу, деревне, т.е. места, где живут люди, противопоставленного природному топосу. В апотропеических текстах город – замкнутое, упорядоченное пространство, противопоставленное хаотическому, вредоносному началу. В историко-культурологическом ракурсе смысловое тождество города и личности восходит к библейской эсхатологии. Однако в заговорах главным образом позиционируется «телесность» города. Самая обширная область заговорных текстов разных функционально-тематических групп с топосом города связана с пониманием последнего как сакрального центра. Город как антицентр, иной мир, мир смерти также восходит к библейской семантике и встречается прежде всего в южнославянской традиции. Названные смысловые области, создаваемые топосом города, не являются принадлежностью исключительно заговорно-заклинательной традиции. Однако именно в заговорах происходит концентрация семантики города и сохранность архаического восприятия города.

Ключевые слова: топос, семантика, город, заговорная традиция, семантическое поле

Семантика города в заговорно-заклинательной традиции еще не становилась предметом специального исследования. Названный топос хотя и не часто встречается в заговорных текстах, но достаточно устойчив в них.

Историко-культурологические толкования семантики города подчеркивают различия ее в разные эпохи, но при этом выделяют и общее: город всегда остается носителем нового в культуре. В семиотике город рассматривается как текст, сохраняющий смыслы, сформированные на протяжении всей истории человечества (И.Г. Франк-Каменецкий, В.В. Иванов).

Москвина Вероника Анатольевна – доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета. E-mail: moskvina_va@mail.ru

В заговорно-заклинательной традиции топос города образует несколько семантических полей.

1. Бытовое понимание города как поселения, тождественного также селу, деревне, т.е. места, где живут люди, противопоставленного природному топосу. Такое понимание чаще всего встречается в русских любовных заговорах-присушках, где магическая сила идет / летит по городам и селам, отыскивает нужного человека, чтобы вселить в него любовное чувство или собрать с людей тоску-сухоту (сила идет с поля, из моря и т.п. природного локуса):

Встану я, добрый молодец,
И выйду не дверьми за новые ворота в чистое поле.
В чистом поле стоят три беса, два беса, один бес:
Бес Сова, бес Совул, бес Колдун.
Пойду я, добрый молодец, поближе,
Поклонюся пониже:
– И вы тридевять бесов –
Бес Сова, бес Совул, бес Колдун,
Послужите мне, как служили Ироду царю.
Идите по городам, по селам, по деревням
И соберите всю тоску и сухоту от зверей,
Птиц, рыб и всякого рода людей...¹

Встречаются единичные тексты лечебных заговоров с подобным бытовым восприятием города: «Заговаривающий встает благословясь, выходит на море. Там “пуп морской”, на нем камень, на камне птица. Она летает по городам и деревням, залетает к человеку на голову, выклеывает болезни и уносит под камень, под “пуп морской”» (от “призора”); «За городом красный луг, на нем вырастают цветы. Приходят девицы, набирают; приходят зайцы, набирают; приходят попы, набирают. Не набирают, не относят, болезни здесь нет» (от “красного ветра”)². Такое понимание города дополняется представлением о нем как о сообществе людей.

2. Город – замкнутое, упорядоченное пространство, противопоставленное хаотическому, вредоносному началу. В свадебном обереге Богородица кладет на каменный град тын – свой покров³, а чтобы не сглазили ружье, замыкаются города и замки⁴.

3. Смысловое тождество города и личности восходит к библейской эсхатологии. Однако в заговорах главным образом позиционируется «телесность» города. И. Г. Франк-Каменецкий рассмотрел олицетворение города в женском образе⁵. В. В. Иванов со ссылкой на А. А. Потебню отметил, что «ворота города <...> толкуются как физиологический символ женщины и одновременно как вход в небесный город, через который в него въезжает божество на осле»⁶. Народной культуре известно магическое действие, совершаемое при родах, особенно трудных:

¹ Москвина 2005, № 29.

² Кляус 1997, 1/VI.1.4/A4, 82; 1/IX.2.2/A13, 218.

³ Кляус 1997, 4/XXIX.1.2/B6, 318.

⁴ Кляус 1997, 1/XII.3.1/B6, 306.

⁵ Франк-Каменецкий 1934, 535–548.

⁶ Иванов 2007, 171.

развязывание узлов, размыкание замков, открывание ворот, что отразилось и в заговорных текстах. У П. Ефименко находим: «Деревенская повивальная бабка, как только заходит в двери к больной, говорит: “Отпирайте, отпирайте! отперли, отперли <...>”». Далее произносится заговор, в котором воротами называется «физиологический символ женщины»: «<...> Пресвятая Мать Богородица, соходи с престола Господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божией (имя рек) мясные ворота, и выпускай младенца на свет на Божью волю <...>»⁷. Более современные полевые материалы подтверждают сохранность подобных представлений: «При трудных родах открывали все церковные двери, даже если рожала старообрядка. По истечении первого года жизни ребенка рвут что-либо из его одежды, чтобы быстро рос»⁸. «<...> Выйду в чистое поле, пойду к граду Иерусалиму. Едет Господь и видит Господь – мучается жена со младенцем. Отворяйте ворота костяные, мясные и жилотные <...>»⁹.

В южнославянской традиции болезнь в теле отождествляется с пожаром в городе. Пожар гасят – болезнь исчезает. В заговоре от молочницы горит костяной град, который гасят травой и водой¹⁰. В заговорах от пупырышек, от болезни и от «красного ветра» горит Царьград, от глазной болезни – Белград¹¹. Также в версиях данного заговорного сюжета уточняется, кто гасит пожар и чем (свинопасы и пастухи гасят водой из ведер, травой из-под забора, знахарка – водой, ракией, васильками). Способы тушения тесно связаны с атрибутами заговорного обряда, которые непосредственно воздействуют на тело (наговоренная вода, спиртовые примочки, препараты из трав).

В западносибирской традиции обнаружен заговор от ожогов с подобным мотивом:

В городе Иерусалиме загорелся сырой бор.
Чем его залить?
Чем его затушить?
Божьими словами:
Господи, помилуй,
Господи, помилуй,
Господи, помилуй.
Аминь¹².

4. Самая обширная область заговорных текстов с топомосом города связана с пониманием последнего как сакрального центра, причем следует отметить, что город в данном контексте обычно обозначен топонимом. Наиболее частотный топоним – Иерусалим (Ерусалим, Русалим), реже встречаются Киев, Москва, Царьград, Белград, Минск и некоторые другие.

В данной группе можно выделить три вида текстов в зависимости от воплощения образа города – сакрального центра.

В первой группе город представлен как место, где происходят чудеса или слу-

⁷ Ефименко 1877, № 3, 197–198,

⁸ Федорова 2003, 211.

⁹ Аникин 1998, № 20.

¹⁰ Кляус 1997, 9/П.1.3/А14, 224.

¹¹ Кляус 1997, 2/П.1.3/А14, 3/П.1.3/А14, 4/П.1.3/А14, 10/П.1.3/А14, 224.

¹² Москвина 2005, № 438.

чается прецедент, который необходимо повторить в действительности. В городе-центре находятся персонажи-помощники, к которым обращаются с просьбой, или они сами выполняют какое-то действие, находятся в каком-либо состоянии. Подобные тексты распространены повсеместно и выполняют разные функции (обереги, лечебные, хозяйственные). Сакральность локуса поддерживается такими атрибутами, как гора, храм, престол: Богородица спала «<...> В Иерусалиме, на горе, в церкви, на престоле, на дереве, видела сон про Христа <...>»¹³, «В Иерусалиме в церкви на престоле Пречистая с ключами»¹⁴, «<...> коль крепок гроб Господен в святом граде Иерусалиме <...>», «В святом граде, святом Иерусалиме подбили, подстрелили святого Макария за святым престолом <...>», «Шла Божья Матушка по городу Иерусалиму, шла – приустала, легла на Божий престол и приуснула <...>», Богородица «<...> в городе Иерусалиме, во святом месте, во святой церкви <...>» и «<...> жила-поживала в Иерусалиме, у Христа на престоле ночевала <...>»¹⁵. Кроме Иерусалима, действие может происходить в Киеве, где на престоле шьёт Богородица, а заговаривающий живет на горах, «кладет крест в головах», посреди Москвы в тереме девица «в тоске от беды», на Минской улице «церковь, в ней за престолом Божья Мать»¹⁶.

Во второй и третьей группах текстов акцентируется внимание на продвижении персонажей в город или из города.

Вход в город соответствует семантике заговорного зачина «встану перекрестясь, пойду благословясь из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле и т.д.», в котором позиционируется преобразование заговаривающего и приобретение им необходимой силы и способностей. Иными словами, входя в город, персонаж оказывается на вершине мира в образе всесильного существа, уравнивает себя с универсумом, что позволяет ему найти или совершить желаемое: «Заговаривающий встает благословясь, выходит к Иерусалиму, к церкви, к престолу. Он молится Богородице. Она берет болезни», «Идет Пречистая до Киева, вторая до Чернигова, третья до Нижена, несет иголку, зашивает рану», «Ворон летит в Киев. Там стоит часовня, под ней криница. Ворон берет воду под правое крыло, несет человеку напиться и помыться от болезни»¹⁷. Также в город-центр персонаж входит, чтобы встретиться с еще более могущественным персонажем: «Заговаривающий встает, умывается, идет в “Русалим”. Там дворец, во дворце три престола, на них Мать Пречистая держит триста ключей. Она замыкает злому человеку зубы»¹⁸.

Движение заговорного персонажа из города актуализирует семантику названного топоса как символа идеального пространства, откуда на землю идет помощь. Подобное представление отражено не только в заговорах. Вспомним, Ярославна обращается к стихиям за помощью с городской стены. А.Н. Афанасьев зафиксировал свидетельства значимости города в магических практиках разных народов. В английской хронике «рассказывается, как некая волшебница, взойдя на зубчатые стены осажденного замка, вызвала своими заклинаниями дождь и бурю и тем са-

¹³ Савельев 1990, № 43.

¹⁴ Кляус 1997, 2/IX.7.1/B6, 304.

¹⁵ Аникин 1998, № 1167, 1626, 2250, 2314, 2315.

¹⁶ Кляус 1997, 4/II.2.3/B5, 286, 1/XXXVIII.1.1в/B6, 325, 1/X.2.8/A6, 153, 3/IX.7.1/B6, 304.

¹⁷ Кляус 1997, 10/XI.3.2/A1, 52, 3/II.6.2/B5, 288, 1/VI.1.1/A3, 68.

¹⁸ Кляус 1997, 1/IX.7.2/B6, 304.

мым заставила врагов удалиться из занятой ими области <...> В XVI-м веке ходила молва, что во время осады Казани (в 1552 году) татарские колдуны и колдуньи, стоя на городских стенах, махали одеждами на русское войско и посылали на него буйные ветры и проливные дожди»¹⁹. В заговорах персонаж, идущий из города, оказывается наделен силой, нужной для достижения цели магического обряда. Так, от всех напастей произносят оберег:

Шел Иисус Христос с Иерусалима,
Нес золотой крест.
– Господи, огради меня
Золотым крестом
В доме, в поле, в дороге
От зверя, от змея, от суда,
От страшного ареста,
От лихого злого человека²⁰.

По принципу контактной магии все, кто вышел из города, становятся носителями свойств, передаваемых миру:

Вышла Иисус Христос с Иерусалима – и стаў.
Вышла Божья Матер из Иерусалима – и стала.
Станьце, буры, станьце, ветры,
И станьце, мецели, и станьце, бесы.
Иисус Христос и Божья Матер,
Успокойце и эты буры, и эты ветры,
И усе сьвятыя, станьце ў (имярек)
От этой ветреной болезни²¹.

И. Г. Франк-Каменецкий рассматривает в библейской эсхатологии город как символ неба, «небесный Иерусалим»: «В идеологическом плане речь идет об ожидаемом торжестве новой веры, обещающей утвердить нравственный миропорядок и в этом смысле низвести небо на землю»²². Интересен зафиксированный в Красноярском крае заговор, в котором отражена оппозиция 'небо' – 'земля' в образах города (Киева) и России:

Шел святой Изосим из Киева в Россию.
Попадаются ему навстречу двенадцать дев,
косматых, неподпоясанных.
Он их спрашивает:
– Куда идете?
– Идем в Сибирь. Желты кости ломить <...>²³.

Итак, город как сакральный центр, в котором находятся персонажи-помощники, происходят чудеса, прецедентные события, куда идут персонажи, чтобы обрести необходимые качества, откуда выходят носители необыкновенных сил и способностей, целиком ориентирован на христианское миропонимание. В славянской традиционной культуре отождествление города-центра с христианским началом

¹⁹ Афанасьев 1869, 452.

²⁰ Федорова 2003, 268.

²¹ Агапкина, Левкиевская, Топорков 2003, № 436.

²² Франк-Каменецкий 1934, 536.

²³ Болонев, Мельников, Леонова 1997, № 640.

привело к устойчивому представлению о том, что город – это пространство, объединяющее все лучшее, новое, все то, чего не найти на периферии.

5. Город как антицентр, иной мир, мир смерти также восходит к библейской семантике. И. Г. Франк-Каменецкий связывает представления о персонификации города в образе женщины с земледельческими верованиями, в частности с культом матери-земли, в которой воплощены и смерть и возрождение²⁴. В южнославянском заговоре от «вештиц» «“Чудный юнак” выезжает на коне на гору и рушит Царьград. Там сидят святые, плетут ткань и веревку. Они ухватили “вештиц” <...>»²⁵. В результате разрушения города-тела зарождается новая жизнь (ткань, веревка), преодолевающая зло («вештиц»).

В заговорах болезни могут находиться в городе или отсылаться туда: раба Божья «идет путем-дорогой в Иерусалим. В им (нем) двое ворот, лежит бел камень Алатырь. На этом камне сидели тридевять девиц, тридевять девиц, тридевять девиц, они баяли-рассуждали, как в мир идти, мирские кости трясти <...>»²⁶. «Болезнь идет в Стамбул. Там есть еда, питье и постель. Она не может быть возле человека, где грязно и колюче»²⁷.

В сибирских текстах находим еще более четкий образ антицентра, города смерти:

Испуг-переполох,
Войди под порог,
У раба Божьего (имя) не быть,
Жёлтых костей не сушить,
Красной крови не пить.
Иди в город Вертепа,
Там мёртвое тело,
Волосы рви, кости ломай.
Дам тебе напитки,
Дам тебе поядки –
Из раба Божьего (имя) выйди,
Отныне и навек. Аминь²⁸.

Также город как иной мир встречается в заговорах от зубной боли на сюжет «Заговаривающий разговаривает с месяцем. Месяц был на том свете. У мертвых зубы не болят»:

– Здравствуй, светлый месяц – золотые рога!
Не был ли ты, месяц, в ином городу?
Не видел ли ты, месяц, Антипа святого?..²⁹

Названные смысловые области, создаваемые топосом города, не являются принадлежностью исключительно заговорно-заклинательной традиции. Однако именно в заговорах происходит концентрация семантики города и сохранность архаического восприятия города.

²⁴ Франк-Каменецкий 1934, 540–541.

²⁵ Кляус 1997, 1/XII.1.1/B5, 295.

²⁶ Аникин 1998, № 1745.

²⁷ Кляус 1997, 6/I.1.3/B2, 254.

²⁸ Москвина 2005, № 104.

²⁹ Болонев, Мельников, Леонова 1997, № 640.

- Агапкина, Т.А., Левкиевская, Е.Е., Топорков, А.Л. 2003: *Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.)*. М.
- Аникин, В.П. 1998: *Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг.* М.
- Афанасьев, А.Н. 1869: *Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*. Т. 3. М.
- Болонев, Ф.Ф., Мельников, М.Н., Леонова, Н.В. 1997: *Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры*. Новосибирск.
- Ефименко, П.С. 1877: Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. *Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*. Т. 5. Вып. 1–2. М., 139–222.
- Иванов, В.В. 2007: К семиотическому изучению культурной истории большого города. В кн.: *Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки*. М., 165–179.
- Кляус, В.Л. 1997: *Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян*. М.
- Москвина, В.А. 2005: *Русские заговоры в Западной Сибири (XIX – начало XX вв.)*. Омск.
- Савельев, А.А. 1990: *Лечебные наговоры Приангарского края*. М.
- Франк-Каменецкий, И.Г. 1934: Женщина-город в библейской эсхатологии. В сб.: И.Ю. Крачковский (ред.), *Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научной и общественной деятельности 1882–1932*. Л., 535–548.
- Федорова, В.П. 2003: *Человек и слово в заговорах: Южное Зауралье. Конец XX века*. Курган.

REFERENCES

- Afanas'ev, A.N. 1869: *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov*. T. 3. Moscow.
- Agapkina, T.A., Levkievskaja, E.E., Toporkov, A.L. 2003: *Polesskie zagovory (v zapisyakh 1970–1990 gg.)*. Moscow.
- Anikin, V.P. 1998: *Russkie zagovory i zaklinaniya: Materialy fol'klornykh ekspeditsiy 1953–1993 gg.* Moscow.
- Bolonev, F.F., Mel'nikov, M.N., Leonova, N.V. 1997: *Russkiy kalendarno-obryadoviy fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka: Pesni. Zagovory*. Novosibirsk.
- Efimenko, P.S. 1877: Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii. *Izvestiya obshchestva ljubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. T. 5, v. 1–2. Moscow, 139–222.
- Fedorova, V.P. 2003: *Chelovek i slovo v zagovorakh: Yuzhnoe Zaural'e. Konets XX veka*. Kurgan.
- Frank-Kamenetskiy, I.G. 1934: Zhenshchina-gorod v bibleyskoy eskhatologii. In.: I.Yu. Krachkovskiy (red.), *Sergeyu Fedorovichu Ol'denburgu. K pyatidesyatiletiyu nauchno-obshchestvennoy deyatel'nosti 1882–1932. Sbornik statey*. Leningrad, 535–548.
- Ivanov, V.V. 2007: K semioticheskomu izucheniju kul'turnoy istorii bol'shogo goroda. In: *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 4: Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki*. Moscow, 165–179.

- Klyaus, V.L. 1997: *Ukazatel' syuzhetov i syuzhetnykh situatsiy zagovornykh tekstov vostochnykh i yuzhnykh slavyan*. Moscow.
- Moskvina, V.A. 2005: *Russkie zagovory v Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX vv.)*. Omsk.
- Savel'ev, A.A. 1990: *Lechebnye nagovory Priangarskogo kraya*. Moscow.

THE CITY TOPOS IN SPELL TEXTS

Veronika A. Moskvina

Omsk State Pedagogical University, Russia,
moskvina_va@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of ethno-poetry constants in spell's tradition. The study was conducted on the material of the East and South Slavic spells, recorded at different times, in different regions. The interpretation of the city semantics in historical and culturological aspects only partially coincides with the definition of speech meanings of topos. Along with ordinary, everyday vision of the city as an enclosed space, uniting people, in a conspiracy eschatological semantics of a topos is the predominant. It is the conspiracy where archaic ideas about the city remain. The article identifies several semantic fields formed by the topos of the city in texts of spells. In Russian conspiracies about love everyday understanding of the city as a settlement, identical with the village, i.e. places where people live, as opposed to the natural toposes dominates. In athepotropaic texts the city is closed, orderly space, opposed to the chaotic and malicious beginning. In historical and cultural perspective of the semantic identity of the city and the person goes back to biblical eschatology. However, in the spells "physicality" of the city are mainly positioned. The most extensive area of speech texts of various functional and thematic groups with the topos of the city is concerned with understanding of the city as a sacred center. The city as anticenter, another world, a world of death also goes back to biblical semantics and is found primarily in South Slavic tradition. Named semantic fields, generated by the topos of the city do not belong exclusively to the spell-spell tradition. However, in the spells there is a concentration of the semantics of the town and the preservation of the archaic perception of the city.

Key words: topos, semantics, city, spell's tradition, semantic field

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 332–341
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 332–341
© Автор(ы) 2016

ШВЕДСКАЯ ТЕМА В НАРОДНЫХ МЕМУАРАХ XX ВЕКА

Т.И. Рожкова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
robin.55@mail.ru*

Аннотация. Предметом анализа статьи являются материалы народной письменности, собранные автором в ходе полевых исследований традиционной народной культуры на территории Южного Урала. Научная значимость народных мемуаров, дневниковых записей является дискуссионным предметом осмысления со стороны разных антропологических наук. Одним из источников разногласий является изображение исторического прошлого, которое под пером народного писателя претерпевает целый ряд культурных деформаций. Исходя из этого, в работе с материалами народного письма приходится учитывать выводы исследователей, связанные с изучением проблем исторической и автобиографической памяти, с закономерностями создания текста непрофессиональным сочинителем.

Материалы экспедиционной работы дают основание говорить о сохранности в народной памяти событий периода русско-шведских противостояний начала XVIII века. В семейном летописании Н.А. Шеметова и Г.И. Костина оказались живы страницы национальной истории, отдаленные от нашего времени многими поколениями. Шведская тема проявилась на первых страницах родословного письма в жанре предания и составила точку отсчета времени.

В статье прослеживаются приемы вербализации шведской темы, формы и функции повествования. Рассмотрение исторической составляющей народных мемуаров сочетается с анализом законов народного повествования, правил и приемов высказывания. Делается вывод о том, что эпическая модель остается основным инструментом в осмыслении собственной биографии и биографии семьи. Шведская тема составила генеалогический исток изложения, этническая уникальность предка, причастность к значимым событиям истории сохраняются народным писателем для будущих поколений как статусные подробности. Информативная функция высказывания доминирует над приемами художественного изложения.

Ключевые слова: историческая память, семейное предание, народная письменность, культурная деформация текста

Историческая ценность народных мемуаров, дневников и писем отстаивается наукой с середины прошлого столетия. «Семейная» память, собранная в домашнем архиве, рассматривается исследователями как дополнительный материал для размышлений по поводу культурного и социально-политического контекста времени. С ней связываются надежды «заново понять» эпоху (А. Бараш) или «обрести исторический слух» (П.В.Крылов)¹. Отмеченная тенденция имеет позитивный характер, как справедливо и то, что существуют проблемы человеческой памяти и

Рожкова Татьяна Ивановна – доктор филологических наук Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: robin.55@mail.ru

¹ Бараш 2006, 226–237; Крылов 2005, 446–453.

личного восприятия. «Клеенчатые общие тетрадки», старые письма и фотографии – особая форма архивации прошлого. В них достоверная для пишущего основа сочетается с целым рядом психологических, социальных, культурных деформаций. В частности, Е.М. Ковалев главным недостатком семейных крестьянских историй считает выборочность воспоминаний, которые остаются у респондентов к концу их жизни². Механизм отбора событий автобиографом исследовала психолог В.В. Нуркова. Она выделяет четыре группы сюжетов, выстраиваемых рассказчиком: воспоминания о самом ярком, о самом важном, о переломном и характеризующем «суть личности»³. По ее наблюдениям, каждый возникающий в памяти повествовательный фрагмент обладает своими характеристиками воспроизведения, включая способы вербализации. Различать «звучащие внутри воспоминания» голоса, голос идеологии и голос самой личности, достаточно сложно. Когда речь заходит об исторической памяти, пишет Л. Гудков, «необходимо четко осознавать, с каким «прошлым» мы имеем дело, кто его держатель, как оно организовано и структурировано, какими средствами оно выражается»⁴. Иными словами, исторический пласт народных мемуаров должен рассматриваться с привлечением целого ряда антропологических дисциплин, способствующих пониманию специфики народной памяти, выявлению границ ее «познавательных способностей».

Соотношение фольклорного текста и событий исторического прошлого – одно из важнейших направлений в изучении народной словесности. Давно замечено, что продуцируемый исполнителями устный текст опирается на конструкцию «эпического» (Б.Н. Путилов, С.Ю. Неклюдов, А.К. Байбурин, К.В. Чистов и др.). Эпическая модель остается основным инструментом в осмыслении собственной биографии пишущего и биографии его семьи.

В фольклорном архиве университета фонд семейных родословных сочинений – один из самых востребованных и пополняемых на сегодня. В народной мемуарной литературе отозвались такие исторических событиях как русско-шведские баталии начала XVIII века, Пугачевский бунт, Первая мировая война, революция, Гражданской война и т. д. Мемуарные записки немца Ивана Адамовича Шефера (1899–1994 гг.) начинаются с истории переселения семьи в Россию. Первые страницы рукописи дают представление о том, как выстраивалась жизнь немецкой общины до революции⁵. Верхнеуральский казак Иван Александрович

² Ковалев 1996.

³ Нуркова 2000, 111.

⁴ Гудков 2005.

⁵ Шеффер; Фефелов; Нестеров; Костин.

Родословность. Крайние даты: 1812–1993 гг. Место происхождения рукописи: с. Анненское Карталинского р-на Челябинской обл. Архив лаборатории народной культуры МаГУ, Шифр хранения: РФ 38.

Фефелов И.А. Воспоминания. Крайние даты: 1893–1968. Место происхождения рукописи: г. Верхнеуральск Челябинской обл., Архив лаборатории народной культуры МаГУ, Шифр хранения: РФ 23.

Нестеров А.П. (1885 г.р.) Для наглядной памяти детишкам и внучатычкам.... Крайние даты: 1866–1965 гг. Место происхождения рукописи: п. Агаповка Агаповского района Челябинской обл., Архив лаборатории народной культуры МаГУ, Шифр хранения: РФ 4.

Костин Г.И. (1931 г.р.) Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет). Крайние даты: 1654–1991 гг. Место происхождения рукописи: Алтайский край, с. Панкрушиха, Архив лаборатории народной культуры МаГУ, Шифр хранения: РФ 2.

Фефелов (1893 г.р.) составил воспоминания для сына, куда вошли детство, события Первой мировой войны, Гражданская война в казачьих станицах Южного Урала. В ряду семейных родословных особую ценность представляют рукописи, основанные на записях предшественников. В них глубина исторической памяти определяется ни одним поколением. В ряду таких материалов – история казачьего рода Нестеровых. В ней записи двух поколений: Павла Ивановича (1866–1921 гг.) и Александра Павловича (1885–1969 гг.) Нестеровых. Такие семейные летописи открыли для нас шведскую тему в регионе. Семья Шеметовых связывает свою фамилию с пленным шведом, высланным на Урал после Полтавского сражения: «... в то время, при Петре Первом *ишо*... одного (там пленных шведов было много), и вот фамилия-то произошла от пленного шведа, его сюда сослали. Фамилия его была Шемет, а тут уже добавилось»⁶. Источником этого рассказа стали сохранившиеся в семье записи: «А это была у нас летопись такая, и она сохранилась, лишь часть только. Она вся сгорела, а часть сохранилась, *дак* вот кое-где я из *ее* выбрал»⁷. В настоящее время нет возможности установить начальные даты утраченного летописания, имена семейных летописцев, но эти «разрозненные листочки» пробудили желание возобновить семейную историю. И вот уже Николай Андреевич Шеметов (1933 г.р.) «выписывает оттудова», «кое-где ... из *ее* выбирает», критически осмысливает написанное предшественниками: «И часть неправильно было написано <...>. Маленько ошибки были»⁸. Так рождается новая летопись, идет процесс отбора и закрепления сюжетов, обязательных для передачи будущим поколениям семьи.

Как заметили социологи, «семейная» память концентрируется «на воспроизведении семейных преданий, связанных с конкретными лицами, родственниками, чья жизнь и поступки мифологизируются»⁹. Составленная биография семьи Шеметовых, до появления фольклористов, подверглась обработке. Н.П. Шеметова, по образованию учитель истории, переписала этот семейный рассказ в контексте своих исторических знаний. В ее изложении начальный фрагмент будущей летописи приобрел следующий вид: «... часть пленных шведов осела в России. Они нашли жен, поменяли фамилии на русский лад и стали предками многих русских людей. Как гласит предание, фамилия Шеметовых произошла от шведской фамилии Шемет. Возможно, что один из воинов или офицеров шведской армии оказался в центральных областях России или на Урале»¹⁰. Следует обратить внимание на то, что Николай Андреевич в рассказе фольклористам ссылается на этот вторичный текст, так как статус письменного сочинения специалиста для него значительнее собственного знания: «... я *че* написал, *че* мог *ишо* помнить написал, и она написала, что «наш род... когда-то *ишо* была война со Швецией...»¹¹

Историческую правдивость предания никто не стремился уточнять, семейные записи не ставят своей задачей выстраивание научной картины прошлого. Функция предания – обозначить генеалогический исток («один из воинов или

⁶ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 41.

⁷ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 41.

⁸ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 41.

⁹ Бредникова 1997, 71.

¹⁰ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 167.

¹¹ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 41.

офицеров шведской армии»). Этническая уникальность предка, его причастность к важным событиям истории сами по себе являются статусными подробностями для будущих поколений.

Материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в части материалов по Оренбургской губернии не опровергают возможность такой истории. В Оренбургской губернии на 1897 год числилось 67 шведов, все они проживали в уездах. В Верхнеуральском уезде зарегистрировано 4 шведа¹². Национальный состав пленных, в числе которых были лифляндские и финские немцы, датчане, эстонские крестьяне и пр., допускает немецкое звучание фамилии¹³.

При обработке семейного предания учителем истории достаточно умозрительно представлена жизнь пленного шведа в России. Эта умозрительность опирается на матрицу представлений, сложившуюся в общественном сознании и закрепившуюся в работах профессиональных историков. Подобные рассуждения мы находим в ряде статей: «Многие из шведских пленных остались в России, стали работать по своей профессии или обучились новому ремеслу»; «Оказалось, что к этому времени некоторые шведы приняли православие, обзавелись новыми семьями и не желали возвращаться на родину»¹⁴. Семейная летопись А.Н. Шеметова частично позволяет снять эту умозрительность и представить судьбу одного из потомков пленного шведа реальным сюжетом жизни, и сюжет этот разворачивается во время Пугачевского бунта.

В периодизации временного потока уральских рассказчиков крестьянская война стала точкой хронологического отсчета. В казачьей крепости Карагайка, где жила и живет семья Шеметовых, о пугачевщине и сегодня рассказывают как о недавнем событии: «Когда шел бунт пугачевский <...> и хотели брать Верхнеуральск, но *побоялися*, потому что все войска ближайших крепостей отправились в Верхнеуральск. А здесь остались одни только пенсионеры защищать крепость Карагайскую. <...> Взял крепость, *сожег ее*. Вот. Это было в мае месяце»¹⁵. Понятно, что такие события не могли не отразиться на судьбах членов семьи. В записях предков Николай Андреевич прочитал, что одного из мужчин их семьи пугачевцы увели с собой, он «здесь был в качестве полковника», а после поражения восстания его казнили в Казани: «Привязали к позорному столбу и били плетками»¹⁶.

Семейная летопись Г.И. Костина «Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет)» дает новый поворот шведской темы. С детства Григорий Иванович слышал рассказы о том, что его прапрадед Епифан Константинович участвовал в русско-шведской войне, но прочитал об этом значительно позднее. Сама тема «семейной летописи» пришла к нему неожиданно. В 1958 году Григорий Иванович и его брат Николай перекрывали крышу в родительском доме и под стропилами нашли блокнот, завернутый в просмоленную тряпку. Это оказался дневник деда Епифана Ефимыча, умершего в 1935 году. В нем семейные события

¹² Тройницкий 1904, XIV.

¹³ Долгова 2002, 47.

¹⁴ Долгова 2002, 49; Чагин 1997, 203.

¹⁵ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 40.

¹⁶ Когда А.С. Пушкин собирал материалы по истории пугачевского бунта, он не смог поработать в архивах города Казани, так как большая часть материалов сгорела в пожаре 1815 года.

по мужской линии были прописаны с 1735 года. В наводнение 1966 года дневник был утрачен. Вот тогда Григорий Иванович решил заняться его восстановлением: заставлял себя вспомнить как можно подробнее все, что было написано в дневнике, подключал родственников, предпринял поездку на землю своих предков и даже работал в архивах ¹⁷.

Уникальность летописи заключается в том, что мы с известной долей достоверности можем говорить о дате начальных записей (1735 год), именах первых летописцев: Ефим Епифанович (1717–1792 гг.); Иван Ефимович (1747–1813 гг.); Ефим Иванович (до 1847). Сын Ефима Ивановича – Епифан, дед Костина Григория Ивановича, довел летопись семьи до 1935 года. Отец Иван Епифанович не писал: «Он только записал вот последнее «6 июля 1935 года схоронил отца» Это отец записал крупными буквами, печатными. И все, больше записей не было»¹⁸. С 1935 года события семьи по своей памяти, по рассказам родственников, главным образом по рассказам мамы Анны Андреевны (1892 г.р.), Костин Григорий Иванович (1931 г.р.) излагал сам: «1936 год я сам писал. Тут уже я помню, как Колька родился и Шуру схоронили, старшей сестры дочь... У меня вот память начала, как Колька родился. Пять лет мне было»¹⁹.

Григорий Иванович реставрировал сюжет утраченной летописи с оглядкой на дневниковые записи своих предшественников. Сюжет выстраивал по мужской линии рода и начал его с семейных преданий об основателях фамилии: о Косте-хромом и его сыне – Епифане Константиновиче. Предания восходят к первым страницам дневника, к 1735 году, они записаны Ефимом Епифановичем – внуком Кости-хромого и сыном Епифана Константиновича.

Костя-хромой, от которого пошла фамилия Костиных, – крепостной князей Шереметьевых, участник Крымского похода 1687 года, где он получил «увечие ноги». Сын Кости-хромого Епифан Константинович – участник русско-шведской войны. По дневниковым записям, он за победу в Полтавском сражении получил свободу от крепостного права и земельный надел в три десятины. Предание о Епифане Константиновиче особо значимо в истории семьи: его участие в историческом сражении определило ее материальное благополучие. В восприятии Г.И. Костина, в то время, когда «крестьяне тянули крепостное угнетение», «солдаты-однодворцы», «освобожденные Петром Великим от крепостного права за участие в шведской двадцатилетней войне», жили вполне достойно.

Одна из особенностей изложения семейного предания связана с уверенной датировкой далеко отстоящих событий: «В Полтавском сражении воевал, был раненый в 1709 году, в Прусском походе в 1711 году участвовал, из Молдавии ушел в Померанию, где воевал еще со шведами в 1715 году. Был изувечен и списан до дому. Серебряный рубль получил солдат за Полтавскую битву, вольную от крепостного права и земельный надел в три десятины»²⁰. «Народное письмо» квалифицируется исследователями как автономное по отношению к «высокой»

¹⁷ Рожкова 2008, 181–184; 2009, 53–59.

¹⁸ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЗС-2010.10.10 (Магнитогорск), зап. от Г.И. Костина.

¹⁹ Архив лаборатории народной культуры МГТУ. ЗС-2010.10.10 (Магнитогорск), зап. от Г.И. Костина.

²⁰ Костин 2008, 20.

словесности (О.Р. Николаев), никак не влияющее на литературу, но впитывающее литературные приемы (А. Бараш). Непрофессиональный автор пишет в законах литературы настолько, насколько он начитан; и это не противоречит пониманию авторства. По одному из иронических определений, данным А. Компаньоном, автор – это образованный читатель²¹. Богатая внешними историческими событиями жизнь предков заставила нашего современника, задумавшего восстановить утраченные записи, собрать библиотеку исторических книг. Их у Г.И. Костина более тысячи: Ключевский, Соловьев, мемуары военного времени. Из авторов художественной литературы в числе любимых названы Горький, Пушкин, Шукшин, Достоевский.

Жизненный путь своих предков Г.И. Костин тщательно вписывает в историю России, подтверждает документами, статистическими выписками, цитатами из мемуарной литературы. На вопрос, связанный с влиянием на его изложение книг, он отвечает так: «Короче! Какую-то я мысль задумал где-то... Вот у меня пять томов, крестьянская жизнь Советского Союза и с древнейших времен, немецкая. Описана она на русском языке. Как они в то время работали. Как надумаю какие-то годы. Мысли там набираются у них опыта. Это история советского крестьянства. У меня пять томов. И три тома у меня, это исторических, как Европа организовалась, скандинавы там все эти, шведы там и немцы, и кельты и каких только!»²² Повествование Григория Ивановича достаточно жестко привязано к датам. Погодные записи обеспечивали первый уровень структурирования потока семейных событий. В дневнике предков записи велись тоже по годам с обязательным перечислением событий генеалогического характера. Из беседы: «По годам я легче ориентировался, как говорится. И вот как читал этот дневник, у них года были указаны там. Елифан родился тогда-то, умер тогда-то, кто сколько прожил»; «Они как бы передавали имена, кто, где служил, кто когда где умер. В основном, когда хороший урожай, вот они записывали и голодные годы, неурожайные годы писали. Все по годам»²³. Утраченные памятью даты Г.И. Костин добывал из метрических книг, копировал цифры родовых могильных крестов, проводил самостоятельные подсчеты.

Относительно повествовательных особенностей народных преданий В.К. Чистов писал: «Историческим преданиям свойственна прежде всего информативная функция. Они очень дорожат именами героев, названиями мест их деятельности, специфическими чертами их индивидуального подвига. Эстетическая функция преданий, как правило, выражена весьма слабо – текст их, как правило, аморфен»²⁴. В рукописи предание появляется после генеалогически значимых для семьи событий: смерть²⁵, переезд в новый дом²⁶, проводы в армию²⁷, юбилейные семейные даты и пр. На похоронах, провожая старого солдата в последний путь, автор напоминает: «В Полтавском сражении получил увечия и серебряный

²¹ Компаньон 2001.

²² Костин 2010.

²³ Архив лаборатории народной культуры МаГУ. ЗС-2010.10.10 (Магнитогорск), зап. от Г.И. Костина.

²⁴ Чистов 1986, 184.

²⁵ Костин 2008, 10.

²⁶ Костин 2008, 28.

²⁷ Костин 2008, 55.

рубль в награду от царя Петра Великого летом 1709 года. И свободу от крепостного права, надел земли в три десятины на солдатской слободе села Дорогощи Грайворонского уезда Белгородской области»²⁸. Для начитанного и «памятливого» человека, Г.И. Костина, предание не было предметом художественной фантазии, это достаточно замкнутый для вымысла фрагмент. В нем тщательно сохраняются и передаются факты семейные знания: участие в Полтавском сражении, награда за победу (серебряный рубль), освобождение от крепостного права, предоставление земельного надела в три десятины²⁹. В ходе повествования растет понимание заслуг Епифана Константиновича перед семьей, усиливается эмоциональное восприятие прошлого семьи. Мы видим примеры того, как функционирует семейный текст в повседневной культуре, что определяет потребность обращения к нему. Постоянным обращением к изложению предания Г.И. Костин стремится сохранить родовую память, объединить семью: «Так рассказывал Ефим Епифанович своим детям и внукам. Вечная память деду и отцу! Моим предкам, от которых пошла наша фамилия Костиных. Так наказывали предки: передавать из уст в уста по наследству своим детям и внукам, сохранять память в веках. Так вот, 110 лет нашему корню и 60 лет нашей фамилии Костиных. Этот рассказ проходил в застольную новогоднюю ночь 1767 года. Все завидовали памяти Ефима Епифановича. Чудесный рассказ за прожитые годы своей памятью! Маленькие дети давно улеглись спать, а взрослые слушали с удивлением и любопытством, на будущее своим внукам»³⁰.

Когда Костины переехали на Алтай, в дневнике деда появились записи топонимического характера. Он помечал этнографические подробности новых мест, записывал истории, услышанные от старожиллов края. В селе Урываево ему рассказали следующее: «Соль с Бурлы берут с Петра Великого времен! За Бурлой соляной тракт идет, и на реку Обь везут. Пристань Камень еще *пленны* шведы строили, Бийскую крепость»³¹. На Алтае у самого Г.И. Костина произошла встреча с человеком, который сохранял свою этническую принадлежность к шведской

²⁸ Костин 2008, 10.

²⁹ Варианты семейного предания из книги Г.И. Костина «Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет)» (Магнитогорск, 2008. Ч.1.).

№ 1. «Отец Епифан Константинович Костин, солдат, серебряник получил за Полтавское сражение, свободу от крепостного права с выходом на солдатский надел, солдатскую слободу, где и живут его сыновья и внуки» (с. 16).

№ 2. «Солдатский надел получил в 1709 году, за Полтавскую битву, победу над шведом. Отец Епифан получил серебряный и свободу от крепостного права» (с. 28)

№ 3. «За Полтавскую битву 1709 года серебро получил и солдатский земельный надел. Свободу от крепостного права. Прусский поход 1711 года – неудачный, поход в Померанию, в 1715 году – увечие руки» (с. 49).

№ 4. «... Белгород, губернский город первый стал в России, с 1708 года. Указ Петра 1, когда воевал с шведами под Полтавой, в июне 26 числа 1709 года. Наш дед Епифан Костин тогда воевал, получил рубль серебром и свободу от крепостного права, солдатский земельный надел, где мы сегодня живем, наша семья» (с. 55).

№ 5. «Дедушка мой – стрелец царя Алексея Михайловича. Епифан Костин – солдат-серебряник Петра 1. Участвовал в Полтавской битве 1709 года, в прусском походе 1711 г., в Померании 1715 года. Трижды раненый, десять лет служил. Изувеченный домой вернулся в 1716 году. Отец мой такую запись оставил в своем блокноте – Ефим Епифанович Костин» (с. 81).

³⁰ Костин 2008, 28.

³¹ Костин 2010, 83.

нации до конца XX века («мы фамилию свою вот держим»). Беседу с Фрицем Шрайдером, которого на русский манер все звали Федором, народный автор также включил в свою летопись³².

Обращение к народной мемуарной литературе дает основание говорить о сохранности шведской темы в народной памяти. В семейном летописании оказались живы страницы национальной истории, отдаленные от нашего времени многими поколениями. В пространстве летописи шведская тема проявилась на первых ее страницах, определила точку отсчета семейного времени.

Непрофессиональный характер письма, преобразование устной речи в письменную не изменили повествовательных особенностей рассказа, близких к жанру устного исторического предания. Отмеченная фольклористами информативная функция жанра по-прежнему доминирует, текст не подвергается художественной обработке.

ЛИТЕРАТУРА

Бараш, А. 2006: Архив как жанр: архитектоника личной памяти. *Новое литературное обозрение* 3(79), 226–237.

Бредникова, О. 1997: «Семейная» и «коллективная» память (способы конструирования этнической идентичности). В кн.: *Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ*. СПб., 70–74.

Гудков, Л. 2005: «Память» о войне и массовая идентичность россиян. *Неприкосновенный запас* 2–3(40–41). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html>.

Долгова, С.Р. 2002: Шведские пленные в Москве в 1700–1709 гг. В сб.: *Шведы в Москве. Материалы российско-шведской научной конференции*. М., 45–49.

Ковалев, Е.М. 1966: История крестьянских семей: методика и первые результаты. В сб.: *Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник*. М., 285–290.

Компаньон, А. 2001: *Демон теории. Литература и здравый смысл*. М.

Костин, Г.И. 2008: *Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет). Ч.1*. Магнитогорск.

Костин, Г.И. 2010: *Корни и отростки древа Костиных (за прошедшие 345 лет). Ч.2*. Магнитогорск.

Крылов, П.В. 2005: Обретение исторического слуха: парадигмы изучения неофициальной памяти. *НЛО* 74, 446–453.

Нуркова, В.В. 2000: *Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности*. М.

Рожкова, Т.И. 2008: Философия народной орфографии (материал родословного письма). В сб.: *Русский язык как государственный язык Российской Федерации и как язык межнационального общения в ближнем зарубежье: сборник материалов международной научно-практической конференции*. Магнитогорск, 181–184.

³² Костин 2010, ЗС-2010.11, Архив лаборатории народной культуры МГТУ.

«В Бийске я в геологии работал и он сторожем был, в годах такой мужик, а фамилия... Ну, у них, что у шведов, что у немцев – одинаково! Шрайдер, что ли?! Я говорю, ты что, немец? Он: «Нет! Это моя фамилия шведа! Моя потомка тута жила, пленилася, меня родила...» В Бийске работал сторожем. Лет 70 ему было.

– Что он рассказывал про своих предков?

– Шрайдер Фриц. А у меня – Федор, по-русски. Он говорил, я держу фамилию нашу, а так уже даже с петровских времен 200 лет прошло. Ну, все равно, мы фамилию свою вот, держим. – «У вас семья?» – «А как же! Два сына, две дочери, сейчас – внуки, правнуки».

- Рожкова, Т.И. 2009: Приемы структурирования прозы в тексте современного народного автора. В сб.: *Народная культура Сибири: Материалы XVIII научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору*. Омск, 53–59.
- Тройницкий, Н.А. (ред.) 1904: *Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. XXVIII Оренбургская губерния*. СПб.
- Филиппова, И.А., Рожкова, Т.И., Моисеева, С.А. 2010: *Казачество: образы культурной идентичности: сборник фольклорно-этнографических материалов*. Магнитогорск.
- Чагин, Г.Н. 1997: Шведы в Северном Прикамье в первой четверти XVIII века В сб.: *Шведы и русский Север: историко-культурные связи. Материалы международного научного симпозиума*. Киров, 202–206.
- Чистов, К.В. 1986: *Народные традиции и фольклор*. Ленинград.

REFERENCES

- Barash, A. 2006: Arkhiv kak zhanr: arkhitektonika lichnoy pamyati. *Novoe literaturnoe obozrenie* 3(79), 226–237.
- Brednikova, O. 1997: «Semeynaya» i «kollektivnaya» pamyat (sposobi konstruirovaniya etnicheskoy identichnosti) In: *Biograficheskiy metod v izuchenii postsozialisticheskikh obshchestv*. Saint-Petersburg, 70–74.
- Chagin, G.N. 1997: Shvedy v Severnom Prikam'e v pervoy chetverti XVIII veka. In: *Shvedy i russkiy Sever: istoriko-kulturnye svyazi. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*. Kirov, 202–206.
- Chistov, K.V. 1986: *Narodnye traditsii i folklor*. Leningrad.
- Dolgova, S.P. 2000: Shvedskie plennye v Moskve v 1700–1709 gg. In: *Chvedy v Moskve. Materialy rossuysko-chvedskoy nauchnoy konferenzii*. M., 45–49.
- Filippova, I.A., Rozhkova, T.I., Moiseeva, S.A. 2010: *Kazachestvo: obrazy kul'turnoy identichnosti: sbornik fol'klorno-jetnograficheskikh materialov*. Magnitogorsk.
- Gudkov, L. 2005: «Pamyat» o voyne I massovaya identichnost rossiyan, Neprikosnovennyy zapas 2–3(40–41), <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html>.
- Kompanon, A. 2001: *Demon teorii. Literatura I zdraviy smysl*. Moscow.
- Kovalev, E.M. 1966: Istoriya krestyanskikh semey: metodika i pervye rezultaty. In: *Krestyanovedeniye. Teoriya. Istoriya. Sovremennost: ezhegodnik*. Moscow, 285–290.
- Krylov, P.V. 2005: Obretenie istoricheskogo slukha: paradigmy izucheniya neofitsialnoy pamati, *Novoe literaturnoe obozrenie* 74, 446–453.
- Nurkova, V.V. 2000: *Svershennoe prodolzhaetsya: Psikhologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti*. Moscow.
- Rozhkova, T.I. 2008: Filosofiya narodnoy orfografii (material rodoslovnogo pisma) In: *Russkiy yazyk kak gosudarstvenniy yazyk Rossiyskoy Federazii i kak yazyk mezhnatsionalnogo obshcheniya v blizhnem zarubezhe: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferenzii*. Magnitogorsk, 181–184.
- Rozhkova, T.I. 2009: Priemy strukturirovaniya prozy v tekste sovremennogo narodnogo avtora V sb.: *Narodnaya kultura Sibiri: Materialy XVIII nauchnogo seminar-simpoziuma Sibirskogo regionalnogo vuzovskogo tsentra po folklore*. Omsk, 53–59.
- Trojnitskiy, N.A. (red.) 1904: *Pervaya vseobshchayz perepis naseleniya Rossiyskoy imperii. 1897 g. T. XXVIII Orenburgskaya guberniya*. Saint-Petersburg.

SWEDISH THEME IN PEOPLE'S MEMOIRS OF THE 20th CENTURY

Tatiana I. Rozhkova

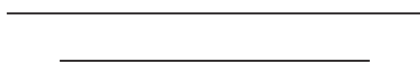
*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
robin.55@mail.ru*

Abstract. The subject of the analysis is some examples of written folklore that were collected during several folklore expeditions within the South Ural region. The scientific significance of people memoirs and notebooks are still open to question in different anthropological studies. One of the dispute topics is the image of historical past that can be culturally changed in some folk writer's works. Working with written folklore we have to take into account conclusions of different researchers that are connected with studies in historical and autobiographical memories as well as regularities of amateurish text creation.

Collected folklore written works give grounds to say that some events of the period of Russian-Swedish conflicts (the beginning of the 18th century) are still reminded in people's minds. In family chronicles by N.A. Shemetov and G.I. Kostin. there are pages full of national history in spite of being rather remote from those days by many generations. The Swedish theme appeared on the first pages of a family letter and made the starting point of the time.

The article traces some techniques of verbalization of the Swedish theme, the style and functions of the narration. The author connects the analysis of a historical basis in people's memoirs with the analysis of narration principals, rules and techniques of saying. We came to the conclusion that an epic model is still an important way of understanding your own and your family biography. The Swedish theme became a genealogical beginning of narrations where the ethnic uniqueness of your ancestor and some respect to significant history events are important for a folk writer and the future generations. Facts and details prevail over artistic techniques.

Key words: historical memory, family folklore, written folklore, cultural deformation of folk texts

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 342–347
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 342–347
© Автор(ы) 2016

СОВРЕМЕННОЕ ЛИНГВОГРАДОВЕДЕНИЕ КАК ДИАГНОСТИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРИОРИТЕТОВ (на примере рекламных имен Санкт-Петербурга)

К.И. Шарафадина

*Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург,
belkaklara@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена выявлению когнитивно-семиотического содержания городских рекламных имен. Автор выявил показательную тенденцию в эргономии Санкт-Петербурга последних лет – реактуализацию мифологемы «Общинность/Государственность». Востребованной оказалась популярная технология знаковых/прецедентных имен, персональных или эмблемных представителей той или иной яркой эпохи русской общинности/государственности. В ностальгическом дискурсе как социальной эмоции образы прошлого извлекаются для того, чтобы справиться с последствиями культурных изменений и потерянной идентичности, при этом они могут подвергаться неумеренной романтизации. Клишированные и отретушированные образы/знаки образуют комбинацию запомнившегося, воображаемого и реинтерпретированного ушедшего, которое в памяти выглядит более позитивным. Рекламный дискурс, ориентированный на поэтику постмодернистской игры, часто и не без успеха разбавляет романтизацию долей иронии, хотя порой и провокативной. Другой тенденцией последних лет стала безудержная эксплуатация в эргономии знаковых образов национальной самоидентификации, в частности базового концепта «русское». К существенным чертам концепта «империя/имперское» относят историческую устойчивость, претензию на значимость, гегемонизм политики и масштабность, наличие вертикали власти и сакральную власть императора. Современный рекламный дискурс выборочно воспроизводит существенные черты «Общины» и «Империи», толкуемых как стандарты единения, величия, значительности, державности, духа традиции, устойчивости и стабильности. Современность и универсальность рекламных имен, демонстративность и открытость для разнообразных инноваций и модных тенденций позволяют рассматривать неймы как незаменимый инструмент диагностики социокультурных тенденций и приоритетов, проявляющих важные для духовно-нравственной атмосферы современного общества процессы, связанные с процессом национальной самоидентификации.

Ключевые слова: лингвоградоведение, Санкт-Петербург, когнитивно-семиотический анализ, концепт, рекламное имя, эргоним, национальная идентичность, социокультурные приоритеты

Шарафадина Клара Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. E-mail: belkaklara@mail.ru

Язык современного российского города стал плодотворно изучаться в последнее время не только как лингвистический, но и как лингвосоциальный и лингвокультурный феномен, в частности в аспекте когнитивно-семиотического содержания городских рекламных имен.

Выявленной нами ведущей семиотической моделью последних лет в эргономии Санкт-Петербурга стала нейминговая реактуализация мифологемы «Общинность/Государственность», реализуемая ностальгическими концептами «Община, Державность, Империя, Монархия» и корреспондирующая с концептами национальной идентичности.

Для россиян «наше прошлое и наша история» к концу XX века явились самым главным понятием, связываемым «с мыслью о нашем народе» (см. опросы ВЦИОМ)¹. Широкое распространение в культуре повседневности последних лет получили образы «наших предков»: россияне, как отмечают исследователи, дают очень высокую оценку этому понятию, считая его одним из главных воплощений русского характера².

Ностальгия, как утверждают современные исследователи, это общекультурный ретроспективный процесс означивания явлений прошлого как ценного в исторической перспективе. Предметом ностальгической рефлексии могут быть тип общества, образ жизни, система ценностей, стиль общения и т. д. В рекламном дискурсе она используется как интеллектуально-эмоциональный конструкт, ориентированный на создание разнопорядковых версий определенного исторического периода или социальной формации прошлого.

К существенным чертам концепта «империя/имперское» относят историческую устойчивость, претензию на значимость, гегемонизм политики и масштабность, наличие вертикали власти и сакральную власть императора.

Современный рекламный дискурс выборочно воспроизводит существенные черты «Общины» и «Империи», толкуемых как стандарты единения, величия, значительности, державности, духа традиции, устойчивости и стабильности.

Приведем для примера рекламный текст с сайта ресторанного комплекса «Фрегат “Благодать”» (панорамный ресторан «Ветер», банкетный зал «Империя страсти», Летний сад), последовательно эксплуатирующий пафос «державности»: «Что одновременно может воплотить в себе и гастрономические изыски, и *дворцовый дух, и атмосферу величия морской державы?* Что оставляет такие яркие и неповторимые воспоминания? Это посещение ресторанного комплекса “Благодать”, который расположился у гранитных берегов Невы, на Петровской набережной. Фрегат “Благодать” – это историческая реконструкция трехпалубного линейного корабля конца XVIII столетия. Ресторанный комплекс построен *в духе петровских традиций, проведения ассамблей на боевых фрегатах. Атмосфера царственного величия, феерического шоу, изысканное меню и радушие персонала перенесет Вас в эпоху молодого Петербурга*»³.

Являясь особым способом мифологизации истории, ностальгия создает сентиментализированные проекции прошлого. Объектами рекламной мифологизирующей ностальгии становятся Древняя Русь (военно-исторический клуб Княже-

¹ Левада 2011, 112.

² Гудков 1997, 22.

³ О фрегате «Благодать», <http://www.fregat-blagodat.ru>.

ская дружина), императорская Россия (рестораны *Император, Царь, Государь, Династия, Великий князь, Князь*), советская империя (столовая *Советский Союз*), викторианская Англия (ресторан *Королева Виктория*) и даже древний Рим (мини-отель *Аве Цезарь*).

Рекламное имя *Империя* присваивают себе кафе и антикварный салон, кинологический клуб и ремонтная компания, агентство недвижимости и турфирма, служба заказа такси и рекламное агентство, стоматологическая клиника и ПТК, финансовая компания и компания по организации выставок.

На статус *Императора* замахнулись всего лишь охранный предприятие, агентство недвижимости и ресторан, *Царем* именуют себя ресторан и торговый дом, *Царицей* – баня и кафе (*Царица Тамара*), *Государем* – вновь ресторан. От имени *Монарха* приглашают к себе обувной магазин и ПТФ, *Монарха-СПб* – полиграфическая компания, *Монархаинвест* – ПТФ.

«Императорские» эргонимы приглашают в *Империю авто, лимузинов, автобусов* (автосалон и транспортное предприятие), а также в *Империю меха, камня, платья, шариков, солнца* (солярий, ювелирный салон), *тепла, света, туризма* (турфирма), *права* (юридический центр), *чистоты* (клиниговая компания) и даже в *Империю ангелов* (танцевальный клуб).

Востребована в эргономии Санкт-Петербурга популярная технология знаковых/прецедентных имен, персональных или эмблемных представителей той или иной яркой эпохи русской общинности/государственности: «*Русский витязь*» – производственная фирма; «*Русские витязи*» – торговая компания, кафе и мини-отель, «*Русские богатыри*» – фирма по организации праздников, *Княгиня Ольга* (свадебный салон), *Князь Невский* (кафе), *Русская община* (агропромышленное предприятие), *Петр Великий* (продовольственный магазин, торговая компания и строительно-реставрационная фирма), рестораны *Менишиков-холл, Граф Шувалов, Граф Суворов, Князь Потемкин, Князь Романов, Дворец князя Кочубея, Особняк Половцова, Дом Вяземской, кафе Ленин@жив* (это скандальное название было «изъято из употребления»).

Удивит небольшой, но пестрый перечень знаковых мифологизированных имен, связанных с событиями русской военной истории: князь Потемкин, Граф Суворов и Поручик Ржевский (именно в таком «соседстве»), Багратиони, Деникин.

Предпринятое нами исследование оправданности выбора для ресторана класса «люкс» имени великого русского полководца Суворова, ассоциирующегося с аскетизмом военного походного быта (общеизвестно, что он проявлял неустанную заботу о солдатах, их быте и нуждах и разделял с ними все тяготы походной жизни, чем завоевал безграничное доверие и любовь армии), привело, прямо скажем, к обескураживающему результату.

Дадим слово неизвестным авторам рекламной «оды» ресторану, которые честно признаются: «Название ресторана никак не отражено в концепции этого заведения. Здесь нет никаких более или менее конкретных деталей, напоминающих об этом персонаже. С «графом Суворовым» связана разве что созданная в ресторане особая аристократическая атмосфера того времени, которая заставляет каждого посетителя почувствовать себя знатным дворянином на роскошном императорском приеме: классический светский интерьер, великолепная кухня, вы-

сококачественное обслуживание. Внутреннее убранство здесь создано с особой тщательностью в русском классическом стиле, характерном для утонченных, светских интерьеров императорской эпохи. Идеальная сервировка столов, элегантная мебель, горящие свечи в позолоченных подсвечниках, благородные гобеленовые обои, множество красивых антикварных предметов, мягкое освещение, огромный аквариум с удивительными живыми рыбами, – все это создает ощущение какой-то неспешности, изысканности...»⁴

Другой рекламный текст пытается реабилитировать выбор названия, но его аргументация невнятна: «...название не нашло буквального воплощения в интерьере: *лишь умело расставленные штрихи* (автор не поясняет, какие же именно – К. Ш.) *содержат намек на эпоху изысканности и великих российских побед, одержанных выдающимся полководцем*. За кулинарную же основу были взяты блюда из меню Двора Ее императорского величества Екатерины Второй»⁵.

Но, похоже, изысканность оказалась не столь востребованной, поэтому «соседом» графа Суворова стал ... «Поручик Ржевский». Именно так называли «более демократичный по духу зал. Два заведения разделены лишь небольшим холлом: хочется гостям погусарить – пожалуйста налево, а нужно произвести впечатление – пройдемте к «Графу». Младший ресторан хоть и выглядит легкомысленно, игриво, но он полон авторских вещей – начиная от ковки и заканчивая настенной росписью. Поводов улыбнуться здесь предостаточно – даже в туалете. Правда, «глазок», увы, только для блезира»⁶.

Ну что тут скажешь?

В ностальгическом дискурсе как социальной эмоции образы прошлого привлекаются для того, чтобы справиться с последствиями культурных изменений и потерянной идентичности, и при этом могут подвергаться неумеренной романтизации.

Клишированные и отретушированные образы/знаки образуют комбинацию запомнившегося, воображаемого и реинтерпретированного ушедшего, которое в памяти выглядит более позитивным: рестораны *Меншиков-холл*, *Минхерц и компания*, *Пуiter*, *Наш Пуiter*, *Кремлевский*, *MariVanna*, *Русский китч*, *Москва*, *Lenconcert*, *Volga-Volga* (*ресторан-теплоход*).

Рекламный дискурс, ориентированный на поэтику постмодернистской игры, часто и не без успеха разбавляет романтизацию долей иронии, хотя порой и провокативной: *Маномех* (производственная компания), рестораны, кафе, бары и пивные *Карл и Фридрих*, *Ленин@жив*, *SAVOK*, *Бухарин Двор*, *Graf INN*, *Le BOR-SHCH*, *Красный уголок*, *Матросская тишина*, *Культбар* (на пр. Луначарского), *Советский Союз* (на улице Возрождения), *ССР* (строительная компания), *Коммуналка* (хостел).

Другой тенденцией последних лет стала безудержная эксплуатация в эргономии знаковых образов национальной самоидентификации, в частности базово-

⁴ Ресторан «Граф Суворов» 2014, http://www.opeterburge.ru/restaurant_362.html.

⁵ «Граф Суворов» и «Беллини» в Санкт-Петербурге, <http://tastesgood.ua/travel/graf-syvorov-i-bellini-v-sankt-peterbyrge>.

⁶ «Граф Суворов» и «Беллини» в Санкт-Петербурге, <http://tastesgood.ua/travel/graf-syvorov-i-bellini-v-sankt-peterbyrge>.

го концепта «русское»⁷: «Русский дом» – ТПК, юридическое агентство, магазин текстиля, строительная и торговая компании, риэлторская компания и ресторан; «Русские традиции» – консалтинговая компания, антикварный салон, банкетный зал, столовая, ТПК, «Русский стиль» – антикварный салон и мастерская по реставрации мебели, ТД и ТФ, магазин; «Русский стандарт» – банно-оздоровительный комплекс, «Русский стандарт водка» (ПК); «Русский гарант качества» (производственная компания), «Русский мастер» – интерьерный салон, ремонтная фирма, строительная компания, компания по организации праздников, ПТФ; «Русская компания» – ломбард и антикварный магазин; «Русские мастера» – ремонтно-строительная фирма; «Русские ремесла» – магазин и «Русские узоры» – ПК; «Русская сказка» – мини-отель и строительная фирма; «Русский витязь» – производственная фирма; «Русский двор» – «Русский огород» – ТФ; «Русский путь» – типография; «Русское поле» – боулинг-клуб, Русский бастион – транспортная компания.

К числу игровых, но порой близких к курьезным можно отнести такие сочетания, как «Русская школа хиромантии», «РИМ /Русский инструментальный мир/» (торговая компания), «Русское» (бутик одежды), «Русский Бейклс» (производственно-торговое предприятие), «Русский ивент» (творческое объединение), «Русский квон» (ПФ), «Русский кейтеринг» (ресторан выездного обслуживания), «Русский пилигрим» (фирма по распространению печатной продукции).

«Пограничными» выглядят названия, в которых концепт «русское» соседствует с понятиями, традиционно соотносимыми с зарубежными аналогами как более авторитетными в избранной сфере («Русские страховые традиции», строительная компания «Русский зодчий»), а также с понятиями, которые призваны как бы реабилитировать русский аналог за счет указания на «нерусский» прототип как эталонный: «Русский Ренессанс» (ПФ), «Русская Версалия» (ресторан), «Русский ампир» (ресторан), «Русская богема» (меховое ателье).

Такие качества рекламных имен, как современность и универсальность, демонстративность и открытость для разнообразных инноваций и модных тенденций, отмечаемые исследователями⁸, позволяют рассматривать неймы как незаменимый инструмент диагностики социокультурных тенденций и приоритетов, проявляющих важные, а порой и принципиальные для духовно-нравственной атмосферы современного общества процессы, связанные с процессом национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

Гудков, Л.Д. 1997: Русский неотрадиционализм. *Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения* 2, 25–32.

Крюкова, И.В. 2004: *Рекламное имя: от изобретения к прецедентности*. Волгоград. Левада, Ю.А. 2011: *Сочинения: проблема человека*. М.

Шарафадина, К.И. 2015: Концепт национальной идентичности «русское» в современном рекламном дискурсе. В сб.: *Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Международные Лихачевские научные чтения 14–15 мая 2015 года*. СПб., 393–395.

⁷ Шарафадина 2015, 393–395.

⁸ Крюкова 2004, 251.

REFERENCES

- Gudkov, L.D. 1997: Russkiy neotraditsionalizm. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. Monitoring obshchestvennogo mneniya* 2, 25–32.
- Kryukova, I.V. 2004: *Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretsedentnosti*. Volgograd.
- Levada, Yu.A. 2011: *Sochineniya: problema cheloveka*. Moscow.
- Sharafadina, K.I. 2015: Konsept natsional'noy identichnosti "russkoe" v sovremennom reklamnom diskurse. In: *Sovremennye global'nye vyzovy i natsional'nye interesy: XV Mezhdunarodnye Lichachevskie nauchnye chteniya 14–15 maya 2015 goda*. Saint-Petersburg, 393–395.

MODERN LINGUISTIC URBAN STUDIES AS A DIAGNOSTICS
OF SOCIOCULTURAL PRIORITIES
(A Case Study of the Advertisement Names of Saint-Petersburg)

Klara I. Sharafadina

Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Russia,
belkaklara@mail.ru

Abstract. The article is devoted to revealing of cognitive and semiotic content of urban advertising names. The author has shown a prominent trend in the ergonomics of Saint-Petersburg in recent years, which is the reactualization of the mythologem "Community"/"State Integrity". The usage of precedent names mainly personal or emblematic representatives of a certain epoch of Russian community is still in demand. In a nostalgic discourse, as a social emotion, images of the past are evoked to cope with the consequences of cultural changes and lost identity; moreover they can undergo immoderate romantization. Clichéd and retouched images create a combination of a memorized, imaginary and reinterpreted past which seems to be more positive in the retrospect. Advertising discourse oriented at the poetics of a postmodernist game, often and sometimes successfully diminishes this romantization adding some irony though the latter may be provocative. Another tendency of recent years is an unlimited exploitation in the ergonomics of vital images of national identity, in particular of a concept "Russian". The main features of a concept "Empire" are as follows: historical stability, pretense of being important, supremacy of politics and scale, presence of hierarchy of power and the sacred power of an emperor. Modern advertising discourse reproduces in part essential characteristics of concepts "Community" and "Empire" regarded as standards of unity, greatness, significance, sovereignty, spirit of tradition, firmness and stability. Modernity and universality of advertising names, openness to different innovations and fashionable trends allow the names to be looked upon as an irreplaceable instrument of a diagnostics of sociocultural trends and priorities, displaying vital processes for moral and spiritual atmosphere of a modern society which are connected with the idea of a national identity.

Key words: urban studies, Saint-Petersburg, cognitive-semiotic analysis, concept, advertisement name, ergonym, national identity, sociocultural priorities

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 348–354
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 348–354
©Автор(ы) 2016

ЦИЦЕРОН И МАРК АНТОНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ Ф. ТЮТЧЕВА И В. БРЮСОВА: СПОР О БЛАЖЕНСТВЕ

Т.Е. Абрамзон

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
ate71@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме диалогичности и интертекстуальности литературы, рассматриваемой в рамках частного сопоставительного анализа двух знаковых стихотворений русской поэзии – «Цицерона» (1830) Ф. Тютчева и «Антония» (1905) В. Брюсова.

Тютчевское мироощущение поворотных исторических событий, драматичных «гражданских бурь» во времена падения римской республики оказалось созвучно мироощущению русских поэтов начала XX века, предвидевших и остро переживавших ужас и величие грядущих перемен. Особенно востребованной была концепция «рокового блаженства», которое, по Тютчеву, смертный может испытать только в момент поворотных событий истории, будучи «зрителем» «высоких зрелищ».

Автор статьи доказывает, что брюсовское стихотворение «Антоний» имеет вполне определенные поэтологические скрепы с тютчевским «Цицероном»: в их числе ключевая формула стихотворений «Блажен, кто...», которая выводит текст на уровень философского обобщения. Брюсов вступает в диалог с классиком и воспекает иной вариант «рокового блаженства»: он выдвигает на первый план Любовь как единственный, достойный смертельной жертвы предмет.

Ключевые слова: Цицерон, Тютчев, Марк Антоний, Брюсов, диалогизм, интертекстуальность, концепции «рокового» блаженства

Абрамзон Татьяна Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.
E-mail: ate71@mail.ru

Два стихотворения, о которых пойдет речь в данной статье, не единожды становились предметом исследований: знаменитый и часто цитируемый «Цицерон» (начало 1830-х) Ф. Тютчева¹ и не менее известный «Антоний» (1905) В. Брюсова². Однако нам не встречались ни указания на интертекстуальные связи этих двух стихотворений, ни сопоставительный их анализ. Кроме установления диалогических отношений тютчевского и брюсовского стихотворений, они интересуют нас и как эпизод многовековой истории в поиске блаженства и счастья на земле, отраженной в русской поэзии XVIII–XX вв.

Прежде всего, отметим актуальность тютчевского творчества и, в частности, интересующего нас стихотворения «Цицерон» для русских поэтов рубежа XIX–XX веков. Время написания брюсовского стихотворения – 1905 год, время, когда «Цицерон» с его революционным пафосом и особым чувством переживания роковых событий оказался созвучен историческим ритмам России начала века, воплотил в себе страшную и величественную красоту грядущих перемен, трагическое переживание слома эпох, особенно остро воспринимаемого поэтами. Приведем несколько примеров.

Брюсов в эссе «Наши дни» (1903) характеризовал современность следующим образом: «Наши дни – исключительные дни, одни из замечательнейших в истории. Надо уметь ценить их. Неожиданные и дивные возможности открываются человечеству. <...> В прошлом уже бывали эпохи, подобные нашей. <...> более жадно должны мы всматриваться в современность. В ней бьется в первых содроганиях то, что в полноте и совершенстве развернется через столетия. <...> мы можем подсмотреть, угадать ту жизнь, участвовать в которой нам не дано.

Не об этом ли говорит Тютчев:

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые <...>*³.

Отсылка к тютчевскому определению «рокового» счастья неслучайна. Двадцатью годами позже в революционном 1905 году А. Блок проведет параллель между александрийской эпохой и современной ему Россией, также процитировав вторую часть тютчевского стихотворения («Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...»). Спустя почти десяток лет ощущение фаталистичности происходящего не покидает русских поэтов: Брюсов заимствует из того же тютчевского произведения стих-образ «Высоких зрелищ зритель» для заглавия сборника своих стихов 1914 года и использует в качестве эпиграфа знаменитые четыре строки о роковом блаженстве.

Именно творчество Тютчева отзывается понятными смыслами и звуками в среде символистов, один из которых пишет: «Нам лирика Тютчева должна быть особенно внятна: он, как бы предвосхитил все наши мечтания, наши томления, наш сокровенный мир. Тютчев принадлежит истории, но прежде всего он принадлежит нам – людям XX века. Открытия, которые сделаны теперь в области эстетики – все то, что мы разумеем теперь под словом символизм – все это было основной темой Тютчева. Он был первым русским символистом»⁴. Именно по-

¹ Толстогузов 2004, 99–107.

² Гиршман 2007, 223–235; Гаспаров 1997, 33–38.

³ Брюсов 2014/6, 365–366.

⁴ Чулков 1912, 9.

этам рубежа веков принадлежит «главная заслуга популяризации Тютчева и приобщения его в читательском сознании к числу величайших лириков не только в пределах русской литературы»⁵.

Торжественность тютчевского переживания рокового времени, одновременно ужасного и прекрасного, отлитая в философски глубокую и изящно отточенную форму, отвечала эмоциональному строю начала XX века, революционного, кровавого, бурного. Тютчевского «Цицерона» часто цитируют, строками из него иллюстрируют собственные тезисы, на него ориентируются, в нем находят созвучия, позволяющие примирить величественность и ужас совершающихся перемен. Однако литература как «эстетика противопоставления» не допускает прямого наследования, и вослед (или в ответ) тютчевскому «Цицерону» Брюсов пишет «Антония».

Герои тютчевского и брюсовского стихотворений – Марк Туллий Цицерон, оратор, и Марк Антоний, триумвир, – знаковые фигуры римской истории, сыгравшие важную роль на излете римской республики. Не вдаваясь в подробности взаимоотношений этих деятелей, отметим, что антагонисты по политическим взглядам, долгое время прятанные за лицемерно пристойным общением непримиримую вражду⁶, с марта 44 года до н.э. вступили в открытый конфликт, принявший «характер смертельной схватки»⁷. Два идеологических противника, подогреваемых ещё и личной неприязнью, будут обвинять друг друга в развязывании гражданской войны 49 г. до н.э.⁸, Антоний к тому же будет вменять Цицерону в вину участие в заговоре против Цезаря, а Цицерон в свою очередь обрушится со всем праведным гневом и ораторским талантом на порочного Антония в «Филиппиках»⁹. Общеизвестно, что противостояние заклятых врагов закончилось убийством Цицерона по приказу Антония. По свидетельству Аппиана Александрийского, ненависть Антония не остыла и после смерти Цицерона: «Говорят, что за обеденным столом Антоний голову Цицерона ставил на стол, пока не насытился этим отвратительным зрелищем. Так погиб Цицерон, муж, прославляемый за свое красноречие и до сих пор, оказывавший отечеству величайшие услуги во время своего консульства, а теперь он после смерти подвергнулся глумлению»¹⁰. От трагических событий тех дней вернемся стихотворениям русских поэтов.

Имена римских деятелей-противников в заглавиях двух стихотворений образуют поэтический диптих, поддерживаемый историческими реалиями, хорошо известными Тютчеву и Брюсову, выдающимся знатокам античной истории. Самим своим «появлением» брюсовский «Антоний» уравнивает не только тютчевское стихотворение, но восстанавливает некий исторический баланс сил, задает новое измерение рокового блаженства, где смерть во имя Любви объявляется наивысшим благом.

Стихотворение Брюсова имеет непосредственные поэтологические скрепы со стихотворением Тютчева. Первой такой связкой, на наш взгляд, является заглавие

⁵ Гудзий 1930, 467.

⁶ Lindsay 1936, 65–69.

⁷ Белкин 2002, 133–163.

⁸ Cic. Phil. II, IX, 23; XXI–XXII, 51–55.

⁹ Буассье 1993.

¹⁰ App. B.C., II, 4.

«Антоний», которое не может не отсылать читателя к знаменитому «Цицерону», стихотворению, которое при ближайшем рассмотрении оказывается претекстом брюсовского стихотворения.

Так, в первой части стихотворения Тютчев изображает великого римлянина-оратора, «охваченного чувством темных времен»¹¹. «Прощание с римской славой» происходит на Капитолийском холме, где одинокий и трагический герой созерцает разрушение дорогого его сердцу республиканского строя:

Так!.. но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел *ты*
Закат звезды ее кровавой!..¹²

В подобной скульптурной позе великана застывает и брюсовский Марк Антоний (I строфа):

Ты на закатном небосклоне
Былых, торжественных времен,
Как исполин стоишь, Антоний,
Как яркий, незабвенный сон!¹³

Брюсов как будто использует «историческую раму» тютчевского стихотворения, но меняет главного героя: вместо Цицерона он помещает в неё Антония. Стихи «<...> видел *ты* / *Закат* звезды ее кровавой» Тютчева и «*Ты на закатном небосклоне*» Брюсова объединены и величественным пафосом происходящей катастрофы, и непосредственным обращением к своим героям на «ты». В блестящем разборе брюсовского «Антония» М.Л. Гаспаров указывает на особенности изображения исторического фона: «I строфа – фон совершенно неопределенный, “былые времена”»¹⁴. Однако эти «былые времена» совершенно определены, если помнить о тютчевском стихотворении, – «закат» римской республики.

Кроме того, если говорить о «равновесии частей» брюсовского стихотворения, то, по мысли М.Л. Гаспарова, оно идеально воплощено на различных уровнях композиции, основным принципом которой является «сужение»: «<...> (1) логическое сужение значения, от общего к частному: “страсть” – “любовь”; (2) психологическое сужение значения, от внешнего к внутреннему (интериоризация): “прекрасный” – “надменный”; (3) предметное сужение значения, от неопределенного к конкретному: “борьба за власть” – “битва при Акции”; (4) действенное сужение значения, сосредоточение силы: “поставил” – “бросил”; (5) стилистическое сужение значения (метонимия и синекдоха): “победа” – “лавр”. <...> эти пять разнородных “сужений” в тексте нашего стихотворения, взаимно поддерживая друг друга, совершаются параллельно»¹⁵.

Верный по сути анализ М.Л. Гаспарова не учитывает, однако, композиции тютчевского стихотворения, на которое во многом ориентировано стихотворение Брюсова. «Цицерон» Тютчева включает две самостоятельные замкнутые в себе строфы: в первой дана историческая зарисовка распада римской республики, со-

¹¹ Толстогузов 2004, 101.

¹² Тютчев 1966/1, 36.

¹³ Брюсов 2014/1, 393.

¹⁴ Гаспаров 1997, 34.

¹⁵ Гаспаров 1997, 35.

зерцаемая великим Цицероном; во второй – философское обобщение о «роковом блаженстве» с начальной формулой «Блажен, кто...»¹⁶, испытываемом в момент исторических катаклизмов.

В композиционном отношении Брюсов следует за Тютчевым: первая – историческая часть – эпизод из истории роковой любви Марка Антония и египетской царицы Клеопатры, когда Антоний в битве при Акции за мировое господство бросил свое войско и отправился за своей возлюбленной, войско которой обратилось в бегство:

Когда вершились судьбы мира
Среди вспененных боем струй, –
Венец и пурпур триумвира
Ты променял на поцелуй.

Когда одна черта делила
В веках величье и позор, –
Ты повернул свое кормило,
Чтоб раз взглянуть в желанный взор¹⁷.

Затем, как и в тютчевском стихотворении, историческая конкретика переводится на уровень философского обобщения (VI строфа) с помощью авторитетной и заряженной многими смыслами и аллюзиями формулой «Блажен, кто...»:

Как нимб, Любовь, твоё сиянье
Над всеми, кто погиб, любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель – за тебя!

Блаженство по Брюсову – это блаженство муки, блаженство страдания «за» Любовь и смерти «во имя» Неё. Однако, в отличие от двучастной композиции стихотворения Тютчева, брюсовское стихотворение обретает в финале ещё одну строфу – личный аккорд, обусловленный особенностью индивидуальной поэтики Брюсова, который «иногда <...> прямо перебрасывал <...> «мостик» от «вечных кумиров» к самому себе»¹⁸:

О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!¹⁹

Итак, в пространстве русской поэзии два заклятых врага – Цицерон и Марк Антоний – по воле Тютчева и Брюсова вновь занимают антагонистические позиции, но теперь не как идеологические противники, но как художественные образы, воплотившие в себе комплекс представлений о смысле человеческого бытия. Концепция «рокового блаженства» Тютчева, во многом схожая с пушкинской версией «неизъяснимых», гибельных наслаждений («Пир во время чумы»), устанавливает особое условие обретения земного счастья: блажен, кто будет свидетелем

¹⁶ См. подробнее об истории формулы «Блажен, кто...»: Абрамзон 2015а, 369–377; 2015б, 345–351; Abramzon 2015, 657–668; Петров 2011, 342–346; Рудакова 2012, 103–114; Зайцева 2011, 705–710.

¹⁷ Брюсов 2014/1, 393.

¹⁸ Литвин 1983, 489.

¹⁹ Брюсов 2014/1, 393.

лем разрушения мира. И символ такого блаженства – Цицерон, «высоких зрелищ зритель». В свою очередь Брюсов, полемизируя с авторитетным для него поэтом, противопоставляет собственное представление о «роковом блаженстве», согласно которому наивысшим наслаждением является гибель за Любовь. И символ такого блаженства – Марк Антоний, трагически зависимый от Любви.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, Т.Е. 2015а: «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII XIX вв.: из истории формулы. *ПИФК* 3(49), 369–377.
- Абрамзон, Т.Е. 2015б: «Они звучат, они ликуют» А. Блока: опыт прочтения (к истории одной поэтической формулы). *ПИФК* 4(50), 345–351.
- Белкин, М.В. 2002: Цицерон и Марк Антоний: истоки конфликта. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. СПб., 133–163.
- Брюсов, В. 2014: *Собрание сочинений*: в 7 т. Т. 1, Т. 6. М.
- Буассье, Г. 1993: *Цицерон и его друзья*. СПб.
- Гаспаров, М.Л. 1997: «Антоний» Брюсова. Равновесие частей. В кн.: *Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. II. О стихах*. М., 33–38.
- Гиришман, М.М. 2007: Рационализм – ораторство – мастерство («Антоний» Брюсова). В кн.: *Гиришман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности*. М., 223–235.
- Гудзий, Н.К. 1930: Тютчев в поэтической культуре русского символизма. В кн.: *Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР*. Т. III. Кн. 2. Л., 465–549.
- Зайцева, Т.Б. 2011: Концепт «Любовь» в творчестве А.П. Чехова (для антологии «Художественные константы русской литературы»). *ПИФК* 3, 705–710.
- Литвин, Э.С. 1983: Валерий Брюсов. В кн.: А.С. Курилов (отв. ред.), *История русской литературы XI–XX веков: Краткий очерк*. М.
- Петров, А.В. 2011: «Эротико-политические формулы» в торжественных одах 1741–1742 гг. (материалы к словарю одических топосов). *ПИФК* 3, 342–346.
- Рудакова, С.В. 2012: Философия счастья в лирике Е.А. Боратынского. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки* 108/4, 103–114.
- Толстогузов, П.Н. 2004: «Цицерон» Тютчева: идеологический контекст и поэтика учительного жанра. В сб.: *Интерпретация литературного и культурного текста: традиция и современность*. Биробиджан, 99–107.
- Тютчев, Ф.И. 1966: *Лирика*: в 2 т. Т.1. М.
- Чулков, Г.И. 1912: Дымный ладан. В кн.: *Покрывало Изиды. Сочинения*. Т. V. СПб.
- Abramzon, T. 2015: Philosophy of happiness in Eighteenth Century Russia. In: *SGEM 2015 Conference Proceedings*. Sofia, 657–668.
- Lindsay, J. 1936: *Marc Antony. His world and his contemporaries*. London.

REFERENCES

- Abramzon, T. 2015: Philosophy of happiness in Eighteenth Century Russia. In: *SGEM 2015 Conference Proceedings*. Sofia, 657–668.
- Abramzon, T.E. 2015a: «Blazhen, kto...» v russkoj poezii XVIII XIX vv.: iz istorii formuly. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 3(49), 369–377.
- Abramzon, T.E. 2015b: «Oni zvuchat, oni likujut» A. Bloka: opyt prochtenija (k istorii odnoj poeticheskoy formuly). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4(50), 345–351.
- Belkin, M.V. 2002: Ciceron i Mark Antonij: istoki konflikta. *Mnemon. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira*. Saint-Petersburg, 133–163.

- Brjusov, V. 2014: *Sobranie sochinenij*: v 7 t. T. 1, T. 6. Moscow.
- Buass'e, G. 1993: *Ciceron i ego druž'ja*. Saint-Petersburg.
- Chulkov, G.I. 1912: *Dymnyj ladan. V kn.: Pokryvalo Izidy. Sochinenija. T. V*. Saint-Petersburg.
- Gasparov, M.L. 1997: «Antonij» Brjusova. Ravnovesie chastej. In: *Gasparov M. L. Izbrannye trudy. T. II. O stihah*. M., 33–38.
- Girshman, M.M. 2007: Racionalizm – oratorstvo – masterstvo («Antonij» Brjusova). In: *Girshman M.M. Literaturnoe proizvedenie: Teorija hudozhestvennoj celostnosti*. M., 223–235.
- Gudzij, N.K. 1930: *Tjutchev v pojeticheskoj kul'ture russkogo simbolizma*. In: *Izvestija po russkomu jazyku i slovesnosti Akademii nauk SSSR*. T. III. Kn. 2. Leningrad, 465–549.
- Lindsay, J. 1936: *Marc Antony. His world and his contemporaries*. London.
- Litvin, Je.S. 1983: Valerij Brjusov. In: A.S. Kurilov (otv. red.), *Istorija russkoj literatury XI–XX vekov: Kratkij ocherk*. Moscow.
- Petrov, A.V. 2011: «Jerotiko-politicheskie formuly» v torzhestvennyh odah 1741–1742 gg. (materialy k slovarju odicheskikh toposov). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 3, 342–346.
- Rudakova, S.V. 2012: Filosofija schast'ja v lirike E.A. Boratynskogo. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki* 108/4, 103–114.
- Tjutchev, F.I. 1966: *Lirika*: v 2 t. T.1. Moscow.
- Tolstoguzov, P.N. 2004: «Ciceron» Tjutcheva: ideologicheskij kontekst i pojetika uchitel'nogo zhanra. In: *Interpretacija literaturnogo i kul'turnogo teksta: tradicija i sovremenost'*. Birobidzhan, 99–107.
- Zajceva, T.B. 2011: Koncept «Ljubov'» v tvorčestve A.P. Chehova (dlja antologii «Hudozhestvennye konstanty russkoj literatury»). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 3, 705–710.

CICERO AND MARK ANTONY IN A POETIC DIALOGUE BETWEEN F. TYUTCHEV AND V. BRUSOV: THE DEBATE ABOUT BLISS

T.Ye. Abramzon

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
ate71@mail.ru*

Abstract. The article discusses the dialogic and intertextual problem of literature: the main attention is focused on the comparative analysis of the two Russian iconic poems – “Cicero” (1830) by F. Tyutchev and “Anthony” (1905) by Bryusov.

Tyutchev's attitude of the decisive events and the dramatic “civil wars” during the fall of the Roman Republic was in tune with Russian poets' feelings of the beginning of the 20th century, who foresaw and felt keenly the horror and majesty of the coming changes. The concept of “rock bliss” was especially popular: according Tyutchev a mortal can experience such bliss only at the moment of the tremendous history events like a “spectator” of “high dramas”.

The author of the article argues that Bryusov's poem “Antony” has quite certain poetic connections with Tyutchev's “Cicero”: the key formula of the poems, “Blessed are those who ...”, which displays the texts on the philosophical level is among them. Bryusov enters into a dialogue with the classic poet and writes his own version of “rock bliss”: he highlights the Love as the only worthy object of fatal victim.

Key words: Cicero, Tyutchev, Marc Anthony, Bryusov, dialogism, intertextuality, conceptions of “fatal” bliss

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 355–362
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 355–362
©Автор(ы) 2016

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «ИГО ВОЙНЫ»

Н.Д. Богатырева

*Вятский государственный гуманитарный университет, Киров,
bognat5@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена выявлению когнитивно-семиотического содержания городских рекламных имен. Автор выявил показательную тенденцию в эргономии Санкт-Петербурга последних лет – реактуализацию мифологемы «Общинность/Государственность». Востребованной оказалась популярная технология знаковых/прецедентных имен, персональных или эмблемных представителей той или иной яркой эпохи русской общинности/государственности. В ностальгическом дискурсе как социальной эмоции образы прошлого извлекаются для того, чтобы справиться с последствиями культурных изменений и потерянной идентичности, при этом они могут подвергаться неумеренной романтизации. Клишированные и отретушированные образы/знаки образуют комбинацию запомнившегося, воображаемого и реинтерпретированного ушедшего, которое в памяти выглядит более позитивным. Рекламный дискурс, ориентированный на поэтику постмодернистской игры, часто и не без успеха разбавляет романтизацию долей иронии, хотя порой и провокативной. Другой тенденцией последних лет стала безудержная эксплуатация в эргономии знаковых образов национальной самоидентификации, в частности базового концепта «русское». К существенным чертам концепта «империя/имперское» относят историческую устойчивость, претензию на значимость, гегемонизм политики и масштабность, наличие вертикали власти и сакральную власть императора. Современный рекламный дискурс выборочно воспроизводит существенные черты «Общины» и «Империи», толкуемых как стандарты единения, величия, значительности, державности, духа традиции, устойчивости и стабильности. Современность и универсальность рекламных имен, демонстративность и открытость для разнообразных инноваций и модных тенденций позволяют рассматривать неймы как незаменимый инструмент диагностики социокультурных тенденций и приоритетов, проявляющих важные для духовно-нравственной атмосферы современного общества процессы, связанные с процессом национальной самоидентификации.

Ключевые слова: лингвоградоведение, Санкт-Петербург, когнитивно-семиотический анализ, концепт, рекламное имя, эргоним, национальная идентичность, социокультурные приоритеты

Художественное полотно хранит эмоциональную, духовную память истории. История Первой мировой войны, которая отделена от нас столетием, была, образно говоря, «отодвинута» в сторону, оттеснена в сознании поколений потрясе-

Богатырева Наталья Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков неязыковых специальностей Вятского государственного гуманитарного университета. E-mail: bognat5@yandex.ru.

ниями 1917 года, катастрофой Второй мировой. Поэтому, может быть, особую ценность могут представить на первый взгляд второстепенные художественные произведения, которые не были замечены и по достоинству оценены современниками. К таким произведениям можно отнести повесть Леонида Андреева «Иго войны. (Признания маленького человека о великих днях)» (1916).

Публикация повести не обошлась без вмешательства цензуры. О цензурной истории произведения современный исследователь сообщает: «"Иго войны" можно было опубликовать только в литературном альманахе "Шиповник", а не отдельной книгой. Запрет был только временным, но из-за утраты своей злободневности и скромного художественного уровня повесть не была опубликована второй раз. Поэтому она осталась неизвестной как специалистам, так и рядовым читателям»¹. Более или менее развернутые варианты литературоведческого анализа произведения в наши дни можно найти, пожалуй, только в работах Бена Хеллмана² и Ольги Володиной³.

Современная писателю критика почти не заметила новую публикацию. Согласно наиболее полной библиографии прижизненных книжных, журнальных и газетных откликов на произведения художника, повесть была оценена всего 14 рецензентами⁴ (т.е. невероятно скупо по сравнению с другими андреевскими произведениями).

Сочувственный отклик принадлежит Анастасии Чеботаревской, писателю и переводчику, жене Ф. Сологуба, назвавшей повесть «единственно значительным произведением о войне», отметившей ее «простоту и правдивость»⁵. Положительным отзывом можно считать публикацию Д.В. Философова в газете «Речь» (25 июля 1916 года), оценившего повесть как «интересную попытку изобразить психологию среднего культурного обывателя, застигнутого войною врасплох»⁶.

Негативные же оценки более многочисленны: автор неубедительно решил «общественнополезную тему», герой повести – «кривое и разбитое зеркало», с помощью которого «невозможно доискаться подлинной исторической истины», «эгоист, трус и пошляк, постепенно превращающийся в гражданина, героя»⁷.

Посмотрим, насколько справедливыми видятся эти мнения сто лет спустя... Повесть представляет собой дневниковые записи «маленького человека», скромного бухгалтера Ильи Петровича Дементьева, 45-летнего петербуржца, счастливого семьянина, отца троих малолетних детей.

Герой «Ига войны» пытается разобраться в том, что мучительно осознавалось в те же дни и месяцы самим писателем⁸. В освещении темы Первой мировой войны повесть непосредственно связана с пьесой «Король, закон и свобода» и публицистикой Андреева 1914–1917 гг.⁹

¹ Хеллман 1995, 207.

² Хеллман 1995, 206–219.

³ Вологина 2005, 113–115.

⁴ Чуваков 1998, 574.

⁵ Чуваков 1998, 516.

⁶ Чуваков 1998, 518.

⁷ Андреев 1996, 621.

⁸ Кен, Рогов 2010, 300.

⁹ Андреев 1996, 619.

Прежде всего автору важно через исповедальную обнаженность и откровенность героя в записях «исключительно для себя» защитить экзистенциальную уникальность и непреходящую значимость человеческой личности. Персоналистский пафос пронизывает многие страницы повести, содержащей признания, которые герой ни за что не решился бы сделать достоянием других, даже самых близких людей: «Этот дневник мой я пишу по вечерам и ночам под видом служебных бумаг, которые якобы беру на дом из конторы. Александра Евгеньевна, моя жена, во всех отношениях чудесный и даже редкий человек, интеллигентный, добрый и отзывчивый, но все же между нами есть некоторая разница, какая есть между собою и всяким другим самым близким человеком; и для меня крайне важно и необходимо, чтобы никто не читал написанного мною, иначе я потеряю свободу в выражении моих мыслей, <...> ...о многом говорить стыдно даже с близкими и любимыми людьми...»¹⁰ Илья Петрович незамысловато формулирует важную для автора экзистенциальную философскую истину о неизбежном отчуждении человека в рамках объективированного бытия.

Специфика дневникового дискурса, особенности исповедального повествования не позволяют характеризовать рассказчика как «эгоиста, труса и пошляка». Необходимо учитывать, что герой, способный к самоиронии, к самоосуждению и взыскательной нравственной оценке, сам называет себя трусом и дураком, но при этом продолжает отстаивать самооценку своей уникальной экзистенции, испытывая настоящее, неподдельное счастье оттого, что ему 45 лет и он не подлежит призыву. Он понимает, что говорить об этом стыдно, неприлично, однако не может не думать именно так: «...мне ужасно не нравится, что война. Очень возможно (да это так и есть), что более высокие умы: ученые, политики, журналисты – способны усмотреть какой-то смысл в этой безобразной драке, но моим маленьким умом я решительно не могу понять, что тут может быть хорошего и разумного... <...>. И если выходит так, что дурак-то я с моим непониманием (а немец-то как раз понимает, зачем это надо. – *Н.Б.*), да мало того, что дурак, а еще и трус? Что ж – очень возможно. Возможно, что и дурак. Возможно, что и трус. <...> Всю мою жизнь я никого не трогал и, что бы там ни пели, имею полное право желать, чтобы и меня не трогали и не стреляли в меня, как в воробья! Не я хотел войны, и Вильгельм ведь не прислал ко мне посла с вопросом, согласен ли я драться, а просто взял и объявил: дерись!»¹¹

Полвека назад подобный экзистенциальный бунт уже был заявлен подпольным парадоксалистом Достоевского, не желающим быть в общей жизни «штифтиком», «фортепианной клавишей», с которыми не считаются и не спрашивают.

«...Вместо того, чтобы называться Ильей Петровичем Дементьевым и жить в городе Петербурге на Почтамтской, я мог бы быть каким-нибудь бельгийцем, Меттерлинком и теперь уже погиб бы под немецкими снарядами... Но <...> сколько бы я ни жалел бельгийца и нашего солдата, который погибает в окопах, я не могу не радоваться тому, что я есть то, что я есть. <...> Моя душа – это моя душа, и единственный ее господин – это я...»¹² В этих признаниях – квинтэссенция экзистенциального мировосприятия персонажа.

¹⁰ Андреев 1996, 11.

¹¹ Андреев 1996, 12.

¹² Андреев 1996, 13.

Автор строит дневниковые записи героя так, чтобы экспрессивно заострить проблему отчуждения, придавая ей все более трагический колорит: «...и хоть во сне черпаю некоторый отдых и забвение, но зато с первой же минуты пробуждения порою уже готов лезть на стену от этого невыносимого раздражения, зудящей какой-то, по всему телу ползающей тоски...»¹³ Эти переживания свойственны герою в те дни, когда существование его собственной семьи можно назвать еще относительно благополучным, когда он всего только реагирует на сводки, почерпнутые из газет, и тревожится за судьбу Павлуши, младшего брата жены, воюющего в окопах. Первая часть повести завершается известием о гибели Павлуши.

Кульминацией личностного бунта становится запись в дневнике от 14 февраля 1915 года – реакция на прочитанную героем статью о том, что война принесет необыкновенное счастье всему человечеству, конечно, будущему. «Нынешняя война – это-де что-то вроде болезни, которая убивает отдельные клеточки в теле и вместе с тем весь организм ведет к обновлению... А кто же эти клеточки? А это, по видимости, я, Инна Ивановна, наш несчастный убитый Павлуша и все те миллионы убитых и растерзанных, кровь и слезы которых скоро затопят несчастную землю... <...> Нет, до чего надо возмнить о себе, до какого *безбожия* надобно дойти, чтобы человека с его *святым именем* приравнять какой-то клеточке...»¹⁴ (Курсив наш. – Н.Б.).

Повесть насыщена реминисценциями из Достоевского. Первоначально Иван Петрович Дементьев обнаруживает несомненное экзистенциальное родство с повествователем «Записок из подполья». «Я-то один, а они-то *все*» (курсив Ф.М.Достоевского. – Н.Б.)¹⁵. Именно так ощущает себя и герой Андреева. Метафизика морали одного и другого персонажа основана на идее уникальности и неповторимости их персонального опыта. «Маленький» человек Андреева так же, как и «подпольный» герой Достоевского, одержим стремлением противопоставить себя всему миру и не дать «пробиться», «проклонуться» «положительным элементам», надежно запрятанным в глубины подсознания. У «подпольного парадоксалиста» случился прорыв в далеком прошлом, в момент общения с Лизой, понявшей сердцем его интеллектуальную и нравственную болезнь: «Мне не дают... Я не могу быть... добрым!»¹⁶ Но в повести Достоевского соблюдена чистота экзистенциального эксперимента, когда герой оказывается в ситуации абсолютного отчуждения, когда он не вовлечен ни в какие общественные и нравственные катаклизмы, позволяющие стать «больше самого себя», своей единственной и неповторимой экзистенциальной судьбы. Поэтому в конце произведения писатель приводит «подпольного» к своеобразному нравственному поражению. Финал «закольцовывает» повесть, возвращает героя к опасному торжеству саморазрушительной философии (она развернута в 1-й части), приводящей к абсолютному солипсизму торжествующего самодержавного Я: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»¹⁷.

¹³ Андреев 1996, 21.

¹⁴ Андреев 1996, 37–38.

¹⁵ Достоевский 1973, 125.

¹⁶ Достоевский 1973, 175.

¹⁷ Достоевский 1973, 174.

Герой Андреева родствен «подпольному парадоксалисту», ибо тоже доходит до подобной мысли: «До чего же я весь другой стал, даже удивительно! Никого мне не жаль, никого я не люблю, даже детей; и живет во мне одна только голая ненависть. Хожу по улицам, гляжу на людей и дома и думаю тихонечко, даже улыбаюсь: хоть бы вы все провалились сквозь землю! <...> И России мне не жаль, пусть крихтит. И себя не жаль. И умри сейчас Саша, я, кажется, бровью не поведу. Вот, говорят, что-то вроде холеры у нас начинается... что ж, пускай холера. Пускай и чума, и мор, и землетрясение, мне-то какое дело?»¹⁸

Такое состояние героя трактовано автором как кризис сознания, который имеет свои истоки и художественно воплощен через систему приемов экспрессивного стиля (повторы, заострение иронической интонации, приобретающей саркастические оттенки). Прав Бен Хеллман, отметивший, что внешним проявлением кризиса героя является «его неспособность плакать»¹⁹.

Психологическим объяснением подобного состояния является неизбывное горе Дементьева – смерть шестилетней Лидочки, любимого ребенка, которому он не смог помочь, которого не успел спасти. Другим потрясением стало закрытие конторы, где служил Илья Петрович, потеря работы, жалования, а значит, сознание своей ненужности, бесполезности. У героя рождается мысль о самоубийстве.

Но затем совершается нравственное перерождение, преображение героя. Он переживает становление другого сознания. Самое важное здесь – необъяснимость, немотивированность и внезапность перемены. Изображается захваченность всего существа человека новым мироощущением, вовлеченность в процесс получения экзистенциального опыта...

Уникальность подобного опыта в том и состоит, что он не может быть повторен, закреплён и автоматически воспроизведен. Вот почему герой как бы удивляется сам себе, теряет способность рационально анализировать и объяснять, что именно с ним происходит: «И вот здесь, с этой минуты, и началось со мною особенное, что мне очень, очень трудно передать. <...> ...никогда, сколько себя помню, не бывало у меня настоящих длинных мыслей. А тут произошло со мной превращение, удивительное, как в сказке: словно открылись у меня тысячи глаз и ушей...»²⁰ То, что происходит с Дементьевым в момент, когда он уже готов был броситься с Троицкого моста, невольно рождает ассоциации со знаменитой легендой об ангеле смерти, сплошь покрытом глазами и способном в момент смертельного испытания оставить человека жить, подарив ему «второе зрение», еще одну пару глаз. (Эту легенду использует Лев Шестов в работе «Преодоление самоочевидностей» для интерпретации философских и художественных открытий Достоевского²¹.)

Характеризуя природу экзистенциального опыта, современный историк философии замечает: «...истина, получаемая в экзистенциальном опыте, не аккумулируется и не накапливается наподобие житейского опыта, как не накапливается и мудрость, которая есть не сумма знаний, а живая, всегда актуальная способность и готовность мыслить и реагировать соответственно конкретной ситуации. <...>

¹⁸ Андреев 1996, 47–48.

¹⁹ Хеллман 1995, 214.

²⁰ Андреев 1996, 73.

²¹ Шестов 1993, 27.

Это целостная реакция всей человеческой личности, а не холодного аналитического ума, <...> и эта реакция не опосредована никакими социальными, культурными, научными и прочими установками и нормами. <...> Истина, открывшаяся в экзистенциальном опыте, *удостоверяет сама себя* (выделено автором. – Н.Б.), ей не нужны никакие отличные от нее самой, «доказательства»...»²²

Герой свидетельствует о чудесном преображении, религиозном «обращении» на пороге смерти: «И всякие слова в голове замолчали, даже названия самих предметов как бы позабылись, а только безмолвные и длительные мысли, такие длинные, словно каждая по несколько раз обнимает весь земной шар. Нет, не могу я этого выразить. <...> И первое, что я понял, это то, что я и есть человек, о котором говорится, когда произносят слова: люди, человечество, человек. <...>

И понял – теперь не знаю, почему, – что я бессмертен совершенно, даже до смешного: Петербург может тысячу раз провалиться, а я все буду жив»²³.

От вершин пророческой мудрости Дементьев как бы мгновенно проходит путь невероятной длины – к глубинам смирения, собственной малости перед лицом тягчайшего испытания. Смирение позволяет ему по-новому увидеть и всю войну, и общенародную трагедию, и себя в ней: «В экзистенциальном опыте происходит, если воспользоваться кантовским выражением, смена «определяющих оснований» воли..., и эту перемену в пределе можно назвать «обращением» (термином, несущим прежде всего религиозный смысл)»²⁴.

Илья Петрович Дементьев в повести Андреева в результате экзистенциального опыта совершает эволюцию от «подпольного» до «соборного» человека, что позволяет рассматривать авторскую позицию в категориях религиозного экзистенциализма.

Таким образом, «почти не замеченная» повесть Андреева являет собой весомый художественный вклад в литературу периода Первой мировой войны. Она отразила и скорбные события военного тыла – первые похоронки, тыловые госпитали, сбор средств в помощь раненым, возвращение с фронта калек, – и потребность найти опору в обращении к нравственно-религиозным основам национального характера: «В годы войны русская литература делала то, что и подобает подлинному искусству военного времени: утешала, молилась, сострадала, надеялась, верила, отчаивалась, взывала к совести»²⁵.

Как нельзя точнее этот вывод современного исследователя подтверждается финальными строками андреевской повести: «Сегодня много странных мыслей и непроходящее волнение. Смотрю на каждую пару рук, чем-нибудь занятых или зря болтающихся в рукавах, и все мечтаю о соединении. <...> Кого прокляну, кого осужу, когда все мы таковы, несчастные! Вижу страдание всеобщее, вижу руки протянутые и знаю: когда прикоснутся они друг к другу, мать Земля к Сыну своему, то наступит великое разрешение... но мне его не видать. Да и чем заслужил? Жил я «клеточкой» и умру такой же клеточкой, и только об одном молю судьбу свою: чтобы не была напрасной моя смерть и страдания, которые принимаю по-

²² Кузьмина 2014, 32–33.

²³ Андреев 1996, 74–75.

²⁴ Кузьмина 2014, 34.

²⁵ Иванов 2005.

корно и со смирением. Но не могу совсем успокоиться в этой безнадежности: горит у меня сердце... <...>

И все плачу, все плачу, все плачу»²⁶.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев, Л.Н. 1990–1996: *Собр. сочинений*: в 6 т. Т. 6. М.
Вологина, О.В. 2005: *Творчество Леонида Андреева в контексте европейской литературы XX века*. Орел.
Достоевский, Ф.М. 1972–1990: *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Художественные произведения: тт 1–17. Т.5. Л.
Иванов, А.И. 2005: *Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг.: этические и эстетические аспекты*: дис..... д-ра филол. наук. М.
Кен, Л.Н., Рогов, Л.Э. 2010: *Жизнь Леонида Андреева, рассказана им самим и его современниками*. СПб.
Кузьмина, Т.А. 2014: *Экзистенциальная философия*. М.
Чуваков, В.Н. (сост.) 1998: *Леонид Николаевич Андреев. Библиография*. М.
Хеллман, Б. 1995: *Маленький человек и великая война: повесть Л.Н. Андреева «Иго войны»*. В сб.: *«Свое» и «чужое» в литературе и культуре*. Тарту, 206–219.
Шестов, Л. 1993: *Сочинения*: в 2 т. Т.2. М.

REFERENCES

- Andreyev, L.N. 1990–1996: *Sobranie sochineniy*: v 6 t. T. 6. M.
Chuvakov, V.N. (sost.) 1998: *Leonid Nikolaevich Andreev. Bibliografiya*. Moscow.
Dostoyevsky, F.M. 1972–1990: *Polnoe sobranie sochineniy*: v 30 t. *Khudozhestvennye proizvedeniya*: tt 1–17. T.5. Leningrad.
Ivanov, A.I. 2005: *Pervaya mirovaya voyna i russkaya literature 1914–1918 godov: eticheskie i esteticheskie aspekty*: dis... doktora filologich. nauk. Moscow.
Ken, L.N., Rogov, L.E. 2010: *Zhizn' Leonida Andreyeva, rasskazannaya im samim i ego sovremennikami*. Saint-Petersburg.
Khellman, B. 1995: *Malen'kiy chelovek i velikaya voyna: povest' L.N. Andreyeva "Igo voyny"*. In: *"Svoe" i "chuzhoe" v literature i kul'ture*. Tartu, 206–219.
Kuz'mina, T.A. 2014: *Existentsial'naya filosofiya*. Moscow.
Shestov, L. 1993: *Sochineniya*: v 2 t. T.2. M.
Vologina, O.V. 2005: *Tvorchestvo Leonida Andreyeva v kontekste evropeyskoy literatury XX veka*. Oryel.

ON THE ISSUE OF THE RELIGIOUS-PHILOSOPHIC CONTEXT OF LEONID ANDREYEV'S STORY "THE YOKE OF THE WAR"

Natalia D. Bogatyreva

* *Iyatka State University of Humanities, Russia,*
bognat5@yandex.ru

Abstract. The article deals with the religious and existential context of L. Andreev's story "The Yoke of the War". The main character Ilya Petrovich Dementiev – the modest accountant

²⁶ Андреев 1996, 85.

in Saint Petersburg – puts down his impressions of the First World War in a diary. The author shows the evolution of his life experience – through the alienation, existential rebellion in order to defense his unique personality – to the consciousness of the unity with all suffering people, to «sobornost'» and Christian humility. Abruptness and groundlessness of the changes of the main character's consciousness is explained by the philosophic term “existential experience”. They may be understood in religious categories of transfiguration or conversion that allow us to consider the point of view of the author to be close to the ideas of Russian existential philosophy.

Key words: alienation, existential rebellion, «underground» consciousness, «sobornost'»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 362–371
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 362–371
© Автор(ы) 2016

ЗАГОЛОВОЧНО-ФИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В КНИГАХ Д. ОСОКИНА

Т.А. Чигинцева

*Южно-Уральский государственный университет, Челябинск,
tatewick@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье раскрываются особенности нетрадиционного в визуальном плане построения заголовочно-финального комплекса в книгах-циклах современного писателя Дениса Осокина. Поэтика заглавия становится одной из определяющих в формировании органичного произведения.

Визуальный облик текстов Дениса Осокина отличается специфическими характеристиками, прежде всего фрагментарностью пространства страницы, которая создается сегментированием на небольшие по объему рассказы или главы, часто связанные друг с другом по ассоциативной логике.

Фрагментарность, ослабленный сюжет, лейтмотивно-ассоциативный тип повествования, присущие произведениям Дениса Осокина, создают дискретный, разреженный облик текста. Общий сегментированный облик текстов Дениса Осокина усиливается их тяготением к циклической организации каждого фрагмента со своим заголовочно-финальным комплексом. Циклическая организация книг Дениса Осокина является фактором, дополнительно сегментирующим пространство страницы за счет объединения фрагментов минимального объема и заголовочного комплекса.

ЗФК имеет двойственную природу: с одной стороны, он обладает самостоятельностью, находясь вне текста, с другой стороны, является частью текста, связан с другими его компонентами. Он является одновременно элементом, визуально усиливающим дискретный облик текста, и элементом, способствующим соединению визуально разрозненных компонентов.

Чигинцева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы факультета журналистики Южно-Уральского государственного университета (НИУ). E-mail: tatewick@yandex.ru

Заголовочно-финальный комплекс в текстах Дениса Осокина всегда включает заголовок, подзаголовок, место и год издания, факультативными являются имя повествователя, посвящение, оглавление, специальная финальная строка. И основные, и факультативные элементы ЗФК в текстах Дениса Осокина имеют визуальные маркеры.

В ходе исследования делается вывод о том, что заголовочно-финальный комплекс способствует созданию дискретного пространства страницы и одновременно объединению сюжетно разрозненных фрагментов в художественное целое.

Ключевые слова: заголовочно-финальный комплекс, циклическая организация, пространство страницы, сегментированность, пробел

Одним из ярких представителей современной русской литературы является Денис Осокин – прозаик, поэт, филолог-фольклорист (род. в 1977 году, живет в Казани), проза и стихи которого публиковались в журналах и альманахах «Знамя», «Октябрь», «Вавилон», «Улов». Несмотря на полученное писателем признание (в 2001 году Осокину была присуждена премия «Дебют» в номинации «Короткая проза» за цикл рассказов «Ангелы и революция. Вятка, 1923»). Писатель также был номинантом премий имени Андрея Белого (2004, 2011) и Юрия Казакова (2005)), его творчество остается недостаточно исследованным.

Широко известным имя Д. Осокина стало благодаря экранизации повести «Овсянки» – одноименный фильм был включен в программу международного Венецианского кинофестиваля (2010).

Первые же публикации произведений Дениса Осокина, появившиеся в различных журналах и Интернете в начале 2000-х годов, привлекли внимание критиков. Осокина называют надеждой новой русской литературы (Д. Бавильский), фаворитом современной литературы, создавшим новую, постмодернистскую, версию сказа (М. Липовецкий).

Подобные высказывания дают право говорить о том, что Д. Осокин развивает один из важнейших векторов современной русской литературы.

Значимой визуальной особенностью художественных текстов Д. Осокина, формирующей их визуальный облик, становится расположение текста на пространстве страницы.

Для Д. Осокина пространство страницы является концептуально важной категорией текста, маркером стилового своеобразия, яркой чертой творчества и создается особой системой визуально-графических знаков, акцентирующих белое поле страницы. Пространство страницы текста Д. Осокина представляет визуальное выражение внутренней формы, образуя с ней нерасторжимое единство. Важнейшим принципом организации текста в творчестве Д. Осокина становится фрагментарность визуального облика страницы, которая создается сегментированием на небольшие по объему рассказы или главы, часто связанные друг с другом по ассоциативной логике.

Фрагменты, главы, рассказы в книгах Д. Осокина отделены друг от друга увеличенным пробелом, который является одной из основных визуальных фигур, участвующих в создании фрагментарного повествования и усиливающих сегментированность текста. Пробел как визуальный знак в текстах Д. Осокина может выступать заместителем знаков препинания, а также может маркировать смену сюжетного или пространственно-временного плана. Если учесть тот факт, что Д. Осокин выделяет

в своем творчестве тексты для мертвых, то увеличенные пробелы, возможно, визуализируют переход из мира живых (№ 1) в мир мертвых (№ 2).

Циклическая организация книг Д. Осокина является фактором, дополнительно сегментирующим пространство текста за счет объединения произведений небольшого объема. Книги Д. Осокина состоят из сюжетно слабо связанных озаглавленных рассказов или небольших пронумерованных глав размером от одного предложения до одной-двух страниц.

Несмотря на то что сам автор не присваивает своим книгам жанровую категорию цикла, специфические характеристики, позволяющие увидеть в произведениях Д. Осокина циклообразующий потенциал, очевидны: отдельные части книг объединены общим хронотопом, повествователем, особенностями поэтики, формой и стилем повествования.

Каждая книга-цикл Д. Осокина имеет свой заголовочно-финальный комплекс, который также влияет на особенности визуального облика пространства страницы. Заголовочно-финальный комплекс в книгах Д. Осокина всегда включает заголовок, подзаголовок, место и год издания, факультативными являются имя повествователя, посвящение, оглавление, специальная финальная строка.

Все книги Д. Осокина содержат указания места и времени издания, чаще – вымышленные: «Ангелы и революция, Вятка. 1923», «Наркоматы. Вятка. 1918», «История Риты детям. Казань. 2000», «Анна и революция. Вятка. 1918», «Ребенок и зеркало. Сыктывкар. 1956». На вопрос о том, зачем ему потребовались библиографические мистификации – указание издательства и года выпуска книг, – Д. Осокин ответил, что «все это сведения, имеющие отношение к заглавию. И я поступаю так далеко не всегда. Все зависит от того, что за личность герой-автор. Если нужно добавить энергетики его времени (если оно не совпадает с нынешним), добавь энергетики среде его обитания – я делаю это. Если не нужно – не делаю»¹.

Иногда автор дает рассказам или главам заголовков, который повторяет заголовок книги, обыгрывая ее ключевое слово. Например, книга «Наркоматы» включает рассказы под следующими заголовками: «наркомвнудел», «наркомнац», «нарком-путь», «наркомздрав» и др. Пользуясь терминологией Ю.Б. Орлицкого, назовем их сингулярными². Отметим также, что в данной книге ключевыми являются фольклорно-мифологические мотивы, которые, в отличие от элементов ЗФК, способствуют объединению сюжетно разрозненных фрагментов книги. Фольклорные мотивы в книге «Наркоматы» отражают выплеск языческой энергии: например, глава наркомата по морским делам женат на рыбе и сам мечтает превратиться в рыбу, во главе наркомпрода стоит «мордовская богиня паксь-ава – соломенная мать поля размером с большую детскую куколку»³, а женщины наркомтруда «в июле превращаются в водомерок и становятся пищей чирка-свистунка»⁴.

Для текстов Д. Осокина вообще характерно визуальное и синтаксическое единообразие заголовков, – например, книга «Барышни тополя» содержит рассказы, озаглавленные следующим образом: «мертвая евгения», «мертвая татьяна»,

¹ Осокин 2011.

² Орлицкий 2005.

³ Осокин 2003, 118.

⁴ Осокин 2003, 117.

«мертвая мария», «мертвая валентина» и т. п. Подобный прием позволяет акцентировать внимание читателя на ключевом образе смерти, поэтому их, согласно классификации Ю.Б. Орлицкого, можно считать концептуальными⁵.

Книга «Небесные жены луговых мари» состоит из 23 рассказов, которые озаглавлены мари́йскими именами героинь, начинающимися на букву «о»: Омаки, Осылай, Осика, Ошалче и т. п. Писатель объясняет, что «небесные – это значит любимые до небес. Звук “О” в моей личной картине мира – позывной Неба, вертикальная ось. К тому же для мари́йской традиционной языческой картины нет непреодолимых границ между небом, землей, людьми, божествами, стихиями, предками, чудесными животными, магическими растениями – все соседи, все в постоянном контакте друг с другом»⁶. Звук и буква «О» в таком случае становятся визуальными знаками, маркирующими сюжетно-композиционную организацию произведения. Акцентируя телесную оболочку звука, слова, Д. Осокин присваивает им особые смыслы. Расположение имен по алфавиту ритмизирует рассказы в книге, позволяя визуально и сюжетно объединить обособленные друг от друга тексты.

Зачастую заголовок у Д. Осокина имеет топографическое обозначение: «Вторник в Пучеже», «Затон имени Куйбышева», «Верхний Услон», «Ветлуга», «Ермица», «Кукмор», что объясняется интересом автора к этнографии различных народов. Писатель много путешествует, собирая материал для своих книг и фильмов, поэтому естественно, что некоторые города становятся для него особенно дороги. Таким образом, географическая координата с присущими только ей красками приобретает особое значение в книгах Д. Осокина.

В заголовки большинства книг выносятся основной образ или мотив, который лежит в их основе: «Балконы», «Анемоны», «Скаты», «Подзорная труба», «Тополи», «Суккубы», «Юлия», «Библиотекари», «Наркоматы», «Корица», «Ледянка», «Овсянки», «Огородные пугала». Такие заголовки ориентируют читателя на всестороннее рассмотрение и визуализацию объекта: впечатлений и ассоциаций повествователя, особенностей их появления в его жизни и т. д. В связи с этим назовем их в соответствии с классификацией Ю.Б. Орлицкого тематическими⁷.

Одной из ярких визуальных особенностей заголовков в книгах Д. Осокина является их дублирование на различных языках. В книге «Ребенок и зеркало» уточняется место публикации («сыктывкар коми книжное издательство 1956»). При этом название приводится в двуязычном варианте с целью усиления правдоподобности, истинности: «кага да рѳ-мпоштан усть-сысольск карса рѳмпоштаныслѳн историям». В книге «Огородные пугала» также уточняется место публикации («казань. 1926»), присутствует иноязычный вариант заголовка («putnu biedēkl») с уточнением, что текст представляет собой «перевод с латышского». Заголовок книги «Ожидание Ольги» продублирован на четырех языках: польском, коми, итальянском и финском. Каждый заголовок выделен рамкой, которая создает иллюзию открытки:

⁵ Орлицкий 2005.

⁶ Осокин 2013.

⁷ Орлицкий 2005.

8

Доказательство этой идеи находим в тексте: «эта книга напишется за два часа. к вечеру завтрашнего дня переведется на языки – тиснется в типографиях как двусторонняя открытка – и будет рассыпана во всех местностях населенных людьми»⁹.

Имя автора или повествователя также может являться частью заголовочного комплекса в книгах Д. Осокина, например, Валентин Кислицын («Верхний Услон», «Подзорная труба», «Рюмочные и шашлычные»), Еужен Львовский («Половая связь Еужена Львовского с зеркалом»), Аист Сергеев («Овсянки»), что связано с повествовательной стратегией писателя.

Многие книги Д. Осокина имеют такой визуальный акцент, как подзаголовок, который может:

1) содержать жанровый код: «рассказы для города вологды», «рассказы для господ бога и роман», «сцены из быта мертвых числом десять», «сцены ангелов», «сцены к фильму ‘фигуры народа коми’». В таком случае каждый рассказ, входящий в книгу, имеет собственный заголовок, что визуально усиливает дискретность текста;

2) указывать на родовую принадлежность текста: «сборник пролетарской поэзии», «три пьесы для риты и клоуна». Основной драматургической чертой в по-

⁸ Осокин 2003, 86.

⁹ Осокин 2011, 551.

следней книге является большое количество диалогов со специальным визуальным оформлением, маркирующим родовую природу текста:

е н о т и к и
у мо ля ю те бе ми ня ю вас
п о ж а л у й с т а
п о з о в и те е н о т и к о в .
.. во дяи с а д а ют а т а в о д а
— е н о т и к и ! ..
— е н о т и к и ! ..
— в а м н е х о р о ш о ?
п р и с я д ь т е .
— м н е х о р о ш о , в с е в п о р я д к е ,
с п а с и б о н о с а т е н ь к и е ,
ш е к а с т е н ь к и е , и р о д ы .
— м ы д о б р ы е .
— з н а ю з н а ю м и л е н ь к и е з н а ю
з н а ю п р и ч и т а ю п а у ч к а
ж д у — п о д ж и д а ю .
— п а у ч о к у ш е л у ж е .
— м о ж е т б ы т ь ч т о ж е ?
н е д о ж д а л с я ?
— м ы в а с н е у к у с и м .
— д а ?
— м ы н а х о х л и л и с ь .
— и р о д ы .
.. х о м я к а з о в и т е ,
в р а ж ь и д е т и .
— х о м я к а м ы н е п у с т и м .
— к а б а н а з о в и т е .
— к а б а н а м ы у к у с и м .
— о в ц у з о в и т е .

10

Книга «Одя» с подзаголовком «сцены к фильму по книге 'фигуры народа коми'» организована в соответствии с основными чертами драматургического текста и содержит описания интерьера, окружающей обстановки, внешности героев, авторские ремарки: «мешочки (с травами – неизвестно с чем) висят на стене в холодной части дома в виде связок»¹¹; «движение по лесу: камера то выше то ниже то в обратную сторону», «наложить на камеру грязную шкуру с отверстием», «показать несколько лесных полян (3–4)»;

1. указывать адресата текста: мертвым, детям;

2. содержать указание на языковую принадлежность текста: «/перевод с латышского/», «/перевод с коми-пермяцкого/», «/на луговом-мари/» и т. п., что демонстрирует связь содержания с культурой определенного народа;

¹⁰ Осокин 2003, 322.

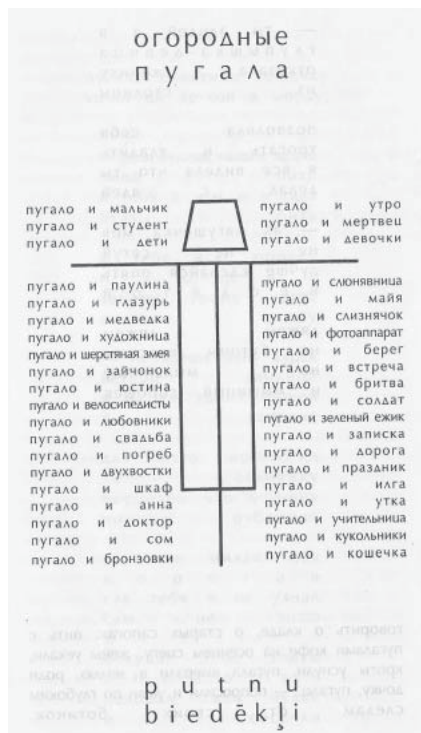
¹¹ Осокин 2003, 421.

3. конкретизировать содержание произведения, например, книга «Пыльный миша» имеет подзаголовок «/сине путешествие игрушек из чехии/».

Заголовочный комплекс произведений Д. Осокина может также включать оглавление и посвящение. Оглавление, как правило, визуально оформляется на отдельной странице и иногда заключается в рамку, что говорит о его важности в структуре книги и позволяет осознавать его как относительно самостоятельный текст.

верхний	услон	на горе
в сломанный	микроскоп	
в одеяло	завернуты	
ее	фотографии	
кричим	рюмочные	
ищем	анну	
если бы мы	видели	
тащим	велосипеды	
огородное	пугало	
л	о	д
водка	и	подушка

Оглавление в некоторых книгах может завершать повествование, сопровождаясь при этом иконическим компонентом:

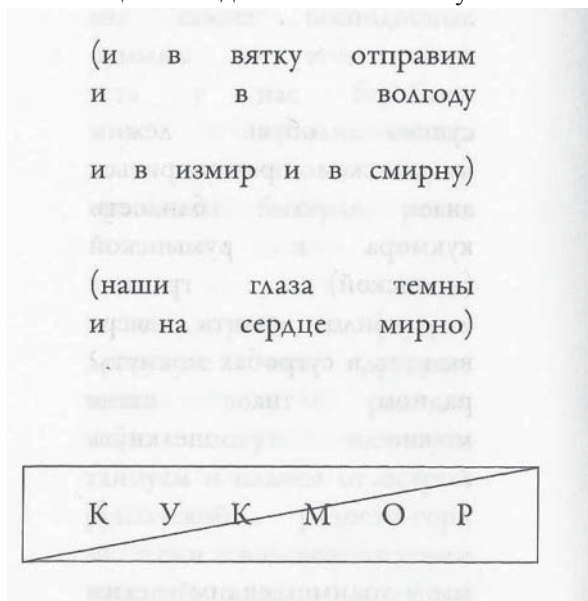
¹² Осокин 2003, 206.

Дублирование таких визуально-графических приемов, как особое расположение текста на странице, иноязычный шрифт, пробелы между словами и иконический компонент, способствует усилению зрительного воздействия на читателя, стимулирует его творческое воображение и генерирует дополнительные смыслы. Рисунок, схематически изображающий пугало, в данном случае призван визуализировать основной образ книги. Очевидно также, что где бы ни располагалось оглавление, визуально оно оформляется в присущей Д. Осокину манере – по центру страницы с равными отступами с обеих сторон.

Посвящения, являясь частью заголовочного комплекса, могут быть адресованы родственникам (Наталье Осокиной, детям) и то ли вымышленным, то ли реально существующим персонажам (Сирени Закировой). Их особая роль подчеркивается визуальным расположением на отдельной странице.

Предисловие, тоже являющееся частью заголовочного комплекса, предваряет книгу «Барышни тополя» и включает в себя авторские замечания о природе его творчества, основных образах и мотивах, а также о структуре книги.

Не менее важны в книгах Д. Осокина финальные комплексы, которые могут выполнять функцию «натурализации» текста. Так, например, автор может завершить произведение следующими словами «р.с.ф.с.р. изд-во 'уключина'» и заключить эту надпись в круг, имитируя тем самым печать, которая создает эффект документальности. Книга «Кукмор» завершается надписью, имитирующей дорожный знак, означающий выезд из населенного пункта:

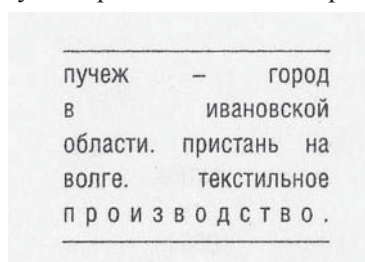
13

Такой прием не просто выполняет функцию натурализации, но еще и символизирует завершение повествования о поселке Кукмор.

¹³ Осокин 2013, 302.

Частью финального комплекса может являться специальная финальная строка: «друг мой – это все», «конец», «попрощаемся». И здесь Д. Осокин тоже прибегает к визуально-графическим приемам, например, отделяя слово «конец» от основного текста чертой и дублируя его.

Финальный комплекс может содержать авторские комментарии. Книга «Вторник в Пучеже», например, завершается комментарием, напоминающим энциклопедическую заметку. Такие комментарии выделяются визуально с помощью курсивного начертания или двумя горизонтальными чертами сверху и снизу:

14

В данном примере, помимо особого расположения текста, актуальным становится шрифтовое акцентирование, в частности прием разрядки; происходит дублирование визуально-графических приемов.

Заголовочно-финальный комплекс, таким образом, является важной визуальной составляющей текстов Д. Осокина, способствующей созданию дискретного пространства страницы и одновременно объединению сюжетно разрозненных фрагментов в художественное целое.

ЛИТЕРАТУРА

Орлицкий, Ю.Б. 2005: Опыт семантической типологии названий русских поэтических книг. В сб.: *Феномен заглавия. Заголовочно-финальный комплекс как часть текста*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/76/de36.htm>.

Осокин, Д. 2013: «Мечтаю тоску обернуть в нежность». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vashdosug.ru/spb/entertainment/article/69871/>

Осокин, Д. 2011: «Стало быть убираем любую суету». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kinoart.ru/archive/2011/01/n1-article11>.

Осокин, Д. 2003: *Барышни тополя*. М.

Осокин, Д. 2013: *Небесные жены луговых мари*. М.

Осокин, Д. 2011: *Овсянки: Рассказы, повесть*. М.

REFERENCES

Orlickij, Ju. B. 2005: *Opyt semanticheskoy tipologii nazvanij russkih poeticheskikh knig*, <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/76/de36.htm>.

Osokin, D. 2013: «*Mechtaju tosku obernut' v nezhnost'*», <http://www.vashdosug.ru/spb/entertainment/article/69871/>

¹⁴ Осокин 2011, 211.

- Osokin, D. 2011: «*Stalo byt' ubiraem ljubuju suetu*», <http://kinoart.ru/archive/2011/01/n1-article11>.
- Osokin, D. 2003: *Baryshni topolja*. Moscow.
- Osokin, D. 2013: *Nebesnye zheny lugovyh mari*. Moscow.
- Osokin, D. 2011: *Ovsjanki: Rassказы, povest'*. Moscow.

HEADER AND THE FINAL COMPLEX IN THE BOOKS BY DENIS OSOKIN

Tatiana A. Chigintseva

* *South Ural State University, Russia,*
tatewick@yandex.ru

Abstract. In this article features of nonconventional creation of a header and final complex in the visual plan in books-cycles of the modern writer Denis Osokin are unveiled. The poetics of the title determines the formation of an organic product.

Visual shape of texts by Denis Osokin is known for its specific characteristics, above all for the fragmentation of the space of the page, which is divided into small-scale stories or chapters, which often connected with each other by associative logic.

Fragmentation, weak plot, associative type of narrative in the works by Denis Osokin create discrete, sparse look of the text. The segmented shape of the texts by Denis Osokin increases their attraction to cyclic organization of each fragment with a header and the final complex. Cyclic organization of books by Denis Osokin is a factor, that segments the space of the page by combining fragments of the minimum volume and the header complex.

The header and the final complex has a dual nature: on the one hand, it is independent and outside the text, on the other hand, it is a part of the text that is linked with the other components. It is simultaneously the element, that visually enhances a discrete form of the text, and it is the element which connects the visually disparate components.

The header and the final complex in the texts by Denis Osokin always includes the title, subtitle, place and the year of publication, the optional ones are the name of the narrator, dedication, table of contents, a special final string. The basic and optional elements of the header and the final complex in the texts by Denis Osokin have visual markers.

The study concludes that the header and the final complex contributes to the creation of a discrete space of the page and at the same time the unification of the disparate fragments of the narrative into an artistic whole. Начало формы Конец формы

Key words: header and the final complex, cyclical organization, space of the page, segmentation, space

ЛИНГВИСТИКА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 372–379
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 372–379
© Автор(ы) 2016

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «ДЕНЬГИ» КАК ФОРМА МЕНТАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ О МИРЕ

Т.Ю. Залавина*, О.Н. Афанасьева**, Л.А. Шорохова***

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
tania_mgn@rambler.ru*

** *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
ksjusha.afanasjeva@mail.ru*

*** *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
shla-75@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению принципов организации знаний в языке через обращение к понятию «концепт» как единице ментальной информации. Актуальность данного изучения определяется теоретическими и практическими задачами современной лингвистики, в центре внимания которой находятся языковая личность, вопросы взаимодействия языка и культуры, языковая картина мира, которая закодирована в языке вообще и в паремиологическом фонде в частности. В языке закрепляются и реализуются результаты отражательной мыслительной деятельности человека. Наиболее ярко это представлено в пословицах и поговорках, репрезентирующих особенности мышления, познания и мировосприятия народа – носителя конкретного языка, его культурных ценностей. На основе интеграции когнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению пословичного фонда языка охарактеризован концепт «деньги» и представлен корпус лексем-репрезентантов рассматриваемого концепта. Концепт «деньги», вербализуемый паремиологическими единицами в русском и английском языках, может рассматриваться как особый тип паремиологических концептов. Выявлены универсальные и специфические черты концепта «деньги», сходства и различия, связанные с отношением к деньгам пред-

Залавина Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: tania_mgn@rambler.ru

Афанасьева Оксана Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: ksjusha.afanasjeva@mail.ru

Шорохова Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: shla-75@mail.ru

ставителей русской и английской лингвокультур. Фреймы являются экономным способом передачи информации, ускоряющим процесс ее обработки, так как они содержат не только явные, но и скрытые, подразумеваемые сведения. Особое внимание уделяется методу фреймовой классификации паремий, с помощью которого можно выделить основные «смыслы» пословиц. Предложена фреймовая модель описания пословиц, позволяющая наиболее экономным образом представить специфику русской и английской языковой ментальностей. Названия выделенных фреймов отражают объемное представление содержания паремиологических единиц исследуемого концепта. Предназначается для широкого круга исследователей, изучающих проблемы паремиологии, когнитивной семантики, лингвокультурологии.

Ключевые слова: концепт, квант знания, паремиологический концепт, деньги, паремиологические единицы, ментальная репрезентация, национально-культурная специфика, фрейм, фреймовая классификация

Человек познает, понимает мир и самого себя благодаря языку, в котором запечатлен как общечеловеческий, так и национальный опыт. В языке закрепляются и реализуются результаты отражательной мыслительной деятельности человека. Одним из эффективных приемов изучения принципов организации знаний в языковой системе является обращение к понятию концепта как к единице ментальной информации, которая рождается в процессе познания мира. Познание, с точки зрения когнитивной лингвистики, является процессом порождения и трансформации концептов (смыслов). На уровне концептов и происходит «опредмечивание» действительности в языковом сознании, «квантование» мира идей и вещей средствами языка.

Хотя термин «концепт» и получил широкое распространение, тем не менее он не имеет однозначного толкования у исследователей. Наиболее удачными представляются следующие определения концепта ведущими лингвистами.

Е.С. Кубрякова предлагает такое определение концепта: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке»¹. З.Д. Попова и И.А. Стернин рассматривают концепт как «глобальную мыслительную единицу, квант структурированного знания»². А. Вежбицкая понимает под концептом объект из мира «Идеальное», который имеет имя и отражает культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность»³.

Отсутствие единого определения концепта связано с тем, что «концепт обладает сложной, многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие той или иной культуре»⁴.

Проанализировав приведенные определения термина «концепт», примем за рабочее следующее определение: *концепт* – это оперативная единица памяти,

¹ Кубрякова 1996, 90–92.

² Попова, Стернин 1999, 3–4.

³ Вежбицкая 1996, 411.

⁴ Маслова 2004, 47.

квант знания, в котором концентрируется и кристаллизуется когнитивный опыт человека. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом⁵.

Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно. Наше внимание привлекают паремиологические концепты как формы ментальной репрезентации знаний о мире, а именно паремиологический концепт «деньги», исследуемый на материале русского и английского языков.

Концепт «деньги» составляет фрагмент картины мира и занимает одну из основных позиций в системе национальных ценностей. Деньги представляют неотъемлемую часть и необходимую составляющую нашей жизни. Особый интерес представляет отношение человека к деньгам, изменяющееся в процессе происходящих в обществе перемен. Поэтому одной из актуальных проблем лингвистов является изучение способов обозначения и выявление особенностей данной понятийной области через призму языковых средств, так как «в самом слове и в его вербальной дефиниции фиксируются результаты когнитивных усилий человеческого разума»⁶.

Термин «деньги/money» является наиболее нейтральным понятием и общим идентификатором в синонимическом ряду таких слов-понятий, как «копейка», «рубль» в русском языке и «pound», «penny» в английском языке. Именно поэтому термин «деньги/money» может рассматриваться как название концепта, так как эта лексема обладает свойством легкой выделяемости «общего значения» денежных единиц. При этом лексема «деньги/money» как универсалия эмоционально не окрашена, не экспрессивна, то есть характеризуется немаркированностью по стилистическим признакам, обладает семантической «прозрачностью», что дает возможность видеть за ней состав концепта.

В определении толкования понятия «деньги» был предпринят метод дефиниционного анализа по толковым словарям русского и английского языков.

Толковые словари русского языка⁷:

1) Деньги –

1. только мн. Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже. Медные деньги. Заработал много денег.

2. только мн. Капитал, состояние, средства (разг.). Он теперь при больших деньгах. Ни за какие деньги не отдам. Время – деньги. Пословица.

3. только ед. деньга, деньги, собир. То же, что деньги (простореч.). Зашибать деньгу. У Павлинского всегда водилась вольная деньга. Салтыков-Щедрин.

4. деньга, деньги, ж. То же, что денежка в 1 знач. (истор.).

2) Деньги –

1. Металлические и бумажные знаки (в докапиталистических формациях – особые товары), являющиеся мерой стоимости при купле-продаже, средством платежей и предметом накопления.

2. Капитал, средства. Денежная единица [законодательно установленная единица всеобщего эквивалента (действительных денег), служащая для соизмерения и выражения цен всех товаров и представляемая денежным знаком (денежными знаками) (спец.)].

⁵ Залавина 2007, 34.

⁶ Бабушкин 2001, 54.

⁷ Ожегов, Шведова 1999, 87; Ушаков 1996, 65.

Подобное толкование понятия «деньги/money» встречается в следующих толковых словарях английского языка⁸:

1) Macmillan:

Money – what you earn, save, invest and use to pay for things. Money can be kept in a bank, where it can earn interest. If you have a bank account, you can pay for things with a cheque.

a. the coins and pieces of paper that you can use to pay for things

b. the coins and pieces of paper that you use to pay for things in a particular country

Деньги – то, что Вы зарабатываете, сохраняете, вкладываете и используете для оплаты товаров и услуг. Деньги можно хранить в банке, за что начисляются проценты (т.е. деньги работают). Если у Вас есть счет в банке, Вы можете оплачивать товары и услуги с помощью банковского чека.

a. Монеты и бумажные знаки, которыми можно расплатиться за что-либо.

b. Монеты и бумажные знаки, которыми можно расплатиться за что-либо в определенной стране (валюта).

2) Longman:

Money –

1. what you earn by working and can use to buy things. Money can be in the form of notes and coins or cheques, and can be kept in a bank.

2. money in the form of coins or notes that you can carry around with you [= cash].

3. someone's wealth, including all the property and other things they own.

Деньги –

1. То, что Вы зарабатываете трудом и что можете потратить на различные вещи. Деньги существуют в бумажной форме, в виде монет или банковских чеков, могут храниться в банке.

2. Деньги в виде монет или банкнот, т.е. Вы можете носить их с собой (=нал).

3. Чье-то богатство (капитал), включая всю собственность и другие вещи во владении.

В результате сопоставления словарных толкований понятия «деньги/ money» в русском и английском языках можно сделать вывод, что базовые представления концептуального содержания понятия деньги в обоих языках совпадают. Это позволяет говорить об универсальности концепта «деньги».

Поскольку любой концепт имеет базовый слой (определенный чувственный образ), то можно предположить, что базовый слой концепта деньги – это металлические, бумажные знаки, а также капитал/состояние.

Подчеркнем, что «наличие базового когнитивного слоя с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта, иначе концепт не может функционировать в универсальном предметном коде как дискретная единица мышления (смысловая отдельность), не может функционировать как мыслительная единица»⁹. В качестве базовых лексем-репрезентантов исследуемого концепта в настоящее время выступают следующие лексические единицы для номинации денежных средств в русском и английском языках: «деньги», «рубль», «копейка» и «money», «pound», «penny».

⁸ Macmillan 2000, 103; Longman 2000, 94.

⁹ Стернин 2001, 58–59.

Проанализировав толкования названий денежных единиц двух языков, можно сделать следующие выводы. По роли в товарно-денежных отношениях аналогами российского рубля и копейки являются английский фунт и пенни. Рубль и фунт состоят ровно из сотни копеек и пенсов соответственно. Особо стоит отметить, что фунт как обозначение валюты используется в других странах (бывшие колонии Британской империи), а также известен как единица веса. Все это говорит о полисемичности фунта. Что касается рубля, то по сравнению с фунтом он не вызывает ассоциаций, не связанных с деньгами.

Материалом настоящего исследования послужили паремиологические единицы: это пословицы и поговорки русского и английского языков, объективирующих концепт «деньги». Паремиология любого языка тесно связана с историей, культурой и бытом народа, в ней воплощены его дух, способ мышления и ценностные ориентиры. Это своеобразные микромиры, содержащие в себе «и нравственный закон и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам»¹⁰. В паремиях образно и метко подчеркнуты важные, существенные моменты жизнедеятельности человека. Исследуя их, можно приобщиться к культуре страны изучаемого языка.

Паремии как отражение менталитета народа вызывают особый интерес в современных когнитивных исследованиях, затрагивающих изучение механизмов переработки сознанием человека информации об окружающем мире. В рамках когнитивного подхода пословицы рассматриваются в качестве представителей абстрактных структур сознания. Описание и анализ пословиц и поговорок как стереотипов народного сознания с лингвокультурологических позиций позволяет выявить их национально-культурную специфику.

Такой подход к исследованию паремий дает возможность глубже и точнее отразить их содержательный аспект (концептуальное знание о действительности), совокупность ментальных стереотипов, проследить источники и мотивацию их возникновения.

Когнитивная наука оперирует такими структурами представления знаний, как мыслительные картинки, схемы, фреймы и сценарии. Возможность варьирования семантики паремиологических единиц – это важный принцип, который учитывался нами при классификации пословиц, манифестирующих концепт «деньги». Метод фреймовой классификации паремий позволил выделить основные «смыслы» пословиц. Фреймовая классификация паремиологических единиц была заимствована из диссертационного исследования О.Г. Дубровской «Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости»¹¹.

В результате исследования выделено 6 фреймов, названия которых отражают объемное представление содержания паремиологических единиц исследуемого концепта: «Деньги – результат накопления» (*Money begets money. Money makes money. A penny saved is a penny gained. Деньга деньгу наживает. Деньга на деньгу набегают. Копейка рубль бережет* и др.), «Деньги – это труд» (*Money doesn't grow on trees. Throw good money after bad. Деньги с неба не падают. Скупой платит дважды* и др.), «Деньги – грязь» (*Money has no smell. Where there's muck there's*

¹⁰ Буслаев 1954, 37.

¹¹ Дубровская 2011, 259.

brass. Деньги не пахнут. Где грязь – там и деньги и др.), «Деньги приносят зло» (Money is a good servant but a bad master. Money is the root of evil. Умный человек – хозяин деньгам, а скупой – слуга. Больше денег – больше хлопот и др.), «Деньги – это мимолетность, их легко потерять» (Money burns a hole in someone's pocket. Money has wings. У него не карман, а решето. Не легко деньги нажить, а легко прожить и др.), «Деньги – власть (стимул)» (Money makes the world go round. Who pays the piper calls the tune. Деньги правят миром. У кого в руках, у того и в устах и др.).

Иллюстративный пословичный материал показывает, что восприятие, членение, концептуализация феномена «деньги» русским и английским лингвокультурными обществами относительно идентичны, – например, схожи мнения о том, что деньги появляются из денег и их нужно стараться беречь; деньги не растут на деревьях, не падают с неба, их приносит труд. В обоих языках прослеживается общее мнение о том, что богатство можно нажить только нечестным путем. Эта мысль особенно прослеживается в русских пословицах *В богатстве голодна душа; Богатый совесть погубит.*

По сравнению с английским языком в русском нет пословиц, передающих смысл «Деньги часто губят тех, кто их наживает», «Часто деньги стоят слишком дорого». Однако это не означает, что такого мнения нет в сознании русского этноса. Оно существует, но по тем или иным причинам не нашло отражения в пословичном фонде русского языка. Различия существуют в ассоциации денег с предметами, но смысл, например, мимолетности денег по этой причине не изменяется. У англичан деньги ассоциируются с крыльями, у русских деньги – вода, деньги по форме монет круглые и могут укатиться (*сквозь пальцы и плывут; денга кругла, поката*).

В качестве исследовательской перспективы можно рассматривать сопоставительный лингвокультурологический анализ, модель фреймовой классификации паремий, вербализующих концепт «деньги», на материале разных языков. Это позволило бы выявить как универсальные, так и различительные черты анализируемого концепта и языковой картины мира в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабушкин, А.П. 2001: *«Возможные миры» в семантическом пространстве языка*. Воронеж.
- Буслаев, Ф.И. 1954: *Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные*. М.
- Вежбицкая, А. 1996: *Язык. Культура. Познание*. М.
- Дубровская, О.Г. 2000: *Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости: дисс... канд. филол. наук*. Екатеринбург.
- Залавина, Т.Ю. 2007: *Когнитивные и прагматические аспекты фразеологизмов со значением «порицание»: дисс... канд. филол. наук*. Челябинск.
- Кубрякова, Е.С., Демьяненко, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г. 1996: *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.
- Маслова, В.А. 2004: *Введение в когнитивную лингвистику*. М.
- Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. 1999: *Толковый словарь русского языка*. М.

- Попова, З.Д., Стернин, И.А. 1999: *Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях*. Воронеж.
- Стернин, И.А. 2001: Методика исследования структуры концепта. В сб: *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Воронеж, 58–65.
- Ушаков, Д.Н. 1996: *Толковый словарь русского языка*. М.
- Longman, T. 2000: *The Longman Dictionary of Contemporary English is an online version of the CD-ROM of the Longman Dictionary of Contemporary English, Updated Edition*, <http://www.ldoceonline.com/> (<http://www.ldoceonline.com/>).
- Macmillan, Г. 2000: *The Free Online English Dictionary from Macmillan Publishers*, <http://www.macmillandictionary.com/> (<http://www.macmillandictionary.com/>).

REFERENCES

- Babushkin, A.P. 2001: *«Vozmozhnyie miry» v semanticheskom prostranstve yazyika*. Voronezh.
- Buslaev, F.I. 1954: *Russkie posloviцы i pogovorki, sobrannyye i ob'yasnennyye*. Moscow.
- Dubrovskaya, O.G. 2000: *Lingvokulturologicheskij aspekt sopostavitelnogo issledovaniya russkix i anglijskix poslovic ob ume i gluposti*: diss... kand. filol. nauk. Yekaterinburg.
- Kubryakova, E.S., Dem'yanenko, V.Z., Pankrats, Yu.G., Luzina, L.G. 1996: *Kratkij slovar' kognitivnykh terminov*. Moscow.
- Longman, T. 2000: *The Longman Dictionary of Contemporary English is an online version of the CD-ROM of the Longman Dictionary of Contemporary English, Updated Edition*, <http://www.ldoceonline.com/> (<http://www.ldoceonline.com/>).
- Macmillan, G. 2000: *The Free Online English Dictionary from Macmillan Publishers*, <http://www.macmillandictionary.com/> (<http://www.macmillandictionary.com/>).
- Maslova, V.A. 2004: *Vvedenie v kognitivnyy lingvistiku*. Moscow.
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Y. 1999: *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka*. Moscow.
- Popova, Z.D., Sternin, I.A. 1999: *Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh*. Voronezh.
- Sternin, I.A. 2001: Методика исследования структуры контсепта. In: *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Voronezh, 58–65.
- Ushakov, D.N. 1996: *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka*. Moscow.
- Vezhbitskaya, A. 1996: *Yazyik. Kultura. Poznanie*. Moscow.
- Zalavina, T.Y. 2007: *Kognitivnye i pragmaticheskie aspekty frazeologizmov so znacheniem «poritsanie»*: diss... kand. filol. nauk. Chelybinsk.

PAROEIOLOGICAL CONCEPT “MONEY” AS A FORM OF MENTAL REPRESENTATION OF KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD

Tatyana Yu. Zalavina* Oksana N. Afanasjeva**, Lydmila A. Shorokhova***

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
 tania_mgn@rambler.ru

** *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
 ksusha.afanasjeva@mail.ru

*** *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,*
 shla-75@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the principles of the knowledge organization in language through the appeal to the idea «concept» as a unit of mental information. The relevance of this

study is determined by theoretical and practical problems of modern linguistic. Its primary focus is on the linguistic identity, language and culture issues of interaction, linguistic world-image which is encoded in language in general and paremiological vocabulary in particular. The results of reflective, mental, human activity are fixated and realized in language. Proverbs and sayings are the most striking instance, which represent the specialty of thinking, knowledge and world's perception of nation- mother-tongue speaker of the specific language, its cultural values. The concept «money» is characterized on the basis of the integration of cognitive and linguo-culturological approaches by the research of proverbial vocabulary. The corpus of lexical items is also represented in the discerned concept. The concept «money» verbalized by the paremiological units in Russian and English languages can be considered as a special type (model) of the paremiological concepts. Universal and specific traits of the concept «money», its similarity and differences connected with the relation to money by the representatives of Russian and English linguocultures are revealed. Frames are cost- effective way of the informationtrans mission speeding up its processing as they contain not only explicit but implicit, supposed knowledge. Special attention is paid to the method of paremiological frame classification. With its help it is possible to emphasize «meaning» of proverb. The frame model of proverb's description, which allows to present the specificity of Russian and English language mentalities in a more thrifty way, is being proposed. Names of the pointed out frames reflect extensional representation of the paremiological units in the investigated concept. It is specifically intended to a wide range of researchers, examining the problems of paremiology, cognitive semasiology, linguoculture.

Key words: concept, quantum of knowledge, paremiological concept, money, paremiological units, mental representation, national culture specificity, frame, frame classification

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 379–384
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 379–384
©Автор(ы) 2016

КОНЦЕПТ «КАЙҒЫ» (ГОРЕ) В БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ*

А.М. Ишегулова

*Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Уфа,
1104-alsu@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается концепт «кайғы» (горе), выявленный в текстах башкирских народных песен. Концепт «кайғы» (горе) рассматривается не только как языковая лексическая единица, но и как культурный код, несущий в себе зашифрованную информацию о мировоззрении народа.

Ишегулова Алсу Минифариевна – младший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: 1104-alsu@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту «Лексика башкирского песенного фольклора в этнолингвистическом освещении», № 15-34-01021.

Ключевые слова: картина мира, народные песни, концепты, мировоззрение

В современном языкознании в рамках антропоцентрической парадигмы развивается целый ряд направлений. Изучение языка во взаимодействии с культурой послужило зарождению, формированию и развитию когнитивной лингвистики, также положило начало новому направлению в языкознании — лингвокультурологии, исследующей проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке, основными понятиями которой являются «картина мира», «концепт», «концептуальный анализ».

Термин «концепт» достаточно широко используется в современной научной литературе, однако содержание его довольно расплывчато. Так, в «Кратком словаре когнитивных терминов» концепт определяется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике»¹; «Лингвистический энциклопедический словарь» указывает на их смысловую соотносительность и терминологическую разноуровневость: «Понятие (концепт) — явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение — в системе языка, понятие — в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике»²; в «Философском словаре» присутствуют словарные статьи, объясняющие и термин «концепт», и термин «понятие»: «Концепт (лат. *conceptus* — понятие) — формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие»³.

Таким образом, в словарях концепт предстает как некая система знаний, объединяющая представления о некотором предмете или явлении реальной/ирреальной действительности путем выделения в нем самого существенного, способная развиваться и существующая как умственный образ, общая мысль.

Существуют различные определения концепта. Например, Ю. С. Степанов, автор словаря «Константы. Словарь русской культуры», пишет: «...концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепты — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»⁴.

Л.Х. Самситова отмечает: «В лингвокультурологии язык считается одним из основных способов формирования базовых понятий — концептов в сознании человека. Посредством концепта слово проникает в языковую картину мира и находится в ней, взаимодействуя с другими лексическими единицами. Концепт является центральной категорией в научно-лингвистическом описании языкового отражения мира. Складываясь на основе личного и культурного опыта, концепты являются духовным наследием в сознании народа, результатом познания окружающего мира, отражающим языковую картину и национальный менталитет»⁵.

¹ Кубрякова 1996, 90.

² Ярцева 1990, 384.

³ Фролов 1987, 217.

⁴ Степанов 2004, 43.

⁵ Самситова 2014, 1376.

В связи с этим изучение культурных концептов на материале фольклорных текстов представляется особенно актуальным.

Башкирские народные песни – это поэтическое отображение и образное выражение народного мировосприятия, социально-бытового опыта. Песни в течение веков сохраняли идейно-эстетические ценности, познавательную и воспитательную значимость. Это тот жанр, который несет информацию о мире, социуме.

В настоящее время в башкирской языковой картине мира в основном рассматриваются концепты, связанные с интеллектуальной и эмоциональной жизнью человека. Например: *акыл* (счастье), *бәхет* (счастье), *куркыу* (страх), *шатлык* (радость), *асыу* (гнев), *хәсрәт* (горе, беда), *һағыш* (тоска, печаль), *сабырлык* (терпение) и т.д.

В башкирской языковой картине концепт *кайғы* является одним из значимых эмоциональных концептов. *Кайғы* переводится на русский язык как *горе, печаль, горесть, скорбь*. В словаре русского языка «горе» – это 1) скорбь, глубокая печаль; 2) беда, несчастье⁶.

В «Академическом словаре башкирского языка»⁷ слово *кайғы* (горе) имеет два значения:

1. Күңелде ғазаплағыс, йәнде әрнеткес ауыр тойғо; хәсрәт, бәлә-каза һ.б. □ Горе, печаль, скорбь; прискорбие. *Ауыр кайғы. Күп кайғы күреү. Кара кайғы.*

2. *Низелер хәстәрләгән тынышыз уй; хәстәрлек, мәшәкәт.* □ Беспокойство, забота. *Кунак кайғыһы юк. Аш кайғыһы китте.*

Слово *кайғы* (горе) отражает внутренний мир и особенности восприятия внешнего мира человеком. В башкирском языке функционирует множество пословиц и поговорок с лексемой *кайғы* (горе), например: *кайғы агас башынан йөрәмәй, әзам башынан йөрөй* – Беда не по лесу ходит, а по людям; *кайғы (бәлә) кешенән һорап килмәй* – Горе не ищут, само приходит; *кешене эш бөтөрмәй, кайғы бөтөрә* – Горе не молодит, а голову белит; *кайғы йөрәктән алыр* – Горе с ног свалит и т.д.

Анализ текстов башкирских народных песен⁸ показывает, что в них слово *кайғы* (горе, беда и т.д.) употребляется в трех значениях:

1. Терзающее душу, горькое чувство; душевные страдания. В данном значении слово *кайғы* чаще всего встречается в песнях о женской доле. Горькая, порой трагическая судьба башкирской девушки, насильно выданной замуж за нелюбимого или за богатого старика, по воле судьбы оказавшейся вдали от родной земли, отразилась в песнях. Также эти песни передают внутреннее состояние, чувства и душевные переживания девушки. Например:

Минәң эсем тулы кайғы-хәсрәт,

Йәш йөрәгем яна ут менән.

..Һағынған да сакта карар инем,

Арабызза киң-киң даръялар. «Хәлимә йыры» (с. 247).

Без того вот-вот задушат слезы,

Сердце молодое всё в огне.

...Дни и ночи о тебе я помню.

⁶ Ожегов 2007, 137.

⁷ Хисамитдинова 2013, 97.

⁸ Ахмедьянов 1974.

Как же от меня ты далеко! «Песня Халимы»⁹ (Т. 8, с. 227).

*Кайғы-хәсрәт кенә күрә икән,
Тыуган йорттан киткәс, кыз бала.* «Кыз баламды кызғанам» (с. 247).

Сколько суждено изведать горя

Девушке, что свой покинет дом! «Жалко доченьку мою» (Т. 8, с. 267).

2. В значении ‘трагические, печальные, горестные события’ слово *кайғы* встречается в самой большой группе башкирских народных песен. Как мы знаем из истории, башкирские джигиты, защищая родную землю, участвовали во многих сражениях, войнах, погибали на чужбине. В песнях отражаются трагическая судьба, горе, трагедия башкирского народа. Примеры:

*Дилбегәм дә өсөн кайғырмайым,
Ятып калды тыуган илгенәм.* «Шәрәфетдин» (с. 113).

Не о вожжах мне надо бы тужить,

Что вожжи – если родину оставил. «Шарафетдин» (Т. 8, с. 98).

Кәжүк менән генә, ай, буз тургай

Кайғы-хәсрәт өсөн яралган.

Без генә лә түгел, тыуган ерзән

Хезмәткә, тип ирзәр таралган. «Нуриман һалдат йырзары» (с. 132).

Кукушки крик и жаворонка свист –

Не о моей ли плачут они доле?

Не только я – егеты всей земли

На службу едут-едут тихим полем. «Песня солдата Нуримана» (Т. 8, с. 119).

3. Слово *кайғы* в значении ‘беспокойство, забота’ встречается в песнях на социально-бытовые темы. В них отражаются обычная, повседневная, полная забот и хлопот жизнь башкир, их отношение к жизни и окружающим, размышления о смысле жизни, нужды и чаяния, мечты о счастливом будущем.

В песнях социально-бытовой тематики выражены такие проблемы, как понимание унизости нищеты, желание выбраться из бедности, мечта об обеспеченной жизни, пожелание лучшей доли своим детям (*донъя кайғыһы, мал кайғыһы, баш кайғыһы, бала кайғыһы*). Примеры:

Мал кайғыһы безгә кайғы түгел,

Баш кайғыһы безгә күберәк. «Шафик» (с. 125).

Не тужи о сгубленном богатстве,

О пропавшей голове тужи. «Шафик» (Т. 8, с. 112).

Донъя кайғыларын бик күп күрзем,

Күрер өсөн тыуган баш икән. «Заһидулла» (с. 119).

Печаль-тоску я на сердце носил,

Себе на горе, видно, я родился. «Загидулла» (Т. 8, с. 105).

Наличие множества дериватов лексемы *кайғы* подтверждает, что данный концепт является особенным в эмоциональной сфере башкирского народа. Так,

⁹ Переводы песен взяты из книги: Башкирское народное творчество: Песни (дооктябрьский период) 1995.

в одном только «Академическом словаре башкирского языка» (т. 5) зафиксировано большое количество производных от слова *кайгы*: *кайгылы* – ‘печальный, скорбный, прискорбный’, *кайгыртыу* – ‘заботиться, думать, печься о ком-л.’, *кайгырыу* – ‘горевать, печалиться, скорбеть, тужить’, *кайгыртыусан* – ‘заботливый’, *кайгыртыусанлык* – ‘заботливость’, *кайгы-михнэт*, *кайгы-хэсрэт* – ‘горе-сти-печали’. Также приведем примеры из текстов песен, что позволяет сделать некоторые выводы об особенностях тех смыслов, которые несут эти дериваты:

*Кайгы-хэсрэттәрҙән бер котолон,
Рәхәт торор көндәр бар микән?* «Ялан Йәркәй» (с. 108).
Когда ж от нас отвяжется нужда?
Когда покинут муки и тревоги? «Ялан Яркей» (Т. 8, с. 93).

*Күрмәгәндәргә күрһәтмәһен,
Түзем бирһен кайгы күргәнә.* «Арғымак яңғыз, егет малһыз» (с. 173).
Кто не видел зла (горя) – да пусть не увидит,
Кто познал – дай силы им Аллах. «Арғамак гуляет без егета» (Т. 8, с. 160).

*Кайгырма һин, егет, уфтанмасы,
Уфтанып та йөрәккә ял булмаҫ.* «Карпат» (с. 140).
Егет, не надо плакать и стонать,
Боль в сердце оттого не утомится. «Карпаты» (Т. 8, с. 128).

Из примеров видны размышления о жизни, поиски путей выхода из бедности, нищеты. А еще в песнях отражается одно из главных качеств башкирского народа – умение терпеть, порой даже кроткость, смирение. Песни учат достойно переносить лишения, горе, выпавшие на долю человеку, принимать судьбу как предначертанную свыше.

Анализируя башкирские народные песни, мы пришли к следующим выводам: 1) башкирские народные песни неразрывно связаны с судьбой народа. Их надо рассматривать как произведения, в которых нашли отражение важные события из истории народа, быт и обычаи башкир, судьбы его великих сыновей; 2) концепт *кайгы* определяется как единица мысли, размышлений, как эмоциональный лингвоконцепт, отражающий одну из сторон мировоззрения, жизненной позиции, культуры башкир.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедьянов, К.А (ред.) 1974: *Башкирское народное творчество*. Песни. Кн.1. Уфа.
Зарипов, Н.Т. (ред.) 1995: *Башкирское народное творчество*. Т. 8. Песни (дооктябрьский период). Уфа.
Кубрякова, Е.С. (ред.) 1996: *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.
Ожегов, С.И. (ред.) 2007: *Словарь русского языка*. М.
Самситова, Л.Х. 2014. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация. *Вестник БашГУ* 19/4, 1373–1377.
Степанов, Ю.С. 2004: *Константы: Словарь русской культуры*. М.
Фролов, И.Т. (ред.) 1987: *Философский словарь*. М.
Хисамитдинова, Ф. Г. (ред.) 2013: *Академический словарь башкирского языка*: в 10 т. Т. 5. Уфа.

Ярцева, В.Н. (ред.) 1990: *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.

REFERENCES

- Ahmedjanov, K.A. (ed.) 1974: *The Bashkir folk art*. Songs. Book 1. Ufa.
Frolov, I.T. (ed.) 1987: *the Philosophical dictionary*. Moscow.
Khisamitdinova, F.G. (ed.) 2013: *Academic dictionary of the Bashkir language*: in 10 vol. Vol. 5. Ufa.
Kubryakova, E.S. (ed.) 1996: *Brief dictionary of cognitive terms*. Moscow.
Ozhegov, S.I. (ed.) 2007: *Dictionary of the Russian language*. Moscow.
Samsitova, L.H. 2014: The notion of concept in cultural studies: history, of structure, classification. *Bulletin of the Bashkir State University* 19/4, 1373–1377.
Stepanov, Y.S. 2004: *Constants: Dictionary of Russian culture*. Moscow.
Yartseva, V.N. (ed.) 1990: *Linguistic encyclopaedic dictionary*. Moscow.
Zaripov, N.T. (ed.) 1995: *The Bashkir folk art*. Vol. 8. Songs (pre-October period). Ufa.

THE CONCEPT OF КАЙҒЫ (GRIEF) IN BASHKIR FOLK SONGS

Alsyu M. Ishegulova

*Institute of History of Language and Literature, Ufa Scientific Center of RAS, Russia,
1104-alsu@mail.ru*

Abstract. The article discusses the concept of кайғы (grief) identified in the texts of the Bashkir folk songs. The concept of кайғы (grief) is considered not only as linguistic lexical unit, but also as a cultural code carrying encrypted information about the philosophical views of the people.

Key words: picture of the world, folk songs, concepts, worldview

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ РУССКИХ КИТАЕВЕДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ КИТАЙСКО-ВЕНГЕРСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Имре Пачаи

Ньиредьхазская высшая школа, Ньиредьхаза,
drpacsai@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются семантические параллели некоторых сочинительных сложений (парных сло) венгерского и китайского языков, отражающих общий вид деривации восточно-евразийских языков. Основная цель нашей работы представить некоторые параллельные языковые элементы в аспекте типологии, связанные с характерным элементом языковой модели мира. При нашем исследовании мы пользовались достижениями русских китаеведов, рассматривающих специфические свойства китайского языка. В работах русских китаеведов установлены основные типологические черты древнего вида словотворчества, широко использованного в дальневосточных, уральских, алтайских и новоиндийских языках. Использование общего вида деривации в разнородных языках обогащает знания о развитии человеческого языка и мышления, отражающегося в специфическом приеме обозначения понятий.

Ключевые слова: сочинительные (копулятивные) сложения, восточно-евразийские языки, сопоставительное исследование, семантические признаки, общие закономерности, древний характер, общий вид деривации

Изучение языковой модели мира национальных языков является важной проблемой лингвистики. В настоящей статье рассматриваются специфические структуры венгерского языка, которые считаются типичными для уральских и алтайских языков. Эти структуры названы разными терминами в лингвистике: парные слова, сочинительные сложения, копулятивные сложения. Мы поставили целью сопоставление венгерских структур с китайскими сложениями, о чем еще не говорилось в работах по ареальной лингвистике.

Значение сопоставления парных слов подтверждается тем, что они являются типичными элементами языковой модели венгерского и китайского языков. Об этом свидетельствуют работы, возникшие в Венгрии и Китае в XVIII веке, в которых изучался этот специфический вид словотворчества.

При изучении работ китаеведов¹ мы обратили внимание на сходные морфологические и семантические признаки сочинительных сложений венгерского и китайского языков. В первой статье по этой теме² мы представили сходства некоторых структур. Нам необходимо было найти теоретическую основу выводов о сходстве обнаруженных китайских и венгерских структур, так как эти языки

Пачаи Имре – habilitированный доктор филологических наук, профессор Ньиредьхазской высшей школы. E-mail: drpacsai@gmail.com

¹ Gabelentz 1881; Драгунов 1952.

² Пачаи 1990, 129–148.

резко отличаются друг от друга. Эту опору мы нашли в работах русских китаеведов. А.Л. Семенас (1976)³ установила основные характерные признаки парных слов китайского языка: «При копулятивном (сочинительном) сложении происходит объединение в синтагматическом плане семантически равноправых морфем (лексем). Однако копулятивные комплексы не могут быть образованы из любых синтагматически равноправых морфем (лексем), находящихся в лексическом запасе языка. Связь их компонентов носит не случайный характер: один компонент предполагает другой, и наоборот. Необходимым условием возникновения копулятивного комплекса является наличие определенных парадигматических отношений между компонентами в семантическом плане»⁴.

Закономерности китайских парных слов соответствуют основным свойствам параллельных уральских, алтайских, индийских и русских структур. Общие характерные черты доказали общие типологические свойства и общие закономерности парных слов (сочинительных сложений) сопоставленных языков.

В работе А.А. Драгунова (1952)⁵ рассматриваются типологические свойства китайского языка, которые были для нас чрезвычайно важны при сопоставительном исследовании. В книге В.И. Горелова (1984)⁶ тщательно изучены виды сочинительных сложений китайского языка. Большим достижением его работы является представление основных типов данного вида деривации и презентация многих конкретных примеров. В центре его классификации стоит семантическая связь компонентов, которая является основной критерией во всех языках изученного ареала. Важным и богатым источником для нас служил китайско-русский словарь И.М. Ошанина (1952)⁷, в котором тщательно рассматриваются семантические признаки изученных структур. Посредством упомянутых работ мы получили важную опору для выделения общих типологических признаков китайских и венгерских структур, сопоставление которых оказалась трудной задачей для лингвистов из-за резкого расхождения между этими языками.

Общность основных категорий сочинительных сложений (парных слов) в китайском и венгерском языках

С точки зрения типологического исследования чрезвычайно важно было установить основные категории изученных сочинительных сложений. При сопоставлении основных категорий (видов) копулятивных сложений китайского и венгерского языков мы пользовались работами академика Д. Паиша (1951)⁸, изучающего венгерские сложения, и работой В.И. Горелова (1984), рассматривающего китайские сложения. В этих работах наблюдается общий семантический аспект классификации парных слов, о чем говорит А.Л. Семенас в своей работе.

При сопоставлении парных слов в китайском и венгерском языках мы установили общие основные виды этого вида деривации. В изученных нами языках используются синонимические сложения, антонимические сложения и сложения обобщающего (суммирующего) типа.

³ Семенас 1976.

⁴ Семенас 1976, 107.

⁵ Драгунов 1952.

⁶ Горелов 1984.

⁷ Ошанин 1952.

⁸ Pais 1951, 143–155.

Вопросы, связанные синонимическими сложениями

В составе парных слов в китайском и венгерском языках наблюдаются сложения, состоящие из синонимов: кит. *шэн-цунь* (ОШ 40) 'существовать' < *шэн* (ОШ 40) 'жить' + *цунь* (ОШ 299) 'существовать; быть в живых'; *shùmù* 'деревья' < *shù* 'дерево' + *mù* 'дерево'; *fénmù* 'могила' < *fén* 'могила' + *mù* 'могила'; *bōlàng* 'волны' < *bō* 'волна' + *làng* 'волна'; *бэй-ай* 'грустный' (ОШ 810) *бэй* 'горе, грусть' + *ай* 'тоска, печаль'; венг.: *hadsereg* 'армия' < *had* 'войско, армия' + *sereg* 'армия'; *búbánat* 'горе, тоска' < *bú* 'горе, грусть' + *bánat* 'печаль, тоска'; *üt-ver* 'избивать, колотить' < *üt* 'бить' + *ver* 'бить, ударить'.

Семантические параллели этих сложений говорят об их типичности в изученных языках: венг. *sír-rí* 'реветь, горько плакать' < *sír* 'плакать' + *rí* 'сильно плакать, реветь' / кит. *jiàohǎn* 'кричать, вопить' < *jiào* 'кричать' + *hǎn* 'орать'; венг. *őségi* 'старинный, стародавний' < *ős(i)* 'древний' + *égi* 'старый' / кит. *gǔlǎo* 'старинный, стародавний' < *gǔ* 'древний' + *lǎo* 'старый'; венг. *gyönyörűség* 'красивейший' < *gyönyörű* 'прекрасный' + *szép* 'красивый'; *méili* 'живописный' < *měi* 'красивый' + *lì* 'прекрасный'; венг. *dúsgazdag* 'очень богатый' < *dús* 'обильный' + *gazdag* 'богатый' / кит. *fùyù* 'зажиточный, обильный' < *fù* 'богатый' + *yù* 'обильный'; венг. *szóbeszéd* 'язык, речь' < *szó* 'слово, речь' + *beszéd* 'речь' / кит. *yǔyuán* 'язык, речь' < *yǔ* 'язык' + *yuán* 'речь'; венг. *erő-egészség* 'здоровье, благополучие' < *erő* 'сила' + *egészség* 'здоровье' / кит. *jiàn-zhuàng* 'крепкий и здоровый' > *jiàn* 'здоровый, сильный, крепкий' + *zhuàng* 'сильный'.

В лингвистических работах, изучающих сочинительные сложения (парные слова), состоящие из синонимов, они названы **тавтологическими** сложениями, так как их компоненты обозначают тождественные денотаты.

Индийский лингвист С.К. Чаттерджи (1940)⁹ назвал индийские сложения типа *pemda-baksa* 'ящик' термином **translations compouds** 'сложение-перевод', так как в структуре данного типа коренное слово поясняет значение заимствованного слова. При анализе сложения он указал на то, что значение слова *baksa* 'ящик' < *box* 'ящик' английского происхождения освещается при помощи индийского слова *pemda* 'ящик'. О языковых контактах свидетельствуют и другие примеры Чаттерджи: *sādi-biyān* 'свадьба' < *sādi* 'свадьба' (иран.) + *biyān* 'свадьба' (инд.), *sag-sabzi* 'овощи' < *sag* 'овощи' (инд.) + *sabzi* 'овощи' (иран.).

Сходная функция уйгурских сложений этого типа: *гэн-сөз* 'разговоры, толки' < *гэн* 'слово, разговор' (иран.) + *сөз* 'слово, речь, разговор' (тюрк.). *куа-чйчйк* 'цветок' < *куа* < *huā* 'цветок' (китайск.) + *чйчйк* 'цветок' (тюрк.); *зан-закон* < *зан* 'закон' (тюрк.) + *закон* (русск.).

Функция перевода у венгерских структур: *hadsereg* 'армия' < *had* 'войско, армия' (финно-уг.) + *sereg* 'войско, армия' (тюркск.); *sorrend* 'порядок, очередь' < *sor* 'ряд, строй' (неизвестн.) + *rend* 'порядок, ряд' (славянск.); *szóbeszéd* 'разговоры, толки' < *szó* 'слово, разговор' (угорск.) + *beszéd* 'речь, разговор' (славянск.).

В.И. Горелов занимается тавтологическими сложениями китайского языка. В сложениях *cháo-shī* 'сырой, влажный' < *cháo* 'сырой, влажный' + *shī* 'мокрый, сырой'; *wēn-nuǎn* 'теплый' < *wēn* 'теплый' + *nuǎn* 'теплый'; *gān-zào* 'сухой' < *gān* 'сухой' + *zào* 'сухой'; *hán-lěng* 'холодный' < *hán* 'холодный' + *lěng* 'холодный'.

⁹ Chatterji 1940.

он выделил корнеслоги **вэньяна** и **байхуа**, имеющих идентичные или близкие значения. Компоненты *cháo* 'сырой, влажный', *wēn* 'теплый', *zào* 'сухой', *hán* 'холодный' относятся к старому литературному языку **вэньяну**, а *shī* 'мокрый', *nuǎn* 'теплый', *gān* 'сухой', *lěng* 'холодный' являются элементами современного языка **путунхуа**. Китайские сложения тавтологического характера также поясняют значения одного компонента посредством значения другого.

2) Парные слова антонимического типа

При трактовке парных слов китайского языка В.И. Горелов указывает на то, что многие лексические единицы образованы сочетанием адъективных морфем-антонимов: *dàxiǎo* 'величина, размер' < *dà* 'большой' + *xiǎo* 'маленький'; *chángduǎn* 'длина, протяженность' < *cháng* 'длинный' + *duǎn* 'короткий'; *cūxì* 'толщина, размер' < *cū* 'толстый' + *xì* 'тонкий'; *gāo'ǎi* 'высота, рост' < *gāo* 'высокий' + *ǎi* 'низкий'; *shēnqiǎn* 'глубина, мера' < *shēn* 'глубокий' + *qiǎn* 'мелкий'.

В них центральное место уделяется единству противоположных элементов действительности. Сложение **инь-ян** (ОШ 836) 'женское и мужское начало в природе' отражает древнюю китайскую натурфилософию. Важной функцией парных слов этого вида является обозначение понятий «неопределенность, приблизительность»: *lǐ-wài* 'приблизительно' < *lǐ* 'внутри' + *wài* 'вне, снаружи'; *shàng-xià* 'около, приблизительно' < *shàng* 'вверх' + *xià* 'вниз, внизу'; *zǒu-yòu* 'приблизительно, примерно' < *zǒu* 'левый' + *yòu* 'правый'. В венгерском языке антонимические сложения тоже могут обозначать **неопределенность**: *itt-ott* 'кое-где, местами' < *itt* 'здесь' + *ott* 'там'; *így-úgy* 'кое-как, так-сяк' < *így* 'сяк' + *úgy* 'так'; *előbb-utóbb* 'когда-то на днях' < *előbb* 'раньше' + *utóbb* 'позже'; *jól-rosszul* 'кое-как, как попало' < *jól* 'хорошо' + *rosszul* 'плохо'.

Заслуживает внимания сходная семантика структур: венг. *körülbelül* 'приблизительно, примерно' < *körül* 'кругом, вне' + *belül* 'внутри' / китайск. *lǐ-wài* 'приблизительно'; венг. *ad-vesz* 'заниматься торговлей' < *ad* 'продавать' + *vesz* 'покупать' / кит. *mǎi-mài* 'купля-продажа, торговля' < *mǎi* 'покупать' + *mài* 'продавать'; венг. *jóban-rosszban* 'всегда, и в беде и в радости' < *jó* 'хороший, благо' + *rossz* 'плохой' / кит. *xao-dǎi* / *hǎo-dǎi* (ОШ 298) 'беда, несчастье' < *xao* 'хороший, добро' + *dǎi* 'плохой, зло'; *éjjel-nappal* 'целый день' < *éjjel* 'ночью' + *nappal* 'днем' / *ri-yè* 'целый день' < *ri* 'днем' + *yè* 'ночью'; *jön-megy* 'расхаживать' < *jön* 'приходить' + *megy* 'уходить' / кит. *lái-wǎng* (ОШ 497) 'циркулирование; связь' < *lái* 'приходить' + *wǎng* 'уходить'; *él-hal* 'страстно любить' < *él* 'живет' + *hal* 'умирает'; *élet-halál* (kérdése) 'вопрос жизни и смерти; судьбы' / кит. *cún-wáng* (ГОР 30) 'судьба, жизнь или смерть' < *cún* 'жизнь' + *wáng* 'смерть'; *ég-föld* 'весь мир' < *ég* 'небо' + *föld* 'земля'; *tiān-dì* 'мир, природа' < *tiān* 'небо' + *dì* 'земля'.

3) Сложения обобщающего (суммирующего) типа

Специфическим видом сочинительных сложений является обобщающий тип, в котором сочетаются корнеслоги, утрачивающие в структуре лексическую самостоятельность при обозначении родового понятия. Сложения данного вида обозначают родовое понятие при помощи адиции лексических единиц, обозначающих видовые понятия.

В этой группе тоже наблюдаются параллельные сложения: *apa-anya* 'родители' < *apa* 'отец' + *anya* 'мать' / *fù-mǔ* 'родители' < *fù* 'отец' + *mǔ* 'мать'; *fű-fa* 'растительный мир' < *fű* 'трава' + *fa* 'дерево'; *цǎо-му* (ОШ 223) 'растительный мир'

< 草 'трава' + 木 (ОШ 484) 'дерево'; *tǒ-gyökér* 'коренной' < *tǒ* 'основа' + *gyökér* 'корень' > *tǒsgyökéres lakos* 'коренной житель' / *гэньбэнь* (ОШ 536) 'основной, коренной, радикальный' < *гэнь* / *gēn* 'корень растения' + *бэнь* / *běn* 'основа, корень растения'; *tǒ-hegy* 'целостность' < *tǒ* 'основа дерева' + *hegy* 'верхушка дерева' > *tövíról-hegyire elmesél* 'рассказать от начала до конца, вдоль и поперек'; (букв.: 'рассказать от основы до верхушки дерева') / *běnmò* (ГОР 30) 'ход истории, события, от начала до конца' < *běn* 'корень, основа' + *mò* 'верхушка дерева'; *testvér* 'брат или сестра' < *test* 'тело' + *vér* 'кровь' / *гу-сюе* (ОШ 352) 'дети' < *гу* 'кость' + *сюе* (ОШ 72) 'кровь', *гу-жоу* (ОШ 352) 'обр. кровное родство, родные' < *гу* 'кость' + *жоу* (КРС 392) 'мясо, плоть'; *hús-vér* 'полнокровый, настоящий' < *hús* 'мясо, плоть' + *vér* 'кровь' / *сюе-жоу* (ОШ 72) 'живой, полнокровый' < *сюе* 'кровь' + *жоу* 'мясо, плоть'.

С точки зрения типологического аспекта чрезвычайно важно сходство между сложениями *szánt-vet* 'заниматься хлебопашеством (букв.: пахать и сеять)' / *ген-чжун* (ОШ 270) 'обрабатывать землю; заниматься хлебопашеством' < *ген* 'пахать' + *чжун* (ОШ 49) 'сеять', так как А. Л. Семенас по китайскому сложению *ген-чжун* 'пахать и сеять' установила основную функцию парных слов обобщающего типа, которые соединением двух элементов способны обозначать целое семантическое поле.

Достижением нашего исследования является расширение пределов ареала, в котором интенсивно используются сочинительные сложения, отражающие специфический этап развития человеческого языка. При установлении общих семантических и морфологических признаков этого древнего вида словотворчества важную роль играли достижения русских китаеведов, так как в их работах тщательно рассматриваются особенности парных слов китайского языка. Без этой опоры трудно было бы сопоставить резко отличающиеся друг от друга языки. Кроме семантических параллелей конкретных структур, были выделены общие категории данного вида деривации, что свидетельствует о типологическом сходстве сопоставленных структур.

Параллельные китайские и венгерские структуры отражают не только семантические и структурные эквиваленты, но и общий прием обозначения элементов внеязыковой действительности, который непосредственно связан с характером языковой модели мира и изображением действительности.

Мы заключаем нашу работу словами В.М. Солнцева (1979)¹⁰, поощряющего исследователей заниматься неожиданно обнаруженными фактами, которые не соответствуют общепринятым теориям и концепциям.

ЛИТЕРАТУРА

- Горелов, В.И. 1984: *Лексикология китайского языка*. М.
 Драгунов, А.А. 1952: *Исследования по грамматике китайского языка*. М.
 Кайдаров, Н. 1958: *Парные слова в современном уйгурском языке*. Алма-Ата.
 Ошанин, И.М. 1952: *Китайско-русский словарь*. М.
 Потеня, А.А. 1961: Из записок по русской грамматике Т. III. М.
 Семенас, А.Л. 1976: *Парадигматический анализ компонентов копулятивного сложения в китайском языке*. М.

¹⁰ Солнцев 1979, 3–15.

- Семенов, А.Л. 1985: *Некоторые особенности семантики сложения в изолированных языках*. М.
- Солнцев, В.М. 1979: О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания. *Вопросы языкознания* 1, 3–15.
- Трубецкой, Н.С. 1991: Верхи и низы русской культуры. *Вестник Московского университета* 1, 87–98.
- Beke, Ö. 1936: A finnugor szóösszetételhez. *Nyelvtudományi Közlemények* XLII, 346–356.
- Chatterji, S.K. 1940: *Indo-aryan and Hindi*. Calcutta.
- Fokos-Fuchs, D. 1961: Uráli és altaji összehasonlító szintaktikai tanulmányok. *Nyelvtudományi Közlemények* LXIV 1, 12–55.
- Gabelentz, G. v.d 1881: *Chinesische Grammatik mit Ausschluss des niederen Stils und der heutigen Umgangssprache*. Weisel; Leipzig.
- Pacsai, I. 1990: A mellérendelő szóösszetételek kontrasztív tipológiai vizsgálata. *Acta Aademiae Paedagogice Nyíregyháziensis* 12/C, 129–148.
- Pais, D. 1951: Kérdések és szempontok a szóösszetételek vizsgálatához. *Magyar Nyelv* XLVII, 143–155.

REFERENCES

- Beke, Ö. 1936: A finnugor szóösszetételhez. *Nyelvtudományi Közlemények* XLII, 346–356.
- Chatterji, S.K. 1940: *Indo-aryan and Hindi*. Calcutta.
- Dragunov, A.A. 1952: *Issledovanija po grammatike kitajskogo jazyka*. Moscow.
- Fokos-Fuchs, D. 1961: Uráli és altaji összehasonlító szintaktikai tanulmányok. *Nyelvtudományi Közlemények* LXIV 1, 12–55.
- Gabelentz, G. v.d 1881: *Chinesische Grammatik mit Ausschluss des niederen Stils und der heutigen Umgangssprache*. Weisel–Leipzig.
- Gorelov, V.I. 1984: *Leksikologija kitajskogo jazyka. Prosveshhenie*. Moscow.
- Kajdarov, N. 1958: *Parnye slova v sovremenom uigurskom jazyke*. Alma-Ata.
- Oshanin, I.M. 1952: *Kitajsko-russkij slovar'*. Moscow.
- Pacsai, I. 1990: A mellérendelő szóösszetételek kontrasztív tipológiai vizsgálata. *Acta Aademiae Paedagogice Nyíregyháziensis* 12/C, 129–148.
- Pais, D. 1951: Kérdések és szempontok a szóösszetételek vizsgálatához. *Magyar Nyelv* XLVII, 143–155.
- Potebnja, A.A. 1961: *Iz zapisok po russkoj grammatike T. III*. Moscow.
- Semenas, A.L. 1976: *Paradigmaticheskij analiz komponentov kopuljativnogo slozhenija v kitajskom jazyke*. Moscow.
- Semenas, A.L. 1985: *Nekotorye osobennosti semantiki slozhenija v izolirnykh jazykah*. Moscow.
- Solncev, V.M. 1979: O znachenii izuchenija vostochnykh jazykov dlja razvitija obshhego jazykoznanija. *Voprosy jazykoznanija* 1, 3–15.
- Trubeckoj, N.S. 1991: Verhi i nizu russkoj kul'tury. *Vestnik Moskovskogo universiteta* 1, 87–98.

USE OF RUSSIAN SINOLOGISTS' ACHIEVEMENTS IN THE STUDY
OF CHINESE-HUNGARIAN PARALLELS

Pacsai Imre

Nyíregyházi Főiskola, Hungary,
drpacsai@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the typological examination of some coordinative compounds of Chinese and Hungarian languages. The typological research represents the similar phenomena and regularities in different languages, which reflect the important elements of evolution of the human language. Carrying out the research of Chinese and Hungarian structures, Russian sinologists established the common and fundamental regularity of Chinese coordinative compounds repulsing the general view of the derivation of the East-Eurasian languages. The main goal of this work is to provide some elements of the parallel language in the aspect of typology, associated with a characteristic element of the linguistic model of the world. In the works of Russian Sinologists the basic typological features of the ancient type of word creation, widely used in the Far East, the Urals, Altai and the new Indian languages, were established. Using the general form of derivation in diverse languages enriches the knowledge about the development of human language and thinking, reflecting in particular reception of the concept expressions.

Key words: comparative research, coordinative compounds, typological examination, Russian sinologist, fundamental regularities, parallel structure, type of derivation

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 392–407
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 392–407
© Автор(ы) 2016

ИССЛЕДОВАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ В 1930-е – 1941 гг.

А.А. Сулейманов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения РАН, Якутск,
alexas1306@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается деятельность учреждений и сотрудников Академии наук СССР по исследованию арктических районов Советского Союза в период, начало которого связано с реорганизацией научного центра и его фактической «советизацией», а окончание – с перестройкой работы в соответствии с требованиями военного времени. В связи с этим показана история реализации важнейших академических инициатив: Кольской комплексной экспедиции, исследований в Северном крае, Якутской экспедиции Совета по изучению производительных сил и Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева, экспедиции на остров Врангеля 1938 г. и др. Определены ключевые факторы, оказавшие воздействие на масштабы и векторы академических изысканий в рассматриваемом регионе (выбранный руководством АН СССР под воздействием органов государственной власти стратегический вектор деятельности, связанный с обеспечением нужд экономико-хозяйственного развития страны; сложившаяся в Советском Союзе общественно-политическая ситуация, а также появление новых важных акторов – Главсевморпути и структур, аффилированных с НКВД СССР). Выявлены основные направления реализованных научно-исследовательских инициатив. Отмечены особенности выбранного периода в истории организации научного изучения Российской Арктики Академией наук (развитие стационарных исследований, активизация научно-консультационной деятельности, влияние репрессий на кадровый потенциал), а также его значение для пополнения багажа фундаментальных и прикладных знаний.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Кольский полуостров, Азиатский Север, Академия наук СССР, научные исследования, экспедиции

Сулейманов Александр Альбертович – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора арктических исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.
E-mail: alexas1306@gmail.com

Изучению арктического региона в отечественной Академии наук уделяли большое внимание фактически с первых лет существования этого исследовательского центра. Так, значительная часть Второй Камчатской (1732–1743 гг.) экспедиции, в организации которой активное участие приняла Академия, проходила на территориях и в акваториях, лежащих за Северным полярным кругом. Серьезное значение Арктике придавалось в изысканиях академика М.В. Ломоносова. Им, в частности, были разработаны научные основы мореплавания в северных морях, составлены инструкции по организации полярной экспедиции. Именно М.В. Ломоносов был одним из первых, кто обратил внимание на важность арктического вектора развития России¹.

XIX в. в истории Императорской Академии наук оказался отмечен исследованиями М.И. Адамса в дельте реки Лена 1806–1807 гг., изысканиями К.Э. Бэра на Новой Земле в 1837 г. и в Лапландии в 1840 г., изучением Таймыра А.Ф. Миддендорфом, экспедициями А.А. Бунге, Э.В. Толля и Е.И. Шилейко на Новосибирские острова 1885–1886 и 1892–1893 гг. Позднее Э.В. Толль возглавил одну из самых значительных научных инициатив своего времени – Русскую полярную экспедицию 1900–1902 гг., проходившую вдоль арктического побережья России от Мурмана на Баренцевом море до острова Беннетта в Восточно-Сибирском море².

К началу XX в. изучение Арктики заняло в деятельности Академии наук такое важное место, что в 1914 г. специально для координации исследований в регионе была учреждена Полярная комиссия, в первый состав которой вошли 7 академиков³.

Не прекращались исследования северных широт и обработка полученного материала ни в годы Первой мировой, ни в годы Гражданской войны. Более того, во многом именно благодаря этим событиям, показавшим серьезную зависимость экономики России от импорта природных ресурсов (в стране в крайне небольших масштабах добывались медь, свинец и цинк; предметами импорта были алюминий, все использовавшиеся в военной промышленности редкие металлы и даже бентонитовая глина для очистки нефтяных масел), академические исследования стали приобретать новую направленность.

В начале 1915 г. на заседании физико-математического отделения Императорской Академии наук академик В.И. Вернадский выступил с заявлением, подписанным, наряду с ним, академиками А.П. Карпинским, Б.Б. Голицыным, Н.С. Курнаковым и Н.И. Андрусовым, в котором призвал организовать при научном центре Постоянную комиссию для исследования естественных производительных сил Российской империи (КЕПС). Задачами этой комиссии должны были являться «учет естественных производительных сил России», «выяснение знаний о них» и «определение предстоящей необходимой научной работы». Значение данного направления в деятельности Академии ученые связывали с успешным ведением военных действий и послевоенным восстановлением, освобождением от экономической зависимости от западных стран, и прежде всего Германии, а также ростом отечественной промышленности, земледелия и торговли⁴. Предложения

¹ Ширина 2001, 14–34.

² Вехов 2011, 100; Черников 1938, 79–84; Ширина 2001, 107–137.

³ Красникова 2006.

⁴ Известия Императорской Академии наук: 1915. Птгр. №6. VI серия, 487–489.

академики получили развитие в записке В.И. Вернадского «Об изучении естественных производительных сил России». В ней ученый назвал изучение «производительных сил», т.е. полезных ископаемых, ресурсов живой природы (плодородие почвы, лесное хозяйство, рыбные богатства и др.) и естественных источников энергии первоочередной задачей Академии наук⁵.

После ряда организационных мероприятий в октябре того же 1915 г. состоялось первое расширенное заседание КЕПС, положившее начало деятельности этой уникальной научной структуры. Работу Комиссии, а также шести из десяти ее подкомиссий возглавил сам В.И. Вернадский⁶.

В 1917 г. в рамках КЕПС была организована Подкомиссия по вопросу об изучении и использовании естественных производительных сил Русского Севера⁷. При этом в отчете о деятельности КЕПС за тот же год природные богатства практически неосвоенных ранее северных территорий России назывались «важным источником будущего благосостояния» страны⁸.

Одной из первых инициатив, направленных на поиски месторождений полезных ископаемых на Европейском Севере России, стала Лапландская экспедиция сотрудника Геологического и Минералогического музея Академии наук П.В. Виттенбурга в 1918 г. В ходе этих изысканий была проведена геологическая съемка Кольского залива, обследован остров Кильдин, открыты залежи железной руды у мыса Мишукова⁹.

Весной же 1920 г., когда после окончания военной интервенции территорию современной Мурманской области, а в то время Кольский (Александровский) уезд Архангелогородской губернии, посетила специальная комиссия, в состав которой входили два выдающихся геолога – президент Академии наук А.П. Карпинский и директор Минералогического музея, академик А.Е. Ферсман, было положено начало планомерного изучения расположенного в пределах Кольского полуострова Хибинского горного массива. В августе того же года А.Е. Ферсман прибыл в Хибинские горы во главе первой академической экспедиции. В 1921 г. исследователи нашли здесь первые глыбы апатитовых руд, а в 1923 г. обнаружили апатитовые россыпи. В 1926 г. А.Н. Лабунцов открыл первое крупное коренное месторождение этого минерала. В 1927 г. при Академии наук (АН) СССР (название с 1925 г.) была создана специальная Комиссия для изучения производительных сил Кольского полуострова, которую возглавил А.Е. Ферсман, а с 1928 г. академические изыскания в регионе велись уже в рамках Кольской комплексной экспедиции. В августе 1929 г. специалисты пробурили первую разведочную скважину и добыли опытную партию апатит-нефелиновых руд. В результате всего через три месяца было принято правительственное постановление об организации первого на полуострове горно-промышленного треста «Апатит» и началось строительство города Хибиногорска (в 1934 г. переименован в Кировск)¹⁰.

⁵ Известия Императорской Академии наук: 1915. Птгр. №8. VI серия, 680–682.

⁶ Ширина, Максимова 2014, 31.

⁷ Данилейко 2013, 166.

⁸ Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России за 1917 год: 1918. Птгр., 12.

⁹ Виттенбург 2003, 46.

¹⁰ Ферсман 1932, 4–6.

Столь частое упоминание слова «первый» хорошо иллюстрирует процессы, происходившие тогда на Кольском полуострове. Именно в 1920-е гг. был дан тот импульс, который превратил этот регион в один из основных источников сырья для тяжелой промышленности Советского Союза.

Практически одновременно на другом «полюсе» Российской Арктики – в Якутии – развернулись работы крупнейшей для своего времени Якутской комплексной экспедиции АН СССР. Только в ее полевых исследованиях приняли участие 246 научных и научно-технических работников. В состав руководящих органов экспедиции, а также консультантов по различным отраслям знания, входили ведущие ученые страны. Для организации изысканий были привлечены 16 академиков, 9 членов-корреспондентов Академии наук, 30 профессоров вузов. В течение 1925–1930 гг. отряды этой экспедиции обследовали Алданский, Булунский, Верхоянский, Вилюйский, Колымский, Олекминский и Якутский округа. Ученые провели в поле 391 месяц и прошли свыше 130 тысяч километров.

Среди важнейших результатов работы Якутской комплексной экспедиции были этнографическое обследование коренных народов Якутии; дополнения или исправления существовавших карт республики и подготовка новой карты, изданной в 1934 г.; гидрологическое изучение большинства крупнейших рек (Анабар, Оленек, Яна, Индигирка, Колыма и др.) и определение их судоходного потенциала; исследование почв и составление почвенных карт основных сельскохозяйственных районов Якутии в целях интенсификации ее аграрного развития; оценка кормовых, рыбных и охотничьих угодий; разработка рекомендаций по освоению месторождений полезных ископаемых; геоморфологическая характеристика ряда районов, включая Алданский – один из важнейших источников золотодобычи в Советском Союзе того времени, и др.¹¹

Рассмотренные инициативы в Якутии и на Кольском полуострове были реализованы в то время, когда Академия наук сохраняла относительную свободу действий и достаточную независимость в принятии решений от новой власти. Однако в 30-е гг. XX в. Академия была фактически инкорпорирована в выстроенную тоталитарную систему и, хотя по-прежнему оставалась научным сообществом, имеющим свой Устав, членство и формальное самоуправление, на деле стала учреждением, полностью подконтрольным Совету народных комиссаров СССР; своего рода «министерством фундаментальной науки», как верно заметил В.Н. Кудрявцев¹².

Влияние произошедшей «советизации» на деятельность АН СССР достаточно подробно освещено в существующей научной литературе¹³. Ее авторы сходятся во мнении, что Академия получила значительную государственную поддержку, результатом которой явилось создание широкой сети академических институтов, региональных филиалов и баз, резкое увеличение численного состава, в целом улучшение материального положения и повышение престижа профессии ученого. При этом на первый план в академических исследованиях вышли проблемы, связанные с обеспечением задач экономического развития страны, и прежде всего с изучением и освоением природных ресурсов. В частности, решением экономико-

¹¹ Ермолаева 2001, 66–115.

¹² Кудрявцев 1990, 5.

¹³ Гранберг, Штульберг, Адамеску 2005; Козлов 2003; Колчинский 2003; Кольцов 1988.

хозяйственных проблем занимались крупнейшие экспедиции АН СССР 1930-х гг. на Южный Урал и Кавказ, в центральные районы европейской части Советского Союза и Киргизию¹⁴. В этом плане также показательны сохранившиеся в Архиве РАН данные: в 1937 г. в академических экспедициях работало 54 отряда, из которых 48 были горно-геологической направленности¹⁵.

Таким образом, ориентированность на обеспечение нужд экономико-хозяйственного развития страны, которая вызрела в недрах отечественной Академии наук и являлась одним из векторов ее экспедиционной деятельности в 1920-е гг., в рассматриваемый период, после произошедших организационных изменений и установления полного контроля властями, заинтересованными именно в такой постановке академических исследований, приобрела фактически тотальный размах.

Вместе с тем следует отметить, что последствия реорганизации АН СССР для исследований непосредственно в Российской Арктике к настоящему времени остаются «белым пятном» в исторической науке, равно как и влияние на деятельность Академии в этом регионе различных внешних факторов, включая приоритеты, отданные правительством страны при его освоении. Не рассматривалась также специфика проведения исследовательских работ Академии наук в северных районах Советского Союза в представленный период, их основные направления и полученные результаты. В данной статье предпринята попытка очертить основные контуры указанной проблематики.

Учитывая характер и содержание выявленного при подготовке данной работы источникового материала, представляется целесообразным изложить имеющиеся сведения в рамках двух условных частей, выделенных по географическому принципу. Первая часть будет посвящена истории научного изучения арктических районов европейской части СССР: Кольского полуострова и северных территорий бывшего Северного края, в который входили современные Республика Коми, Архангельская и Вологодская области; вторая – т.н. Азиатского Севера, включающего северные районы Сибири.

Названные выше успехи в изучении Кольского полуострова в 1920-е гг. дали возможность организовать здесь Хибинскую горную станцию – предтечу первого комплексного стационарного академического учреждения в Российской Арктике. Станция была открыта 19 июля 1930 г., а ее руководителем был назначен академик А.Е. Ферсман.

В том же 1930 г. А.Е. Ферсман обнаружил сульфидные медно-никелевые руды в Мончетундре, А.А. Григорьев нашел в Ловозерском районе крупные месторождения диатомита – горной породы, которая в свое время прославила и обогатила Альфреда Нобеля, использовавшего ее для производства динамита, а Н.Н. Гуткова открыла в Хибинах коренные месторождения нового минерала – ловчоррита (назван по горе Ловчорр на Кольском полуострове), применяемого впоследствии при получении стронция и церия.

Еще одним серьезным шагом на пути перехода от экспедиционного к стационарному изучению Кольского полуострова стало решение о создании в Хибиногорске Полярно-альпийского ботанического сада Академии наук в 1931 г.¹⁶ На его

¹⁴ Гранберг, Штульберг, Адамеску 2005, 18.

¹⁵ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 17.

¹⁶ Левшин 1988, 194–195.

опытных площадках стали проводиться эксперименты по приживанию в Заполярье растений различных климатических зон и улучшению местных сортов¹⁷.

Однако основная доля академических исследований на Кольском полуострове по-прежнему была посвящена работам, так или иначе связанным с добычей полезных ископаемых.

В 30-е гг. XX в. эти изыскания получили развитие «вширь»: наряду с Хибинским горным массивом, в недрах которого было выявлено почти 2/3 из известных на тот момент человечеству химических веществ, систематическими исследованиями оказались охвачены территории Волчьих, Ловозерских, Лосевых, Сальной и Федоровой тундр (слово «тундра» в названии по местной традиции свидетельствует, что этот район поднимается выше зоны леса), а также «вглубь» – важное место было отдано применению новых методов и постановке новых исследовательских задач: изучению вечной мерзлоты, тектоники и радиоактивных минералов.

Так, отряд О.А. Воробьевой (Петрографический институт АН СССР) осуществил петрографическое изучение ранее фактически не охваченной академическими изысканиями территории Волчьих тундр. Исследователи установили составляющие тундры горные породы, проследили их генезис, определили минеральный и химический состав, а также структурно-текстурные особенности. На основе полученных данных была воссоздана геологическая история исследованного района в эпоху последнего ледникового периода (110 тыс. лет назад – около 9600 г. до н.э.): площадь и мощность ледового покрова, направление движения оледенения и его стадии. Кроме того, специалисты установили входящие в ледниковые отложения породы и источники их происхождения. Одновременно были выявлены месторождения сульфидных (сернистых) и железных руд, диатомита, а также запасы строительных материалов (глина, песок, гравий, галечник). Ученые определили их химический состав и ориентировочные хозяйственные перспективы (возможность использования в производстве и предполагаемые издержки)¹⁸.

О.А. Воробьева участвовала также и в начатом в 1933 г. систематическом изучении полезных ископаемых Ловозерских тундр. Уже в 1934 г. она выделила зону, содержащую редкоземельный элемент лопарит. Тогда же В.И. Герасимовский (Институт геохимии, кристаллографии и минералогии им. М.В. Ломоносова АН СССР) открыл несколько месторождений новых минералов (стенострупин, усингит, эрицит и др.)¹⁹.

В результате работы геохимических отрядов под руководством Э.М. Бонштедт и Н.Н. Гутковой (Минералогический институт АН СССР) была определена приуроченность различных горных пород к определенным минералам (нефелина к апатиту, луайрита к лампрофиллиту и др.), что в дальнейшем облегчило поиски перспективных месторождений полезных ископаемых на Кольском полуострове²⁰.

Основным итогом работы Геолого-петрографического отряда Кольской комплексной экспедиции Н.И. Соустова и Ф.П. Харченко (Петрографический институт АН СССР), который в 1933 г. исследовал район, прилегающий к юго-восточ-

¹⁷ Ферсман 1932, 68–71.

¹⁸ Ферсман 1932, 48–51, 62–64.

¹⁹ АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 31; Губкин 1936, 35–39.

²⁰ Ферсман 1932, 27–37.

ной части Хибинских гор и Федоровой тундре, стало открытие месторождения сульфидных руд, содержащих медь и никель²¹.

В том же 1933 г. началось изучение радиоактивных минералов Хибинского горного массива сотрудниками Радиевого института АН СССР под руководством В.Г. Хлопина. Эти изыскания, помимо чисто прикладных результатов – обнаружения месторождений монацита и циркона, – позволили определить абсолютный возраст Хибинских тундр (380–400 млн. лет)²².

Более подробно остановиться на истории академических исследований 30-х гг. XX в., в результате которых на карте Кольского полуострова появлялись все новые и новые пункты, обозначавшие месторождения полезных ископаемых, не позволяют рамки данной работы. Можно лишь вкратце напомнить, что в рассматриваемый период сотрудники Академии наук СССР открыли залежи перовскита, титаномагнетита, нефелина, эвдиалита, ниобия и редкоземельных элементов, новые коренные выходы апатито-нефелиновой руды, месторождения диатомита и кианита, установили содержание селена в кольских рудах и др.²³

Параллельно, как уже было отмечено, велись изыскания по повышению эффективности разработки ранее найденных месторождений. Так, отряд Ф.Ю. Левинсон-Лессинга (Петрографический институт АН СССР) занимался изучением тектоники и распространения трещин в Хибинских горах. Учет этих факторов был необходим при сооружении штолен рудников и усилении их устойчивости. Сотрудники Геоморфологического института АН СССР во главе с А.А. Григорьевым и Г.Д. Рихтером вели работу по составлению карты Кольского полуострова в масштабе 1:500000, требуемой для оптимизации его хозяйственного освоения. Карта была издана в ноябре 1934 г. Всесоюзным картографическим трестом Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР и на тот период оказалась самой точной картой региона²⁴.

Аналогичную в целом направленность на определение путей оптимизации добычи природных ресурсов, изучение геоморфологических и топографических условий, а также развитие лесного и сельского хозяйства, охотничьих промыслов и оленеводства имели в 1930-е гг. исследования сотрудников Академии наук СССР в соседнем с Кольским полуостровом Северном крае. Непосредственные же поиски месторождений полезных ископаемых здесь вели главным образом структуры, аффилированные с НКВД СССР.

Следует напомнить, что именно в рассматриваемый период в экономике страны значительно возросла роль территорий, которые занимал Северный край. В одном только 1931 г. в их пределах были открыты месторождения и проявления пирита, меди, свинца, асбеста, цинка, гипса, флюорита, строительных материалов, сланцев, фосфоритов, серного колчедана и др.; не говоря о том, что в этот период в районе Воркуты были разведаны крупные месторождения угля и началась его промышленная добыча, а также о больших масштабах развития лесной промышленности (главным образом руками заключенных и спецпереселенцев – в

²¹ АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 29.

²² АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 32..

²³ Губкин 1932, 328–341; 1933, 289–299; 1934, 300–307; 1936, 23–75, 1937, 15–35; Ферсман 1932, 27–37.

²⁴ АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 26.

Северный край было выслано 46 тысяч «кулацких» семей), нуждавшейся, естественно, в соответствующем обеспечении ресурсами и инфраструктурой.

При этом вплоть до исследований ботанической экспедиции 1930–1932 гг. на Новой Земле, в Больше- и Малоземельской тундрах, посвященных выявлению и обследованию кормовой базы оленеводства, а также планированию устройства пастбищ²⁵, территория Северного края была практически не охвачена работами Академии наук.

В 1933 г. для расширения исследовательской деятельности в крае и оценки обширных данных, полученных в ходе разведочных и изыскательных работ различных организаций, прежде всего Ухта-Печорского треста, в Академии наук СССР под руководством А.И. Толмачева (Полярная комиссия АН СССР) была сформирована Печорская бригада.

В том же году члены бригады совершили рекогносцировочную поездку. С 22 июня по 25 августа 1933 г. они работали в Ухто-Печорском районе – основном ареале планируемого сосредоточения исследовательских усилий Академии наук. Здесь ученые ознакомились с условиями нефтедобычи в поселке Чибью (сейчас город Ухта), Воркутинским каменноугольным рудником и Щугорским каменноугольным месторождением, строительством лесозавода в поселке Усть-Кожва, работой Печорской сельскохозяйственной станции, замшевого и кирпичного заводов в Усть-Цильме. Кроме того, в ходе поездки исследователи получили сведения о ведущихся в Ухто-Печорском районе поисках источников нефти, развитии промыслового и оленеводческого хозяйств в Ненецком округе, сельского хозяйства и речного транспорта в Печорском бассейне.

Одновременно отряд под руководством П.С. Макеева произвел предварительное геоморфологическое изучение долины левого притока Печоры реки Ижма. Ученые исследовали геологическое строение окружающей местности, составили описание его рельефа, проанализировали происходящие эрозионные процессы²⁶.

По итогам этих исследований была организована Печорская комплексная экспедиция Совета по изучению производительных сил (СОПС, создан на основе КЕПС в 1930 г.) АН СССР, работавшая в Северном крае в течение 1934–1935 гг. под общим руководством А.П. Карпинского.

Деятельность Вайгачской бригады Печорской комплексной экспедиции (руководитель А.И. Толмачев) является наглядным примером, отражающим генеральную направленность академических изысканий в Северном крае в рассматриваемый период. Основной задачей участников бригады был анализ результатов освоения и определение перспектив хозяйственного развития острова Вайгач, а также близлежащего побережья Карского моря Вайгачской экспедицией ОГПУ. В частности, на месторождении полиметаллических руд в бухте Варнека исследователи изучили условия добычи свинца и цинка, оценили возможности его дальнейшей разработки и выделили два блока важнейших перспективных задач: горнотехнические, связанные с потребностью проведения срочных дополнительных разведок для выявления общей степени оруденения, определения нижней границы вечной мерзлоты и характера подземных вод, а также экономические, обусловленные необходимостью установить условия целесообразности использования

²⁵ Губкин 1932, 350–355; Самбук 1931, 51–52; Шишкин 1932, 132–136.

²⁶ Губкин 1934, 308–317.

полезных ископаемых острова Вайгач для экономики страны. Кроме того, в устье реки Андерма, где в 1932 г. были найдены крупные запасы флюорита (этот минерал, необходимый для сталелитейной и алюминиевой, а следовательно, и оборонной промышленности, был тогда для СССР предметом импорта), члены Вайгачской бригады оценили приблизительные запасы месторождения, а также дали рекомендации по новому способу его разработки – прежний, по их мнению, нарушал «возможность правильной организации горноэксплуатационных работ»²⁷.

Также академические исследования в Северном крае включали необходимые для его эффективной индустриализации картографические и мерзлотоведческие работы. Существенным вкладом в освоение региона было изучение земельных фондов, произведенные геоботаническая характеристика и топографическая съемка ряда районов²⁸. Основным же результатом организованных исследований стала разработка сотрудниками АН СССР плана экономического развития современной территории Республики Коми²⁹.

Таким образом, очевидно, что характерная для исследований Академии наук 1930-х гг. «ресурсоориентированность» в полной мере проявилась и при изучении северных районов европейской части страны.

К этому следует добавить, что рост масштабов деятельности АН СССР на Кольском полуострове и в Северном крае, общий курс на развитие сети академических учреждений (в начавшую формироваться в 30-е гг. XX в. территориальную сеть академических учреждений страны к 1934 г. уже входили Уральский и Закавказский филиалы, Дальневосточная, Казахская и Таджикская базы), а также заинтересованность властей в интенсификации исследований привели к появлению в Российской Арктике второй после экспедиционной работы основной формы организации изучения региона Академией – стационарной. В Хибинах и Архангельске были созданы соответственно Кольская (1934 г.) и Северная (1936 г.) базы Академии наук СССР.

В азиатских же районах Российской Арктики рассматриваемый период, напротив, характеризовался снижением академической активности. Если в 1925–1930 гг. в этом регионе, как было отмечено, проводилась крупнейшая Якутская комплексная экспедиция, в работе которой участвовало свыше двухсот исследователей, то ни в одной из выявленных академических инициатив, реализованных в 1930-е – 1941 гг., не принимало участие более 10 научных сотрудников.

Причинами данного факта видятся, во-первых, сосредоточение усилий Академии на более доступных в географическом и инфраструктурном отношении территориях, что позволяло значительно быстрее получить экономическую отдачу (так, к 1941 г. Европейский Север СССР стал источником критически необходимых в военное время никеля, угля, нефти, древесины и пороховой целлюлозы), а во-вторых, обширное присутствие на севере Сибири структур Главного управления Северного морского пути при СНК СССР (ГУСМП) и НКВД СССР. Эти структуры, опираясь на серьезную административную и финансовую поддержку со стороны государства, являлись в 1930-е гг. основными акторами освоения

²⁷ Шишов 1934, 33–38.

²⁸ Васильев 1936, 11–20; Губкин 1932, 350–359; 1933, 300–307; 1934, 308–317; 1936, 76–78; Шахов 1935, 27–34; Яновский 1932, 46–48.

²⁹ Советский Север 1935, 3–4, 113–118.

арктических районов азиатской части Советского Союза. В частности, только в Якутии учреждения ГУСМП организовали крупнейшую Лено-Хатангскую экспедицию (180 участников), Особую Индигирскую и Янскую комплексную экспедиции, осуществили исследования гидрографии Оленека, Хатанги, Анабара, Лены, Яны, Индигирки и Колымы, а также геологические работы по поиску месторождений угля, золота, олова, полиметаллов, нефти и др.³⁰ В одном 1933 г. трестом «Дальстрой» (де-юре вошел в систему НКВД СССР в 1938 г., однако все 30-е гг. XX в. его деятельность базировались на использовании труда узников ГУЛАГа), в рассматриваемый период фактически контролировавшем всю территорию современной Магаданской области, были организованы исследования 30 геологических партий, которые охватили съёмочными работами около 20 тыс. км³¹.

Очевидно, во многом по причине такой активности, а также в силу придания ряду территорий закрытого статуса так и остались «на бумаге», например, разработанные в СОПС АН СССР планы новых комплексных академических исследований Якутии на 1933–1937 гг., Колымской комплексной и физико-географической экспедиций³².

Значительная часть тех инициатив Академии наук СССР, которые все же удалось осуществить, так же, как и большинство региональных академических исследований 30-х гг. XX в., была направлена на решение экономико-хозяйственных вопросов. Существенный импульс при этом был придан инженерной геокриологии. В 1938–1941 гг. повышению устойчивости строительных сооружений, изучению в этой связи химических и физических свойств вечномёрзлых пород и их температурного режима были посвящены работы сотрудников первоначально Якутской экспедиции СОПС АН СССР (М.И. Сумгин), затем Якутской экспедиции Института мерзлотоведения (ИМЗ) АН СССР и Якутской научно-исследовательской мерзлотной станции ИМЗ АН СССР (П.И. Мельников)³³. Определением перспектив эксплуатации подмерзлотных вод населением и промышленными предприятиями республики были вызваны и гидрологические изыскания ученых³⁴. К началу 40-х гг. XX в. Якутия становится одним из полигонов по разработке положений и испытанию на практике разнообразных проблем прикладного мерзлотоведения. Именно геокриология оказалась тем ядром, вокруг которого происходил переход к стационарному исследованию республики АН СССР, и первым в Якутии постоянным академическим учреждением стала Якутская научно-исследовательская мерзлотная станция, созданная в 1941 г.

Одновременно академический центр организовал под руководством М.И. Рогалева ценные в практическом отношении иппологические изыскания. В результате них в годы, когда основной мощностью «двигателей» большинства хозяйств северных районов Сибири по-прежнему оставались в буквальном смысле лошадиные силы, исследователи впервые определили биологические особенности якутской породы лошади и заложили основы научной работы по коневодству в Якутии³⁵.

³⁰ Боякова 1995, 38–51.

³¹ Зеляк 2004, 30.

³² АРАН. Ф. 174. Оп. 106. Д. 9. Л. 5–7, 34–38.

³³ Каменский 1997, 13–20, 152–158; Сумгин, Мельников, Федосов 1941, 18–67.

³⁴ Каменский 1997, 24.

³⁵ АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 77. Л. 2–9.

Вместе с тем, в рассматриваемый период в азиатских районах Российской Арктики важную роль сохранили и другие направления академических изысканий, не связанные прямо с экономико-хозяйственными интересами страны.

Так, в ходе экспедиций к долганам 1930–1931 гг. и нганасанам 1936–1938 гг. А.А. Попов (Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР) изучил хозяйственный цикл, социальную структуру, религиозные взгляды и культуру этих этносов, ранее практически неизвестные научному миру³⁶. Работы Хатангской (А.Н. Смесов) и Нижне-Тунгусской (А.М. Рубин) экспедиций Полярной комиссии АН СССР 1932–1933 гг. позволили получить ботанические и зоологические сведения о северных районах современного Красноярского края, а также данные об их геоморфологическом и геологическом строении³⁷. Материалы о растительном покрове собирали и участники Нижне-Ленской экспедиции Ботанического института АН СССР Б.Н. Городков и Б.А. Тихомиров, которые работали в окрестностях реки Булун и бухты Тикси в 1935 г.³⁸ Классическим для отечественной Академии наук интересом к изучению останков представителей четвертичной флоры и фауны были вызваны изыскания В.С. Адрианова (Институт антропологии и этнографии АН СССР) на Ямале 1935–1936 гг., приведшие к открытию уникальной Усть-Полуйской археологической культуры³⁹, а также экспедиция на остров Врангеля 1938 г. (руководитель Р.Ф. Геккер), в результате которой ученые впервые в истории составили подробное описание его рельефа, провели исследования флоры и фауны, а также собрали пробы минеральных пород⁴⁰. Важный вклад в развитие общей геоэкологии внесли изыскания П.Ф. Швецова и В.П. Седова в долине реки Кыра на севере Якутии в 1939 г., где был исследован генезис одного из крупнейших наледных явлений в мире⁴¹.

Следует отметить, что широкое присутствие в Российской Арктике структур ГУМСП и НКВД (ГУЛАГ, Дальстрой, Норильскстрой и др.), помимо значительных ограничений для Академии наук, обусловило и активное развитие научно-консультационного направления ее деятельности, опиравшегося на многолетний опыт и квалификацию академических работников. По запросам соответствующих органов сотрудники АН СССР оказывали экспертно-методическую помощь в организации изучения криолитозоны на мерзлотных станциях НКВД СССР в Воркуте, Норильске и Дудинке, а также Горно-геологического управления (ГГУ) ГУСМП в Игарке, Якутске и Анадыре (до передачи последних в ведение Академии наук в 1938 г.); осуществляли специальные изыскания с целью выработки рекомендаций по оптимизации добычи полезных ископаемых, а также повышения устойчивости промышленных и жилищных конструкций на территориях хозяйственной деятельности Главсевморпути и Наркомата внутренних дел⁴². Эта академическая поддержка, являвшаяся особой формой деятельности Академии наук, способствовала накоплению эмпирического материала в структурах АН СССР

³⁶ Попов 1931 210–212; Попов 1937, 91–135; Попов 1940, 247–249.

³⁷ АРАН. Ф. 174. Оп. 16. Д. 9. Л. 161–162.

³⁸ Губкин 1937, 182–189.

³⁹ Губкин 1937, 103–107.

⁴⁰ АРАН. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–51.

⁴¹ АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 91. Л. 2–29.

⁴² АРАН. Ф. 268. Оп. 1. 5. Д. 86. Л. 74–90; Д. 87. Л. 180–193; Д. 88. Л. 2–31; Д. 113. Л. 1–15; Д. 129. Л. 2; Д. 185. Л. 2–6.

и развитию на его основе фундаментального знания об арктическом регионе, а также повышению практических навыков проведения исследований в северных широтах у молодых сотрудников. На мерзлотных станциях ГГУ ГУСМП первый опыт научного познания Арктики получили командированные КИВМ АН СССР П.Ф. Швецов и П.И. Мельников, которые вскоре после этого, в возрасте 29 лет и 31 года соответственно, возглавили уже самостоятельные академические изыскания на севере Сибири.

Еще одна особенность рассматриваемого периода заключается в трагической «разновекторности» судеб исследователей Арктики. С одной стороны, создается и активно пропагандируется культ героя-полярника, дошедшего до наших дней в эпитетах «папанинцы», «челюскинцы», «седовцы»; с другой – в маховике репрессий гибнет или на годы вырывается из науки целая плеяда талантливых ученых-арктиковедов.

В 1930 г. в рамках т.н. «Академического дела» были арестованы несколько организаторов и видных участников Якутской комплексной экспедиции 1925–1930 гг.: ученый секретарь П.В. Виттенбург, участники полевых исследований С.В. Бахрушин и А.А. Бялыницкий-Бируля, редактор издательства материалов экспедиции Я.Н. Ростовцев и др. (по мнению академика А.Г. Гранберга, именно репрессии стали одной из основных причин сокращения масштабов академических исследований в Якутии в 1930-е гг.⁴³).

Мог продолжить свою плодотворную работу и открыватель упомянутой ранее Усть-Полуйской археологической культуры В.С. Адрианов, который был расстрелян 19 декабря 1936 г. «как активный участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации»⁴⁴. Трагически оборвалась также деятельность крупного специалиста по тундровой флоре Ф.В. Самбука, по одним данным расстрелянного в ноябре 1937 г., по другим – погибшего в 1942 г. в одном из лагерей, располагавшихся на территории современной Республики Коми, изучению которой ученый посвятил значительную часть своей жизни⁴⁵.

В 1937 г. волна «Большого террора» накрыла первую полноценную стационарную академическую структуру в Российской Арктике – Кольскую базу АН СССР. Началась она с увольнения и ареста как «врага народа» заместителя председателя базы, фактически руководившего всей ее текущей деятельностью, И.Д. Чернобаева. Дальнейшая судьба этого талантливого организатора науки неизвестна. В 1938 г. «за развал работы» были уволены «лженаучный» и «малоквалифицированный» сотрудник (кандидат наук, открыватель целого ряда месторождений) А.Н. Лабунцов, от ареста которого спасло, по-видимому, только заступничество великого В.И. Вернадского, а также руководитель Зоогеографического отдела базы В.Ю. Фридолин (дальнейшая судьба ученого неизвестна)⁴⁶. Начальник еще одного отдела базы, экономического, Г.Н. Соловьянов был арестован⁴⁷. Та же

⁴³ Гранберг 2005, 1134.

⁴⁴ Решетов 2011, 43.

⁴⁵ Научный архив Коми НЦ УРО РАН. Комментарии к документам № 40–49 // ФГБУН Коми научный центр Уральского отделения РАН, <http://www.komisc.ru/ksc/archive/pub/war/koment5.htm>; Самбук Феодосий Викторович, http://www.uznal.org/book_of_memory.php?bukva=17&name=12&surname=127&repression=0

⁴⁶ Макарова 2008, 15–16.

⁴⁷ Тараканов 2011, 104.

участь постигла одного из ведущих геологов, открывателя апатитовых месторождений Б.М. Куплетского⁴⁸. Приведенные данные, когда в ходе «чистки» кадрового состава базы пострадало 3 из 5 начальников отдела и ее фактический руководитель, позволяют представить масштабы бедствия, постигнувшего эту академическую структуру.

Названные выше имена – лишь малая толика судеб репрессированных исследователей Арктики. Часть из них прошла лагеря, исправительные работы и сумела возвратиться в науку. Однако и в том, и другом случае ущерб для страны и научного познания Заполярья очевиден.

Период 1930–1941 гг. стал, таким образом, одной из наиболее трагических вех в 280-летней истории деятельности отечественной Академии наук в Российской Арктике. Вместе с тем, в это противоречивое для научного центра время были заложены основы стационарных исследований региона академическими структурами, расширена география изысканий, в целом укреплен авторитет Академии как необходимого элемента в изучении и освоении арктических территорий нашей страны. Генеральным вектором деятельности АН СССР при этом, безусловно, являлись исследования, связанные с обеспечением интересов экономико-хозяйственного развития Советского Союза. В рассмотренный период этот вектор получил развитие практически во всех уголках Российской Арктики: в большей степени в ее европейских районах и несколько в меньшей – в азиатской части, где в целом наблюдалось сокращение масштабов академического присутствия.

ЛИТЕРАТУРА

- Боякова, С.И. 1995: *Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932 – июнь 1941 г.)*. Новосибирск.
- Васильев, В.Н. 1936: Экспедиции Совета по изучению производительных сил в 1935 г. *Вестник АН СССР* 2, 11–20.
- Виттенбург, Е.П. 2003: *Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГа*. СПб.
- Гранберг, А.Г. 2005: О развитии производительных сил Якутии. К 80-летию Якутской комплексной экспедиции. *Вестник РАН* 12, 1132–1135.
- Гранберг, А.Г., Штульберг, Ю.М., Адамеску, А.А. и др. 2005: *Совет по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. 1915–2005*. М.
- Губкин, И.М. (ред.) 1932: *Экспедиции Всесоюзной Академии наук 1931 г.* Л.
- Губкин, И.М. (ред.) 1933: *Экспедиции Всесоюзной Академии наук СССР 1932 г.* Л.
- Губкин, И.М. (ред.) 1934: *Экспедиции Академии наук СССР 1933 г.* Л.
- Губкин, И.М. (ред.) 1936: *Экспедиции Академии наук СССР 1934 г.* М. – Л.
- Губкин, И.М. (ред.) 1937: *Экспедиции Академии наук СССР 1935 г.* М. – Л.
- Данилейко, В.А. 2013: Научные организации 1920–1930-х гг. и их роль в изучении Севера Сибири. *Вестник Томского государственного университета. История* 2, 166–169.
- Ермолаева, Ю.Н. 2001: *Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии*. Новосибирск.
- Зеляк, В.Г. 2004: *Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30-х – 50-х гг. XX в.* Магадан.
- Каменский, Р.М. (ред.) 1997: *Академическое мерзлотоведение в Якутии*. Якутск.
- Козлов, Б.И. 2003: *Академия наук СССР и индустриализация России. Очерк социальной истории. 1925–1963 гг.* М.

⁴⁸ Макарова 2008, 15.

Колчинский, Э.И. 2003: Переезд Академии наук и ее ленинградские учреждения в 1930-е годы. В кн.: Ж.И. Алферов (ред.), *Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII-XX веках. Исторические очерки* 457–481.

Кольцов, А.В. 1988: *Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, 1917–1961 гг.* Л.

Красникова, О.А. 2006: *Академия наук и исследования в Арктике: деятельность Полярной комиссии в 1914–1936 гг.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/ARCTICA.HTM>.

Кудрявцев, В.Н. 1990: Новый статус Академии. *Вестник АН СССР* 11, 5–9.

Макарова, Е.И. 2008: Забытые имена из истории Кольской базы АН СССР тридцатых годов. *Тундра* 6, 15–16.

Попов, А.А. 1931: Поездка к долганам. *Советская этнография* 3–4, 210–212.

Попов, А.А. 1937: Техника у долган. *СЭ* 1, 91–135.

Попов, А.А. 1940: Из отчета о командировке к нганасанам от Института этнографии Академии наук СССР. *СЭ* 3, 247–249.

Решетов, А.М. 2011: Советский археолог и этнограф Василий Степанович Адрианов: «жизнь, прерванная на взлете». *Музей* 8, 40–43.

Самбук, Ф.В. 1931: Отряды Северной геоботанической экспедиции. *Вестник АН СССР* 9, 51–52.

Сумгин, М.И., Мельников, П.И., Федосов, А.Е. и др. 1942: *Исследование вечной мерзлоты в Якутской республике* 1. Якутск.

Тараканов, М.А., Тоцкий Н.М., Соловьянов Г.Н. и др. 2011: Экономические исследования в Кольской базе и их возобновление в Кольском филиале АН СССР. *Вестник Кольского научного центра РАН* 3, 89–107.

Ферсман, А.Е. (ред.) 1932: *За Полярным кругом. Работы Академии наук на Кольском полуострове за годы Советской власти. 1920–1932 гг.* Л.

Шахов, А. 1935: Земледелие и кормовая база бассейна Печоры. *Советский Север* 2, 27–34.

Ширина, Д.А. 2001: *Россия: научное исследование Арктики. XVIII в. – 1917 г.* Новосибирск.

Ширина, Д.А., Максимова, Т.П. 2014: Академическая наука и советская власть. 1915–1918 годы (по материалам о производительных силах России). В сб.: М.В. Васильева (ред.), *Фундаментальные и прикладные научные исследования: вопросы филологии, истории, философии, политологии, экономики и медицины*. М., 28–39.

Шишкин, Б. 1932: Тундровая растительность Северного края. *Вестник АН СССР* 13, 132–136.

Шишов, А.Н. 1934: К итогам поездки Вайгачской бригады Академии Наук СССР. *Вестник АН СССР* 10, 33–38.

Яновский, В.К. 1932: Экспедиция на Печору для определения южной границы вечной мерзлоты. *Вестник АН СССР* 2, 46–48.

REFERENCES

Boyakova, S.I. 1995: *Glavsevmorput v osvoenii i razvitii Severa Yakutii (1932 – iyun 1941 g.)*. Novosibirsk.

Danileyko, V.A. 2013: Nauchnyie organizatsii 1920–1930-h gg. i ih rol v izuchenii Severa Sibiri. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* 2, 166–169.

Ermolaeva, Yu.N. 2001: *Yakutskaya kompleksnaya ekspeditsiya 1925–1930 gg. Razvitie nauki v Yakutii*. Novosibirsk.

- Fersman, A.E. (red.) 1932: *Za Polyarnym krugom. Raboty Akademii nauk na Kol'skom poluostrove za gody Sovetskoy vlasti. 1920–1932 gg.* Leningrad.
- Granberg, A.G. 2005: O razvitii proizvoditelnykh sil Yakutii. K 80-letiyu Yakutskoy kompleksnoy ekspeditsii. *Vestnik RAN* 12, 1132.
- Granberg, A.G., Shtulberg, Yu.M., Adamesku, A.A. i dr. 2005: *Sovet po izucheniyu proizvoditelnykh sil. Etapy stanovleniya i razvitiya. 1915–2005.* Moscow.
- Gubkin, I.M. (red.) 1932: *Ekspeditsii Vsesoyuznoy Akademii nauk 1931 g.* Leningrad.
- Gubkin, I.M. (red.) 1933: *Ekspeditsii Vsesoyuznoy Akademii nauk SSSR 1932 g.* Leningrad.
- Gubkin, I.M. (red.) 1934: *Ekspeditsii Akademii nauk SSSR 1933 g.* Leningrad.
- Gubkin, I.M. (red.) 1936: *Ekspeditsii Akademii nauk SSSR 1934 g.* Moscow-Leningrad.
- Gubkin, I.M. (red.) 1937: *Ekspeditsii Akademii nauk SSSR 1935 g.* Moscow-Leningrad.
- Kamenskiy, R.M. (red.) 1997: *Akademicheskoe merzlotovedenie v Yakutii.* Yakutsk.
- Kolchinskiy, E.I. 2003: Pereezd Akademii nauk i ee leningradskie uchrezhdeniya v 1930-e gody. In: Zh. Alferov (red.), *Akademicheskaya nauka v Sankt-Peterburge v XVIII–XX vekah. Istoricheskie ocherki.* Saint-Peterburg, 457–481.
- Koltsov, A.V. 1988: *Rol Akademii nauk v organizatsii regionalnykh nauchnykh tsentrov SSSR, 1917–1961 gg.* Leningrad.
- Kozlov, B.I. 2003: *Akademiya nauk SSSR i industrializatsiya Rossii. Ocherk sotsial'noy istorii. 1925–1963 gg.* Moscow.
- Krasnikova, O.A. 2006: *Akademiya nauk i issledovaniya v Arktike: deyatel'nost Polyarnoy komissii v 1914–1936 gg.*, <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/ARCTICA.HTM>.
- Kudryavtsev, V.N. 1990: Novyy status Akademii. *Vestnik AN SSSR* 11, 5–9.
- Makarova, E.I. 2008: Zabyitye imena iz istorii Kol'skoy bazyi AN SSSR tridtsatyykh godov. *Tietta* 6, 15–16.
- Popov, A.A. 1931: Poezdka k dolganam. *Sovetskaya etnografiya* 3–4, 210–212.
- Popov, A.A. 1937: Tehnika u dolgan. *Sovetskaya etnografiya* 1, 91–135.
- Popov, A.A. 1940: Iz otcheta o komandirovke k nganasanam ot Instituta etnografii Akademii nauk SSSR. *Sovetskaya etnografiya* 3, 247–249.
- Reshetov, A.M. 2011: Sovetskiy arheolog i etnograf Vasiliiy Stepanovich Adrianov: «zhizn, prervannaya na vzlete». *Muzye* 8, 40–43.
- Sambuk, F.V. 1931: Otryady Severnoy geobotanicheskoy ekspeditsii. *Vestnik AN SSSR* 9, 51–52.
- Shahov, A. 1935: Zemledelie i kormovaya baza basseyna Pechoryi. *Sovetskiy Sever* 2, 27–34.
- Shirina, D.A., Maksimova, T.P. 2014: Akademicheskaya nauka i sovetskaya vlast. 1915–1918 gody (po materialam o proizvoditelnykh silah Rossii). In: M.V. Vasileva (red.), *Fundamental'nyie i prikladnyie nauchnyie issledovaniya: voprosy filologii, istorii, filosofii, politologii, ekonomiki i meditsiny.* M., 28–39.
- Shirina, D.A. 2001: *Rossiya: nauchnoe issledovanie Arktiki. XVIII v. – 1917 g.* Novosibirsk.
- Shishkin, B. 1932: Tundrovaya rastitel'nost Severnogo kraya. *Vestnik AN SSSR* 13, 132–136.
- Shishov, A.N. 1934: K itogam poezdki Vaygachskoy brigadyi Akademii Nauk SSSR. *Vestnik AN SSSR* 10, 33–38.
- Sumgin, M.I., Melnikov, P.I., Fedosov, A.E. i dr. 1942: *Issledovanie vechnoy merzloty v Yakutskoy respublike I.* Yakutsk.
- Tarakanov, M.A., Tot'skiy, N.M., Solovyanov, G.N. 2011: Ekonomicheskie issledovaniya v Kol'skoy baze i ih vozobnovlenie v Kolskom filiale AN SSSR. *Vestnik Kolskogo nauchnogo tsentra RAN* 3, 89–107.
- Vasilev, V.N. 1936: Ekspeditsii Soveta po izucheniyu proizvoditelnykh sil v 1935 g. *Vestnik AN SSSR* 2, 11–20.
- Vittenburg, E.P. 2003: *Pavel Vittenburg: geolog, polyarnik, uznik GULAGa.* Saint-Petersburg.

Yanovskiy, V.K. 1932: Ekspeditsiya na Pechoru dlya opredeleniya yuzhnoy granitsyi vechnoy merzlotyi. *Vestnik AN SSSR* 2, 46–48.

Zelyak, V.G. 2004: *Pyat metallov Dal'stroya: istoriya gornodobyivayuschey promyshlennosti Severo-Vostoka v 30-h – 50-h gg. XX v.* Magadan.

RESEARCH OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE RUSSIAN ARCTIC IN 1930-s – 1941

Alexsandr A. Suleymanov

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russia,
alexas1306@gmail.com*

Abstract. The academic activity in the North regions of the Soviet Union in 1930s – 1941 is examined in the article. The beginning of this period is related to reorganization of the Academy of Sciences and it's factually «sovietization», the ending – to the restructuring of work in accordance with the requirements of wartime. The paper shows the meaning of implementation of the most important academic initiatives: The Kola complex expedition, expeditions on Pechora, the expedition to Wrangel Island in 1938, Yakutsk Expedition of the Council for the Study of Production Forces and the Obruchev Permafrost Institute in 1938–1940 and other. In this regard, the key factors that have had an impact on the scope and vectors research in the Russian Arctic were determined (strategic activity vector chosen by the governing body of the Academy under the influence of the government authorities and connected with the provision of the economic and business development of the country; the social and political situation existing in the Soviet Union, and occurrence of the new important actors – The Chief Directorate of the Northern Sea Route and structures that were affiliated with the People's Commissariat for Internal Affairs). The main directions of academic initiatives are shown in the article. Also the features of the selected period in the history of Academy of Sciences study of the region (development of stationary researches, activation of scientific and advisory work, the influence of repression on scientific potential) and its value for the development of fundamental and applied knowledge were noted.

Key words: Arctic, Yakutia, Kola Peninsula, Asian North, The Academy of Sciences of the USSR, researches, expeditions

ВАСИЛИЙ ВЯТКИН И САМАРКАНДСКАЯ СТАРИНА

Ф.Ш. Шамукарамова

*Институт Истории Академии Наук Республики Узбекистан, Ташкент,
shferuza@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье отражена жизнь и многогранная научная деятельность известного краеведа, историка, востоковеда и археолога Василия Лаврентьевича Вяткина, которая была связана с изучением и пропагандой истории и археологии Узбекистана. Это проявилось в его первых работах, посвященных исторической географии Ташкента и Самарканда. Через официальные письма в административные инстанции, статьи в периодической печати показаны его усилия в двух важных вопросах: 1) изучение и сохранение культурных памятников Самарканда, чему он посвятил большую часть своей жизни; 2) необходимость изучения исследователями местных языков для работы с рукописями. Его деятельность в археологическом изучении региона отразилась: 1) в исследовании городища Афрасиаб, результаты которого отразились в авторской монографии ученого; 2) в поиске, обнаружении и открытии в 1908–1909 гг. остатков обсерватории средневекового ученого Мирзо Улугбека в Самарканде, явившейся одним из величайших археологических открытий начала XX в., принесший мировую известность В.Л. Вяткину. Примечательно то, что знание ученым местных языков способствовало в высшей степени уважительному отношению местного населения Самарканда к нему, которое называло его “домла”.

Статья подготовлена на основе документов, извлеченных из личного фонда В.Л. Вяткина, хранящегося в Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан, его научных и публицистических работ, а также опубликованной научно-исторической литературы о нем. Статья обогащена цитатами из работ самого ученого по той или иной проблеме истории Узбекистана, а также воспоминаниями его учеников и последователей.

Ключевые слова: Василий Вяткин, Самарканд, медресе, Регистан, Туркестан, Средняя Азия, Императорская Археологическая Комиссия, обсерватория, Шердор, Мирзо Улугбек

Жизнь и многогранная научная деятельность одного из известных ученых – археолога, источниковеда, историка – Василия Лаврентьевича Вяткина непосредственно связана с изучением истории и археологии Узбекистана.

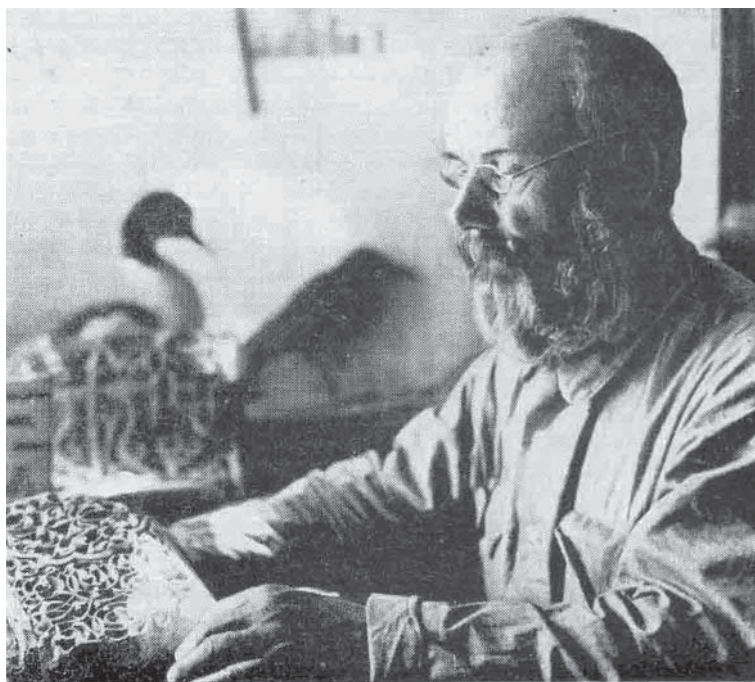
В разные годы XX в. ему были посвящены статьи в научных изданиях¹, имя его нередко упоминалось в работах по истории востоковедения и археологии², была даже защищена кандидатская диссертация³. Однако специального монографического исследования, раскрывающего многогранный научный и жизненный путь В.Л. Вяткина, до сих пор нет. Данная работа, в свою очередь, послужит дополнением к уже существующим исследованиям.

Шамукарамова Феруза Шакировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник-исследователь Института истории АН РУз. E-mail: shferuza@yandex.ru

¹ Бетгер 1960, 124–127; Шишкин 1963, 144–151 и др.

² Лунин 1958, 88–91.

³ Аббасов 1969, 47.

Василий Лаврентьевич Вяткин

В.Л. Вяткин родился 18 августа 1869 г. в городе Верном Семиреченской области в семье казака-переселенца. После окончания Ташкентской учительской семинарии в 1894 г. он некоторое время работал учителем в г. Оше, где и начал интенсивное изучение истории азиатских народов. Через некоторое время он перебрался в Самарканд, любовь к которому сохранил до конца своей жизни. Со временем имя В.Л. Вяткина стало неотъемлемой частью истории изучения Самарканда и его окрестностей, охраны и описания местных памятников старины, коллекционирования предметов древности и восточных рукописей. Интерес Василия Вяткина к краеведению способствовал тому, что он становится членом Самаркандского областного статистического комитета, основанного в 1877 г. Впоследствии при его активном участии 21 июля 1896 г. в Самарканде был открыт «Музей Самаркандского статистического комитета».

Формирование мировоззрения В.Л. Вяткина проходило главным образом под влиянием русской интеллигенции Туркестана, а также благодаря изучению им работ великих мыслителей Средней Азии⁴.

Искренне полюбив Туркестанский край, его богатую историю, народ, В.Л. Вяткин стал прилагать все усилия для развития здесь исторической науки и образования. Придавая огромное значение созданию общедоступных библиотек – одному из основополагающих факторов развития образования, он в 1902 г. в небольшой статье постарался ответить на жалобу читателей газеты «Русский Туркестан» на отсутствие в городе Самарканде общественной библиотеки: «... *В Самарканде оказалась необходимость в постройке музея... Военный губернатор*

⁴ Аббасов 1969, 4.

области, сочувствуя делу кружка народных чтений и давно назревшей потребности в общедоступной библиотеке, еще в начале прошлого года (1901 г. – Ф.Ш.) возбудил ходатайство перед генерал-губернатором о разрешении построить на городские средства здание для музея, вместе с тем просил разрешить постройку ... помещения для библиотеки с читальней и зала для народных чтений ... В настоящее время утверждение проекта и сметы близко к осуществлению и мы надеемся, что постройка здания откроется в предстоящий строительный сезон»⁵. Вероятнее всего, что В.Л. Вяткин приложил немало усилий в данном мероприятии.

В Самарканде свои исследования В.Л. Вяткин начал с изучения многочисленных вакфных документов, постепенно переходя на другие письменные источники. Здесь уместно привести следующее высказывание В.А. Шишкина: «Молодой Вяткин, не получивший специального историко-востоковедческого образования, без всякого научного руководства, через два года после приезда в Самарканд, начал публикацию серии научных работ, свидетельствующих о его глубоких и разносторонних знаниях»⁶.

Так, внимание научной общественности привлекли такие работы исследователя по краеведению, как «К исторической географии Ташкентского района»⁷ и «Материалы к исторической географии Самаркандского вилаята»⁸. Они были написаны с использованием большого количества вакфных документов, впервые вводившихся в научный оборот. В частности, В.В. Бартольд о статье В.Л. Вяткина по исторической географии Самаркандского вилаята писал: «Несмотря на свой сравнительно небольшой объем, статья В.Л. Вяткина по богатству заключающегося в ней нового материала вполне заслуживает названия капитального труда»⁹.

В.Л. Вяткин неоднократно утверждал, что знание и умение работать с письменными источниками является самой важной задачей и должны стать «точкой опоры русским исследователям» в изучении Средней Азии. Он резко негативно характеризует участвовавшие случаи скупки рукописей у частных лиц и их массового вывоза за границу. В частности, он писал:

«Лицу, ознакомленному до некоторой степени с местными языками и желающему заняться изучением прошлого нашей окраины в том или ином отношении, с первых же шагов встречается серьезное препятствие – отсутствие в целом крае сносного общественного собрания первоисточников и сырых материалов, над которыми прежде всего пришлось бы такому лицу поработать, т.е. восточных рукописей. Тот, кто способен, не устрашится приведенного препятствия, должен или ехать в Петербург и Западную Европу, где имеются библиотеки восточных сочинений...»¹⁰

В.Л. Вяткин с большим сожалением писал о вывозе редких и ценнейших рукописей за пределы региона: «Количество рукописей все уменьшается в Туркестане; рукописи энергично скупаются для иностранных библиотек и лиц; цена на них поднимается очень быстро, так как иностранцы вообще мало стесняются ценами...

⁵ Русский Туркестан 12.02.1902.

⁶ Шишкин 1963, 144–151.

⁷ Туркестанские ведомости 1900, № 101.

⁸ Вяткин 1902в, 1–63.

⁹ Бартольд 1965, 269.

¹⁰ Туркестанские ведомости 1902, № 92.

За практическим изучением выдвинется с течением времени изучение научное, всестороннее и глубокое, и тогда вопрос о собрании рукописей еще более обострится. Не только в странах ислама, истари отличающихся широко развитой грамотностью, но и повсюду письменные памятники, отражающие как внешний, так и внутренний быт народа, являются краеугольным камнем науки о прошлом, – часто единственным источником наших познаний о той или другой области исторической жизни народа. ... Необходимо спасти от расхищения иностранцами те письменные сокровища, которые еще сохранились в крае, и приобрести их для Ташкентской публичной библиотеки»¹¹.

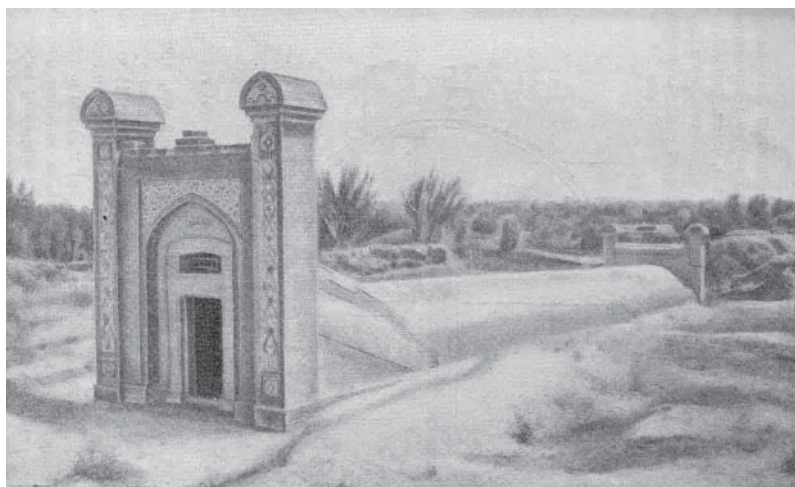

Рис. 1. Вход в обсерваторию

В.Л. Вяткин и сам собрал большую коллекцию восточных рукописей (273), которая после его смерти поступила в фонды Государственной публичной библиотеки¹².

К археологии его привело еще одно направление исторической науки – изучение исторической топографии. Этому способствовало и увлечение В.Л. Вяткиным древними архитектурными памятниками Самарканда, любовь к которым он сохранил до конца жизни. Исторические памятники одного из древнейших и красивых городов Центральной Азии – Самарканда – всегда привлекали и привлекают внимание тех, кто интересуется историей этого региона. В.Л. Вяткин сыграл огромную роль в изучении и сохранении памятников материальной культуры Самарканда.

18 апреля 1903 г. состоялось назначение В.Л. Вяткина смотрителем всех памятников Самарканда «как лица, изучающего историю Средней Азии по мусульманским источникам и, попутно, вопросы по истории памятников строительного искусства, а главное, как лица, знающего разговорный и письменный язык местных [народов]»¹³. В обязанности В.Л. Вяткина входили надзор за состоянием сооружений и организация ремонтных мероприятий.

¹¹ Туркестанские ведомости 1902, № 92.

¹² Чабров 1969, 72–73.

¹³ Шишкин 1963, 145.

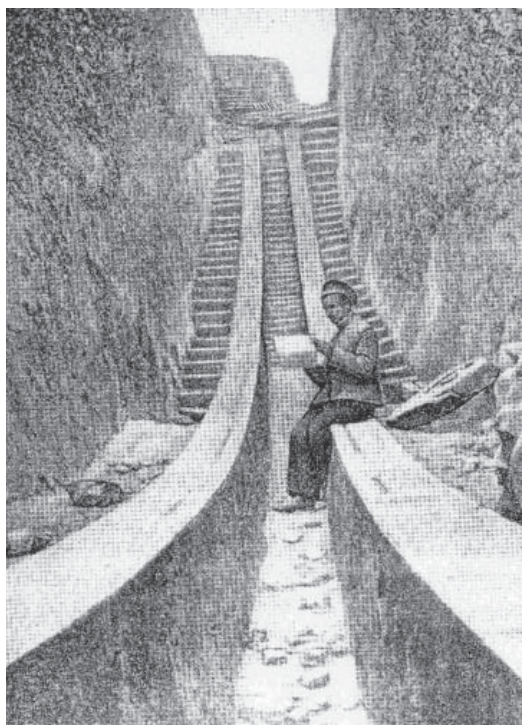

Рис. 2. 1908 обсерватория

Не теряя времени, он начал свою деятельность на данном поприще с докладной записки на имя Военного губернатора Самаркандской области¹⁴ о состоянии исторических памятников Самарканда, в которой поставил вопрос о необходимости обращения «с соответствующими ходатайствами единовременно к 1) правительству, 2) к Самаркандскому городскому хозяйственному управлению, 3) к Императорской Археологической Комиссии и 4) к частной благотворительности, испросив разрешение на открытие подписки для пополнения специального фонда на реставрацию и ремонт памятников древности в г. Самарканде между населением Туркестанского края и Бухарского ханства».

«Мне кажется, – писал В.Л. Вяткин, – что частная благотворительность при отзывчивости мусульман на дела, связанные с «савабом» (награда в будущей жизни), к числу каковых именно и относится поддержание их святынь – памятников древности при умелом распространении, через администрацию и почетных, уважаемых лиц, среди населения подписных листов с соответствующим воззванием, должна дать благоприятные результаты»¹⁵.

За год до этого, в 1902 г., в печати появилась статья В.Л. Вяткина, где автор сетовал на плачевное состояние самаркандских памятников и призывал официальные власти к ответственности за их сохранение. В ней, в частности, отмечалось: «... Мы ... не можем не признать, что забота о поддержании вели-

¹⁴ ЦГА РУз. Ф. Р-1591. Оп. 2. Д. 58. Л. 9.

¹⁵ ЦГА РУз. Ф. Р-1591. Оп. 2. Д. 58. Л. 9 об.

чественных памятников древности, ценных в культурно-историческом отношении, даже независимо от того, обладали они ранее вакуфною поземельной пода-тью, или нет, а единственно в силу значения их для науки, – должна лежать на правительстве»¹⁶.

Это говорит о том, что В.Л. Вяткин предусматривал все возможные пути изыскания денежных средств для сохранения памятников Самарканда.

Главное свое профессиональное предназначение В.Л. Вяткин видел в изучении архитектурных памятников города и заботе об их сохранности. Пребывая в должности смотрителя памятников Самарканда, Василий Лаврентьевич взял на учет и составил план расположения всех памятников Самарканда и его округа. Все свое время он посвящал тщательному изучению источников, в которых они упоминались. Этому способствовало знание восточных языков, изучение вакфных документов и постоянное общение с местным населением. Благодаря этим знаниям он по достоинству оценил культурное и историческое наследие Туркестана, в частности Самарканда.

«Такой чудный памятник прекрасного прошлого Средней Азии, как бывшая соборная мечеть Биби-ханым, самое обширное и грандиозное сооружение великого полководца Тимура, соответствовавшее подавляющему величию и мощи своего строителя, в создание которой вложены были искусство и талант лучших мастеров того времени. ... Однако это творение Тимура быстро подвигается к окончательному разрушению. ... На наш взгляд, заслуживают прежде всего реставрации и дальнейшего поддержания следующие важнейшие памятники древности в Самарканде: четыре медресе, три из которых окружают площадь Регистан с трех сторон: 1) Мирза-Улуг-бек, построенная самаркандским правителем, внуком Тимура, известным астрономом и историком, имя которого он носит, в 823 (1420) году; 2) Шир-дор и 3) Тилля-кари, ... и 4) еще одна, расположенная при мазаре Ходжа Ахрара, на окраине города, в садах, называемая мадрасою Надыр-диван-беги и построенная в 1040 (1630–1631) году. ... Мавзолей Тимура (Гур-и-Амир), построенная им незадолго до смерти, ... принадлежит к числу замечательных сооружений этого государя, строительная деятельность которого сосредоточена была главным образом в Самарканде»¹⁷.

В своей статье сильно переживая за состояние самаркандских памятников, требующих безотлагательной реставрации, Василий Лаврентьевич был вынужден с прискорбием констатировать: «Время идет; молчаливые свидетели старины, вызывающие в нас восторг и удивление, продолжают ветшать и разрушаться: увеличиваются щели, появляются новые трещины, отваливаются карнизы, обсыпаются изразцы, вываливаются кирпичи, утрачиваются архитектурные линии. Работа по поддержанию и реставрации из года в год становится труднее и сложнее»¹⁸.

Кражи отдельных фрагментов исторических памятников, которые впоследствии оказывались в музеях и частных коллекциях за рубежом, В.Л. Вяткин считал вандализмом. Так, в частности, в 80-х годах XIX в. французская супружеская чета Уйфальви, путешествующая по городам Туркестана с целью сбора пред-

¹⁶ Туркестанские ведомости 1902, № 85.

¹⁷ Туркестанские ведомости 1902, № 85.

¹⁸ Туркестанские ведомости 1902, № 85.

ставляющих историческую ценность предметов старины, будучи в Самарканде, наняла ничего еще не понимающего подростка для снятия со стен исторических памятников цветных изразцов с помощью топорика. После этого, изразцы были размещены в семи ящиках и увезены во Францию¹⁹. В качестве подтверждения приводим факсимиле рапорта В.Л. Вяткина Военному губернатору Самаркандской области от 21 апреля 1905 г.²⁰, где излагается случай очередного подобного вандализма – снятие ночью неизвестными лицами изразцовой надписи на входной двери усыпальницы Гур-Эмир в Самарканде.

Скопировано
нагд. паша/паша/паша
древности в г. Самарканде
21 апреля 1905 г.

Топорик Военному Губернатору
Самаркандской области

Репорт

Пеш-Умар.
Кл. немедленно
исполнения содержания
получившегося для
представления подлин-
ных и подлинных
изразцов.
За под. В.Л.
21/IV 1905

Сегодня при осмотре усыпальницы Гур-Эмир мною установлено, что изразцы надгробной входной двери в ночь отбиты на протяжении около сарая длиной и около трех метров шириной. Изразцы эти изображали надгробие, это надгробие зина Турали и т.д.

Оказавшись в усыпальнице помощник мой тапалов обложил, что ночью во вторник, когда он находился в усыпальнице с одним узбекином, около полуночи слышались звуки в боковую дверь, а затем голоса, призывавшие по узбекски, но с акцентом афганским или персидским, начался попытка выломать и похищения, чтобы в противной случае зарезать. В шель сибирки окна с одной стороны вна-тенкой двери заперты были цепью французской в германской, но отбивали изразцы другой стороны. Изразцы эти не только были выломаны, но и отбиты.

¹⁹ Алимова 2001, 376.

²⁰ ЦГА РУз. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 6218. Л. 1–106.

и брацкы унесек, а текыны сь откупныи дува
 ти и сноваш оспивекл била у порога двери. Она
 же ирабек найдек била в саду при цыпанскы
 цы, ближе кь прочку, ведущему кь городскому цыпицу.
 Цыпицкыи обз илюженкой, прещу распорь.
 Цыпицкыи Вашего Превооходительства обз цыпицкыи
 цыпицкыи цыпицкыи обходов в район Турк-Зири.
 Кроме того городское хозяйство и управление мо
 ги обзавесть содержанием иль дмь сада при цы
 панскыи садовник-помощник в садовничей самой цыпи
 цыи турк-Зири и его помощнику.

Композский' режиссер В.В.Вяткин.

Не менее грубым нарушением прав туркестанцев и культурным ханжеством он считал снятие изразцов со зданий ансамбля Шах-и-Зинда царской администрацией для хранения их в музее Штигица в Петербурге и с возмущением писал: «... Какое же чувство будет вызвано у мусульман надругание над их святыней, привлекающей ежедневно даже из отдаленных мест паломников? Вправе ли мы вызывать это чувство? Наконец, один увезет двери, другой – надгильный камень, третий – облицовку с купола зданий, четвертый пожелает перетащить гробницу Тамерлана и конец этому расхищению может наступить только тогда, когда тащить нечего будет. Мы надеемся, что не только содействия, но и разрешения не последует на такое постыдное для нас дело, как варварское калечение доставшегося нам от былых времен художественного наследия»²¹.

Будучи зрителем самаркандских памятников, он из года в год вел постоянную переписку с административными органами, обращаясь с просьбой о выделении денежных средств на ремонт и реставрацию того или иного исторического здания.

Не ограничиваясь обращением в административные органы и не дожидаясь ответа, В.Л. Вяткин искал помощи и среди местных предпринимателей и мастеров²².

Еще одно обращение В.Л. Вяткина касалось медресе Мирзо Улугбека, спасение и сохранение которого имеет длинную и многолетнюю историю, а начало свое, как выяснилось при изучении личного фонда Василия Вяткина, берет не в 1918 г., как отмечал в своей брошюре М.Е. Массон²³, а в 1916 г. Еще в январе 1916 г. В.Л.

²¹ ЦГА РУз. Ф. Р-1591. Оп. 2. Д. 58. Л. 6–6об.; Шишкин 1963, 147.

²² ЦГА РУз. Ф. Р-1591. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–1об.

²³ Массон 1968.

Вяткин, как смотритель Самаркандских памятников, написал рапорт Военному губернатору Самаркандской области по поводу ухудшения состояния здания медресе Улугбека в Самарканде²⁴. В рапорте он просил «назначить комиссию для освидетельствования минарета..., которая должна определить степень устойчивости минарета, возможность его фактического сохранения путем каких-либо приспособлений или необходимость снятия верха и до какой высоты».

Из содержания данного рапорта становится ясно, что еще в 1916 г. обнаружилась угроза падения северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека и уже тогда В.Л. Вяткин забил тревогу и начал прилагать усилия для сохранения исторического памятника, который в настоящее время составляет часть неповторимой целостной картины площади Регистан в Самарканде.

Благодаря исключительному знанию Василием Лаврентьевичем Самарканда ни одно историческое исследование по этому старинному городу, а иначе его называли «лик земли», никакие археологические раскопки, которые в большинстве организовывались по его же инициативе, не обходились без его непосредственного участия. Одним из основных объектов археологических раскопок ученого был Афрасиаб, в изучении которого он участвовал с 1904 г. под руководством В.В. Бартольда по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнологическом отношении. После отъезда В.В. Бартольда обратно в Петербург дальнейшие раскопки на Афрасиабе были в ведении В.Л. Вяткина. Результатом этих многолетних изысканий явилась работа «Афрасиаб – городище бывшего Самарканда»²⁵.

Однако наиболее значимым во всех отношениях достижением, принесшим В.Л. Вяткину мировую известность, стали поиск, находка и открытие обсерватории Мирзо Улугбека, явившейся одним из величайших археологических открытий начала XX в. Он тщательно собирал и анализировал сведения о месте нахождения обсерватории, о чем впоследствии писал: «Хотя обсерватория, построенная Мирза Улугбеком в окрестностях Самарканда, и упоминается у многих мусульманских писателей, а Мирза Бабур в своих известных мемуарах даже указывает приблизительное ее местоположение, но до последнего времени, несмотря на понятный интерес к этому историческому памятнику, не было точно известно, где именно было расположено это, судя по описаниям, грандиозное сооружение...»²⁶

В 1908 г. В.Л. Вяткин с помощью известного в свое время каллиграфа из квартала Заргарон – Абусаида²⁷ (В.Л. Вяткин в это время снимал у Абусаида квартиру. – Ф.Ш.) при разборе целой корзины с вакфными документами середины XVII в. обнаружил в одном из них слово «тал-и-расад» (обсерватория). Хотя еще с конца XIX в. рядом исследователей высказывались различные версии местонахождения обсерватории Мирзо Улугбека, но именно данная вакфная грамота, прочитанная Василием Лаврентьевичем, поставила окончательную точку в данном вопросе. Тщательно изучив документ, он определил точное место обсерватории, известное в настоящее время под названием Накш-и-джахан, возле арыка Оби-Рахмат.

²⁴ ЦГА РУз. Ф. Р-1591. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

²⁵ Вяткин 1927.

²⁶ Вяткин 1912, 76.

²⁷ Остонова 1994, 58–62.

Рис. 3. Остатки обсерватории Мирзо Улугбека

«Открытием местоположения обсерватории мы обязаны найденному мною вакуфному документу, написанному около 250 лет тому назад, в котором в числе описанных границ земельного участка указан холм обсерватории («тал-и-расад») и известные в настоящее время под теми же названиями арык Аби-Рахмат и местность Накш-и-джахан. Документ этот давал настолько точные и вполне определенные указания на место расположения обсерватории, что отыскать в натуре холм, упоминаемый в документе, трудности не представляло»²⁸, – писал В.Л. Вяткин в своем отчете о раскопках обсерватории Мирзо Улугбека, опубликованном в 1912 г.

После установления советской власти в Туркестане В.Л. Вяткин наряду с другими обязанностями продолжает работу по охране памятников Самарканда и избирается председателем Самкомстариса (Самаркандский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы), входившего в состав Туркомстариса (Комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы Туркестанской АССР). Все исследователи, приезжавшие в Самарканд с археологической, историко-архитектурной экспедицией или с какой-либо другой научной целью, в первую очередь обращались к Василию Лаврентьевичу Вяткину, так как он был ведущим специалистом по памятникам Самарканда.

Именно по его инициативе в 1918 г. была составлена комиссия, в состав которой вошли инженеры М.Ф. Мауэр и Б.Н. Кастальский, по оказанию «скорой помо-

²⁸ Вяткин 1912, 76.

щи» северо-восточному минарету медресе, построенного в 1417–1420 гг. Мирзо Улугбеком²⁹.

В Государственном архиве Республики Узбекистан в личном фонде В.Л. Вяткина³⁰ сохранилось множество документов, протоколов, писем, обращений, свидетельствующих о том, какие неимоверные практические и научные усилия были приложены для сохранения сегодняшнего облика площади Регистан в Самарканде в сложное для Узбекистана время. Как писал М.Е. Массон, «*члены комиссии отчетливо сознавали, что знаменитое медресе Улугбека является памятником большого научного и художественного значения, и что главный его фасад без одного углового минарета окажется недопустимо обезображенным*», так как и без этого в 1870 г. рухнул один из четырех минаретов медресе, чуть позже и второй. Почти каждое заседание комиссии, отдельные из которых проходили прямо на площади Регистан, сопровождались бурными спорами в вопросе скорейшего спасения и выпрямления минарета медресе. Работы велись в течение 1918 – 1932 гг. и были завершены успешно. Это был беспрецедентный случай в мировой истории реставрационной практики.

Наравне со служебными обязанностями и научно-исследовательской работой непосредственно в Самарканде В.Л. Вяткин по линии Средазкомстариса не раз был командирован в разные регионы Узбекистана для ведения археологических раскопок, обследования архитектурных памятников региона со всеми полномочиями, касающимися его деятельности³¹. Где бы он ни работал, всегда возвращался в родной для него Самарканд. Судя по одному архивному документу, В.Л. Вяткин большую часть служебной и научной работы предпочитал выполнять дома. В этой связи председателем Облгорисполкома было подписано удостоверение на выделение ему дополнительной жилплощади в размере 20 кв. аршин³². Этот неутомимый разносторонний ученый находился в постоянном научном поиске.

После упразднения предшественника Туркомстариса – Средазкомстариса – В.Л. Вяткин был также первым председателем Узкомстариса, находившегося в Самарканде.

Трудно переоценить роль В.Л. Вяткина в изучении и сохранении бесценных культурных памятников Самарканда. Не имея специального образования, он в высшей степени состоялся как талантливый исследователь, превосходный организатор, большой энтузиаст, бескорыстно увлеченный своим делом. За открытие в 1908–1909 гг. остатков обсерватории Мирзо Улугбека В.Л. Вяткин по праву был удостоен золотой медали имени акад. В.Р. Розена. Но, пожалуй, главным критерием признания его деятельности можно считать огромное уважение среди местного населения Самарканда.

По характеру В.Л. Вяткин был довольно своеобразным человеком. Так, М.Е. Массон в одной из своих работ приводит воспоминания Н.П. Остроумова: «... *«Бука» Вяткин ... упрямый, нелюдимый какой-то, большой индивидуалист. Не хочет, вот как другие, делиться с ним, Николаем Петровичем, услышанными от туземцев сказками, пословицами, загадками. Все для себя бережет. При всем том*

²⁹ Массон 1968, 4–5; Шамукарамова 2006, 16–23.

³⁰ ЦГА РУз. Ф. Р-1591.

³¹ ЦГА РУз. Ф. Р-1591. Оп. 2. Д. 7. Л. 1, 3, 4, 7, 8.

³² ЦГА РУз. Ф. Р-1591. Оп. 2. Д. 7. Л. 2.

застенчивый уж очень. Стесняется, что не умеет держаться в обществе. Но вообще многообещающий молодой человек»³³.

Понимая, насколько важно для глубокого изучения истории Узбекистана знать и уметь читать первоисточники, В.Л. Вяткин в то время писал: «Надо будет изучать язык и арабский шрифт, так как всегда мы будем прибегать к первоисточнику, как бы мы не освещали исторические факты... Для написания истории культуры, истории быта, истории общества и общественных элементов необходимо тем не менее изучать вообще историю Средней Азии. Историк должен оперировать вообще всем материалом, для этого он должен владеть языками»³⁴.

Эти высказывания ученого, впрочем, актуальны и в настоящее время.

При изучении описи личного фонда М.Е. Массона нам удалось обнаружить неопубликованные работы В.Л. Вяткина: 1) машинописный научный труд «К вопросам изучения узбеков в Средней Азии. XVI век» объемом в 150 листов; 2) перевод рукописи «Васики сиджият и утверждение продаж» объемом в 513 листов. Возможно, еще придет время и кому-нибудь удастся изучить и издать эти труды, так как, вероятно, мало кто из современных исследователей знает о них.

Помимо научных изысканий, В.Л. Вяткин вел и педагогическую деятельность, в частности, он был одним из первых профессоров-историков Самаркандского государственного университета, почетным членом ученых Советов Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте (ныне Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека) и Восточного института.

Академик Яхья Гулямов, вспоминая свои студенческие годы в Самарканде, писал: «Начались лекции В. Вяткина по курсу «История мусульманского Востока». Он читал лекции, шагая из одного конца аудитории в другой... Он не смотрел ни на конспекты, ни на студентов. Выбрав и смотря только на одну точку, он читал наизусть стихи на фарси, относящиеся к теме... На первой же лекции он в корне перевернул мои предыдущие взгляды, потому что перед его знаниями мои познания по истории показались ничтожными. Он изученные им письменные источники X века, в частности, произведения Мухаммада Жарир Табарий, Мухаммада Наршахий и живших позже Ибн ал-Асир, Жувайни и других, так характеризовал, что до сих пор прочитанные мною книги по истории показались ничтожными. Во время лекции мы прерывали его и задавали вопросы, он обязательно отвечал на них. Потому что в конце лекции он не оставлял времени для вопросов, и после звонка сразу выходил из аудитории. В. Вяткин из моих вопросов, кажется, понял, что я очень внимательно слушал его лекции, и однажды подждал меня в коридоре. Как только я приблизился к нему, он по-узбекски начал комментировать свой ответ на мой вопрос. Именно В. Вяткин впервые мне посоветовал внимательно изучать первоисточники. После очередной его лекции В. Вяткин повел меня в старую часть Самарканда. Завел в библиотеку на улице Регистана. Работавшие там сотрудники от молодых до людей в возрасте сразу стали тепло приветствовать его на узбекском языке, обращаясь к нему уважительно «домла» (учитель. – Ф.Ш.). Я тогда понял, насколько его уважает местная интеллигенция и в каких он с ними теплых отношениях. Учитель поставил

³³ Массон 1971, 10–11.

³⁴ Аббасов 1969, 17.

стул возле высокого шкафа и достал оттуда покрытую пылью книгу. Это был турецкий перевод «Тарихий Табарий» («История Табарий»). Он показал, какую главу мне следует прочитать в первую очередь. Хотя книга была на турецком, но заглавия глав были на фарси. Я и представить не мог насколько он хорошо владеет фарси и турецким. В тот же день В. Вяткин повел меня в свой кабинет на Регистане. Его кабинет был расположен в одной из худжр (келья – Ф.Ш.) медресе Тилла-кори. Его стол был заполнен папками и книгами, а возле них в папиросной коробке лежали старые монеты. На деревянных полках старинные в ряд стояли керамическая, стеклянная посуда, разнообразные фрагменты настенных росписей, фрагменты мраморных надписей, керамические статуэтки людей, лошадей и других животных. Потом я узнал, что В. Вяткин является председателем Комитета по охране старинных памятников. Он вежливо приняв, поговорив с посетителями, вернулся и увидев, как я заинтересованно разглядываю эти предметы, обратился ко мне со словами:

– Ну что, мулло Яхъя, что скажете по поводу этих находок, на что они похожи? – и громко рассмеялся.

– Предположительно, они найдены в результате археологических находок, но какая из них какого периода?... – спросил я.

– Весь вопрос в этом, это и есть археология, о которой я говорил, – ответил он, и, встав с места, обозначив несколько предметов керамической посуды, плитки с высеченными надписями, стал пояснять, какие относятся к периоду Саманидов, какие к периоду Караханидов, какие к XVI веку. Насколько я к ним тогда относился равнодушно, настолько он с теплотой и увлечением знакомил меня с находками»³⁵.

Приведенные воспоминания Я.Г. Гулямова свидетельствуют о том, как трепетно В.Л. Вяткин относился к каждой найденной старинной вещи и каким образом он внимательно и осторожно воспитывал в молодых одаренных студентах любовь к науке.

Наверное, очень трудно переоценить вклад Василия Лаврентьевича Вяткина в только зарождающуюся тогда археологию в регионе, популяризацию и развитие исторической науки Узбекистана, изучение и сохранение древних памятников, особенно Самарканда. Более 35 лет своей насыщенной и богатой открытиями жизни он отдал исторической науке Средней Азии, воспитанию молодого поколения ученых.

Василий Лаврентьевич Вяткин скончался 26 июня 1932 г. В знак признания его научных и практических заслуг он был похоронен на Регистане в Самарканде, но позже, 29 декабря 1934 г., его останки были перенесены и захоронены на территории открытой им самаркандской обсерватории Мирзо Улугбека. Согласно его воле, собранная им коллекция предметов старины (древние терракоты, фрагменты оссуариев, стеклянные изделия, образцы художественной керамики) была передана родному для В.Л. Вяткина Самаркандскому музею.

Научная и практическая деятельность В.Л. Вяткина в изучении и сохранении историко-культурных памятников Самарканда и ее результаты служили научной базой для более глубоких и разносторонних научных исследований учеными последующих поколений. Кроме того, благодаря его знаниям и умению воспитать

³⁵ Алиев, Хакимов, Хакимжонов 1998, 6–8.

вать молодое поколение ряд самых известных в научном мире ученых может считать В.Л. Вяткина своим первым учителем, пробудившим в них любовь к науке.

ЛИТЕРАТУРА

- Аббасов, А. 1969: *В.Л. Вяткин – историк-источниковед, историк-археолог Узбекистана: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Ташкент.
- Алиев, Б., Ҳақимов, Н., Ҳакимжонов, А.Ю. 1998: *Академик Яхё Фуломов*. Тошкент.
- Алимова, Д.А. (ред.) 2001: *Тарихи шохидлиги ва сабоқлари*. Тошкент.
- Бартольд, В.В. 1965: Рецензия на книгу: Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, 1902. *Сочинения. Т. III*. М., 268–373.
- Бетгер, Е.К. 1960: Список трудов Василия Лаврентьевича Вяткина. *Труды ТашГУ* 172, 124–127.
- Вяткин, В.Л. 1902: Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. В кн.: *Справочная книжка Самаркандской области VII*. 1–63.
- Вяткин, В.Л. 1912: *Отчет о раскопках обсерватории Мирза Улугбека в 1908 и 1909 годах*. СПб.
- Вяткин, В.Л. 1927: *Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Археологический очерк*. Ташкент.
- Лунин, Б.В. 1958: *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане*. Ташкент.
- Массон, М.Е. 1968: *Падающий минарет*. Ташкент.
- Массон, М.Е. 1971: *Рудник погибели. Фрунзе*. Кыргызстан.
- Остонова, Г.Ю. 1994: Вақф ҳужжатида Улугбек расадхонаси ҳақида маълумот. *ОНУ* 9–10, 58–62.
- Чабров, Г.Н. 1969: В.Л. Вяткин – книговед. *ОНУ* 11, 72–73.
- Шамукарамова, Ф.Ш. 2006: Из истории спасения минарета медресе Мирзо Улугбека. *Ўзбекистон тарихи* 1, 16–23.
- Шишкин, В.А. 1963: Василий Лаврентьевич Вяткин (К тридцатилетию со дня смерти). *ИМКУ* 4, 144–151.

REFERENCES

- Abbasov, A. 1969: *V.L. Vjatkin – istorik-istochnikoved, istorik-arheolog Uzbekistana: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. Tashkent.
- Aliiev, B., Ҳақимов, Н., Ҳакимжонов, А.Ю. 1998: *Akademik Jaxjo Fulomov*. Toshkent.
- Alimova, D.A. (red.) 2001: *Tarih shoxidligi va saboqlari*. Toshkent.
- Bartol'd, V.V. 1965: *Recenzija na knigu: Spravochnaja knizhka Samarkandskoj oblasti, vyp. VII, 1902. Sochinenija. T. III*. M., 268–373.
- Betger, E.K. 1960: Spisok trudov Vasilija Lavrent'evicha Vjatkina. *Trudy TashGU* 172, 124–127.
- Vjatkin, V.L. 1902: Materialy k istoricheskoy geografii Samarkandskogo vilaeta. In: *Spravochnaja knizhka Samarkandskoj oblasti VII*. 1–63.
- Vjatkin, V.L. 1912: *Otchet o raskopkah observatorii Mirza Ulugbeka v 1908 i 1909 godah*. Saint-Petersburg.
- Vjatkin, V.L. 1927: *Afrasiab – gorodishhe bylogo Samarkanda. Arheologicheskij ocherk*. Tashkent.
- Lunin, B.V. 1958: *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане*. Tashkent.
- Masson, M.E. 1968: *Padajushhij minaret*. Tashkent.

-
- Masson, M.E. 1971: *Rudnik pogibeli. Frunze*. Kyrgyzstan.
- Ostonova, G.Ju. 1994: Вақф ҳужжатида Улугбек расадхонаси ҳақида маълумот. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* 9–10, 58–62.
- Chabrov, G.N. 1969: V.L. Vyatkin – knigoved. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* 11, 72–73.
- Shamukaramova, F.Sh. 2006: Iz istorii spasenija minareta medrese Mirzo Ulugbeka. *Ўzbekiston tarihi* 1, 16–23.
- Shishkin, V.A. 1963: Vasilij Lavrent'evich Vyatkin (K tridcatiletiju so dnja smerti). *Istorija material'noj kul'tury Uzbekistana* 4, 144–151.

VASILIJ VYATKIN AND SAMARKAND ANTIQUITIES

Feruza Sh. Shamukaramova

Institute of history, Academy of sciences of Uzbekistan, Russia,
shferuza@yandex.ru

The life and multifaceted scientific activity of the known ethnographer, historian, orientalist and archaeologist Basil Lavrentyevich Vyatkin was connected with the study and promotion of the history and archeology of Uzbekistan is reflected in this article. This was manifested in his first papers on the historical geography of Tashkent and Samarkand. Through the official letters to the administrative court, articles in periodicals his efforts in two important areas are shown: 1) the study and preservation of cultural monuments of Samarkand which he devoted most of his life to; 2) the need for studying the local language by researchers to work with manuscripts. His activity was reflected in archaeological studying of the region 1) the study of ancient settlement of Afrasiyab, the results of which were reflected in the author's monograph of the scientist; 2) in the search, discovery and the opening in the 1908–1909 remains of the medieval Observatory scientist Mirzo Ulugbek in Samarkand, turned out to be one of the greatest archaeological discoveries of the beginning of the 20th century, and brought V.L. Vyatkin the world fame. The fact that the scientist's knowledge of local languages contributed to a highly respectful attitude of the local population of Samarkand who called him “Domla” is remarkable.

This article was prepared on the basis of the documents extracted from the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan, from the personal fund of V.L. Vyatkin, his scientific and journalistic work, from the published scientific and historical literature about him. The article is enriched with quotations from the works of the scientist on a given problem of the history of Uzbekistan, and also memories of his students and followers.

Key words: Vasiliy Vyatkin, Samarkand, madrassas, Registan, Turkestan, Central Asia, the Imperial Archaeological Commission, Observatory, Sherdor, Mirzo Ulugbek, Gur Amir

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	–	Античная древность и средние века. Свердловск. Екатеринбург
АМА	–	Античный мир и археология. Саратов
АСАНУ	–	Архив Сербской Академии наук и искусств. Белград
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград
БИ	–	Боспорские исследования. Симферополь–Керчь
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
ВЛ	–	Библиотека монастыря Великая Лавра св. Афанасия в Афоне
ВСПЭКВ- II	–	Б.Н. Аракелян, Г.А. Кошеленко, Г.А. Тиранян (ред.). Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. 16–20 мая 1984 г. Ереван, 1984.
ГАОО	–	Государственный архив Оренбургской области. Оренбург
ГАРК	–	Государственный архив Республики Крым. Симферополь
ДБ	–	Древности Боспора. Москва
ДП	–	Древнее право. Москва
ЗВОРАО	–	Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Санкт-Петербург
ЗООИД	–	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИГАИМК	–	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Москва
ИМКУз	–	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИРГО	–	Императорское Русское географическое общество
ИТУАК	–	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР). Москва
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
МАИЭТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
НА БАН	–	Научный архив Болгарской Академии наук. София
НА ЧГИГН	–	Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
НБКМ	–	Национальная библиотека Болгарии им. св. Кирилла и Мефодия. София
НИОР РГБ	–	Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Москва
ОННБ	–	Одесская национальная научная библиотека им. М. Горького
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
ПСЗРИ	–	Полное собрание законов Российской империи
РА	–	Российская археология. Москва
РОМК	–	Ростовский областной музей краеведения. Ростов-на-Дону
СА	–	Советская археология. Москва
САИ	–	Свод археологических источников. Москва
СГЭ	–	Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград
СЭ	–	Советская этнография. Москва
УБ	–	Библиотека им. С. Марковича Белградского университета
ХА	–	Хазарский альманах. Киев–Харьков
ХСб	–	Херсонесский сборник. Севастополь
АЕ	–	L'Année Épigraphique. Paris
AJA	–	American Journal of Archaeology. Boston
AJC	–	Meshorer, Y. Ancient Jewish Coinage. New York
AS	–	Anatolian Studies. Ankara
BMC	–	A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. London
BMCRE	–	Mattingly, H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. London
BMCRR	–	Grueber, H. A. Coins of the Roman Republic in the British Museum. London, 1910.
CIA	–	Corpus Inscriptionum Atticarum. Berlin

CIG	–	Corpus Inscriptionum Graecarum. Berlin
CIL	–	Corpus Inscriptionum Latinarum. Leipzig–Berlin
CIS	–	Corpus Inscriptionum Semiticarum. Paris
CNNM	–	Mazard, J. Corpus Nummorum Numidiae Mauretaniaeque. P., 1955.
Cohen	–	Cohen, M. Description historique des monnaies frappées sous l’empire Romain. P., 1880.
CRR	–	Sydenham, E. A. The coinage of the Roman Republic. L., 1952.
EE	–	Ephemeris Epigraphica. Corporis Inscriptionum Latinarum supplementum. Berlin
EIL	–	Exempla Inscriptionum Latinarum. Berlin
ESEL	–	Exempla scripturae epigraphicae Latinae. Berlin
IG	–	Inscriptiones Graecae. Berlin
IGB	–	Inscriptiones Graecae in Bulgaria Repertae. Serdicae
IGLS	–	Inscriptions grecques et latines de la Syrie. Paris
IGR	–	Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris
ILS	–	Inscriptiones Latinae Selectae. Berlin
Inscr. It.	–	Inscriptiones Italiae. Roma
JRS	–	Journal of Roman Studies. London
NAA	–	Dattari, G. Numi Augg. Alexandrini. Cairo, 1901.
NC	–	Numismatic Chronicle. Paris
OGIS	–	Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Leipzig
Pap. Oxy.	–	The Oxyrinchus Papyri. London
PLRE	–	Jones, A. H. M., Martindale, J. R., Morris, J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971.
RAM	–	Waddington, W. H. Recueil général des monnaies Grecques d’Asie Mineure. P., 1904.
RE	–	Pauly’s Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1920, 1924.
RIC	–	The Roman Imperial Coinage. London
RPC	–	Anandry, M., Burnett, A., Ripolles, P.P. Roman Provincial Coinage. Vol. I. London, 1992.
RRC	–	Crawford, M. Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974.
RSC	–	Seaby, H. A. Roman Silver Coins. L., 1979.
Sear GIC	–	Sear, D. R. Greek Imperial Coins and their values. L., 1982.
Sear RC	–	Sear, D. R. Roman Coins and their values. L., 2000.
Sellwood	–	Sellwood, D. An Introduction to the Coinage of Parthia. L., 1980.
SIG	–	Sylloge Inscriptionum Graecarum. Leipzig
SNG Britain	–	Sylloge Nummorum Graecorum. Great Britain. London
SNG Cop.	–	Sylloge Nummorum Graecorum. Danmark. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Copenhagen
SNG von Aulock	–	Sylloge Nummorum Graecorum. Deutschland. Sammlung von Aulock. Berlin–West Milford– New Jersey
TAPA	–	Transactions of the American Philological Association

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

<i>Давыдов С.А.</i> (Санкт-Петербург) – Деспотизм в практике управления хозяйственной системой Древнего Египта: мифы и реальность	5
---	---

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ. ЭЛЛИНИЗМ

<i>Лантева М.Ю.</i> (Тобольск) – Патриотизм, предательство и прагматизм в политической истории архаической Ионии	22
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Драхмы в законах Солона. I. Постановка проблемы и предварительный анализ ключевых свидетельств	30
<i>Попов А.А.</i> (Санкт-Петербург) – Описание Полибием войны между Антиохом III и Евтидемом I	56
<i>Обухов С.В.</i> (Москва) – Артагн-Геракл-Арес в античной Коммагене	67
<i>Шмелева Л.М.</i> (Казань) – Термины <i>caduceatores</i> , <i>legati</i> , <i>oratores</i> в труде Тита Ливия «История Рима от основания города»	85
<i>Бембай К.</i> (Нджамена) – К вопросу об образовании римских провинций в Африке....	94
<i>Брагова А.М.</i> (Нижний Новгород) – Понятие <i>amicitia</i> в сочинениях Цицерона	103
<i>Караваев А.Г.</i> (Москва) – Генеалогия потомства триумвира Марка Антония в памятниках эпиграфики и нумизматики	111
<i>Панов А.Р.</i> (Арзамас) – Август и парфянские заложники в Риме	136
<i>Соловьянов Н.И.</i> (Красноярск) – О культах воинов вспомогательных войск в римской Британии в I–III вв.	149
<i>Каргальцев А.В.</i> (Санкт-Петербург) – Гонения Деция и Церковь середины III в.: мученики и власти	153

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Ярцев С.В.</i> (Тула) – Римская стратегия в Северном Причерноморье в период правления императора Юлиана	166
<i>Винокуров Н.И.</i> (Москва), <i>Пономарев Л.Ю.</i> (Керчь) – Центральный участок Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.)	186

СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>Майоров Г.С.</i> (Санкт-Петербург) – Арабский поход 737(738) года и изменение политического статуса византийской Абхазии	233
<i>Полонский Д.Г.</i> (Москва) – Церковная политика и доктрина папы римского Льва I Великого в славянских источниках XII–XVII вв.	242

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Руденко И.В., Мицкевич И.В.* (Ростов-на-Дону) – Россия как часть нюрнбергских
счетных жетонов XVIII–XIX вв. 255

ИСТОРИЯ РОССИИ

- Прохоров Д.А.* (Симферополь) – Крымские татары в органах управления Тавриче-
ской области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) 278
- Гаврилов С.В.* (Челябинск) – Проблемы интеракции декабристских и масонских ор-
ганизаций в исследованиях В.И. Семева 296

ЭТНОЛОГИЯ

- Медведев В.В.* (Магнитогорск) – Божества и духи домашнего пространства в тради-
ционных воззрениях чувашей 309
- Атнагулов И.Р.* (Магнитогорск) – Этноязыковая характеристика нагайбаков в дина-
мике XX – начала XXI века 314
- Москвина В.А.* (Омск) – Топос города в заговорно-заклинательных текстах 324
- Рожкова Т.И.* (Магнитогорск) – Шведская тема в народных мемуарах XX века 332
- Шарафадина К.И.* (Санкт-Петербург) – Современное лингвоградоведение как диа-
гностика социокультурных приоритетов (на примере рекламных имен Санкт-
Петербурга) 342

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Абрамзон Т.Е.* (Магнитогорск) – Цицерон и Марк Антоний в поэтическом диалоге
Ф. Тютчева и В. Брюсова: спор о блаженстве 348
- Богатырёва Н.Д.* (Киров) – К вопросу о религиозно-философском контексте повести
Леонида Андреева «Иго войны» 355
- Чигинцева Т.А.* (Челябинск) – Заголовочно-финальный комплекс в книгах Д. Осоки-
на 362

ЛИНГВИСТИКА

- Залавина Т.Ю., Афанасьева О.Н., Шорохова Л.А.* (Магнитогорск) – Парамидологиче-
ский концепт «деньги» как форма ментальной репрезентации знаний о мире 372
- Ишегулова А.М.* (Уфа) – Концепт «кайгы» (горе) в башкирских народных песнях 379
- Пачаи И.* (Ньиредьхаза) – Использование достижений русских китаеведов в исследо-
вании китайско-венгерских параллелей 385

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- Сулейманов А.А.* (Якутск) – Исследования Академии наук СССР в российской Арти-
ке в 1930-е – 1941 гг. 392
- Шамукарамова Ф.Ш.* (Ташкент) – Василий Вяткин и Самаркандская старина 408

HISTORY

ANCIENT HISTORY AND ARCHAEOLOGY

THE ANCIENT ORIENT

- S.A. Davydov* (St. Petersburg) – Despotism in the Management Practices of Ancient Egypt's Economy: Myths and Reality 5

ANCIENT GREECE AND ROME. HELLENISM

- M.Yu. Lapteva* (Tobolsk) – The Patriotism and Treachery in the History of Archaic Ionia... 22
I.E. Surikov (Moscow) – Drachms in Solon's Laws. I. Statement of the Problem and Preliminary Analysis of the Key Evidence 30
A.A. Popov (St. Petersburg) – Polybius' Story About the War Between Antiochus III and Euthydemus I: Author's Targets in the Context of His Political Ideas..... 56
S.V. Obukhov (Moscow) – Artagn–Herakles–Ares in Ancient Commagene 67
L.M. Shmeleva (Kazan) – Terms Caduceatores, Legati, Oratores in "Ab Urbe Candita" by Titus Livius..... 85
K. Bembaye (N'djamena) – Considering the Formation of Roman Provinces in Africa..... 94
A.M. Bragova (Nizhny Novgorod) – The Concept Amicitia in Cicero's Writings..... 103
A. G. Karavaev (Moscow) – Genealogy of Descendants of the Triumvir Mark Antony: Epigraphic and Numismatic Evidences..... 111
A.R. Panov (Arzamas) – Augustus and the Parthian Hostages in Rome 136
N.I. Solov'yanov (Krasnoyarsk) – Cults of Warriors from the Auxiliary Troops in the Roman Britain in 1st – 3rd Centuries AD..... 149
A.V. Kargaltsev (St. Petersburg) – Decius' Persecutions and the Church in the Middle of the 3rd Century: Martyrs and Authorities 153

THE NORTH BLACK SEA REGION

- S.V. Yartsev* (Tula) – Roman Strategy in the Northern Black Sea Region During the Reign of Julian 166
N.I. Vinokurov (Moscow), *L.Y. Ponomarev* (Kerch) – Central Part of Saltovo-Mayaki Settlement on the Fortified Settlement of Artezian (Results of the 1989–2001 Excavations at the Site I) 186

THE MIDDLE AGES

- G.S. Mayorov* (St. Petersburg) – The Arab Campaign of 737(738) and the Changes in the Political Status of Byzantine Abkhazia 233
D.G. Polonskiy (Moscow) – Church Politics and Doctrine of Pope Leo the Great in Slavonic Sources of the 12th – 17th Centuries..... 242

NEW HISTORY

- I.V. Rudenko, I.V. Mitskevich* (Rostov-on-Don) – Rossica Style as a Part of Nuremberg Counting Tokens of 18th – 19th Centuries 255

RUSSIAN HISTORY

<i>D.A. Prokhorov</i> (Simferopol) – Crimean Tatars in the Public Administration of Taurida Region Followed by Annexation of the Crimea to Russia (1783–1787)	278
<i>S.V. Gavrilov</i> (Chelyabinsk) – The Problem of Interaction of Decembrist and Masonic Organizations in V.I. Semevsky's Research Work	296

ETHNOLOGY

<i>V.V. Medvedev</i> (Magnitogorsk) – Deities and Spirits of Home Space in the Traditional Views of the Chuvash People	309
<i>I.R. Atnagulov</i> (Magnitogorsk) – Ethno-Linguistic Characteristics of the Nagaybaks in the Dynamics of the 20 th – Beginning of the 21 st Century	314
<i>V.A. Moskvina</i> (Omsk) – The City Topos in Spell Texts	324
<i>T.I. Rozhkova</i> (Magnitogorsk) – Swedish Theme in People's Memoires of the 20 th Century	332
<i>K.I. Sharafadina</i> (St. Petersburg) – Modern Linguistic Urban Studies as a Diagnostics of Sociocultural Priorities (A Case Study of the Advertisement Names of Saint-Petersburg)	342

PHILOLOGY

LITERARY CRITICISM

<i>T.E. Abramzon</i> (Magnitogorsk) – Cicero and Mark Antony in a Poetic Dialogue Between F. Tyutchev and V. Brusov: The Debate About Bliss	348
<i>N.D. Bogatyreva</i> (Kirov) – On the Issue of the Religious-Philosophic Context of Leonid Andreyev's Story «The Yoke of the War»	355
<i>T.A. Chigintseva</i> (Chelyabinsk) – Header and the Final Complex in the Books by Denis Osokin	362

LINGUISTICS

<i>T.Yu. Zalavina, O.N. Afanacjeva, L.A. Shorokhova</i> (Magnitogorsk) – Paroemiological Concept «Money» as a Form of Mental Representation of Knowledge About the World	372
<i>A.M. Ishegulova</i> (Ufa) – The Concept of Кайғы (Grief) in Bashkir Folk Songs	379
<i>I. Pachai</i> (Nyiregyhaza) – Use of Russian Sinologists' Achievements in the Study of Chinese-Hungarian Parallels	385

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>A.A. Suleymanov</i> (Yakutsk) – Research of the USSR Academy of Sciences in the Russian Arctic in 1930-s –1941	392
<i>F.Sh. Shamukaramova</i> (Tashkent) – Vasiliy Vyatkin and Samarkand Antiquities	408

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л., шрифт Times New Roman, кегль 14.

К статье необходимо прилагать резюме **на русском и английском языках** (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не **менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**), а также **почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность!!!!**

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (начала на языке статьи, потом транслитерированный список – **References**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L. - New York.

Для литературных произведений:

Толстой, Л.Н. 1980-1982: *Полное собрание сочинений*. М.

Пушкин, А.С. 1960-1968: *Собр. соч.*: в 10 т. М.

Пушкин, А.С. 1978: *Избранное*: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106-108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18-26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97 – 145.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In: A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95*. Rome, 57-65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже). Сайт translit.net

Правила транслитерации

Русский язык

а	a	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	"		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	hr	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Примеры:

Для литературных произведений:

Tolstoy, L.N. 1980–1982: *Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow.

Для журнальных статей:

Anninskiy, A.P. 2008: Beseda o strannostyax. *Rodina* 2, 18–26.

Для книг/статей без авторов:

Sayko, E.V. (red.) 2001: *Gorod v protsessakh istoricheskikh perekhodov, teoreticheskie aspekty i sotsiokul'turnye kharakteristiki*. Moscow.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Grantovskiy, E.A. 1981: O nekotorykh materialakh po obshchestvennomu stroyu skifov. "Rodstvenniki" i "druz'ya. In: A. Litvinskiy (red.), *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e*. M., 59–79.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta*, <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшивками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956.

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Аббревиатуры для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2016

Сдано в набор 07.03.2016. Подписано в печать 15.03.2016. Дата выхода 31.03.2016.

Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9. Бумага
тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-58784 от 28 июля 2014 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования «Магнитогорский
государственный технический университет им. Г.И. Носова»

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514а.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.